Главное управление МВД России по городу Москве

Редакция газеты «Петровка, 38»

Три века Московской полиции

Москва, 2021 год

Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет,
Значит с ними нам вести незримый бой —
Так назначено судьбой для нас с тобой,
Служба — дни и ночи.

Анатолий ГОРОХОВ

Во главе полиции Первопрестольной

Перед вами, уважаемые читатели, уникальное издание, повествующее об истории московской полиции, в советский период переименованной в милицию, ныне вернувшей своё прежнее название.

Книга вышла в свет благодаря журналистам газеты «Петровка, 38». Они собрали необходимый материал и создали серию очерков, посвящённых не только жизни и деятельности глав полиции Москвы за триста минувших лет, но и резонансным событиям в ходе борьбы с преступностью. Немало страниц отведено рассказу о настоящих профессионалах своего дела — стражах правопорядка, о моменте истины, который так или иначе наступал в жизни и службе каждого.

Впервые собраны воедино свидетельства о деяниях людей, возглавлявших борьбу с преступностью и тем самым вошедших в историю. За три века существования московской полиции её руководители именовались по-разному — от московского обер-полицмейстера и начальника московской милиции до сегодняшнего начальника Главного управления МВД России по городу Москве. Суть же оставалась неизменной, это — высокая ответственность за жизнь людей и порядок в городе.

Истоки современных правоохранительных органов уходят в глубину веков: регулярный специальный орган, отделённый от административно-судебной системы, был создан в России в XVIII веке. Первым руководителем московской полиции стал полковник Максим Тимофеевич Греков, назначенный Петром I на эту должность в апреле 1722 года. Император лично составил Подробную инструкцию о работе московской полиции и прислал её московскому обер-полицмейстеру Грекову.

Главе полиции Первопрестольной вменялись в обязанности охрана общественного порядка и борьба с преступностью, надзор за благоустройством и санитарией, обеспечение пожарной безопасности.

Шли годы, сменялись начальники московского главка, но единым оставалось одно — личная ответственность человека, кому доверен столь высокий пост. Каждого начальника при всех его достоинствах и недостатках можно без преувеличения считать личностью, какими особенностями ни выделялось бы его служение. И о каждом складывалось своё суждение у москвичей, поскольку и заслуги, и ошибки того или иного главы городской полиции были всегда на виду. Но каков бы ни был вклад того или иного руководителя в создание безопасной жизни в Москве, знакомство со спецификой работы каждого позволит современным читателям правильно постичь историю охраны правопорядка, сделать обоснованные выводы, а профессионалам — объективно изучить, оценить и по возможности перенять накопленный предшественниками солидный опыт борьбы с преступностью.

Судя по архивным свидетельствам, большинство руководителей московской правоохранительной системы были людьми незаурядными, искренне желавшими принести пользу городу и Родине в целом. Кто-то благодаря чётким и грамотным действиям оставил о себе добрую память, о ком-то сохранились иные воспоминания. При всём при том нельзя не отметить: во все времена должность руководителя столичной полиции никогда не была синекурой, так как отвечать за порядок в огромном городе — обязанность не только почётная, но и непростая, требующая самоотдачи. О том и попытались рассказать читателю журналисты газеты в данной книге. Нашим современникам предоставлена возможность судить по справедливости о работе полиции, а также воздать уважение сотрудникам, занимавшим видное место в истории правоохранительных органов Отечества.

Начальник ГУ МВД России по городу Москве
генерал-лейтенант полиции
Олег БАРАНОВ

И каждый год как веха!

23 января (12 января по старому стилю) 1722 года указом Петра I была учреждена должность обер-полицмейстера в Москве. На основании этого исторического документа 17 августа 2017 года министр внутренних дел Российской Федерации подписал приказ № 650 «Об объявлении 23 января Днём образования московской полиции».

Известно, что Пётр Великий, переживший в юные годы восстание московских стрельцов, не очень любил Белокаменный град, всю свою привязанность он отдавал новой столице — Санкт-Петербургу, в которой уже к тому времени была учреждена должность полицмейстера. В мае 1718 года царь утвердил в этой должности своего любимца — Антона Мануиловича Девиера, прибывшего в Россию из Голландии.

Но, видимо, вспомнив высокий статус Москвы, император и в ней решил ввести такую службу. В Первопрестольной создание полиции началось, как мы уже знаем, в 1722 году с учреждения должности обер-полицмейстера, непосредственно подчинявшегося генерал-полицмейстеру. Первым московским обер-полицмейстером был назначен полковник, бригадир Максим Тимофеевич Греков, который в этой должности находился по 23 декабря 1728 года.

Любопытно, что в те же дни Пётр учредил Табель о рангах — таблицу, содержащую перечень соответствий между военными, гражданскими и придворными чинами, ранжированными по 14 классам. Согласно этому документу должность обер-полицмейстера Москвы соответствовала V классу Табели, очень высокому.

...Кроме того, вскоре было сформировано около десятка полицейских «команд», располагавшихся на «съезжих дворах». Этими командами руководили обер-офицеры, имевшие в подчинении солдат, унтер-офицеров и канцеляристов-подьячих.

Обычно царь-реформатор, предпринимая какой-нибудь важный шаг, писал к своему державному акту большую преамбулу, в которой разъяснял суть и важность своего нововведения. Но в данном случае разъяснение было им сочинено только примерно через полгода, когда

Сержант полиции во времена Петра I

Максим Тимофеевич Греков получил от царя подробную инструкцию. В этом циркуляре, содержавшем около полусотни пунктов, обер-полицмейстеру Москвы предписывалось руководить всей жизнью большого города. Практически он стал отвечать за все стороны жизнедеятельности огромного, многолюдного града, будь то соблюдение норм строительства зданий, пожарная безопасность, санитария, дороги, мосты, поддержание общественного порядка.

Впоследствии функции полиции постоянно расширялись. В конце петровского правления крайне актуальной стала проблема сыска беглых крестьян, работных людей и солдат. Череда войн и реформ сделала жизнь народа тяжёлой. Люди бежали из мануфактур, из армии, от своих помещиков.

Вот тогда на полицию возложили задачу выявлять беглых. Одним из методов борьбы стало введение паспортов. Нужно беспрепятственно ездить по стране — получай паспорт. Человека, не имеющего документа, задерживали и доставляли в полицию для выяснения личности. На допросах они все говорили, что звать «Иван», а родства «не помнят». Так в нашей истории родилось выражение «Иваны, родства не помнящие». После допросов здоровых отправляли в солдаты или на работу, инвалидов и стариков — в приюты и богадельни, беглых крепостных били батогами и возвращали хозяевам. Чтобы инициировать участие горожан в этой работе, было установлено вознаграждение — 2 рубля за каждого изловленного беглеца.

К сожалению, до нас не дошло, в какую точно форму были одеты первые московские полицейские. Но, учитывая то, что император любил унифицировать обмундирование, по всей видимости, первые столичные стражи порядка были одеты, как их коллеги в Северной столице. А те носили суконные кафтаны и короткие штаны синего цвета. Обшлага у кафтанов были красными, а камзолы — зелёными. Непременным атрибутом считался чёрный галстук, который завязывали бантом, и так называемый карпус — головной убор в виде невысокого цилиндра, чуть сужавшегося кверху.

Офицеры отличались от нижних чинов наличием золотого галуна по борту кафтана и камзола, белым галстуком и позолоченными пуговицами. Иногда вместо карпуса офицеры надевали шляпы, на которых красовались белые и красные перья, и повязывали шёлковые шарфы через плечо. На службу полицейские заступали, вооружившись шпагами, алебардами (длинные копья с топориками посередине) и фузеями (гладкоствольные ружья с кремневым замком) со штыками.

Создание полиции, как всегда бывает при рождении новой государственной структуры, шло непросто. Особенно трудно шло дело с финансированием. Полицейским регулярно задерживали жалованье, которое к тому же было меньше, чем, скажем, в армии и уж тем более в гвардии. Армейский капитан, например, в петровские времена получал 180 рублей в год, а его коллега из полиции — почти вдвое меньше. Увы, эта «традиция» до сих пор ещё не изжита.

Таким непростым было начало полицейской службы столицы России. Тем не менее вскоре правоохранительная система Москвы, как, впрочем, и всей России, получила новый толчок к развитию. Этому способствовали наследники Петра Великого на посту императора — Екатерина Великая, Павел, Александр I и другие руководители государства.

...Прошло 299 лет со дня рождения столичной полиции. За эти годы, как подчеркнул начальник ГУ МВД России по г. Москве генерал-лейтенант полиции Олег Анатольевич Баранов, «московская полиция прошла непростой путь своего становления и развития, претерпев множество реорганизаций и переименований. Для её сотрудников, чей опыт и профессионализм является поистине уникальным примером для каждого поколения сотрудников органов внутренних дел, главной целью всегда была и остаётся защита граждан от преступных посягательств».

Владимир ГАЛАЙКО,
иллюстрации из открытых источников

На гребне реформ Петра Великого возник обер-полицмейстер

Реформы Петра I делятся на три периода. Первый, заканчивающийся 1709 годом, — время приказного хозяйства и разрушения старого государственного порядка. Приобретённый Полтавской победой «военный и дипломатический престиж, — как пишет Василий Ключевский в своём «Курсе русской истории», — надобно было дорого оплачивать».

После полтавских торжеств Пётр начал трудиться «во управлении гражданских дел».

Второй период реформ, с 1710 по 1718 год, характеризуется кризисом как государственного хозяйства, так и государственных учреждений. Первоначальным делом Петра была военная реформа. Образование регулярной армии произвело разрушение основ поместного владения, когда дворянская служба стала не только наследственной, но и постоянной, и поместье должно было стать не только постоянным, но и наследственным владением, слиться с вотчиной. Этим положением был вызван указ о единонаследии (23 марта 1714 года).

Третий период реформ, с 1718 года, был посвящён систематической реорганизации государственного строя, едва успевшей закончиться к концу царствования Петра, а затем, в ближайшие годы после его смерти, претерпевшей существенные изменения.

Высшая полицейская власть принадлежала губернаторам, а в каждом уезде находились земские комиссары, наблюдавшие за добрым порядком.

Все три периода реформ Петра Великого неизменно вели к преобразованиям в полиции.

В 1722 году император учреждает должность обер-полицмейстера, которую с 1722 по 1728 год занимает Максим Тимофеевич Греков. Жил он на Тверском бульваре в специально отведённом для него доме.

Лично императором для Грекова была составлена подробная, хотя и несколько путаная инструкция, писать которые Пётр был большой любитель. Судите сами: как, например, надо было понимать такой оборот: «Обер-полицмейстеру надлежало быть в дипенденции генерал-полицмейстера»? А вот как инструкция определяла задачи обер-полицмейстера: «...воров, которые пойманы будут в его полиции слободах, кто б какого звания ни был, для скорого сыскания тех воровств и товарищей его разыскивать ему, обер-полицмейстеру, и следовать, как указы повелевают. Буде же те воры... будут оговаривать уездных людей, и для поимки таких посылать ему и в уезды... а ежели кто будет ему, обер-полицейскому, подавать челобитную о скорой поимке воров... и ему такие челобитные принимать, и по них посылки чинить и, поймав, отсылать в Надворный суд».

В инструкции, содержащей около пяти десятков пунктов, начальнику полиции предписывалось руководить всей жизнью большого города. Во-первых, строить нужно по улицам «линейно». Во-вторых, делать не заборы, а «тыны» из брёвен высотою до 4 аршин (почти 3 метра), чтобы воры не могли спокойно перелезть через такую громаду. В-третьих, делать широкими печные трубы и вовремя их чистить. В-четвёртых, всемерно бороться с «чёрными» избами, когда дым свободно выходит из окон и дверей. В-пятых, летом не готовить в стационарных печах, а пользоваться летними кухнями «от строения не во близости». Тем, кто из-за тесноты не имел возможности стряпать на участке, с мая по сентябрь разрешалось пользоваться печами только два дня в неделю. Полицейские, ходившие по улицам, следили, чтобы в каждом дворе стояли бочки с водой и веники.

Обязанностей у обер-полицмейстера Москвы было много. Кроме всех перечисленных, он и его приказы отвечали за свободный проезд по улицам, за надлежащее содержание берегов рек. Полиция должна была задерживать беглых крепостных, строго учитывать приезжих людей, задерживать и допрашивать, отправлять с делами в суд «всех гуляющих и слоняющихся по улицам людей», а тех из них, кто трудоспособен, определять на работу.

Соблюдение норм строительства зданий, пожарная безопасность, санитария, дороги, мосты, поддержание общественного порядка — всем должен был ведать обер-полицмейстер.

Кроме того, в его деятельность, оговорённую всё той же инструкцией, не мог вмешиваться никто из чиновников государственного уровня, включая сенаторов.

«Полиция, надзирая за всем тем, что на улицах, площадях и водах происходит, всякое случившееся

неустройство приводит в порядок кротким и тихим образом».

Жалованье чинам полиции выдавалось незначительное, часто с большими задержками. Тем не менее все полицейские служащие при поступлении на должность приносили присягу, в которой клялись «верным, добрым и послушным рабом» быть царю, царице и их наследникам, их права и прерогативы — «по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и в том живота своего в потребном случае не щадить».

После произнесения текста присяги чиновник целовал Евангелие и крест.

Как видно, непосредственная борьба с преступностью не являлась приоритетом для первых полицейских. Пётр I свято верил, что идеи прогресса и просвещения, поклонником которых он стал, побывав в Европе, скоро коснутся сердец его подданных и они перестанут красть и грабить! Такой вот идеализм-абсолютизм.

Михаил Тимофеевич Греков пребывал в должности обер-полицмейстера Москвы с 11 апреля 1722 по 23 декабря 1728 года. Шесть лет управления полицией Москвы были для него началом организации и становления ведомства, призванного не только обеспечивать безопасность москвичей, но и многогранную жизнь древнего города России. Известно лишь, что его дважды привлекали к следствию. Прочие детали биографии покрыты мраком времени. Даже портрет Грекова не сохранился.

Подготовил Эдуард ПОПОВ

«Следил за соблюдением законов...»

12 января 1722 года в Москве была учреждена должность оберполицмейстера. Выражаясь современной терминологией, данный руководящий пост являлся высшей полицейской должностью Москвы и соответствовал V классу Табели о рангах. Надо отметить, что она, эта ранжирная «карьерная лесенка», появилась всего через несколько дней после объявления о наличии «главной полицейской вакансии» в Первопрестольной.

Так вот, 24 января того же, 1722-го, года императорским указом была введена знаменитая «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был».

Как известно, обер-полицмейстер назначался императором из военных или гражданских чинов. Нельзя не подчеркнуть, что спектр полномочий обер-полицмейстера был весьма широк и разнообразен. Чиновник такой непростой специализации руководил деятельностью полицмейстеров, отвечал за спокойствие и порядок в «граде на семи холмах», возглавлял пожарную охрану, «надзирал» за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием Москвы, следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов.

Вскоре, 9 июля 1722 года, от императора Московский обер-полицмейстер получил подробную инструкцию, состоявшую из 48 статей. В соответствии с этим «высочайшим разъяснением», он, в целом, руководил охраной общественного спокойствия в городе, являлся руководителем Московской полицмейстерской канцелярии, а с 1782 года — Управы благочиния. В 1729—1731 и 1762—1764 годах глава Московской полиции именовался генерал-полицмейстером.

Между тем, продолжалась разработка документальной основы работы этой государственной структуры тех времён. 10 декабря 1722 года настал черёд издания Инструкции для Московской полицмейстерской канцелярии — этот документ включал в себя 46 пунктов. В указанной инструкции весьма подробно регламентировались различные стороны организации и деятельности полиции.

В апреле 1722 г. Пётр I распорядился разработать положение о продаже съестных припасов и внести его в инструкцию полицмейстеру.

Тогда же (в апреле 1722-го) получил назначение на должность Московского обер-полицмейстера полковник, бригадир Максим Тимофеевич Греков.

Начальник Тайной канцелярии граф Андрей Ушаков

Следует упомянуть, что в подчинении обер-полицмейстера находился достаточно большой полицейский аппарат. В слободах полицейские задачи выполняли старосты улиц и десятские, отвечавшие за каждые десять домов своей улицы. Ответственным за слободу являлся прикреплённый к ней офицер.

Спустя пять с лишним лет, 2 октября 1727 года, в соответствии с Указом императора Петра II Московская полиция претерпела организационное реформирование: она выводилась из подчинения Полицмейстерской канцелярии и передавалась в ведение генерал-губернатора города Москвы.

Сам по себе интересен и ещё один исторический факт. 6 апреля 1731 года в Российской империи создали Канцелярию Тайных розыскных дел (её ещё сокращённо называют Тайной канцелярией), получившую право расследования политических дел на всей территории России. Все лица, заявившие «слово и дело», отсылались именно туда — в зловещее могущественное учреждение «тайного розыска». Причём все центральные и местные органы должны были беспрекословно выполнять распоряжения начальника канцелярии Андрея Ивановича Ушакова (1672—1747). За «неисправность» он мог оштрафовать любое должностное лицо.

Генерал-аншеф граф Андрей Ушаков — сподвижник Петра I. Начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков, находившийся на этом хлопотной государственной работе с 1731 по 1746 год, стал кавалером императорских ордена Святого апостола Андрея Первозванного и ордена Святого Благоверного князя Александра Невского.

Канцелярия Тайных розыскных дел стала преемницей Преображенского приказа. В Канцелярию был передан его архив, местом пребывания назначен Преображенский генеральный двор. Однако, в отличие от Преображенского приказа, Канцелярия Тайных розыскных дел не была обременена другими функциями, а занималась только расследованием политических преступлений. Штат Канцелярии Тайных розыскных дел (и её конторы в Москве) значительно превышал штат Преображенского приказа. Канцелярия Тайных розыскных дел непосредственно подчинялась императрице (Анне Иоанновне, Елизавете I).

Роль Канцелярии Тайных розыскных дел в системе органов государственной власти России в середине XVIII века была очень велика. Она, увы, с неослабевающей жестокостью преследовала всех выражавших недовольство правительством. Изощрённые пытки, казни и беспощадность служителей канцелярии снискали этому органу страшную славу. Канцелярия Тайных розыскных дел и её контора в Москве были ликвидированы только в 1762 году.

Подготовил Александр ТАРАСОВ,
иллюстрация из открытых источников

Статский советник Поздняков

Среди московских обер-полицмейстеров встречались разные люди. Одни были яркими личностями, талантливыми администраторами, оставившими заметный след не только в истории Москвы, но и во всей России. Другие же промелькнули на столичном небосводе довольно быстро. К таким принадлежит статский советник Иван Давидович ПОЗДНЯКОВ, возглавлявший московскую полицию с 29 октября 1729 по 14 декабря 1731 года.

Иван Давидович начал «приказную службу» (современное толкование — государственную) в 1690 году, в Разрядном приказе. Надо сказать, что ему повезло — организация, в которой началась его карьера, была очень серьёзным учреждением. Разрядный приказ (он также назывался просто Разрядом или Большим Разрядом) в те давние годы был одним из двух, вместе с Поместным, самых главных учреждений России.

Разрядный приказ составлял как бы особое установление при высшем совете Русского царства — Царской думе. Важно также понимать, что в 1677 году было высочайше повелено: все без исключения распоряжения Разрядного приказа писать только указами, обычно это была прерогатива главы государства. Об уровне этой организации говорит тот факт, что в петровские времена её возглавлял Тихон Никитич Стрешнев — доверенное лицо императора и первый московский губернатор. Пётр, отправляясь в заграничное путешествие, вверил Тихону Никитичу вместе с князем Ромодановским управление страной.

До конца своего существования в 1711 году (утверждения Сената, взявшего на себя часть обязанность Разрядного приказа) эта организация собирала для Думы необходимую информацию, обнародовала распоряжения верховной власти.

Разрядный приказ делился на отделения, или столы, среди которых необходимо выделить Приказной, в котором делал карьеру Иван Давидович Поздняков. В Приказном столе была сосредоточена судебная деятельность в отношении служилых людей. Здесь же составляли и хранили списки опальных, ссыльных, тюремных сидельцев, ведалось состояние тюрем, выдача корма, тулупов для сидельцев; столу были подчинены тюремные сторожа. Важно знать, что Приказный стол исполнял и полицейские функции — через него осуществлялось опубликование указов о благочинии, поиск преступников по делам, производившимся в Разряде. В числе прочего в Приказный стол объезжими головами подавались «объезжие книги» — отчёты о полицейских дежурствах в разных районах Москвы. Видимо, это сыграло роль в дальнейшей карьере нашего героя.

Иван Давидович набирался опыта и успешно шагал по служебным ступеням. 17 марта 1711 года из старых подьячих Разрядного приказа был переведён на ту же должность в канцелярию Сената. 19 июля того же года уже был назначен ведать Приказным столом. 12 апреля 1712 произведен в дьяки, а 19 марта 1719 — в секретари. 19 февраля 1721 назначен обер-секретарём Сената.

Но тут у Позднякова случился сбой, он оказался жертвой вражды первых чиновников тогдашней России — известного дипломата, вице-канцлера, сенатора барона Петра Павловича Шафирова, с одной стороны, и князя генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова и обер-прокурора сената Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева — с другой. В этой борьбе проиграл Шафиров, которому среди прочего вменили в вину, что он незаконно протежировал своему брату члену Берг-коллегии Михаилу Павловичу Шафирову (Берг-коллегия ведала горным делом).

Для разбирательства был создан специальный Вышний суд, в состав которого вошли 10 человек: шесть высших военнослужащих, московский вице-губернатор и три сенатора. В ходе разбирательства выяснилось, что именно Поздняков виноват в том, что Михаил Павлович Шафиров получал вознаграждение, уже уволившись со службы, он выписал такой документ.

За причастность к оформлению противозаконного «приговора о жалованье М.П. Шафирову» Вышним судом 12 февраля 1723 Поздняков был приговорен к разжалованию в копиисты и штрафу в 300 рублей — огромной по тем временам сумме.

Прощение пришло не скоро — только 7 мая 1724 года Ивана Давидовича восстановили в чине, правда, двумя рангами ниже сенатского обер-секретаря. Ещё через год, 17 марта 1725 года, восстановили в чине обер-секретаря, но с запретом работать в Сенате. Позднякова назначили в Уложенную комиссию временного коллегиального органа, созданного для систематизации законов, вступивших в силу после принятия Соборного уложения 1649 года.

29 марта 1726 года в жизни нашего героя произошло важное событие — он был переведён, как

Литография Игнатия Щедровского «Дворник и полицейский»

сказали бы в наши дни, в аппарат, а тогда писали — «в канцелярию генерал-полицмейстера». Такая должность существовала только в Санкт-Петербурге — введена была указом Петра I от 27 мая (7 июня) 1718 года. И император лично участвовал в написании «Пунктов, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру».

Круг обязанностей этой организации был широк. Русской полиции вменялось в обязанность не только следить за порядком в Петербурге, полиция обладала полномочиями судебной инстанции и назначала наказания по уголовным делам. А ещё она надзирала за чистотой (кстати, эти обязанности за полицией сохранялись до самого её распада в феврале 1917 года). Служивые наказывали нерадивых, убирали мусор, мостили улицы... Стараниями правоохранителей были установлены первые фонари и скамейки для отдыха.

Генерал-полицмейстеру передавалась созданная ещё в 1715 году полицмейстерская канцелярия и армейский полк, все чины которого становились полицейскими служащими. Кроме того, для нас это имеет значение, генерал-полицмейстер осуществлял общероссийское руководство полицейскими отделениями крупных городов, включая Москву. Он подчинялся Правительствующему сенату и находился под постоянным контролем императора.

Должность генерал-полицмейстера с 1722 года относилась к 5-му классу табели о рангах, которому соответствовал чин Статского советника. Статский советник занимал промежуточное положение между чинами полковника и генерал-майора.

Столь важный пост император доверил своему любимцу графу Антону Мануиловичу Девиеру. Антон Мануилович еще в 1697 году (юнга голландского флота) был привезён Петром I в Россию, в которую он влюбился и которой, как и многие уроженцы Западной Европы, служил верой и правдой. Царь 3 (14) августа 1711 года пожаловал

Девиера и ещё одного своего любимца — Павла Ивановича Ягужинского (первого в русской истории генерал-прокурора, славившегося честностью и неподкупностью) специально учреждённым для них чином генерал-адъютанта. 21 мая 1725 года в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского. 8 февраля 1726 года Девиер стал сенатором. В октябре 1726 года возведён в графское достоинство.

Как мы помним, Иван Давидович Поздняков пострадал от конфликта между важными лицами государства, в частности, от князя Александра Даниловича Меншикова. Видимо, наш герой сделал правильные выводы из той истории, так как в результате ещё одной схватки между Меншиковым и своим начальником Девиером он уже оказался в выигрыше.

Антон Девиер был влюблён в старшую сестру Меншикова — Анну Даниловну. Князь же Девиера не мог терпеть, и, когда тот попросил руки его сестры (а Анна уже ждала первенца), сильно разозлился и избил Девиера. Тот пожаловался царю, и Пётр приказал Меншикову отдать сестру. Свадьба состоялась в июле 1712 года.

Казалось бы, она должна была примирить мужчин, но вражда между ними не потухла. В 1727 году, уже после смерти Петра, когда Девиер активно выступил против намерений Меншикова выдать свою дочь Марию за наследника престола Петра Алексеевича, князь воспылал ненавистью к своему зятю и приказал взять его под караул. Девиер был обвинён в различных тяжёлых преступлениях, лишён дворянства и титула, чинов, имений, бит кнутом и сослан в Сибирь.

Двенадцать лет провёл Девиер в Жигановском зимовье в 800 верстах от Якутска. Только 1 декабря 1741 года последовал указ императрицы Елизаветы Петровны об освобождении первого генерал-полицмейстера из ссылки «с отпущением вины». Выражаясь современным языком, это была полная реабилитация. Девиеру возвратили ордена, графский титул, поместье, его произвели в генерал-аншефы, а 17 декабря 1744 года был вновь назначен генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. Однако преклонный возраст и тяжелые испытания дали знать о себе многочисленными болезнями. 24 июня (5 июля) 1745 года Девиер скончался и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

...Но вернемся к нашему герою. Именно он в апреле 1727 года, после ареста и осуждения Антона Мануиловича, был назначен исполнять обязанности генерал-полицмейстера Северной столицы. На этой должности он показал себя неплохо, и, когда потребовалось вдохнуть «новую жизнь» в московскую полицию, — выбор пал на Ивана Давидовича. 29 октября 1729 года его назначили московским обер-полицмейстером. На этом посту он сменил первого начальника столичной полиции — Максима Тимофеевича Грекова, у которого были проблемы с законом: того дважды за шесть лет пребывания в должности «привлекали к следствию».

Иван Давидович поселился на Тверском бульваре в доме, специально отведённом для обер-полицмейстеров. Он, как и его предшественник, отвечал за спокойствие и порядок в городе, возглавлял пожарную охрану, «надзирал» за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием Москвы, следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов. Служба столичной полиции вообще тогда только выстраивалась по-настоящему.

В целях усиления надзора за населением создавался аппарат, подчинённый обер-полицмейстеру. В слободах избирались старосты, ведавшие отдельными улицами, и десятские, отвечавшие за каждые 10 домов своей улицы. Ответственным за слободу являлся прикреплённый к ней офицер. Предписывалось на концах улиц иметь подъёмные рогатки и у них караул из обывателей. Домовладельцы обязаны были доносить полиции о вновь прибывающих. Особое внимание обращалось на беглых крестьян, солдат и матросов. Пойманных в первый раз предполагалось «бить нещадно батожьем» и возвращать хозяевам. Пойманных вторично, «бив на площади кнутом, посылать на каторжную работу», а молодых — на Суконный двор и прочие мануфактуры.

Исполнительным органом обер-полицмейстера являлась московская полицмейстерская канцелярия. Кстати, как и другие его коллеги, Иван Давидович был независим от московского губернатора и подчинялся генерал-полицмейстеру, находящемуся в Санкт-Петербурге. По вопросам, требующим оперативного решения, он мог обращаться в московскую контору Сената.

Но пробыл Иван Поздняков в должности совсем недолго. Уже 14 декабря 1731 года его опыт, честность и деятельность были востребованы в Ревизион-конторе Сената, куда его назначили главным судьёй. Пост был высоким и ответственным. Ревизион-контора являлась центральным государственным учреждением Российской империи, осуществлявшим контрольно-счётные функции в отношении государственных финансов России. Если искать аналог в нашей современной жизни, то, видимо, её можно сравнить со Счётной палатой.

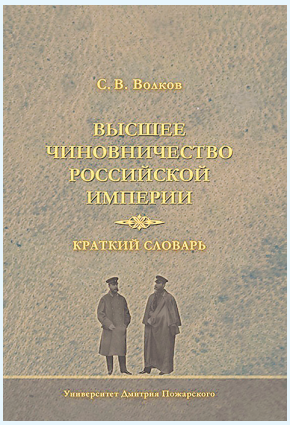
К сожалению, установить другие этапы жизненного пути статского сенатора Позднякова не удалось.

Владимир ГАЛАЙКО,
иллюстрация из открытых источников

И генерал-полицмейстер, и губернатор

После статского советника Ивана ПОЗДНЯКОВА третьим главным полицейским Москвы стал бригадир Степан ГРЕКОВ, которому довелось находиться на этой хлопотной государственной работе в течение довольно непродолжительного времени, а именно: 1 год 10 месяцев.

Степан Тимофеевич в буквальном смысле был человеком двух веков, поэтому он являлся очевидцем целого ряда исторических событий, вошедших в летопись царской России периода последней трети XVII — первых шести десятилетий XVIII веков.



Обложка книги Сергея Волкова

Степан Греков родился в 1670 году, на военной службе состоял с 1698-го. На этом — ратном — поприще карьера у представителя известной фамилии сложилась довольно успешной, и в отставку он вышел бригадиром. Данный военный чин в Русской армии — бригадирский — впервые был введён в России в 1705 году. А затем производство в указанный чин осуществлялось на протяжении около семи с половиной десятилетий: в 1722 — 1796 годах. Можно дополнить, что бригадир — это военный чин 5-го класса (выше полковника и ниже генерал-майора), соответствовавший чину статского советника на гражданской (статской) службе.

Именно она, гражданская служба, с 1728 года и стала стезёй отставного бригадира. Через несколько лет Степану Грекову определили обширное и в какой-то мере неожиданное поле деятельности — на полицейском поприще в Первопрестольной.

Следует сказать, что генерал-полицмейстер являлся руководителем столичной и российской полиции. Эта должность была введена указом Петра I от 27 мая (7 июня — по новому стилю) 1718 года и с 1722-го соответствовала 5-му классу Табели о рангах.

Надо упомянуть, что столицей Российской империи с 1721 по 1728 и с 1730 и в последующие годы был Санкт-Петербург (в 1914—1917 годах Петроград), а в 1728—1730 годах — Москва. Однако должность генерал-полицмейстера Москвы, с подчинением его Правительствующему сенату, существовала в 1731—1732 годах.

На сей пост был утверждён Степан Тимофеевич. Он генерал-полицмейстером Москвы являлся с 17 февраля 1731 по 22 декабря 1732 года. Как и предписывалось казённым регламентом, относившийся к высшему гражданскому чиновничеству империи Степан Греков старался ревностно выполнять свой широкий круг обязанностей. Основными из них считались следующие труды на пользу «подведомственному граду»: руководство деятельностью полицмейстеров и пожарной охраны; обеспечение спокойствия и порядка в городе; «надзирание» за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием Москвы; контроль за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, а также выполнением решений судебных органов.

В 1741 году Степан Тимофеевич попал в российское чиновничество высших четырёх классов, став действительным статским советником. По Табели о рангах — это гражданский чин 4-го класса, дававший право на потомственное дворянство. «Ваше превосходительство» — так титуловался действительный статский советник.

Ещё одно знаковое для судьбы Степана Грекова назначение состоялось в 1748 году, когда бывший генерал-полицмейстер Москвы стал казанским губернатором.

Согласно имеющимся документальным сведениям, назначенный 5 июня 1741 года губернатором Казани генерал-лейтенант Артемий Григорьевич Загряжский 11 апреля 1746-го «по некоторому делу был отрешен» от занимаемой должности, а выбор с новым «правителем» затянулся. Исходя из сложившейся ситуации, исполнение обязанностей губернатора возложили на казанского коменданта Блохина. Только лишь 22–23 февраля 1748 года из всех претендентов на пост губернатора был выбран действительный статский советник Степан Греков, который находился во главе Казани до 1755 года. Незадолго до этого Степану Тимофеевичу был пожалован гражданский чин тайного советника (соответствовал 3-му классу Табели о рангах).

Прошло всего-то несколько лет после завершения Степаном Тимофеевичем Грековым гражданского служения, и для него, тайного советника, окончились земные дела. Он ушёл в мир иной, скончавшись в 1758 году.

В книге Сергея Александровича Волкова «Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь» (Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2016 год) есть лаконичная (в несколько строк) биографическая справка о генерал-полицмейстере Москвы и казанском губернаторе Степане Тимофеевиче Грекове.

Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников

Драматические перипетии эпохи в судьбе обер-полицмейстера Оболдуева

Обер-полицмейстеры были очень значительными особами, почти как директор Департамента полиции. Трудно было выудить подробности их жизни, да и видеть их приходилось нечасто. Таковым был главный полицмейстер Белокаменной — полковник Никита Андреевич ОБОЛДУЕВ.

Родился Никита Оболдуев в 1688 году. Поступив на военную службу, он недолго оставался в строевых частях и вскоре был назначен в Саранск судьёй. 22 января 1722 года Никита Андреевич был произведён в майоры, а спустя восемь лет числился уже по списку военной коллегии полковником в отставке. В том же 1730 году, 26 октября, состоялось его назначение на должность воеводы в Пензенскую провинцию. Прослужив там два года, он в 1732 году был уволен, а в следующем году 11 января был назначен московским генерал-полицмейстером.

Известно, что жил он в особом, специально для него назначенном двухэтажном с мезонином доме на Тверском бульваре напротив Богословского переулка, о чём свидетельствовала надпись на доме: «Дом московского обер-полицмейстера».

Никита Оболдуев был человеком своего времени, в его сознании нашли отражение противоречия эпохи. Шесть лет управления полицией Москвы (с 11 января 1733 по 1739 год) пришлись на бурную десятилетнюю эпоху царствования императрицы Анны Иоанновны (1730—1740), племянницы Петра I.

Наводить порядок в городах императрица решила при помощи полиции, поэтому 285 лет назад, 4 марта 1733 года, царским повелением был издан указ «Об учреждении полиции в городах», который стал правовой основой строительства регулярных полицейских органов в масштабе всей страны.

Надо отметить, до 1733 года регулярная полиция существовала только в обеих столицах, а затем появилась

ещё в 23 городах Империи. Полицейские органы в периферийных городах получили название полицмейстерских контор и находились в подчинении Главной полицмейстерской канцелярии и возглавлявшего её генерал-лейтенанта Василия Фёдоровича Салтыкова, подведомственного непосредственно Кабинету министров. К слову сказать, его новая должность сразу стала настолько важной, что фаворит императрицы Бирон немедленно приблизил к себе руководителя полиции: генерал-полицмейстер мог заходить к нему по любому вопросу без доклада.

Своеобразным символом эпохи стала учреждённая в 1730 году Канцелярия тайных розыскных дел, сменившая уничтоженный при Петре II Преображенский приказ. Политический сыск возглавлял с 1731 года и до самой смерти (1747 г.) бывший министр петровской тайной полиции генерал Андрей Иванович Ушаков.

Некоторые результаты деятельности Тайной канцелярии имели особенный резонанс в обществе — это были расправы с вельможами: князьями Долгорукими и кабинет-министром Волынским. Князя Ивана Долгорукого, в прошлом — фаворита Петра II, колесовали в ноябре 1739 года; двум другим Долгоруким отрубили головы. Глава рода князь Алексей Григорьевич Долгорукий ранее умер в ссылке, в 1734 году.

Вот такой была сумрачная эпоха императрицы, но даже всемогущая «бироновщина» со всеми её строгостями была бессильна перед разбойничьими шайками.

Учреждённый в 1730 году в Москве для ведения «тайных, разбойных и убийственных дел» Сыскной приказ (он располагался у Кремлёвской стены на нынешнем Васильевском спуске) прославился тем, что его наиболее эффективным «сыскарём» стал знаменитый московский вор Ванька Каин. Новоявленный «доноситель и сыщик» ловил беглых преступников, скупщиков краденого, раскрывал воровские притоны — и под покровительством чиновников Сыскного приказа покрывал других злодеев, брал взятки, «чинил обиды и разорения» невинным людям, вёл распутную жизнь.

Активизация товарно-денежных отношений и, как следствие, рост капитала и состоятельных людей, с одной стороны, и растущая социальная дифференциация и рост неимущих слоёв на фоне неокрепшего полицейского аппарата — с другой, создавали благодатную почву для расцвета городской преступности.

Оцепенение москвичей вызвало и то, что в 1730—1740 годах правительство централизованно и очень жёстко следило за налоговыми поступлениями, применяя военно-полицейские меры вплоть до ареста помещиков, у которых имелись недоимки или же обнаруживалось расхищение собранных денег. Безусловно, обер-полицмейстер Оболдуев использовал свои «силовые полномочия» для поддержания городского бюджета.

Вызывает интерес и то, что полицейская служба должна была не только наблюдать за внешним порядком и «благочинием» в городе, но и следить за санитарным состоянием, заниматься благоустройством: осушением болотистых мест, мощением и озеленением улиц. Благодаря стараниям обер-полицмейстера Оболдуева в Москве были поставлены фонари для уличного освещения и скамейки для отдыха.

Чем московская полиция в ту пору только не занималась: брала с горожан штрафы за поломку «линейных берёз», клеймила хомуты извозчиков (в качестве регистрации официального промысла) и «с крайним прилежанием» ловила нищих и проституток, отчего, кстати, их меньше не становилось. Неблагодарную работу выполняли обычные армейские офицеры и солдаты. Да и тех не хватало: в 1736 году Кабинет министров обратил внимание, что в полицию зачисляют строевых солдат и офицеров, а в полках в условиях начавшейся войны с Турцией наметился «некомплект». Поэтому горожанам часто самим приходилось выходить «на дежурство» по охране порядка от воров и грабителей.

В задачи полиции входило также участие в борьбе с повальными болезнями, которые косили местное население. И в этом отношении московский полицеймейстер Оболдуев исправно выполнял свои обязанности: собирал данные, составлял отчёты и предоставлял их в вышестоящие инстанции для принятия экстренных мер. От них зависело предотвращение эпидемий, одной из причин которых считалась небрежность многих захоронений, за которые Синод получил выговор: «По несмотрению священников могилы копают мелкие и земли над ними не утаптывают, отчего тяжёлый дух чрез рыхлую землю проходит».

В функции стражей порядка входила и борьба с пожарами, которые были страшным бедствием. Главному полицмейстеру Москвы пришлось пережить Великий пожар, впоследствии названный Троицким, поскольку случился в день святой Троицы 29 мая (9 июня) 1737 года. Огнём был охвачен центр города, сгорел даже Кремль. Пострадали 11 монастырей, 102 церкви, более 2,5 тысяч дворов, 486 лавок. Об этом пожаре говорили, что Москва «от копеечной свечи сгорела» — по преданию, он начался от свечи, поставленной перед иконой...

Это драматическое событие, вероятно, требовало от Оболдуева особого искусства и изобретательности в организации наведения порядка в городе.

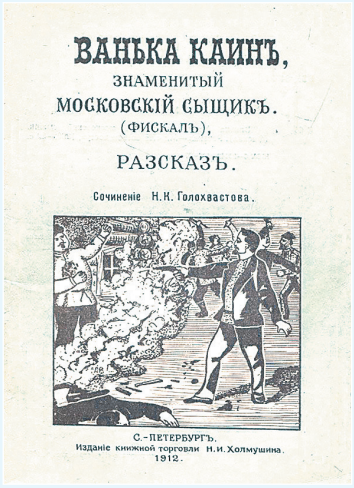
Невозможно составить исчерпывающую биографию Никиты Оболдуева. Нам лишь удалось показать, насколько в судьбе главного полицмейстера Москвы отразились драматические перипетии эпохи правления Анны Иоанновны и каким был его собственный вклад. Доподлинно известно, что Никиту Оболдуева привлекали к следствию. Он был уволен с должности московского генерал-полицмейстера и вскоре умер. Портрет полковника Оболдуева не сохранился.

Подготовила Айрин ДАШКОВА,
иллюстрация из открытых источников

Бесславные проводы

Сведений о московским обер-полицмейстере Иване Мартыновиче ГОЛОХВАСТОВЕ сохранилось весьма немного. Был он представителем дворянского рода выходцев из Литвы, поступивших на службу князю Дмитрию Донскому. Описать исторический портрет этого чиновника поможет сопоставление некоторых важных дат его биографии с вехами исторической хроники Москвы и государства Российского в целом.

Прежде всего обращает на себя внимание то важное обстоятельство, что Иван Голохвастов был статским советником. По действующей в ту пору Табели его чиновничий ранг был весьма невысок — всего лишь майор, либо подполковник, говоря современным языком. В то время как люди, назначавшиеся на эту должность впоследствии, были тайными или как минимум действительными статскими советниками, то есть стоящими выше на иерархической лестнице.


ВАНЬКА КАИНЪ,
ЗНАМЕНИТЫЙ
МОСКОВСКІЙ СЫЩИКЪ.
(ФИСКАЛЪ),
РАЗСКАЗЪ.
Сочиненіе Н.К. Голохвастова.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжной торговли Н.И. Холмушина.
1912.

О чём это говорит? Очевидно, ни восседавшая тогда на троне Елизавета Петровна, ни высшие сановники не придавали необходимого значения силам правопорядка. Кстати, настоящие полицейские силы тогда действовали только в двух городах: в столице — Санкт-Петербурге и в Москве.

Хотя и в этих городах качество их было не слишком высоким: жандармерии не существовало, а воины гарнизонных частей оказывались совершенно бесполезными, когда дело касалось преступлений против общественного уклада. Солдаты и сами нередко были зачинщиками беспорядков, ввязываясь в пьяные драки.

В должности главного полицейского Москвы Иван Мартынович служил 4 года — с 1749 по 1753 год. Людям, хорошо знакомым с московской историей, первым делом бросается в глаза год выхода Голохвастова в отставку. Надо полагать, дата эта возникла не случайно, не по причине какой-либо болезни Ивана Мартыновича, либо иной его персональной необходимости. Да, конечно, поводом послужил недуг, но недуг не физический — социальный. И связана отставка Ивана Голохвастова с известным персонажем московской, да пожалуй, что и российской истории — Ванькой Каином.

Кем был этот одиозный персонаж? Отвечая на данный вопрос, можно сформулировать коротко: Ванька Каин был, по сути, первым «вором в законе» в долгой последующей череде ему подобных. Уроженец Ярославской губернии Иван Осипов в молодости жил в Москве, воровал по мелкому, потом отправился на Волгу, где примкнул к понизовой вольнице и разбойничал в одной из шаек.

Затем Осипов вновь оказался в Москве, где в Сыскном приказе объявил, что является вором и знает других воров и разбойников не только в Москве, но и в других городах, и предложил помощь в их поимке. Предложение Ваньки Каина было принято, ему присвоили звание доносителя сыскного приказа, а в распоряжение дали военную команду. Ванька выдавал и ловил мелких воришек, но укрывал крупных воров; преследуя раскольников, вымогал у них деньги; открыл в своём купленном в московском Зарядье доме игорный дом; не останавливался и перед открытым грабежом. Большинство служащих Сыскного приказа, от членов приказа до мелких писцов, были у него на прикорме и помогали ему. Под покровительством Ваньки Каина число беглых, воров, мошенников, грабителей увеличивалось в Москве с каждым днём.

Скопление огромного числа людей, живших воровством, грабежом, а иногда и убийствами, как известно, в конце концов стало общественным бедствием. В Москве начались повсеместные пожары и погромы, наводившие ужас и на Петербург. В паническом страхе жители Москвы выбирались из домов, выезжали из города и ночевали в поле. В Москву был послан с войском генерал-майор Андрей Ушаков, под председательством которого была учреждена особая следственная комиссия. Она-то и раскрыла преступную активность Ваньки Каина. За время работы комиссии Ушаков, а впоследствии и его преемник Алексей Татищев убедились, что чуть ли не вся московская полиция была в сговоре с Ванькой Каином. Одним из промежуточных итогов деятельности особой комиссии и было отстранение от должности Ивана Голохвастова.

Командированные царицей чиновники докладывали в столицу, что Ванька Каин откровенно использовал полицейскую службу для устранения конкурентов в криминальном мире. Как сказали бы современные исследователи, подобное стало возможно, потому что местные чиновники, чьи полномочия совмещали законодательную, судебную и административную функции, при этом... не получали жалования. Естественно, они использовали должности как источники получения дохода.

Каких-либо прижизненных или посмертных портретов Ивана Мартыновича не сохранилось. Его вероятные изображения имеют настолько сомнительные источники происхождения, что не заслуживают внимания.

Артём КИРПИЧЁВ,
фото из открытых источников

Достойный продолжатель славных дел

Иван Дивов родился 24 ноября (5 декабря) 1706 года в дворянской семье с богатой родословной, в которой были люди именитые, в высоких чинах, на государевой службе состоявшие. Отец — Иван Титович Дивов, мать — Анна Ивановна (урождённая Толстая). Предок их, Гавриил, по сказаниям древних родословцев, выехал из Франции в Россию в 1408 году. Согласно легенде, происходил из французского рода, несколько поколений которого жили в Польше. «Французского герба славный и храбрый воин Гаврила Дивош» приехал в Москву и состоял в службе великого князя Московского Василия I Дмитриевича. История сохранила, что Дивовы отважно защищали Отечество: Агапий Фавстович, правнук Гавриила, убит при взятии Ревеля в 1576 году, а брат его, Волк, участвовал в обороне Михаилом Борисовичем Шеиным Смоленска от поляков (1607—1611). Семён Васильевич был воеводой в Томске (1623), а внук его Яков Иванович — воеводой в Вологде (1687). Род Дивовых внесён во II и VI части родословной книги Санкт-Петербургской, Тульской и Тверской губерний. В Ртищевской краевой энциклопедии отражена биография Ивана Ивановича Дивова.

20 июля 1722 года, как и установлено было у дворян, он поступил на службу в Невский пехотный полк ротным писарем. Командиры оценили не только каллиграфический почерк юноши, но и пытливый ум, аккуратность и усердие. Полк этот, как можно догадаться из названия, находился в Санкт-Петербурге и был сформирован 12 июля 1706 года из рекрутов и солдат регулярных полков. Император Пётр Великий повелел санкт-петербургскому обер-коменданту, генерал-майору Брюсу комплектовать в кадровом составе пехотный Куликова Невский полк.

Через четыре года безупречной службы Иван Дивов сделал первый шаг в своей будущей блестящей карьере — в 1726 году его взяли в походную канцелярию генерала Бона генеральным писарем. Герман Иванович до принятия в российское подданство (Херман Йенсен Бон) был подданным королевства Дании. Ему было присвоено российское дворянство. И он сделал успешную карьеру в России. Стал генерал-аншефом, позднее четвёртым главой Рижской губернии, кавалером ордена Святого Александра Невского. Иван Иванович Дивов, находясь при Боне, в 1728 году был произведён в секретари ранга поручика.

В 1731 году в биографии Ивана Дивова происходит поистине судьбоносное событие: он поступает в штат фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкого. И отныне под его крылом продолжает успешную карьеру. В 1734 году он получил чин обер-аудитора, а 5 февраля 1735 года — чин генерал-аудитора-лейтенанта. 25 апреля 1740 года И.И. Дивов был пожалован в советники счётной экспедиции Военной коллегии.

Следует отметить, что Военная коллегия — высший орган военного управления в Российской империи в течение XVIII века, учреждена была Петром I по его указу. Было объявлено об устройстве в 1719 году по примеру иностранных держав для управления военно-сухопутными силами.

По воцарении императрицы Елизаветы Петровны Дивов находился при следственной комиссии, рассматривавшей поступки Б.Х. Миниха, А.И. Остермана, М.Г. Головкина и других лиц, пользовавшихся особым доверием великой княгини регента Анны Леопольдовны (1740—1741). Здесь он приобрёл особенную благосклонность первоприсутствовавшего в этой комиссии генерал-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого, открыв себе путь к дальнейшему возвышению. Будучи на протяжении двадцати лет генерал-прокурором, князь Трубецкой был причастен к рассмотрению множества различных дел, хотя к концу 1740-х его влияние при дворе ослабело. Самыми известными были дела и суды над тремя упомянутыми вельможами в 1741 году. В ноябре 1741 года Головкин был предан суду, признан виновным в измене, приговорён к смерти. Елизавета Петровна заменила Головкину смертный приговор вечной ссылкой. Миних был предан суду (вместе с Остерманом) и приговорён к смертной казни по целой серии ложных обвинений: в государственной измене, в пособничестве Бирону, в мздоимстве и казнокрадстве. Дела сфабриковали, но на то была государева воля. Идя из крепости к месту казни, Миних сохранял бодрость духа, разговаривал с сопровождавшими его офицерами, вспоминал о войне и привычной для военного человека готовности к смерти. Уже на эшафоте он услышал новый приговор: казнь была заменена ссылкой в Сибирь. С Остерманом была проделана та же процедура, и очевидцы утверждали, что он держался столь же достойно и мужественно.

В Ртищевской краевой энциклопедии отражена и дальнейшая карьера Ивана Ивановича Дивова. 31 декабря 1741 года он был произведён

в генерал-рекетмейстеры, 29 ноября 1748 года пожалован в генерал-майоры, с оставлением при прежней должности. В 1752 году получил орден Святой Анны, 25 декабря 1755 года ему был пожалован чин тайного советника.

9 января 1762 года Пётр III назначил Дивова генерал-полицеймейстером Москвы. Он стал шестым в этой должности и пробыл в ней до октября 1762 года. Безусловно, на этом посту он успешно применил свой огромный опыт работы в Военной коллегии и следственной комиссии. Должностные обязанности, как известно, были написаны Петром I, имели вводную часть. В ней царь-реформатор подробно растолковывал подданным суть и пользу нововведений. Однако в именном указе от 19 января 1722 года самодержец, обойдясь без преамбулы, коротко повелел: «Учинить в Москве Обер-Полицмейстера, который должен депенденцию иметь от Генерал-Полицмейстера; а о скором решении требовать резолюцию от Члена Сенатского в Москве». Так, наряду с Санкт-Петербургом, в Первопрестольной появился единоличный глава городской полиции.

В подробной инструкции, содержавшей около пяти десятков пунктов, начальнику полиции предписывалось руководить всей жизнью большого города. Соблюдение норм строительства зданий, пожарная безопасность, санитария, дороги, мосты, поддержание общественного порядка — всем должен был ведать обер-полицмейстер.

Екатерина II 10 мая 1764 года определила Ивана Ивановича в президенты юстиц-коллегии и в сенаторы. 29 сентября 1767 года И.И. Дивов уволился со службы, по прошению, с чином действительного тайного советника.

Сохранились сведения о семье Ивана Ивановича. Жена — Наталья Богдановна Невежина (умерла 11 мая 1756 года, похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры). В браке родились четверо детей: сыновья — старший сын Адриан Иванович (1747—1814) — тайный советник, сенатор, герой Чесменского сражения, Александр Иванович и Николай Иванович, унаследовавший имение в селе Сергиевское, дочь — Екатерина Ивановна (скончалась в девицах 21 ноября 1785).

Согласно переписным книгам второй ревизии (1744—1747) на территории нынешнего Ртищевского района Иван Иванович Дивов имел поместный надел в селе Сергиевском (ныне Урусово) Завального Хопёрского стана Нижне-Ломовского уезда. Поместья Дивова находились также в селе Старолетово и деревне Матвеевка Рязанского уезда; за ним числилось 35 душ мужского пола в деревне Дивовке Узинского стана Пензенского уезда (позднее Петровский уезд), а также 25 душ в селе Сластуха (позднее Сердобский уезд).

Скончался Иван Иванович Дивов 10 октября 1773 года, похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры вместе со своей супругой. Могила утрачена в XIX веке. Портрет Дивова не сохранился.

Начав свой путь служения Отечеству ротным писарем и завершив его сенатором, действительным тайным советником, Иван Иванович оставил свой яркий след в начинаниях великих и малых, проявив себя талантливым государственным деятелем на различных постах, достойным продолжателем славных дел династии Дивовых.

Подготовил Сергей ВОЛОГОДСКИЙ
Использованы материалы
из Ртищевской краеведческой энциклопедии.
Иллюстрация из открытых источников

«И знающий по крайней мере российские законы человек»

В списке московских обер-полицмейстеров тайный советник генерал-полицмейстер Иван Иванович ЮШКОВ на почётной седьмой строчке, а оную должность он занимал с октября 1762 по 17 апреля 1764 года.

Но если честно, то несмотря на обязательное его присутствие во всех списках московских полицейских руководителей, выясняется, что особо заметного профессионального следа в качестве верховного блюстителя порядка в славной истории Белокаменной Иван Иванович, насколько известно, не оставил. Возможно, это связано с тем, что свою полицейскую должность Юшков получил при неординарных исторических обстоятельствах, а также возможно и то, что скудость информации объясняется его принадлежностью к масонскому движению. При этом, будучи представителем знатной дворянской фамилии, некоторую известность он всё-таки получил, но, правда, по другим поводам. С его достоверным живописным портретом также есть проблема: портрет, может, где-то и есть, но где?

Герб Юшковых

Да и вообще в биографии Ивана Ивановича Юшкова оказалось немало белых пятен. Начать с того, что в одних источниках сообщается, что родился он в 1710 году, в других — в 1714. С годом, когда он почил, тоже есть странности: общепринятая дата смерти — 1781 год, а в деле, которое находится в Государственном историческом архиве, указан 1786 год. Годы жизни на надгробии Юшкова не сохранились.

Вот что говорится в исторических справках о его начале жизненного пути: происходил из знатного рода Юшковых — рода столбового русского дворянства, согласно официальной родословной, предок рода вышел из Золотой орды и перешёл на службу русскому престолу. Иван Юшков начинал свою служебную карьеру в 1731 году с прапорщика Суздальского пехотного полка. А в 1738 году, как упоминается во всех известных источниках, он уже «состоит при комнатах царевен Екатерины Иоановны и Прасковьи Иоановны, имеет придворный чин и военный секунд-майора». Далее карьера Ивана Юшкова и вовсе пошла в гору: 1739 год — экзекутор Военной коллегии, 1741 год — получил чин полковника. В том же году он почему-то переименован в коллежские советники и назначен в счётную контору коллегии. А с 1747 года он уже советник Юстиц-коллегии и на этом посту пробудет до 1752 года. То есть Иван Иванович пошёл по юридической части. О том, насколько обременительной была его служба в Юстиц-коллегии свидетельствует такая дошедшая до наших времён история. Как-то из Сената в Юстиц-коллегию был прислан нарочный, но никого из юристов там на месте не оказалось. Разразился скандал. Позже на своих рабочих местах юристы всё-таки появились и каждый объяснял своё отсутствие по-своему: у кого-то, мол, заболела жена, кто-то сам, дескать, прихворнул. Иван Юшков тоже объяснился: сказал, что в тот день у него дома обвалился потолок. И инцидент вроде бы был исчерпан.

Более того, всего через год, — в 1753-м, Иван Иванович Юшков будет произведён в статские советники и назначен ни больше ни меньше, а главным судьёй Судного приказа. С некоторой натяжкой эту должность можно сравнить с современной должностью председателя Верховного суда. Взлёт огромный. Один из его современников так вспоминал годы работы Ивана Ивановича в Судном приказе: «Добрый и не мздоимщик и знающий по крайней мере российские законы человек». Но при этом всё тот же современник добавляет: «Но ленивый, праздный и нетвёрдый судья».

Между тем, несмотря то, что судьёй Иван Иванович Юшков считался «нетвёрдым», в этой должности он проработал целых семь лет. В 1760 году он получил новую впечатляющую должность, стал президентом Камер-коллегии — ведомства, занимавшегося контролем за сбором госдоходов и, кроме налоговой функции у него было ещё много других финансовых и контрольных направлений.

Чем же можно объяснить такое регулярное успешное продвижение по служебной лестнице? Возможно, умел-таки Иван Иванович руководить.

А в помощь его попутному карьерному ветру, как говорили завистники, у него был ещё один «парус»: в обществе Юшков слыл членом масонской ложи. Президентом он проработал всего два года. И после случившихся известных событий, нашедших своё отражение в истории, в его жизни вновь случились перемены. Ведь после смерти императрицы Елизаветы Петровны на российский престол взошёл Пётр III. Процарствовал он недолго, всего несколько месяцев, но за это время успел назначить Ивана Юшкова генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. В тот момент столичный генерал-полицмейстер фактически считался главой всей российской полиции, и в Москве в тот момент это всё учитывали, хотя в Белокаменной был свой генерал-полицмейстер, но он фактически был в подчинении у санкт-петербургского. Но буквально через пару месяцев, в марте 1762 года Петром III была введена новая должность — главный директор над всеми полициями. Им стал барон Николай Андреевич Корф. После чего в его подчинение перешли оба генерал-полицмейстера Москвы и Санкт-Петербурга. Как говорят историки, введение этой должности несколько затруднило работу генерал-полицмейстера Юшкова: большинство сотрудников санкт-петербургского полицейского аппарата перешли на службу в аппарат главного директора над всеми полициями Корфа, так что Юшкову пришлось снова набирать свой административный аппарат. Реорганизация продолжилась вплоть до 1764 года, когда Юшков был направлен на работу по другой части — гражданским губернатором Белокаменной, в коей должности пребывал потом 9 лет.

К слову, по прошествии многих лет успела возникнуть такая путаница: некоторые историки утверждают, что Юшков был именно только московским генерал-полицмейстером, а И.И. Дивов — санкт-петербургским. Но это не так, что подтверждается многочисленными документами. На сей счёт имеется такое квалифицированное объяснение: путаница возникла потому, что на короткий период в 1762 году Юшков по каким-то причинам на пару месяцев замещал Дивова в Москве, а Дивов потом также на короткий срок замещал Юшкова в Санкт-Петербурге.

О московском губернаторстве Юшкова известно больше, чем о работе в предыдущей должности. Конечно же, в первую очередь речь идёт о курьёзных ситуациях. Так, в 1768 году губернатор Юшков влип в скандал: во время облавы его уличили в участии в запрещённых тогда карточных играх. Скандал был большой, но потом как-то всё сгладилось. А в 1771 году во время чумного бунта он — губернатор Москвы — вместе с другими московскими начальниками взял да и сбежал из города, а через несколько дней вроде бы вернулся.

В современной Москве легко можно найти памятные места, связанные с Иваном Юшковым — очень состоятельным человеком своего времени. Так, на Мясницкой улице напротив здания почтамта до сих пор стоит изящное творение архитектора Баженова (тоже масона) — так называемый «масонский дом генерала Юшкова», где проходили масонские собрания. С тех пор прошло много лет, потом там размещались и Московское училище живописи и зодчества, и знаменитый ВХУТЕМАС, и даже прародитель современного столичного «атомного» вуза МИФИ. Сегодня в том самом доме Юшкова обретается Российская академия живописи, ваяния и зодчества имени художника Ильи Глазунова.

Александр ДАНИЛКИН,
иллюстрации
из открытых источников

Вид Москвы с балкона Императорского дворца в сторону Каменного моста, XVII век

Два слова о Тарасе Ивановиче

В 1764—1765 годах московскую полицию возглавлял обер-полицмейстер Тарас АРСЕНЬЕВ.

Тарас Иванович принадлежал, как пишут его биографы, к старинному «великорусскому православному крестьянскому казачьему роду татаро-ордынского происхождения». Род Арсеньевых берёт своё начало в 1389 году, когда к Великому князю Владимирскому и Московскому Дмитрию Донскому из Золотой орды перешёл на службу Аслан Мурза Челебей. Этот Челебей принял православную христианскую веру и получил имя Прокопий.

По родословной легенде, «сам Великий князь был его восприемником и выдал за него дочь своего ближнего человека Житова — Марию». У Челебея, ставшего Прокопием, было пятеро сыновей: Арсений, Фёдор, Яков, Павел и Лев. Старший сын Арсений стал родоначальником фамилии Арсеньевых. Арсеньевы не потерялись в веках, они размножились и честно служили Отечеству. Поколенная роспись «Род дворян Арсеньевых, 1389—1901» составленная в 1903 году одним из представителей Арсеньевых, юристом Василием Сергеевичем, включает сведения о 851 представителе, в том числе о 632 мужчинах и 219 женщинах. Между прочим женщины рода Арсеньевых славились умом и красотой, многие из них сделали удивительные партии. Так, Дарья Михайловна Арсеньева была супругою светлейшего князя генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова (их дочь Мария была обручена с царём Петром II, её уже в церквях на ектениях поминали как «наречённою невестою Императора», но, увы, не случилось).

Ещё одна представительница рода Арсеньевых, Анна Дмитриевна, была замужем за генерал-аншефом князем Алексеем Ивановичем Шаховским, который после смерти Петра I был командирован на Украину — исполнять обязанности гетмана, и сумел нейтрализовать там тенденции по выходу из состава России.

Арсеньевы имеют так называемую «лермонтовскую линию» — один из них, поручик гвардии Михаил Васильевич Арсеньев был женат на Елизавете Алексеевне, урождённой Столыпиной, которая стала знаменитой «бабушкой великого поэта».

Наш герой принадлежит к той ветви Арсеньевых, которые жили в Тульской области. Кроме того, Тарас Иванович одно время владел селом Кислино, в районе нынешнего города Серпухов. Его отец, Арсеньев Иван Владимирович, был капитаном и ещё в очень младые годы, по традиции тех времён, записал Тараса в лейб-гвардии Конный полк.

Тут нужно сообщить читателям, что Конный полк, в котором ему выпало служить, был очень привилегированной частью. Он был учреждён императрицей Анной Иоанновной в пику Семёновскому и Преображенскому полкам, командованию которых она не вполне доверяла. На кавалеристов была возложена задача охраны императрицы. Сам полк формировался в Риге, кони и амуниция для него закупалась в Германии. Потом полк был переведён в Москву, а когда императрица убыла в Санкт-Петербург, воинская часть последовала за ней.

Прекрасно обмундированные, воспитанные конногвардейцы, первое время командиром которых являлся генеральный прокурор России граф Павел Ягужинский, являлись настоящим украшением двора. Здесь, в Северной столице, юный Тарас прошёл настоящую придворную школу.

Как и многие дворяне того времени, Тарас начал военную службу с самых низов (из 850 рядовых конногвардейцев 700 были дворянами). Вначале наш герой был рейтером (рядовым), потом стал капралом и так далее — рос до вахмистра. Кстати, для движения по карьерной лестнице требовалось также и образование, — поэтому будущие офицеры и учились.

Важно также знать, что, если конногвардейцы переходили в армию, то получали звания в несколько раз выше. Так, капралу присваивалось звание прапорщика, каптенармусу — подпоручика, а вахмистру — капитана.

В 1740 году Тарас Иванович получил офицерский чин. В 1741 году Россия узнала о вступлении на престол дочери Петра Великого — Елизаветы Петровны. Рота Преображенского полка, поддержавшая её законные права на русский трон, была вся возведена в дворянское достоинство. Не были забыты и другие гвардейские части — офицерам было дано «не в зачёт» третье жалованье, а рейтерам Конного полка выделено на всех две тысячи рублей.

В январе 1742 года в преддверии коронования Елизаветы Петровны все офицеры полка были представлены императрице. Был среди них и Тарас Иванович. Ему также выпала честь участвовать в процессе коронации — в чине секунд-ротмистра он был прикомандирован к 3-й роте и сопровождал императрицу в Москве.

Но конногвардейцы не только участвовали в дворцовой жизни. Когда начинались боевые действия, а в XVIII веке Россия вела много войн (по этому поводу Александр Сергеевич Пушкин писал: «О громкий век военных споров, свидетель славы россиян»), гвардия активно участвовала в них. В одном походе против турецких войск принял участие и Тарас Иванович. Обморозил ноги. Вначале это не чувствовалось, но впоследствии ротмистр Арсеньев (это звание он получил в 1749 году) стал болеть, хромать и 20 сентября 1755 года попал в руки эскулапов по-настоящему — ему ампутировали один палец на ноге. Исполнять воинские обязанности стало трудно, и командование полка приняло решение о переводе его на гражданскую службу.

После выписки из госпиталя и выздоровления ему присвоили звание полковника и назначили в Государственную Камер-коллегию, вице-президентом этой организации.

Камер-коллегия являлась одной из учреждённых Петром Великим коллегий, центральным государственным учреждением Российской империи. Ей были вверены многие отрасли управления, имевшие не только фискальное, но и общегосударственное значение. Так, ей поставлено было в обязанность заботиться о дорогах, «о заселении запустелых дворов и о предотвращении всякой пустоты», о земледелии, об умножении скотских приплодов и рыбных ловель и т. п. Возглавлял Камер-коллегию в то время сослуживец Тараса Ивановича по Конному полку — князь, сенатор Михаил Иванович Шаховской. Он как раз перешёл из вице-президентов в руководители этой организа-

Денис Давыдов

Андрей Болотов

ции, а свою должность предложил Арсеньеву. Вскоре состоялся высочайший указ и наш герой заступил на этот пост. Кстати, после смерти Шаховского Тарас Иванович в 1762 году ушёл из Камер-коллегии и стал служить, как писали его современники, «при московской полиции».

В Камер-коллегии очень ценились такие качества, как исполнительность, честность, деловитость. Все они в полной мере имелись у Тараса Ивановича, что и послужило поводом для назначения его московским обер-полицмейстером. К сожалению, как и многие его коллеги, Тарас Иванович Арсеньев пробыл на этой должности совсем недолго: с 17 апреля 1764 года по 10 февраля 1765 года.

Тут следует сделать отступление и сообщить, что в 1749 году Тарас Иванович женился на Екатерине Петровне Давыдовой. Она была соседкой Арсеньева по Тульскому имению. Это был второй брак Тараса Ивановича. Екатерина Петровна, как характеризуют её современники, была «боярыня молодая, модная и великая щеголиха. Он любил её чрезвычайно». Она принадлежала к тем Давыдовым, в роду которых появился на свет известный русский поэт и военачальник Денис Васильевич Давыдов — генерал-лейтенант, известный партизан и герой Отечественной войны 1812 года. Рассказывая о заслугах Тараса Ивановича в военных и государственных делах, обязательно нужно упомянуть ещё об одном добром деле, совершённом им. Он оказал огромное влияние на воспитание Андрея Болотова — своего племянника (точнее, парень был племянником его сестры — Матрёны Ивановны Аникеевой). Он и жена его принимали Болотова, как он пишет, «всякий раз с обыкновенным их ко мне дружелюбием, ласкою и благоприятством».

Андрей Тимофеевич вошёл в историю нашего государства как выдающийся русский писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии (научная дисциплина, которая занимается изучением сортов плодовых и ягодных растений) в России. Андрей Тимофеевич прожил почти 95 лет и внёс большой вклад в признание в России помидоров и картофеля сельскохозяйственными культурами. Эти растения во времена Болотова были декоративными и разводились в садах или даже в комнатах как цветы.

Андрей Болотов каждый день заполнял дневник, и сейчас эти записи во многом являются источником данных о Тарасе Ивановиче и его делах, о всех сторонах жизни. Племянник характеризует нашего героя как человека серьёзного, «порядочного и степенного». «Мотать он не мотал, жил не слишком роскошно, и в доме у него все было хорошо и порядочно».

Из этих записок Болотова мы узнали, что полковник Арсеньев умер буквально на службе. Болотов пишет, что, проезжая Москву, он узнал тяжёлую весть: «...февраля 10-го дня, переселился в царство мёртвых и другой дядя мой, Тарас Иванович Арсеньев. Сие известие поразило меня тем более, что я сего милого и любезного своего родственника оставил при отъезде своём совершенно здоровым и в таких ещё летах, что не можно было никак ожидать столь скоро его кончины. Но злая горячка не разбирает ни лет, ни здоровья, но низводит во гроб старых и молодых, крепких и слабых, здоровых и нездоровых».

Жена Тараса Ивановича, Екатерина Петровна, была в то время беременна. Смерть мужа так повлияла на неё, что она родила сына, у которого на одной руке не было нескольких пальцев. Мальчик этот вырос, стал, как и отец его, полковником и всю жизнь на руке носил чёрную перчатку.

Портрет Тараса Арсеньева до наших дней не дошёл.

Анна ШАМОНИНА,
иллюстрации из открытых источников

Театр начинается с... Толстого

Граф Василий ТОЛСТОЙ — московский оберполицмейстер. Василий Иванович — родственник одного из наиболее известных русских писателей и мыслителей Льва Николаевича Толстого. Дед Василия Ивановича — Пётр Толстой положил начало графской ветви рода.

Василий Иванович родился в 1718 году. В службе с 1729 года. Офицером стал в 1733 году. С 1765 года — бригадир. Согласно Табели о рангах, это военный чин 5-го класса, занимавший промежуточное положение между генерал-майором и полковником. В гражданской службе ему соответствовал чин статского советника. В том же 1765 году Василий Иванович занял должность обер-полицмейстера города. С тех пор и на протяжении пяти последующих лет в его обязанности входило руководство деятельностью полицмейстеров Москвы. Таких в его подчинении было трое, между ними была поделена территория города. Кроме того, Василий Иванович отвечал за спокойствие и порядок в городе. Он возглавлял пожарную охрану, «надзирал» за торговлей, санитарным состоянием Москвы. Граф следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов.

Известно, что Василий Толстой принимал участие в организации театра для всенародного увеселения на Девичьем поле. «Изустный» указ об этом императрицы Екатерины II сообщил Толстому генерал-полицмейстер Николай Чичерин. Театр на Девичьем поле начал свою деятельность с лета 1765 года. Этот театр можно считать одним из первых государственных театров в Москве. Он строился «от полиции»,

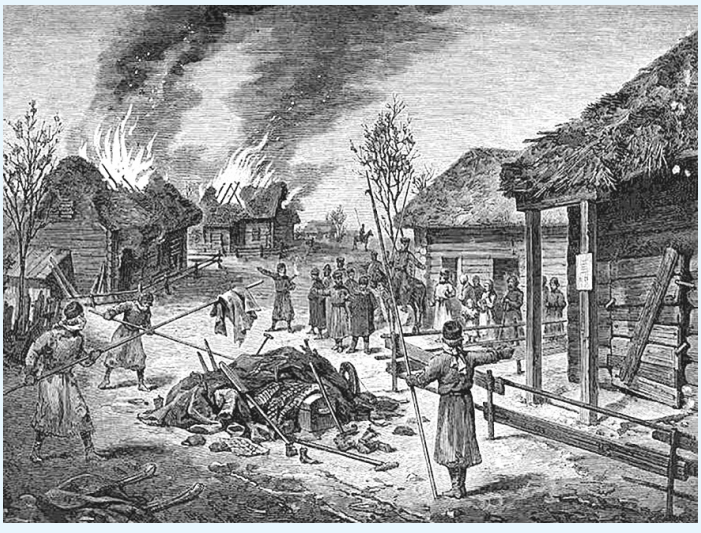
Театр на Девичьем поле

поскольку всеми городскими постройками в XVIII веке ведала именно полицмейстерская канцелярия. В её штате находились все архитекторы, состоявшие на государственной службе. Полицмейстерская канцелярия «опробывала» планы государственных и частных городских построек. Если какое-либо здание строилось «от казны», то оно было в непосредственном ведении этой канцелярии. Оберполицмейстером Толстым было лично «отыскано пространное место на Девичьем поле», издавна излюбленном москвичами для народных гуляний. Он сам подрядил для строительства театра московского купца Максима Мушникова. Архитектору Яковлеву он приказал надзирать за постройкой по «означенному плану», который был отослан сначала в Петербург и возвращён с одобрением генерал-полицмейстера Чичерина и подписанием «своею рукою».

В 1770 году, вскоре после отставки Василия Толстого с должности обер-полицмейстера, в Москве вспыхнула эпидемия чумы. Она была связана с русско-турецкой войной 1768—1774 годов. Болезнь поразила воюющие армии и предположительно пришла в Россию через обозы с ранеными солдатами. Василий Иванович оказывал помощь в борьбе с «чёрной смертью». Однако в это время он был уже действительным статским советником. Это — чин 4-го класса, соответствовавший чину генерал-майора.

Умер Василий Иванович в 1785 году в возрасте 67 лет. Его жена Анна Яковлевна Протасова ненадолго пережила мужа и скончалась в январе 1786 года. У супругов было трое детей.

Эпидемия чумы в Москве



Подготовила Маргарита МАКЕЕВА, иллюстрации из открытых источников

Царица грозная, Чума свалила полицмейстера

Николай Иванович БАХМЕТЬЕВ, как и многие другие московские обер-полицмейстеры, руководил столичной полицией совсем небольшой период времени. Он был назначен на этот пост в 1770 году, а уже в следующем, 1771 году, был уволен. И при весьма непростых обстоятельствах.

За прошедшие с тех пор годы над российскими просторами прошумело столько войн, революций и других потрясений, что о Бахметьеве сейчас удаётся найти мало информации. Известно, что род Бахметьевых, или Бахметевых (в старину также их называли Бахметовы и Бахмиотовы) берёт своё начало от некоего Аслама (Ослама) Бахмета, прибывшего якобы в Москву в 1469 году вместе со своими родственниками — «царевичами Касимом и Ягуном Бахметами», и принявшего крещение с именем Иеремии. Род Бахметьевых записан в VI часть родословных книг Новгородской, Московской, Пензенской и Саратовской губерний.

В самом конце XVII века в России насчитывалось двенадцать семей Бахметьевых, представители которых играли заметную роль в жизни российского общества. Как свидетельствует Российская родословная книга, отец нашего героя, Иван Юрьевич, был женат на Анне Даниловне Пестровой, у них родились три сына — Иван, Николай и Алексей.

...Итак, Николай Иванович Бахметьев был назначен московским обер-полицмейстером в 1770 году. Для того, чтобы понять обстановку, в которой он

выполнял свои обязанности, надо вспомнить, что именно в те годы в Белокаменной случился «чумной бунт».

Вообще-то, различного рода эпидемии, потрясавшие Западную Европу и опустошавшие её города, довольно редко «пробирались» на территорию России. Особенно в царствование Петра, который самым тщательным образом следил за тем, чтобы в страну не попала никакая зараза. По его указу вдоль границ и в портах стояли специальные заставы, отслеживающие приезжающих и следящих за их здоровьем и качеством привозимых ими товаров. Их вещи окуривались дымом можжевельника или полыни, письма переписывались, металлические деньги обмывались уксусом. Были созданы карантины, в которых подозрительные купцы и путешественники проводили от 20 до 40 суток.

Форма полицмейстера

Так же строго следили за санитарной безопасностью и наследники Петра. При Екатерине II заставы были заменены форпостами, размещёнными не только на границах, но и на самых оживлённых дорогах, ведущих в центр России. В штат каждого форпоста входили доктор и два лекаря. Если они не справлялись с эпидемией, в помощь направлялись врачи из близлежащих гарнизонных полков и соседних губерний, а при необходимости — самые именитые доктора и лекари.

Но в 1770 году зараза прорвалась в Россию и Москву. Пришла она из Турции двумя путями. С русско-турецкого фронта, проходившего по территории нынешней Молдавии, и с товаром (шерстью), завезённой из Блистательной Порты на Суконный двор.

Тогдашнее руководство столицы России прозевало начало эпидемии. Генерал-губернатор Москвы генерал-фельдмаршал граф Пётр Семёнович Салтыков сообщал в Санкт-Петербург матушке-царице Екатерине II (не так давно взошедшей на русский трон), что пока всё идёт нормально. На её требования ввести ограничения для вновь прибывающих в Москву, граф отвечал: такой огромный город невозможно обложить заставами, так как в него ввозится много припасов и товаров.

Когда же люди стали умирать как мухи, граф испугался. Человек престарелый и нерешительный, он просто исчез из города, уехал в своё подмосковное имение Марфино. За ним разбежались и другие городские руководители, включая и московского губернатора Ивана Ивановича Юшкова, который, кстати, до этого являлся генерал-полицмейстером Северной столицы. Как сообщает известный бытописатель Москвы Михаил Иванович Пыляев, за ними уехал и Бахметьев. Вскоре все они устыдились своего малодушия и вернулись в Москву, но этот поступок сильно пошатнул авторитет московских начальников в глазах императрицы.

Царица грозная, Чума
Теперь идёт на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...

Писал впоследствии Александр Сергеевич Пушкин.

Далее события в городе развивались таким образом. В конце декабря 1770 года в военном госпитале от моровой язвы умерли 22 человека, и руководство Москвы стало принимать предохранительные меры. Здание госпиталя сожгли. Тем временем на Суконном дворе в начале марта 1771 года умерли 130 человек. Мануфактуру, на которой трудились 3360 человек, закрыли и рабочих отправили за город. Администрация Первопрестольной распорядилась закрыть все торговые бани, «дабы в случае кроющейся где-нибудь по городу заразы не могла оная таким тесным и ближайшим прикосновением, каково в банях бывает, более сообщена быть». В некоторых монастырях были устроены карантинные дома. Полицию обязали сжигать все вещи больных.

Карантинные дома оказались плохой затеей. В них больными никто не занимался, людей тут не лечили, они были предоставлены сами себе и умирали в мучениях. Этих домов москвичи боялись больше чумы.

Рабочие Суконного двора, больные москвичи, боявшиеся карантинов, разбрелись по Москве. Эпидемия стала захватывать всё новые районы города. В июле в Москве уже умерли 1099 человек. В августе моровая язва уносила от 400 до 500 человек в день!

Для помощи московским властям из Северной столицы был прислан генерал-поручик Пётр Дмитриевич Еропкин, который принял на себя руководство всеми военными Москвы, включая и полицию. Всё это время обер-полицмейстер Бахметьев работал в его команде.

Но эпидемия распространялась как пламя, гонимое ветром. На острие борьбы с нею находилась полиция. Ей вменили организовать эвакуацию больных из домов и их захоронение. На эту тяжёлую и опасную работу полиция мобилизовала так называе-

мых «мортусов» — осуждённых колодников. Те врывались в дома и тащили умиравших в ямы, а больных — в карантины. Для умерших не хватало гробов, их вывозили в наскоро сколоченных ящиках и просто на телегах. Под заунывный звон погребальных колоколов их сопровождали «мортусы» в мрачных одеяниях и со зловещими крючьями, которыми вытаскивали трупы из домов и телег.

Положение населения Москвы оказалось очень трудным, особенно беднейших его слоёв. В конечном счёте всё это привело к социальному взрыву. Конкретным же для бунта поводом явился такой случай.

Москвичи уверовали, что икона Боголюбской Богоматери у Варварских ворот является чудотворной, и прикосновение к ней спасает от чумы. Народ массово потянулся сюда за исцелением. Но архиепископ Амвросий, который хорошо понимал, что такое стечение народа вызовет лишь новый рывок эпидемии, приказал перенести икону в ближайшую церковь, а деньги, которые накопились в кружке для пожертвований, передать в Воспитательный дом. Это вызвало резкий протест москвичей.

15 сентября 1771 года в 20.00 город был всполошён набатом. Огромное количество людей, вооружённых кольями, топорами, дубьём, камнями, собралось у Ильинских и Варварских ворот. Прискакавший сюда обер-полицмейстер Бахметьев был ошеломлён скоплением народа: «По моему уменьшительному примечанию, — доносил он сенатору Еропкину, — было тут народа до десяти тысяч, из которых большая половина с дубьём». В толпе находились боярские люди, купцы, подьячные и «фабришники» (так тогда называли рабочий класс).

Толпа не дала опечатать и перевести деньги, избила священнослужителей, выполнявших волю Амвросия. Затем разъярённый народ бросился в Кремль, где в Чудовом монастыре прятался сам архиепископ. Его успели предупредить, он укрылся в Донском монастыре, толпа разгромила монастырь, и полиция не смогла её удержать от этого безумия.

Утром 16 сентября волнения продолжились, при этом народу вышло на улицы ещё больше. Часть людей пошла к Донскому монастырю, нашла там архимандрита Амвросия и жестоко расправилась с ним.

Москва оказалась во власти восставших. Дворянство перепугалось настолько, что, как писал сенатор Еропкин императрице, «и свечи в домах погасили, будто никого и дома нет, а иные, бросая именье, из домов своих отступились, спасая только жизнь свою и домашних... скитались по отдалённым чужим домам, где больше почитали на те часы безопасности».

В тот же день бунтовщики пришли к Кремлю уже за самим Еропкиным. Они собрались на Красной площади и требовали, чтобы он вышел к ним. Еропкин приказал коменданту Москвы выйти к восставшим и уговорить их разойтись. Того встретили градом камней и чуть не убили. Бахметьев в это время находился в Кремле и, как все, активно готовился к его обороне.

Вскоре восставшие пошли приступом на Спасские ворота. Тогда Кремль от Красной площади отделял небольшой ров и через него был проложен мост. На этом мосту с небольшим отрядом стоял капитан Александр Саблуков. Понимая, что перед такой массой не устоять в рукопашном бою, он приказал выстрелить из пушки картечью, а затем штыками очистил Красную площадь. Полицейские команды из Кремля стали разъезжать по улицам и расправляться с бунтовщиками.

Но покой не наступил. Солдаты и офицеры были утомлены, они «оскудели патронами», и всех тревожил слух, что будто бы бунтовщики нашли ружья и хотят за порохом идти на Симонов монастырь. Защитники Кремля ждали нового наступления восставших, полагали, что это произойдёт ближайшей ночью.

Где-то в пятом часу пополудни к ним пришло подкрепление — Великолуцкой полк, который расположился лагерем у Спасских и Никольских ворот. Общее командование этими силами было возложено на обер-полицмейстера Николая Бахметьева.

Николай Иванович принял команду и проверил готовность отряда к бою. Вместо прежней команды, состоящей из 130 человек, пришли 800. У каждого солдата имелось по 40 патронов в суме, хватало и пушек. Всё это позволяло с оптимизмом смотреть в приближающуюся ночь.

Утром стало ясно, что мятежники стали разбегаться.

Тем не менее происшедший бунт встревожил императрицу, и она энергично вмешалась в ситуацию в Москве. Во-первых, заменила самого Салтыкова на генерал-поручика Петра Еропкина, активные действия которого одобрила (Пётр Дмитриевич впоследствии был награждён орденом). Во-вторых, прислала в Первопрестольную для наведения порядка надёжных и закалённых бойцов — четыре гвардейских полка.

Кроме того, для ведения следствия из Санкт-Петербурга 26 сентября 1771 года срочно прибыл доверенное лицо императрицы граф Григорий Григорьевич Орлов, у которого были особые полномочия. В специальном Манифесте Екатерина II написала: «Мы туда отправить особу от Нас поверенную, с властию такою, чтобы, по усмотрению на месте нужды и надобности, мог делать оне все те распоряжения, кои ко спасению жизни и к достаточному прокормлению жителей потребны».

Замечу, что с одним из гвардейских полков, Семёновским, в Москву прибыл капитан Архаров, который в нашей истории сыграл немалую роль. Этот Архаров проявил себя исполнительным и энергичным офицером, поэтому вскоре, по предложению Орлова, императрица перевела его в штат полиции со званием полковника.

Граф Орлов немедленно приступил к наведению порядка в Москве. Разбил город на 27 участков, в каждом из которых обеспечил эвакуацию больных и умерших и их точный учёт. Понимая, что страхом наказания людей в лазареты не загонишь, он принимает иное решение. Выписываемые из больниц и карантинов получают по пять (холостяки) или по десять (женатые) рублей — по тем временам деньги немалые, а также бесплатно новую одежду.

Постепенно народ потянулся в карантины: страх смерти, бывший сильнее угрозы наказания, отступил перед нуждой и корыстью. Одновременно велась широкая разъяснительная, санитарно-просветительская работа. В город поспешили завезти достаточно продовольствия. Безработных занимали на общественных работах. Осиротевших детей доставляли в специально организованный приют на Таганке, откуда после положенного карантинного срока переводили в Императорский воспитательный дом.

Решили также ещё проблему захоронений – многие люди при этом соприкасались с умершими и заражались. Граф Орлов приказал производить погребения за казенный счёт и на специальных кладбищах. Так были учреждены ныне очень известные кладбища — Ваганьковское, Даниловское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское, Преображенское и Семёновское.

Прибывшие с Орловым гвардейцы строго следили за порядком, не допускали мародёрства, воровства, сколько-нибудь значительных скоплений людей. Медикам положили двойной оклад и надбавку. Вообще на ликвидацию эпидемии государство денег не пожалело: борьба с «чёрной смертью» обошлась казне в баснословную сумму — более 400 000 рублей.

Результаты не замедлили сказаться: если в октябре 1771 года умерли 17 561 человек, то в январе 1772 года — 330 человек, что близко к естественной убыли населения. С моровой язвой было покончено. Всего она унесла около 60 000 человек.

Для проведения этих работ была организована специальная следственная комиссия, в работе которой принял участие и Николай Иванович Бахметьев. Следы его активной деятельности удалось отыскать в журнале Правительствующего сената. Как значится в этом документе от 3 ноября 1771 года, подал «собранию и рассуждению» записку, в которой идёт речь о таком событии.

17 сентября он расставлял бекеты (заставы) и увидел попа, проходившего из Белого города через Никольские ворота, который, будучи пьян, говорил ругательные слова. Слова эти имеются в протоколе, но мы их пропустим. Поведение попа было столь вызывающим, что его арестовали, при этом он кричал и взывал к окружающим: дескать, он «умирает за Мать Святую Богородицу». Утром, проспавшись, батюшка только руки разводил и просил прощения. Он был наказан в церковном порядке.

Есть и другие материалы, свидетельствующие об активном участии полковника Бахметьева в борьбе с чумой. Тем неожиданней то, что произошло с ним.

13 января 1771 года на Комиссии выступил сенатор Дмитрий Васильевич Волков (очень близкий к Екатерине II человек). Он неожиданно объявил о своих претензиях к полковнику Бахметьеву. По его мнению, тот допускает много ошибок в своём поведении и в руководстве полицией. Дескать, его, сенатора, терпение закончилось, когда он увидел, что обер-полицмейстер Бахметьев решил прикрыть ошибки своего подчинённого — смотрителя 2-й части некого Пушкина. Выразилось это в том, что Николай Иванович совсем по-иному рассказал о действиях Пушкина в беседе с Еропкиным и Волковым, чем об этом было написано в документах. Волков принял решение: «Того ради и дабы подобных неустройств избежать, ему, господину обер-полицмейстеру и бригадиру, от команды отказать и правление полицейское поручить лейб-гвардии капитану-поручику г. Архарову». Бахметьев был отстранён от должности, а на его место взошёл тот самый Архаров, который много лет возглавлял столичную полицию.

...Как можно понять, после этих событий Николай Иванович удалился в родную Пензенскую провинцию Казанской губернии. Поехал он туда в совсем непростое время — вскоре там началось восстание Пугачёва. Восставшие проявляли жестокость и ненависть к дворянам. В Пензенском уезде были убиты 400 помещиков. К счастью, Бахметьев не пострадал.

Николай Иванович был женат на Наталье Ивановне Масловой, в браке с которой родил трёх сыновей и дочь. Надо отметить, что дети его стали очень известными людьми. Особенно — Алексей Николаевич Бахметьев. Он принял активное участие в Отечественной войне 1812 года, был назначен начальником 23-й пехотной дивизии. В Бородинской битве ему оторвало ядром правую ногу ниже колена, спас его 20-летний поручик князь Пётр Андреевич Вяземский, близкий друг Пушкина.

Несмотря на тяжёлое ранение, генерал продолжил карьеру — был назначен Каменец-Подольским военным губернатором. 12 декабря 1823 года произведён в генералы от инфантерии, а через пять лет назначен Нижегородским, Казанским, Симбирским и Пензенским генерал-губернатором. В 1828 году стал членом Государственного Совета. Портрет сына московского обер-полицмейстера находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Владимир ГАЛАЙКО,
иллюстрации из открытых источников

Легендарный Николай Петрович Архаров

Выдающийся русский государственный деятель периода царствования императрицы Екатерины Второй Николай Петрович АРХАРОВ (1742—1814) был высокопрофессиональным, талантливым и основательным участником реформирования и укрепления российской полиции. Он был вторым обер-полицмейстером Москвы после Грекова, которому пришлось начинать с нуля строительство московского полицейского ведомства.

Екатерина II благоволила к Архарову, понимала всю его значимость в создании и взращивании полицейского ведомства, но ко двору не приглашала, вероятно, понимая простоту Архарова в общении с народом, как бы это сказать — некоторую его «мужиковость». Она говорила, что он непригоден ко двору императрицы.

Так кто же он такой, этот знаменитый Архаров? И каков его дворянский род? В родословной книге, изданной Новиковым, сказано только, что «Архаровы выехали из Литвы». Неизвестно, кто был родоначальником этой фамилии. Полагают, что «родоначальник Архаровых выехал в конце XIV или начале XV века из Литвы в Россию с князьями Патрикеевыми, потомками Гедимина». (Гедимин — великий литовский князь. Нанёс ряд поражений немецким рыцарям. В союзе с Тверью выступал против Московского княжества в первой трети XIV века, захватил западно-германские земли с городами Полоцк, Гродно, Брест, Витебск, Минск — Э.П.). Велика и тяжела история России!

Итак, об Архаровых. Они служили в дворянах московских. В XVIII веке бригадир Пётр Архаров оставил после себя двух сыновей: Николая и Ивана Петровичей.

Николай Петрович Архаров родился 7 мая 1742 года, воспитывался дома, учился по тогдашнему обычаю немного и немногому. В 1754 году зачислен в гвардию. Начал службу в 16 лет солдатом в Преображенском полку. Он, выходец из семьи отставного бригадира каширского помещика Петра Ивановича Архарова и его жены совсем неродовитой Аграфены Алексеевны, на какое протеже мог надеяться? И шёл по ступенькам служебной лестницы, не пропуская ни одной. Сержант — подпрапорщик — прапорщик. И только через пять лет образцовой службы произведён в капитан-поручики. Но его настоящее восхождение по служебной лестнице началось в несчастный для России 1771 год, когда в Москве свирепствовала моровая язва и вспыхнул так называемый Чумной бунт, охвативший всю древнюю столицу. Разгорелся бунт не на шутку и грозил перейти в грандиозное восстание. И 26 сентября 1741 года граф Григорий Орлов прибыл в Москву с четырьмя гвардейскими полками.

За энергичную и распорядительную деятельность при подавлении бунта под начальством Орлова, что видно из отзывов самого Орлова, императрица Екатерина II пожаловала Николая Петровича Архарова чином армейского полковника и назначила обер-полицмейстером Москвы.

В 1773 году Николай Петрович уже пользовался особым доверием императрицы и в 1774 году был употреблён в розыске по делу о Пугачёвском бунте. Пугачёв был приговорён к четвертованию, казнь совершилась 16 января 1775 года в Москве, на Болоте

(Болотной площади). Эшафот был воздвигнут в центре площади. Народа была тьма, даже снега не видно, чернеет притихшая толпа, людское море. Была у Екатерины опаска бунта сподвижников Пугачёва и сочувствующих ему. Вокруг помоста и по всей площади выстроились пехотные полки. Но уж, конечно, особое место занял обер-полицмейстер Архаров со своими подчинёнными. Против его людей не посмеют выступать даже самые отчаянные. Против архаровцев — ни-ни! Впрочем, никто и не замышлял плохого, велико было одно лишь любопытство к злодею.

Именно по окончании Пугачёвского дела и общего замирания и успокоения фамилия Архарова сделалась знаменитой во всей Российской империи, а его дар раскрывать преступления, иногда даже не выходя из своего кабинета, приводил в изумление россиян и иностранных гостей. Он обладал в высшей степени проницательностью, подобно экстрасенсу или, точнее, ясновидящему умел читать на лицах людей всё то, что так затаённо прячет подозреваемый.

Нередко, взглянув (всего лишь!) в лицо человека, Архаров видел и определял его вину или невиновность. С помощью ему одному доступных способов обнаруживал пропажи. В своих помощниках имел Шварца, имя которого наводило обожание и страх на всю Москву. Резиденция, если её можно этим словом обозначить, располагалась в Москве на Мясницкой улице, вблизи Лубянской площади, а место действий было там же, на Рязанском подворье, где позже расположилась духовная консистория. Здесь в большом доме содержали людей, состоящих под следствием. Если возникала необходимость, то, просим извинения, их секли и пытали.

В этом доме в 1792 году содержали и, как говорили, тоже пытали знаменитого просветителя, писателя, журналиста и издателя Николая Ивановича Новикова. Организатор типографий, библиотек, книжных магазинов в Москве слыл яростным врагом крепостничества. Вот и попал он в крепкие ручки архаровцев, которые стояли на страже покоя москвичей, но прежде всего — императрицы и крепостничества. Вот и упекли бедного Новикова на четыре года в Шлиссельбургскую крепость. А Архаров был поставлен московским губернатором. Конечно, не только за следствие по делу Новикова.

Позже Екатерина II вызвала Архарова из Москвы и Петербург и поручила ему сначала так называемые водяные коммуникации, в управлении которыми надлежало часто иметь дело с простым народом, со всеми барочниками и перевозчиками. Потом назначила его наместником новгородским и тверским.

Особенно Архаров отличился в шведскую войну (1778—1780) быстрой доставкой ополчений из мелкопоместных дворян и причетников (младший чин церковного притча; псаломщик, пономарь — Э.П.).

В важнейших полицейских случаях Екатерина нередко призывала его во дворец. Например, когда пропал из придворной церкви образ Толгской Богоматери в богатом серебряном окладе с драгоценными камнями, ценой около 8000 рублей. Но дело было вовсе не в цене. Этим образом императрица Анна Иоанновна благословляла Елисавету Петровну, а последняя — Екатерину при бракосочетании. Образ находился в Зимнем дворце с 1764 года, и в пропаже его подозревали одного из церковных истопников. Он был найден на второй день после пропажи у вала близ Семёновского полка. Впоследствии в воровстве подозревали гвардейских солдат. Образ был без оклада, но это было не так уж важно.

В другой раз, когда Архаров занимал ещё должность московского обер-полицмейстера, в Петербурге случилась значительная кража серебряной утвари.

В процессе розыска Николай Петрович был уведомлен о том, что похищенные вещи переправлены в Москву. Архаров до мельчайших подробностей знал всё, что происходит в Москве, и получил от своих помощников соответствующие сведения. «Нет, — сказал он, — серебряная утварь, по моим сведениям, находится в Петербурге в подвале около дома самого питерского обер-полицмейстера». И серебро тотчас было найдено.

Екатерина Великая очень ценила Архарова, но в записках литератора Александра Храповицкого (1749—1801) находим заметки, сказанные Екатериной об Архарове: «Похвальна расторопность Архарова, и что он хорош в губернии, но не годен при дворе». И далее: «Он более на месте там, чем здесь». Тогда зачем же его было срывать с наиболее пригодного места, то есть Москвы? Его самые крупные успехи действительно связаны с Москвой.

Оценивая службу Архарова на посту обер-полицмейстера Москвы, а также многочисленные обязанности и доблести в Питере, следует отметить его участие в реформировании российской полиции. В архиве в Санкт-Петербургском институте истории РАН удалось обнаружить «Проект устройства столичной полиции», подготовленный в январе-феврале 1780 года императрице Екатерине Великой.

В рассказах московских старожилов суровый архаровский полк, в строю которого было восемь батальонов, пользовался недоброй славой. Имя «архаровец» ходило в народе как синоним плута.

При восшествии на престол император Павел дал Архарову этот полк вместе со званием московского военного губернатора и назначил шефом полка. Полк разместили в Екатерининском дворце, и он составлял тогда московскую полицейскую стражу.

Но ещё ранее в Москве служили полицейские драгуны (вид кавалерии, предназначенной для действий как в конном, так и в пешем строю — Э.П.), сформированные в 1750 году, когда на дороге из Москвы в Петербург появилось много разбойников. Обе полные роты драгун состояли при полиции в самой черте города, остальные роты были распределены по окрестностям.

В пору пугачёвского бунта, когда личная безопасность горожан и любых гостей столицы составляла один из труднейших вопросов городского управле-

ния, в Москву был призван полк егерей (вид лёгкой пехоты; егери формировались из лучших стрелков и действовали в рассыпном строю — Э.П.). Последние были одеты в светло-зелёные мундиры. На голове — особый род картуза с круглой тульей, с левой стороны к правой тулью огибало перо или султан, придержанный кокардой, а длинный круглый козырёк был у них обложен медью.

На третий день по вступлении на престол императора Павла Николай Архаров был назначен вторым петербургским губернатором. А в первый день царствования Павла Архаров вместе с графом Ростопчиным явился в дом графа Орлова-Чесменского, которого немедленно привёл к присяге, за что получил Андреевскую ленту, снятую государем с собственного плеча.

В день коронования Павел пожаловал Архарову две тысячи душ. Но вслед за тем Архаров лишился губернаторства и был выслан в своё тамбовское имение, где прожил три года вместе с братом.

По рассказам русского писателя Николая Ивановича Греча (1787—1867), Архаров пал вместе с полицмейстером Чулковым вот по какому случаю. Вследствие его распоряжений в Петербурге непомерно возросло сено. На такое ошибочное распоряжение была сделана карикатура: Архаров представлен лежащим в гробу, выкрашенном новой краской полицейских будок, в чёрно-белую полосу. Вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях. У ног находился Чулков и утирал заплаканные глаза сеном. Глупость и нелепость, конечно, но так бывает: героя губит какая-то безделица.

В 1800 году Архаров получил позволение жить в Москве, в большом доме, в который (Кропоткинская ул., 16) уже в советскую эпоху вселился Дом учёных. Здесь слава простёрла свои крылья над хозяином дома. Российский историк и литературовед Пётр Иванович Бартенёв (1829—1912) говорил, что, по преданию, начальник парижской полиции при Людовике XV Сартин написал Архарову письмо, в котором выражал удивление его талантливости в раскрытии преступлений и в быстроте следствий.

Архаров с 15-летнего возраста всегда был в работе. И всегда успешен. И когда стал отставным, его дом наездами посещали весьма именитые люди Москвы и Петербурга. Его и тогда ценили, ах как ценили! Службу свою он закончил кавалером всех российских орденов. Женат не был. Умер в 1814 году в тамбовском имении в богатом селе Рассказове и похоронен в Трегуляевском монастыре под Тамбовом.

Эдуард ПОПОВ,
иллюстрация из открытых источнико

«Преображение» лейб-гвардейца Бориса Островского

Борис Петрович ОСТРОВСКИЙ родился в 1745 году. А появился на белый свет он, будущий московский обер-полицмейстер, в семье отставного прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка П.Я. Островского, род которого был внесён в VI часть дворянской родословной книги по Московской губернии. Соответственно, и отпрыск Петра Островского был приписан к этому знаменитому императорскому ратному подразделению — одному из старейших и наиболее известных гвардейских полков, созданных Петром Великим, — и прошёл свой путь, выражаясь современным языком, карьерного роста.

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи...» отмечается: «Фамилии Островских многие Российскому Престолу служили дворянские службы и жалованы были от Государей <...> поместьями».

Согласно известным данным, в «служивой биографии» Бориса Островского, у которого она начинается с нижних чинов, фигурируют и его несколько последующих званий: прапорщик (1772 год), подпоручик (1773), поручик (1774), капитан-поручик (1777) и капитан (также 1777 год) лейб-гвардии Преображенского полка. Позже Борис Петрович был пожалован званием полковника, и он занял тот самый свой первый высокий пост — московского обер-полицмейстера.

На этой должности Борис Островский находился с 1781 по 1785 год. Главе полиции города в январе 1783 года присвоили чин бригадира, но в Первопрестольной какого-либо особо заметного следа на ниве осуществления своих полномочий по части «благочиния, добронравия и порядка» этот чиновник, отставник гвардейского полка, фактически не оставил.

Так сложилась судьба этой по-своему неординарной и довольно противоречивой исторической личности, что он стал правителем (губернатором) Костромской губернии. В таком чиновничьем качестве Борис Островский находился с 6 января 1797 по 4 июня 1798 года.

В указанный период им, Островским, были осуществлены следующие похвальные — благие — дела: открыты губернская врачебная управа (это событие произошло 9 февраля 1797 года), лазарет на 98 мест и мужская и женская богадельня на 71 место (также в 1797-м) и выполнены некоторые другие подобные полезные дела, а ещё и принят губернский герб (точная дата данного знакового момента для Костромской земли – 5 марта 1797 года). Помимо всего прочего, при губернаторе Борисе Островском за десять месяцев 1797-го недоимка по доходам в 70 тысяч рублей сократилась наполовину, а также было рассмотрено 56 616 дел, за что главный костромской чиновник в самом начале 1798 года удостоился Высочайшего благоволения.

Однако в ту пору находились и критично настроенные персоны, которые совсем по-другому отзывались об этом государственном деятеле Российской империи — отставном лейб-гвардейце.

Уроженец города Чухломы Костромской губернии писатель Николай Петрович Макаров (1810 — 1890), происходивший из дворянской семьи, издал ряд обличительно-сатирических произведений под псевдонимом Трёхзвёздочкина и под собственным именем. Так вот, в одном из своих едких сочинений сей небезызвестный представитель отечественной литературы, основываясь на нелицеприятных суждениях современников о губернаторе Борисе Островском, тоже весьма нелестно охарактеризовал этого «местечкового» царского сатрапа:

«Правил когда-то Костромской губернией, или, вернее, тиранствовал в ней некий, кажется, Островский, если память не обманывает меня, — сердитый, свирепый, злой, который ругал цензурно и нецензурно, позорил и чуть не бил своих подчиненных, то есть чиновников всей губернии, наповал...».

Однако 3 июня 1798-го правитель-тиран испытал уже на себе подобное чувство бессилия, так как, по всей видимости, пал жертвой умышленного злонамеренного розыгрыша со стороны поэта и переводчика Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого (1752 — 1829) — тайного советника, который сопровождал Павла I, в частности, в его поездке по Российской империи в указанном году. Вот как происходило якобы «потешное действо», которое выбило действительного статского советника Бориса Островского с губернаторской стези:

«Костромской гражданский губернатор с чиновниками губернии явился на встречу Государя Императора. Монарх, для избежания лишних расходов, путешествовал с малочисленною свитою и Высочайше повелеть соизволил: не делать никаких построек и расходов, и желал видеть чиновников по различным отраслям государственного управления на самом месте исполнения ими своих обязанностей. За несколько часов до приезда Государя, прибыл в Нерехту [уездный город Костромской губернии] из Императорской свиты <...> Нелединский, родственник костромского губернатора и вместе [с тем] тайный его недоброжелатель, и дал коварный совет г. [господину] губернатору, чтобы он приказал городничему встретить Государя у городской заставы с отрядом гусар с обнаженными саблями. Неизвестно, эта или другая причина заставили Императора дать Высочайший приказ о немедленном удалении начальника губернии из Нерехты...».

Памятник первому солдату лейб-гвардии Преображенского полка Сергею Леонтьевичу Бухвостову на Преображенской площади Москвы

Как бы там ни было, заодно последовало и «удаление» Бориса Островского со службы. Между прочим, позднее и сам статс-секретарь Павла I Юрий Нелединский-Мелецкий впал в немилость у монаршей особы.

При Александре I Борис Островский, который по-прежнему находился в отставке, «владел каменным домом в Арбатской части Москвы», а также построил в 1801 году каменную церковь в селе Козьмодемьянское Мологского уезда Ярославской губернии. Там, в названном селе, Борис Петрович имел усадьбу.

Его женой была Мария Сергеевна, урождённая княжна Долгорукова. Мария Сергеевна — дочь князя Сергея Никитича Долгорукова и Варвары Осиповны, урождённой княжны Щербатовой. Из детей Бориса Петровича и Марии Сергеевны известны сыновья Сергей, Дмитрий и дочери Анна, Варвара и Екатерина.

Подготовил Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников

«Недремлющее око» обер-полицмейстера Фёдора Толя

От влияния до презрения один шаг

После пяти лет службы в должности московского обер-полицмейстера (1785—1790) имя графа Конрада Фридриха фон Толя (1749—1821), которого в гостеприимной России звали Фёдором Николаевичем, было вписано в историю отечественной полиции.

Он стал одним из самых влиятельных людей своего времени. Происходил из старинного немецко-

балтийского дворянского рода фон Толь, имеющего также голландские и шведские корни.

Должностные успехи Фёдора Николаевича таковы, что 22 сентября 1786 года он находился ещё в чине бригадира, а год спустя получил звание генерал-майора. Правда, наряду с признанием он снискал и недовольство Екатерины II (1729—1796). Однажды заподозрив в «генерале Толли» «мартиниста», она писала главноначальствующему в Москве А.А. Прозоровскому: «В обер-полицмейстеры я стараюся искать способного человека, и как скоро найду, не умедлю его назначить, а генерал-майора Толя перевесть к другому месту». Гранд-финал службы Фёдора Николаевича, о котором великая государыня упоминала в письме 19 февраля 1790 года, вскоре состоялся.

Результативная работа полиции

Читая исторические источники, мы узнаём, что «во второй половине XVIII века полиция в России работала совсем неплохо... Процесс становления полицейских органов был стремительным и результативным. И всё же ни Пётр I, ни Екатерина II не сумели создать правоохранительный аппарат, в полной мере отвечающий задачам, возлагаемым на полицию».

Как новатор, Екатерина II рассматривала функционирование органов правопорядка комплексно, планируя встроить работу полиции в общую систему государственных учреждений. Ей было на кого опираться в своих реформистских устремлениях, с кого брать пример: гениальный царь-преобразователь Пётр Великий правил меньше чем полвека до неё. Но за это время многое изменилось. Эффективность государственных институтов как в столице, так и на местах резко снизилась, а значит, и государственное управление оставляло желать лучшего. Эти проблемы существенно повлияли на внутреннюю безопасность в Российской империи. Работа полицейских органов была неэффективной, процветали воровство и разбойный промысел, резко увеличилось число тяжких преступлений, особенно в период с сентября 1973 по январь 1775 года, когда началось восстание Пугачёва.

В период правления императрицы Екатерины Великой произошли масштабные изменения в организации деятельности полиции. Реформы общей полиции проходили не сами по себе, а в контексте масштабных реформ государственного управления, развития законодательства. Екатерина II считала, что служащие административно-полицейского аппарата должны быть нравственно чисты, хорошо выполнять функции по охранению спокойствия, общественной безопасности, другим важным государственным делам и при этом быть материально обеспеченными. Граф Толь лучше всего подходил для этой должности и был на неё назначен.

Всё для доверия к полицейским чинам

Великая государыня рассматривала полицию как многофункциональный орган, занимающийся не только охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. Она считала, что к ведению полиции относится всё то, «что служит к сохранению благочиния в обществе». Деятельность полиции, по её мнению, должна была определяться «не столько законами, сколько уставами». Она видела в уставах более гибкую форму права. Уставы проще подвергать тем или иным изменениям в связи с возникновением новых проблем, в решении которых принимает участие полиция.

Такой устав в 1781 году был создан и 8 апреля 1782 года введён в действие под названием «Устав благочиния или полицейский». В Уставе было 14 глав, 274 статьи, разбитых на пункты и части. В первых трёх главах Устава были определены органы полицейского управления, примерные штаты, классные чины должностных лиц и порядок их определения в должности. В двух последних главах перечислялись деяния, запрещённые законом, указывались меры, которые должна была принимать полиция по этим правонарушениям.

По Уставу благочиния в созданных городских органах административно-полицейского управления — управах благочиния, или полицейских управах, вводились должности служащих городской полиции, определялись их задачи, права и компетенция. Штат управы благочиния состоял из трех полицейских чиновников: городничего и двух приставов (уголовных и гражданских дел), а также двух избираемых горожанами на три года «ратманов» (советников). В полиции Москвы главными служебными должностями остались полицмейстеры, которые подчинялись обер-полицмейстеру, но его компетенция в Уставе благочиния чётко не регулировалась. Статус столичной полиции всегда был выше.

В главе XXI «О благочинии, называемом инако полициею» «Наказа» Екатерина II призывает полицейских работать эффективно. Здесь говорится о том, что «не довольно того, чтобы узнать непорядки и выдумать способы для отвращения их, надлежит ещё сверх того недремлющим оком смотреть, чтобы способы сии были при встречающихся случаях самым делом исполняемы». Наказ адресовался не только служащим полиции, так как в нём было положение о запрещении публичного обсуждения деятельности полиции, «дабы публика не лишилась доверия к полицейским чинам».

«Наказ Главной полиции» стал фундаментальной основой для деятельности полицейских органов на десятилетия вперёд.

Обер-полицмейстер Толь в новых реалиях согласно императорскому предписанию делал всё для организации строгого контроля за соблюдением законности полицейскими органами. В делах преобразования полицейской структуры и взошла звезда обер-полицмейстера Фёдора Толя. В 1785 году он, по распоряжению императрицы Екатерины II, провёл в городе первую за много лет ревизию, включавшую и перепись населения.

Хранитель судеб — дом

Весьма примечательно, что дом генерал-майора в отставке, бывшего обер-полицмейстера Москвы судьба хранила для рождения русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841). Что же заставило семью Лермонтовых, ожидавшую первенца, оставить родовую усадьбу и искать пристанища в осенней Москве 1814 года, большая часть которой представляла в это время огромное пепелище, только начинавшее отстраиваться после наполеоновского нашествия? Оказывается, на том настояла знаменитая бабушка Лермонтова — Елизавета Арсеньева, считавшая, что её беременной дочери, слабой здоровьем, необходим в столь ответственный период присмотр столичных врачей. Так что будущий автор стихотворения «Бородино» появился на свет в семейном гнезде семьи Толя, здании, пережившем огненный шквал и разграбление 1812 года. Причём грабили его, уточняет Толь в одном из писем, сначала французыоккупанты, а потом свои же подмосковные крестьяне. В 1818 году в «Алфавитных списках всех частей столичного города Москвы домам и землям...» дом в Басманной части «у Красных ворот, в 1 квартале обозначен уже — «Толя Александр Фёдоровича, отставного подполковника».

Интересно, что сын Фёдора Николаевича — Карл Фёдорович (Карл Вильгельм фон Толь) предпочёл пойти по стопам отца. Прославился, как российский генерал от инфантерии (1826), участник войн с Наполеоном и совета в Филях, генерал-квартирмейстер во время Отечественной войны 1812 года, с 1833 года — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями. Воспитывался в сухопутном кадетском корпусе, откуда выпущен был в свиту Его Величества по квартирмейстерской части (генеральный штаб).

В турецкую кампанию 1829 года Карл Толь состоял начальником штаба армии графа И.И. Дибича; его распоряжения немало способствовали успешному окончанию войны, которое доставило ему графское достоинство (1824) и орден Святого Георгия 2 степени.

Неожиданным фактом явилось то, что Карл Фёдорович был корреспондентом Александра Пушкина; в одном из своих последних писем (накануне дуэли с Дантесом) Пушкин благодарит Толя за доставленные им сведения о И.И. Михельсоне и приводит по поводу незаслуженно забытого военачальника библейскую цитату: «Истина сильнее царя».

Подготовила Айрин ДАШКОВА,
иллюстрация из открытых источников

Герой двух войн и честный служака

Очередной чиновник из плеяды московских обер-полицмейстеров Павел Михайлович ГЛАЗОВ интересен вовсе не фактами, коими был отмечен период исполнения им обязанностей главного полицейского Первопрестольной. Все лавры свои и уважение он снискал задолго до этого назначения.

Однако обо всём по порядку. Павел Глазов родился в 1747 году в семье коллежского асессора и представителя Обоянского дворянства Михаила Фаддеевича Глазова. Семнадцати лет от роду поступил на службу в лейб-гвардии конный полк рейтаром. В 1768 году был произведён в чин каптенармуса.

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем: лейб-гвардии конного полку каптенармус Павел Михайлов сын Глазов в бытность при том содержит себя добропорядочно, в штрафах, продерзостях не бывал», — характеризовало его начальство. Исполнительного гвардейца сделали вахмистром, а ещё годом позже он стал поручиком. В этом звании он участвовал в Русско-турецкой войне 1769—1773 годов, побывал в сражениях под Бухарестом и Силистрией, затем был произведён в капитаны. Уже в мирное время назначили командиром лейб-гусарского эскадрона и произвели в премьер-майоры.

Летом 1783 года Павел Глазов был прислан покровительствовавшим ему Потёмкиным к императрице Екатерине II с донесениями и в июле отпущен обратно с ответным письмом. Очевидно, именно в тот момент царствующая особа впервые смогла оценить выправку и усердие офицера.

Будь гусар поумнее, или хотя бы покрасивее, как знать, кем бы он мог стать при дворе любвеобильной императрицы. Но, по свидетельству современников, Глазов «был человеком не особенно образованным, зато в высшей степени честным и

чрезвычайно набожным». А честность была в цене во все времена и оказалась востребованной, как мы увидим, и позднее.

Глазов продолжал совершать вояжи в Санкт-Петербург с депешами светлейшего князя и по его же просьбе в 1788 году был произведён в полковники, а затем переведён в Екатеринославский кирасирский полк. Историки предполагают, что по собственному желанию.

Здесь представляется уместным остановить хронику событий и дать следующую историко-техническую справку. Кем были рейтары, а кем кирасиры? В отличие от кирасиров, рейтары делали ставку на огнестрельное, а не на холодное оружие. Их арсенал включал несколько тяжёлых крупнокалиберных пистолетов, длина которых могла достигать почти метра. Меч (либо сабля) выступал лишь в качестве запасного оружия. Рейтары предпочитали методично расстреливать пехоту, пока она не побежит. А кирасиры, как правило, дав залп из пистолетов по пехоте или всадникам и расстроив ряды противника, немедленно врубались в его ряды. Уместен и следующий вопрос: говорит ли смена рода войск что-либо о характере нашего героя? Мы полагаем, ещё как говорит! В этом был он весь, неистовый и отважный вояка.

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени

Затем случилась вторая турецкая война, Глазов принял участие и в ней. По всей видимости, Павел Михайлович действительно был лихим воякой, он вновь отличился в ряде сражений и был награждён орденом Святого Георгия 4 степени. Как значилось в наградном документе, «за отличную храбрость, оказанную при атаке крепости Очаков». От себя заметим: в то время покровительство со стороны знатного вельможи, особенно — Потёмкина, как известно, отличающегося огромной личной храбростью, вовсе не означало пребывание в глубоком тылу, подальше от передовой.

Наоборот, один из любимцев главнокомандующего пребывал в самой гуще битвы. Очаков был осаждён вооружёнными силами Российской империи под общим командованием князя Потёмкина — армией Суворова и Черноморской эскадрой контр-адмирала Поля Жонеса. Осада продолжалась с конца июня до начала декабря 1788 года. Предпринятый 6 (17) декабря штурм отличался страшным кровопролитием, так как турки защищались отчаянно. Крепость Очаков была взята практически за один день. Но не грамотно подготовленный план был причиной этому, а отвага и бесстрашие русских воинов, именно таких, как Павел Глазов. Трофеи победителей составили 310 мортир и пушек, 180 знамён. При штурме было убито около 10 тысяч и взято в плен около 4 тысяч человек (не считая обывателей). Русские потеряли во время штурма 1823 человека. Тела погибших при Очаковском штурме русских офицеров по распоряжению князя Потёмкина-Таврического были перевезены в Херсон и погребены в ограде церкви Святой Великомученицы Екатерины. Там же в 1791 году был погребён и сам князь Потёмкин. Что ж, уцелел — и молодец!

Храбрый и — главное — честный герой двух войн вполне подходил на роль смотрителя за порядком в Москве, куда он 19 мая 1790 года и был назначен исполняющим обязанности обер-полицеймейстера. Уже после утверждения в должности Павел Глазов был произведён в бригадиры. Службой его Царский двор был доволен, и потому в сентябре 1793 года Павел Михайлович был перемещён в Санкт-Петербурге на такую же должность.

По свидетельству современников, Глазов ежедневно являлся к императрице с донесением о благосостоянии столицы и о «понаехавших» в неё. 28 июня 1796 года был произведён в генерал-майоры. Но в это время на престол взошёл Павел I. Новый император не был готов, как сказали бы в наше время, к сотрудничеству с обоймой руководителей, доставшихся ему в наследство. Скорее всего, именно по этой, чем по какой-либо другой причине государь дал отставку тёзке с мало что объясняющей формулировкой: «по неспособности к службе».

Можно сказать, что здоровье точно не было ему помехой, потому что он пережил Отечественную войну 1812 года и скончался двумя годами позже.

Артём КИРПИЧЁВ,
иллюстрации из открытых источников

В поисках добронравия и порядка

Будущий обер-полицмейстер, тайный советник, московский губернатор генерал-майор Павел КОЗЛОВ родился в дворянской семье 25 июля 1755 года. Он был племянником сенатора и сам к концу жизни стал сенатором Российской империи. Павел Михайлович умер 20 августа 1799 года в возрасте 44 лет. За это время он постарался воплотить в жизнь прогрессивные на то время начинания. Так, например, при его правлении штат московской полиции был приведён «в сообразность» с петербургской.

В 1713 году по воле царя Петра I столица Российского государства была перенесена из Москвы в Петербург. Таким образом, через 42 года Павел Козлов появился на свет, можно сказать, в провинциальном городе. Какой она тогда была — криминальная Москва XVIII века?

Вспомним историю некоторых районов. Так, например, Марьина Роща согласно легенде являлась местом, где жила шайка разбойников под предводительством атаманши Марьи. Дурной славой пользовалась Хитровка и некоторые другие районы. Но в этом всех обошла Трубная площадь, которая с момента своего появления в городе была местом, где собирался простой люд. С 1590 года по одной стороне площади проходила стена Белого города. В одной из башен было проделано отверстие с решёткой, из которой вытекала речка Неглинная. Это отверстие в народе называли «трубой». Отсюда и пошло название местности. Трубная площадь избавилась от репутации «плохого» местечка лишь к началу XX века.

Беглые крепостные, оказавшиеся на воле, вынуждены были искать себе пропитание. Бродяги собирались шайками, которые превращались в банды. Летом разбойничали по лесам, рекам и на дорогах, а зимой тянулись в города. По свидетельствам, Москва XVIII века — воровская столица, день в которой начинался с опознания десятков собранных за ночь трупов, которых полицейские складывали на центральных перекрёстках.

Среди дворян и купцов были распространены преступления мошеннического характера. В основном это было связано с подделкой документов и расхищением государственного имущества. Уделом преступников из «низов» являлись грабёж и убийства. В пивных, кабаках, банях и игорных притонах кутили и сговаривались московские разбойники.

После массовых пожаров 1737 года город был в запустении, скрытые густым кустарником овраги служили пристанищем для самых опустившихся маргиналов. Передвигаться по Москве было опасно, воры орудовали в любое время года в любую погоду.

Много было разбойников, при этом больше всего страдали купцы, перевозившие товары. Примечательна история Ваньки Каина – вора, ставшего легендой. Его в 13 лет привезли в Москву к барину Филатьеву работать. До 17 лет Ванька терпел побои и голод, а потом, подружившись с мелким воришкой Камчаткой, Петром Романовым, ограбил сурового хозяина, оставив тому записку: «Пей водку как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай у тебя чёрт, а не я».

Сначала Ванька стал карманным вором. Продолжилась карьера лихого разбойника набегами на богатые дома, заводы, предприятия и ярмарки вместе с многочисленной бандой отъявленных воров и убийц. Еще при жизни Каин прослыл не только лихим разбойником, но и романтическим героем. «О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть»1775 года неизвестного автора получила широкое распространение.

Должность обер-полицмейстера Москвы конца XVIII века, когда с октября 1793 по август 1796 годов её занимал Павел Козлов, не была тихой и спокойной.

Будущий обер-полицмейстер за 44 года жизни прошёл немалый путь. Уже в 6 лет он был записан в лейб-гвардии Измайловский полк. 1 января 1779 года Павел Михайлович получил чин прапорщика. Ещё через год он стал подпоручиком, а через два года — поручиком. С 1 января 1785 года он — капитан-поручик, через три года — капитан. С начала 1789 года согласно формулировке он «уволен к статским делам бригадиром».

С 22 октября 1793 года Павел Козлов — московский обер-полицмейстер. С 24 ноября 1794 года — генерал-майор. Менее чем через два года он стал гражданским губернатором Московской губернии, коим оставался до 25 сентября 1798 года. Павел Михайлович был произведён в тайные советники, назначен сенатором и награждён орденом Святой Анны I степени.

Павел Козлов был женат на княжне Анне Павловне, урождённой Голицыной. Она пережила супруга на 16 лет. Вместе они нашли последний приют в некрополе Донского монастыря. Но их могилы утрачены.

Стоит отметить, что должность полицмейстера (в Российской империи начальник полиции во всех губернских и других крупных городах) была введена в 1782 году «Уставом благочиния». Полицмейстер возглавлял управу благочиния, а со 2-й половины XIX века — городское полицейское управление. Полицмейстеру подчинялись все полицейские чины и учреждения города, с помощью которых он осуществлял «добронравие и порядок», исполнение распоряжений высших властей, судебных приговоров и прочее. Должность полицмейстера была упразднена после Февральской революции 1917 года.

В Москве же ещё в 1722 году появилась должность обер-полицмейстера. С 1727 года он подчинялся генерал-губернатору. Отвечал за спокойствие и порядок в городе, возглавлял пожарную охрану, надзирал за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием Москвы, следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов. Эта должность была упразднена в 1905 году в связи с учреждением в Москве градоначальства.

Алексей БЕЛОЗЁРОВ,
по материалам открытых источников

«Он был ума бойкого и сметливого»

Помните, как там у Пушкина в «Евгении Онегине»: «К Talon помчался: он уверен, что там уж ждёт его Каверин». Так вот, эти строки посвящены не обер-полицмейстеру Москвы Павлу Никитовичу КАВЕРИНУ, а его сыну — Петру Каверину, лихому гусару. А вот отец прожил долгую, насыщенную разными событиями жизнь и в Москве оставил о себе добрую память.

Личность начальника полиции Белокаменной Павла Каверина трудно уместить в привычные рамки хотя бы потому, что обер-полицмейстером Москвы он успел побывать... два раза. Редкий случай. По отзывам современников, он навсегда заработал приличную репутацию: «Каверин никогда не злоупотребляет служебным положением, не ворует и не замечен в мздоимстве». Между тем в жизни повидал многое, пребывал в самых разных ипостасях, то взмывая до административных небес, то приземляясь в незатейливой помещичьей усадьбе в Волынской губернии.

Дворянский род Кавериных имеет давнюю историю. Вместе с тем о юных годах будущего московского обер-полицмейстера известно крайне мало.

Родился Павел 3 января 1763 года в семье поручика Никиты Каверина. Где провёл детство и юность, сведений нет, как нет информации о том, какое получил образование. Зато есть весомые доказательства того, что молодому человеку на роду было писано служить царю и Отечеству. Уже в семилетнем возрасте мальчика согласно дворянской традиции записали солдатом в гвардию. Отрок рос, росла и его карьера.

Достоверно известно, что в 1795 году Павел Никитович был произведён в полковники и назначен полицмейстером Москвы. Судя по всему, новый полковник проявил себя достойно, и потому 31 марта 1797 года император Павел I своим указом назначил его уже обер-полицмейстером и произвёл в статские советники, а через несколько месяцев и в действительные статские советники.

Казалось бы, дела московского обер-полицмейстера Каверина пошли в гору. Во-первых, потому что удачно женился на красавице Анне Корсаковой, которая была в родстве с московским губернатором Архаровым. Во-вторых, «за храбрость и мужество и многие труды» был награждён орденом Святого Владимира IV степени. Наконец, работа в качестве главы московской полиции приносила удовлетворение не только ему самому — и высшее начальство, и москвичи отзывались о нём чуть ли не с восторгом. Обер-полицмейстер Каверин не только следил за порядком в первопрестольной, но ещё и активно занимался благоустройством города, о чём свидетельствуют архивные документы.

Император Павел I был очень доволен работой Каверина и особенно отмечал «прямо его феноменальную расторопность, распорядительность и находчивость». Хорошо знавший его поэт и государственный деятель, современник Пушкина П.А. Вяземский так отзывался о Павле Никитовиче: «Он был ума бойкого и сметливого. Настоящий русский ум там, где он есть, свежий, простосердечно-хитрый и несколько лукавый...»

Всё как будто шло хорошо, но случилась неприятная история: у обер-полицмейстера возник конфликт с французским подданным Л. Латомбелем, который оскорбил Каверина.

Император Павел I, толком не разобравшись, обвинил начальника полиции в жестокости, в декабре 1798 года освободил его от должности и причислил к Департаменту герольдии. Ко всему прочему в это время у Павла Никитовича умирает жена Анна Петровна. Конец карьеры?

В марте 1801 года на российский престол взошёл император Александр I, и среди первых его назначений в том же марте было назначение Павла Каверина... тем же обер-полицмейстером Москвы. И вновь жизнь Каверина начала налаживаться.

Вернувшись к привычной работе, он с ещё большим рвением принялся за дело, и вновь у него всё получалось отменно, вновь его полюбил московский люд и наверху оценили. Близкий к царскому двору граф В.А. Зубов сообщал из Петербурга Каверину: «Учтивым твоим поведением с публикой здесь довольны». Но судьба высокого государственного мужа во все времена была полна неожиданностей. Вот и на этот раз обер-полицмейстером Москвы он прослужил до декабря 1802 года и, несмотря на успешную деятельность, был уволен, как было сказано в официальном документе, «по болезни». И лишь в 1810 году вернулся к служебной карьере и был назначен управляющим московским отделением Государственного ассигнационного банка. Павел Никитович, судя по всему, и на этой должности преуспел, поскольку меньше через год был пожалован государем в тайные советники.

И опять его карьера пошла вверх: указом Александра I от 22 февраля 1811 года Павел Каверин назначен Калужским губернатором. Вот где пригодился ему опыт московского обер-полицмейстера, который ранее не чурался и хозяйственных дел. Потому как на его калужские годы пришлась суровая пора Отечественной войны 1812 года, героическая оборона Калуги и восстановление разрушенного города. Но прежде, перед самой войной, губернатор Каверин занялся строительством в городе Гостиного двора, присутственных мест, почтамта и кафедрального собора. А когда наступил грозный 1812 год, Павел Никитович возглавил комитет по формированию калужского ополчения и обороне города, снабжению русской армии боеприпасами и продовольствием.

Местные историки отмечают, что губернаторство Каверина способствовало особому подъёму патриотических чувств калужан, а сама Калуга в течение нескольких недель войны снабжала русскую армию продовольствием и боеприпасами. Впечатляющую роль в организации обороны города и мобилизации ополченцев сыграл именно Каверин, что впоследствии было отмечено самим Кутузовым. А великий русский писатель Николай Карамзин не раз вспоминал с уважением, как владеющий в Москве

1812 год.
Бои под Малоярославцем Калужской губернии

несколькими зданиями Каверин во время нашествия Наполеона готов был сжечь всю свою недвижимость, только бы она не досталась врагу.

Когда наконец наступил коренной перелом в войне и наполеоновские войска, точнее, их остатки позорно потянулись обратно через всю Европу во Францию, опыт и знания калужского губернатора Каверина пригодились для восстановления Смоленской губернии: в конце 1812 года Павел Никитович был назначен управляющим освобождённой от супостата Смоленщины. И здесь Каверин начал успешно восстанавливать порушенные структуры. Под его руководством в короткие сроки удалось восстановить органы губернского управления, заработала почта, возобновились промыслы и торговля, были приняты эффективные меры по предотвращению эпидемий, а для смолян были введены льготы и даже выдавались пособия для восстановления хозяйств. До сих пор помнят жители Смоленска сотворённое Кавериным добро и чтят его как патриота, руководившего возрождением их родного края.

Высокая репутация Павла Каверина как настоящего гражданина и государственного мужа была подтверждена им ещё раз в 1813 году: Павел Никитович был назначен членом комиссии по исследованию лиц, находившихся в должностях у неприятеля во время оккупации Смоленска. То есть разбирался с предателями, которые продались за наполеоновские «пряники».

Увы, этот год можно считать переходным и в жизни Павла Никитовича: рабочая активность достаточно крупного государственного деятеля сошла на нет. С 1816 года ему приказано присутствовать в Сенате, но эта деятельность уже никак не могла сравниться по активности с его прежними назначениями. Из последующих личных жизненных событий самым примечательным можно назвать женитьбу Павла Никитовича — в 1817 году его второй женой стала богатая калужская помещица Авдотья Сергеевна Богданова. Окончательно в отставку Каверин подал в 1827 году. И поскольку на службе не воровал и не нажил больших денег, то вплоть до конца жизни главным источником его дохода была пенсия. Впоследствии он переехал на жительство к сыну — к Петру Каверину (ещё раз напомним: к тому самому, что упоминается в «Евгении Онегине») в городок Радзивилов (ныне в Ровенской области Украины, близ границы). О его жизни в провинции подробностей осталось мало. Одно время он будто бы пытался работать там над своими автобиографическими записками, но, видно, что-то не заладилось и никаких записок после него так и не нашли. Причиной этой неудачи, возможно, стало то, что к концу жизни Павел Никитович ослеп.

Обер-полицмейстер Москвы Павел Никитович Каверин ушёл в мир иной 4 февраля 1853 года на девяносто первом году жизни. Похоронен в местечке Радзивилово Кременецкого уезда Волынской губернии в кладбищенской церкви преподобного Павла Фивейского. Построила церковь его вдова Авдотья Сергеевна. На одной из двух медных табличек начертано: «В храме сем покоится прах Тайного Советника Сенатора и Кавалера Каверина. Храм сей воздвигнут иждивением вдовы Покойника Авдотьею Сергеевною Кавериной, урождённой Богдановой».

Нынче в том городке есть памятники и «героям УПА», и «Голодомору», и другим современным украинским героям. В информационных туристических и географических источниках иногда даже упоминается о захоронении Павла Каверина. Правда, без особых разъяснений, кто это. И всегда с одной и той же припиской: «Могила не сохранилась».

Александр ДАНИЛКИН,
иллюстрации из открытых источников

...И страсть хватать разбойников

Стремительные взлёты в судьбе этого человека поражают воображение. Может, он любимчик судьбы? Трудно сказать. Ведь наряду со взлётами столь же скорыми были и падения, из которых, однако, он с честью выбирался. Так кто же он, обер-полицмейстер Москвы Фёдор ЭРТЕЛЬ?

Портрет Фёдора Эртеля работы Джорджа Доу

Фёдор Фёдорович Эртель родился 12 января 1767 года в прусском городе Лабиау (ныне Полесск Калининградской области России). Его отец был поручиком драгунского полка, а мать — племянницей знаменитого в Пруссии шефа чёрных гусар Вильгельма Себастьяна фон Беллинга.

Начальное образование Эртель получил в Смоленском кадетском корпусе, по окончании которого в возрасте 11-ти лет юноша был направлен юнкером в Прусскую армию, в Саксонский полк Цастрова. Благодаря счастливой случайности он попал в роту капитана Брошитедта, человека безмерно доброго, сумевшего скрасить мальчику неприглядную суровую обстановку тогдашней военной службы.

В 1784 году Эртель был произведён в прапорщики и переведён в роту майора Штоллебена, расквартированную в соседнем городе. Но случилось так, что полная материальная необеспеченность заставила прапорщика выйти в отставку. О своём решении 17-летний Фёдор не известил отца. Просто продал своё скудное имущество и отправился в Россию, где надеялся сделать карьеру.

По дороге в Санкт-Петербург, в городе Либаве, соотечественник Эртеля майор Шиц дал ему рекомендательное письмо к влиятельному при Российском императорском дворе полковнику Христофору Ивановичу Бенкендорфу. Заручившись этим письмом, Фёдор Эртель прибыл в Санкт-Петербург и на приёме у полковника встретился с наследником престола Цесаревичем и Великим Князем Павлом Петровичем, которому сумел понравиться, да так, что был немедленно назначен в состав Собственных Его Высочества Гатчинских войск с зачислением прапорщиком в 1-й флотский батальон. Это было 31 марта 1785 года. Буквально через год — 1 мая 1786 года — Фёдор Эртель был пожалован в подпоручики, а 1 января 1788 года — уже в поручики. Первым его сражением стал бой у деревни Кайпийаса в 1788 году.

13 июня того же года юный поручик под начальством капитана Слизко участвовал в сражении против шведов в Финском заливе, недалеко от города Фридрихсгама Выборгского наместничества Российской империи.

В 1789 году Эртель, памятуя о хорошем к нему расположении наследника престола, просит того разрешить ему служить волонтёром в войсках под командованием принца Карла Генриха Нассау-Зигена, ожидавшего приказа к началу военных действий.

Ему идут навстречу и поручают канонерскую лодку № 75 (парусно-гребное судно с несколькими пушками). На ней Эртель в ночь с 3 на 4 августа 1789 года участвует в морском бою близ Фридрихсгама, а 13 августа — в генеральном сражении у Роченсальма, где после трёхчасового боя Фёдор Эртель овладевает шведской галерой, вооружённой тремя пушками, и захватывает в плен трёх офицеров и 85 нижних чинов.

На другой день при высадке на берег Финляндии он полонил ещё одного офицера и 235 нижних чинов, за что был пожалован в капитаны. Но не успел он надеть новые знаки различия, как представился другой случай проявить свою доблесть. Через неделю, 21 августа, Эртель вновь оказался на неприятельском берегу с десантными войсками и, командуя отрядом, со знаменем в руках первым взошёл на две шведские батареи, за что получил звание секунд-майора (такой же геройский поступок 8 лет спустя совершит на Аркольском мосту молодой Наполеон Бонапарт).

Буквально через два дня, едва получив новое офицерское звание, Фёдор Эртель в морском бою был ранен пулей в голову и лишился правого глаза.

Как ни парадоксально звучит, но эта рана, возможно, спасла капитану жизнь, так как во втором Роченсальмском сражении 28 июня 1790 года русский гребной флот потерпел фиаско и практически весь был уничтожен.

Командиры в самых лестных выражениях аттестовали храбрость Эртеля принцу Нассау-Зигену, который лично велел составить ему записку о действиях храбреца в Финляндии и письменно рекомендовал доблестного капитана графу Безбородко. Благодаря этой рекомендации Фёдор Фёдорович получил чин премьер-майора и пожизненный пенсион в 400 рублей. 3 октября 1789 года, выписавшись из госпиталя, Эртель вышел в отставку.

В 1791 году случилась трагедия — пожар уничтожил всё состояние премьер-майора. Это несчастье принудило его вновь идти служить, но уже по гражданской части. Фёдор Фёдорович пришёл заседателем в Ямбургский уездный суд. И сидеть бы ему в канцелярии остаток жизни, разбирая различные земельные и семейные тяжбы, не помоги ему прежний благодетель Великий Князь Павел. Прошло два года. Павел Петрович, желая ввести в состав Гатчинских войск гренадёрский батальон, вспомнил об Эртеле и поручил ему формирование подразделения. Он вновь принят на военную службу майором лейб-гренадёрского полка, с зачислением в 1-й флотский батальон.

30 января 1796 года Фёдор Фёдорович по состоянию здоровья был отстранён от службы и по ходатайству Великого Князя определён прокурором в Выборгский магистрат.

После воцарения на престоле Павла I военная карьера Эртеля пошла вверх. 12 ноября 1796 года он вновь был зачислен майором в лейб-гренадёрский полк для обучения личного состава новым экзерцициям и манёврам, существовавшим до того в Гатчинских войсках. Исполнив поручение в самое короткое время, он в наилучшем виде представил полк на Высочайший смотр и был награждён орденом святой Анны III степени на шпагу. Вскоре Фёдор Эртель по высочайшему повелению был командирован для инспекторского смотра в Сибирскую инспекцию. Быстро и качественно выполнив возложенное на него поручение, майор вернулся в Санкт-Петербург и 26 февраля 1797 года был произведён в подполковники, а через год — в полковники. 5 марта того же года он был переведён в лейб-гвардии Преображенский полк, где государь поручил ему формирование нового батальона. По представлении полка на Высочайший смотр государь собственноручно возложил на Эртеля орден святой Анны II степени и пожаловал ему 500 душ в Подольской губернии.

10 декабря 1798 года Фёдор Фёдорович Эртель был произведён в генерал-майоры и назначен московским обер-полицмейстером с дозволением носить Преображенский мундир. В этой должности он пробыл два года, но за столь сравнительно небольшой срок внушил к себе страх у жителей Первопрестольной своей строгостью. Особенно невзлюбила его молодёжь, жаловавшаяся на крутость правительства и обер-полицмейстера, строго преследовавшего ношение платья и треугольных шляп. По отзывам генерал-лейтенанта, сенатора и русского военного писателя Александра Ивановича Михайловского-Данилевского, это был жестокий начальник полиции. Однако судья, просветитель и литератор Иван Александрович Второв в своих записках отзывается об Эртеле как о человеке благоразумном, никогда не выходившем за границы благопристойности и исполнявшем свои обязанности по совести. Но, пожалуй, наиболее точную и яркую характеристику он получил в известных «Воспоминаниях» Филиппа Филипповича Вигеля: «Между гатчинскими офицерами был пруссак Эртель, которого сама природа сделала начальником полиции: он был весь составлен из капральской точности и полицейских хитростей... Эртель был человек живой, весёлый, деятельный. В нём была врождённая страсть настигать и хватать разбойников и плутов, столь же сильная, как в кошке ловить крыс и мышей. Никакой вор, никакое воровство не могли от него укрыться... на пожарах пламень как будто гаснул от его приближения».

Как говорилось ранее, император Павел I очень любил Эртеля и постоянно удостаивал его своим монаршим вниманием. Царь назначил его командором ордена святого Иоанна Иерусалимского и пожаловал ему орден святой Анны I степени.

Быть бы со временем Фёдору Фёдоровичу не меньше чем министром внутренних дел, но дворцовый переворот и убийство императора Павла I привели к его немедленной отставке. Как отмечали современники, в Москве по этому поводу наблюдалось нечто вроде всенародного ликования...

Когда на престол взошёл Александр I, Фёдор Эртель, к радости многих, боявшихся его строгости, был замещён на должности московского обер-полицмейстера Павлом Никитовичем Кавериным.

Покинув Москву, бывший начальник полиции поселился в пожалованном ему имении, но спустя 10 месяцев (17 марта 1802 года) вновь был принят на службу и назначен шефом Бутырского мушкетёрского полка, за отличное состояние которого в августе того же года был награждён благоволительным рескриптом.

7 сентября 1802 года Эртеля назначили Санкт-Петербургским обер-полицмейстером с причислением к армии. Занимая в течение шести лет эту должность, Фёдор Фёдорович провёл реформу полицейского дела в столице и получил за заслуги на этом поприще алмазный знак ордена святой Анны I степени и святого Владимира III степени, бриллиантовый перстень и 6000 рублей.

Однако жизнь генерала не была совсем уж безоблачной. Обосновавшись в Санкт-Петербурге и

начав там строительство нового дома, Фёдор Фёдорович наделал столько долгов, что в конце концов был объявлен банкротом. По этой или по каким-то другим причинам он попросился на строевую должность в армию, и просьба его была удовлетворена. Однако при приёме дел новым обер-полицмейстером генерал-лейтенантом Александром Дмитриевичем Балашовым вдруг выяснилось, что «...не сдано им в ведомство моё никакой суммы денежной... Нижние чины не получали за несколько лет иные амуниции, другие жалованья; лошадей пожарных и драгунских недоставало 119». Мало того, по ревизии вскрылось, что бывший полицмейстер «...взял сам собою из общих управских сумм более 76 тысяч рублей на употребление по полиции». Для рассмотрения всех этих претензий был учреждён особый комитет, но каким-то образом Фёдор Фёдорович сумел повлиять на рассмотрение дела и был «в том Всемилостивейше прощён из уважения к его службе».

29 марта 1808 года Эртель был уволен с должности обер-полицмейстера и назначен состоять в свите государя. В 1810 году он был определён генерал-квартирмейстером в Молдавскую армию под предводительством графа Николая Каменского. Вскоре за доблесть, проявленную в боях со шведами, и за удачное исполнение возложенных на него поручений Фёдор Фёдорович был награждён орденом святого Владимира II степени, а также произведён 17 февраля 1811 года в генерал-лейтенанты. Почти одновременно он был командирован по высочайшему повелению в западные губернии для установления причин происходивших там волнений, за что был пожалован 25 000 рублями. 12 октября того же года Эртель был назначен дивизионным начальником рекрутского депо 2-й линии, а 22 ноября — командиром 2-го резервного корпуса.

Фёдор Фёдорович принимал участие и в Отечественной войне 1812 года, причём ему поручены были войска отдельного корпуса, расположенного около Мозыря. До августа военных действий не было, но и в этот промежуток времени Эртель сумел оказать важные услуги, подавив польское восстание в Минской губернии. Рескриптом от 1 сентября 1812 года император Александр выразил ему благодарность и предписал «по прибытии Дунайской армии на театр военных действий поступить под начальство адмирала Павла Васильевича Чичагова, а до тех же пор действовать по своему усмотрению, не удаляясь, однако, от Мозыря».

Тогда же Эртель выступил под Глуском и под Пинском против австрийского генерала Мора, где захватил 80 пленных, а затем после упорного сопротивления овладел главными неприятельскими запасами. За успешные действия император Александр I наградил Фёдора Фёдоровича орденом святого Георгия III степени. В октябре по приказанию адмирала Чичагова Эртелю надлежало идти из Мозыря через Игумень на соединение с Дунайской армией, но веские причины задержали Фёдора Фёдоровича вплоть до ледохода на реке Припяти. Недовольный бездействием Эртеля, Чичагов отказал ему в начальствовании над корпусом, заместил его генералом Тучковым и нарядил над ним следствие. Император Александр I по своему благодушию простил Эртеля, прекратил следствие и 10 декабря назначил его военным генерал-полицмейстером всех действующих армий на правах отдельного корпусного командира. Это звание сохранилось за Фёдором Эртелем на всё время заграничных войн до второго Парижского мира в 1815 году.

В течение достопамятных трёх лет, от января 1813 по октябрь 1815 года, Эртель был неустанным блюстителем порядка в армиях и на путях сообщения. Свято исполняя волю государя, он был покровителем безоружных жителей в местах, где проходили сражения. Каждый обиженный прибегал к генерал-полицмейстеру и находил в нём утешителя не только на словах, но и на деле. Справедлив и неумолим бывал Эртель в деле розыска виновных и строго наказывал притеснителей. Не уходили от него и лазутчики, подсылаемые Наполеоном в союзные армии. Во время заграничных походов под руководством генерала были схвачены и преданы суду 150 французских шпионов. Никакие их хитрости и проделки не ускользали от Фёдора Фёдоровича. Особенно Эртель прославился в период похода во Францию, где враждебно расположенные к российской армии жители захватывали наши обозы. Обычно генерал-полицмейстер в таких случаях лично являлся на место происшествия. Его энергия так страшила французов, что они стали бояться даже его имени.

За удачные действия против Наполеона, двинувшегося 10 марта 1814 года, после сражения при Арси-сюр-Обе, в тыл нашей армии Эртель был награждён Александровской лентой.

По возвращении в Россию Фёдор Фёдорович по состоянию здоровья был уволен в бессрочный отпуск с сохранением всего получаемого им содержания. В 1818 году он отправился на Кавказ, на Балдонские воды для лечения, но эта поездка мало облегчила его болезнь, и 21 октября 1821 года Фёдор Эртель подал рапорт на увольнение с должности генерал-полицеймейстера 1-й армии. Когда продолжительный отдых восстановил его силы, он в 1823 году был вновь назначен на прежнюю должность с оставлением в свите государя. 12 декабря того же года Эртель был пожалован в генералы от инфантерии. В 1824 году, исполняя в Киеве возложенные на него поручения государя, Фёдор Фёдорович захворал лихорадкой и, невзирая на запрещения врачей, отправился в Могилёв, чтобы дать отчёт об исполнении поручения. Он прибыл туда 4 апреля 1825 года в совершенно безнадёжном состоянии и утром 8 апреля скончался на 58-м году жизни.

Сергей ОСТАШЕВ,
с использованием исторических источников

Полиции Москвы новой быть

На стыке XVIII и XIX веков обер-полицмейстером Москвы был Григорий Григорьевич СПИРИДОВ — представитель знаменитой военной российской фамилии. Его дед, Андрей Спиридов, во времена Петра I был комендантом отвоёванного у шведов Выборга, а отец, Григорий Спиридов, — полным адмиралом, выдающимся флотским военачальником. Наш герой родился в 1758 году. Для того, чтобы понять как рос и формировался характер будущего московского обер-полицмейстера, необходимо рассказать о его отце, в честь которого, кстати, Григорий был наречён.

Григорий Андреевич был знаменитым адмиралом екатерининских времён и участвовал во многих сражениях и баталиях. Но своё имя он обессмертил в так называемой Первой Архипелагской экспедиции — стратегическими действиями Балтийского флота в Средиземном море. Основные события происходили в Эгейском море, как тогда говорили в «Греческом архипелаге». Спиридов был участником одного из главных событий экспедиции — Чесменского сражения.

Адмиралу Спиридову были присущи решительность и личная храбрость, эти качества он воспитывал и у сыновей.

Наш герой, как сын человека, имеющего высочайшие заслуги перед Россией, был отобран для учёбы в Пажеский корпус. В этом учебном заведении училось всего сорок юношей — по специальной программе. Они получали не только солидную военную подготовку, но и выходили из корпуса высокообразованными и отлично воспитанными людьми.

Получив офицерское звание, Григорий Спиридов был направлен служить в гвардейский Семёновский полк — старейшую воинскую часть России, ведущую своё начало от потешных войск Петра Великого.

В чине капитана Григорий Григорьевич участвовал в Шведской войне. Этот конфликт инициировали шведы, надеясь, что пока Россия занята очередной войной с Турцией на юге, они «прихватят» наши территории, которые ещё недавно были шведскими. Семёновский полк участвовал в нескольких сражениях. В конечном счёте шведы отошли обратно.

Григорий Григорьевич был младшим, шестым ребёнком в семье (четыре брата и две сестры), и как нередко бывает в таких случаях, «последыш» имел слабое здоровье. После участия в боях со шведами, его состояние резко ухудшилось, и он вынужден был уйти из вооружённых сил.

На государственную службу он вернулся уже после смерти Екатерины II, когда на трон взошёл император Павел. Павел Петрович, как писали о нём современники, был «врагом неги и роскоши, строгий блюститель порядка, взыскательный за малейшее упущение и необыкновенно щедрый в наградах за заслуги». Он считал, что стране нужны реформы, и для их проведения активно использовал гвардейских офицеров, в частности Семёновского полка. Он и назначил бригадира Спиридова, а именно в таком чине вышел в отставку Григорий Григорьевич, обер-полицмейстером в Москву. Произошло это в 1798 году.

Теперь наступил момент разобраться в том, что собою представляла тогда московская полиция. Её жизнь регламентировалась вступившим в действие в 1782 году «Уставом Благочиния, или Полицейского». Кстати, позже документ утвердил внук Екатерины, Александр I, и этот устав определял жизнь и деятельность органов правопорядка Первой столицы России вплоть до второй половины XIX века.

Были введены многие новшества. Московская городская полиция впервые приобрела черты профессиональной. Была введена новая структура управления Москвой. Традиционное разделение на сотни было отменено. Появились кварталы, в которые входило 50—100 дворов. В каждом квартале имелся свой квартальный надзиратель и квартальный поручик (его помощник). Они выполняли обязанности судей первой инстанции по мелким преступлениям.

Кварталы объединялись в части, которыми руководили приставы. В каждой части располагался полицейский дом. Здесь были помещения полиции, арестантские камеры, конюшни и помещения пожарников. Здесь же наказывали провинившихся обывателей и крепостных (по просьбе их хозяев).

Всего в Москве было 20 частей и 88 кварталов. В них служили 1200 стражников (будочников и хожалых).

Также была введена новая система формирования кадрового состава полиции. Отныне обязанности сотрудников полиции выполняли лица, служащие в ней на постоянной основе.

Рядовые сотрудники полиции теперь набирались из числа солдат, выделенных из местного гарнизона (городских батальонов) или других воинских частей. Они делились на будочников и хожалых. На улицах Москвы появились будки — небольшие строения, около которых дежурили постоянные сторожа, то есть будочники. Хожалые выполняли различные поручения начальства. В каждой будке жил будочник с женой и хожалый.

Офицеры полиции — квартальные надзиратели и поручики (их заместители), а также частные приставы теперь служили в ней на постоянной основе. Таким образом, была создана профессиональная полиция.

Московские правоохранительные органы долгое время не имели чёткого штата, поэтому каждый год министр внутренних дел подавал на имя императора рапорт о штате московской полиции. В годы руководства ею Григорием Спиридовым в составе московской полиции числилось 40 унтер-офицеров (по двое в каждой части), 460 человек в пешей полицейской команде и 309 — в конной полицейской команде.

Рядовые сотрудники полиции официально назывались мушкетёрами, как солдаты в армии. Кроме того, в штате полиции числилось 320 фурлейторов при пожарных орудиях, то есть пожарных. И 24 инвалида при казармах.

Полицейскими офицерами обычно становились бывшие армейские офицеры, перешедшие на службу в полицию после получения ранений или долгой службы. Нередко они смотрели на полицейскую службу как на синекуру, где можно «досидеть» до пенсии.

Расследованием преступлений занимались сами полицейские, причём офицеры полиции имели полномочия суда низшей инстанции. Виновных в мелких правонарушениях наказывали ударами (плюхами) тут же на месте. Иногда их сажали в будки на ночь. Более серьёзным наказанием были розги, которыми секли уже в участке.

Задержанных на месте преступников, в первую очередь воров, будочники хватали, рисовали им на спине круг с крестом и приказывали в течение дня подметать улицу там, где они попались. Вечером их отводили в часть, на ночлег в камере. На следующий день они подметали улицу уже около казённых учреждений, всё так же с отметиной на одежде. Всё это сопровождалось насмешками и издевательствами со стороны прохожих. Вечером пойманных заносили в списки воров и отпускали по домам.

Дознание обычно заключалось в аресте подозрительных лиц. Подозреваемых либо определяли сами полицейские, либо их называли агенты, завербованные среди местного населения. Последние нередко сотрудничали с полицией, преследуя свои цели: в обмен на услуги стражи порядка закрывали глаза на их правонарушения.

Кроме того, имелись сыщики, то есть люди, специализировавшиеся на раскрытии преступлений. Иногда это были следственные приставы, расследовавшие преступления. Но чаще всего специалистами по расследованию сложных дел считались лица, не занимавшие специальных постов, а работавшие как обычные сотрудники полиции, чаще всего в должности пристава. В случае серьёзных преступлений их и приглашали. Такими специалистами были известные приставы Поляков, Шидловский, Хотинский.

Все подобные сотрудники сочетали интерес и способности к розыскной работе с наличием связей в преступном мире, позволявших находить подозреваемых. При этом сами полицейские нередко не гнушались взятками и другими видами сделок с преступниками.

В отличие от армии, где солдаты большую часть времени находились под контролем офицеров и в расположении части, сотрудники полиции имели намного больше свободы, которую нередко использовали в своих интересах. Замена нерадивого служащего выливалась в серьёзную проблему, так как требовала долгой и упорной переписки с военным министерством в Петербурге, которое должно было дать согласие на выделение нового сотрудника взамен провинившегося.

Это ещё более ослабляло дисциплину в полиции и вело к тому, что те, кто должен был защищать закон и права граждан, сами нередко выступали нарушителями закона. В этот период начала складываться система регулярных (так называемых праздничных) поборов со стороны полиции, когда полицейский «поздравлял» хозяина дома, а тот клал ему в карман конверт.

Много различных забот было у московского обер-полицмейстера. Стоит ли удивляться тому, что вскоре Григорий Григорьевич почувствовал нехватку сил и в 1804 году попросил отставки. На его место был назначен генерал-майор Балашов. Григорий Григорьевич сдал должность и уехал в отцовское село Нагорье, где занялся своим здоровьем.

Напомню, что в конце XVIII — начале XIX века в мире пылали военные пожары, вызванные походами французского императора Наполеона Бонапарта. Подчинив себе почти все страны Европы, в июне 1812 года он перешёл границу и двинулись в глубь России. Эта неприкрытая агрессия вызвала мощный взрыв русского патриотизма. Во многих регионах стали формироваться ополчения, партизанские отряды, которые стали оказывать помощь регулярной армии. Эта, по словам Льва Толстого, «дубина народной войны» немилосердно обрушилась на французов.

Когда дворянство Владимирской губернии стало организовывать ополчение, то первым, забыв

о своём нездоровье, в него записался наш герой. Учитывая выучку и заслуги, Григория Григорьевича назначили командиром 2-го Владимирского полка.

Вскоре во Владимир пришла весть о грандиозном Бородинском сражении и о том, что русская армия оставила Москву. Из уст в уста стали передаваться слова, сказанные главнокомандующим русскими армиями князем Михаилом Кутузовым на знаменитом совещании в Филях. Здесь решалось: сдавать французам Москву или вступить в ещё одно сражение с Бонапартом. Большинство молодых генералов высказались за новое генеральное сражение. И тогда Кутузов сказал, что с «потерей Москвы не потеряна ещё Россия», и принял решение отступить, усилиться резервами и дать врагу новый бой. Утверждают, что он сказал: «Мы его не победим, мы его обманем».

Русские войска оставили древнюю столицу. Наполеон долго стоял на Поклонной горе и ждал, когда ему принесут ключи от Москвы подобно другим столицам Европы.

Владимирское ополчение пошло освобождать Белокаменную. Но к моменту их появления на окраинах Москвы Наполеон уже оставил город. Воевать не пришлось. И тут были востребованы другие таланты Григория Григорьевича. Москва, как известно, была разорена страшно и нуждалась в наведении порядка и восстановлении. Нужно было наладить полицейскую охрану, чтобы сберечь оставшееся имущество. Бывший московский обер-полицмейстер Спиридов как никто больше подходил на эту роль. Поэтому главнокомандующий Москвы граф Фёдор Растопчин назначил его сначала комендантом, а затем гражданским губернатором Москвы. В качестве последнего Спиридов много способствовал реставрации города, разрушенного французами, да и самими русскими.

В июле 1814 года резко ухудшилось состояние, нет, не нашего героя, а его покровителя — графа Растопчина. Он попросился в отставку, и император Александр I удовлетворил его просьбу. А вслед за Фёдором Васильевичем попросился на отдых и Григорий Григорьевич, имевший чин действительного статского советника. Остаток своей жизни, а умер Григорий Григорьевич в 1822 году, он провёл в деревне, во Владимирской области.

Анна ШАМОНИНА,
иллюстрация из открытых источников

За что бы ни брался — всё получалось

Александр Дмитриевич БАЛАШОВ пост московского обер-полицмейстера занимал всего несколько лет, в период с 1804 по 1807 год. Однако сделать за это время ему удалось немало.

Но всё по порядку. Родился 13 (24) июля 1770 года в Москве. Происходил из дворянского рода. Был сыном екатерининского вельможи, сенатора, тайного советника Дмитрия Ивановича Балашова.

По обычаю, в возрасте пяти лет Дмитрий Иванович записал сына на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Там мальчик числился, воспитываясь в доме родителей, до 1781 года. Затем был переведён в пажи Высочайшего двора. Саша рос очень одарённым ребёнком. Всегда был лучшим учеником. Наибольшую склонность проявлял к точным наукам. В 1787 году был пожалован в камер-пажи. Екатерина Великая относилась к Александру Балашову с особой благосклонностью. Императрица рано разглядела в молодом придворном будущего государственного деяте-

Елена Петровна Бекетова с детьми

ля. Сам Александр Дмитриевич впоследствии вспоминал время правления Екатерины II как самое счастливое в своей жизни.

Молодой человек успешно строил военную карьеру. Уже в 28 лет он получил чин генерал-майора. В 1800 году в этом звании был отправлен в отставку, но вскоре вновь принят на службу.

Однако спустя несколько лет, в декабре 1804 года, Балашов по велению императора Александра I стал обер-полицмейстером Москвы. На этот пост Александра Дмитриевича порекомендовал граф Комаровский. Такое назначение стало для него неожиданным, ведь он был военным, а теперь необходимо было менять сферу деятельности. Но и на новом поприще Балашову удалось проявить себя с лучшей стороны.

В ноябре 1806 года московский обер-полицмейстер представил министру внутренних дел графу Кочубею подробный отчёт о проделанной работе. Так что же Балашову удалось сделать за время своего пребывания на этом посту?

В первую очередь он упорядочил отношения между инстанциями московской полиции. По ранее действующему порядку, сначала квартальные надзиратели получали на дом рапорты от подчинённых. С этими документами они приходили домой к частным приставам. Те обращались к полицмейстерам. А последние передавали бумаги обер-полицмейстеру. Балашов ликвидировал эту сложную схему. Он «назначил два места собрания сих рапортов: в 6 часов по полудни на каждой съезжей, и в 8 часов в управе благочиния, примером своим, поверкою и взысканием наблюдал точность исполнения».

Александр Дмитриевич вёл активную работу с горожанами. Жители могли в любое время обратиться в управу. Также он устраивал ежедневные приёмы просителей на дому. Уделял внимание каждой жалобе.

Начальник полиции ужесточил контроль за исполнением поручений. В результате текущее делопроизводство было ускорено. Все бумаги рассматривались в строго определённые сроки.

Благодаря Балашову московская полиция обзавелась собственной типографией. Там печатались приказы и распоряжения.

Большое внимание уделялось улучшению работы стражей правопорядка. Обер-полицмейстер детально регламентировал их должностные обязанности. Составил подробные инструкции «каждому полицейскому званию, начиная с будочника и оканчивая частным приставом».

Успехи за период работы Балашова были достигнуты в том числе и в деле взыскания повинностей и недоимок. Жалоб от населения на этот счёт к обер-полицмейстеру не поступало.

Когда Александр Дмитриевич отчитался перед министром внутренних дел, то попросил его об отставке по состоянию здоровья. Но прошение не было удовлетворено. В ответ Кочубей написал Балашову письмо, в котором отмечал хорошо проделанную работу последнего и намекал тому на быстрый карьерный рост.

Так и произошло. 23 марта 1808 года Балашов занял должность обер-полицмейстера Петербурга. Через год стал генерал-губернатором Петербурга в звании генерал-адъютанта, а затем — членом Государственного совета и министром полиции.

Когда министерство полиции объединилось с министерством внутренних дел, Балашов был назначен генерал-губернатором Рязанского округа, куда входило несколько губерний. И на этом посту он смог проявить себя с положительной стороны. Благодаря его усилиям сбор налогов и делопроизводство вышли на более высокий уровень. В Рязани он открыл дом трудолюбия, а в Орле — школу канцелярских служащих и военное училище. Александр Дмитриевич был одним из инициаторов создания памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле. Должность генерал-губернатора Центрального округа упразднили в 1828 году. В связи с этим Александр Дмитриевич покинул пост, однако продолжал входить в состав Государственного совета. Через шесть лет вышел в отставку по болезни.

Как обер-полицмейстер Москвы Александр Дмитриевич оставил о себе добрую память. Так, будучи уже в преклонном возрасте, когда он вновь посетил город, жители с радостью приняли бывшего начальника полиции, отнеслись к нему уважительно и благосклонно.

В заключение — несколько слов о личной жизни Александра Балашова. Был дважды женат, имел пятерых детей. Его первая супруга, Наталья Коновницына, была двоюродной сестрой военного министра Российской империи Петра Коновницына. В семье родились двое детей. В 1806 году Балашов овдовел. Спустя два года женился вновь на одной из богатейших невест России — Елене Бекетовой, дочери полковника Петра Афанасьевича Бекетова и сестре знаменитого иконографа и издателя П.П. Бекетова. В этом браке у Балашова появились ещё три ребёнка. В 1817 году он приобрёл село Покровское в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Хотел сделать из Покровского родовое гнездо. Заложил большой пейзажный парк, построил усадьбу и новую церковь, внизу устроил родовую усыпальницу. Его жена Елена Петровна скончалась от горячки летом 1823 года в Рязани, там и погребена. Александр Дмитриевич умер в мае 1837 года в Кронштадте, ему было 66 лет.

Маргарита МАКЕЕВА,
иллюстрации из открытых источников

Дважды обер-полицмейстер

Ивану Васильевичу ГЛАДКОВУ довелось быть обер-полицмейстером в Москве, позднее — в Санкт-Петербурге. Он известен и как отважный военачальник, участвовавший в сражениях, в том числе с наполеоновской армией. Будущий генерал-лейтенант прославился также тем, что в своё время подавлял крестьянские волнения и судил декабристов.

Иван Гладков родился 27 января 1766 года в Саратовской губернии (по другим данным — в Пензенской или Курской). Он происходил из дворянского сословия. Уже в восьмилетнем возрасте мальчика записали на службу. Сначала он оказался в артиллерии на должности фурьера, а через год — в лейб-гвардии Измайловском полку. Кстати, судя по данному факту, Иван Васильевич был брюнетом, поскольку по традиции в это подразделение брали обладателей тёмных волос. Для сравнения — в Семёновский полк принимали исключительно блондинов.

К началу 1780 года молодой человек стал сержантом. В дальнейшем он неторопливо, но успешно поднимался по служебной лестнице. Так, в 1788 году был произведён в капитаны. Далее Гладкова назначили в Санкт-Петербургскую межевую экспедицию землемером 1-го класса.

Однако к началу осени того же года Ивана Васильевича перевели в Белозерский пехотный полк. Находясь в Олонецкой губернии, он сформировал и возглавил три конно-егерских эскадрона, во главе которых впоследствии принял участие в русско-шведской войне 1788—1790 годов.

За проявленные высокие качества Гладкова повысили до секунд-майора. Вскоре его перевели в Украинский легкоконный полк. В 1792 году, во время польской кампании, находясь в корпусе генерала Ферзена, наш герой оказался в гуще сражений, в которых участвовал корпус. Например, после взятия Брест-Литовска Гладков с эскадроном Украинского полка и тридцатью казаками был послан для доставления Высочайшего рескрипта бывшему Литовскому канцлеру графу Сапеге. Прорвавшись сквозь неприятельскую цепь, он выполнил поручение и через несколько дней благополучно возвратился с ответом. Стоит отметить, что в одном из боёв секунд-майор получил контузию, повредил правое плечо, после чего плохо владел рукой.

В 1793 году генерал-аншеф Кречетников командировал Гладкова с тремя сотнями казаков и эскадроном Украинского полка в Бобруйск для объявления Высочайшего манифеста о присоединении Литвы к России, для приведения к присяге дворянства и духовенства Бобруйского и Мозырского поветов и открытия сеймов. Эту миссию он также успешно исполнил.

Летом 1795 года Иван Васильевич стал премьер-майором. До февраля 1796 года он находился при генерал-губернаторе Белоруссии Тутолмине. Вскоре за свои труды был награждён золотой табакеркой и орденом Святого Владимира IV степени. В декабре 1796 года назначен в гусарский Линденера полк. Через полтора года Ивана Васильевича произвели в подполковники, буквально через месяц после того — в полковники. Его перевели в лейб-гвардии Гусарский полк.

В 1799 и 1800 годах во время войны с французами Гладков находился с десантом в Голландии. В сражении 21 сентября 1799 года командовал особой колонной. Таврический гренадерский полк, состоявший в его команде, за взятие на Алкмаарском канале французских батарей получил знамёна за храбрость.

Уже через два дня он командовал авангардом при местечке Бунцлау, где был ранен в левую ногу. В октябре 1799 года за проявленное мужество Ивана Васильевича наградили орденом Святой Анны II степени.

По возвращении в Россию в сентябре 1800 года Гладков стал шефом Чугуевского казачьего полка (эту должность занимал до февраля 1805 года), а в октябре того же года — инспектором по кавалерии Харьковской инспекции. И в ноябре 1800 года его произвели в генерал-майоры.

В 1805 году будущего обер-полицмейстера назначили командиром кавалерийской бригады из Елисаветградского гусарского и Черниговского драгунского полков. Иван Васильевич принял участие в войне с Наполеоном. Так, в сражении при Аустерлице он прикрывал во время отступления правый фланг армии и снова был контужен. В феврале 1806 года награждён за храбрость орденом Святого Владимира III степени.

Обер-полицмейстером Москвы Иван Васильевич Гладков был назначен в конце осени 1807 года. Этот пост он занимал до апреля 1809 года. Позже являлся президом по разным военно-судным делам. А с 1811 года являлся окружным генералом 2-го округа внутренней стражи.

В 1812 году Гладкова перевели в резервную армию бригадным начальником. Он сформировал в Твери 9-й, 10-й и 11-й резервные пехотные полки, поступившие затем в действующую армию. Кроме этого — четыре гренадерских и четыре пехотных батальона в Ростове, с которыми он выступил в Заграничный поход.

В 1813 году Ивана Васильевича назначили командиром 2-го резервного корпуса, который он повёл за границу. Затем командовал отдельными отрядами и находился при осаде крепости Модлина, отражал неприятельские вылазки. В октябре из-под Модлина Гладков привёл сводные батальоны пехотных дивизий к Рейну. В следующем году генерал-майор за шесть недель собрал 20 гвардейских рот, которые из герцогства Варшавского привёл в Санкт-Петербург.

В 1815 году военачальник вновь стал окружным генералом 2-го округа внутренней стражи, был командирован с батальонами внутренней стражи и жандармами в Костромскую губернию. За время своей службы в должности окружного генерала Гладков был награждён орденами Святой Анны I степени (в 1817 году) и Святого Владимира II степени (в 1820 году за труды по Тверскому военно-сиротскому отделению). В 1821 году он прославился тем, что усмирял волнения крестьян графа Разумовского в селе Гостилицы.

В августе 1821 года Иван Васильевич снова стал обер-полицмейстером, но уже в Санкт-Петербурге. Через месяц его произвели в генерал-лейтенанты. С 1822 года по 1826 год Гладков состоял председателем Попечительного комитета о тюрьмах. В 1826 году он вошёл в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов.

С лета 1825 года генерал-лейтенант являлся сенатором и членом комиссии по построению Исаакиевского собора. Последними наградами, полученными Гладковым, были алмазные украшения к ордену Святой Анны I степени и орден Святого Георгия IV степени за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах.

Гладков был женат на Марии Сергеевне (урождённой Мартыновой) и имел трёх дочерей — Наталью, Екатерину (фрейлина Высочайшего Двора) и Варвару.

Иван Васильевич Гладков умер 7 августа 1832 года. Погребён на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Подготовил Алексей БЕЛОЗЁРОВ,
иллюстрации из открытых источников

Москва, спалённая пожаром…

Будущий обер-полицмейстер Москвы Пётр Алексеевич ИВАШКИН родился в селе Горелки Тульского уезда Тульской губернии 7 мая 1762 года в семье владельцев Горелок — поручика лейб-гвардии Измайловского полка Алексея Ивановича Ивашкина и его супруги, поручицы того же полка Анастасии Ильиничны (в девичестве Желябужской). Семья была многодетной. У Петра Ивашкина было пять братьев — Николай, Андрей, Евграф, Михаил, Иван, и две сестры — Александра и Елизавета. Пётр был старшим.

Трое из братьев пребывали на военной службе. Николай носил звание прапорщика, Андрей состоял фурьером в лейб-гвардии Измайловском полку, Евграф и сам Пётр служили капралами в Преображенском полку.

Первый офицерский чин Пётр Ивашкин получил в Измайловском полку, куда был переведён в 1795 году. Находясь в том же подразделении, 17 апреля 1809 года уже полковником был назначен на должность обер-полицмейстера Москвы. Далее последовал чин бригад-майора, а затем, в 1812 году, — генерал-майора.

В том памятном 1812 году Ивашкин занимался эвакуацией жителей и госучреждений из Москвы, а после освобождения Белокаменной от французов руководил борьбой с мародёрами. Об этом эпизоде его службы стоит рассказать особо.

Деятельность московского обер-полицмейстера проходила под патронатом фаворита императора Павла, руководителя его внешней политики, генерала от инфантерии, генерал-губернатора Москвы в период наполеоновского нашествия Фёдора Васильевича Ростопчина.

В Москве в то время неусыпно работал сыск, так как у Наполеона была большая шпионская сеть не только в городе, но и по всей России. К католическим аббатам двух католических церквей Фёдор Ростопчин обратился с «объявлениями о поддержании спокойствия среди прихожан».

Надо сказать, что супруга генерал-губернатора Екатерина Петровна Ростопчина-Протасова была ярой католичкой, что её мужу доставляло массу неудобств при его тогдашнем положении. Он всячески уговаривал её ограничить свои религиозные чувства, особенно при народе.

Во главе полиции тогда, помимо обер-полицмейстера Ивашкина, стояли полицмейстеры Адам Фомич Броккер (Александр I назначил его в 1817 году полицмейстером в Санкт-Петербург, а позже, в 1824 году, — обер-полицмейстером), Воейков и Дурасов.

Из воспоминаний Натальи Фёдоровны Ростопчиной-Нарышкиной, дочери Фёдора Ростопчина:

«В 1815 году отец писал матушке из Берлина: «Г-н Обресков (гражданский губернатор Москвы), несмотря на природное своё легкомыслие, выказал при вторжении Наполеона бурную деятельность. Только он и г-н Броккер помогали мне в тяжких трудах 1812 года».

Теперь уместно перечислить высших московских чиновников той эпохи. Г-н Обресков был пятидесятилетний толстяк, любитель изысканного стола и карт, чуравшийся каких-либо серьёзных занятий. Однако с приближением неприятеля он пробудился от своего летаргического сна и оказал немалые услуги Отечеству; к тому же г-н Обресков отличался редким тогда бескорыстием. Обер-полицмейстер Ивашкин на всё жаловался и не выказывал ни присутствия духа, ни способности к делам. Его помощник Дурасов слыл полным умственным ничтожеством, несмотря на представительную внешность и краснобайство, третий полицмейстер, г-н Броккер, был правой рукой отца и всецело ему предан. Деятельный, сообразительный и бесстрашный, но подчас грубый и жестокий, он так и не заслужил признательность

НАША СПРАВКА

Пётр Ивашкин был дважды женат. Первая жена — Екатерина Сергеевна Шереметева, вторая — Евдокия Андреевна Ивашкина. Имел сына Николая Петровича Ивашкина от второго брака.

Во время службы награждён орденом Святого Владимира II степени «за оказанную бдительность в сохранении тишины и спокойствия между обывателями Московской столицы во время бытности неприятеля вблизи оной и за деятельность в поспешном восстановлении возможного порядка и устройства в сем городе по изгнании из оного неприятеля», а также орденами Святой Анны I степени с алмазами, Святого Георгия 4го класса и Святого Иоанна Иерусалимского.

Глинищевский переулок, дом 6. Здесь располагалась Канцелярия обер-полицмейстера П. ИВАШКИНА

москвичей; его образование было весьма недостаточно, а манеры слишком неприятны своим вызывающим тоном, но, в сущности, он имел благородное сердце, и батюшка вполне понимал его истинную цену».

В июне 1812 года Ивашкин получил выговор от Ростопчина за неэффективную работу по обеспечению общественного порядка и мздоимство полиции («чтобы не думали скрывать свои плутни»).

1 сентября Ростопчин предписал московскому гражданскому губернатору, сенатору, тайному советнику Николаю Васильевичу Обрескову отправить в Рязань «за присмотром содержащихся в здешнем тюремном замке криминальных колодников». Обресков, в свою очередь, согласовал предписание с Ивашкиным, возложив на него данную задачу.

Согласно сведениям Николая Васильевича, в тюремном замке содержалось 529 человек воинских арестантов по Московскому гарнизону. Во временной тюрьме — 166 человек. Обресков полагал (вероятно, по предложению Ростопчина) возможным, что «те из них, кто по давно бывшим претензиям могут быть освобождены на расписки с обязательством явиться по востребовании». Гражданский губернатор просил Ивашкина вытребовать от московского коменданта охранение под командой обер-офицера из расчёта одного рядового на трёх арестантов. Обресков требовал также изыскать суммы на продовольствие в дороге. Конвоирование содержавшихся по воинским преступлениям ста человек предполагалось поручить коменданту.

К 8 часам вечера 1 сентября Ростопчин получил от главнокомандующего объединёнными русскими армиями Михаила Кутузова уведомление, что войска, не принимая сражения, спешно оставляют Москву. У московского генерал-губернатора оставалось совсем немного времени, чтобы привести в действие давно задуманный план уничтожения города. Ростопчин отдал распоряжение Ивашкину вывезти из Москвы пожарные насосы, провёл тайное совещание с чинами полиции, снабдив их инструкциями по организации поджогов в городе в случае вступления французов.

Рано утром 2 сентября Ростопчин отправил Обрескова во временную тюрьму с приказом выпустить примерно полторы сотни арестантов, предварительно потребовав от них клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга».

Между тем к Москве уже приближался Наполеон. В полдень он любовался куполами русской столицы с Поклонной горы, после чего приказал авангарду маршала Франции Мюрата войти в город. Мюрат, без выстрелов преследуя русский арьергард, начал медленно продвигаться к Кремлю. Здесь произошла первая стычка с защитниками Москвы — ополченцами и полупьяными мужиками, которые стреляли по французам, бросались на них с пиками и даже рвали неприятелей зубами.

Сопротивление толпы, брошенной своими господами, было легко сломлено. Несколько человек были убиты, другие разбежались, третьих неприятель разоружил и взял под караул. Москва была пленена...

Но уже вечером в городе начались пожары. Первые взрывы и поджоги были произведены агентами Ростопчина — чинами московской полиции. Но вот кто продолжал осуществлять эти поджоги, начиная с 3 сентября, — вопрос до сих пор спорный.

В понедельник 2 сентября 1812 года смотритель Московского тюремного замка Иванов встал рано. Накануне стряпчий губернской уголовной палаты, надворный советник Евреинов сообщил ему, что «есть распоряжение начальства отправить из замка и временной тюрьмы колодников в город Рязань». В тот же день прибывший в замок частный пристав Муратов подтвердил это решение. Однако Иванов оставался в недоумении, «когда и каким образом то исполнением учиниться долженствовало»? «Ни отколе не имев» об этом сведений, «поутру в часе в 6-м», Иванов отправился на квартиру к обер-полицмейстеру Петру Ивашкину, к Красным воротам, «надеясь осведомиться о том и получить приказание». Однако квартира Ивашкина оказалась уже покинутой. Иванов в панике начал метаться, пытаясь узнать, куда же выехал его начальник, и что ему, Иванову, следовало

делать. И только по слухам узнал, что Ивашкин уже Москву покинул.

«...и так, — сообщал Иванов в рапорте тому же Ивашкину, — оставшись в изумлении, не зная к чему приступить, а паче что делать с вручённою мне обязанностью, лишаясь всех способов к продовольствию, возвратился немедленно к своей обязанности ожидать откуда-нибудь недоумению моему разрешения».

В тюремном замке при Иванове к утру 2 сентября содержалось ни много ни мало 627 арестантов и колодников.

В полном недоумении оказался к утру 2 сентября и смотритель Временной тюрьмы Вельтман, под надзором которого находились 173 арестанта (правда, часть из них из-за тесноты временной тюрьмы содержалась в тюремном замке в Бутырках). Подобно Иванову, он тоже бросился к дому Ивашкина, но, как и Иванов, нашёл квартиру своего начальника опустевшей. Столь же обескураженный, как и Иванов, Вельтман направился обратно к подвалам временной тюрьмы.

Наверное, всё дело в том, что Ростопчин, поручив гражданскому губернатору Обрескову заняться эвакуацией заключенных в Рязань, приступил к другим делам. Ивашкин же, со своей стороны, также уже 1 сентября отдал приказ московскому коменданту отправить утром 2 сентября «криминальных колодников» числом 529 человек из тюремного замка с «хорошим конвоем» в Рязань в полной уверенности, что подобную заботу со своих плеч сбросил. Ростопчин был занят множеством других дел и, по-видимому, к утру 2 сентября полагал, что проблема с острожниками решается своим чередом.

В 6 утра Ростопчин собрал в доме на Лубянке совещание полицейских чиновников. По-видимому, присутствовал и Ивашкин, которого столь тщетно разыскивали в это время Иванов и Вельтман возле Красных ворот. Судя по свидетельствам полицмейстера Бронера, полицейская команда, которой было приказано утром 2-го собраться возле квартиры обер-полицмейстера, в 6 — начале 7-го утра ещё не была собрана. Этим и объясняется тот факт, что Иванов с Вельтманом так и не смогли в указанный день увидеть Ивашкина и получить от него ясные распоряжения.

Вопрос о судьбе уголовников, то ли отконвоированных из Москвы, то ли выпущенных Ростопчиным для организации поджогов в городе, волновал многих участников событий 1812 года. На показательном процессе, организованном французами 24 сентября над 26 «поджигателями» было заявлено, что главным организатором пожара Москвы был именно Ростопчин. Было расценено, что он «велел распустить острог и около 800 преступников, которые были выпущены с тем, чтобы они подожгли город в 24 часа после вступления французов». Для руководства этим предприятием в Москве были оставлены «различные офицеры и полицейские чиновники». Помимо этого, указывалось, что Ростопчин вывез из города все трубы, дроги, крючья, вёдра и другие «пожарные орудия».

Сразу после отхода противника и вступления в Москву русских войск власти начали отлавливать арестантов, оказавшихся на свободе. 15 октября командир Московской драгунской команды майор Гельман докладывал обер-полицмейстеру Ивашкину, что в Москве задержано более 600 грабителей и под караулом содержалось более 200 человек. Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского Ростопчину от 16 октября 1812 года ещё более откровенен. Со ссылкой на майора К.Х. Бенкендорфа Иловайский сообщал, что «в течение двух дней переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из которых семь человек схвачены лейб-казачьим разъездом, против коего они стреляли из ружей, и несколько пойманы в святотатстве и убийстве...»

Этот рапорт Иловайского, а также другие свидетельства русских и французов позволяют со всей убеждённостью заявить о том, что в период наполеоновской оккупации в Москве находилось немало выпущенных из тюрем преступников, а приказание Ростопчина об отправке их из столицы «не было исполнено, по крайней мере, вполне».

Пётр Ивашкин — один из первых чинов городской администрации, вернувшихся в Москву после ухода французов. 13 марта 1813 года он доносил: «Ныне в столице мертвыя тела и лошадиные трупы на поверхности земли и мелко зарытых не находятся... Сожжено: трупов 11958, лошадей 12576». В феврале 1813 года под его надзором находились более тысячи пленных офицеров противника, зимой 1813 года для рядовых пленных им закупались «серое сукно и лапти».

По причине частых болезненных припадков» у Ивашкина в 1814—1815 годах должность обер-полицмейстера фактически исполнял полицмейстер Броккер. 6 февраля 1816 года Пётр Алексеевич подал прошение об отставке по болезни, после чего московский главнокомандующий генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов рекомендовал его кандидатуру в Сенат, «дабы долговременная, и потерею здоровья сопряженная, и многими отличиями ознаменованная служба не осталась без вознаграждения». Скончался Пётр Алексеевич Ивашкин 31 октября 1823 года. Похоронен в московском Свято-Даниловом монастыре.

Сергей ОСТАШЕВ,
с использованием исторических материалов,
фото и иллюстрация из открытых источников

Слуга порядка

9 мая 1863 года некоторые из наиболее уважаемых жителей нескольких кварталов тогдашней Серпуховской части в патриархально-купеческом Замоскворечье собрались вместе с представителями городских властей по не совсем обычному поводу. Праздновали пятидесятилетний (!) юбилей службы местного квартального надзирателя, 84-летнего штатного чиновника столичной полиции.

Крещёный огнём

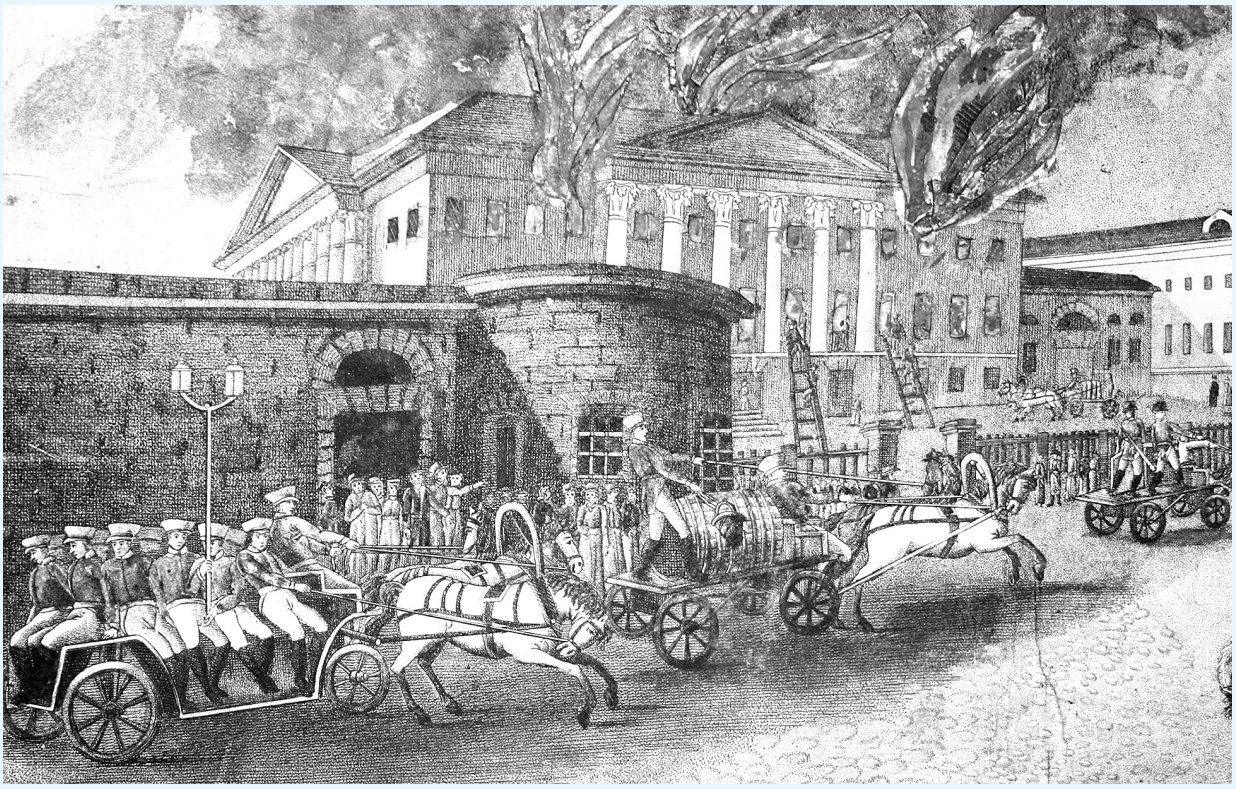
Будущий старейший на то время в России квартальный надзиратель, чиновник IX класса — титулярный советник Пётр Максимович Поляков родился в 1779 году. Успешно закончив курс обучения в коммерческом училище Воспитательного дома, получил при выпуске чин чиновника XIV класса — коллежского регистратора и был принят в штат московской полиции в 1810 году. А уже перед самой оккупацией города наполеоновским войском «за болезнью частного пристава Пятницкой части» он сам, причём в полном объёме, выполняет его многотрудные повседневные обязанности.

Далее служебная биография делает вовсе неожиданный зигзаг: полицейский чин Поляков, пусть временно, оказывается во главе... пожарной команды. Напомним, что огнеборцы традиционно и эффективно действовали в рамках стройной системы территориально-административных структур тогдашнего министерства, в свою очередь, в служебно-оперативном порядке подчиняясь московскому городскому полицейскому главе. В то время такую должность занимал генерал-майор Пётр Алексеевич Ивашкин.

Как гласил служебный документ, «1 сентября 1812 года обер-полициймейстер Ивашкин, прибыв в пятницкий частный дом (здание части — Н.Р.) в 11 часов вечера, приказал собрать команду градских стражей и мушкетёров и ожидать приказания, куда она должна будет следовать из Москвы; сам же с г. Поляковым отправился на берег Москвы реки, в 1-й квартал той части, где в то время находилось до 500 бочек вина, выгруженных с барок, и приказал г. Полякову те бочки с вином, посредством пожарной команды (! — Н.Р.) разбить к 2 часам утра, в каковой срок это поручение г. Поляковым и было исполнено в точности». Что ж, приказы столичным огнеборцам не оставить врагу ничего из даже мало-мальски «нестратегических» материальных ценностей, были и такие.

После выполнения этого необычного для начинающего полицейского чиновника поручения,

«На пожаре Московского университета»



«возвратясь в частный дом, г. Поляков нашел команду, собравшуюся в числе 110 человек, и тотчас же получил приказ обер-полициймейстера следовать с нею в город Владимир. В день занятия Москвы неприятелем, 2 сентября 1812 года, в 7 часов утра, Поляков вывел из Москвы команду, которая размещена была на квартирах близ Владимира, и в первых числах ноября месяца 1812 года г. Поляков с той командою, в полном ея числе, обратно возвратился в Москву».

Заметим, что полностью сохранить личный состав полицейских подразделений удалось далеко не всем командирам. В сумятице отступления и возвращения некоторые из тогдашних московских пожарных частей понесли заметные потери, по которым, кстати, велась затяжная служебная переписка — ибо часть огнеборцев под самыми разными предлогами к своей опасной профессии просто не захотела вернуться, а большая часть поступила добровольцами в действующую армию. Заслугой же пока ещё и. о. частного пристава Петра Максимовича Полякова стало возвращение в выгоревший, но ждавший своего возрождения и дальнейшего мирного обустройства и развития столичный город, к сплочённому как прежде личному составу Пятницкой пожарной части.

Секреты должности

П.М. Поляков добросовестно прослужил в Пятницкой полицейской части 22 года.

По состоянию здоровья он в 1832 году выходит в отставку. Но через три года... вновь возвращается на службу, нести которую ему теперь поручено в должности квартального надзирателя всё в том же Замоскворечье, но уже в соседней Серпуховской части — где и потрудился на своём нелёгком посту ещё 28 лет. Любопытно, что за всё время этой долгой служебной биографии в Москве занимали и оставляли свои должности десять обер-полицмейстеров. А наш старый служака — и несменяем, и по-своему незаменим для местных жителей. Причина тому — его твёрдый характер, самодисциплина, глубокая порядочность и скромность.

По сообщению современника, «нет примера, чтобы на него в течение 50 лет поступила жалоба на притязание, или на стеснение по делу, или чтобы он кого обидел, несмотря на то что в полицейской службе ежедневно встречаются дела, по которым чиновник невинно может быть заподозрен и обвинён... Честность и бескорыстность службы его лучше всяких слов свидетельствует, что этот редкий человек, прослужив 50 лет в полиции, и притом в полиции старого времени, в хороших кварталах, не приобрёл себе никакого состояния; он приобрёл другое богатство — доброе, честное имя и глубокое от всех уважение. Вошло в обычай называть его «дедушкой». Нередко случалось, что лица, спорящие по делам, говорят друг другу: «Пойдём к дедушке, что он скажет!» — и бывало не раз, что спорное дело принимало мирный исход благодаря той доверенности, которою пользуется у обывателей...» Что и говорить, завидная аттестация... Её по-своему подтверждали награды — орден Святого Владимира 4-й степени за выслугу лет, знак отличия беспорочной службы за 40 лет, медали в память войн 1812 и 1853—1856 годов.

Среди кадров, воспитанных Поляковым, был, кстати, и мещанин Смирнов, которого тот лично принял когда-то в штат канцелярии. «Он служит у него уже 26-й год, исполняя должность письмоводителя квартала... и, уважая его, не оставляет служить с ним, несмотря на то что имел предложения на места виднее и выгоднее».

Майский портрет

Итак, 9 мая сослуживцы Петра Максимовича Полякова, по одному от каждой полицейской части города, отправились на квартиру юбиляра, проживавшего в 1-м квартале Серпуховской части, в доме Селезнёвой по Малому Троицкому переулку, для поздравления и зачитывания приказа по городской полиции. Затем после литургии и благодарственного молебна в церкви начался торжественный обед. При этом, как указывалось в докладной записке обер-полицмейстеру графу Г.К. Крейцу, «в назидание следовать примеру г. Полякова в отправлении своих обязанностей, отнюдь не допуская мысли, чтобы и самая скромная роль оставалась без внимания и сочувствия товарищей и награды начальства» была произведена портретная фотосъёмка стража закона для изготовления фотографий и их дальнейшей раздачи каждому городскому квартальному надзирателю. К нашему глубокому сожалению, пока ещё не удалось найти тот портрет старейшины московской полицейской службы XIX века. Поиск продолжается...

Николай РОГАЧКОВ,
иллюстрация из открытого источника

Александр Шульгин: пожарный-полицмейстер

С 1722 по 1917 год в Москве должность обер-полицмейстера занимали более пятидесяти человек. Кто-то из них провёл на этом посту меньше года и никакой памяти о себе не оставил, а кто-то прослужил полтора десятилетия, проведя различные реформы, став любимцем горожан. Естественно, что и судьба этих людей после отставки также сложилась по-разному. Одни жили в чести и достатке до глубокой старости, другие (хотя таких меньшинство) уходили в мир иной в нищенстве и практически полном забвении. А сегодня мы помянем добрым словом личность неординарную, деятельную. Его звали Александр Сергеевич ШУЛЬГИН, он возглавлял московскую полицию с 1816 по 1825 год.

Был во всех атаках и действиях

Он родился 15 февраля 1775 года, происходит из дворян, образование получил в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе Санкт-Петербурга, откуда выпущен корнетом Сумского легкоконного полка. Под командой Александра Суворова участвовал в Швейцарской кампании 1799 года против французов. 1 февраля 1802 года вышел в отставку в чине подполковника, но скорее вернулся на службу. Принял участие в кампаниях 1805—1807 годов, отличился в сражениях при Аустерлице, Гутштадта, Гейльсберге и Фридлянде, проявив «... отличное мужество и храбрость, оказанные в сражении 1 июня... против французских войск, где с командуемым батальоном, подкрепляя посланных в атаку, очистил и выгнал из города засевшего неприятеля, нанося ему жестокое поражение, а ровно на другой день, быв во всех атаках и действиях, явил особую неустрашимость и присутствие духа», в 1808 году — адъютант великого князя Константина Павловича, 12 октября 1811 года — полковник.

Во время Отечественной войны 1812 года находился в распоряжении генерал-полицмейстера армии Михаила Левицкого, занимался поиском и задержанием мародёров и дезертиров, распределением продовольствия и отправкой раненых. Принимал участие в заграничных походах 1813—1814 годов, проявил храбрость и отвагу в сражении при Фершампенуазе. 10 мая 1814 года — генерал-майор. Портрет генерала, написанный живописцем Джорджем Доу, находится в Военной галерее Эрмитажа.

Судьба готовила Шульгина к обер-полицмейстеру во всех отношениях. И 14 (21) марта 1816 года по рекомендации московского главнокомандующего графа Александра Тормасова Александр Шульгин назначен обер-полицмейстером Москвы. Вот как его деятельность на этом посту оценил русский дипломат, сенатор, московский почт-директор Александр Булгаков: «... проворен, деятелен, устроил удивительно тюремный замок и пожарную команду, но деспот страшный, баламут, привязывает, а там отпирается от своих слов». Говорят, что имел в качестве осведомителей жуликов и воров, которые посвящали его в свои тайны. Считается, что благодаря этому раскрывал много запутанных дел.

А в записках публициста и переводчика Михаила Шевлякова, составленных по рассказам начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции Ивана Путилина, приводится следующая история. Шульгин громогласно хвастал, что искоренит преступность, и рьяно принялся за дело. Но московские жулики, проведавшие об этом, на первых порах его деятельности заявили себя необоримыми и дали почувствовать это новому обер-полицмейстеру.

Уж больно был хорош Шульгин

При Петре III получил звание генерал-полицмейстера Дивов, но скоро это звание было уничтожено и в Москве с восшествием Екатерины II восстановлен опять обер-полицмейстер и введён следующий штат полиции: 1 обер-полицмейстер, 1 надворный советник, 1 асессор и 1 секретарь с канцелярскими чинами. Для посылок при московской полиции находилось двадцать человек конных драгун.

Из числа начальников полиции в век Екатерины был Архаров, о котором выше мы говорили, а затем таким же деятельным и энергичным был в царствование Александра I А.С. Шульгин 1-й. Он занимал место обер-полицмейстера десять лет. Оставил о себе хорошую память очень во многом и сделал по своему ведомству множество полезных преобразований и учредил такие порядки по управлению, из которых многие остаются без изменений до сего времени. Главнейшее же преобразование в Москве он сделал в пожарной команде. То-то она на многие времена стала частью полиции.

Пожарных сигналов при нём ещё не было

Пожарных сигналов при нём тогда ещё не было, а при пожарных командах всегда было по несколько казаков с осёдланными лошадьми, которые

Портрет А.С. Шульгина работы Джорджа ДОУ

в случае пожара давали о том знать в соседние части. Но, несмотря на это, пожарные части являлись на пожары с изумительной скоростью. Лошади под обозом были превосходные, обоз и сбруя в блестящем, щёгольском виде. Команда — в соответственной времени одежде, без металлических шлемов.

Набор пожарных лошадей тогда подкреплял не то закон, не то обычай отбирать у всех лошадей за неосторожную езду по улицам и отдавать в пожарную команду без особого на то определения. Это правило при некоторых случаях влекло за собой вопиющую несправедливость.

Шульгин отличался на пожарах молодецкой неустрашимостью и мастерскими распоряжениями. Из толпы то и дело слышались восклицания «Вот отец, вот так молодец!» и проч. Шульгин пользовался почти всеобщей любовью и особенно купечества, несмотря на то, что все его боялись, потому что могучая рука его, сжатая в кулак и распростёртая, была для многих грозна и тяжела.

Шульгин жил самым широким барином очень роскошно. Кухня его была образцом порядка и опрятности. Он по утрам ходил сам на кухню и осматривал припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столах под хрустальными колпаками. Посуда, полы, стены, столы, одежда поваров, они сами и всё прочее отличалось безукоризненной, щёгольской чистотой и блеском. Малейшая пылинка не могла укрыться от зоркого его взгляда.

Всё подлежало его влиянию

Эта чистота и блеск проявлялись во всём житейском быту Шульгина и на всём, что хоть несколько подлежало непосредственному его влиянию. Он очень хорошо любил покушать и угостить своих приятелей хорошим обедом.

Злые языки в то время рассказывали, что фельдъегерь, который схватил Коцебу, известного драматического писателя, на границе и отвёз его в Сибирь, и был этот Шульгин. Коцебу называет его по фамилии только Ш. и говорит, что он отличался курьёзной особенностью пить и есть на каждой станции при перемене лошадей без разбору и порядка всё, что можно было отыскать, — мёд и паюсную икру в одно и то же время.

Шульгин не имел своего состояния, но за женою получил в приданое большой капитал. Должность в то время не имела большого оклада. Шульгин был отличный хозяин и примерный во всём распорядитель. Средства, которые доставляла ему должность, были очень достаточны, и даже с избытком для его роскошной жизни, но, к несчастью он перешёл в этом границы умеренности и расчёта и забыл, что во всём бывает конец. Но об этом чуть позже.

Для удовлетворения своих роскошных затей и предприятий он пользовался значительным кредитом и выстроил на Тверской улице дом, позже принадлежавший Шевалдышеву, в котором находилась гостиница, и стояла она на территории бывшего владения графа П.С. Салтыкова (ныне здание под № 12 перестроено). Другой дом, принадлежавший Кологривову, находился на Тверском бульваре, но всё же построен для обер-полицмейстера. В нём устраивались вечера для аристократической молодёжи полицмейстером Иогелем. На одном из балов Александр Сергеевич Пушкин впервые увидел шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову и был потрясён её очарованием. Да, именно здесь была решена судьба молодого Пушкина.

Здание не сохранилось. На его месте ныне оригинальное по архитектуре новое здание Московского Художественного театра. (Тверской бульвар, 22).

Во время службы Шульгина в Москве про него ходило множество рассказов. Так, при переводе К.Я. Булгакова из московских почт-директоров в петербургские он говорил брату его Александру: «Вот мы и братца вашего лишились. Всё это заговор против Москвы. Того и гляди, меня вызовут. Ну уж если не нравится Москва, так скажи прямо: «Я берусь выжечь её не по-французски и не по-ростопчински, а по-своему, так что после меня не отстроят её во сто лет».

Шульгин не ладил с губернатором и не скрывал этого ни от кого. Голицын, ценя его «неутомимую

деятельность и труды», не обращал внимания на эти личности и каждый раз ходатайствовал о наградах Шульгину.

Блеск окружения

В 1824 году Шульгин был переведён из Москвы в Петербург. По отъезде своём он отправил всё своё имущество с особым обозом. Неподалёку от Новгорода встретил этот обоз граф Аракчеев и обратил внимание на длинный ряд разных блестящих экипажей и походных фур, множество превосходных и ценных верховых и упряжных лошадей и щегольски одетую в форменное платье прислугу.

Остановясь и подозвав к себе одного служителя, он спросил: «Кому всё это принадлежит?» На ответ же его, что санкт-петербургскому обер-полицмейстеру Шульгину, он сказал: «Передай ему, что всего этого никогда не было и нет у самого Аракчеева».

Вслед за событием 14 декабря 1825 года Шульгин был отстранён от своей должности и переехал в Москву. Он сперва поселился в своём доме. Средства его на жизнь ограничились одним пенсионом, появились долги, и в конце концов все его вещи были проданы с аукциона, как и дом.

Купцы в первое время его выручали по старой памяти, но потом от него отказались. Шульгин с горя пристрастился к чарочке. Из бывшего своего великолепного палаццо он переехал в убогий домишко в три окна на Арбате, и здесь прохожие нередко видели, как на дворе в ветхом замасленном халате он колол дрова или сам рубил капусту.

Под конец жизни в его безвыходное положение вошёл князь Д.В. Голицын и, припомня о нём всё хорошее, забыв обо всём дурном, сделался его благодетелем.

Умер Александр Шульгин 29 апреля 1841 года в Москве.

Эдуард ПОПОВ,
иллюстрация из открытого источника

Руководитель двух столиц

Считается, что фамилия ШУЛЬГИН произошла от древнерусского названия левой руки, которое в разных местностях России звучало по-разному: шуйга, шульга, шульца. Левшей в нашем народе было много и среди простолюдинов, и среди дворян, поэтому и фамилия стала очень популярной. Да настолько, что в первой трети XIX века два обер-полицеймейстера носили фамилию Шульгин.

Предки Дмитрия Ивановича Шульгина проживали на севере России. Он родился в феврале 1785 года в Валдайском уезде Новгородской губернии. После получения домашнего образования его отправили в Белокаменную — Московский университетский благородный пансион. Это было закрытое учебное заведение для мальчиков из знатных семей.

В годы учёбы Шульгина пансион возглавлял известный педагог и учёный Антон Антонович Прокопович-Антонский. Его усилиями в учебном заведении был сформирован умелый педагогический коллектив, который позволил вывести обучение воспитанников на высокий уровень. Молодых ребят обучали математике и механике, отечественной и иностранной словесности, Закону Божию и священной истории, римскому праву, российскому законоведению, иностранным языкам (французскому, немецкому, английскому, итальянскому), истории и многим другим наукам.

Естественно, с такой подготовкой выпускники пансиона смело смотрели в будущее и успешно выполняли любую миссию, но наш герой выбрал себе военную службу. В феврале 1800 года, после 6 лет учёбы, Дмитрий Шульгин был определён подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк.

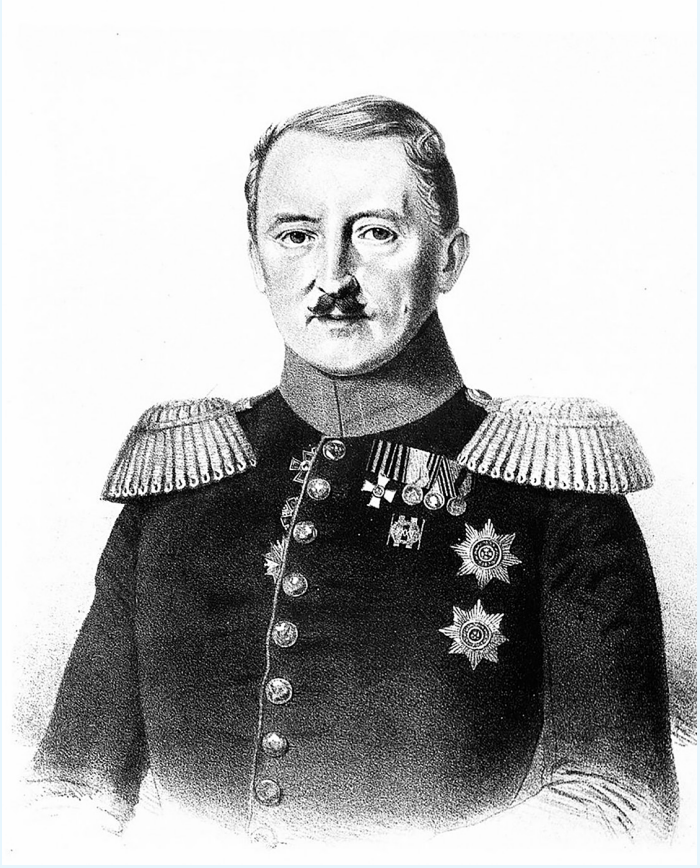
В этом прославленном подразделении он уверенно восходил по карьерным ступенькам. 11 декабря 1804 года 19-летний Шульгин произведён в портупей-прапорщики, а 9 января 1805 года — в прапорщики лейб-гвардии.

В рядах Преображенского полка в 1805 году Шульгин принял участие в войне с Францией, совершил заграничный поход в Силезию и Моравию, а 20 ноября участвовал в знаменитой битве при Аустерлице, которая вошла в историю как «битва трёх императоров». Сражение великолепно описано Львом Толстым в первом томе романа «Война и мир».

26 октября 1811 года Шульгин произведён в штабс-капитаны. В это время шло формирование лейб-гвардии Литовского полка (впоследствии названного Московским), и он был переведён в новую часть. Полк стал одной из самых прославленных воинских частей русской армии.

В его составе наш герой принимал участие в Отечественной войне 1812 года — сражался при Витебске, Смоленске, Тарутине, Малоярославце и Красном. За храбрость, проявленную в генеральном сражении под Бородино, Дмитрий Иванович 8 сентября

Дмитрий Иванович Шульгин



1812 года был награждён орденом Святой Анны 2-й степени с алмазными украшениями, а за отличия в кампании 1812 года произведён 20 января 1813 года в капитаны.

Армия Наполеона разбита. В апреле 1814 года пушечный салют Петропавловской крепости оповестил Петербург: Париж взят! Война окончена! Мир!

В повести Александра Сергеевича Пушкина «Метель» так описано то время: «Между тем война со славою была кончена, полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу, музыка играла. Офицеры, ушедшие в поход почти, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество. Как сладки были слёзы свидания!»

Шульгин продолжил службу в лейб-гвардии Литовском полку. В конце января 1816 года он был произведён в полковники, а 29 ноября 1819 года переведён в Екатеринославский гренадерский полк и назначен его командиром.

Произведённый 24 августа 1824 года в чин генерал-майора, Шульгин состоял командиром 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии. Через год, 2 августа 1825 года, Дмитрий Иванович был переведён в Москву и назначен обер-полицмейстером города.

Древняя русская столица переживала тяжёлое время. Москва пострадала от французов в большей мере, чем, в частности, античный Карфаген. Белокаменная восстала из пепла. Немалая заслуга в этом принадлежала обер-полицмейстеру, который кроме борьбы с преступностью и организации жизнедеятельности государственных структур занимался возрождением города.

Каждый месяц Шульгин подавал в Санкт-Петербург доклады о том, сколько человек и на каких объектах занимаются строительством и где это строительство ведётся не столь быстро, как требовалось. О вкладе полицейского главы можно судить по таким цифрам.

К примеру, в мае 1819 года его предшественник затребовал от начальников полицмейстерских отделений сведения о недостроенных с 1812 года домах, незастроенных и неогороженных пустырях и неисправленных мостовых. Выяснилось, что только в пяти частях города — Тверской, Пречистенской, Пресненской, Арбатской и Городской — имелось почти 300 таких владений. К 1830 году, моменту увольнения Дмитрия Ивановича, таких владений оставалось всего 60.

Считается, что основной заслугой Дмитрия Шульгина на посту московского обер-полицмейстера явилось практически полное восстановление Москвы после пожара 1812 года. Он успешно завершил этот процесс, начатый его предшественником и однофамильцем генерал-майором Александром Шульгиным.

Надо понимать, что правоохранительные структуры тогдашней Москвы были совсем невелики. Напомним, что во главе Белокаменной стоял генерал-губернатор, у которого были помощники: по управлению Московскою губернией — губернатор, а столицею — обер-полицмейстер. Высшим полицейским органом в Москве, ведавшим вопросами «благоустройства и благочиния», была Управа благочиния. Её ведению подлежали дела о мостах, улицах, дорогах.

Если говорить о криминальных проблемах столичной полиции, то они были, если можно так выразиться, производными от проблемы восстановления города. На эти работы привлекалось огромное количество мужчин из соседних губерний — Тульской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Вологодской, Оленецкой и других. В основном — кирпичники, каменотёсы, плотники, каменщики, кровельщики и рабочие других специальностей. Как правило, это были одиночки, мужчины, которые не планировали «бросать якорь» в городе. Преобла-

дание мужчин не лучшим образом сказывалось на криминальной обстановке. Конечно, полиция старалась противостоять криминалу и, видимо, не без успеха...

На посту обер-полицмейстера Шульгин был удостоен ряда орденов — Святой Анны, Святого Владимира, Святого Георгия.

В 1830 году на западных рубежах Русской империи вспыхнул вооружённый мятеж — в очередной раз восстали поляки. Восстание началось в ноябре 1830 года и закончилось в октябре 1831-го и характеризовалось ожесточённым кровопролитием. Дмитрия Ивановича назначили командиром 18-й пехотной дивизии (впоследствии — в 11-я), которая в составе других войск предназначалась для его усмирения. Он срочно сдал дела и выехал в город Луцк, где находился штаб соединения.

Этот, как писал Александр Сергеевич Пушкин, «спор славян между собою» завершился полным разгромом восстания и упразднения многих «вольностей», которые до этого имела Польша, — автономии, сейма и войска. Генерал Шульгин принял участие в этом усмирении.

6 декабря 1833 года достиг звания генерал-лейтенанта. 25 июня 1838 года отмечен орденом Белого Орла — польским орденом, причисленным Николаем I к российским — после событий 1831 года.

12 октября 1840 года генерала Шульгина назначили начальником 2-й гренадерской дивизии, штаб которой находился в Москве. Но проявить себя на военном поприще помешала неожиданная болезнь. В 1843 году он оставил службу и, продолжая состоять по армии, находился на лечении.

Через три года император, вспомнив о положительном опыте Шульгина на посту обер-полицмейстера Москвы, назначил его комендантом Санкт-Петербурга. 21 апреля 1847 года, после смерти Матвея Евграфовича Храповицкого, Николай I повысил его до «исправляющего должность Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора». После годичного испытательного срока Дмитрий Иванович был утверждён в должности военного генерал-губернатора, «управляющего и гражданской частью».

1 ноября 1848 года Шульгин был назначен членом Государственного Совета с сохранением должности генерал-губернатора, а также вице-президентом комитета Попечительного о тюрьмах общества и членом Попечительного совета учреждений императрицы Марии Фёдоровны — ведомства по управлению благотворительностью в Российской империи.

Дмитрий Иванович внёс изменения в форму петербургской полиции, а также добился того, чтобы стражам порядка ежегодно выделяли своеобразные продуктовые наборы (соль, мука, крупа), казённые дрова и даже «сальные свечи».

Как следствие, повысилась эффективность работы полиции: было раскрыто несколько громких уголовных преступлений и даже «противогосударственный заговор», организованный членами «кружка Петрашевского».

В пору правления Шульгина имели место и другие важные начинания. В 1847 году произошло открытие конно-железной дороги (конки). Первый круглогодичный её маршрут проходил от Знаменской площади через весь Невский проспект до Английской набережной. В 1849 году в Петербурге был открыт завод «Новый Арсенал» на Арсенальной набережной и освящена Благовещенская церковь лейб-гвардии Конного полка.

Крупными событиями 1850 года стали открытие Невского стеаринового и мыловаренного завода на Шлиссельбургском тракте (ныне «Невская Косметика») и ткацкой фабрики Максвелла на Большом Сампсониевском проспекте. Летом того же года был открыт первый постоянный мост через Неву — Благовещенский (впоследствии мост лейтенанта Шмидта). В 1851 году завершилось строительство Николаевского (Московского) вокзала и открыто регулярное движение пассажирских поездов на линии Петербург — Москва. В 1852 году первых посетителей из числа простых граждан принял Новый Эрмитаж. В том же 1853 году открылся Варшавский железнодорожный вокзал и первый участок Петербургско-Варшавской железной дороги.

Столичным жителям нравились старания Шульгина. Он имел репутацию человека умного, образованного, талантливого и симпатичного, великодушного и отличавшегося большим хлебосольством. Он также имел авторитет «тонкого ценителя драматического искусства, архитектуры, поэзии, музыки».

О честности Дмитрия Ивановича говорит тот факт, что он не имел собственного дома, а всю жизнь прожил в казённой квартире на Большой Морской улице, 39.

Дмитрий Иванович скончался в разгар Крымской войной 1853—1856 годов. Как известно, высадив войска в Крыму, союзники послали в Балтийское море эскадру, которая овладела крепостью Бомарзунд на Аландских островах. На этом их успехи и закончились. Им так и не удалось ни блокировать Кронштадт, ни тем более высадиться в Петербурге. В это тревожное время столичного генерал-губернатора настигла смерть. Дмитрий Шульгин скончался 20 декабря 1854 года на 70-м году жизни.

Похороны обер-полицмейстера Москвы и военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга, члена Государственного Совета, генерала от инфантерии Шульгина прошли с почестями на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Владимир ГАЛАЙКО,
иллюстрация из открытых источников

Из старинного дворянского рода

Тайный советник, генерал-майор Сергей МУХАНОВ оставил по-своему примечательный след в истории Российской империи. Происходившему из старинного дворянского рода, Сергею Николаевичу довелось быть московским обер-полицмейстером, а также харьковским и орловским губернатором. А ещё он являлся и первым председателем Харьковского благотворительного общества.

Карьеру начал со службы юнкером

Сергей Муханов родился 22 июня 1796 года. Ему, сыну отставного бригадира, богородского предводителя дворянства Николая Ильича и Анны Сергеевны (урождённой Кологривовой), с юношества был уготован неординарный жизненный путь.

В 17-летнем возрасте, в марте 1814 года, Сергей Муханов поступил на службу юнкером в резервные эскадроны Кавалергардского полка. Спустя неполный год, 22 января 1815-го, был произведён в эстандарт-юнкеры. А 18 декабря того же года — получил первый офицерский чин: корнета гвардейской кавалерии.

Сразу два заметных события в биографии будущего обер-полицмейстера относятся к заключительному месяцу 1817 года: 2 декабря Муханов был произведён в поручики, спустя же три недели, 23 декабря, назначен адъютантом к одному из генералов, участвовавшему в Отечественной войне 1812 года. Вскоре состоялось новое назначение: в июле 1818-го адъютант был перемещён на должность старшего адъютанта 1-й Кирасирской дивизии.

Продолжая расти по службе, Сергей Муханов в ноябре 1819 года был произведён в штабс-ротмистры, а в 1822-м — в ротмистры. В ноябре 1824-го стал управлять канцелярией генерал-адъютанта Николая Ивановича Депрерадовича (1767 — 1843), и на этом посту пребывал до марта 1826 года. За усердие в государевой службе Сергею Николаевичу был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени.

Первый крутой поворот в служении наметился 6 июня 1826 года, когда Муханова назначили адъютантом к шефу жандармов Александру Христофоровичу Бенкендорфу (1782 — 1844), и его «ординарец» спустя считанные недели, в октябре, был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени. Почти через год, 31 мая 1827-го, Сергей Николаевич стал исполняющим должность дежурного штаб-офицера Корпуса жандармов.

Будучи участником русско-турецкой войны 1828—1829 годов, Сергей Муханов находился в боевом походе (против турок) с 27 мая по 9 октября 1828-го. Принимавший участие в сражениях под Шумлой (Шумла — укреплённый город в Балканах, на дороге из Силистрии в Константинополь) и при осаде крепости Варна (турецкая крепость в Османской империи), Муханов за отличие в этой военной кампании был награждён бантом к ордену Святого Владимира 4-й степени, перстнем с вензелем Его Императорского Величества и произведён в полковники, с так называемым старшинством с 2 октября 1828 года.

С 26 мая 1829 по 1 мая 1830 года Сергей Муханов состоял приставом при турецком посольстве и сопровождал его из Одессы в Санкт-Петербург. За эту миссию Сергей Николаевич в мае 1830-го был награждён бриллиантовым перстнем с изображением имени Его Императорского Величества.

Назначение на должность обер-полицмейстера

6 апреля 1830 года Сергею Муханову представилась очередная возможность проявить себя на ответственном и весьма хлопотном посту — уже на должности московского обер-полицмейстера, с зачислением по кавалерии. То, что он был произведён в флигель-адъютанты, лучше других доводов свидетельствует, что Сергей Николаевич свои обязанности исправлял на должном уровне.

Однако по состоянию здоровья, из-за его ухудшения — общего «расстройства» от службы, Муханов 24 сентября 1833 года был уволен «к статским делам». Соответственно, его произвели в действительные статские советники.

Пройдёт несколько лет, и перед ним, можно сказать, засияют достижимые в близкой перспективе заманчивые дали по линии гражданской службы. Являясь с 10 февраля 1836-го чиновником особых поручений Министерства финансов, Муханов 20 ноября того же года был перемещён на должность члена совета данного ведомства. На экономической стезе чиновник тоже освоился и удостоился очередных поощрений: 28 августа 1838-го получил знак отличия беспорочной (безупречной) службы за 15 лет, а 6 декабря 1838 года — орден Святого Владимира 3-й степени.

Прослужив в указанном финансовом органе около пяти лет, Сергей Николаевич перешёл в Министерство внутренних дел. Но в МВД бывший московский обер-полицмейстер пробыл относительно недолго.

На губернаторских постах

С 12 ноября 1840 года Сергей Муханов исправлял должность харьковского гражданского губернатора. Ставший затем — в июне 1842 года — генерал-майором, он был назначен военным губернатором Харькова и харьковским гражданским губернатором. В этот период представитель высшего чиновничества империи и принял на себя дополнительные хлопотные обязанности, став первым председателем Харьковского благотворительного общества, чей устав был утверждён в 1843 году.

Трудам Муханова продолжали давать высокую оценку, и он стал также кавалером ордена Святого Станислава 1-й степени (в январе 1845-го), ордена Святого Георгия 4-го класса за длительную выслугу в офицерских чинах (в 1847-м) и ордена Святой Анны 1-й степени (в 1848-м). Кроме того, в августе 1844-го Сергею Николаевичу вручили знак отличия беспорочной службы за 20 лет.

Согласно известным данным, с 25 февраля 1849 года Сергея Муханова наделили полномочиями военного губернатора Орла и орловского гражданского губернатора. В этом статусе Сергей Николаевич в августе 1850 года получил знак отличия беспорочной службы за 25 лет.

1 сентября 1851-го Муханов подал прошение об отставке. 3 декабря названного года Сергей Николаевич, согласно прошению, по состоянию здоровья был уволен от службы, с производством в тайные советники с пенсией в 860 рублей.

Брачными узами Сергей Николаевич связал себя в 1830 году. Женой Муханова стала графиня Минодора Карловна, урождённая Сиверс (1811 — 1878), дочь генерала Карла Карловича Сиверса от его брака с Еленой Ивановной Дуниной. У Сергея Николаевича и Минодоры Карловны родились восьмеро детей: семеро мальчиков и девочка, которая умерла в детстве.

Сергей Николаевич Муханов скончался 19 ноября 1858 года и был похоронен в некрополе на территории Донского монастыря в Москве, рядом с мужем погребена его супруга.

Семья Мухановых. 1847 год

Александр ТАРАСОВ,
иллюстрации
из открытых источников

Быть жёстким, но делать добро

Московский обер-полицмейстер Лев Михайлович ЦЫНСКИЙ мог бы вполне претендовать на рекорд нахождения в этой должности: как-никак двенадцать лет! С 1833 по 1845 год. Эпоха Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, Белинского и Герцена. А ещё этот период значится в истории как Николаевская эпоха — время царствования императора Николая I. С одной стороны, расцвет русской литературы и либеральные течения, с другой — централизация власти после восстания декабристов и разные ужесточения. Чтобы удержаться в такой обстановке больше десяти лет в должности обер-полицмейстера Белокаменной, нужно было быть одновременно и жёстким служакой, и дипломатом. Он и был таковым.

Между тем биография будущего обер-полицмейстера начиналась не совсем гладко. Официально годом его рождения считается 1793-й, но, как считают историки, тут возможен сдвиг на год назад или вперёд. Такая неточность могла бы объясняться тем, что Лев — внебрачный ребёнок актрисы Ветрецынской, от неё-то он и получил усечённую фамилию — Цынский. О том, кто же был его отцом, история умалчивает, но скорее всего это был человек знатный. А раз внебрачный, то и дату рождения не особо афишировали. Затерялась. Как, впрочем, и подробности детской и юношеской жизни будущего главы московской полиции. Известно лишь, что, как и многие дворянские дети, Лев Цынский с младых ногтей поступил на службу с зачислением в Дворянский кавалерийский эскадрон. В 1813 году Лев Михайлович был произведён корнетом конной гвардии и был прикомандирован к Гвардейскому резервному эскадрону. К слову, шефами лейб-гвардии Конного полка являлись царствующие государи. Известно также, что со своей частью Цынский принимал участие в заграничном походе русской армии 1813—1814 годов, более того — успел отличиться в Кульмском сражении в Богемии, когда во время двухдневной битвы русская армия, несмотря на превосходство по численности французских войск, разгромила наполеоновские полки. Отличился Цынский и во время битвы при Фер-Шампенаузе, после которой был открыт путь для взятия Парижа. За заграничный поход молодой офицер был награждён орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Владимира 4-й степени с бантом. О мере уважения и доверия к лихому кавалеристу свидетельствует и то, что во время похода он занимал должность полкового казначея и квартирмейстера. То есть ко всему прочему ещё и знал толк в хозяйственных делах, что потом ему пригодилось на московском поприще.

Дальнейшая гвардейская служба Льва Цынского шла довольно гладко, с годами получал соответствующие чины и звания. А в 1830 году к тому времени уже полковник Цынский был назначен флигель-адъютантом Его Величества.

Хотя это было младшее звание, но всё-таки уже была принадлежность к свите императора. Спустя три года Лев Михайлович был произведён в генерал-майоры и назначен состоять при 2-й лёгкой гвардейской кавалерийской дивизии. Получение генеральского чина было связано ещё и с тем, что в 1831 году Цынский участвовал в кампании по подавлению польского восстания (одним из символов повстанцев стал знаменитый полонез Огинского), за что тогда был награждён орденом Святой Анны II степени с императорской короной. Карьера внебрачного сына актрисы Ветрецынской складывалась весьма успешно, и не исключено, что некий тайный доброжелатель благоприятствовал служебному росту её сына. А пик карьеры пришёлся на 1833 год: в том году генерал-майор Лев Михайлович Цынский высочайшим указом был назначен обер-полицмейстером города Москвы. О получении этого места имеются разные версии. Одна из них такая. Во время восстания декабристов Цынский сумел уговорить командира конной гвардии А.Ф. Орлова вывести

полк в поддержку Николая I. После чего Орлов попал в фавор к императору и впоследствии отблагодарил Цынского обер-полицмейстерской должностью за своевременный совет.

Москва в те годы развивалась довольно бурно. После наполеоновского нашествия и пожаров активно строились каменные дома, приводились в порядок мостовые, ключом била светская и общественная жизнь. Новый обер-полицмейстер с первых же дней занялся наведением порядка. Как свидетельствуют современники, особенно он не любил расхлябанности и разгильдяйства. О введении им в городе судьбоносных перемен история умалчивает, поскольку главной задачей было именно сохранение ранее заведённых порядков. А сама Белокаменная при населении в 400 тысяч человек в тот момент даже и не претендовала на звание криминальной столицы. Вот что писал о криминальной ситуации в Москве в 1833 году издаваемый в Петербурге журнал министерства внутренних дел: «За 12 месяцев совершается 5—6 убийств, 3—4 грабежа или разбоя, почти 400 случаев мошенничества и около 700 краж, из которых раскрывается примерно две трети».

Так что обер-полицмейстеру в те времена скорее больше приходилось заниматься теми, кто пытался если не расшатать существовавший общественный строй, то во всяком случае едко его критиковать. Так получилось, что во время своей московской службы Лев Михайлович Цынский оказался в знакомстве с многими известными писателями. В громкой истории с закрытием в 1834 году за некорректную критику популярного московского журнала «Московский телеграф» его издатель, журналист и писатель Николай Полевой был отдан под надзор обер-полицмейстера Цынского. Николай Полевой писал тогда своему брату Ксенофонту Полевому, что отношение Цынского к этому делу способствовало их сближению. А Ксенофонт, отвечая, дал такую характеристику Льву Михайловичу: «Это был не такой человек, который был бы способен говорить то, чего не было. Я всегда видел в нём благородного, достойного сподвижника офицеров 1812 года, в которых господствовал честный характер. Несколько жёсткие формы не мешали ему делать добро и пользу при исполнении им обязанностей».

Нередко общаться Цынскому пришлось и с философом, публицистом и близким другом Пушкина Петром Чаадаевым после того, как был закрыт журнал «Телескоп» за публикацию в нём чаадаевских «Философических писем». Сам Чаадаев императорской волей был объявлен сумасшедшим и взят под надзор. И здесь мнения современников расходятся. Один писал, что «обер-полицмейстер обошёлся с Чаадаевым чрезвычайно вежливо и, насколько с его должностью совместимо, предупредительно». Другой же современник охарактеризовал Цынского по-другому, чрезвычайно субъективно: «Невежда, взяточник, солдат и лошадиный охотник». К слову, Лев Михайлович Цынский попался на литературное перо и знаменитому писателю-классику русской литературы Александру Герцену — тот также без особой симпатии описал образ обер-полицмейстера в «Былом и думах», хотя известно, что в своё время именно московская полиция помогла Герцену получить загранпаспорт и уехать из России.

Двенадцать лет на посту московского обер-полицмейстера, конечно же, наложили свой отпечаток и на характер Цынского, и на его поведение, и даже на образ мысли — общаться ему приходилось с самыми различными слоями общества, от крутых вольнодумцев и ненавистников царя до московских злодеев-преступников, которые серьёзно побаивались главного полицейского Москвы. Вполне возможно, что двенадцать лет на этом высоком посту не были бы пределом, если бы не одно «но»: Лев Михайлович Цынский едва ли не с самого начала нахождения в должности стал конфликтовать с московским градоначальником — светлейшим князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Князь Голицын постоянно обвинял Цынского в служебных злоупотреблениях, не раз публично заявлял об этом и считал, что обер-полицмейстера нужно сменить. Тем не менее эта взаимная неприязнь продолжалась довольно долго. Ушёл со своей должности Цынский лишь в 1845 году, спустя 12 месяцев после кончины Голицына. 1 февраля 1845 года обер-полицмейстер Цынский сначала был уволен на 8 месяцев в отпуск, как было сказано, «по домашним обстоятельствам с отчислением от должности московского обер-полицмейстера, с оставлением его в Свите Его Величества». А 9 ноября 1845 года Лев Михайлович был окончательно отстранён от службы, но «с производством в генерал-лейтенанты». После отставки прожил недолго и умер в 1851 году.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

Его имя могло испугать грабителей

Московский обер-полицмейстер Иван Дмитриевич ЛУЖИН в оценках современников, как известно, предстаёт весьма неоднозначной фигурой. Однако он во всяком случае воспринимался ими более лояльно, нежели его предшественник Лев Михайлович Цынский.

В книге Николая Чернова «И.С. Тургенев в Москве» (Москва: «Грааль», 1999), на 124-й странице, упоминается в частности: «Полицмейстер И.Д. Лужин — человек порядочный, негативных эмоций не вызывает». Правда, нельзя не отметить, что этот чиновник на своей высокой должности рьяно и буквально безоговорочно выполнял всё, что требовалось согласно его полномочиям.

Достаточно сказать, что к обер-полицмейстеру Лужину с подобающим почтением относились московские простолюдины, а представители преступного мира — с опаской. В «Историческом вестнике» в № 10 за 1910 год вышли в свет «Воспоминания академика П.П. Соколова», и в этой публикации чёрным по белому написано, что одно упоминание его — главы городской полиции — имени могло испугать грабителей.

От следствия и войны не зарекайся

Иван Лужин происходил из дворян Московской губернии. Он родился 3 сентября 1802 года в семье мелкого помещика Дмитрия Сергеевича Лужина и Елизаветы Васильевны Акинфовой, появившись на белый свет в усадьбе села Вечерлей Ардлатовского уезда Симбирской губернии. Детство будущего обер-полицмейстера Первопрестольной, курского и харьковского губернатора прошло в Москве, где он получил обычное дворянское домашнее образование. Когда Иван Лужин был ещё отроком, то есть подростком, умер отец Дмитрий Сергеевич — полковник, участник Отечественной войны 1812 года.

Дальнейшей судьбой племянника занимался дядя Фёдор Сергеевич, который отвёз его в Санкт-Петербург. В столице почти на излёте 1820 года, 5 декабря, Ивана Лужина зачислили на военную службу — юнкером в лейб-гвардии Конный полк.

4 апреля 1844 года был составлен так называемый «Формулярный список о службе и достоинстве состоящего по кавалерии адъютанта Его Императорского Величества полковника Лужина». В данном документе указано, что Иван Дмитриевич 13 апреля 1821 года стал эстандарт-юнкером, 19 февраля 1823-го — «произведен корнетом», а с 28 января 1826-го являлся поручиком...

В 1988 году в издательстве «Наука» был выпущен под редакцией академика АН СССР и Академии педагогических наук СССР, доктора исторических наук профессора Милицы Нечкиной биографический справочник «Декабристы», в котором содержатся сведения и о Лужине. Какое же отношение он имел к участникам состоявшегося в декабре 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге восстания против самодержавия и крепостничества? Дело в том, что декабрист А.А. Плещеев уведомил следственную комиссию о том, что корнет лейб-гвардии Конного полка И.Д. Лужин был осведомлён о существовании Северного общества и будто бы готов был вступить в него в 1825 году, чему якобы помешал отъезд обладателя младшего (низшего) офицерского чина в отпуск. Но всё-таки следствие по делу декабристов оставило корнета вне подозрений, и его дальнейшая карьера сложилась очень удачно.

Показав себя храбрым ратником во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов, поручик Иван Лужин тогда же, 6 декабря 1829-го, стал штаб-ротмистром.

В 1831 году он принимал участие в подавлении польского восстания. Наряду с другими стычками с противником, был активным участником сражения при взятии приступом Варшавы.

Дом обер-полицмейстера на Тверском бульваре в Москве

Отважный офицер удостоился высокой боевой награды — ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом.

И в полку, и в императорской свите

Находясь на государевой службе, Иван Дмитриевич 6 октября 1831 года женился на Екатерине Илларионовне Васильчиковой, их венчание состоялось в столичном храме — Спасо-Преображенском соборе (официальное название — Собор Преображения Господня всей гвардии). По случайному совпадению или же не без помощи своего влиятельного при дворе тестя — доблестного генерала, участника Отечественной войны 1812 года Иллариона Васильевича Васильчикова, началось довольно стремительное карьерное продвижение его служивого зятя.

С 19 февраля 1832 года Иван Лужин — «флигель-адъютант к Его Императорскому Величеству с оставлением в том же полку».

28 января 1833 года Ивана Дмитриевича произвели в ротмистры, а через шесть лет (26 марта 1839-го) он стал полковником. Вскоре же, 14 января 1841 года, Лужин «отчислен от фронта с состоянием при особе Его Императорского Величества». Внесённый «по Высочайшему повелению» в список кандидатов «для назначения на первую вакансию командиром Драгунского полка», претендент на этот пост был прикомандирован к лейб-гвардии Конно-гренадёрскому полку. 10 ноября 1843 года Лужин стал во главе «именного подразделения» — принца Эмиля Гессенского драгунского полка. Вступив в командование им с 19 января 1844-го, Иван Дмитриевич 13 марта того же года «отчислен состоять по кавалерии с оставлением в звании флигель-адъютанта».

Портрет Екатерины Илларионовны Васильчаковой

В личном деле Ивана Лужина его служба описана так: «... смотры, учения, маневры, полковые церковные парады <...> караулы в Зимнем дворце <...> в Петергофе». Как раз во время дежурства в Зимнем 17 декабря 1837 года Иван Дмитриевич был очевидцем пожара, который уничтожил дворец. Об этом свидетель печального события поведал в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русский архив» в 1869 году. Как рассказал автор мемуаров, он только собирался последовать за императором Николаем I на балет «Влюблённая Баядерка», как вдруг камердинер испуганно оповестил, что из-за печки пошёл дым. Как посчитали, загорание было полностью потушено, поэтому Лужин преспокойно убыл в театр. Но по окончании первого действия в театр прискакал истопник и взволнованно сообщил, что в Зимнем заполыхало с новой силой. Император повелел, чтобы флигель-адъютант заехал в пожарную команду и передал приказ о немедленном сборе всех резервов. Государь лично командовал тушением пожара, однако, несмотря на все предпринятые усилия по спасению дворца, не удалось отстоять его от разбушевавшегося пламени. Позже Зимний дворец (ныне — Эрмитаж) восстановили под руководством архитектора Василия Петровича Стасова.

В числе обязанностей Ивана Дмитриевича было, в частности, сопровождение императора в загородные дворцы, а также и в другие города. К примеру, в 1842 году флигель-адъютанта Лужина командировали в Тверь во время пребывания в этом городе императора Николая I.

Полицмейстерская деятельность и губернаторство

В различных источниках упоминается, что в 1840-х годах Иван Лужин зачастил в Белокаменную. Есть документальное подтверждение о пребывании Лужина с семьёй в Москве с апреля 1840 года, когда Иван Дмитриевич с женой Екатериной Илларионовной остановился в доме статского советника П.А. Буцкого. 11 мая того же года Лужины окрестили своего третьего сына Иллариона в церкви Симеона Столпника.

Овдовев в 1842 году, Иван Дмитриевич остался с четырьмя детьми: дочерью Верой (родилась в 1832 году) и сыновьями Дмитрием (1835), Василием (1836) и Илларионом (1840). В марте 1844 года Иван Лужин вновь «по семейным обстоятельствам» посещает Москву: он на этот раз намеревался записать своих сыновей по дворянству. Если со старшими, Дмитрием и Василием, вопрос решился достаточно быстро, то с младшим, Илларионом, дело нежданно-негаданно затормозилось. Соответствующая переписка по признанию дворянином Иллариона Лужина закончилась лишь спустя два десятилетия, когда его отец оставил службу и жил в доме на Тверской улице в Москве.

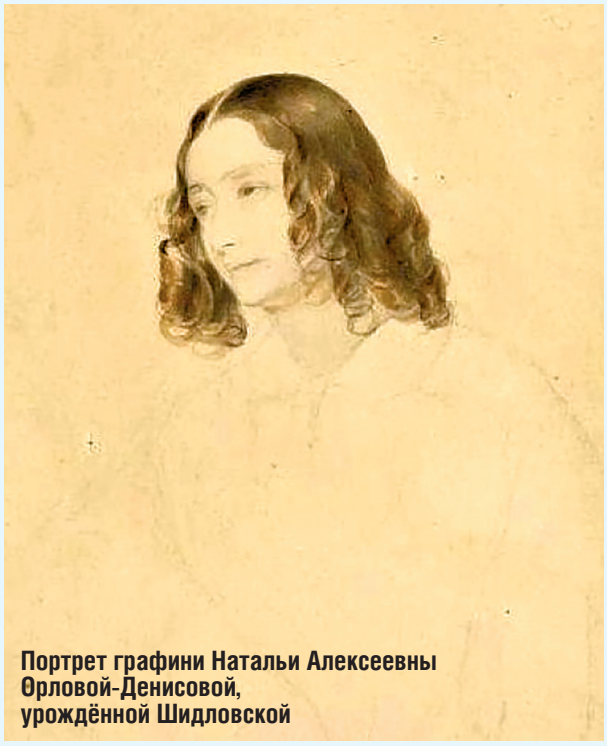
Причём тяжба по «дворянскому поводу» только-только началась, когда Ивану Дмитриевичу в 1845 году подоспело новое назначение — на должность московского обер-полицмейстера. В книге «Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия» (М.: 1989) сообщается, что Иван Лужин поселился в казённом доме, где с 1830 года жили предшественники нового обер-полицмейстера. Оставаясь на этом высоком чиновничьем посту, Иван Дмитриевич в 1846 году «был произведён в генерал-майоры Свиты Его Величества».

В уже упоминавшихся воспоминаниях академика Императорской Академии художеств художника Павла Петровича Соколова говорится о том, что Лужину были присущи «распорядительность и стремление к новшествам». В одном из своих писем, адресованных писателю Николаю Васильевичу Гоголю, фрейлина русского императорского двора Александра Осиповна Смирнова, урождённая Россет, благожелательно начертала: «Лужин — удивительный полицмейстер. Он так добр и благороден, вместе и строг, и нравственен во всех отношениях...». Автор письма выделила, что при Лужине «Москва отдыхает после Цынского», однако отправитель письменного послания не преминула и посетовать: «Но что может отдельное лицо?».

В 1848 году на должность генерал-губернатора Москвы назначили графа Арсения Андреевича Закревского. Новый градоначальник особенно невзлюбил обер-полицмейстера Ивана Лужина.

В изданном в 1956 году в Москве 30-томном Собрании сочинений Александра Герцена — в томе 13-м, на странице 75, — констатируется:

«...Ему *(Закревскому. — А.Т.)* казалось, что он был не совсем хорошо окружен, что в приближенных своих он не находил достаточного того задора, от которого трепетали бы мирные обитатели столицы *(имеется в виду, что Москва является Первопрестольной, то есть старейшей, столицей. — А.Т.)*. Обвинение главным образом падало на обер-полицмейстера Лужина. Из этого не следует, однако, что Лужин был каким-то идеальным существом среди полицейских чиновников Москвы. Он, напротив того, безукоризненно исполнял свою должность, умел при случае хорошо дать в зубы и хорошо высечь, но не этого требовалось на столь высоком месте; Закревский говорил про Лужина, что он баба».



Портрет графини Натальи Алексеевны Орловой-Денисовой, урождённой Шидловской

Тем не менее при Закревском Лужин занимался полицмейстерской работой в Москве до 1854-го, а в мае того же года Ивана Дмитриевича «назначили состоять при МВД».

13 октября 1854 года Иван Лужин стал курским губернатором, а 5 мая 1856-го — перемещён на должность харьковского губернатора. Произведённый в генерал-лейтенанты в августе 1856 года, был уволен с губернаторского поста в ноябре 1860 года.

Ивана Лужина наградили шестью орденами, включая полученный им в июле 1865 года орден Святого Александра Невского.

На шестом десятке лет Иван Дмитриевич женился во второй раз, заключив брак с графиней-вдовой Натальей Алексеевной Орловой-Денисовой (1821 — 1883), урождённой Шидловской.

Состоявший членом Московского художественного общества, Иван Дмитриевич интересовался литературой и изящными искусствами и был знаком с выдающимися отечественными представителями творческой элиты той поры. Известен факт о том, что в сватовстве Александра Пушкина к Наталье Гончаровой принимал непосредственное участие Иван Лужин, а в «Лермонтовской энциклопедии» он назван другом Михаила Лермонтова.

Иван Дмитриевич Лужин скончался 1 апреля 1868 года и был похоронен возле Спасской церкви в имении Григорово Дмитровского уезда Московской губернии.

Александр ТАРАСОВ,
иллюстрации из открытых источников

Противник инакомыслия

Алексей Александрович ТИМАШЁВ-БЕРИНГ прослужил в должности обер-полицмейстера Москвы три года, с 1854 по 1857 год. Он был типичным представителем государственных чиновников николаевской эпохи, показал себя ревностным служителем и яростным противником всякого рода инакомыслия. Будучи личностью крайне противоречивой, он тем не менее оставил о себе память в истории московской полиции.

Алексей Александрович Тимашёв-Беринг, происходивший из дворян Калужской губернии, родился в 1812 году в городе Задонске, куда родители его переехали из Калуги, спасаясь от вторжения Наполеона. Самой судьбой ему была предопределена военная карьера. Происхождение его фамилии следующее: бабка Алексея Александровича Евдокия Петровна, урождённая Тимашёва, была замужем за Петром Берингом. У них был сын Александр Петрович Беринг, который, в свою очередь, от брака с Софией Егоровной Паниной имел дочерей Меропу (жена П.П. Новосильцева) и Марию и сына Алексея. После развода родителей Алексей Александрович по указу от 22 августа 1822 года получил разрешение носить фамилию Тимашёв-Беринг.

Дальним родственником его является Витус Ионассен Беринг, знаменитый российский мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор. По происхождению датчанин. В 1725—1730 и 1733—1741 годах руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Прошёл по проливу между Чукоткой и Аляской, впоследствии названному Беринговым проливом, достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды.

Тимашёв-Беринг, как и многие дети дворянских семей, получил хорошее домашнее воспитание. Это позволило ему без труда поступить в 1830 году юнкером в Лейб-Кирасирский полк — элитную часть, служить в которой считалось престижно. Полк имел боевой опыт, участвовал в Русско-турецкой войне 1787—1791 годов.

Год спустя боевой опыт получил Алексей Александрович, участвуя в действиях против польских мятежников. Он был произведён в корнеты.

Польское восстание 1830—1831 годов было попыткой шляхты создать государство, независимое от Российской Империи. Формальным поводом стал приказ Николая I польским войскам готовиться к совместному походу с Русской армией в Бельгию с целью подавления революционных волнений в той стране. Восстание в Польше длилось чуть меньше года и завершилось поражением мятежников. Тимашёв-Беринг активно участвовал в боевых действиях, проявив храбрость, отвагу и выдержку. В историческом формуляре остались записи: «Принимал участие в боях под Сиядовым и при селе Рудки (8 мая), в сражении при Желтках (9 мая), в авангардном деле между Замосцем и Странксунем (14 мая); участвовал ещё 24 июля в стычке под Недаровом и Божаловом, 25 и 26 августа при штурме Варшавы и с 15 по 24 сентября в преследовании и разгроме остатков польской армии до местечка Припиглива. Тимашёв-Беринг был награждён знаком отличия «За военное достоинство» IV степени».

В результате весьма либеральная и демократическая Конституция Царства Польского 1815 года была отменена Николаем I. Польша становилась одной из губерний России, причём без особых привилегий.

В кирасирском полку Тимашёв-Беринг служил до 1839 года, когда в чине ротмистра был назначен адъютантом к командиру 6-го пехотного корпуса генерал-адъютанту Александру Нейдгардту с переводом в Оренбургский уланский полк. Генерал от инфантерии граф Карл Толь так характеризовал Александра Ивановича: «Отличный корпусной командир быть может. Таковой же начальник Главного штаба и генерал-квартирмейстер, имеет весьма хорошее образование, мягок в обхождении, любим подчинёнными и уважаем начальниками; храбр без опрометчивости и благоразумен во всех своих действиях; может командовать отдельно». С назначением Нейдгардта командиром отдельного Кавказского корпуса Тимашёв-Беринг последовал за своим начальником на Кавказ и неоднократно принимал участие в делах с горцами. Воевал храбро, отчаянно и умело. На Кавказе Тимашёв-Беринг оставался до 1844 года, после чего был переведён в резервный армейский № 25 эскадрон. Его служба на Кавказе отмечена орденом святого Станислава, единовременной суммой 336 руб. 80 коп. серебром и персидским орденом Льва и Солнца II степени.

Между тем Алексея Александровича ждёт новая стезя. При дворе оценили его рвение к службе, настойчивость в достижении цели и твёрдый характер боевого офицера, вследствие чего ему было предложено перейти на полицейскую службу.

В 1844 году Тимашёв-Беринг был назначен полицеймейстером в Москву, здесь же в 1846 году произведён в подполковники, а в 1847 году в полковники. В 1849 году он перешёл на должность офицера для особых поручений к Московскому генерал-губернатору. Пробыв первую половину 1851 года членом Московского попечительного комитета о тюрьмах, он вышел в отставку для определения к статским делам с награждением чином статского советника и тотчас был назначен Московским вице-губернатором. Через три года снова был зачислен по кавалерии полковником с назначением 12 мая 1854 году исправляющим должность Московского обер-полицеймейстера. На этой должности он был произведён в 1855 году в генерал-майоры, однако в 1857 году уволен по болезни со службы.

Евдокия Трегубова. Дочь А. Тимашева-Беринга (1869)

Приведённая формулировка — по болезни — скрывает истинную, крайне неприглядную причину увольнения Тимашёва-Беринга. Один из современников, выразив общее мнение москвичей, дал ему краткую, но точную характеристику: «Грубый, неотёсанный, нахальный и дерзкий до того, что имя его стало поговоркой не только в Москве, но и во всей России».

Всероссийская известность Тимашёва-Беринга нашла отражение в рассказе Н.И. Лескова «Умершее сословие». «У князя Петра Ивановича в Орле был знаменитый кучер. Он разве малым чем-нибудь уступал оставившему по себе в Москве историческую память кучеру обер-полицеймейстера Беринга. Орловский наездник был так же утробист, так же горласт и краснорож, имел такие же выпяченные рачьи глаза и так же неистово хрипло орал и очертя голову нёсся на всех встречных и поперечных, ни за что не ожидая, пока те успеют очистить ему дорогу...

Лихая езда как на пожар тогда была, впрочем, в моде у многих больших лиц, и это почиталось даже необходимым признаком «твёрдой власти». Особенно шибко ездили губернаторы и полицеймейстеры: они всюду скакали, и кучера их всегда особенно кричали. Это придавало городам оживление».

Необузданный самодур Тимашёв-Беринг сам по себе являлся олицетворением николаевской эпохи, когда малейшая тень сомнения в правильности действий начальства являлась тягчайшим преступлением. Главным же средством пресечения любого «непослушания» была грубая сила. Однако один из случаев проявления обер-полицмейстером беспредельной жестокости всколыхнул всю Москву.

В тот день брандмейстер Воробьёв, загулявший в гостях, не отдал команду отправить обоз на тушение пожара. И в присутствии разгневанного Тимашёва-Беринга обвинил облыжно в нерадении дежурившего на вышке служителя — он, мол, не вывесил сигнал о пожаре. Обер-полицмейстер приказал выпороть солдата. Тот пытался отстоять свою правоту: все видели, что сигнал вывешен и, как кавалер медали святой Анны, он освобождён от телесных наказаний. Как следует из письма, опубликованного в «Колоколе», «обер-полицмейстер, разъярённый самим фактом неповиновения со стороны нижнего чина... велел его посадить в одной рубашке под арест, на хлеб и на воду, и обещал заехать сам допросить его. Генерал приехал через несколько недель. Солдат пытался что-то доказать, обер-полицмейстер вне себя бросился на свою жертву и дал полную волю кулакам. Обратясь к Воробьеву, закричал: «Дать ему пятьсот палок, сейчас же». Но лишь только он произнес эти слова, как почувствовал, что эполеты его сорваны: он обернулся, громкий удар раздался на его щеке. Солдат в исступлении стоял перед ним, сжимая с такою силою в руках своих эполеты, что потребны были все бескорыстные усилия Воробьёва и десятка полицейских, чтобы вырвать их у него».

Кто решился бы сказать слово в защиту солдата?! Можно ли сомневаться в результате? Несчастный был приговорен к 3000 ударов сквозь строй.

«Наказание было исполнено в Москве, в Крутицких казармах; он прошёл только 2000 и упал замертво. Его отвезли в больницу, но он не вылечился; на третий день после своей пытки он умер, а Беринг считает за ним 1000 палок на том свете».

Профессор Московского университета О.М. Бодянский отметил в дневнике хождение по рукам сатирических виршей, сочинённых чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Горсткиным: «Бывший не в ладах с обер-полицмейстером Тимашёвым-Берингом, Горсткин написал на него стихи после известного с ним случая, то есть когда жид пожарной команды (депо)

сорвал с него эполеты, и пустил их (стихи) по Москве из-под руки».

Небывалый казус: отчаянный поступок солдата привёл к сбою в работе всей московской полиции. Обер-полицмейстер, прячась от позора, перестал разъезжать по городу и наводить трепет на подчинённых. Приставы и квартальные также притихли, ожидая смены начальства, в результате упала дисциплина среди рядовых служителей. Возможно, вид «притихшей» полиции был настолько непривычен, что в среде обывателей возникло некое брожение умов.

Весть о чрезвычайном происшествии не могла не достигнуть Петербурга. «Подвиг» Тимашёва-Беринга возмутил общество.

Пока ему подбирали преемника, временное командование городской полицией с 19 октября 1857 года принял полицмейстер полковник Замятин. А 12 января 1858 года на основании «Высочайшего приказа по Военному ведомству» вступил в «исправление должности московского обер-полицмейстера» полковник князь А.И. Кропоткин.

Следует сказать, что в дореформенном полицейском суде телесные наказания являлись узаконенной нормой. Если оправдания обвиняемого заслуживали уважения или поступок его был ничтожен, то судья ограничивался двумя-тремя плюхами и строгим внушением. Затем обвиняемый отпускался с миром. А блюститель порядка, городовой, торопился получить с оправданного магарыч за причинённое ему беспокойство. И вся недолга заканчивалась за один-два часа. В том случае, если вина обвиняемого требовала возмездия, то дежурный приговаривал его к наказанию розгами в части, начиная от 10 до 20 розог. Производились экзекуции пожарными служителями части. По получении назначенного ему количества розог обвиняемый расписывался и, как отбывший наказание, отпускался на все четыре стороны.

После 9 лет в отставке Тимашёв-Беринг опять поступил на службу с зачислением по армейской кавалерии и с причислением к Министерству внутренних дел. С этого времени он не имел определённых обязанностей, а исполнял различные поручения: в 1866 году состоял членом, а затем и председателем следственной комиссии о делателях фальшивых кредитных билетов, а в 1870 году — председателем комиссии по устройству тюремной части в Москве. В 1872 году вторично вышел в отставку и скончался в том же году 7 ноября.

Подготовил Сергей ВОЛОГОДСКИЙ,
с использованием исторических материалов.
Иллюстрация и фото из открытых источников

Летопись жизни обер-полицмейстера Кропоткина

12 января 1858 года полковник Алексей Иванович КРОПОТКИН вступает в «исправление должности московского обер-полицмейстера на основании Высочайшего приказа по Военному ведомству».

Интересной особенностью того времени было то, что генерал-губернатора, который был выше по чину, видели редко, да и то издали — мелькнёт карета, запряжённая парой резвых лошадей, и след её простыл. А обер-полицмейстер появлялся чуть ли не каждый божий день и до всего ему было дело: руководил деятельностью полицмейстеров, отвечал за спокойствие и порядок в городе, возглавлял пожарную охрану, «надзирал» за торговлей, городским благоустройством и санитарным состоянием, следил за соблюдением законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов, контролировал деятельность частных приставов, руководил надзором за порядком в собраниях и общественных местах, следил за содержанием арестованных. В общем, новый обер-полицмейстер проявлял не меньшее, чем его предшественник генерал-майор Алексей Тимашёв-Беринг, рвение в выполнении любых приказов, вот только предвидеть не мог, что однажды за нарушение закона ему придётся ответить. Но это уже совсем другая история, нам пришлось бы вдаваться в подробности, что совершенно лишне...

Тем не менее Кропоткин оставил добрый след в отечественной истории именно потому, что смог осуществить действенные меры против преступности, которая во времена правления Александра II накануне реформ в полицейской системе цвела пышным цветом. Журнал «Современная летопись» пишет о характерной примете того времени: «Нельзя безопасно ходить по городу, и многие очень

наивно носят с собой вечерком кто пистолет, старую шпажонку, а кто и просто палочку со свинцовым набалдашником».

* * *

Жизненный путь Алексея Ивановича до вступления в должность обер-полицмейстера, если коротко, можно описать так.

Он — единственный сын князя Ивана Алексеевича Кропоткина (1777—1866) и Натальи (по другим данным — Прасковьи) Артамоновны Кожиной, племянницы светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина. Воспитывался в Санкт-Петербургском университетском пансионе, где изучал историю, арифметику, географию, французский и немецкий языки. Выпущен студентом с правами 1-го разряда, дарованными университетом.

Карьерный рост Алексея Кропоткина имел далеко идущие последствия в хорошем смысле этого слова. 25 мая 1836 года он вступил в службу на правах вольноопределяющегося унтер-офицером в лейб-гвардии Кирасирский полк Наследника Цесаревича. Спустя год, 16 апреля, был произведён в юнкеры, двумя днями позже — в корнеты, 1 июля 1839 года — в поручики. 31 марта 1838 года назначен исполняющим должность полкового адъютанта, а 3 августа того же года утверждён в должности. 30 января 1841 года по прошению переведён в Сумский гусарский полк. Не прибывая к месту новой службы, 10 апреля назначен адъютантом к варшавскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Александру Писареву. 16 января 1844 года за отличие по службе произведён в штаб-ротмистры; 22 апреля 1846 года — в армии ротмистры; прикомандирован к лейб-гвардии Кирасирскому Его Величества полку; 12 июля назначен исполняющим должность адъютанта в этом полку; 14 марта 1847 года утверждён в должности полкового адъютанта. В 1849 году по случаю войны с Венгрией находился в походе гвардии к западным пределам Империи с 30 мая по 23 октября. 6 декабря 1849 награждён орденом Святой Анны III степени. Спустя два года был произведён в гвардии ротмистры. 1 мая 1853 назначен флигель-адъютантом императора Александра II. 14 августа 1853 года во время манёвров гвардейских корпусов ему объявлено монаршее благоволение «за примерную быстроту и точность в передачи повелений Государя Императора». Имел серебряную медаль «За защиту Севастополя» и бронзовую «В память войны 1853—1856 годов». 20 августа 1853 года командирован в Москву для нахождения при особе Его Величества во время Высочайших осмотров войскам. 15 октября того же года командирован в Рязанскую губернию для наблюдения за приёмом рекрутов 10-го частного набора, 8 февраля 1854 года — в Псковскую губернию для наблюдения за приёмом рекрутов 11-го частного набора с западной полосы Империи.

22 августа 1854 награждён Знаком отличия за 15 лет беспорочной службы.

В декабре того же года по Высочайшему повелению командирован в южные области: в Херсонский и Перекопский военные госпитали для осмотра раненых, затем переведён в Севастополь, где с 20 декабря 1854 года по 24 февраля 1855 года находился при главнокомандующем военными сухопутными и морскими силами в Крыму.

В середине марта 1855 года получил монаршее благоволение «за отличное и вполне удовлетворительное исполнение возложенного на него поручения». Его стремительное восхождение по карьерной лестнице вызывало истинное уважение, кроме того, он был приближён к особам царской фамилии: 31 марта 1855 года он присутствовал при составлении духовного завещания Николая I. 7 апреля 1855 награждён орденом Святой Анны II степени. 24 августа 1855 года командирован для осмотра дружин Костромского и Ярославского ополчения, куда отправился 25 августа. Возвратился в Санкт-Петербург 12 сентября того же года, но по неудовлетворительному состоянию этих дружин ему было предписано вторично отправиться по маршруту их следования и сопровождать до места расположения, назначенного в Царстве Польском. 12 ноября 1855 года Кропоткин был пожалован бронзовой медалью в память кончины Николая I. 6 декабря 1855 года был произведён в полковники с оставлением звания флигель-адъютанта. 26 августа 1856 года получил в награду за службу орден Святой Анны II степени с Императорской короной.

БИЛЕТЪ
ЦѢНА 2 РУБ. СЕР
ОТЪ МОСКОВСКАГО ОБЕРЪ-ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА
Москва
Примѣты.

С 16 ноября до 3 января 1856 года находился в Минской губернии для наблюдения по общему набору рекрутов. 4 февраля 1856 года командирован для осмотра временных и постоянных госпиталей: Николаевского, Стрелкового полка Императорской фамилии, Одесского и всех, принадлежавших Южной армии, откуда по болезни, не окончив поручения, возвратился 6 апреля того же года.

По случаю коронования Алекесандра II находился в Москве с 12 августа по 20 сентября 1856 года и в память об этом получил серебряную медаль. В октябре 1856 года командирован для наблюдения за отправлением маршевых батальонов и за переформированием армейской пехоты по форме мирного времени и за сформированием четырёх резервных батальонов в Миргороде, Ромнах, Гадяче и Кебеляках.

С 1857 года по Высочайшему повелению состоял членом Комиссии для рассмотрения следственных дел и дознаний и для вынесения приговоров о беспорядках и злоупотреблениях по снабжению различными довольствиями Крымской и Южной армий.

1858 год начался для князя Алексея Кропоткина по-особенному, он был назначен исполнять должность московского обер-полицмейстера. В конце того же года был произведён «за отличие по службе» в генерал-майоры с утверждением в настоящей должности с назначением в Свиту Его Императорского Величества.

В декабре 1858 года, исполняя предписание московского военного генерал-губернатора Арсения Закревского, возглавил комиссию из чинов городской полиции, составившую и утвердившую инструкцию «Об обязанностях и правах полицмейстеров и подчинённых им полицейских чинов».

Чтобы понять, какое полицейское ведомство Кропоткин получил в наследство от Тимашёва-Беринга, можно прочитать опубликованные в журнале «Русский вестник» (1857—1858) очерки С.С. Громеки, полицейского офицера с большой выслугой, знавшего не понаслышке проблемы своего ведомства.

Одной из значимых проблем для полиции того времени, на взгляд Громеки (статья «Два слова о полиции»), было обилие бумажной работы: «Полицейскому чиновнику недостаточно всё видеть, всё знать, всё добро охранять, всё незаконное останавливать, всех нарушителей порядка задерживать; он должен, во-первых, всякое действие своё облечь в письменную форму для отчётности перед начальством, то есть: виденное записать, подписать, и пригласить к тому посторонних свидетелей; всё слышанное исследовать (произвести формальное следствие), и, наконец, если нарушение маловажно, должен сам учинить суд и потом привести своё собственное решение в исполнение с надлежащим, разумеется, прописанием всех сих действий в различные журналы, протоколы, акты».

Кроме того, что писание бумаг отнимало много сил и времени, полицейским приходилось строго придерживаться установленного порядка оборота документов, пусть это даже приводило к абсурду.

Громека объясняет читателям, в чем корень зла: «Что касается до болезни многописания... там, где гласности не существует, начальство по необходимости должно принимать на себя тяжёлый труд следить за каждым шагом подчинённого; так как оно не может, подобно обществу, быть всевидящим и всезнающим, то и должно прибегать к посредству многописания». И далее автор делает вывод: «Выходит, мы снова волей-неволей возвращаемся к проблеме нравственных качеств сотрудников полиции. Будь начальство уверено в добросовестности своих подчиненных, не пришлось бы создавать обильно-бумажную систему контроля их деятельности».

Написанная в 1859 году объяснительная записка к «Проектам об уездных учреждениях» комиссии Н.А. Милютина подтвердила некоторые утверждения бывшего полицейского-писателя о том, что «следственная и судебная деятельность полиции крайне неэффективна. Срочного исправления требовали другие недостатки органов полиции, среди которых опять же были отмечены: беспорядки и злоупотребления чиновников в хозяйственно-распорядительных делах; формальное делопроизводство, породившее переписку чрезвычайных объёмов; недостаточное материальное содержание, толкающее полицейских на приискание незаконных доходов вплоть до установления поборов с населения. Отсутствие чётко обозначенного в законах перечня обязанностей полиции и пределов ответственности её служащих усугубляло без того нерадостную картину. А нерадостной она была ещё и от недостатка в числительном составе здешней наружной полиции, особенно в чинах полицейской стражи». Говоря

языком современным, «некомплект личного состава» отражался на работе полиции.

Как видим, сами полицейские чины считали, что для пользы дела необходимо изменить структуру городских органов правопорядка, утверждённую еще Екатериной II. Попутно им хотелось сокращения служебной писанины до разумных пределов, а главное — соответствия получаемого денежного содержания изменившимся условиям жизни. Таковы были вполне разумные и справедливые требования, которые и привели к реформе полицейской структуры, осуществлённой уже после ухода Кропоптkина в отставку, 12 ноября 1860 года. Но прежде, 3 августа 1860 года, Алексей Иванович был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Позднее был назначен председателем временной Высочайше учреждённой комиссии для словесной расправы между нанимателями, рядчиками, рабочими или мастеровыми в Москве 23 декабря 1860 года. В 1873 году Кропоткину был присвоен чин генерал-лейтенанта.

Синонимом успеха для него являлось и нажитое посильным трудом богатство. Известен факт, что в 1880 году за ним состояло: 4000 десятин земли в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии; 7000 десятин леса в Белозерском уезде Новгородской губернии; 1500 десятин земли в Пронском и Спасском уездах Рязанской губернии; 16000 десятин леса в Глазовском уезде Вятской губернии.

В 1897 году князь Кропоткин был избран Лужским уездным предводителем дворянства и занимал эту должность до 1900 года.

Также состоял вице-президентом Санкт-Петербургского попечительного о тюрьмах комитета.

Князь Алексей Иванович Кропоткин скончался 14 (27) ноября 1903 года и был похоронен при церкви села Половского Спасского уезда. Оставил после себя 12 наследников.

Первая жена (с 19 января 1847 года) — княжна Антонина Сергеевна Щербатова (14.04.1818—1861), фрейлина двора, дочь князя Сергея Григорьевича Щербатова и княжны Анны Михайловны Щербатовой (урожденной Хилковой (ум. 15.02.1868).

Вторая жена (с 11 ноября 1870 года) — Прасковья Ильинична Бибикова (1839—1903), фрейлина двора, дочь Ильи Гавриловича Бибикова от брака его с Варварой Петровной Мятлевой.

Подготовила Айрин ДАШКОВА,
иллюстрации из открытых источников

«Потапёнок»

Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла.
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт!

Эти строки выдающийся русский поэт и офицер лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Михаил Лермонтов посвятил своему сослуживцу Александру Потапову. Впрочем, Михаил Юрьевич ошибся — Александр Потапов, конечно, не поэт, а воин!

Александр Львович участвовал во многих битвах и сражениях, кроме того, возглавлял полицию трёх столиц — Первой, Северной и Польской, а ещё был губернатором Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, войсковым атаманом Войска Донского и также являлся шефом жандармов и главноуправляющим Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Службу свою он закончил в звании генерала от кавалерии, членом Государственного совета.

Александр Львович Потапов родился 15 сентября 1818 года в селе Семидубравном Землянского уезда Воронежской губернии. Род Потаповых — один из самых уважаемых в здешних краях. Его дед был Воронежским губернатором, а отец — известным генералом екатерининских и более поздних времён (в частности, в составе Старооскольского пехотного полка принимал участие в знаменитом суворовском переходе через Альпы). К началу XIX века Лев Иванович умерил воинственный пыл и направил жар своего сердца на покорение Екатерины Петровны Грохольской — представительницы известного и богатого польского рода. Невеста была им очарована и, сменив католическую веру на православную, приехала с избранником в воронежскую глубинку — обустраивать имение и рожать наследников.

Александр был вторым сыном. Он получил хорошее домашнее образование и, достигнув десятилетнего возраста, был определён пажом при Императорском дворе. В сентябре 1835 года семнадцатилетний Александр Потапов поступает унтер-офицером в лейб-гвардии Гусарский полк и одновременно — в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Это было заведение для обучения молодых дворян, пришедших в гвардию из университетов или частных пансионов и не имевших военной подготовки. Кстати, годом ранее из этого очень престижного военного заведения в гвардейский Гусарский полк был выпущен корнет Лермонтов, что, конечно, также сближало молодых людей.

Александр Потапов закончил учёбу 6 декабря 1838 года и таким же корнетом возвратился в свой полк. Унаследовав воинственные гены отца, он с упоением отдаётся службе. Последовательно получает звания поручика (6 декабря 1839 года), штаб-ротмистра (13 апреля 1842 года) и ротмистра (6 декабря 1845 года).

...По невыясненным причинам в 1846 году Потапов уходит в бессрочный отпуск. Но уже в 1848 году назначается адъютантом к главнокомандующему действующей армией генерал-фельдмаршалу Ивану Паскевичу.

Здесь следует сделать небольшое отступление и рассказать читателям об этом выдающемся человеке, с которым судьба свела нашего героя. Потомок запорожского казака Иван Паскевич прошёл сотни боёв, сражений и битв и везде одерживал победы. Он — единственный в отечественной истории полный кавалер двух орденов одновременно — Святого Георгия и Святого Владимира.

За военные победы был удостоен генерал-фельдмаршальского чина, а также высочайших званий — светлейшего князя Варшавского и графа Эриванского. Стоит ли удивляться, что Ивану Фёдоровичу нашлось место на памятнике «1000-летие России» среди 129 фигур самых выдающихся личностей российской истории.

Одним словом, стать учеником такого человека можно было только по милости судьбы!

Когда Александр Потапов прибыл и представился Паскевичу, тот опять собирался в поход. Европу в средине XIX века сотрясла череда революций. И вот австрийский император, чей трон поколебали венгерские инсургенты, возглавляемые революционером Лайошем Кошутом, попросил помощи у русского царя. Николай I после победы в Отечественной войне 1812 года принял ответственность за всю Европу, поэтому отправил венценосному коллеге на помощь Русский экспедиционный корпус, руководителем которого назначил Паскевича.

Потапов вместе со своим шефом участвовал в сражениях с восставшими венграми и 1 августа принял капитуляцию мятежников. За успешное окончание кампании Паскевичу было предоставлено право пользоваться теми же воинскими почестями, какие воздаются только особе императора. Наш герой также был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». По окончании боевых действий в Венгрии он продолжал служить адъютантом при Паскевиче и, когда тот вернулся в Варшаву, последовал за ним.

Когда Россия вступила в Крымскую войну, Паскевич и его адъютант оказались на театре военных действий Дунайской армии. Потапов при осаде турецкой крепости Силистрия являлся траншей-майором правого фланга осадной линии и за умелые действия был награждён орденом Святого Владимира IV степени. В ноябре 1855 года был произведён в полковники и назначен начальником штабов 1-й и 3-й пехотных дивизий.

На дальнейшую судьбу нашего героя оказали влияние два печальных события. В феврале 1855 года, простудившись на проводах войск, отправляемых в Севастополь, умирает император Николай I. Паскевич тяжело переживал эту новость, а, узнав об оставлении русскими Севастополя, окончательно слёг в постель. Он скончался в Варшаве 20 января 1856 года в возрасте 73 лет.

Александру II досталось плохое наследство. Крымская война вконец разорила страну, Россия «пылала» крестьянскими восстаниями, уже заговорили о новой «пугачёвщине». Чиновничество погрязло в коррупции. В августе 1856 года в Успенском соборе Московского Кремля происходит коронация Александра II, и он сразу начинает формировать команду, которая должна вывести страну из тяжёлого положения.

Нашему герою повезло, он был замечен новым руководством страны. Потапова пожаловали флигель-адъютантом к Александру II. С июня 1857 года Александр Львович работает в комиссии, созданной для рассмотрения злоупотреблений в снабжении войск бывших Крымской и Южной армий.

В июне 1860 года Александра Львовича назначают исполняющим обязанности санкт-петербургского обер-полицмейстера, в августе его производят в генерал-майоры и зачисляют в Свиту Его Императорского Величества. По всей видимости, император остался доволен его работой, так как уже в ноябре Потапов назначается обер-полицмейстером в Москву.

Пробыл на этом посту совсем немного (в июле 1861 года убывает в столицу Царства Польского для реорганизации варшавской полиции), но хотелось обратить внимание читателей, каким важным периодом в жизни России был этот временной отрезок.

19 февраля 1861 года император Александр II подписал два выдающихся по своему историческому значению документа: «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». Эти акты закончили «эпоху средневековья» в России и выводили её на новый уровень экономического, политического и культурного развития.

Надо сразу сказать, что в стране было очень много недовольных этими законами. Как среди дворян, так и среди крестьянства. Правительство опасалось революционных выступлений. Поэтому полиция Москвы, как, впрочем, правоохранители всей России, провела некоторое время в тревожном ожидании.

Дабы всё прошло в спокойствии, Александр Потапов предпринял следующие меры: во все церкви, в которых должен был читаться Манифест, послал наряды из полицейских чинов и жандармского дивизиона. Кроме того, ранним утром 5 марта для предупреждения и прекращения могущих произойти беспорядков» предписал направить в Лефортовскую, Рогожскую, Яузскую, Басманную, Пресненскую и Серпуховскую части по роте солдат с двумя офицерами, а в остальные 11 частей Москвы — по взводу солдат. Он потребовал, чтобы во всех полицейских частях города постоянно находились верховые казаки, патрулирующие город.

В ночь, предшествующую оглашению Манифеста и Положения, в Москве не тушили ночные фонари, а кабаки были закрыты.

Чтобы сохранить в тайне предстоящее объявление, Потапов выдал отпечатанные в Санкт-Петербурге тексты Манифеста и Положения за свои личные вещи. Он приказал эти огромные тюки с листовками привезти к нему домой, где они и хранились до утра 5 марта. Содержание документов было оглашено в Успенском соборе Кремля после литургии, которую отслужил митрополит Филарет, сам выступавший против подобного акта.

Принятые полицейские меры возымели ожидаемое действие. Манифест об отмене крепостного права был обнародован, как доложил московский генерал-губернатор, «спокойно и благополучно».

...В октябре 1861 года деятельность Потапова приобрела всероссийское звучание — он занял должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, а 15 декабря по совместительству возглавил Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Должность была ответственная и в годы революционного подъёма очень хлопотная. Генералу Потапову, кстати, приходилось вести дела, которые, используя современную терминологию, были резонансными, имели громкое общественное звучание.

Но в 1864 году карьера в Санкт-Петербурге была прервана. Его назначили помощником по гражданской части виленского генерал-губернатора Михаила Муравьёва, у которого генерал уже когда-то находился в подчинении. Здесь у нашего героя случился конфликт с губернатором — жестокость Муравьёва в подавлении поляков и литовцев вызвала у него протест. Узнав о противостоянии, император упразднил должность помощника и направил Александра Львовича на Дон для ревизии положения бывших крепостных крестьян.

Вскоре, в октябре 1865 года, его назначают наказным атаманом Войска Донского. Ещё через год Потапов был произведен в генерал-лейтенанты, после чего его назначают войсковым атаманом Войска Донского с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа.

2 марта 1868 года наш герой возвращается в Вильно уже в качестве генерал-губернатора и командующего войсками Виленского округа. В те годы генерал-губернаторство включало 3 губернии — Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.

В июле 1874 года Александр II ставит Потапова во главе жандармерии и Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Его производят в генералы от кавалерии и назначают членом Государственного совета. Но в 1877 году Александр Львович тяжело заболел и фактически остался не у дел. Он умер 24 октября 1886 года в Санкт-Петербурге в возрасте 68 лет и был похоронен в Троице-Сергиевой пустыни близ столицы.

Генерал Потапов был настоящим руководителем тайной полиции. Он говорил своим друзьям: «Никогда, никому, ни в чём в жизни моей я не верил и никогда не имел повода в том раскаиваться».

Современники так описывали его: «Умён и весьма хитёр; очень сметлив, одарён замечательной проницательностью, честолюбив и властолюбив в высшей степени... На деньгу честен: взятки не возьмёт, но суров и безжалостен; сверх того, подобно почти всем людям малого роста, он весьма склонен к гордости. Обхождение его с людьми, судьбой от него поставленными в зависимость, отменно вежливо: он всегда учтив, никогда не скажет оскорбительного слова, но вечно остаётся безжалостным и неумолимым...»

Александр Львович действительно был небольшого роста, оттого товарищи по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров называли его в шутку «Потапёнком».

Анна ШАМОНИНА,
иллюстрация из открытых источников

Боролся с бунтами и грабежами

Барон, граф (с 1839 года) Генрих Киприанович КРЕЙЦ занимал пост московского обер-полицмейстера в течение пяти лет, в период с 1861 по 1866 год.

Генрих родился 13 октября 1817 года. Он появился на свет в семье генерала, барона (в 1839 году пожалован титул графа) Киприана Антоновича Крейца и баронессы Каролины Петровны Оффенберг. Каролина Петровна познакомилась с будущем мужем в Курляндии. Её родители противились браку с Киприаном Крейцем. Мать и отец не хотели расставаться с дочерью, так как, выйдя замуж за военного, Каролина была бы увезена далеко от них. Но это обстоятельство уладил Александр I. Император лично попросил за Крейца руки девушки у её родителей и получил согласие. Влюблённые обвенчались. За заслуги мужа 23 октября 1837 года молодая баронесса Крейц была пожалована в кавалерственные дамы ордена Святой Екатерины (малого креста).

Фамильный герб Крейцев

Сын Киприана и Каролины, Генрих получил образование в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Николаевское кавалерийское училище). Курс обучения там был двухгодичным. Среди предметов изучались тактика, военное дело, топография, иностранные языки, точные и естественные науки.

На службу Генрих Крейц поступил в 1834 году. Через два года получил офицерский чин корнета, затем поручика. В дальнейшем произведён в ротмистры. В 1846 году назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Дослужился до полковника. Участвовал в Венгерском походе. Был командиром Военного Ордена 13-го драгунского полка. Принимал участие в Крымской войне 1853—1856 годов. Позже произведён в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Императорского Величества.

С 1861 года Генрих Киприанович — московский обер-полицмейстер. Именно в это время в стране проходят великие реформы императора Александра II. С наступлением преобразований и отменой крепостного права в Москве почувствовали себя свободнее деятели революционного движения. Социальную основу новых политических течений составляли студенты, литераторы, врачи, учителя и т. д.

Всё началось с издания нелегальной литературы, в первую очередь произведений Александра Герцена «Тюрьма и ссылка», «Крещёная собственность», «Русский народ и социализм» и других. Студенты-шестидесятники приступили к организации воскресных школ, которые должны были стать «проводниками в народе здравых понятий о человеческой личности и о жизни общественной» (из «школьной программы» революционера-народника Петра Заичневского).

Однако это начинание было пресечено: в 1862 году после обнаружения нелегальной литературы в нескольких школах Петербурга последовало высочайшее распоряжение о закрытии всех воскресных школ. Но Пётр Заичневский и члены его небольшого кружка пытались напрямую агитировать крестьянство. «Я им говорил, — писал Заичневский, — о том, что земля — их, и что если помещики не согласятся, то они могут принудить их к этому силой, что всё пойдет хорошо, если только они перестанут

Отмена крепостного права. 1861 год

надеяться на государя, давшего им такую гадкую волю».

Летом 1861 года революционера вместе с товарищами арестовали. Но многие московские студенты, даже не входившие в организацию Заичневского, разделяли его взгляды.

В результате в 1861 году Московский университет охватили волнения. Отправной точкой стало 27 сентября, когда пришла весть о закрытии университета в Петербурге. Московские студенты планировали подать прошение Александру II об освобождении неимущих студентов от платы за обучение, о разрешении студентам выбирать депутатов, через которых можно было бы заявлять начальству о своих нуждах, а также об отмене запрета на организацию студенческих обществ.

Огонь недовольства в течение двух недель то затихал, то разгорался вновь. 11 октября попечитель учебного округа А. Исаков попросил полицию арестовать всех зачинщиков беспорядков. Когда на следующий день студенты узнали о задержании товарищей, началась стихийная демонстрация. Полиция во главе с обер-полицмейстером Крейцем жёстко подавила её. Активисты оказались за решёткой. За пресечение студенческих беспорядков Крейц получил благодарность императора.

Однако вскоре бунт среди студенчества разгорелся с новой силой. В руках студентов оказалась прокламация «Молодая Россия». «Скоро, скоро, — говорилось в ней, — наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там... Бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь». И это были не просто слова. Студенты действовали. В 1862 году на основе кружка «Библиотека казанских студентов» была создана московская секция организации «Земля и воля». Её члены хотели созыва бессословного Земского собора для осуществления «права народа на землю и волю» и «общинного самоуправления». Впрочем, просуществовала данная организация недолго: в 1863—1864 годах благодаря деятельности полиции все её участники оказались за решёткой.

С 1862 года, помимо своей работы в качестве обер-полицмейстера, Генрих Крейц также занимает пост вице-президента Московского попечительного о тюрьмах комитета.

Между тем кроме волнений и бунтов Москву в то самое время одолевала и уличная преступность. Так, в журнале «Современная летопись», было отмечено следующее:

«В Москве в 1862 году ещё нельзя безопасно ходить по городу, и многие... носят с собой вечерком кто пистолет, старую шпажонку, а кто и просто палочку со свинцовым набалдашником...»

Для улучшения ситуации в Москве в 1863 году был издан указ об увеличении городской стражи. Предписывалось укомплектовать 1000 рядовых московской полиции из полков 1-й гренадерской дивизии и «других частей войск по усмотрению Военного министерства». При этом специально оговаривалось: «...люди, замеченные в дурных поступках, могут быть возвращаемы в полки и взамен их требуемы благонадёжные, следуя порядку комплектования стражи, принятому в С.-Петербургской полиции».

В 1863 году московская полиция не только численно возросла, но и преобразилась внешне. Все её служащие от начальников до рядовых облачились в форму нового образца. Вместо затрапезной «сермяжной брони» рядовые стражи получили мундиры и шаровары «из тёмно-зелёного армейского сукна» (унтер-офицеры — из «гвардейского сукна»); взамен кожаных касок — шапки с лакированным козырьком «офицерского образца».

Однако, по-видимому, увеличение состава полицейских не привело к ощутимым результатам. Вот что записал в дневнике сенатор В.Ф. Одоевский в 1864 году:

«Со всех сторон слышно о грабежах в Москве. У Ник. Дим. Маслова до сих пор шишка, на спине от полученного на Пречистенке удара кистенём. Если бы удар был немножко выше и не был он в шубе, то несдобровать бы ему; нападали на [него] двое.

Рассказывают историю про даму в пролётке, на которую напали пятеро, хожалого и кучера избили, её раздели донага и ускакали на пролётке...»

К 1864 году обер-полицмейстер Генрих Крейц произведён в генерал-лейтенанты. До своего назначения сенатором, состоявшегося 28 октября 1866 года, находился в распоряжении министра внутренних дел. Позже произведён в генералы от кавалерии.

Генрих Киприанович умер в 1891 году в Санкт-Петербурге. У него было пять сестёр и четыре брата. Один из них — Пётр — стал генералом от кавалерии, участвовал в Крымской войне. Известно, что у самого Генриха Киприановича был сын.

Среди наград Генриха Крейца — ордена Святой Анны трёх степеней, Святого Владимира 2-й и 3-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святого Александра Невского и Белого Орла.

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА,
иллюстрации из открытых источников

Студенческие выступления

Тесть Маннергейма «вожжи» не натягивал

Рекордсменом среди столичных полицейских можно считать генерал-лейтенанта Николая Устиновича (или, как писали ранее, Иустиновича) АРАПОВА, который почти 13 лет возглавлял столичную полицию — с 1 января 1868 по 14 октября 1878 года. Судьба и сама жизнь этого неординарного человека, кстати, и его родственников, — интересна и поучительна.

Араповы — древний дворянский род, родоначальник которого казанский житель некто Барамук «выехал из татар» в Муром служить русскому царю. Случилось это ещё в середине XIV века. В XVII веке Араповым за их верную службу были пожалованы земли на территориях, позднее вошедших в Наровчатский уезд Пензенской губернии. В 1793 году род Араповых был внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги данной губернии. Заметим, что в эту часть попадали только представители самых древних родов, сложившихся за 100 лет до 1785 года.

Что касается Николая Иустиновича, то он родился в 1825 году в Тамбовской губернии. Его дед Иван Андреевич Арапов поселился в тех же краях близ населённого пункта Богородицкое и основал село, которое впоследствии по его имени получило название Арапово. Следуя традициям, он имел большую семью, воспитывал семерых детей.

Младший сын его Устин Иванович (1797—1873) — генерал-майор, участник русско-турецкой войны, общественный деятель, губернский предводитель дворянства Тамбовской губернии, унаследовал имение и, выйдя в отставку, развернул здесь бурную хозяйственную деятельность. Он обустроил имение с домом, дворовыми постройками, огромным парком и садами. На реке Липовице была создана цепь прудов, в которых разводили рыбу. Были вишнёвый и яблоневый сады, огород. Арапов построил винокуренный завод и мукомольную мельницу. На лесных опушках располагались пчельники. Помимо имения Устин Иванович построил в Арапове красивый двухэтажный дом в мавританском стиле.

Эта прекрасная усадьба перешла в наследство сестре нашего героя Екатерине в ознаменование её свадьбы с Павлом Александровичем Ланским. Павел приходился племянником Петру Петровичу Ланскому — блестящему офицеру, за которого после семи лет вдовства вышла замуж Наталья Николаевна Пушкина (Гончарова). Родные внучки Пушкина, дочери его сына Александра Александровича — Анна, Надежда и Вера Пушкины, — будучи гимназистками, летние каникулы часто проводили в Арапове.

Завершая рассказ о семейном гнезде, откуда «вылетел» столичный обер-полицмейстер, отметим, что в 1918 году в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции село Арапово было переименовано в Красносвободное и так называется до сих пор.

...Наш герой был вторым из восьми сыновей Устина Ивановича. Получив домашнее образование, он поступил на службу юнкером в один из драгунских полков, в котором в 1844 году был произведён в офицеры. Огромную роль в его успешном продвижении играл авторитет отца-кавалергарда. В 1860 году в чине полковника Николай Арапов был пожалован званием флигель-адъютанта.

Необходимо сообщить и другую важную подробность биографии Николая Устиновича — его дед по матери генерал-лейтенант Иван Терентьевич Сазонов являлся героем Отечественной войны 1812 года и имел обширные связи при дворе. Всё душевное и тёплое отношение к нему власть предержащие перенесли и на его внука. И в 1865 году с производством в генерал-майоры Николай Устинович был зачислен в свиту Его Величества. И уже потом получил назначение на должность московского обер-полицмейстера.

В то время московским генерал-губернатором был князь Владимир Андреевич Долгоруков. Небольшого росточка, несколько стеснительный, он отличался от других подобного рода руководителей большой любовью к Москве, её истории и жителям. И все 25 лет, которые он стоял во главе Белокаменной, он старался сделать что-то хорошее для населения города, которое отвечало ему благодарностью и уважением.

Правление Долгорукова, как отмечал известный бытописатель Москвы Владимир Гиляровский, отличалось «патриархальным порядком». Князь Долгоруков более всего не любил, чтобы спокойное течение жизни Первопрестольной нарушалось какими-либо происшествиями. Считается, что под свой нрав он подбирал и начальников полиции. О них историк Михаил Богословский оставил в мемуарах следующее свидетельство: «Должность обер-полицмейстера занимали генерал-майоры «свиты Его Величества», обыкновенно из средних дворянских фамилий. В 70-х годах сидел обер-полицмейстером Н.У. Арапов, затем Е.К. Юрковский, А.А. Козлов. Всё это были самые обыкновенные, бесцветные, с монотонным однообразием один другого повторяющие начальники. Они ездили по Москве, обращая на себя внимание особой запряжкой своих экипажей: летом в небольшой пролётке без верха, зимой в одиночных санях «на паре с пристяжной», как тогда говорилось: одна лошадь впрягалась в оглобли, а другая пристёгивалась к ней с правой стороны на свободных постромках, и бежали хорошей рысью, изящным изгибом извивая шею, что особенно и ценилось в таких пристяжных. Вечера эти обер-полицмейстеры проводили в гостиных среднего московского дворянского круга, с которым были связаны нитями родства и знакомства, или в Английском клубе». Богословскому вторил историк Николай Розанов, давший Николаю Устиновичу схожую характеристику: «...это был генерал в общем довольно добродушный и не слишком натягивавший вожжи».

Впрочем, как впоследствии напишет Сергей Есенин, «большое видится на расстоянье». За годы, отданные Николаем Устиновичем руководству столичной полицией, Первопрестольная здорово изменилась. После упразднения крепостного права в России и — в первую очередь — в Москве наступило стремительное развитие капитализма: резко увеличивалось количество заводов и фабрик и, соответственно, рабочего населения. В Москву устремилось население окружающих областей, что, конечно, ухудшило криминогенную обстановку в городе. Иной особенностью состояния нашего города стало нарастание классовой борьбы и, как следствие, рост числа стачек. Вначале они носили экономический характер, но в связи с влиянием левых сил, от Александра Герцена до первых социал-демократов, бастующие стали предъявлять и политические требования.

Одной из важнейших задач тогдашней полиции являлась борьба с нелегальной литературой. В ходе обысков на фабриках Смирнова, Денengорт, Богород-Глуховской удалось обнаружить и изъять у рабочих нелегальные брошюры. Среди них — «Чтой-то, братцы, как тяжко живётся нашему брату на русской земле», «Хитрая механика», «Сказка о четырёх братьях», «Емелька Пугачёв», «Сила солому ломит», а также по несколько экземпляров трёх первых номеров издававшейся в 1875 году в Женеве газеты «Работник». До нас дошли и другие донесения, направленные Николаем Устиновичем III отделению жандармов и оповещающие об обретении и конфискации всё новых партий революционной литературы.

Впрочем, жизнь так распорядилась, что Арапову не пришлось в полной мере участвовать в борьбе с революционными потрясениями. Это выпало на долю его последователей.

Кстати, тогда же в обязанности полиции входило сожжение запрещённых цензурой книг. Происходило это в Сущёвской полицейской части. Иногда, как писал Гиляровский, люди задавали вопрос: «Что за дым? Уж не пожар ли?» И получали ответ: «Не беспокойтесь, ничего, это «Русскую мысль» жгут».

В заднем сарае Сущёвской части стояла огромная железная решётчатая печь, похожая на клетку, в которой Пугачёва везли на казнь. Когда было нужно, её вытаскивали из сарая во двор, обливали книги и бумаги керосином и жгли в присутствии начальства.

Гиляровский, чья книга как раз и была сожжена, с укором восклицал: «Чего только не заставляло делать пожарных тогдашнее руководство!» Оно привлекало их для ремонта своих квартир, которые сдавались внаём. Так, сообщает он нам ещё одну подробность из жизни нашего героя, «в семидесятых годах обер-полицмейстер Арапов разрешил своим друзьям — антрепренерам клубных театров брать пожарных на роли статистов...»

В 1878 году, испытывая недомогание, Николай Устинович подаёт в отставку. Его назначили в так называемые запасные войска и присвоили чин генерал-лейтенанта. Последующие годы он потратил на борьбу с недугом, искал врачебной помощи даже за границей. Скончался Николай Устинович 1 апреля 1884 года от абсцесса головного мозга в итальянской Флоренции, похоронен в Москве в Алексеевском женском монастыре.

Николай Устинович был женат дважды. Первая его супруга Ольга Андреевна Пятницкая в 1860 году умерла при родах. Через 9 лет вдовства он женился на Вере Казаковой, дочери генерал-майора Александра Казакова. Этот Казаков состоял секретарём у графини Анны Орловой-Чесменской, единственной дочери Алексея Орлова, сподвижника Екатерины II, и после её смерти оказался очень богат.

Венчание прошло в домовой церкви генерал-губернатора князя Долгорукова. По словам современников, Вера Александровна вышла замуж

за уже немолодого Арапова не по любви. Она имела чудный голос, но красавицей не была — «с очень широким лицом, напоминающим блин, с массой белокуро-рыжеватых волос, которые от природы вились». В своём доме на Тверском бульваре она устраивала музыкальные вечера, которые благодаря её знакомству с лучшими силами итальянской оперы превращались в дивные концерты.

В этом браке родились две дочери — Анастасия и Софья. Младшая, Софья, стала женой графа Дмитрия Менгдена, а избранником старшей, Анастасии, стал известный финский военный и государственный деятель Карл Густав Маннергейм. В то время, 2 мая 1892 года, Густав Карлович (таково было второе его имя, произносимое на русский манер) служил в Кавалергардском полку. За годы службы он здорово поиздержался. Его сослуживец Александр Звегинцов посоветовал ему обратить внимание на свою двоюродную сестру — Анастасию Арапову. Её богатое приданое сыграло немаловажную роль. Венчание прошло по православному и лютеранскому обычаям. Барон после женитьбы стал заводить породистых лошадей и зарабатывать на скачках, причём иногда сам являлся наездником.

Вскоре родились две девочки — Анастасия и Софья (те же имена!), но брак оказался некрепким. Барон гулял, а супруга также позволяла себе влюбляться в других мужчин. Кончилось всё тем, в 1902 году супруга взяла дочерей и уехала с ними во Францию, перед этим лишив барона доступа к финансам. В 1919 году Маннергейм (в том году — временный глава Финляндии) подал на развод.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Трижды обер-полицмейстер и генерал-губернатор

«Российский военный и государственный деятель. Генерал-адъютант. Московский обер-полицмейстер (1878—1881; 1882—1887). Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1881—1882). Московский генерал-губернатор (1905). С его именем связано восстановление института московских генерал-губернаторов, приостановленного Высочайшим указом 1 января 1905 года. Правнук героя штурма Измаила Н.Д. Арсеньева», — таково лаконичное «энциклопедическое резюме» об известной исторической личности Александре Александровиче КОЗЛОВЕ, оставившем свой след в хрониках двух отечественных знаковых мест: стоящей на семи холмах Первопрестольной и града Петрова на невских берегах.

Во главе Временной комиссии

Александр Козлов родился 8 апреля 1837 года в городе Санкт-Петербурге. Окончивший Пажеский корпус в 1855 году, уроженец столицы Российской империи был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Как известно, им в своё время командовал отец лейб-гвардейца — генерал-майор Александр Павлович Козлов. Его сына вскоре, в октябре 1856 года, перевели в действующий полк. С января 1857-го генеральский отпрыск служил в лейб-гвардии 1-м Стрелковом батальоне. В том же году Александра Александровича произвели в подпоручики, а через год — в поручики.

В апреле 1861 года он, представитель младшего офицерского состава, был назначен адъютантом Санкт-Петербургского военного губернатора, с переводом в лейб-гвардии Кирасирский Его Ве-

личества полк. Спустя несколько месяцев, в августе 1861 года, Александр Козлов получил чин штабс-ротмистра, а с апреля 1863-го являлся ротмистром.

В 1865 году — стал рижским старшим полицеймейстером, в военном чине подполковника. В 1866 году — произведён в полковники. С 18 марта 1869 года выходец из лейб-гвардии занимал новую должность — помощника санкт-петербургского обер-полицмейстера.

17 апреля 1870 года Александра Александровича Козлова назначили флигель-адъютантом Его Императорского Величества, с оставлением в должности. Карьера и дальше складывалась завидная: герой этой публикации в 1872 году за отличие по службе был произведён в генерал-майоры, с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. В 1873 году — стал помощником Санкт-Петербургского градоначальника, а с 1878-го — состоял при Министерстве внутренних дел.

Будучи с 14 октября 1878 года московским обер-полицмейстером, Александр Александрович нашёл понимание со стороны генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Характерно и то, что 25 сентября 1880 года Козлов направил директору Департамента полиции барону Ивану Велио доклад, в котором, наряду с анализом состояния политического розыска в Москве, высказывал своё мнение об организации нового ведомственного органа.

Согласно проекту автора документа, выделялось семь направлений работы будущего отделения. На следующий день генерал-майору Козлову было направлено распоряжение о немедленном создании такой структуры — секретно-розыскного отделения. Александр Александрович председательствовал в учреждённой императором Александром III «Временной комиссии по фабрично-заводским делам при московском обер-полицмейстере». Соответственно, глава данной комиссии имел право приглашать для личных объяснений фабрикантов, заводчиков и рабочих.

Вот как отзывался об Александре Александровиче граф Сергей Юльевич Витте: «...генерал Козлов, человек, правда, весьма порядочный, но по натуре своей не «полицейский» человек». Весьма примечательно и свидетельство товарища (заместителя) министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов (в 1913—1915 годах) Владимира Фёдоровича Джунковского: «...А.А. Козлов пользовался очень большой симпатией и уважением среди всех слоёв населения, не исключая и рабочих и простого люда, а также и учащейся молодёжи. Среди последней он даже был популярен. Рассказывают, что во время одной из забастовок на Высших женских курсах он прискакал верхом, с нагайкой в руке и, въехав в толпу курсисток, крикнул им: «Ерша вам родить против шерсти, чего бунтуете!». Толпа моментально расхохоталась от неожиданности, настроение забастовочное понизилось, и всё окончилось мирно».

«Строго у меня»

12 августа 1881 года Александр Козлов был назначен санкт-петербургским обер-полицмейстером. По вступлении в должность он, попытавшись отвлечь «простой народ от пьянства, разгула и грубых развращающих удовольствий», предложил создать народный театр. Городская дума поддержала эту идею, однако театр для рабочих был открыт гораздо позже: лишь в 1887 году.

На посту санкт-петербургского обер-полицмейстера Александр Александрович находился с 1881 по 1882 год. Как раз на период его службы в столице Российской империи приходится открытие первой в городе телефонной станции.

Надо уточнить, что Козлов некоторое время (с 26 марта 1882-го) был санкт-петербургским обер-полицмейстером и исправляющим должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. В том же году, 26 июля, повторно стал московским обер-полицмейстером. В 1883 году, за отличие в службе, — произведён в генерал-лейтенанты.

По утверждению считавшегося «королём репортёров» и являвшегося отменным знатоком Москвы писателя и журналиста Владимира Гиляровского (1855—1935), Александр Козлов «не пропускал ни одного значительного пожара» и лично участвовал в их тушении. Например, Владимир Алексеевич вспомнил зарядьевский случай: «Во время страшного летнего пожара в Зарядье я спас от гибели обер-полицмейстера Козлова, чуть не провалившегося в подгорелый потолок, рухнувший через минуту после того, как я отшвырнул Козлова от опасного места и едва выскочил за ним сам. Козлов уехал, опалив свои огромные красивые усы, домой...».

В принадлежащем перу русского писателя и православного мыслителя Ивана Шмелёва (1873—1950) романе «Лето Господне» есть весьма живописная сцена о Крестном ходе:

«...Донская густо усыпана травой, весело, будто луг. Идут без шапок, на тротуаре местечка нет. Прокатил на паре-пристяжке обер-полицмейстер Козлов, стоиком в пролетке, строго тряся перчаткой, грозя усами, выкатывая глаза: «Строго у меня».

Значит, сейчас начнется. И вот уж видно: влево, на Калужском рынке, над чернотой народа, покачиваются в блеске первые золотистые хоругви...».

С 1887 года генерал-лейтенант Козлов являлся почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета. Немного позднее, по 18 декабря 1890 года, — занимал должность управляющего

Московским родовспомогательным заведением. В 1893-м — стал попечителем Московского коммерческого училища. Через несколько лет, в июле 1896 года, опять же за отличие в службе — произведён в генералы от кавалерии.

Трёхмесячное генерал-губернаторство

Чуть больше трёх месяцев, с 11 апреля по 15 июля 1905 года, Александр Александрович Козлов занимал должность Московского генерал-губернатора. В это же время он был назначен генерал-адъютантом Его Императорского Величества, с оставлением в должностях.

Шла русско-японская война 1904—1905 годов, и прежде всего необходимо было решать проблему размещения раненых и больных воинов, прибывавших с Дальнего Востока — с театра боевых действий. К слову, несмотря на действовавший в Москве усиленный режим охраны, в городе проводились и мероприятия, никак не связанные с тревожным военным временем. Скажем, устраивались летние детские цветочные праздники в Зоологическом саду, а также прошло освящение дома бесплатных квартир, который был сооружён на средства Московского земельного банка для семей воинов, пострадавших в войне с Японией.

По болезни Александр Козлов был уволен с должности Московского генерал-губернатора, но с оставлением генерал-адъютантом и почётным опекуном.

Из публикаций о генерал-адъютанте Александре Александровиче Козлове:

«...Занимался составлением новых штатов московского градоначальства и столичной полиции. Для должности московского генерал-губернатора Козлов оказался весьма мягкосердечен. В середине мая 1905 года Козлов дал градоначальнику графу П.А. Шувалову разрешение на похороны по христианскому обряду мануфактур-советника Саввы Тимофеевича Морозова, по официальной версии покончившего самоубийством. Самостоятельность московского генерал-губернатора Козлова превосходила ожидания монарха; так, Козлов разрешил главе Московской управы Ф.А. Головину проведение Земского съезда (6—8 июля 1905 года в Москве: в доме Павла Дмитриевича Долгорукова на Большой Знаменке).

Хотя в день открытия съезда полиция и явилась с предписанием всем разойтись, но когда присутствующие отказались расходиться, то всего лишь были переписаны полицией, которая затем покинула дом. В ответ на требование самого монарха закрыть съезд, переданное через шефа корпуса жандармов Д.Ф. Трепова, генерал-губернатор Козлов заявил, что после визита полиции съезд запрещать неудобно. Изумленный государь оставил на докладе Трепова резолюцию: «Где мои верноподданные слуги?». Неудивительно, что А.А. Козлов долго не пробыл на посту губернатора. И после убийства московского градоначальника графа П.П. Шувалова (произошло летом 1905 года) был отставлен от должности генерал-губернатора.

Проживал на Тверской улице, в доме № 13, окна которого выходили на памятник А.С. Пушкину напротив Страстного монастыря...».

После 1917 года Александр Александрович находился в эмиграции, в том числе проживал в Германии.

И ордена, и Монаршее благоволение

Хорошо известно, что Александр Козлов не был обойдён наградами.

Он был пожалован: орденами Святой Анны 1-й, 2-й и 3-й степени (1877, 1867, 1862 годы), Святого Владимира 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степени (1901, 1881, 1869, 1863), Святого Станислава 1-й и 2-й степени (1874, 1864), Белого Орла (1887), Святого Александра Невского (1891) и бриллиантовыми знаками ордена Святого Александра Невского (1896); золотой медалью в память окончания строительства и освящения Храма Христа Спасителя (июнь 1883 года). Александр Козлов также был удостоен: Монаршего благоволения (1870, 1871, 1874); благодарности Его Величества (1877); Высочайшего благоволения (1882).

Ещё одним Высочайшим благоволением вкупе с чином генерал-лейтенанта и золотой, украшенной бриллиантами табакеркой с изображением Его Императорского Величества Александр Александрович Козлов был отмечен в мае 1883 года за наведение и поддержание порядка в Москве во время коронации Александра III.

Среди наград высокопоставленного российского чиновника Козлова было более десятка иностранных наград, включая командорский крест французского ордена Почётного легиона (1873), болгарский орден «Святой Александр» 1-й степени (1883) и сербский орден Такова 1-й степени (1884).

Александр Александрович Козлов умер 29 ноября 1924 года, в 88-летнем возрасте. Бывший представитель высшего чиновничества Российской империи, трижды обер-полицмейстер и генерал-губернатор Александр Козлов, скончался в Дрездене и похоронен там же.

Подготовил Александр ТАРАСОВ,
иллюстриация из открытых источников

Деловая репутация Евгения Осиповича

Судьба отвела генерал-майору Евгению ЯНКОВСКОМУ всего год службы в должности московского обер-полицмейстера. Да-да, столь яркая личность и талантливый руководитель, оставивший след не только в истории Москвы, но и всей России (занимал губернаторские посты), находился в должности начальника полиции гораздо меньший срок, нежели все его предшественники. Генрих Крейц был обер-полицмейстером пять лет, Николай Арапов — 12 лет, Александр Козлов — чуть меньше трёх лет. Однако сколь много было сделано за краткий исторический срок, отведённый генерал-майору Янковскому!

Евгений Осипович родился 7 марта 1837 года в Полтавской губернии в старинной дворянской семье. Получив воспитание в Константиновском кадетском корпусе, в 1856 году начал службу прапорщиком лейб-гвардии Семёновского полка. После окончания Михайловской артиллерийской академии преподавал артиллерию сначала в Киевском, а затем в Павловском кадетском корпусе. Однако педагогическая деятельность Янковского продолжалась недолго. 17 апреля 1859 года он был переведён в лейб-гвардии конную артиллерию, где служил до 1864 года. С этого времени начинается его чисто административная деятельность.

Командированный в распоряжение Учредительного комитета в Царстве Польском, он исполнял обязанности сначала члена люблинской комиссии по крестьянским делам, а затем был комиссаром той же комиссии, принимая самодеятельное участие во всех её работах. Спустя четыре года Янковский был произведён в подполковники и вышел в отставку, причём за труды по устройству крестьян в Царстве Польском ему была высочайше пожалована серебряная медаль. В 1869 году подполковник Янковский назначен правителем дел управления Варшавского жандармского округа. Десять лет спустя, после русско-турецкой войны, он в 1879 году был командирован в распоряжение генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова для устройства в Восточной Румелии (автономная турецкая провинция с 1878 по 1908 годы) полицейской и жандармской части, но пробыл там всего несколько месяцев. 24 апреля того же года причислен к Министерству внутренних дел с оставлением по армейской кавалерии, а 15 мая 1879 года Янковский назначен Бессарабским губернатором и произведён в генерал-майоры. В августе 1881 года занял должность московского обер-полицмейстера.

Для наиболее верного воссоздания службы Янковского на поприще начальника полиции обратимся к историческим источникам и документам, отражающим эпоху императора Александра III (период правления с 1(13) марта 1881 по 20 октября (1 ноября) 1894 года). Едва вступив на престол, государь оказался в центре борьбы в правительстве между либеральными и консервативными министрами. И с первых же дней заявил о своей приверженности к консервативному образу мысли и консервативным принципам правления. Большую роль в тяготении императора к консерватизму сыграл его учитель правоведения Константин Победоносцев. С 1880 года он исполнял должность обер-прокурора Святейшего Синода, который возглавлял в течение 26 лет, и был одним из создателей тайной правительственной организации «Священная дружина» (1881—1883), призванной бороться с выступлениями народников.

Итак, утверждая новый консервативный курс, Александр III принял несколько документов, которые усилили полицейский контроль в стране.

После некоторого колебания 11 мая 1881 года императором был подписан Манифест о незыблемости самодержавия (составленный Победоносцевым), который возвестил об отходе от прежнего либерального курса. Манифест назывался «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою

Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

Хронология событий такова, что 13 августа 1881 года Евгений Янковский занял должность московского обер-полицмейстера, а на следующий день были опубликованы «Положения об усиленной и чрезвычайной охране». Они гласили о том, что в любой губернии разрешалось вводить чрезвычайное положение, а в период действия режима существовала возможность высылки нежелательных лиц, закрытия учебных заведений и средств массовой информации, передачи гражданского судопроизводства военным судам. При министре внутренних дел было организовано Особое совещание, которое во внесудебном порядке могло ссылать подозрительные личности либо держать их под арестом до 5 лет.

18 июля 1882 года Янковский покинул должность, поскольку был назначен астраханским губернатором и наказным атаманом Астраханского казачьего войска. При губернаторстве Евгения Янковского продолжилось активное благоустройство Астрахани. Начинается промышленное освоение соляных запасов озера Баскунчак. В городе активизируется работа судоремонтных мастерских фирмы «Братья Нобель». Особое внимание губернатор уделял деятельности полицейских и жандармских учреждений, инспектировал местные казачьи воинские формирования.

Во главе депутации от войска 15 мая 1883 года губернатор Янковский присутствовал на коронации Александра III.

В тот же период Евгений Янковский был уже назначен губернатором в Полтаву. Спустя годы, 25 февраля 1889 года, объявлен Волынским губернатором. Так как в Волыни не было уездных предводителей дворянства, а их должности исполняли в большинстве случаев мировые посредники, часто не принадлежавшие даже к дворянскому сословию, Янковский все места уездных предводителей заместил местными русскими землевладельцами. Вообще, Евгений Осипович составил на Волыни репутацию энергичного администратора с твёрдым русским направлением.

Скончался 29 июля 1892 года в Варшаве, где и был похоронен.

Евгений Янковский был награждён рядом высоких орденов Российской империи, а также сербским орденом Таковского креста III степени со звездой.

Подготовила Айрин ДАШКОВА,
иллюстрация из открытых источников

«Пример распорядительности и ловкости на поле боя»

В истории Московского полицейского ведомства многие из его руководителей оказались на этой должности не в силу постепенного подъёма по профессиональным ступенькам. Нет, наш сегодняшний герой, как и ряд людей до него, блестящим образом отличился в другой своей ипостаси — на поле брани. Именно его воинские заслуги и послужили основанием назначить его надзирать за исполнением законов в столице. Но обо всем по порядку.

Евгений Корнильевич Юрковский родился 31 января 1833 года в семье дворян Черниговской губернии. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе, из которого выпущен в августе 1852 года прапорщиком в лейб-гвардии Павловский полк.

К апрелю 1863 года он дорос до капитана и на этой должности вышел в отставку. Последующие 10 лет жизни отставного капитана недостаточно освещены историками. Зато известно, что в мае 1873 года Юрковский был произведён в подполковники и назначен начальником Тифлисского пехотного юнкерского училища, на коей должности и дорос до полковника.

История никому не известного офицера так бы и закончилась на периферии Российской империи, если бы не очередная война с Турцией. Вскоре после её начала, в июле 1877 года, Евгений Корнильевич был назначен командиром 73-го пехотного Крымского полка.

И вот — знаменитая битва при горной гряде Деве-Бойну восточнее города Эрзерума. В донесении о действиях офицера было сказано:

«Полковник Юрковский прикрывал правый фланг колонны генерала Броневского и артиллерии с двумя батальонами Крымского и Таманского полков. Когда артиллерия достаточно ослабила огонь неприятельских батарей и обходная колонна генерала Амираджиби начала переменять фронт для атаки, полковник Юрковский повёл свои батальоны в атаку и выбил турецкую пехоту из двух сильных завалов; затем он занял седловину в тылу и во фланге шестнадцатиорудийной батареи турок, которую взял с бою, обратив в бегство неприятельскую

В.В. Мазуровский.
Картины Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

колонну. Одушевляя войска блистательной храбростью и полным хладнокровием, он явил замечательный пример распорядительности и ловкости, с которой вёл войска своей колонны».

Укрупнив масштаб картины сражения, мы можем констатировать: турки, теснимые с двух сторон, стали поспешно отступать, бросив большую часть артиллерии. К вечеру Деве-Бойну был занят. Поражает соотношение потерь, понесённых в бою враждующими сторонами: в русском войске были убиты 3 офицера и 126 солдат, турки же потеряли около 7 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными.

Трудно удержаться от следующей исторической ремарки: решительная победа русских в битве при Деве-Бойну не была использована надлежащим образом, и потому цель боя — взятие Эрзерума — не была достигнута, несмотря на полную возможность сделать это. Историки приписывают это нерешительности генерала Геймана. Да, не все в русском войске обладали качествами блестящего офицера Юрковского. Как мы знаем, удержание турками Эрзерума имело последствия весьма тяжёлые для российской Кавказской армии. И лишь последующая передача Эрзерума русским была учтена при выработке условий мирного договора с Османской империей.

Ну, а наш герой был награждён орденом святого Георгия 4-й степени. Кроме того, за отличие под Эрзерумом он был удостоен золотой сабли с надписью «За храбрость».

Впоследствии Юрковский получил в командование 16-й гренадерский Мингрельский полк, а после войны был назначен на должность наказного атамана Терского казачьего войска. В мае 1884 года он был произведён в генерал-майоры.

Наконец, 17 января 1887 года Евгений Корнильевич Юрковский был переведён в Москву, где получил должность Московского обер-полицмейстера, на которой оставался до конца 1891 года.

У нас нет достаточных данных, характеризующих персональные успехи либо неудачи чиновника на этом посту. Можно было бы припомнить исторические реалии, сопровождавшие годы его руководства московской полицией, но и покушения народовольцев на действующего государя императора, и террор, развязанный в отношении ряда министров правительства Александра III, — всё это происходило большей частью в Санкт-Петербурге. Патриархальная Москва была в меньшей степени охвачена революционными настроениями. И наш герой не сумел отличиться каким-то особым образом, впрочем, как и запятнать себя позором громкого провала. Словом, дни воинского геройства Евгения Корнильевича остались в прошлом.

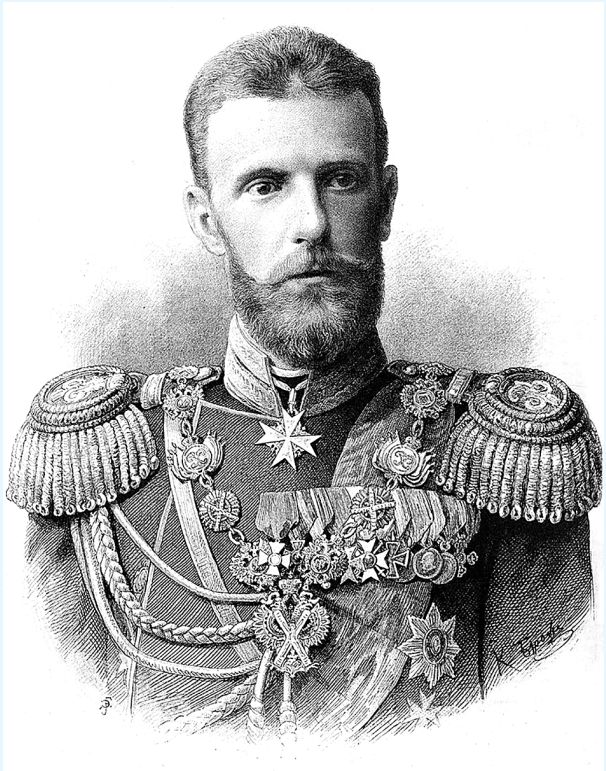
Если поинтересоваться семьёй Юрковских, то самым забавным может показаться факт приверженности к имени Корнилий. Поскольку именно так назвал Евгений Корнильевич одного из двух своих сыновей, впоследствии ротмистра императорской гвардии, сгинувшего в пучине революций.

Похоронен наш герой в последний год XIX века в Санкт-Петербурге на кладбище Александро-Невской Лавры.

Артём КИРПИЧЁВ,
иллюстрация из открытых источников

«Полицейский эстет», печально завершивший карьеру

Александр ВЛАСОВСКИЙ исполняющим должность московского обер-полицмейстера был назначен ещё в 1891 году. Но в исправление этой должности вступил только 10 января 1892 года. Впоследствии на этом посту Александр Александрович прославился укреплением дисциплины в нижних чинах полиции, а также модернизацией пожарного парка. Однако, несмотря на заслуги, в 1896 году полковник был привлечён к суду по делу о гибели 1389 человек на Ходынском поле. Он был признан виновным и уволен.



Изданная в 1883 году «Инструкция городовымъ московской полиціи» подробно описывала качества настоящего стража правопорядка. В ней, в частности, было сказано, что городовые должны заботиться о добром имени и чести своего звания. Исполнения закона нужно требовать от людей с достоинством и вежливо, не грубо и без обидных слов и действий. Отмечалось, что «как бы ни был городовой исправен, сметлив и расторопен, но если он будет замечен в умышленном обвинении невинного, лихоимстве и мздоимстве, он подвергнется строгому по закону взысканию». Предписывалось пьяных, которые идут, шатаясь и падая, отправлять на их квартиры, если таковые известны. Для этой цели городовому дозволялось брать бесплатно извозчика.

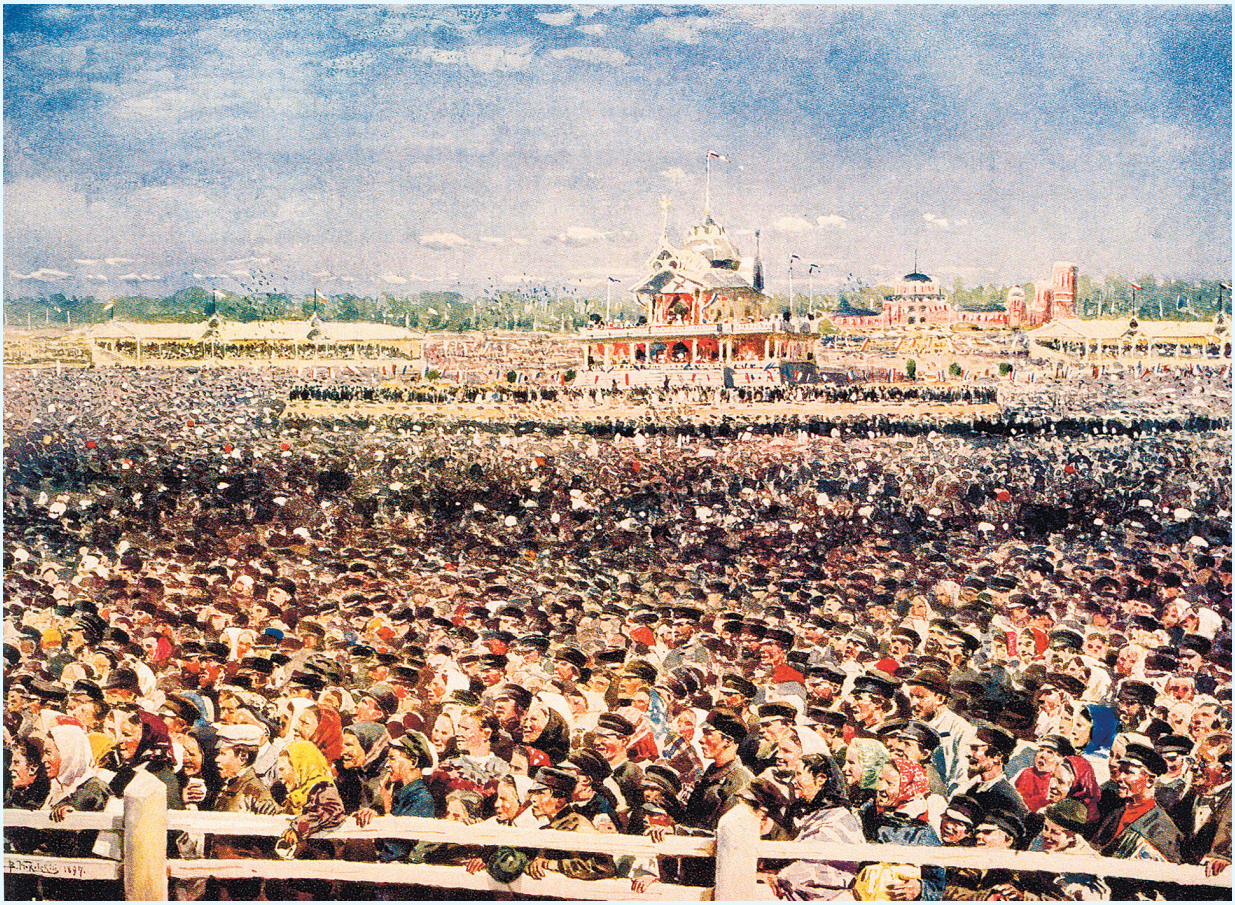
Александр Власовский придерживался строгих правил и в полной мере требовал их исполнения от подчинённых. Он прошёл большую жизненную школу, имел солидный опыт в профессии. Будущий московский обер-полицмейстер родился в 1842 году. В 39 лет он стал вторым помощником варшавского обер-полицмейстера. А до этого являлся виленским полицмейстером. Перед назначением в Москву служил полицмейстером в Риге.

В 1891 году генерал-губернатором Москвы стал сын Александра II Великий князь Сергей Александрович. Его правой рукой по вопросам обеспечения правопорядка был, конечно, обер-полицмейстер, который стоял во главе большого штата полиции. Именно во время правления Сергея Александровича в мае 1896 года случилась печально известная катастрофа на Ходынском поле...

Современники оставили об Александре Власовском весьма противоречивые воспоминания. Граф Сергей Витте писал, что «...этот Власовский ранее был полицмейстером в одном из прибалтийских городов, кажется, в Риге, и был рекомендован Великому князю как человек весьма энергичный и ничем не стесняющийся, следовательно, такой, который может водворить в Москве должный порядок». До него обер-полицмейстером в столице был генерал Козлов — порядочный, но по натуре не «полицейский» человек. При этом Витте считал Власовского хитрым и пронырливым, имевшем вид «хама-держиморды».

В то же время журналист Власий Дорошевич писал, что «полковник Власовский быстро привёл Белокаменную в вид если не вовсе приличный, то всё-таки более или менее благопристойный. Вполне упорядочить город, где антигигиенические, антикомфортные безобразия накоплялись десятками лет — дело, требующее большого труда и многого времени».

Суть в том, что обер-полицмейстер деятельно брался за дела, связанные не только с охраной закона. Так, сразу после вступления в должность Александр Власовский взялся за ассенизацию Москвы. Заставил домовладельцев в месячный срок очистить выгребные, помойные ямы. Нарушителей штрафо-



Ходынское поле 18 мая 1896 года

вали на сумму до 500 рублей, а то и арестовывали на срок до трёх месяцев.

Также активно он занялся чисткой в полиции. Многих частных приставов и квартальных надзирателей, не соответствовавших требованиям, отправил в отставку, а на их места набрал новых лиц. Даже облик городовых изменился. На смену худым и толстым на службу пришли бывшие солдаты-гвардейцы, обладавшие ростом и выправкой. Городовым приказал стоять на постах посреди улиц и площадей, строго следить за наружным порядком и движением экипажей. Больше того — вменил в обязанность переводить с одной стороны улицы на другую стариков, женщин и детей. Извозчиков же обязал соблюдать установленный порядок движения, например, строго держаться правой стороны.

Власовский удостоился и такой лестной характеристики: «Это был выдающийся талант, можно сказать, виртуоз в своём деле, большой художник, умевший придать своему делу особую красоту, полицейский эстет своего рода».

Тем не менее дотошность и скрупулёзность, которые демонстрировал в своей деятельности обер-полицмейстер, не помогли ему организовать безопасность горожан, пришедших 18 мая 1896 года на Ходынку по случаю торжества в честь недавно состоявшейся коронации императора Николая II.

Начало гуляния было назначено на 10 часов утра. Задолго до того на поле из всей Москвы и окрестностей стали прибывать люди, привлечённые слухами о подарках. Уже в 5 часов утра здесь находились несколько сотен тысяч человек. Когда народ ринулся за дарами, которые раздавали у временных деревянных строений, 1800 полицейских не смогли сдержать натиск толпы. Давка была столь ужасной, что многие люди умирали в ней стоя.

Итог этого массового мероприятия стал концом карьеры Александра Власовского. Он оказался едва ли не единственным, кого признали виновным. Преступная халатность организаторов торжества на Ходынке вызвала общественное возмущение в России. Правительство провело следствие, московский обер-полицмейстер и ряд второстепенных чиновников были смещены

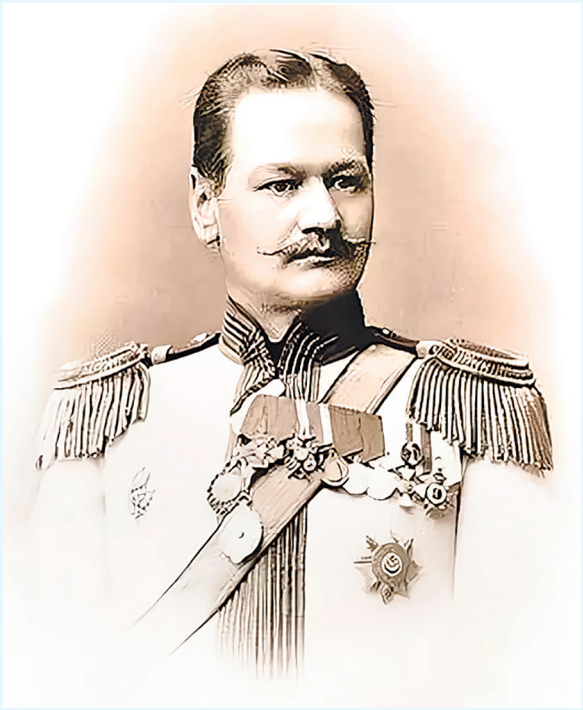
со своих постов. В августе 1896 года обер-полицмейстер Власовский был уволен со службы «без прошения», «снят с обеспечением пожизненной пенсии в 15 тысяч рублей в год». Спустя три года он умер и был погребён в Московском Алексеевском женском монастыре.

Подготовил Алексей БЕЛОЗЁРОВ,
иллюстрации из открытых источников

Таланты и полковники

О полицмейстере Большого театра

За три прошедших века какими только проблемами не приходилось заниматься столичным правоохранителям! Охранять общественный порядок, противостоять бандитскому разгулу, обеспечивать коронации русских императоров и отчётно-выборные съезды КПСС, бороться с холерой, регулировать движение и даже в окопах, подобно пехоте, оборонять окраины столицы, как это было в 1941 году. Впрочем, не всегда приходилось проводить время в «пороховом дыму». Иногда случалось служить ещё и высокому искусству, в частности русскому театру.



Владимир Теляковский

Очень плотное «единение» полиции и театра произошло в конце XIX — начале XX века. В то время театральное искусство было очень развито, богато на таланты, оно было очень популярно — проникло в самые дальние уголки России. Не было даже самого небольшого провинциального города, в котором не давали бы театральных представлений. Особенно много театров было в Москве — богатые люди содержали свои труппы, причём неплохие.

Во главе «театральной пирамиды» находись императорские театры, которые размещались в двух городах. В Санкт-Петербурге это были: Мариинский — оперы и балета, Александринский — русской драмы, Михайловский — французской и русской драмы, Эрмитажный — для представлений придворных — оперы, драмы и балета, Китайский театр в Царском Селе — для особых представлений, назначаемых императором по различным случаям. Были ещё Петергофский театр — для летних спектаклей, Гатчинский дворцовый театр, в котором спектакли ставились очень редко — только в 1901 году был назначен спектакль по случаю свадьбы великой княжны Ольги Александровны, который не состоялся. И наконец, был ещё Каменноостровский деревянный театр.

В Москве имелось всего три театра: Большой — оперы и балета, Малый — русской драмы и Новый, созданный в 1898 году для представлений русской молодой драматической труппы, а также оперы и балета.

Но наличие только трёх театров абсолютно не уменьшало влияния этих заведений культуры на общественную и культурную жизнь как Москвы, так и всей страны. Об особом значении этих учреждений можно судить по тому, что здесь была введена специальная правоохранительная должность — полицмейстер Большого театра, которому, впрочем, приходилось заниматься проблемами всех трёх театров.

До нас дошли сведения о полковнике полиции Владимире Павловиче Лаппе-Старженецком. О его жизненном пути известно, что службу свою он начал в лейб-гвардии Егерском полку, здесь довольно быстро прошёл по карьерным ступеням — портупей-юнкер гвардейской пехоты, прапорщик гвардейской пехоты, подпоручик гвардейской пехоты.

Как известно, в лейб-гвардии Егерский полк набирали невысоких, коренастых, кряжистых новобранцев — это позволяет нам представить внешний вид полицмейстера Большого театра.

Часть, в которой он служил, была одним из самых боевых полков русской армии. Полк участвовал буквально во всех основных сражениях XIX века и везде показывал себя с лучшей стороны. Офицеры и солдаты носили на головных уборах знаки с надписью: «За Телишь 12 Октября 1877 г.», которые были пожалованы за отличные действия в бою с турками у небольшой болгарской деревни. Это жестокое сражение сыграло роль и в судьбе Владимира Павловича, так как подпоручик Лаппа-Старженецкий был тяжело ранен.

Невозможность дальнейшей службы в армии заставила его переменить род деятельности. И вскоре после выхода из госпиталя его назначают полицмейстером в Мариинский театр Санкт-Петербурга.

Большой театр

Надо сказать, что тогда перемещение боевых офицеров на гуманитарные должности было обычным явлением. К примеру, руководителем московских императорских театров был назначен полковник Владимир Теляковский — бывший офицер Конного полка, выпускник Академии Генерального штаба.

Следует отметить, что Владимир Павлович прекрасно вписался в коллектив дирекции и очень успешно 15 лет выполнял свои обязанности. Настолько успешно, что, когда понадобилось усилить московскую дирекцию императорских театров, то его из Северной столицы направили служить полицмейстером Большого театра в Белокаменную. Он должен был, так сказать, привести в порядок московские театры, которыми в дирекции были недовольны.

О деятельности полицмейстера остались воспоминания уже знакомого нам Теляковского: «Лаппа был старше меня по службе и годами, по театру и говорить нечего. За пятнадцать лет полицмейстерства он к театрам, особенно оперному и балетному, присмотрелся. Сам был балетоманом, балетоманов знал хорошо, балетных артисток ещё лучше и к ним чувствовал особое влечение. Знал и других артистов, театральную и высшую администрацию, публику, материальную и хозяйственную часть театров, специально театральные и другие интриги около театра, царскую фамилию и представителей двора, поскольку они касались театров. Словом, знал всё то, что знать надлежит для того, чтобы управлять казёнными театрами. С искусством он вообще ничего общего не имел, но кому это надо?» Между тем придётся внести некоторые коррективы в эти строчки, ибо полицмейстер Большого театра был отнюдь не профаном в искусстве.

Наш герой родился в семье мазовецкого (от названия польской области Мазовии) шляхтича Павла Вильгельмовича Лаппы-Старженецкого. Отец его был настолько интересной личностью и столь мощно повлиял на жизненный путь Владимира Павловича, что о нём нужно рассказать подробнее.

Павел Вильгельмович родился в 1816 году. Был, в отличие от сына, крупным, рослым блондином яркой, красивой наружности и очень силён. Окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк — старейшую часть русской армии. Потом, чтобы быть ближе к дому, перевёлся в Лейб-гвардии Литовский полк, который располагался в Польше. Впрочем, когда появилась возможность, он отправился на Кавказ и принимал участие в боях с горцами. Неоднократно в жестоких схватках был ранен, и ему пришлось оставить военную службу.

Как все гвардейские офицеры, Павел Вильгельмович любил решать свои проблемы с помощью кулаков — драться он научился отменно и мог легко «завалить» нескольких соперников. Видимо, это его умение, а также бравый вид были оценены руководством, так как ему предложили возглавить полицию города Гродно. Потом ему предложили пост городничего в городе Арзамасе Нижегородской губернии. Но доехать ему в этот город, известный в России местным сортом лука, породой гусей,

а также выделкой кож и кожевенных изделий, не пришлось. В это время в губернском центре — Нижнем Новгороде — ушёл в отставку полицмейстер. На его место был назначен Лаппа-Старженецкий.

Современник так описывает процесс вступления его в должность. В момент приезда нового полицмейстера в городе шла драка между татарами и русскими. При этом усиленный наряд полиции и казаков как бы стоял в стороне и наблюдал — чья возьмёт? Новый полицмейстер нырнул в бушующую толпу и вскоре из её гущи стали вылетать драчуны, большинство в бессознательном состоянии. Завершив этот «праведный суд», гвардейский полковник взялся за «солдат правопорядка» — каждый из них получил от него трёпку.

Вскоре он навёл в Нижнем Новгороде, огромном городе, славном своими ярмарками, порядок в том представлении, как он себе его понимал. Быстро поднял должную дисциплину в полицейском аппарате, каждый день лично проверял службу городовых и полицейских-будочников. Возмущался любым нарушением служебной дисциплины. Предупреждал о нарушении только раз, а потом применял физическую силу.

До нас дошли свидетельства известного московского актёра и режиссёра Александра Павловича Ленского, который одно время проживал в Нижнем Новгороде и так описал свою встречу с полицмейстером: «...но тут произошло нечто неожиданное. На углу стояло несколько извозчиков с хорошими запряжками. Вдруг все они без всякой видимой причины повскакали на свои сани и, нахлёстывая лошадей, бросились врассыпную, кто куда... Такой переполох бывает только на птичьем дворе, когда куры внезапно завидят ястреба. Мой извозчик пугливо обернулся, торопливо снял шапку и задергал вожжами изо всех сил, понукая лошадёнку. Сзади раздалось зычное «П-а-а-ади...» и мимо нас пронеслась, ныряя по ухабам, пара серых: пристяжная свилась кольцом, на козлах — бородатый кучер, а в санях военный, завернувшийся в шинель с бобрами и с широчайшими плечами, так что плечи его равнялись ширине саней. Это был полицмейстер Лаппа, известный взяточник и дантист, сворачивавший скулы и правому и виноватому...»

Надо сказать, что столь оригинальные воспитательные отношения с подчинёнными привели к конфузу. В городе не оказалось служителя закона, у которого были бы целы зубы. И когда в Нижний приехал с визитом цесаревич Александр (будущий император-освободитель Александр II), то пришлось приглашать полицейских чинов из других поволжских городов — боялись оскорбить эстетические чувства наследника, так как местные полицейские ходили с поврежденными челюстями и беззубыми ртами — в том был признак дисциплинарного воспитания полицмейстера.

Но не надо думать, что отец полицмейстера Большого театра был жесточайшим и примитивным держимордой. Далеко не так. Павел Вильгельмович был близок к искусству и немало делал для его развития. Так, он оказал покровительство великому украинскому поэту и живописцу Тарасу Шевченко, который в Нижнем Новгороде вынужденно проживал. Полицмейстер свёл с ним знакомство, причём не только по служебной необходимости, но и по интересу к литературе и поэзии, о чём, кстати, упоминал в своем дневнике Шевченко, называя его «любезнейшим» человеком, присутствовавшим на прощальном обеде поэта. Кобзарь был очень признателен полицмейстеру за то, что тот «засвидетельствовал действительность... мнимой болезни» поэта, чем помог ему избежать возвращения в Оренбург. Кстати, потом они встречались в Санкт-Петербурге. Биографы поэта считают, что тот запечатлел именно Лаппа-Старженецкого в «Портрете полицейского».

Был ещё один очень показательный случай. Когда губернатор Фёдор Васильевич Анненков решил издать все произведения Александра Сергеевича Пушкина и выкупил для этого все права, а денег не хватило, то бравый полицмейстер прошёлся по купцам и «попросил» их купить билеты на будущее издание — по 12 рублей за штуку. Те быстро приобрели их. Таким образом, к 1857 году все произведения гениального поэта вышли в свет.

Павел Вильгельмович очень любил театр. Настолько, что его директор Смольков вынужден был составлять репертуар под чутким руководством полицмейстера. Затем гвардейский полковник занялся подбором актёров на роли. Он, кстати, стал привлекать городскую пожарную команду для участия в спектаклях в виде статистов. Но однажды случилось так, что во время представления ударил пожарный набат, и пожарные, которые были задействованы в массовке в костюмах чертей, в том же одеянии ринулись тушить пожар, чем крайне озадачили жителей.

Вообще, слабостью руководителя нижегородский полиции являлось тушение пожаров, и в это он вкладывал все свои силы и энергию. При звуке пожарного набата он бросал все дела и летел на пожар, иногда прибывая раньше пожарной команды. Благодаря такому отношению городская пожарная команда была одной из лучших в России.

Видимо, полицмейстер Большого театра перенял у своего оригинального отца лучшие черты — в первую очередь любовь к искусству. Он так успешно исполнял свой долг, что вскоре был назначен руководителем всей дирекции.

...«Весь мир театр, а люди в нем актёры», — эту фразу приписывают гениальному драматургу Уильяму Шекспиру. Если её немного перефразировать, то можно сказать, что некоторые люди ещё и полицмейстеры.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Личность государственного масштаба

Дмитрий Фёдорович ТРЕПОВ вошёл в историю не только как последний московский обер-полицмейстер, но и как человек разносторонних талантов, способностей и возможностей. Находясь на высших государственных постах, он оставил о себе память как один из самых авторитетных и активных борцов с революционным движением и социализмом. Он был неутомимым и принципиальным цензором, сторонником «полицейского социализма» и человеком, отдавшим приказ «патронов не жалеть». Личность противоречивая и несомненно оставившая яркий след в истории.

Родился Дмитрий Фёдорович 2 декабря 1855 года. Был он вторым сыном Петербургского градоначальника генерала от кавалерии Фёдора Фёдоровича Трепова (1812—1889), известного тем, что в него стреляла террористка Вера Засулич, оправданная затем судом. Отец был кумиром для Дмитрия, и его судьба, беззаветное служению царю и Отечеству стали для сына наглядным примером.

Забегая вперёд, скажем, что все сыновья Ф.Ф. Трепова стали крупными государственными деятелями. Старший Фёдор (1854—1938) был членом Государственного Совета, генералом от кавалерии и генерал-адъютантом; Владимир (1860—1918) тоже был членом Государственного Совета и сенатором (убит во время «красного террора»); младший Александр (1862—1928) был самым известным — министром путей сообщения и председателем правительства, одним из лидеров русской правой эмиграции.

Дмитрий Трепов по окончании курса в Пажеском корпусе служил в лейб-гвардии конном полку. В 1877 году принимал деятельное участие в боях с турками, находясь в отряде генерала Гурко, и в сражении под Телишем был ранен в ногу.

Боевой опыт, выдержка, смелость и решительность, проявленные в боях, позже понадобятся ему в годы революционной смуты.

В 1896 году Трепов высочайшим указом назначен исправляющим должность московского обер-полицмейстера вместо уволенного в отставку «без прошения» полковника Власовского, обвинённого в катастрофе на Ходынском поле в 1896 году во время коронационных торжеств в Москве. 9 апреля 1900 года с производством в генерал-майоры утверждён в должности.

Дмитрий Фёдорович был ближайшим помощником московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. И с его благословения использовал прямолинейные административно-полицейские меры для подавления революционного движения в Москве. Особо преследовалось политическое движение среди студенчества.

Но реакционер Трепов, зажимая студенчество, прекрасно сознавал, какую мощную силу представлял пролетариат. Труды Маркса были ему знакомы. Поэтому он вполне закономерно стал главным защитником и проводником известной зубатовской политики, по сути, полицейского социализма. Впоследствии в разговоре с английским публицистом Стэдом, переданном самим Стэдом в «Review of Reviews», Трепов говорил: «Система, которую проводил Зубатов вместе со мной и, в сущности, по моей инициативе, была попыткой поднять социальное положение рабочего класса в Москве. Мы шли к нашей цели тремя путями: 1) мы поощряли устройство рабочими профессиональных союзов для самозащиты и отстаивания их экономических интересов; 2) мы устроили серию лекций по экономическим вопросам с привлечением знающих лекторов; 3) мы организовали широкое распространение дешёвой и здоровой литературы, старались поощрять самодеятельность и способствовать умственному развитию и побуждать к бережливости. Результаты были самые лучшие. До введения системы Зубатова Москва клокотала от недовольства; при моём режиме рабочий

увидел, что симпатии правительства на его стороне и что он может рассчитывать на нашу помощь против притеснений предпринимателя. Раньше Москва была рассадником недовольства, теперь там — мир, благоденствие и довольство». И на самом деле эта система притормозила на некоторое время развитие революционных устремлений в рабочем классе в Москве. Но в конце концов оказалась выгодной для революционеров, чем вызвала серьёзное недовольство крупной московской буржуазии.

Вскоре после отъезда Трепова из Москвы в Петербург был убит Великий князь Сергей Александрович. Трепов был назначен в распоряжение Главнокомандующего войсками, действовавшими против Японии, но не успел отправиться на войну.

2 января 1905 года произошло покушение на жизнь Трепова (в том повторилась судьба отца). Стрелял 19-летний воспитанник торговой школы Полторацкий. После первого выстрела, которым было прострелено пальто Трепова, Полторацкий был схвачен жандармами и во время борьбы выпустил ещё несколько пуль, но безрезультатно.

После событий 9 января 1905 года высочайшим приказом от 11 января того же года в условиях начавшейся революционной смуты, как свидетельствует граф С.Ю. Витте, Трепов назначен санкт-петербургским генерал-губернатором. Решающую роль сыграла протекция его сослуживца по кавалерии министра Двора барона Фредерикса. Трепову были даны весьма широкие полномочия. Поначалу он по личному распоряжению императора поселился в одном из отделений Зимнего дворца. Высочайшим повелением от 13 января ему, как санкт-петербургскому генерал-губернатору, были также подчинены полиция и состоящие в ведении Министерства Императорского Двора учреждения в Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске. «Фактический диктатор России в начале революции 1905 года», — такую оценку его тогдашнего положения дал профессор Г.М. Дейч.

Но «диктатор» развил свою деятельность гораздо шире, он брал на себя много функций министра внутренних дел, оттесняя на задний план А.Г. Булыгина. И чтобы студенты и школяры не слонялись по улицам, в одном из первых приказов повелел открыть все высшие учебные заведения к 15 февраля. К сожалению, достигнуть этого ему не удалось.

Затем Трепов взялся за цензурирование печати, которая при министре внутренних дел князе Святополк-Мирском позволяла больше вольностей, чем раньше. Последовали суровые предостережения, конфискации тиражей и другие меры. 5 февраля были запрещены две наиболее крайние петербургские газеты: «Наша Жизнь» и «Сын Отечества» — обе на три месяца, с отдачей после возобновления под предварительную цензуру. Именно Трепов стал инициатором многих циркуляров от главного управления по делам печати в редакции газет, не подчинённых цензуре, с запрещением касаться то одного, то другого вопроса.

Бывший начальник Московского охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов в переписке с публицистом и издателем Владимиром Львовичем Бурцевым вспоминал о Трепове так: «Что меня особенно поразило, это внимательное чтение им прокламаций, нелегальных брошюр и пр., чего я ранее не замечал ни за кем из начальствующих лиц. Второе моё открытие состояло в том, что (он) придавал им веру, требовал проверки сообщавшихся в них фактов и в официальных донесениях приставов по рабочим недоразумениям держался принципа «по совести и по справедливости». Словом, он был чудной души человек, щепетильно блюдущий свою честь и совесть».

Когда в первых числах февраля 1905 года в Царском Селе начались заседания по вопросу о дальнейшей политике правительства, Трепов приглашался туда наряду с министрами и вместе с Победоносцевым был главным противником проводившейся тогда министром земледелия и государственных имуществ Алексеем Сергеевичем Ермоловым идеи созыва Земского собора. Им приписывали проведение манифеста 18 февраля, за которым под влиянием других министров последовал в тот же день совершенно иной по духу рескрипт на имя А.Г. Булыгина.

В противоречии с политикой репрессий стоит допущение на Высочайшую аудиенцию депутации от съезда земцев и городских деятелей во главе с князем С.Н. Трубецким.

Когда в октябре 1905 года началась Всероссийская стачка, грозившая уличными волнениями, Трепов приказал расклеить по улицам Петербурга объявление: «Население столицы встревожено слухами о предстоящих якобы массовых беспорядках.

Меры по охранению личности и имущества столицы приняты; поэтому прошу население указанным слухам не верить.

Если бы, однако, где-либо возникли бы попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращаемы в самом начале и, следовательно, серьёзного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно и самым решительным образом; при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления — холостых залпов не давать и патронов не жалеть.

Считаю долгом предупредить об этом население столицы, дабы каждый обыватель, примкнувший к толпе, производящей беспорядок, знал, чем он рискует; благоразумное же население столицы во избежание тяжёлых последствий я приглашаю к сборищам, направленным к нарушению порядка, не примыкать».

Хотя фраза «патронов не жалеть» была подхвачена революционной пропагандой и осталась в истории как пример силовой реакции, извещение возымело

действие, и стрельбы в Петербурге не случилось. Безусловно, Трепов знал психологию толпы и имел гражданское мужество действовать согласно своим убеждениям.

Усмирение петербургского движения 18 октября и черносотенные погромы во второй половине того же месяца, так же как организация карательных экспедиций, приписывались влиянию Трепова.

26 октября Трепов был перемещён на должность дворцового коменданта. Значение его и на этом посту осталось немалым. Его считали руководящим членом группы, известной под именем «Звёздная палата». В начале 1906 года Трепов стал неожиданно высказывать мнение о необходимости уступок обществу. Когда собралась Государственная Дума и «Звёздная палата» стала добиваться её роспуска, Трепов высказывался против роспуска, как меры крайне опасной.

1 июля 1906 года в Петергофском саду был убит по ошибке вместо Трепова похожий на него внешне генерал-майор Козлов. Убийца Васильев был казнён.

Прибывшему на доклад начальнику Петербургского охранного отделения А.В. Герасимову Трепов сообщил о подписании манифеста в следующих словах: «Простите, что заставил вас ждать. Только что звонил Сергей Юльевич Витте. Слава Богу, манифест подписан. Даны свободы. Вводится народное представительство. Начинается новая жизнь».

Касаясь вопроса о политических воззрениях Трепова в период смуты, генерал А.А. Мосолов, который был женат на сестре Трепова, в своих воспоминаниях (начало 1930-х) пишет: «Основная мысль Трепова была та, что, раз император дал известные свободы и их узаконил, всякое с его стороны отступление от них явилось бы опасностью для династии. При этом он мне пояснил, что был таким противником манифеста Витте только потому, что предчувствовал, что государь не будет в силах исполнить всё дарованное им в этом манифесте».

У Трепова были три дочери — Софья (Глебова), Татьяна (Галл) и Мария (Брюннер). Все они эмигрировали после революции.

2 сентября 1906 года Дмитрий Фёдорович Трепов неожиданно скончался от перерождения сердца. Возникшие слухи о самоубийстве были опровергнуты вскрытием тела.

Трепов был похоронен в часовне придворного собора Петра и Павла в Петергофе. В 1915 году рядом с Треповым была похоронена его жена Софья Сергеевна. В конце 1930-х годов оба захоронения были вскрыты по распоряжению властей, останки извлечены, судьба их неизвестна. Из гроба Трепова была изъята сабля.

Подготовил Сергей ВОЛОГОДСКИЙ,
использованы материалы из открытых источников

Три месяца градоначальства, и — вся жизнь

Первым в истории московским градоначальником суждено было стать в январе печально памятного 1905-го Евгению Николаевичу ВОЛКОВУ, который до этого назначения являлся губернатором Черноморской губернии (существовала в 1896—1918 годах, административный центр — Новороссийск).

Для современников перевод Волкова из Черноморья в Москву был, мягко говоря, довольно неожиданным. Ведь из заурядного южного губернского города царский ставленник вдруг переместился в Белокаменную, находившуюся в ожидании по сути неминуемых больших потрясений.

Без протекции не обошлось

Евгений Волков, родившийся 16 июня 1864 года в городе Пскове, происходил из дворянской семьи. Отец Николай Степанович Волков (1810 — 1869) — псковский губернский предводитель дворянства, художник-портретист, директор Академии изящных искусств в Варшаве (Российская империя, 1854 год). Мать Елизавета Евгеньевна (родилась в 1840 году) — дочь генерал-майора Евгения Петровича Самсонова.

Семья зиму проводила в самом Пскове, а на лето перебиралась в загородные имения: деревни Елизаветино и Гуслищи. К тому же Волковы нередко подолгу жили за границей.

Когда Евгению было пять лет, умер отец. Мать позднее вышла замуж за Николая Александровича Ваганова — чиновника особых поручений при министре Императорского двора и уделов, организатора одного из первых в России пожарных обществ.

Став в 1882 году в Санкт-Петербурге выпускником Николаевского кадетского корпуса, Евгений Волков в 1884-м тоже в городе на берегах Невы завершил обучение и в Николаевском кавалерийском училище.

Благодаря протекции отчима, карьера Евгения Волкова задалась с самого начала. Ведь Ваганов приложил усилия к тому, чтобы министр Императорского

Евгений Волков

двора и уделов Илларион Иванович Воронцов-Дашков обратился с просьбой к императрице Марии Фёдоровне помощь пасынку своего сотрудника. И в 1884-м Волков был зачислен в чине корнета в Кавалергардский полк, а вскоре, в августе того же года, — в лейб-гвардии Гусарский полк.

Потомку дворянского рода и впоследствии, конечно же, грех было жаловаться на свою судьбу. Назову ещё некоторые заметные вехи биографии Евгения Волкова: поручик (с 30 августа 1888 года), штабс-ротмистр (с 30 августа 1889-го), ротмистр (с 30 августа 1891-го), полковник (с 6 декабря 1896-го). Евгений Николаевич чуть больше 4 месяцев был командиром эскадрона, 11 дней являлся полковым адъютантом, в течение 4 лет и 10 месяцев стоял во главе эскадрона Его Величества, а ещё на протяжении 2 лет и 3 месяцев (с 19 декабря 1897 по 20 марта 1900 года) замещал должность помощника командира полка по хозяйственной части.

Подарок «от эскадронного командира Николая»

Как известно, наследник престола Николай Александрович «в рамках программы своего военного образования два летних сезона проходил службу командиром эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка». Причём цесаревич возглавлял тот самый эскадрон, которым прежде командовал и псковский уроженец Волков. Более того, «служивый дворянского роду-племени» завоевал доверие у Николая Александровича, поэтому он обращался к Волкову и с некоторыми деликатными личными поручениями.

По завершении службы в лейб-гвардейском подразделении будущий император своему однополчанину подарил золотой портсигар с факсимиле: «Евгению Николаевичу Волкову от эскадронного командира Николая». Именно Волкова Николай Александрович пригласил сопровождать его в продолжительном путешествии в 1890—1891 годах на Восток, остальную же свиту цесаревичу определил император Александр III.

Взяв в свои руки осенью 1894 года «царские бразды правления», Николай II назначил Евгения Волкова сначала, с 6 апреля 1990-го, вице-губернатором Черноморской губернии, а потом, с 17 ноября 1901-го, — и её губернатором.

Будучи с 6 апреля 1903 года генерал-майором, Евгений Николаевич губернаторствовал вплоть до 1 января 1905-го. Через считанные дни, 13 января 1905 года, Е.Н. Волков стал почётным гражданином города Новороссийска.

«Об учреждении временного управления…»

В книге Владимира Балязина «Императорские наместники первопрестольной. 1709 — 1917» (М.: «Тверская, 13», 2000 год) поясняется в частности:

«...Россия вступила в 1905 г., начавшийся Кровавым воскресеньем 9 января. В этот день в Петербурге было убито и ранено более 4 тысяч человек.

...Но еще 1 января 1905 г. как бы в предвидении возможных кровавых событий в Москве был опубликован указ императора «Об учреждении временного управления Московской столицей» — первый законодательный акт правительства об изменении структуры власти в Москве в грозном 1905 г[оду]. Указ гласил: «Признав необходимым в течение некоторого от 1 января 1905 года впредь до наших указаний времени оставить должности Московского Генерал-Губернатора и его Помощника незамещенными. Взамен должностей Московского Обер-Полицмейстера и его Помощника учредить с 1 января 1905 года временно должность Московского градоначальника и его Помощника с подчинением их Министерству Внутренних Дел».

Таким образом, с 1 января 1905 г. центр тяжести административной деятельности перемещался в Москве в сторону полицейско-жандармских функций...».

В указанном источнике о данном «временном управлении» и его функциях сообщается:

«...Градоначальство Москвы состояло из канцелярии, штата чиновников для особых поручений

С женой Верой Александровной и сыном Николаем. Санкт-Петербург, около 1900 года

и мелких технических исполнителей — техников, землемеров и т. п. В состав градоначальства входило несколько присутствий — особое по городским делам, совещательное, врачебно-санитарное; кроме того, существовали врачебно-санитарный комитет и врачебно-полицейский комитет.

В градоначальство входило также множество учреждений и подразделений полицейско-административного характера: общий и политический архив, полицейский телеграф, адресный стол и др[угие]. Особое место занимало в градоначальстве охранное отделение — тайная политическая полиция <...>.

...Главной же задачей градоначальства была организация работы полиции. Сам градоначальник заменил обер-полицмейстера <...>. Московский градоначальник руководил всеми пятьюдесятью полицейскими участками, в которых служило более четырех тысяч нижних чинов, унтер-офицеров и офицеров.

Градоначальник был обязан надзирать за органами городского самоуправления — городской Думой и управой, общественными и политическими организациями, за соблюдением правил торговли и т. п. Градоначальник, как и губернатор, имел право издавать постановления, принимать экстраординарные меры в случае возникновения беспорядков — вызывать на помощь полиции войска и пр[очее].

Однако, как показало ближайшее будущее, видоизмененная административная городская система при отсутствии упраздненного института генерал-губернаторства оказалась недееспособной...».

На временно учреждённую должность московского градоначальника был назначен Евгений Николаевич Волков, который находился на своём новом посту всего-то несколько месяцев — до середины весны 1905 года. Писатель-историк Балязин полагает, что Николай II вполне объяснимо сделал свой первоначальный выбор в пользу генерал-майора Волкова:

«...16 января [1905-го] в Москву приехал из Новороссийска первый в ее истории градоначальник — генерал-майор Евгений Николаевич Волков, перед тем занимавший пост губернатора в Черноморье. <...> Волков абсолютно ничем себя не проявил, и его назначение было воспринято как некое странное недоразумение.

На самом же деле ничего странного в таком назначении не было — генерал-майор Волков был личным стародавним другом Николая II. <...>

...Этим и только этим объяснялось назначение Волкова градоначальником Москвы...».

4 февраля 1905 года, в три часа дня, на территории Кремля — рядом со зданием Сената — террорист-эсер Иван Каляев с расстояния в четыре шага бросил бомбу в карету, в которой ехал дядя царя Николая II: великий князь Сергей Александрович. Он в результате этого покушения погиб на месте, а кучер получил смертельное ранение и через несколько дней скончался в Яузской больнице. Оглушённого взрывом преступника-убийцу в обгоревшей поддёвке, у которого было в крови лицо, тотчас схватили и на извозчике доставили в арестный дом на Якиманке.

Столь вызывающее, дерзкое злодеяние послужило одной из основных причин увольнения Евгения Волкова с должности московского градоначальника.

Евгений Волков в форме лейб-гвардии Гусарского полка

В воспоминаниях московского вице-губернатора и губернатора в 1905—1913 годах, товарища (заместителя) министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов в 1913—1915 годах генерал-лейтенанта Владимира Фёдоровича Джунковского говорится:

«...Новый градоначальник генерал-майор Волков никаких новшеств или перемен по улучшению службы полиции не внёс. Единственно, все заметили, что он стал ездить по Москве не в мундире, а в сюртуке, как простой обыватель, и выезд с пристяжной заменил выездом в дышло, что было очень

Памятник губернатору Черноморской губернии Евгению Волкову в Новороссийске

непривычно глазу московского обывателя. За время своего градоначальства он ничем себя не проявил, и подчиненные так и не узнали его требований. Его назначение в Москву в такое время было каким-то недоразумением».

После Первопрестольной

День в день после отставки с поста московского градоначальника, 18 апреля 1905 года, Волков принял под своё руководство Таврическую губернию (губернский город — Симферополь). С января 1906-го он работал в Министерстве внутренних дел, а с 28 мая того же года — в министерстве Императорского двора. С первого летнего месяца указанного года занимал различные должности в кабинете Его Императорского Величества: исправляющий дела помощника управляющего (с 3 июня 1906-го), помощник управляющего и заведующий земельно-заводским отделом (с 16 марта 1907-го). Заняв 13 августа 1909 года пост управляющего кабинетом, Евгений Николаевич с 1910-го являлся генерал-майором свиты Его Императорского Величества, а 6 декабря 1913-го стал генерал-лейтенантом.

Числившийся по гвардейской кавалерии, генерал-лейтенант Евгений Волков 25 апреля 1917 года был уволен со службы «за болезнью, с мундиром и пенсией».

Участник Белого движения, он эмигрировал из России. Проживая в 1920-х годах в Боснии — входила с 1929-го в Королевство Югославия, в Илидже (пригороде Сараево) организовал большой лесопильный завод.

Евгений Николаевич был женат с 1892 года, его супруга Вера Александровна (в девичестве — Свечина) — дочь генерала от инфантерии Александра Алексеевича Свечина. Сын Николай, который родился 21 февраля 1893 года и был женат на княжне Екатерине Голицыной, умер 3 декабря 1959-го в Монтевидео (Уругвай).

Удостоенный ордена Святого Владимира 2-й и 3-й степени, ордена Святого Станислава 3-й степени, ордена Святой Анны 1-й, 2-й и 3-й степени и других наград Российской империи, бывший московский градоначальник Евгений Николаевич Волков умер в 1933 году во французской Ницце.

В октябре 2014 года имя губернатора Евгения Волкова присвоено новой улице в Южном внутригородском районе Новороссийска. В этом же городе в феврале 2019 года открыт бронзовый памятник Е.Н. Волкову работы скульптора Александра Суворова.

Подготовил Александр ТАРАСОВ, фото из открытых источников

Пал жертвой злодейского покушения

После последовавшей 18 апреля 1905 года отставки первого градоначальника Москвы Евгения Николаевича Волкова его преемником стал в тот неспокойный исторический период генерал-майор граф Павел Павлович ШУВАЛОВ. А на посту генерал-губернатора Москвы тогда, в течение трёх месяцев — с 14 апреля по 15 июля 1905-го, находился Александр Александрович Козлов. Генерал-адъютант, он прежде являлся обер-полицмейстером: московским (в 1878—1881 и 1882—1887 годах) и санкт-петербургским (в 1881—1882 годах).

В ратной биографии — участие в войне

Павел Шувалов появился на белый свет 19 (31 — по новому стилю) мая 1859 года. Родители — граф Павел Андреевич Шувалов и Ольга Эсперовна, урождённая княжна Белосельская-Белозерская.

Будущий московский градоначальник образование получил в действовавшем в Санкт-Петербурге Пажеском корпусе. Хотя курса там не окончил, а в 1877 году в столичном Михайловском артиллерийском училище выдержал дополнительный экзамен на прапорщика пешей артиллерии.

Его, прапорщика 24-й артиллерийской бригады, в том же — 1877-м — году прикомандировали к штабу 24-й пехотной дивизии. И — последовало назначение Шувалова ординарцем к начальнику данной дивизии.

Граф Павел Павлович — участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, на нашей Каларашской позиции получил в противостоянии с противником боевое крещение.

В ратной биографии Павла Шувалова — артиллерийские бои против Правецкой укреплённой позиции врага, при занятии города Орхание (ныне — Ботевград, Болгария) и неприятельской Врачешской позиции и другие баталии. После перехода через Балканы, состоявшегося суровой зимой 1877 года, участвовал и в ряде перестрелок при наступлении к Филиппополю (теперь — болгарский город Пловдив). «Три дня подряд он не выходил из-под огня, участвуя в жарком бою под самым Филиппополем, [о]кончившимся поражением и рассеиванием всей армии Сулейман-Паши, и, наконец, завершил свою боевую карьеру походом к Адрианополю» [сейчас — турецкий Эдирне].

Градоначальник города Одессы Павел Шувалов

С 3 февраля 1878-го был ординарцем у командующего гвардейским корпусом. Переведённый через три месяца (6 мая) в гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду, получил назначение на должность ординарца к начальнику артиллерии гвардейского корпуса. С 1882 по 1885 год являлся адъютантом гвардейской конно-артиллерийской бригады. Ставший в эту пору — в 1884-м — подпоручиком, со следующего года Шувалов был поручиком.

Наряду со службой, граф Павел Шувалов «принимал живое участие в местных делах города Ряжска Рязанской губернии, с которым <...> был тесно связан по своему имущественному и семейному положению». В 1884 году «с Высочайшего соизволения графу Павлу Павловичу было присвоено звание почетного гражданина города Ряжска».

Время было крайне сложное…

Будучи с 1891-го адъютантом великого князя Сергея Александровича (и с того же года — штабс-капитаном гвардии), Павел Павлович с 1894 до 1897 года являлся исполняющим должность «заведующего дворцом великого князя». Получивший в 1895-м чин капитана и произведённый в 1896-м в полковники, в 1897 году был назначен штаб-офицером для особых поручений при министре внутренних дел.

В 1898 году Павел Шувалов приступил к новому для себя делу в городе Одессе — в качестве исполняющего должность градоначальника. На этом посту, одесского градоначальника, Павла Павловича (в 42-летнем возрасте) утвердили в 1902 году, с одновременным производством в генерал-майоры. Следом, в 1903-м, — новая чиновничья должность: генерал для особых поручений при МВД.

Назначенный 18 апреля 1905 года московским градоначальником, генерал-майор Шувалов прибыл в Первопрестольную и приступил к своим обязанностям 30 апреля. Время было крайне сложное, и он неоднократно стоял перед трудным выбором. Скажем, несмотря на явное неудовольствие императора Николая II, полиция тем не менее дала разрешение на проведение земского съезда. И всё-таки граф Павел Павлович, вне всякого сомнения, принадлежал к сторонникам жёсткой линии в отношении так называемого экстремистского крыла демократического движения.

Из второго выпуска «Книги Русской Скорби» (Санкт-Петербург: издательство «Россия», 1908 год):

«...На первых порах своей деятельности в Москве графу Шувалову пришлось столкнуться лицом к лицу с кровавыми последствиями революционного бреда, в виде мелких политических убийств рабочих и низших чинов полицейской администрации, павших первыми жертвами сведения счетов «плодотворной» революции с «издыхающей» реакцией.

Энергичные меры, принятые графом, осадили на первое время дерзкое рвение зарвавшихся московских революционеров. Ряд обысков, арестов и административных высылок показал «подпольным освободителям», что они имеют дело с человеком решительным, ставящим на первый план своего служения Родине — исполнение присяги и простого служебного долга.

Смело и энергично принявшись за исполнение возложенного на него свыше поручения — очистить Москву от крамольников и оберегать спокойствие вверенных ему жителей первопрестольной столицы, — граф убедился, что[,] для успешной борьбы с революционной гидрой, нужны молодые, свежие силы. Тогда он не остановился перед тем, чтобы предложить некоторым чинам полиции подать в отставку, и в короткий срок обновил контингент своих сотрудников молодыми энергичными людьми.

Крамольники как будто притихли, убедившись, что от такого бесстрашного, неподкупно честного и энергичного градоначальника им пощады нет. Но... скоро они оправились, вспомнили его смелую противореволюционную деятельность в Одессе — и смертный приговор ему был подписан <...>.

Среди белого дня, 4-го февраля 1905 г., злодей Каляев бросил в карету, где сидел Великий Князь [Сергей Александрович], бомбу, растерзавшую в мелкие куски тело Царственного Мученика...

Недолго пережил своего начальника граф Павел Павлович!..».

На своём посту второй московский градоначальник Павел Шувалов пробыл лишь считанные недели, поскольку в конце первого летнего месяца 1905-го оказался жертвой злодейского покушения убийцы-террориста. Жизнь графа Павла Павловича трагически оборвалась через 4 месяца и 24 дня после «убиения Великого Князя Сергея Александровича».

Павел Павлович на костюмированном балу. 1903 год

В издании «Ведомости московского градоначальства и столичной полиции» в № 54 за 29 июня 1905 года, на 1-й странице, опубликовано официальное сообщение:

«Вчера, 28 июня, в 1 час 35 минут дня, в приемной комнате, в доме Градоначальника, на проезде Тверского бульвара во время обычного приема посетителей Московским Градоначальником, генерал-майором, графом П. П. Шуваловым один из лиц, явившихся под видом просителя, стоявший в 2—3 шагах от него, произвел в графа в упор из револьвера несколько выстрелов. Градоначальник <...> был подхвачен публикою, которая на руках внесла графа Павла Павловича в зал, где он через полчаса тихо скончался. Преступник задержан».

В уже цитировавшейся «Книге Русской Скорби» непосредственно о самом моменте покушения говорится более подробно:

«...Было жаркое летнее утро 28-го июня 1905 года. <...>

Время приема приближалось.

Просители стали в очередь, ожидая выхода градоначальника.

Скоро дверь в приемную отворилась. В сопровождении чиновника особых поручений Шнейдера, вошел бодрой и твердой походкой граф Шувалов и с мягкой снисходительностью на лице стал принимать прошения и разговаривать с просителями.

— Чем могу служить? — раздался вежливый вопрос графа, подходившего к мрачному субъекту.

Но в ответ раздался резкий звук выстрела... Еще раз... другой... третий...

Граф, смертельно ранен[н]ый, грузно упал на пол...».

Погибший московский градоначальник был похоронен в Софийской церкви имения Вартемяки (Санкт-Петербургская губерния) — родовой усыпальнице графов Шуваловых.

Фанатики и знатоки управления городом

В книге Вольдемара Балязина «Императорские наместники первопрестольной. 1709 — 1917» (М.: «Тверская, 13», 2000 год) отмечается:

«...Когда Козлову предложили пост московского генерал-губернатора, ему было 68 лет, он уже двадцать два года был генерал-адъютантом и девять лет имел чин генерала от кавалерии. <...>

Поселившись в генерал-губернаторском особняке и осознавая, какова его новая должность, он по-прежнему оставался и в душе, и по-своему кругозору старым обер-полицмейстером, прежде всего, руководил полицией и заменил адъютантов на чиновников для особых поручений и дежурных участковых приставов.

1 мая 1905 года в московском иллюстрированном еженедельнике «Искры» [№ 17; страница 135] были помещены портреты московского генерал-губернатора генерал-адъютанта А. А. Козлова и нового московского градоначальника генерал-майора графа П.П. Шувалова.

Шувалов был давним и преданным другом Козлова и не меньшим, чем его начальник, фанатиком и знатоком полицейского дела, которым он увлекался еще с юности. <...>

Вернувшись в Москву, Шувалов с большой энергией взялся за дело и отлично руководил городской полицией и жандармерией. <...>

14 июня [1905 года] восстал экипаж броненосца «Потемкин», а 28 июня эсер-террорист П. Куликовский, выполняя решение ЦК своей партии, убил московского градоначальника П. П. Шувалова <...>».

Убийство графа Шувалова послужило основной причиной того, что Козлов вскоре был со своего поста отставлен и на его место назначен новый генерал-губернатор — П. П. Дурново, а на место Шувалова — генерал-майор Г. П. фон Медем, бывший в тот момент начальником штаба Отдельного корпуса жандармов: видимо, самыми подходящими администраторами в Москве казались петербургским властям жандармские генералы. <...>».

* * *

Граф Павел Павлович Шувалов был удостоен ордена Святой Анны 2-й, 3-й /с мечами и бантом/ и 4-й степени (соответственно, в 1896 и дважды в 1878 годах), ордена Святого Станислава 2-й и 3-й /с мечами и бантом/ степени (в 1892 и 1878 гг.), ордена Святого Владимира 3-й и 4-й степени (в 1899 и 1888 гг.) и Монаршей благодарности (в 1900-м), а также получил и ряд иностранных наград, включая большой офицерский крест 2-й степени болгарского ордена Святого Александра (в 1899 году).

8 апреля 1890 года в Санкт-Петербурге состоялось венчание Павла Павловича Шувалова и Александры Илларионовны — 20-летней дочери графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Жена второго московского градоначальника дожила до 90-летнего возраста и умерла в 1959 году в Париже (Франция).

У супругов Павла Павловича и Александры Илларионовны Шуваловых было четверо сыновей и столько же дочерей. Второй по старшинству из сыновей Николай, родившийся в 1896 году и являвшийся воспитанником Александровского лицея, стал вольноопределяющимся Кавалергардского полка и был убит в бою под Каушеном (Восточная Пруссия), посмертно награждён Георгиевским крестом 4-й степени. А старшая дочь Елизавета (1892 — 1975) в годы Первой мировой войны — сестра милосердия 18-го Передового отряда Красного Креста при 2-й Гвардейской пехотной дивизии, в дальнейшем в нескольких странах жила в эмиграции, начавшейся для неё — кавалера Георгиевской медали «За храбрость» всех четырёх степеней — с Греции.

Подготовил Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников

Горячий декабрь 1905-го

Генерал-лейтенант Георгий Петрович фон МЕДЕМ занимал должность московского градоначальника с июля 1905 по январь 1906 года. Ему довелось руководить полицией города в самые жаркие месяцы Первой русской революции, апофеозом которой стало Декабрьское восстание в Москве.

Георгий Петрович происходил из дворянского рода немецкого происхождения. Медемы поселились в России после присоединения к Курляндии в конце XVIII века. Однако и прежде представители фамилии нанимались к русскому императору. Так, Иоганн Фридрих из баронской ветви рода, к которой и принадлежал наш герой, поступил на российскую военную службу ещё в 1732 году, участвовал в Семилетней и русско-турецкой войнах, получил генеральское звание.

Медемы часто занимали высокие должности в государстве. С детства эта судьба была уготована и Георгию Петровичу. Он родился в марте 1850 года. В шестнадцатилетнем возрасте был зачислен юнкером в Николаевское кавалерийское училище, окончив которое? продолжил службу государю в уланском полку.

В 1774 году Медем был переведён в Отдельный корпус жандармов, занимал различные должности в жандармских полицейских управлениях железных дорог.

Хотя его карьера, судя по скудости дошедших до нас сведений, обходилась без ярких моментов, трудился он усердно и постепенно дослужился до командира сначала Московского жандармского дивизиона, а затем Санкт-Петербургского жандармского дивизиона. Это были исключительно строевые подразделения. Некоторые современники называли дивизионы «парадными придатками» к полицейским силам обеих столиц. Однако времена необременительных нарядов близ театров и административных зданий подходили к концу. Подпольные организации набирали силу, приближая бурю 1905 года.

Георгий Петрович к этому моменту получил назначение в штаб Отдельного корпуса жандармов, где стал помощником начальника. Однако прослужить в нём он успел меньше четырёх месяцев.

В апреле 1905 года градоначальником Москвы стал граф Павел Павлович Шувалов, поставленный, чтобы навести порядок среди экстремистских движений. Он взялся за дело жёстко, чем и вызвал немедленный отпор со стороны боевого крыла эсеров. 11 июля выстрелами из револьвера он был смертельно ранен. Отметим, что назначался он после другого террористического акта, в результате которого был убит бомбой главнокомандующий войсками Московского военного округа, сын Александра II великий князь Сергей Александрович. Первый в истории градоначальник Москвы Евгений Николаевич Волков был за этот провал уволен.

Начались срочные поиски преемника. В то время исполнительная власть в Москве была поделена между генерал-губернатором, губернатором и градоначальником. Генерал-губернатор обладал высшей военной и административной властью и обладал расширенными полномочиями в период кризисных событий. Мирное управление городом исполнял губернатор. На градоначальнике были сосредоточены полицейские задачи.

Что же представляла собой Москва в то время? Как и сегодня, это был один из крупнейших городов мира. В России уступал по численности жителей (1,6 миллиона человек) Петербургу, входил в десятку самых населённых городов мира. Каждый год здесь стремились осесть ещё 50 тысяч человек. В Москве в ту пору — строительный бум. Новые дома, рестораны, торговые заведения и финансовые учреждения открываются чуть ли не ежедневно.

А ещё Москва — пороховая бочка. Бедность низших слоев, военное поражение в Русско-японской войне, отсутствие гражданских свобод... Возрастающее недовольство кристаллизовало революционные движения, сосредоточенные вокруг либеральной и социалистической повестки. Отсутствие каналов диалога с властью радикализировало подполье, освоившее террористическую тактику. С начала 1905 года в стране по политическим мотивам были убиты сотни человек: высокопоставленные руководители

губерний, полицейские начальники и жандармские офицеры, десятки приставов, околоточных надзирателей, городовых, урядников...

Власти в этих условиях оказались неспособны выработать ясную стратегию и метались между репрессиями и расширением свобод. Если в 1904 году был провозглашён курс на доверие к обществу, то 9 января 1905 года в Петербурге войска устроили Кровавое воскресенье, перебив больше ста безоружных рабочих, пытавшихся передать царю петицию о своих нуждах.

В таких условиях градоначальником Москвы стал Георгий Петрович фон Медем. Назначение последовало вслед за сменой генерал-губернатора. Прежде эту должность занимал генерал от кавалерии Александр Александрович Козлов. Он пользовался большим уважением жителей города, но не оправдал ожиданий императора. Тот рассчитывал на строгость к тем, кто призывал к реформам, но Козлов проявил самостоятельность. Он позволил провести в Москве Земский съезд — форум, на котором представители всех сословий обсуждали положение в стране. Николай II потребовал закрыть съезд, но Козлов, не считая это справедливым, отказался. История сохранила письменную ремарку поражённого императора: «Где мои верноподданные слуги?»

Таковыми стали Медем и новый генерал-губернатор Пётр Павлович Дурново, 70-летний генерал от инфантерии. Неглупый человек и ещё физически крепкий старик, он оказался совсем не привычен к бурной политической жизни Москвы и, будучи брошенным в этот кипящий котёл, мало что мог сделать и совершенно потерялся в штормовых событиях. Фактическим губернатором в этот период был Владимир Фёдорович Джунковский (формально пост занимал Григорий Иванович Кристи, но тот был в отпуске и уже определён занять по возвращении другую должность).

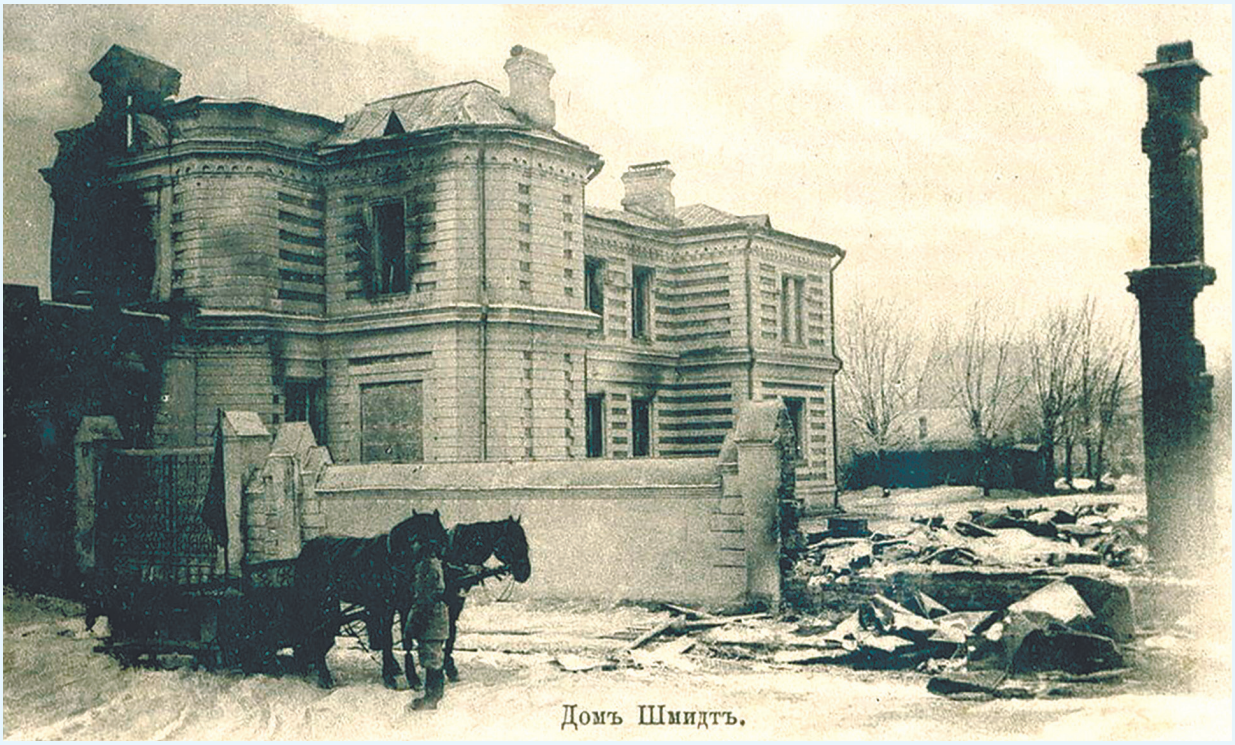
Медем вызвал симпатии москвичей. Он действовал доброжелательно, прислушиваясь к пожеланиям жителей. Вместе с тем, будучи всю жизнь в строевых подразделениях, он несколько отставал от текущего момента и не вполне успевал за разгорающимся революционным пожаром.

6 августа, реагируя на настроения в стране, Николай II издал Манифест об учреждении Государственной Думы. Но он не оправдал, пожалуй, ничьих надежд. Думе предлагалась исключительно законосовещательная функция, что не устраивало общество, ждущее реальных реформ. Оппозиционные группы немедленно начали обсуждение ответных действий.

Столичные власти не наблюдали за этим равнодушно. Агентура сообщила о сходках революционеров на окраинах губернии. Однако мятежники ждали облаву. Неподалёку от современных Люберец высланному за бунтовщиками разъезду устроили засаду. Один казак был убит.

Революционные речи звучали всё чаще и всё более открыто, проникая даже в стены Московской городской Думы. Так, на одном из заседаний некоторые депутаты потребовали удаления из города недавно присланного Донского казачьего полка. Казаки исполняли в Москве неблагодарные полицейские

Дом Шмидта



Декабрьское восстание в Москве 1905 года

функции, поддерживая порядок на улицах. При этом жили в неподготовленных для их приезда казармах, на голом полу.

Осенью в Москве изо дня в день усиливалось ощущение полного государственного бессилия. Полиция была скована. Ухудшало ситуацию то, что Медем в своих действиях зависел от Дурново, ставленником которого являлся. А тот, упрямо не пытаясь разобраться в происходящем, стал раздражительным, отчитывал Медема за все наваливающиеся проблемы и прекратил оказывать ему всякую поддержку. Георгий Петрович, изведённый созданными затруднениями, отвечал ему взаимностью.

Их конфликт вылился в фантастический по своей нелепости случай. Забастовщики-телеграфисты проникли в дом генерал-губернатора, вывели из строя телеграфные аппараты и спокойно ушли. Градоначальник отказался что-либо предпринимать по этому поводу, и подчинявшийся ему эскадрон драгун, охранявший дом, так и не вмешался в происходящее.

Медему было отчего невзлюбить Дурново. Не замечая собирающейся грозы, тот отдавал распоряжения, которые не то что не помогали полиции, но только вредили ей. Доходило до того, что генерал-губернатор руководил градоначальником, как лакеем, отсылая его встречать своих пассий и устраивать их в московских гостиницах.

Подобные отношения ничуть не помогали справиться с организованным подпольем. В октябре обстановка в стране ещё более осложнилась. Бастовали миллионы человек. В Московскую Думу был допущен делегат от рабочих. Переданные им требования Медем и Джунковский посчитали не иначе как прямой угрозой властям, однако в Думе с ними спорить не стали.

На протяжении первой половины октября Москва бастовала постоянно. На несколько дней останавливался водопровод, при этом работать отказались не только простые служащие, но также инженеры и архитекторы. Не ходил транспорт. Исчезло освещение.

Император, осознав масштаб происходящего, подписал новый манифест, устанавливающий, что «никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы», а также провозглашавший свободу совести, слова и собраний. Уже на следующий день Москва расцвела: предприятия возобновили работу; люди отмечали событие как общенациональный праздник.

Однако эсеры и большевики и этот манифест посчитали недостаточным, продолжив курс на вооружённое восстание. Наряду с толпами, прославлявшими императора, на улицах появились демонстрации с красными флагами. Всюду стали вспыхивать стычки. Под кулаки стали попадать обычные прохожие. Полиция не получала никаких директив и лишь беспомощно взирала на волнения.

Дурново не понимал происходящего. Когда его дом украсили красными знамёнами, он в недоумении вышел к людям в генеральском мундире и снял перед толпой шапку. Красные флаги он попросил убрать ночью. На следующий день он принял делегацию от революционных союзов. «Товарищ!» — обратились к нему прибывшие. «К-какой я вам товарищ?» — поразился Дурново, но делегацию вы-

слушал. Она просила не чинить препятствий процессии по случаю похорон революционера Баумана. Дурново обещал отдать Медему распоряжение об удалении с маршрута полиции. За порядком обязались следить сами революционеры.

Разумеется, беспорядки возникли. В обществе пролегла трещина раздора. Многие были возмущены попустительством в отношении левых движений. В городе произошли столкновения, были убитые.

Революционная волна накатывала. Рабочие мастерили пики и кинжалы. Через Финляндию, которая, будучи автономией, не имела над собой строгого надзора, контрабандой ввозили тысячи единиц огнестрельного оружия.

В Петербурге 50 дней существовал Совет рабочих депутатов, требовавший в числе прочего прекратить всякое финансирование полиции и жандармов. 2 декабря им был издан Финансовый манифест, призывавший отказаться от выплаты податей и налогов. Воззвание напечатали 8 либеральных газет, тираж которых был конфискован, а сами издания закрыты.

Но в то время как в Петербурге бунтовщики были на время задавлены, их воззвания нашли благодатную почву в Москве, где Дурново не предпринимал против них продуманных мер, а Медем и полиция были связаны из-за этого по рукам и ногам. При этом образованные слои, в том числе аристократы, в немалом числе сочувствовали социалистам.

20 ноября Дурново был вызван в Петербург. Государь участливо побеседовал с ним о делах в Москве, после чего генерал-губернатор вернулся в город и обнаружил записку о своём увольнении, подписанную двумя днями ранее.

После этого ободрённый Медем телеграфировал другому представителю рода Дурново, министру внутренних дел Петру Николаевичу, по поводу непрекращающихся забастовок: «Действовать буду решительно и авторитета власти не посрамлю». Однако имеющихся у него сил было недостаточно — всего 2000 полицейских на огромный город. Он неоднократно запрашивал дополнительные силы, но так их и не получил.

Новым генерал-губернатором стал адмирал Фёдор Васильевич Дубасов. Разговор с революционерами у него был короткий, что он подтвердил жёсткими действиями в других губерниях: «Если сельские общества или хотя немногие из их членов позволят себе произвести беспорядки, то все жилища такого общества и всё его имущество будут по приказу моему уничтожены». На приёме по случаю своего назначения он заявил: «Мне оказана честь, которою я не могу не гордиться. Москва — первопрестольная столица России — всегда была хранительницей самых лучших и самых дорогих заветов русской жизни. Но это назначение произошло при обстоятельствах совершенно исключительных и чрезвычайных, к сожалению, в прискорбном смысле. При таких обстоятельствах назначение на пост московского генерал-губернатора приобрело совсем иное значение, и вот почему я без всяких колебаний принял его, как принимают боевой пост».

Дубасов не разбирался в административных делах, но был волевым и верным солдатом императора. Известна была его чрезвычайная вспыльчивость, из-за чего подчинённые, попав под горячую руку, нередко страдали несправедливо. Тяжесть его характера в полной мере ощутили на себе в скором времени мятежники.

2 декабря в Москве восстали солдаты 2-го гренадерского Ростовского полка. Они были быстро блокированы верными присяге частями, и беспорядки не распространились на город. Хотя ситуация оставалась напряжённой, никто и вообразить не мог, что вся Москва спустя несколько дней будет охвачена боями.

Волнения начались с общей забастовки, объявленной с 12 часов 7 декабря Московским советом рабочих депутатов, собравшимся в Училище И.И. Фидлера в Мыльниковом переулке.

Более половины фабрик и заводов Москвы замерли. Прекратила работу Центральная электрическая станция. Вновь была парализована железная дорога. Постепенно склонились на сторону забастовщиков торговые предприятия. Продолжил работу лишь водопровод и газовый завод: в зимний мороз их остановка сулила бедствие всем независимо от политической позиции.

После совещания с военными, Медемом и Джунковским Дубасов объявил в Москве чрезвычайное положение.

Между тем настроение в городе было приподнятое. Всё напоминало какой-то фестиваль. Однако это был праздник с револьвером в кармане: наготове были вооружённые революционные дружинники.

Полиция пыталась пресекать хаотичные манифестации и разоружать дружинников, но эти действия были слабо скоординированы и нерешительны. Был арестован Совет рабочих депутатов... но его тут же сменил новый состав.

Большой митинг, собравший около 10 тысяч человек, возник в саду возле Триумфальной площади. Участники постановили арестовать Дубасова. Войска и полиция обложили сад, но упустили невысокий забор в задней его части. Большинство активистов сумели сбежать, а тех, кого удалось задержать, отпустили, проверив документы. Несмотря на эту мягкость, по городу распространялись слухи об убитых и раненых.

Ночью эсеры бросили бомбы в окна здания Охранного отделения в Гнездниковском переулке. Передняя стена обвалилась. Был убит околоточный надзиратель.

В те же часы войска окружили Училище И.И. Фидлера, где засели революционеры. Им был предъявлен ультиматум о сдаче. Услышав отказ, войска обстреляли из артиллерии здание, в котором

находились несколько сотен человек, не только боевиков, но и сочувствующих студентов. Понеся потери убитыми, бунтовщики капитулировали.

Это столкновение послужило последней искрой, взорвавшей ситуацию. Улицы Москвы стали занимать боевые дружины. Повсюду возводились баррикады из вывесок, бочек, телеграфных столбов. Медем находился в городе, постоянно докладывая Дубасову, руководившему действиями по подавлению восстания, о ситуации в различных районах.

Основные бои развернулись на Тверской улице, между нынешними Пушкинской и Триумфальной площадями. Здесь восставшие укрепились особенно основательно, применив для своих фортификаций даже трамвайные вагоны. На стороне революционеров были несколько сотен вооружённых револьверами боевиков, остальные действовали булыжниками. Войска продвигались с орудиями, методично уничтожая баррикады.

Жестокий бой разгорелся на Каретном Ряду. Отряд жандармов был направлен из казарм на Петровке разбирать баррикады у театра «Эрмитаж», но был окружён дружинниками. Те потребовали сдачи, но жандармы отказались. Вспыхнула отчаянная схватка, в которой жандармы Московского дивизиона одержали верх.

Едва не погиб сам Медем. Когда он стоял на улице возле своего дома, в него собирался выстрелить боевик, замаскированный повязкой красного креста. Однако воспользоваться оружием не успел и был вовремя задержан.

Революционные силы отступали и сжимались. Общее руководство ими было утеряно, и каждый район, оставшийся в их руках, превращался в импровизированную крепость. Теряя баррикады, рабочие переходили к партизанской тактике, действуя небольшими группами, дерзко нападая и тут же исчезая. Каждую ночь убивали до 20 городовых. Чтобы они не стали жертвой таких налётов, им было приказано снять форму.

Полиция была малочисленна, и для содействия ей была организована милиция из добровольцев Союза русских людей. Её отряды подчинялись приставам. На некоторых постах полицейские силы укрепили военными.

Крепко восставшие держались в Замоскворечье, Бутырском районе и нынешнем Автозаводском, где располагалась Симоновская слобода — центр старообрядчества Москвы. Артиллерия обстреливала любой дом, из которого летела бомба или делался выстрел. Несколько раз вспыхивали бои за контроль над Николаевским (ныне Ленинградским) вокзалом.

16 и 17 декабря центром боёв стала Пресня, куда отступили из других районов рабочие. Их крепостью стала мебельная фабрика Шмита. При этом глава фабрики Николай Шмит активно поддерживал восставших и выделял им деньги на закупку вооружения.

Для взятия фабрики Шмита были направлены 10 рот Лейб-гвардии Семёновского полка. К 19 декабря войска смяли сопротивление мятежников. Последние 450 рабочих сдали огнестрельное и холодное оружие.

18 декабря был арестован сам Шмит. Через год он был найден в изоляторе мёртвым. Было это убийство или самоубийство, так и осталось неизвестным. Все богатства Шмита были переданы большевикам, что позволило их партии не испытывать стеснения в деньгах следующие десять лет.

С падением фабрики Шмита восстание было окончательно подавлено. Его жертвами стали сотни москвичей. При этом причастность к восстанию почти трёхсот погибших при артобстрелах и перестрелках так и не удалось подтвердить. Были убиты десятки полицейских и других должностных лиц.

Дубасов руководил действиями государственных сил беспощадно и впоследствии обвинялся во всевозможных жестокостях. Вместе с тем он считал, что достоинство власти состоит в том, чтобы не мстить, и просил, чтобы дела виновных рассматривал обыкновенный суд, а не военный, благодаря чему в отношении мятежников обошлось без смертных приговоров.

Два покушения на Дубасова были предотвращены, но в результате третьего он был серьёзно ранен и вскоре ушёл с должности.

Медем, хотя и не был в ходе событий декабря на первых ролях, не потерял управления полицией, которая быстро восстанавливала порядок в районах, отбитых у восставших. Вместе с Дубасовым вскоре после бунта Медем посещал пострадавшие от погрома места, встречался с представителями рабочих, в том числе учреждений, недавно находившихся в руках революционеров.

Одновременно по всей Москве проходили обыски, целью которых было изъятие спрятанных до нового раунда революционной борьбы боеприпасов и оружия.

Спустя месяц Медем был произведён за отличие в генерал-лейтенанты и вновь переведён в Отдельный корпус жандармов. Служба в Москве стала для него в некотором смысле яркой, безумной командировкой, из которой он вернулся на более спокойную, хорошо знакомую ему работу.

Стоит сказать, что запомнился москвичам он не только участием в декабрьских событиях. Он также утвердил устав Сокольнического клуба спорта — первого футбольного клуба Москвы.

Скончался Георгий Петрович фон Медем 1 февраля 1911 года. Его могила находится на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

Денис КРЮЧКОВ,
фото и иллюстрация из открытых источников

Как? Хорошо быть генералом?

«Четыре года надо мной тяготеют те обвинения, которые прошли сейчас перед Правительствующим Сенатом. Четвертый год я подвергаюсь этим униженьям, о которых говорила моя защита. Здесь же, в зале этого присутствия мне было брошено тяжелое оскорбление уже личного свойства представителями государственного обвинения. Г. представитель обвинения бросил мне обвинение в том, что я скрыл концы, прося ревизии сенатора. Я здесь доказал документально — и это было подтверждено свидетельскими показаниями, что когда я ушёл из стен градоначальства, я оставил открытыми книги в моем столе, я оставил градоначальство таким, каким оно было в минуту подачи мною рапорта об отставке. Эти концы я передал сенатору Гарину, чтобы он мог по ним дойти до правды. Я жду справедливого приговора Правительствующего Сената. Моя же совесть спокойна» (из заключительного слова А.А. РЕЙНБОТА на суде).

Анатолий Рейнбот

В череде московских градоначальников генерал-майор Анатолий Рейнбот занимает особое место. Его карьерный взлёт был весьма стремителен, а служба в Первопрестольной открывала ему прямой путь к чиновничьему олимпу. Одни считали его прекрасным начальником полиции, принесшим Москве несомненную пользу, но павшим жертвой придворных интриг. Другие видели в нём беспардонного коррупционера, превратившего правоохранительные органы в шайку вымогателей. Рейнбота судили открытым судом, но процесс так и не дал ответа на вопрос: кем же в действительности он был?

История главного полицейского столицы до сих пор привлекает внимание своей загадочностью и трагической развязкой.

Карьера Анатолия Рейнбота, родившегося 4 февраля 1868 года в семье потомственного дворянина, кадрового военного, капитана в отставке Анатолия Анатольевича Рейнбота и дочери инженера-технолога Ольги Григорьевны Неверовой была по сегодняшним меркам невероятной. Пройдя обучение в Александровском кадетском корпусе, а по его окончании в Михайловском артиллерийском училище, будущий московский градоначальник начал службу в звании подпоручика в 37-й артиллерийской бригаде. После двух классов Николаевской академии Генерального штаба он 6 декабря 1895 года произведён в штабс-капитаны. Четыре последующих года Рейнбот преподаёт тактику в Санкт-Петербургском юнкерском училище. За преподавательскую деятельность ему вручают орден Святой Анны III степени, а в декабре 1899 года он вновь командирован в Академию для прохождения дополнительного курса. Уже через полтора года, в мае 1901 года, капитана Рейнбота назначают обер-офицером для особых поручений V класса при Канцелярии финляндского генерал-губернатора Николая Ивановича Бобрикова с зачислением по гвардейской пешей артиллерии.

В то время начался новый этап урезания автономии Финляндии: её собственную армию ликвидировали, и финны, как прочие граждане Российской империи, должны были нести всеобщую воинскую повинность. В ответ на это нововведение летом 1902 года половина призывников Суоми не явилась по повесткам. Происходили изменения и в местных органах управления — вместо финнов в них назначали русских чиновников. В той сложной обстановке Рейнбот зарекомендовал себя хорошим администратором. Свидетельством служит его назначение ландс-секретарём самой маленькой финской губернии — Нюландской, где в 1903 году он уже находится в чине полковника, а по итогам исполнения этой должности получает Высочайшее награждение «за выдающиеся отличия 17—30 апреля 1905 г.» перстнем с бриллиантами и орденом Святой Анны II степени.

В августе 1905 года последовало назначение на должность штаб-офицера для особых поручений V класса при финляндском генерал-губернаторе. Далее по рекомендации председателя Совета министров Сергея Юльевича Витте Рейнбот становится казанским губернатором. «Рейнбот в то время вёл отлично дело, водворил спокойствие, не прибегая ни к каким исключительным положениям, всюду показываясь сам и везде ездивши по губернии», — писал Витте о своём протеже.

Анатолий Рейнбот был награждён одной из самых почётных медалей — медалью Красного Креста в память об участии в деятельности общества

Российского Красного Креста в русско-японской войне 1904—1905 годов. Есть свидетельства, что роль Рейнбота в этом деле заключалась в организации размещения раненых, привозимых с фронта.

7 января 1906 года Анатолий Анатольевич за отличия по службе назначается московским градоначальником с производством в чин генерал-майора. Безусловно, для 38-летнего Рейнбота это стало неожиданной и, возможно, лучшей оценкой его личности и прежних заслуг.

Под впечатлением событий Первой русской революции правительство с 1 января 1906 года выделило Москву в специальное градоначальство, предоставив главе этого ведомства широкие административно-полицейские права. Должность обер-полицмейстера, в ведении которого ранее находилась полиция, была упразднена. Для надзора за Московской городской думой и управой при градоначальнике создавалось Особое по городским делам присутствие. Градоначальник отвечал за охрану общественной безопасности и порядка, контролировал правильность и законность действий городского общественного управления, а также работу типографий, арестантских помещений при полицейских домах, адресных столов, возглавлял Московское по фабричным и горнозаводским делам присутствие.

Градоначальство, разместившееся на Тверском бульваре в доме 22 (сейчас здесь здание МХАТа имени Горького), включало в себя паспортный и адресный столы, цензурный отдел, охранное отделение и другие функциональные подразделения. Газета «Московский листок» подробно описывала вступление генерал-майора Рейнбота в новую должность:

«С вокзала А.А. Рейнбот поехал в часовню Иверской Божией Матери, а оттуда в дом градоначальника. В 11 часов он вышел в приемную и обратился к собравшимся с речью: *«Я считаю, господа, себя обязанным находиться на службе в течение 24-х часов в сутки. Я Москву недостаточно хорошо знаю, вы же знаете ее лучше меня, и поэтому прошу первое время не оставлять меня своими указаниями и советами; не ошибается тот, кто ничего не делает, возможны и в моей деятельности ошибки. Москва — сердце России, правильное биение этого сердца имеет значение для всей страны, и это еще больше увеличивает ответственность градоначальства и полиции перед правительством и обществом»*.

В последующие дни Анатолий Рейнбот неоднократно выступал на встречах с высшими чинами городского и губернского управления, посетил московского генерал-губернатора генерал-адъютанта Фёдора Васильевича Дубасова, командующего войсками Московского военного округа генерала от инфантерии Николая Николаевича Малахова, московского губернатора флигель-адъютанта Владимира Фёдоровича Джунковского, московского губернского предводителя дворянства князя Петра Николаевича Трубецкого, в Николаевском дворце был принят Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

Объезжая полицейские участки и пожарные части, Рейнбот говорил:

«Жизнь так разнообразна, конкретные случаи так различны, что никакие законоположения не могут охватить всех проявлений жизни, поэтому полиция, которой так близко приходится сталкиваться с конкретными явлениями жизни, должна обладать известной инициативой: нельзя действовать только по указке — отсутствие инициативы ведет к бездействию. При этом все должны ставить себе непременной заботой благо и спокойствие московского обывателя».

Началась повседневная работа. Ежедневно, кроме неприсутственных дней, Анатолий Анатольевич принимал самых разных просителей. Прошения на его имя можно было опускать и в особый ящик, установленный у подъезда дома градоначальника. Состояние московской полиции после декабрьского вооружённого восстания 1905 года Рейнбот в рапорте на имя директора полицейского департамента оценивал так:

«Состав городовых был совершенно неудовлетворительным, городовые на постах часто находились в штатском платье с пистонным ружьем в руках, к которому не было никаких огнестрельных припасов; полиция была не только не обучена, но и почти безоружна, на 4000 городовых имелось 1332 револьвера старой системы Смита и Вессона, большинство коих в неисправном виде, и ни к чему не пригодные железные шашки по 2 руб. 25 коп. штука».

За время пребывания Анатолия Анатольевича на посту московского градоначальника полицейские берданки уступили место более солидным трёхлинейным ружьям. По его приказу во всех участках завели самовары и чайные приборы, а начальнику резерва стали выдавать наличные деньги на чай и сахар для городовых. Чтобы действия последних отличались большей оперативностью, их снабдили велосипедами. Пожарная команда получила зимнюю одежду, а трудную службу ночных сторожей начали скрашивать выдачей наградных.

Энергичными мерами Рейнботу удалось за короткое время поднять боеспособность полиции. Уже к сентябрю 1906 года всех городовых вооружили трёхлинейными винтовками (правда, следуя российской бюрократической традиции, при этом не позаботились выдать погонные ремни). Когда градоначальник увидел, как городовые носят винтовки на верёвочках, револьверных шнурах, а то и просто на плече, он тут же закупил необходимое количество ремней, хотя при этом ему пришлось пойти на подлог. Точно так же он оплатил закупку на Тульском заводе 750 револьверов, оформив израсходованные деньги как выданные приставам наградные.

Напомним, что генерал Рейнбот принял командование над московской полицией в самое тяжёлое время — в городе, только что пережившем ужасы вооружённого восстания, продолжалось революционное брожение. Руководитель большевиков Ленин с осени 1905 года требовал от своих сторонников жёсткого террора в отношении сотрудников правоохранительных органов: «Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше, и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся удобный случай для такой операции, он, этот отряд, оказывается виновным в непростительной бездеятельности, в пассивности, — а такая вина есть величайшее преступление революционера в эпоху восстания, величайший позор для всякого, кто стремится к свободе не на словах, а на деле».

Полицейские служили на пределе сил: патрулирование улиц без сна и отдыха, перестрелки с боевиками, нападавшими на участки, гибель товарищей от рук революционеров. Смертельно опасным было не только в одиночку отстоять на посту в ночную пору, но даже просто пройти по городу в полицейской форме.

Неудивительно, что служащие полиции были морально истощены и в глазах обывателей уже не выглядели символами торжества правопорядка. Градоначальнику поступало множество донесений о том, что городовые заступают на посты пьяными. Да и самому ему довелось видеть явные признаки деградации: в центре города, на Кузнецком Мосту, постовые сменялись, забыв обо всех требованиях устава. Вновь заступавший пришёл в штатском, отдал товарищу пальто, а сам, облачившись в его шинель и взяв винтовку, приступил к несению службы.

Привычным явлением в то время стало полное пренебрежение извозчиков к требованиям городовых соблюдать правила движения. Каждое замечание постового вызывало поток ругательств в адрес полиции, а один извозчик как-то ночью просто схватил кусок железа и ударил по голове городового. Ночные сторожа, кинувшиеся на помощь постовому, также получили увечья.

Весной 1906 года в России наметился новый подъём революционного движения. 1 мая в Москве стояло более половины предприятий. 24 июля в связи со Свеаборгским и Кронштадтским восстаниями опять забастовали рабочие многих крупных заводов. Страсти подогревались расплодившимися за время смуты газетами либерального толка, со страниц которых неслись откровенные призывы к свержению монархии. 23 апреля 1906 года эсеры бросили в коляску московского генерал-губернатора Дубасова бомбу. От взрыва погиб его адъютант граф Сергей Николаевич Коновницын, сам же генерал-губернатор получил ранение.

Команда полицейских-велосипедистов. Начало XX века.

Эффективные действия Рейнбота заставили революционеров внести его в список первоочередных врагов. Охоту повела боевая группа эсеров, подготовившая несколько покушений на градоначальника. В первый раз генерала спасло то, что террористка Фрумкина, отправившаяся убивать его в Большой театр, была выдана тайным агентом охранки. Во второй раз «махальщица», контролировавшая выход генерал-губернатора и градоначальника из ворот Кремля, от волнения перепутала сигналы и дала бомбистам отбой. В третий раз, по всей видимости, Рейнбота спас ангел-хранитель.

«30 октября 1906 года Москва омрачилась новым злодейским покушением. Когда градоначальник А.А. Рейнбот шел пешком по Тверской, направляясь к церкви св. Василия Неокесарийского на освящение школы и богадельни, в него была брошена бомба, которая по счастливой случайности перелетев через него, упала на мостовую и взорвалась, не причинив никому вреда. Преступник был схвачен, но в эту минуту успел еще сделать несколько выстрелов из револьвера, тоже никого не задевших. Градоначальник продолжал свой путь и только после молебствия вернулся домой, показав стойкое хладнокровие».

Позже в описаниях покушения появилась интересная подробность: бомба, брошенная под ноги генералу, проскользнула мимо по заснеженному тротуару и свалилась в углубление водостока. В результате взрывная волна и осколки ударили на другую сторону улицы. Охрана градоначальника шла за ним в некотором удалении, поэтому у террориста оказалось достаточно времени, чтобы открыть огонь из браунинга. Свист пуль вывел Рейнбота из ступора, он выхватил револьвер и первым же выстрелом свалил боевика.

Впоследствии охранке удалось обнаружить подпольную лабораторию по производству бомб и арестовать ядро боевой эсеровской группы. Удар по революционерам был настолько силён, что остальным подпольщикам пришлось прекратить активные действия.

Этот случай произвёл сильное впечатление на ближайшее окружение Рейнбота и на служащих градоначальства, в честь счастливого спасения преподнесших ему икону Иверской Божией Матери, образ святителя Николая Чудотворца и папку с адресом.

О покушении стало известно государю. 6 декабря, в день тезоименитства Николая II, последовало зачисление чудом избежавшего гибели московского градоначальника в Свиту Его Величества. Популярность Рейнбота среди москвичей быстро росла.

Героическое служение Рейнбота не осталось без награды. В декабре 1906 года он получил одно из высших отличий Российской империи — звание генерала Свиты Его Величества. Личный доступ к царю открывал ему прямой путь к генерал-губернаторским, а то и к министерским должностям. Однако Витте утверждал, что премьер-министр Пётр Аркадьевич Столыпин видел в Рейнботе явного конкурента.

В то же время и отношения с новым генерал-губернатором Сергеем Константиновичем Гершельманом, назначенным вместо Фёдора Дубасова, у

Анатолия Анатольевича складывались весьма натянутые.

24 ноября 1907 года Гершельман на основании распоряжения министра внутренних дел лишил Рейнбота дисциплинарной власти над подчинёнными. Он был лишён права проводить кадровые перестановки подчинённых и подписывать финансовые документы. Тот, возмущённый, подал «докладную записку об отчислении от должности», и 12 декабря 1907 года последовало официальное сообщение о снятии градоначальника с занимаемого поста.

Как нередко случается в подобных ситуациях, по Москве пошли слухи и сплетни. Говорили, что отставка Рейнбота связана с его колоссальным карточным долгом.

Тем временем с целью ревизии всей деятельности московского градоначальства в Москву прибыла комиссия Сената. Не станем вдаваться в разбор хитросплетений политики в высоких сферах, а просто примем как факт — материала, собранного ревизорами, оказалось вполне достаточно, чтобы отдать Рейнбота и его помощника полковника Короткого под суд. По мнению Витте, который откровенно недолюбливал Петра Столыпина, последний «увидел в Рейнботе своего будущего соперника, и это было не без основания, потому что Рейнбот очень решительный человек, но имеет тормоза, так как он человек умный и довольно культурный, он был в двух военных академиях, тогда как у Столыпина именно этих тормозов не было вследствие его крайней ограниченности. Поэтому Столыпин сочинил сенаторскую ревизию над Рейнботом».

И двух лет не прошло с момента назначения генерал-майора на почётную должность градоначальника, как его обвинили в казнокрадстве. Вот как эту ситуацию описывал позже глава Советского государства Владимир Ильич Ленин:

«...Занимался взяточничеством, вымогательством, присваивал казенные деньги. Административно-полицейский произвол Рейнбота и чинимые им беззакония вызывали возмущение в широких общественных кругах. Царское правительство было вынуждено его уволить и отдать под суд. Следствие по делу Рейнбота длилось несколько лет, только в 1911 году состоялся суд, приговоривший Рейнбота к лишению прав, состояния и к одному году отбывания в исправительном арестантском отделении. Но даже этот легкий приговор не был осуществлен, Рейнбота вскоре освободили из-под ареста».

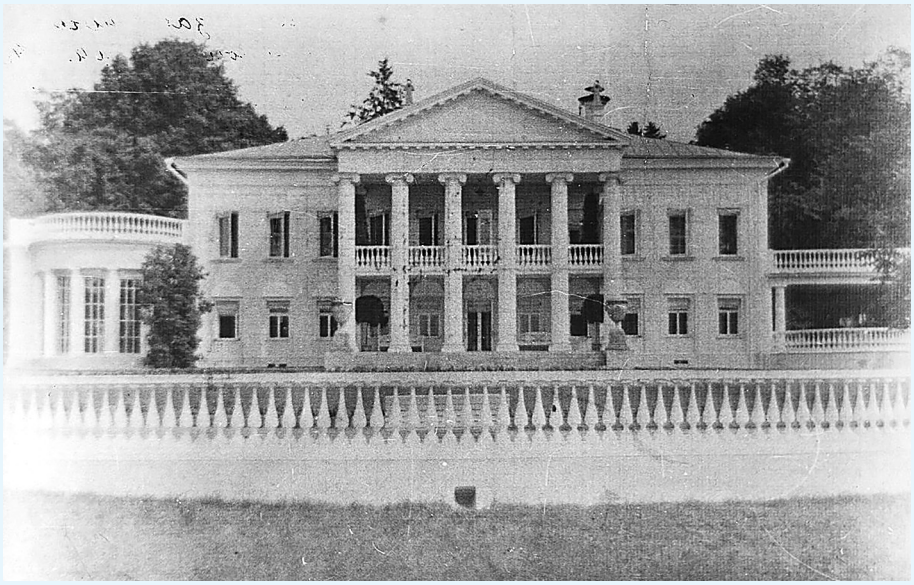
Зинаида Морозова

Действительно, зимой 1907 года Сенат осуществлял проверку всего Московского градоначальства, Рейнбот был уличён в финансовых злоупотреблениях и отстранён от должности. Да, было судебное разбирательство, по итогам которого Рейнботу предъявили обвинение сроком на один год с лишением особых прав. Но исторических документов, подтверждающих и более подробно раскрывающих эту ситуацию в судьбе генерал-майора, на сегодняшний день не найдено. Поэтому отзываться о казнокрадстве Рейнбота так прямолинейно, как это делал Ленин, особых оснований нет.

В июле 1909 года началось официальное следствие. Ещё раньше Рейнбот известил временно-командующего Императорской главной квартирой: *«Не считая возможным, по существующему обычаю, во время судебного разбирательства оставаться в почетном мундире Свиты Его Величества, вчерашнего числа я подал прошение об увольнении меня от службы»*.

Пока длилось следствие, Анатолий Анатольевич жил в подмосковном имении Покровское-Рубцово, принадлежавшем Зинаиде Григорьевне Морозовой — его второй жене, вдове известного мецената Саввы Тимофеевича Морозова, трагически погибшего в Каннах в 1905 году. С ней генерал обвенчался в 1907 году. По всей видимости, заключение брака не обошлось без трудностей, так как невеста происходила из старообрядческой семьи. Тем не менее в августе 1907 года протоиерей Иоанн Восторгов, упоминая Рейнбота в письме обер-прокурору Синода, сообщал: «Говорят, он всё-таки «нашёл попа» и повенчался». От этого союза выиграли обе стороны: генерал смог распоряжаться морозовскими миллионами, а честолюбивая купчиха превратилась в дворянку и получила доступ в придворные сферы. Бракосочетание Зинаиды Григорьевны с генералом Анатолием Анатольевичем Рейнботом, состоявшееся спустя два года после смерти Саввы Морозова, как предполагали современники, было продиктовано честолюбивыми интересами богатой вдовы. Высокое положение нового супруга открывало перед ней двери даже в придворные круги.

В 1909 году Морозова и Рейнбот приобрели имение «Горки» в Подольском уезде. Они вместе обустраивали купленную усадьбу, организовали образцовое хозяйство, приносящее неплохой доход. Закончив с реконструкцией имения, Рейнбот в мае 1912 года подал



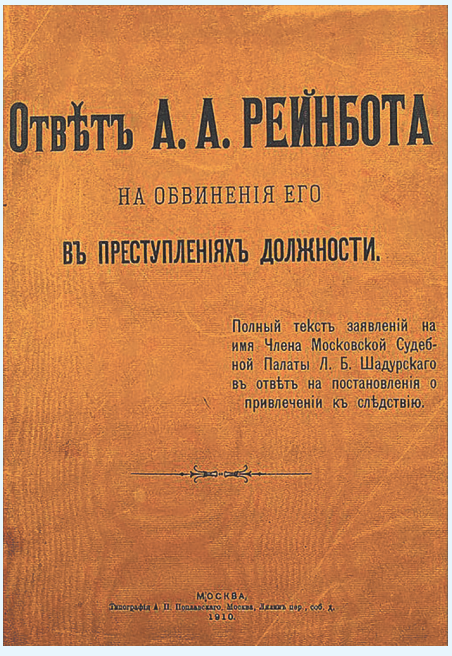
Имение в Горках

прошение в Московское депутатское дворянское собрание с просьбой внести в родословную книгу Московской губернии его жену и выдать ей соответствующие документы о дворянстве.

Рейнбот, так же, как и Морозова, являлся полноправным владельцем усадьбы. К сожалению, до сих пор неизвестно, где именно располагалась его комната в Горках. Но он часто приезжал из Москвы, в Горках жили и его сыновья от первого брака. В марте 1918 года имение было национализировано. Морозова добилась получения охранной грамоты, весь предметный мир, естественно, остался в усадьбе, и большая его часть сохранилась до наших дней. Насколько можно судить, усадьба была национализирована без уведомления самого Рейнбота.

28 апреля 1911 года в Москве в судебном присутствии Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената с участием сословных представителей началось слушание дела бывшего московского градоначальника отставного генерал-майора Анатолия Анатольевича Рейнбота и его бывшего помощника отставного полковника Владимира Аполлоновича Короткого по обвинению их в должностных преступлениях. Слушание продолжалось до 17 мая 1911 года. Рейнботу инкриминировались нарушения кассовых правил, превышение власти, невыполнение обязательных постановлений по санитарной части и тому подобное. Обвинитель вывел следующее заключение: на незаконные действия подсудимого толкнула жажда популярности. Представители противной стороны возражали: отнюдь не «популизм» двигал их подзащитным, который если и снискал славу, то добрую и заслуженную. Российский юрист, присяжный поверенный на этом суде Константин Александрович Минятов в конце своей речи сказал: «Анатолий Рейнбот, возможно, был даже слишком популярен — неудивительно, что у некоторых явилось желание уничтожить его», а один из выдающихся адвокатов и судебных ораторов дореволюционной России Николай Платонович Карабчевский завершил выступление так: *«Если Рейнбот и виновен в некоторых мелких прегрешениях, то потерпел он за это страшно. Высота падения делает более жгучей боль, которую испытывает падающий. Человек, стоявший высоко, пал ниже, и боль для него чувствительнее. Я полагаю, что то зло, если он его причинил кому-нибудь, неизмеримо ниже того зла, которое на него обрушилось»*.

По решению суда Анатолия Рейнбота и Владимира Короткого приговорили к заключению в исправительное арестантское отделение сроком на один год с лишением особых прав и привилегий. Столь суровый приговор для многих явился полной неожиданностью.



Учитывая неординарность дела и высокопоставленность подсудимого, итоги расследования представили императору. Окружение Рейнбота не теряло надежды на смягчение приговора. И эта надежда оправдалась: оба были помилованы. В телеграмме на имя Николая II Рейнбот писал: *«Дерзаю припасть к стопам Вашего Величества и принести мою всеподданнейшую благодарность за высокую оказанную мне милость. Служа верой и правдой Вам, Государь, и Родине, я был страшно потрясен теми подозрениями, которые тяготели надо мною, и страдания мои увеличивались от возможности потери доверия*

Бутырская тюрьма

Вашего Величества. Последняя Ваша милость сделала меня бесконечно счастливым, и я молю Бога, чтобы он дал мне возможность в будущем на деле оправдать Ваше высокое ко мне доверие».

Необходимо отметить, что при Рейнботе было проведено перевооружение московских городовых на более современные образцы оружия, улучшен быт полицейских, пожарных и сторожевой службы, введены наградные выплаты. Эффективное исполнение должности московского градоначальника создавало возможность для ещё более высокого карьерного роста, а это не нравилось многим «власть предержащим» и создавало влиятельных врагов. Так что высока вероятность, что судебное дело во многом было проявлением «внутриэлитной» борьбы поздней Российской империи.

Конечно, не от хорошей жизни градоначальник манипулировал казёнными деньгами. Рейнботу не раз приходилось убеждаться, что, если надеяться на помощь петербургских чиновников, любое дело будет похоронено в процессе безрезультатной переписки с министерством. Лишним подтверждением тому послужила история с велосипедами.

С установлением тёплой погоды революционеры стали устраивать митинги в бывших пригородных местностях, которые с мая 1906 года были включены в черту Москвы. Все попытки полиции арестовать зачинщиков нелегальных сборищ и выступавших на них агитаторов заканчивались неудачей. О приближении опасности участников сходок предупреждали дозорные-велосипедисты. Опередить их не могли не только пешие городовые, но и конные жандармы. Тогда генерал Рейнбот купил на собственные средства десять велосипедов, посадил на них переодетых в штатское городовых, а те уже не ударили лицом в грязь. Внезапным «наездом» они снимали линию охранения, после чего вступали в дело главные силы. Митинги сразу пошли на убыль.

Когда же градоначальник, сославшись на успешные результаты первых опытов, попросил ассигнований ещё на десять велосипедов, из Петербурга пришел отказ (денег в казне нет!), а уже понесённые затраты посоветовали возместить из средств, предназначенных на канцелярские или хозяйственные расходы. В условиях царской России, где каждая статья расходов имела Высочайшее утверждение, такую рекомендацию можно было счесть за насмешку, поскольку спустя некоторое время те же чиновники МВД могли обвинить генерала в незаконном манипулировании бюджетом полиции.

Наверняка не обошлось без нарушения инструкций, когда по приказу градоначальника все полицейские участки обзавелись самоварами и чайными принадлежностями, а начальник резерва стал получать наличные деньги для закупок чая и сахара. Зато городовые, находившиеся практически на казарменном положении, после дежурств на морозе всегда могли согреться бодрящим напитком.

Точно так же Рейнбот действовал в обход устаревших правил, когда возникла необходимость срочно обустроить полицейские участки. После подавления Декабрьского вооружённого восстания городские тюрьмы не смогли вместить всех подследственных по политическим делам. Тогда их стали помещать в камеры участков, набивая в них людей сверх всяких норм. Вскоре «на воле» стало известно о тяжёлом положении узников: они задыхались от миазмов в переполненных камерах, спали на голых досках или прямо на полу, страдали от паразитов, месяцами не имея возможности побывать в бане и сменить бельё. Арестанты даже чая не могли попить, поскольку не хватало посуды.

Узнав об этом, генерал Рейнбот принял срочные меры. Прежде всего он издал инструкцию, которая обязывала смотрителей полицейских домов изменить условия содержания подследственных: *«...Помещать в камеры арестованных не свыше нормы, считая по одной кубической сажени на человека... Принять от города предназначаемые для арестованных — по нормальному их числу: а) тюфяки, набитые соломой, и подушки, набитые сеном; б) то бельё, которое будет через городскую управу доставлено; в) по числу кроватей одеяла и г) посуду. Означенные вещи, оставаясь собственностью города, поступают в распоряжение смотрителей полицейских домов, и смотрители обязаны по требованию города в полученных вещах представлять ему отчёт, а также для проверки и самые вещи».*

С началом Первой мировой войны, в 1914 году, отставной генерал, сменив свою немецкую фамилию на Резвой, добровольно вернулся на службу и отправился на передовую. На протяжении практически всего 1915 года Резвой был генералом для поручений при начальнике снабжения Северо-Западного фронта. С октября 1915 по июль 1917 года он был прикомандирован к 17-й пехотной дивизии и в то же время, с лета 1916 по начало 1918 года, непосредственно командовал 40-й пехотной дивизией.

Существует версия, что супруги Морозова и Рейнбот разошлись в 1916 году. Известно, что их брак был церковным, следовательно, оформить развод, особенно по тем временам, было практически невозможно. Да и был ли развод на самом деле? С 1914 года Рейнбот на фронте, Морозова живёт в усадьбе в Горках, воспитывает детей, занимается вопросами хозяйства имения. По большому счёту у неё не было причин расставаться с мужем. Кроме того, развод одной из самых богатых женщин России и отставного генерал-майора, пребывающего на фронте, не остался бы без внимания общества. Об этом писали бы все газеты, и разговоры среди их окружения не утихали бы долгое время. А так как никаких документальных подтверждений их разрыву нет, эта таинственная история так и остаётся неразгаданной.

Во всех источниках отсутствует дата смерти (возможно, гибели) генерала. Разница составляет два года. По относительно достоверным историческим источникам Анатолий Рейнбот (Резвой) был участником Гражданской войны в Добровольческой армии под командованием Антона Деникина и погиб на фронте в 1920 году. По другим сведениям, восходящим к воспоминаниям некоторых членов семьи, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года Рейнбот был арестован в Петрограде и заключён в камеру в Александро-Невской части. До конца года либо сам скончался, либо расстрелян ЧК.

Немало мифов, тайн, до сих пор неизведанного и загадочного содержат в себе биография Анатолия Рейнбота. Его жизнь была насыщена событиями, были как взлёты, так и внезапные падения. Осталось много вопросов, а удастся ли на них найти ответы — покажет время.

Сергей ОСТАШЕВ,
с использованием исторических материалов,
фото из открытых источников

Личным правилом было: не навреди

Московский градоначальник генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Александр Александрович АДРИАНОВ на данную должность был назначен высочайшим указом от 7 февраля 1908 года и пробыл в этом статусе 7 лет. За эти семь лет московская полиция в том числе благодаря градоначальнику превратилась в образцовый механизм раскрываемости преступлений, что и было отмечено в 1913 году на Международном съезде криминалистов. На этом фоне личное (вынужденное) прошение Адрианова об отставке в 1915 году по требованию министра внутренних дел и постановление Московской судебной палаты о привлечении Адрианова в качестве обвиняемого «за бездействие и превышение власти» можно расценить как удивительный и не совсем справедливый исторический парадокс.

При жизни Александр Александрович Адрианов не был причислен к галерее выдающихся личностей. Один из его современников высказывался, что он «аккуратный, незаметный работник», что «строгий законник», что «популярности не искал, работал честно и добросовестно», при этом упрекал генерала в «кабинетности». Между тем более близкое знакомство с биографией Адрианова позволяет говорить о том, что эта личность заслуживает гораздо большего уважения.

Военный юрист

Будущий московский градоначальник родился в 1861 году — в год отмены крепостного права. Получил отличное образование сначала в петербургской гимназии, затем было 1-е Павловское военное училище, а потом Александровская военно-юридическая академия. Государеву службу начинал с подпоручика в 108-м пехотном Саратовском полку. На ратном поприще честно тянул армейскую лямку, дослужился до полковника. Во время службы был прикомандирован к прокурорскому надзору Варшавского военно-окружного суда, затем был период службы в Петербургском военно-окружном суде. Как офицер

с отличным юридическим образованием, он занимал различные должности: был помощником военного прокурора, военным следователем. Участник русско-японской войны 1904—1905 годов, исполнял должность военного следователя суда Маньчжурской армии. В 1906 году Александр Александрович стал военным судьёй Московского военно-окружного суда. На новой службе Адрианов отлично проявил себя, и уже через год ему присвоено звание генерал-майора. Он был переведён в столицу — стал военным судьёй Петербургского военно-окружного суда. Правда, в новой должности пробыл недолго, поскольку получил предложение стать московским градоначальником. Юрист, служитель закона, здравомыслящий, добросовестный человек с 26-летним опытом прилежной и беспорочной службы на ответственнейших постах и отличной выучкой — он весьма подходил для новой высокой должности.

Слуга порядка

На первом официальном представлении должностных лиц новому градоначальнику Москвы Адрианов свою позицию обозначил так: «Главное условие службы — соблюдение законности, а я всегда готов идти навстречу нуждам служащих». Особое внимание на этой встрече он обратил на недопущение в Белокаменной беспорядков.

Службу на новом поприще генерал начинал без показухи и спешки, демонстративными преобразованиями не увлекался, подчинённым внушал требования соблюдать законность, действовать энергично, проявлять преданность делу охраны общественного порядка — так его самого напутствовал перед вступлением в должность тогдашний премьер-министр П.А. Столыпин. Новый градоначальник как-то сразу пришёлся в Москве ко двору, поскольку держался незаносчиво, но и без панибратства. Известно, что все более-менее решительные действия он тщательно согласовывал с вышестоящими инстанциями, руководствуясь личным правилом: не навреди!

За такую осторожность некоторые корили его. На самом деле все разумные инициативы Александр Александрович только поощрял. Скажем, задавшись целью искоренить так надоевшее москвичам уличное хулиганство, градоначальник помог осуществить эффективные преобразования. Вместе с городовыми в борьбу с хулиганами включилась сыскная полиция. Хулиганов доставляли в отделы учёта, используя при регистрации специальные анкеты жёлтого цвета. После заполнения анкеты хулиган отпускался домой. Но перед выходом он должен был подписать документ, в котором говорилось, что гражданин поставлен на учёт и при повторном задержании за уличные безобразия он будет в административном порядке выслан из Москвы. Угроза высылки оказалась настолько действенной, что лишь немногие уличные дебоширы отваживались на повторные прилюдные безобразия. Важное содействие градоначальника разумным инициативам подчинённых отмечал тогда и виртуоз российского сыска Аркадий Францевич Кошко — период его руководства московской сыскной полицией в точности совпадает с периодом градоначальства Адрианова. И именно в то время московская сыскная полиция была признана лучшей в мире. С благословения градоначальника Аркадий Кошко провёл модернизацию сыскной полиции. И даже с помощью того же Адрианова добился учреждения Дня московской сыскной полиции — праздник пришёлся на 14 октября (1 октября по старому стилю). Вплоть до Октябрьской революции московские сыщики дружно отмечали именно эту дату.

В предписаниях полицмейстерам и приставам градоначальник требовал вести активную грамотную работу с населением, уделять больше времени неформальному общению для получения необходимой информации. С приходом генерал-майора Адрианова в Москве также началась борьба с расплодившимися домами терпимости. В январе 1910-го был закрыт последний. С самой лучшей стороны показал себя градоначальник при организации порядка на крупных общественных мероприятиях. За образцовое проведение столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года был поощрён зачислением в Свиту Его Императорского Величества по армейской пехоте. А в 1913 году в Москве прошло пышное празднование 300-летия Дома Романовых, полицейское обеспечение которого Адрианов организовал в лучшем виде.

На первый раз прощаю

На пору правления в Москве генерал-майора Адрианова пришлась Первая мировая война. Градоначальник и здесь проявил себя как отличный администратор. В связи с трагическими событиями 11 июля 1914 года Москва и Московская губерния были объявлены в положение чрезвычайной охраны, а градоначальнику Адрианову были предоставлены права главноначальствующего над Москвой. Одними из первых изданных им постановлений были постановления «Об изъятии из общей подсудности и передачи военно-окружному суду дел о вооружённом сопротивлении властям и устройстве стачек» и «О воспрещении продажи и распития спиртных напитков в ресторанах города Москвы».

Несмотря на полученные чрезвычайные полномочия, градоначальник старался действовать энергично, но без излишней жестокости. Благодаря умелым и рациональным действиям Адрианова паника в Москве не была допущена. Как писал москвич Н. Щапов, «наша мобилизация прошла образцово и быстро, она была организована дельным начальником». Градоначальствующий вникал во все мелочи вплоть до того, что обязал владельцев магазинов осуществлять торговлю и в будни, и в праздники, чтобы направляемые на фронт военные могли приобрести необходимые им товары.

Современники той поры особо отмечали, что высокий статус главноначальствующего над Москвой не превратил Адрианова в жестокого и тупого администратора. В те дни горожане пересказывали друг другу историю, свидетельствующую о незлобном характере генерала. Из-за введения «сухого закона» в связи с военным положением спиртное в ресторанах подавали под видом чая. Адрианов однажды зашёл для проверки в ресторан, взял с обеденного стола чайную чашку, понюхал её содержимое (явно спиртное) и с укором спросил у ресторатора: «Чем пахнет?» Ресторатор смутился, а затем лукаво ответил: «Тремя тысячами», — имея в виду величину штрафа, установленного самим главноначальствующим за нелегальную продажу крепких спиртных напитков. А Адрианов на такой шутливый ответ только рассмеялся: «Ну, на первый раз прощаю».

Нашли крайнего

В начале мая 1915 года главноначальствующим над Москвой был назначен князь Ф.Ф. Юсупов, а А.А. Адрианов снова стал градоначальником. Высокое сословное положение Юсупова вынуждало Адрианова исполнять, как писали современники, «глупые и несуразные распоряжения Юсупова». К исходу весны в городе стало неспокойно — начались так называемые «немецкие погромы», поскольку Германия вела войну против России. В течение трёх дней, с 27 по 29 мая 1915 года, по Москве шатались толпы людей, которые в патриотическом угаре громили конторы, магазины и квартиры, принадлежащие гражданам немецкой национальности. Градоначальник Адрианов оказался в двойственном положении: с одной стороны, нужно было наводить порядок. А с другой — имелись чёткие распоряжения МВД о запрещении применения силы для разгона патриотических демонстраций. Чиновники из МВД советовали в таких случаях действовать только уговорами. И в такой ситуации действия полиции ограничились взятием под охрану немцев-предпринимателей.

Когда уличные беспорядки стихли, была создана специальная следственная комиссия. Как водится в подобных случаях, зачинщиков беспорядков установить так и не удалось, а московскую полицию обвинили в бездействии. Крайним и оказался А.А. Адрианов. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков негативно оценил действия градоначальника и потребовал, чтобы тот подал прошение об отставке. Но не всё на этом закончилось. Через несколько месяцев Московская судебная палата издала постановление, по которому Адрианов должен быть привлечён к ответственности в качестве обвиняемого в бездействии и превышении власти во время событий 27—29 мая. Что было дальше? Как это ни странно, далее следы бывшего градоначальника Адрианова теряются — сказались бурные события тех лет. Известно только, что Александр Александрович Адрианов из России не уезжал и скончался в городе Москве 9 марта 1918 года.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

«Всё отдавший России»

Евгению КЛИМОВИЧУ за свою жизнь довелось дважды оказаться на посту московского градоначальника.

Евгений Константинович родился 24 января 1871 года в Витебской губернии. Происходил из древнего, но обедневшего литовского дворянского рода. По 1-му разряду (сегодня сказали бы «с отличием») окончил Полоцкий кадетский корпус и 1-е военное Павловское училище. Служил в пехотных и сапёрных частях.

Военную карьеру Климович решил не продолжать, и в 1898 году в его судьбе наступает переломный момент — он прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов. После прохождения испытательного срока официально зачисляется на должность адъютанта Волынского губернского жандармского управления. Корпус жандармов и Департамент полиции МВД являлись центральными органами политического сыска Российской империи, защищавшими спокойствие и порядок в обществе. Большинство жандармов, как идейные противники революции, боролись со всевозможными террористами и анархистами, пытающимися подорвать государственный строй.

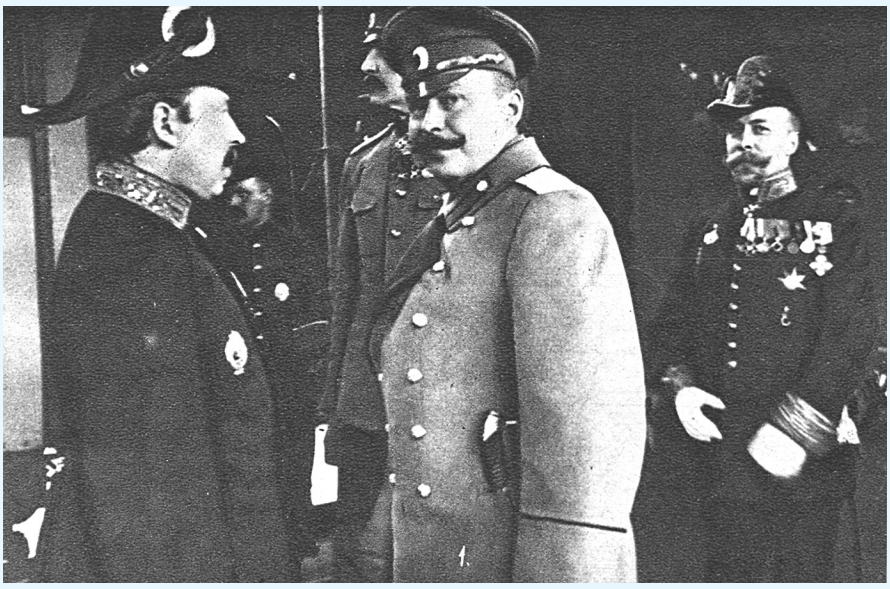
Дальнейшая служба Евгения Климовича проходит в уездных жандармских управлениях на территории Царства Польского. В 1904 году Климович, дослужившийся к тому времени до чина ротмистра, возглавил Виленское охранное отделение. По итогам проверки Департаментом полиции работы местных охранных отделений с секретной агентурой он получает высокую оценку.

В 1905 году в России вспыхнула революция. В это время Климович был прикомандирован к штабу Корпуса жандармов с назначением в распоряжение Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. Одновременно назначен на должность Виленского полицмейстера. Евгений Константинович пресёк деятельность нескольких групп революционеров, за что местные террористы жестоко ему отомстили. 27 октября 1905 года в Климовича бросили бомбу. Он остался жив, но получил тяжёлое ранение осколком в левую ногу. В результате до конца жизни носил особый бандаж на ноге и всегда высокие сапоги, при этом несколько прихрамывал.

Однако это неудавшееся покушение только способствовало продвижению Евгения Константиновича по карьерной лестнице, и за отличие в службе в январе 1906 года он назначается начальником Московского охранного отделения. Это был один из важнейших постов царского политического сыска. Климович произведён в чин подполковника.

Во время пребывания в должности руководителя Московского охранного отделения Климович успешно использует свою секретную агентуру. Его лучший сотрудник Зинаида Фёдоровна Жученко-Гернгросс была членом областного комитета партии социалистов-революционеров. Благодаря ей удалось избежать большого количества убийств и террористических актов, на некоторое время остановить деятельность эсеров-террористов.

В апреле 1907 года Климович становится исправляющим делами помощника московского градоначальника. В.Ф. Джунковский, занимавший тогда должность вице-губернатора, а затем и губернатора города, характеризовал его так: «Климович



Офицеры на праздновании 5-й годовщины вступления генерал-лейтенанта Врангеля в должность главнокомандующего ВСЮР в Крыму. Белград, 22 марта 1925 года

представлял из себя выдающегося по уму администратора. Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, это был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным... Я лично очень ценил его способности и считал его выдающимся для полицейской службы человеком, поэтому в бытность мою товарищем министра выдвинул его в серьёзную минуту на пост московского градоначальника и не ошибся в этом».

Карьера Климовича продолжает стремительно развиваться благодаря его энергии и деятельности, и уже в июле 1907 года «за особое отличие» он был произведён в чин полковника, а с ноября 1907 по март 1908 года исправлял должность московского градоначальника. 22 июля 1908 года Климович снова переводится в Отдельный корпус жандармов и через год прикомандировывается к штабу корпуса. Он составляет «Краткую таблицу важнейших политических партий России», а позднее выходит в свет его монументальный труд — книга «Обзор революционного движения».

В июле 1909 года Климович назначается исправляющим обязанности заведующего Особым отделом Департамента полиции, работа в котором была сильно запущена. Климович руководил отделом всего четыре месяца, но за этот короткий срок смог улучшить положение вещей в отношении надзора за политическими партиями и организациями в крупных городах и губерниях.

В апреле 1913 года Климович произведён в чин генерал-майора, а в ноябре вступает в должность градоначальника в Ростове-на-Дону. Начинается Первая мировая война, и Климович успешно проводит в городе всеобщую мобилизацию военнообязанных. Был награждён орденами святого Владимира III и IV степеней и святого Станислава I степени.

На фоне развернувшейся Первой мировой войны в России начались массовые беспорядки. В Москве озверевшая толпа громила дома и фирмы, которыми владели люди с немецкими фамилиями. Градоначальник не справился с ситуацией и покинул свой пост. Тогда в июне 1915 года по рекомендации заместителя министра внутренних дел генерал Климович вторично возглавляет Москву. Он видит, как в стране начинается переполох: министры меняются один за другим чуть ли не каждые полгода. В народе нарастает недовольство императором и усталость от долгой войны. Евгений Константинович ощущает приближение революционных потрясений для Отечества и готовится к худшему. Уже в 1915 году в Москве под его руководством создаётся план совместного использования сил полиции и армии для подавления мятежей и волнений. При необходимости Климович всегда был готов перейти к решительным действиям. Так, под его личным руководством 14 сентября 1915 года были жестоко подавлены беспорядки на Страстной площади. В тот день городовые высадили из трамвая пьяного солдата. Хулиган стал ругать полицейских, назвал «тыловыми крысами», обвинил в том, что те без повода накинулись на «героя войны». Дебошир начал призывать окружаю-

щих вступиться за него. Толпа обывателей послушалась и накинулась на городовых с кулаками, досталось и полицейским, пришедшим к ним на помощь. Потасовку удалось остановить только с прибытием воинской команды во главе с градоначальником Климовичем. Он приказал открыть огонь. В результате несколько человек были ранены, кто-то убит, а остальные в испуге разбежались.

Конец 1915 — начало 1916 года — вновь череда отставок в Министерстве внутренних дел. Министр в этих условиях ищет надёжного помощника и находит, добившись назначения Климовича директором Департамента полиции с полномочиями товарища (то есть заместителя) министра внутренних дел. На данном посту Евгений Константинович пробудет недолго — с 14 февраля по 15 сентября 1916 года.

Вскоре Климович становится сенатором. После свержения государя Николая II его допрашивала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Когда власть в Петрограде захватили большевики, Климовичу удалось уехать на юг, где бывший директор Департамента полиции вступил в Добровольческую армию. У барона Врангеля он занял пост начальника Особого отдела штаба армии в чине генерал-лейтенанта (отдела контрразведки, направленного на борьбу с большевистскими агентами в тылу армии). Климовичу удалось быстро и полностью дезорганизовать работу большевистских агентов в тылу русской армии. Было их ликвидировано около двухсот человек. Затем Климович возглавил не только Особый отдел, но и личную охрану генерала Врангеля. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года проживал в Белграде.

Генерал-лейтенант Русской армии Евгений Константинович Климович скончался в июне 1930 года в Югославии в русском госпитале города Панчево. По официальным данным, он умер от болезни сердца, но согласно некоторым свидетельствам был отравлен завербованными агентами ОГПУ. Допустим, что это действительно так. Старый генерал, который одержал в своей жизни столько блистательных побед, потерпел тяжёлое поражение. Из-за чего? Всё дело в том, что если в царские времена существовало чёткое разграничение на «своих» и «чужих», то в эмиграции противник оказался среди, казалось бы, проверенных людей. Евгений Константинович в силу своей честности и благородности просто не ожидал обмана и предательства.

Эмигрантская пресса от Парижа до Нью-Йорка, конечно же, не прошла мимо скорбной вести о смерти Климовича. В белградской газете «Новое время» по этому поводу писали: «Ушёл преждевременно из жизни верный слуга Царя и Отечества, всё отдавший России».

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА,
фото из открытых источников

Штаб русской армии
перед отъездом Трухачёва в Бельгию

Последний в строю градоначальников

Генерал-майор гвардейской кавалерии Вадим Николаевич ШЕБЕКО был назначен московским градоначальником в середине февраля 1916 года. В должности он пробыл год. Год, наполненный самыми драматическими и судьбоносными для империи событиями.

Видный российский государственный деятель Владимир Джунковский, учившийся в Пажеском корпусе вместе с Шебеко, а затем пересекавшийся с ним по службе, дал ему такую характеристику: «...это был умный, довольно толковый администратор, но несколько суетливый, не обладавший должным спокойствием, качеством, необходимым для губернатора. Недостатком у него было и чересчур большое самомнение». Что ж, взгляд, как видим, довольно критический. Возможно, офицеры не поделили что-то (или кого-то) в молодости?

Несколько иное суждение о Шебеко высказал в своих мемуарах Александр Мартынов, бывший начальник Московского охранного отделения: «...прекраснейшей души человек, джентльмен, но «никакой» администратор». Особенно удивляет у него в тексте такое замечательное свойство души нового градоначальника: «К полиции, жандармерии, к уголовному сыску, к политическому розыску он, конечно, по своему воспитанию и навыкам не мог относиться в лучшем случае, как только с предубеждением. Это чувствовалось».

Напомним, все эти отделения местных органов правопорядка находились под непосредственным руководством Вадима Шебеко. Лично для Мартынова эта ситуация была хороша тем, что градоначальник предоставил ему полную свободу действий.

Гораздо лучше оценивал мемуарист личные качества своего начальника: «Генерал Шебеко, в прошлом гвардейский офицер, флигель-адъютант, вице-губернатор в Гродно, затем в Саратове и губернатор в Гродно, был человеком придворной складки, в котором сразу же угадывалось прекрасное воспитание, соединённое с налётом англоманства при врождённом русском барстве и легко ощутимом верхоглядстве. Всё, взятое вместе, ежели это не касалось непосредственно служебных вопросов, очень располагало к генералу; к тому же сразу чувствовалась его порядочность и честность. Несмотря на военную форму, новый начальник не походил на настоящего военного; это был скорее джентльмен в элегантной военной форме. Лет пятьдесят, выше среднего роста, худощавый шатен с проседью, усами и бородкой «царской складки», Вадим Николаевич производил очень приятное впечатление».

В этой характеристике бегло обозначены служебные вехи нового градоначальника. Уточним их. Родился в 1864 году в семье генерала Николая Игнатьевича Шебеко и Марии Ивановны Гончаровой (племянницы Натальи Гончаровой, супруги знаменитого поэта). После окончания Пажеского корпуса начал службу в Кавалергардском полку. Служил старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, находился в распоряжении военного агента в Константинополе. Затем занимал должности военного агента в США (1899—1901) и Германии (1901—1905). В 1904—1905 годах состоял при германском императоре. В 1905 году вернулся в Россию и служил в Генеральном штабе (1905—1913). Затем занимал посты Саратовского вице-губернатора (февраль—октябрь 1913), Гродненского губернатора (1913—1916).

В новой должности подчинённые характеризовали Вадима Шебеко как исключительно приятного начальника, всегда ровного и деликатного: «На него можно было положиться смело — этот не предаст, чтобы спасти себя!» Между тем в московском обществе он не пользовался популярностью. Может быть, он был слишком петербуржец, а Москва этого не любила.

Когда для встречи Нового 1917 года он попытался собрать в большой зал градоначальства представителей московского общества во имя «единения власти и общества», как это несколько наивно и простодушно говорилось когда-то, ничего из этой затеи не вышло. Вышел конфуз, ибо собралась небольшая группа, но совсем не того общества, которое предполагалось градоначальником.

Своеобразное отношение градоначальника к полиции не могло не сказаться на образе действий его подчинённых. Автор анонимного письма, пожелавший, по его признанию, «высказать сущую правду», попытался открыть глаза Шебеко на положение дел в полицейских участках:

«Прошу Ваше Превосходительство принять меры санитарные. Пристав 2-го участка Якиманской части сидит, как медведь в берлоге, и боится нос высунуть, и о своём участке ничего не знает, что у него делается. Занимают места приставы при участках, получают жалованье, а за что, неизвестно. Калужская площадь и Калужская улица — там, в чайных лавках, как в праздники, так и в будни, масса пьяных. Но есть обязательное постановление градоначальства — должны пристава принимать меры и штрафовать содержателей чайных лавок за распитие суррогатов водки».

Из письма другого доброжелателя видно, что пристав 2-го Арбатского участка Жичковский и его помощник Шершнёв не сидели сиднями, а напротив, развили бурную деятельность. Только не в том направлении:

«Когда Жичковский, расплодив в своём участке всюду тайную торговлю вином и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его, четыре месяца тому назад, перевели в 3-й Пресненский участок. Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершнёв, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и за пристава в тройном размере».

Эти строки отчасти свидетельствуют о состоянии московской полиции в предреволюционные месяцы. Да, генералу Шебеко судьбой было назначено командовать полицией в дни Февральской революции. Разумеется, блестящий гвардеец не смог организовать защиту самодержавия в отдельно взятой Москве. Ему не удалось ни воспрепятствовать движению демонстрантов к зданию городской Думы, ни разгромить штаб восстания, пока оно не набрало силу. Хотя в том, что такая возможность существовала, позже признался участник событий Александр Вознесенский:

«Чем ближе к Думе, тем больше народа на тротуарах: шпалерами вытянулись чёрные толпы вплоть до Охотного Ряда. Но дальше Охотного в сторону Думы — пустыня. Боязнь сковала любопытных. Впереди за пустым промежутком снова темнеют люди. Эти уже действуют. Их немного, до смешного немного... Когда наш автомобиль остановился на площади, раздавая солдатам последние прокламации, моим глазам представилась следующая картина: человек около ста молодых солдат расположились на позиции, спиной к Думе. Несколько маленьких пушек были устремлены жерлами в сторону Театральной площади, одна направлена в сторону Тверской. На лицах солдат я видел выражение неуверенности и волнения. Активная революционная группа была совершенно незначительна, энергичного отпора она ещё не смогла бы дать. Сразу бросалось в глаза, что она беззащитна с тыла. Со стороны Иверских ворот не было ни часовых, ни вообще какого-либо прикрытия.

У градоначальника Москвы Шебеко был план пустить конных и пеших городовых на революционеров со стороны Никольской улицы. Если бы эту атаку удалось провести решительно, революционное ядро было бы смято с тыла, и неизвестно, кончилась ли бы так легко московская революция.

Утром 28 февраля 1917 г., когда рядовые полицейские ещё находились в местах, определённых им приказами, градоначальник стал готовиться к спасительному бегству. Позже, во время следствия, проведённого представителями демократической власти, была восстановлена подробная хронология его действий. Сначала он, запершись в кабинете, был занят написанием писем и переговорами по телефону. В полдень Шебеко вышел в приёмную. Прислуге, собравшейся по его просьбе, генерал выплатил положенное жалованье, добавив от себя щедрые чаевые. Затем он надел шинель, папаху и покинул квартиру.

Через несколько дней он и его заместитель Назанский были арестованы на квартире последнего и препровождены в Кремлёвскую гауптвахту».

Заключение под стражей генерала Шебеко длилось недолго. Его жена с разрешения новой власти разделила с бывшим градоначальником тяготы тюремного заключения. Супругам было позволено держать при себе прислугу.

Судя по сведениям из справочных изданий, новая власть и смещённый градоначальник оказались лояльны друг к другу: в апреле 1917-го Шебеко был уволен со службы (задним числом) по прошению с мундиром и пенсией.

Должности градоначальника и его помощника были ликвидированы в сентябре 1917 года постановлением Временного правительства «Об упразднении и преобразовании градоначальничеств и об учреждении должностей столичных и городских комиссаров». Таким образом, Вадим Николаевич Шебеко оказался последним градоначальником Москвы.

После Октябрьской революции эмигрировал во Францию. Скончался в 1943 году в Париже.

Артём КИРПИЧЁВ,
фото из открытых источников

Красный градоначальник

Закалённый «отпылавшим огнём революций» Михаил РОГОВ являлся гражданским комиссаром Москвы, то есть первым оказался во главе стражей правопорядка города, а ещё стал одним из организаторов милиции молодой Республики.

На северо-западе столицы, в районе Щукино, находится улица Рогова. В память московского комиссара по гражданской части Михаила Ивановича Рогова, которого современники уважительно величали красным градоначальником, его имя в 1965 году присвоили бывшему Клубному переулку.

Назначение гражданским комиссаром города

Михаил Рогов (настоящая фамилия — Иванов) родился в ноябре 1880 года. Сын железнодорожного служащего, он в 1913 году экстерном окончил юридический факультет Московского университета.

Участвовавший в декабрьском вооружённом восстании 1905 года в Москве, Михаил Рогов впоследствии (в 1910—1911 годах) сотрудничал с большевистским изданием — журналом «Мысль». Тогда же, в 1910-х годах, член Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) Рогов подвергался арестам и ссылкам.

Начиная с марта бурного 1917 года, вёл работу в Московском совете и Центральном бюро профсоюзов. В октябрьские дни семнадцатого года прошлого века работал в Московском Военно-Революционном Комитете (ВРК).

В связи с установлением в России нового политического фундамента страны, в корне менялось и её государственное устройство. Понятно, необходимые изменения произошли и в системе охраны общественного, или как его тогда называли — революционного, порядка.

Как известно, строительство советской милиции осуществлялось на основании постановления НКВД РСФСР от 10 ноября (28 октября — по старому стилю) 1917 года «О рабочей милиции». Данное постановление, подписанное народным комиссаром по внутренним делам РСФСР Алексеем Ивановичем Рыковым и введённое в действие в качестве закона по телеграфу, стало юридической основой создания местной милиции. Однако при этом её органы не имели штатной структуры, из-за чего формирование отрядов рабочей милиции происходило, как правило, на добровольной основе.

16 ноября (3 ноября — по старому стилю) 1917 года Московский ВРК принял решение об организации Комиссариата по гражданской части города (Москвы). А уже на следующий день (17 ноября — по новому стилю) приказом того же органа власти Москвы (ВРК) комиссаром по гражданской части был назначен Михаил Иванович Рогов. Ему поручили сформировать органы охраны революционного порядка.

От исполкома Моссовета было дано согласие на избрание Совета московской милиции во главе с гражданским комиссаром города. В рамках своих полномочий указанный совет издавал приказы и распоряжения, руководил деятельностью территориальных (участковых) комиссариатов милиции Москвы. Так, советом было разработано Положение о милиции города, которое регламентировало задачи, структуру, вопросы службы, комплектования и подготовки кадров.

Обеспечивая охрану революционного порядка

Буквально с первых же шагов на своём трудном и ответственном посту гражданского комиссара Москвы Рогов последовательно выстраивал базовую основу для функционирования возглавляемых им сил правопорядка. Характерно, что уже первый распорядительный документ — приказ № 1 Совета московской милиции — обязывал всех милиционеров, признающих власть ВРК,

Михаил Рогов (сидит пятый справа) в группе членов Исполкома первого созыва Моссовета

с 18 ноября (5 ноября — по старому стилю) 1917 года приступить к исполнению служебных обязанностей. И одновременно был издан не менее примечательный приказ, по казённой формулировке, в целях восстановления порядка и обеспечения охраны жителей города. По данному приказу предусматривались конкретные меры по противодействию уголовной преступности: запрещались хождение по улицам после 20 часов без особых пропусков (они выдавались ВРК) и производство обысков без специальных ордеров Военно-Революционного Комитета.

Выполняя приказ № 1 совета, часть рядовых милиционеров признала власть ВРК и приступила к службе. Но на состоявшемся 22 ноября (9 ноября — по старому стилю) 1917 года собрании бывшие чины (командный состав) милиции Временного правительства отказались от сотрудничества с Советской властью. Более того, бросив работу, они приводили в беспорядок или уничтожали документы, похищали денежные средства, выносили ключи, печати, оружие... Разумеется, подобного рода демарши всерьёз осложняли деятельность милицейского аппарата только-только формировавшейся государственности совершенно нового образца.

Из отчёта члена Московского ВРК Григория Александровича Усиевича о деятельности этого комитета в ноябре 1917 года:

«...большинство служащих разбежалось, а в комиссариатах нам приходится вести работу с небольшой кучкой людей. Это нужно принять во внимание. Поэтому на нас самих, на наших организациях, на Красной гвардии лежит охрана порядка, ибо комиссариаты дезорганизованы».

С учётом сложившейся крайне тревожной обстановки в Москве, комиссар по гражданской части Михаил Рогов издал специальный циркуляр. В нём содержалось требование о принятии срочных мер к замещению вакантных должностей комиссаров и их помощников, немедленному вооружению милиционеров, признающих Советскую власть, и оказанию содействия Советам в подборе необходимых кадров.

В свою очередь, районные Советы провели значительную работу по укомплектованию милиции кадрами. Само за себя говорит то, что в ноябре-декабре 1917 года в Москве фактически во всех участковых комиссариатах районными Советами были назначены комиссары и их помощники. На эти посты в участковых комиссариатах утверждали прежде всего партийцев и представителей рабочего класса. Например, организатором и первым руководителем Замоскворецкой милиции стал рабочий-большевик Николай Николаевич Прямиков. К прискорбию, он в марте 1918 года погиб при обезвреживании опаснейших преступников из крупной банды.

Занимавшие низовые (рядовые) должности милиционеры, которые стали сторонниками Советской власти, приняли активное участие в выдвижении нового руководства. Скажем, на общем собрании милиционеров 1-го Яузского комиссариата приняли такое решение:

«...Сменить лиц командного состава и служащих канцелярии, объявивших забастовку. Мы, милиционеры, считаем, что забастовка лиц милиции командного состава в такое трудное <...> время есть преступление...».

Между тем, вскоре налицо уже было заметное пополнение рядов борцов с уголовной преступностью. В частности, поддержку Москве послереволюционной оказал Центробалт, который в декабре 1917 года принял решение срочно направить её стражам революционного порядка подмогу. Прибывший в город отряд балтийских моряков в дальнейшем составил ядро коллектива созданного в октябре 1918 года Московского управления уголовного розыска, а первым начальником МУУРа

(так в то время назывался легендарный МУР) стал Александр Максимович Трепалов — участник боёв во время империалистической (Первой мировой) войны.

Следует подчеркнуть, что особое внимание Совет московской милиции обращал на необходимость соблюдения революционной законности и дисциплины. Наряду с другими документами по этому вопросу, был издан приказ «О вежливом и корректном обращении всех служащих милиции с гражданами». В решениях совета неоднократно подчёркивалось, насколько важен и обязателен такой чётко обозначенный принципиальный подход.

Положение о народной милиции

На должности гражданского комиссара Москвы Михаил Рогов находился до июня 1918 года, и к тому времени милиция города существенно окрепла и месяц от месяца быстро набиралась опыта по выполнению своих непосредственных задач.

...10 декабря 1917 года на заседании МК РСДРП(б) совместно с представителями районов рассматривался вопрос о работе милиции. В принятом постановлении намечалось разграничение функций милиции и Красной гвардии. Последняя должна была привлекаться для оказания помощи милиции в наиболее серьёзных ситуациях. Спустя три недели, на состоявшемся 31 декабря 1917-го межрайонном совещании, была избрана специальная комиссия для реорганизации старой милиции и Красной гвардии.

Важным этапом в создании аппарата московских органов внутренних дел было принятие 29 января 1918 года Президиумом Моссовета «Положения о народной милиции г. Москвы». Положением определялось, чтобы во главе всего управления милицейским делом города стояли два должностных лица: комиссар по гражданской части и комиссар по наружной охране Москвы. В компетенцию первого из них входили все дела, касающиеся административной части управления городом, а в круг задач второго были включены вопросы, относящиеся к наружной охране Москвы. Назначение и увольнение этих руководителей городского уровня производилось Моссоветом, перед которым они, комиссары, отвечали за свою работу.

Реализуя нормы положения, Президиум Моссовета утвердил районных комиссаров милиции. При этом Москва была поделена на 5 районов — по 7—9 комиссариатов в каждом. Соответственно, в каждом участковом комиссариате для приёма и увольнения милиционеров были учреждены комиссии из представителей районного Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета милиции и от участковых милиционеров.

Как было записано в положении, Совет милиции определялся как административно-законодательный орган, состав которого был расширен. В него входили: комиссар по гражданской части; комиссар по наружной охране; районные комиссары (пять человек); комиссар по хозяйственной части; комиссар по уголовно-розыскной части; по два представителя от коллегии участковых комиссариатов и секции милиционеров. Причём последние четыре должности были не штатными, а почётными.

Согласно положению, исполнительными органами являлись участковые комиссариаты, которые состояли из следующих частей: уголовно-следственной, административной и наружной охраны.

А ещё, как предписывалось положением, были созданы вспомогательные органы комиссариата милиции: юрисконсультский отдел; школа резерва; конный и пеший резервы милиции; арестные дома; хозяйственная часть милиции; уголовно-розыскная милиция.

На государственной и хозяйственной работе

В 1917—1928 годах Михаил Иванович Рогов — член Исполкома и Президиума Моссовета, заместитель председателя Московского городского Совета. В 1929 году был назначен заместителем народного комиссара финансов СССР, а в 1930-м — председателем Госплана РСФСР. С 1934 по 1937 год московский выдвиженец возглавлял (в качестве председателя) бюджетную комиссию Всероссийского Центрального исполнительного Комитета (ВЦИК), а затем находился на хозяйственной работе.

Видный партийный и государственный деятель, он был делегатом VI съезда РСДРП(б) и нескольких съездов ВКП(б) — Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), являлся членом ВЦИК и его Президиума, входил в состав Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР.

Михаил Иванович Рогов умер 10 ноября 1942 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Подготовил Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников

«Держали так, что кровь выступала из-под ногтей»

Г.А. ГРИБ возглавлял столичную милицию с июня 1918 по октябрь 1919 года. И это всё, что мы о нём знаем. Удивительным образом информация о человеке, определявшем деятельность такого важного института, как московская полиция, испарилась.

Тем не менее некоторое представление о жизни и службе этого человека мы можем сложить для себя. Для этого необходимо вернуться в ту бурную, революционную эпоху и проанализировать события, происходившие в столице победивших большевиков.

В середине 1918 года, когда начальником милиции был назначен Гриб, Москва превращалась в столицу единого военного лагеря. Установление советской власти вызвало самую отрицательную реакцию руководства империалистических стран, которые начали военную интервенцию против России. Они оккупировали различные регионы: на севере высадились англичане и американцы, на западе — немцы, на юге — французы и греки, на Дальнем Востоке — японцы. У них были союзники внутри страны — представители свергнутых классов: помещики и капиталисты, а также буржуазные националисты разных мастей. Свой главный удар они направили на Москву.

В стране была введена обязательная воинская повинность. В Москве развернулось всеобщее воинское обучение (Всеобуч). 17 июля был опубликован Декрет о призыве трудящихся в Красную Армию. О размахе призыва можно судить по такому факту: только в Бутырском районе в период с июля-августа 1918 по апрель 1919 года была сформирована 21 часть. На фронт оправилась и часть столичных милиционеров.

В эти тревожные дни главной задачей стала борьба с контрреволюционными заговорами и мятежами. Милиционеры совместно с ВЧК участвовали в ликвидации заговора, организованного главой английской миссии в Москве Локартом. Было установлено, что совещания заговорщики проводили в американском посольстве. Было арестовано свыше ста заговорщиков.

30 августа 1918 года было совершено вооружённое нападение на Владимира Ильича Ленина. Его из пистолета трижды ранила эсерка Фанни Каплан. В ответ на это покушение, а также за убийство других известных большевиков новая власть начала так называемый красный террор.

В это же время начинается национализация московской промышленности и переделка народного хозяйства на социалистические рельсы. Это вызвало огромный оптимизм трудящихся, рост производительности труда и качества продукции. Так, фабрика Гензена имела 12 тысяч рублей долга, а когда она перешла в руки рабочих, то за короткий период дала свыше 200 тысяч прибыли.

Важнейшей проблемой того времени являлась продовольственная проблема. В Москве стали формировать продовольственные отряды и отправлять их в деревню. В эти отряды входили рабочие и милиционеры. В столице был введён классовый паёк. Он предусматривал 4 категории потребителей: 1 — тяжёлый физический труд; 2 — лёгкий физический труд; 3 — умственный труд; 4 — нетрудовые элементы. Позднее 1 и 2 категории были объединены.

Новая власть приступила к улучшению жилищных условий рабочего класса. Пролетарии стали переселяться из чердаков и подвалов окраин в благоустроенные дома и квартиры в центре города. При районных советах были созданы комиссии, которые вели эту работу. В 1918 году из Москвы были выселены 3200 человек, их жилая площадь передана рабочим.

Гражданская война и разруха вызвали к жизни эпидемию болезней. Вошь — эта носительница смертоносного сыпного тифа — была объявлена «врагом № 1».

В Москве к тому времени началась работа по приёму русских военнопленных, возвращавшихся из германского плена. Для них организовывали питательные пункты, снабжали одеждой.

1918 год — это время первых после революции переименований московских улиц.

Кроме того, советская власть стала вводить трудовую повинность для всех классов. Трудоспособные буржуа были мобилизованы в отряды трудового ополчения. Страна стала жить по принципу «кто не работает, тот не ест». Столичная буржуазия была обложена двухмиллиардным налогом. В стране всё отчётливее стала проявляться политика военного коммунизма.

Как писал Владимир Владимирович Маяковский: «От боя к труду — / от труда до атак, — / в голоде, в холоде и наготе / держали взятое, да так, / что кровь выступала из-под ногтей».

Таким же насыщенным на испытания и трудности был и следующий 1919 год. В Москве шли постоянные мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. В апреле зародилась традиция субботников, заработок от которых переводился в фонд Красной Армии.

Если 1918 год был посвящён борьбе с врагами революции на Восточном фронте, то этот период — это

период борьбы с генералом Деникиным, войска которого подошли к Москве. У белых были сторонники и союзники в столичном подполье. 25 сентября они взорвали здание Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, в котором проходило совещание ответственных партийных работников. В результате теракта погибли 12 человек и 55 были ранены. Вскоре подрывников арестовали.

Деникинские войска приближались, и Москва готовилась к городским боям. В эти дни газета «Правда» писала: «Наступил последний и решительный бой за спасение революции. На всех заводах и фабриках Москвы у рабочих повышенное настроение. Все осознают серьёзность момента. И поэтому всюду чувствуется бодрость, решительность». Осенью 1919 года Деникин был отброшен от столицы.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Безупречная честность!

Москва, 1919 год. Недавно созданная красная милиция переживает тяжёлые времена. Впрочем, как и вся столица Советской России, и вся огромная страна. На русских равнинах бушует Гражданская война.

В тылу невероятная разруха, бандитизм, голод и особенно досаждавший холод. Несмотря на трудности, красные милиционеры оставались верными стражами закона, исполняли долг, каким бы соблазнам ни подвергала их жизнь. Подтверждением тому служит документ, обнаруженный в Центральном государственном архиве Москвы.

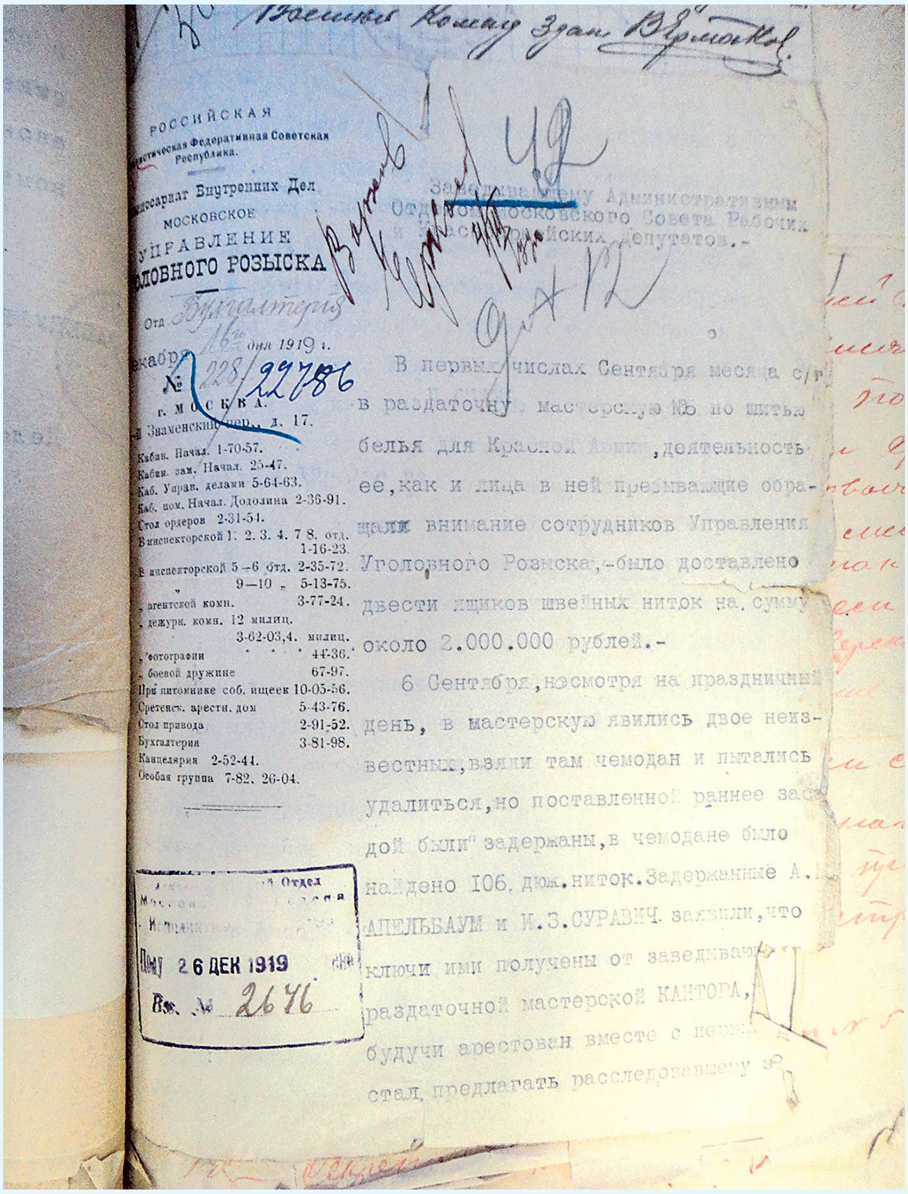
Итак, на бланке Управления уголовного розыска составлен рапорт на имя заведующего Административным отделом Московского совета рабочих и крестьянских депутатов (так тогда именовался начальник Московской милиции — *Прим. автора*). Прежде чем перейти к содержанию документа, несколько слов о самом бланке — на нём указан не только адрес Управления уголовного розыска (1-й Знаменский переулок, дом 17), но и телефоны руководителей управления и многих его служб — всего 17 номеров. Похвальная открытость и доступность. И это в 1919 году!

Но вернёмся к тексту рапорта (орфография, пунктуация и стиль документа сохранены — *Прим. автора*).

«В первых числах сентября 1919 года в раздаточную мастерскую № 105 по шитью белья для Красной Армии, деятельность её, как и лиц в ней пребывающих обращали внимание сотрудников Управления уголовного розыска, что было доставлено двести ящиков швейных ниток на сумму 2 000 000 рублей.

6 сентября, несмотря на праздничный день в мастерскую явились двое неизвестных, взяли там чемодан и пытались удалиться, но поставленной ранее засадой были задержаны, в чемодане было найдено 106 дюжин ниток. Задержанные А.М. Апельбаум и

И.З. Сурвич заявили, что ключи ими получены от заведывающего раздаточной мастерской Кантора. Он, будучи арестован с первыми, стал предлагать расследовавшему дело инспектору Управления Уголовного Розыска ликвидировать дело за вознаграждение в 75 000. Для успешности и скорейшего раскрытия, с разрешения была взята взятка чрез жену Кантора, которая с некием Абержинским явились в Управление ликвидировать дело по поручению главных участников в деле Гельфера и Волковысского, причем Абержинскиий при освобождении арестованных и снятии печати с ниток, обещал 500 000 (пятьсот тысяч).


РОССИЙСКАЯ Социалистическая Федеративная Советская Республика.
Комиссариат Внутренних Дел
МОСКОВСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
Отд. Бухгалтерия
16-го декабря 1919 г.
№ 228/22786
г. МОСКВА.
Знаменский пер., д. 17.

Заведывающему Административным Отделом Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.-

В первых числах Сентября месяца с/г в раздаточную мастерскую №5 по шитью белья для Красной Армии, деятельность ее, как и лица в ней пребывающие обращали внимание сотрудников Управления Уголовного Розыска, - было доставлено двести ящиков швейных ниток на сумму около 2.000.000 рублей.-

6 Сентября, несмотря на праздничный день, в мастерскую явились двое неизвестных, взяли там чемодан и пытались удалиться, но поставленной раннее засадой были задержаны, в чемодане было найдено 106 дюж. ниток. Задержанные А. АПЕЛЬБАУМ и И.З. СУРАВИЧ заявили, что ключи ими получены от заведывающего раздаточной мастерской КАНТОРА, будучи арестован вместе с ними стал предлагать расследовавшему

26 ДЕК 1919
Вх. № 2676

В дальнейшем при активном участии агентов Управления Перевозчикова, Булкина и суб-инспектора Сауле удалось задержать и главных виновников хищения: Д.И. Вол... (неразборчиво), М.Г. Гельфера и агента приёмщика обмундировочного Отдела Военных Заготовок В.С.Н.Х. (Всероссийский совет народного хозяйства — *Прим. автора*) Д.Л. Шнейдера С задержанием их дело представилось в следующем виде.

Д.Л. Шнейдер в конце Августа с/х получил от Отдела Военных Заготовок наряд на три вагона швейных изделий и сдать 2 вагона в Отдел швейной промышленности, а 1 вагон в склад «Воензага». Последний вагон он передал спекулянтам: Гельферу, Волковысскому и Суравичу и заключил сделку о продаже всего вагона за 18 000 000 руб., причем половина денег 9 000 000 руб. должны быть (отданы) ему, Шнайдеру.

Попутно были задержаны крупные спекулянты Рен... (неразборчиво), Гиршвейн, Синдерук и Энвельд. Все вышеперечисленные переданы в М.Ч. К.

Подтверждая вышеизложенное, прошу Вас назначить в моё распоряжение 25 000 рублей для выдачи их указанным сотрудникам, как проявившим в этом деле безупречную честность, энергию и исключительное умение». И подпись — начальник Управления уголовного розыска Трепалов (бывший балтийский матрос, заложивший основы деятельности современного МУРа — *Прим. автора*).

Неизвестно, какое решение принял по этому делу начальник Московской милиции. Вполне возможно, что и выделил эту сумму. А может, и нет — известно, высокое начальство всегда скуповато на «финансовые ласки». Есть только резолюция Черкасова: «В архив», — благодаря чему эта история дошла до наших дней.

Но мы должны гордиться теми красными милиционерами, которые, получая в месяц шестьсот рублей, отвергли воровские миллионы, остались чистыми и честными.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из архива автора

На страже революционного порядка

Московскую милицию с октября 1919 по апрель 1920 года возглавлял П.Н. СИДОРОВ. К обязанностям начальника правоохранительного гарнизона он приступил в непростой для страны период. До наших дней дошли лишь крупицы информации о нём, но, судя по всему, он достойно справился со своей работой.

В то время, когда Сидоров стал во главе органов внутренних дел города, наше Отечество всё ещё раздирала кровопролитная Гражданская война. Вместе с тем велась борьба с интервентами. Это потребовало от власти максимальной мобилизации всех экономических ресурсов. Первостепенное значение приобрела охрана фабрик, заводов, шахт, а также производимой ими продукции. В результате в октябре-ноябре 1919 года было принято решение о создании специализированного отдела промышленной милиции.

В то время шла активная борьба со спекуляцией. Над Советской Россией навис голод, остро ощущалась нехватка предметов первой необходимости.

В октябре 1919 года Совет Народных Комиссаров принял Декрет «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах». Для беспощадной борьбы с этим злом создавался особый революционный трибунал при ВЧК, приговоры которого являлись окончательными и обжалованию не подлежали.

Московская милиция оказывала активную помощь ВЧК в непростой борьбе. Так, на Мещанской улице была задержана группа лиц, нагружавших на подводу 6 рулонов ткани. При обыске их дома милиционеры нашли ещё 149 свёртков текстиля. Оставленные для наблюдения сотрудники вскоре задержали перекупщика, у которого обнаружили более 90 тысяч рублей.

Изъятые у спекулянтов продукты и промтовары возвращались народу, направлялись в детские дома, госпитали и больницы.

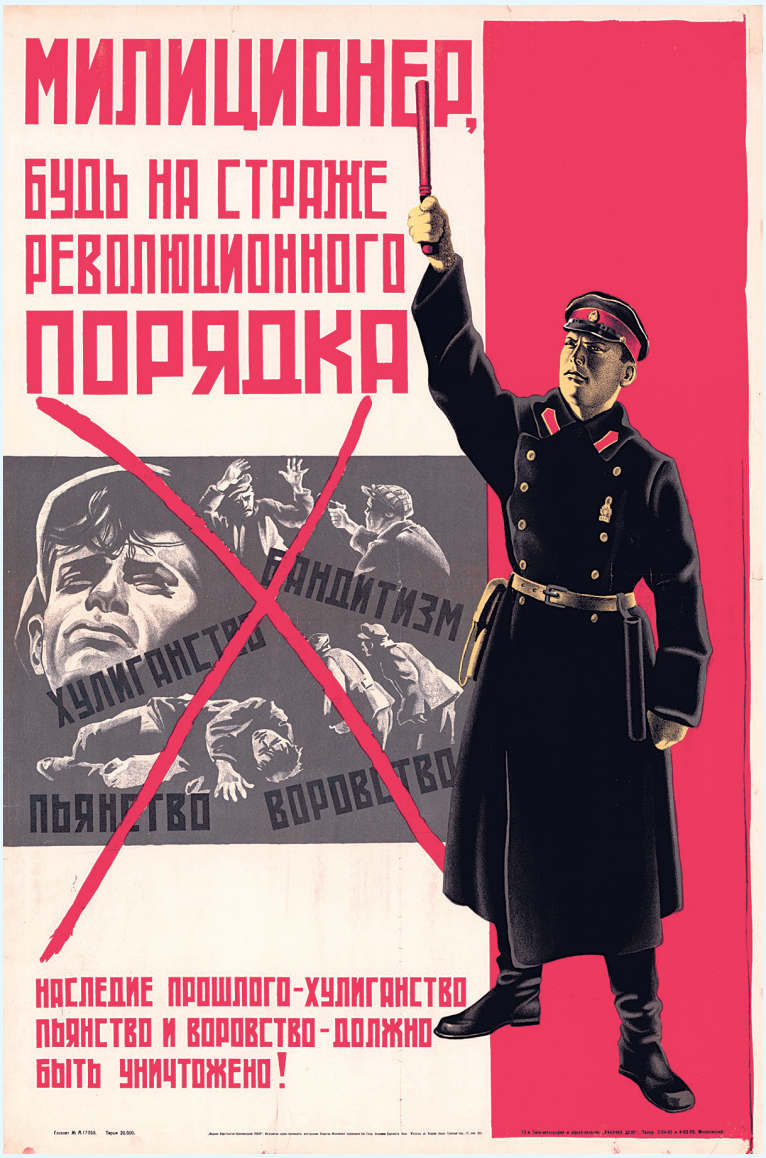
Большое внимание уделялось повышению уровня культуры и образования стражей порядка. В ноябре 1919 года военный отдел Московского комитета РКП(б) взял на себя организацию и проведение политической и культурно-просветительской работы в московской милиции. Во всех комиссариатах была создана сеть клубов, библиотек, читален, появились культурно-просветительские комиссии. Ежедневно для милиции поставлялось 600—700 экземпляров газет. Во многих комиссариатах проводились коллективные чтения.

17 января 1920 года Президиум Моссовета принял решение о реорганизации структуры московской милиции. Дело в том, что районные административные отделы, которые в 1918—1919 годах проделали огромную работу по укомплектованию милиции кадрами, к этому времени в значительной степени утратили своё значение. Зачастую их работа сводилась к дублированию распоряжений административного отдела Моссовета и порождала дополнительную бумажную переписку. Кроме того, рост различных поручений милиции как административного,

Сотрудники МУРа. 1919 год

так и финансового, хозяйственного характера требовал более чёткого определения структуры местных органов внутренних дел. Но процесс реорганизации завершился уже после ухода П.Н. Сидорова с должности начальника правоохранительного главка.

Московская милиция продолжила большую работу по очищению города от остатков банд уголовников. Ввиду усилившейся преступной деятельности постановлением Президиума от 16 февраля 1920 года Московское управление уголовного розыска было переведено на военное положение. Для борьбы с организованными бандами в МУУРе был создан особый отряд активного розыска для проведения мероприятий по охране общественного порядка ночью. Действие отряда распространялось на весь город. Президиум Моссовета объявил также, что все обыски, аресты, облавы и другие операции проводятся только по ордерам, выдаваемым МУУРом.



В результате принятых мер органам милиции удалось в короткий срок пресечь вспышку бандитизма в Москве, не дать ей возрасти. Так, сыщиками была ликвидирована опасная банда Филонова, Васильева и Курочкина. Злоумышленники совершили убийство народного судьи Кукеля и его жены, а также совершили ряд вооружённых ограблений и убийств.

С первых лет существования московской милиции важное место в её деятельности занимал вопрос подготовки квалифицированных кадров. В апреле 1920 года, в последний месяц пребывания П.Н. Сидорова в должности начальника правоохранительного главка, были открыты курсы командного состава московской милиции. В середине июля состоялся первый выпуск 89 курсантов.

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА,
фото из открытых источников

У руля в начале НЭПа

Александр Григорьевич ГЛУЗМАН возглавлял московскую милицию ровно год — с апреля 1920 по апрель 1921 года. Период был довольно сложный, переходный: заканчивалась Гражданская война, а вместе с нею и эпоха военного коммунизма, наступал период НЭПа. И недавно созданной милиции нужно было приспосабливаться к новым условиям.

С одной стороны, ситуация в стране начинала внушать осторожный оптимизм: бои с интервентами шли уже только на окраинах страны, началось возрождение промышленности, с фронта всё больше начали возвращаться истосковавшиеся по мирному труду люди. С другой — ещё не совсем успокоились недавние страсти революции, давали о себе знать голод в Поволжье и крестьянские восстания в провинции, а пришедшие к кормилу власти новые представители пока лишь формировали правовой облик новой державы.

Московские милиционеры

Много противоречивого, неожиданного и для многих непонятного было в то время в жизни страны. Так, в 1920 году вышло постановление об отмене расстрела как высшей меры наказания. Практически одновременно Совет народных комиссаров принимает постановление «О мерах борьбы с бандитизмом» — криминальная обстановка на российских просторах была довольно сложной. Но в Москве в ту пору, как ни странно, ситуация с преступностью начала выправляться. Благодаря слаженной работе московского уголовного розыска по искоренению бандитских шаек Белокаменная смотрелась лучше, чем другие регионы. А вроде бы совсем недавно банды уголовников хозяйничали на московских улицах. Чего только стоит одна история с нападением банды Кошелькова на автомобиль Ленина, в результате которого вождь пролетариата еле унёс ноги и вынужден был добираться до дома пешком. Успехи столичного угрозыска на ниве искоренения бандитских шаек позволили даже расширить профессиональный «круг интересов» сотрудников и создать летучие отряды по борьбе с квартирными кражами и карманниками. Москва налаживала новую жизнь, стараясь быть примером для всей России.

В тот период у руля московской милиции и встал Александр Григорьевич. Биография нового руководителя была довольно схожа с жизнеописаниями типичных рыцарей революции. Родившийся в 1881 году, Александр Глузман с молодости окунулся в борьбу за светлое будущее пролетариата. Как он потом писал в своей автобиографии, «участник революции 1905—1907 годов», за что неоднократно арестовывался царской полицией. В итоге ему так и не удалось закончить юридический факультет Новороссийского университета, но какой-то юридический багаж знаний от всех этих перипетий у него остался.

В Москве Александр Глузман оказался в результате известных исторических перипетий. В 1917 и в начале 1918 года он находится в Минске, как активный участник революционных событий, и даже занимает пост члена президиума Минского совета. А затем наступил 1918 год, и, когда наступавшие на земли бывшей Российской империи немецкие дивизии были уже рядом с Минском, Глузман был вынужден покинуть город. Он отправился в Москву. На новом месте он активно включился в работу по созданию новых государственных структур. Усердие и целеустремлённость новичка в столице России заметили и по достоинству оценили. Вскоре он был назначен членом президиума Московского ревтрибунала и председателем следственной комиссии. В марте 1919-го Александр Глузман был назначен заведующим юридическим отделом Моссовета. Одновременно ему было поручено исполнять обязанности заведующего следственным отделом Московской чрезвычайной комиссии.

За короткий срок новоявленный москвич успел побывать сразу на нескольких ответственных должностях и повсюду проявил себя с лучшей стороны. Вероятно, в работе помогало ещё и студенческое прошлое с юридическим уклоном. Тем более что квалифицированных грамотных специалистов в этой области, приверженных делу революции, конечно же, требовалось всё больше и больше, а перспективы для талантливых специалистов открывались фантастические.

В 1920 году в результате реформирования управленческих структур слились в единое целое Московский городской совет и совет Московской губернии. Изменились и руководящие милицейские органы. Начальником единого Управления рабоче-крестьянской милиции города Москвы и Московской губернии был назначен Александр Григорьевич Глузман. Хозяйство Глузману досталось довольно

обширное. Да и обстановка в городе не располагала к безмятежности: в столице и банды нередко пошаливали, и новую милицию нужно было совершенствовать, достойно обувать-одевать и вооружать.

Как свидетельствуют современники, в год руководства Александром Глузманом московской милицией с его участием было сделано немало полезного для её укрепления. Например, в столице впервые появились четырёхмесячные курсы для командного состава милиции. С помощью Моссовета начали улаживаться и вопросы быта милиции. Так, было принято решение об увеличении пайка милиции до пайка караульных батальонов гарнизона города Москвы (это полтора фунта хлеба, в ту пору серьёзное подспорье). Улучшилось снабжение московских милиционеров одеждой и обувью. К радости сотрудников, для милицейских нужд даже было выделено несколько десятков велосипедов. Кроме того, начали организовывать районные общежития для милиционеров.

Конная милиция. 1920 год

Почувствовавшие заботу о себе, московские милиционеры тоже не сидели сложа руки. Как гласит статистика, в 1920 году количество вооружённых грабежей в столице по сравнению с предыдущим годом сократилось в три раза, а невооружённых ограблений — в девять раз! Число убийств уменьшилось на треть. И главное: к 1921 году в городе было ликвидировано большое количество банд, которые в предыдущие три года буквально терроризировали москвичей. Правда, полностью искоренить бандитскую вольницу было сложно. Нет-нет да и напоминал о себе всерьёз криминал в городе. Но управу всё-таки находили. В частности, в октябре 1920 года московская милиция разгромила так называемую банду шофёров. Шайка состояла из водителей гаражей Реввоенсовета и Главного военно-инженерного управления. Одно из самых известных преступлений этой банды — налёт на Никольской улице на автомобиль, перевозивший большую сумму денег. Бандиты захватили восемь мешков денег, всего 287 миллионов рублей — огромную по тому времени сумму. Несмотря на все сложности, банда шофёров в конце концов также была разгромлена.

Административные успехи и юридическая грамотность Александра Григорьевича вместе с его опытом были нужны новой правоохранительной системе. 5 января 1921 года он назначается членом коллегии МЧК и одновременно председателем Комиссии по проведению амнистии. При этом в стране начала намечаться хотя и робкая, но либерализация законодательства — НЭП на это тоже повлиял. В 1922 году Чрезвычайные комиссии будут распущены, а амнистии будут продолжены. Опыт участия в этих комиссиях в дальнейшем пригодится Глузману на новых участках службы. В апреле 1921 года Александр Григорьевич будет переведён на другую работу. За свою жизнь он ещё не раз сменит должности и учреждения, но все они будут связаны с судебной работой. Вершиной для Глузмана на этом поприще станет должность члена Коллегии Верховного Суда РСФСР.

Александр Григорьевич Глузман не дожил до начала Великой Отечественной войны ровно год: в 1940 году он ушёл из жизни. В юриспруденции он, конечно, оставил свой след, но, в отличие от его милицейской службы, особо ярких моментов на юридическом поприще не выявил. В памяти он остался как руководитель московской милиции в сложнейший период начала НЭПа.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

«Неслыханно трудная полоса»

Иван Николаевич НИКОЛАЕВ был четвёртым по счёту начальником московской милиции и возглавлял её с апреля 1921 по июнь 1922 года. И хотя к тому периоду Гражданская война закончилась и вовсю прорастала мирная жизнь, время тем не менее было очень тревожное. Экономическое положение ухудшилось, страна переживала острый хозяйственный и политический кризис. Что касается Москвы, здесь обстановка оказалась ещё сложнее.

Особенно плохо было с топливом. Показательно, что в результате варварской заготовки дров в тридцативерстовой полосе от Москвы был вырублен лес. Теперь его заготавливали в Калужской и Смоленской областях. Резко ухудшилось снабжение хлебом. Уже в феврале 1920 года рабочим стали давать 400 грамм хлеба в одни руки, вместо 600. Один за другим вспыхивали кулацкие восстания. Начался контрреволюционный мятеж в Кронштадте, городе, который прежде был «очагом революции».

В эти дни, выступая на конференции металлистов, В.И. Ленин потребовал налаживать дружественные отношения между рабочим классом и трудовым крестьянством. Встал вопрос о пересмотре политики военного коммунизма. Обострилась политическая ситуация в городе. Эсеры и меньшевики предприняли попытки организовать восстания рабочих на предприятиях «Гознак», «Каучук», «Богатырь» и других. Руководство советской страны принимало решительные меры — Москва и

Московская губерния были переведены на военное положение. Руководители партий эсеров и меньшевиков были изолированы.

Параллельно с силовыми мерами улучшили доставку хлеба в Москву. Кроме того, начали выдавать одежду и обувь беднейшим слоям населения. Стало чуть легче. При этом, выступая с речью, Ленин сказал: «Я, товарищи, вовсе не хочу вас успокаивать обещаниями и не думаю заявлять, что трудная полоса кончилась. Ничего подобного! Есть признаки улучшения, но полоса осталась неслыханно трудной...»

Выход был найден на X съезде Российской коммунистической партии большевиков, состоявшемся в марте 1921 года. Съезд постановил заменить продразвёрстку продналогом. В стране стартовала Новая экономическая политика (НЭП). Под эту задачу началась перестройка государственного аппарата. Нужно было учиться работать, производить качественную продукцию, организовывать товарообмен, торговлю. Вот в таких условиях трудился на посту руководителя столичной милиции Иван Николаев.

...Иван Николаевич родился в апреле 1889 года в многодетной семье гравёра по металлу в рабочем посёлке Щёлково Московской губернии. По окончании в 1904 году двухгодичной казённой школы по прошению отца Ивана приняли учеником в гравёрную мастерскую. Здесь он и проработал до призыва на военную службу в 1911 году. Служба в связи с начавшейся Первой мировой войной растянулась на семь лет, с 1911 по 1918 год.

Иван Николаев служил в артиллерии, принимал участие в боевых действиях в составе Западного и Юго-Западного фронтов, ему было присвоено звание старшего унтер-офицера. Когда произошла Февральская революция и начались выборы командиров, Ивана Николаевича избрали комиссаром артиллерийского дивизиона.

После демобилизации Николаев вернулся в Москву, какое-то время работал гравёром в товариществе Даниловской мануфактуры — крупной текстильной фирме, которая в 1919 году была переименована в фабрику имени М.В. Фрунзе. Вскоре его избрали секретарём фабрично-заводского комитета и приняли в РКП(б).

С этого момента, как пишут биографы Николаева, «его судьбой распоряжалась партия». По направлению Замоскворецкого райкома он работает комиссаром районной ЧК, инструктором Центрального рабочего кооператива и служит в Красной Армии. Затем молодому коммунисту доверили руководство Даниловским подрайкомом партии. Однако вскоре он принял должность начальника районной милиции, а уже в апреле 1921 года становится начальником всей московской милиции.

Такое было время. И такие были люди. Большевики смело брались за решение самых трудных проблем и смело выдвигали кадры. Карьера Ивана Николаева — яркий тому пример.

По прошествии Гражданской войны правоохранительные органы были подвергнуты реформированию. Вместо ВЧК было учреждено Государственное политическое управление (ГПУ) в составе НКВД РСФСР, а из милиции в самостоятельную структуру был выведен Уголовный розыск. Руководство НКВД, во главе которого стоял Феликс Дзержинский, сочло целесообразным назначить Николаева, видимо, хорошо зарекомендовавшего себя в прежнем качестве, начальником МУРа.

Наш герой оказался на своём месте. Несмотря на слабую профессиональную подготовку и низкий технический уровень оснащённости сотрудников, удалось раскрыть многие резонансные преступления. К примеру, серийного убийцу Комарова, который лишил жизни 29 человек. Он заманивал людей к себе на квартиру под предлогом выгодной купли-продажи хорошей лошади, спаивал водкой, а затем грабил и убивал.

Ещё страшнее были преступления банды Котова-Морозова, состоявшей в основном из каторжан-уголовников. Они грабили и убивали на территории Москвы, Московской, Курской и Смоленской областей. Их жертвами стали 116 человек! И только сотрудники МУРа сумели совладать с этими нелюдями.

За успешное раскрытие такого рода преступлений и в связи с пятилетием Октябрьской революции передовые сотрудники МУРа были представлены к наградам. Иван Николаев был отмечен самой высокой в то время наградой — орденом Красного Знамени.

Прошло совсем немного времени, и было решено вернуть «автономный» уголовный розыск в состав милиции.

Но Иван Николаев получил уже новое задание. Его перевели на хозяйственную работу в качестве помощника заведующего Мосстроем — столица России нуждалась в новых заводах и фабриках, в новых жилых комплексах. Далее рабочий путь Ивана Николаевича выглядел так: заведующий торговым отделом Богородско-Щёлковского треста, коммерческий директор Орехово-Зуевского треста, председатель правления треста Кардо-Лента, управляющий Союзхлопкотехснабом. Все эти должности связаны с развитием в стране прядильной промышленности.

Иван Николаевич работе отдавался полностью — в своей автобиографии, датированной 31 августа 1929 года, он с гордостью написал: «Партийным взысканиям и взысканиям дисциплинарного характера ни разу не подвергался».

Анна ШАМОНИНА,
фото из открытых источников

Из расстрельного «сталинского списка»

В первые годы советской власти начальники милиции города Москвы и Московской губернии менялись с удивительной частотой. Но даже на фоне описываемого кадрового калейдоскопа пребывание на этом посту Я.М. ВАРДЗИЕЛИ выглядит эпизодическим: он возглавил милицию в июне 1922 года, а уже в октябре того же года оставил. Понятно, что об этом руководителе столичных правоохранителей никакой информации вначале найти не удалось. Даже начальник Музея истории органов внутренних дел Москвы полковник внутренней службы Светлана Александровна Козлова, частенько выручавшая в такой ситуации нашего брата журналиста, на этот раз развела руками — ничего нет! Оставалось только копаться в доступной литературе и ждать, когда начнут «после паузы» работать столичные архивы. Впрочем, был ещё и всезнающий интернет.

И что же! Оказывается, права народная военная мудрость, гласящая, что «под лежачего лейтенанта коньяк не течёт». Но вначале несколько логических положений, с которых пришлось начинать поиск биографии нашего героя. По всей видимости, Вардзиели — это кавказская фамилия (не итальянская же?), более того, возможно, грузинская. Это предположение неожиданно подтвердилось информацией из так называемого «сталинского списка». Под таким названием хранится перечень людей, осуждённых с личной санкции Иосифа Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) — Вячеслава Молотова, Лазаря Кагановича, Климента Ворошилова, Андрея Жданова — прежде всего к расстрелу.

Вот в таком списке было сообщение о Якове Михайловиче Вардзиели, жившем в грузинском городе Ахалцихе и репрессированном в 1937 году, в самый разгар «большого террора». Конечно, вначале были некоторые сомнения — об одном и том же человеке идёт речь или нет? Где Москва, а где город Ахалцихе? Как говорят грузины: где Кура, а где мой дом!

Итак, записано следующее. Яков Михайлович Вардзиели (заметим, имя и отчество совпали с инициалами нашего героя) родился в 1891 году. Если это тот же человек, который возглавлял столичную милицию, то в 1922 году ему исполнилось чуть больше 30-ти лет. Нормально, подходит. Так сказать, возраст вполне революционный.

В расстрельном документе шла речь и о социальном происхождении Якова Михайловича — из семьи священника (в «сталинском списке» написано проще — «сын попа»). Это тоже не противоречит нашей теории. Батюшки, которых в царской России было огромное число, смело шли в революцию. В воспоминаниях генерала Врангеля есть любопытный эпизод — его допрашивала какая-то революционная комиссия, которой руководил батюшка по фамилии Фесенко. Впрочем, даже Иосиф Джугашвили, вошедший в мировую историю как Иосиф Сталин, одно время был учащимся духовного училища и, повернись его судьба по-другому, махал бы кадилом и читал молитвы.

Кем же был в 1937 году Яков Михайлович Вардзиели? В документе его должность указана так — «председатель Ахалцихского РИКа», абревиатура «РИК» наверняка расшифровывается как районный исполнительный комитет. То есть в 1937 году Яков Михайлович был первым лицом Самцхе-Джавахети, одного из крупных и стратегически важных южных регионов Грузии, расположенного на границе с Турцией. Любопытна и такая деталь — он был членом Всесоюзной коммунистической партии с 1917 года. Ушёл в революцию с головой!

Что же с ним произошло в 1937 году? Яков Михайлович был арестован 4-м отделом Управления государственной безопасности НКВД Грузинской Советской Социалистической Республики по так называемой контрреволюционной статье — 58-10, 58-11 УК ГССР. Он, как записано в грузинском документе, «материалами следствия изобличался в том, что, будучи активным членом контрреволюционной организации правых, вёл контрреволюционную вредительскую работу». Указывается, что судила его «тройка» при НКВД

**Члены коллегии АОМС.
Первый справа — В. Л. Орлеанский,
третий — Я.М. Вардзиели**

ГССР — «докладчик: Дрей, участвовали: Гоглидзе, Церетели, Талахадзе, Морозов». В этом списке судей особое внимание вызывает Шалва Церетели, который в описываемый период был начальником Управления милиции НКВД Грузии, то есть товарищем по оружию и коллегой. Но, видимо, не захотел помочь бывшему руководителю московской милиции. В «сталинском списке» скупо сообщается, что на суде «обвиняемый Вардзиели Я. М. виновным признал себя частично». Суд этот состоялся 25 декабря и засудил Якова Михайловича к высшей мере наказания с конфискацией личного имущества, а уже на следующий день, 26 декабря, бывшего начальника московской милиции расстреляли. Где покоится его прах, неизвестно.

Надо отметить, что и эта трагическая информация не противоречит нашей теории о том, что мы ведём речь об одном и том же человеке, наоборот — она её подтверждает. Ибо известно, что именно в годы «большого террора» были выкошены ряды первых «пламенных революционеров». Осталось их очень мало, и большинство уцелевших прошли тюрьмы, ссылки, лагеря. Этой теме посвящены множество воспоминаний и книг. К примеру, «Дети Арбата».

В данном случае очень подходит выражение знаменитого деятеля Великой французской революции Жоржа Дантона: «Революция пожирает своих детей». Дантон стал одной из многочисленных жертв, погибшей от рук своих недавних соратников по революционной борьбе, и сказал он эти слова перед своей казнью в 1794 году. Смысл этого выражения: логика послереволюционных событий такова, что борьба между самими революционерами становится неизбежной, и обычно люди, которых судьба возносит на вершину государственной власти, гибнут первыми.

...На следующее утро облик Якова Михайловича Вардзиели неожиданно обрёл зримые черты — позвонила Светлана Александровна Козлова и сообщила, что в музее нашли фотографию нашего героя. «Красавец такой», — несколько по-женски оценила она его внешний вид. И прислала снимок. Действительно, Яков Михайлович выглядит как «новый червонец» — молодой, подтянутый, симпатичный.

На этом исторический розыск, связанный с биографией начальника московской полиции Вардзиели, можно было бы и закончить, но неожиданно всезнающий интернет выдал любопытную информацию. Оказывается, наш герой в период с 1919 по 1921 год возглавлял Канцелярию (Управления делами) НКВД РСФСР — высочайший по любым временам пост (здесь, правда, в его фамилии появилась вторая буква «л» — Вардзиелли Я.М.) Потом появилось сообщение о том, что Яков Михайлович действительно был значимой фигурой в годы революции, — он являлся начальником, точнее, заведующим Управлением московских лагерей.

Это была большая организация, которая на практике воплощала в жизнь принцип, воспетый в коммунистическом «Интернационале» — «Весь мир насилья мы разрушим».

В заведениях Управления московских лагерей, которых было свыше дюжины, находились враги новой власти — бывшие помещики, фабриканты, офицеры, дворяне, белогвардейцы. Они работали, выполняли различные наряды и зарабатывали себе на жизнь и пропитание. Тогда перед Моссоветом (сейчас здание Правительства Москвы) был поставлен обелиск Свободы, на котором было начертано правило: «Не трудящийся, да не ест». И тогда все следовали ему. Впрочем, эта сторона жизни нашего героя на посту заведующего Управлением московских лагерей мало изучена...

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Превратности судьбы Алексея Стельмаховича

Среди советских государственных деятелей в начале прошлого столетия было немало людей, которые оставили след в истории Москвы, достигнув значительных высот. В их числе начальник Московской милиции (октябрь 1922 — июль 1923), позже председатель Брянской и Самарской губернских ЧК, полномочный представитель ВЧК при СНК — ГПУ при НКВД РСФСР по Приволжскому военному округу, председатель Московского губернского суда. Его жизнь была наполнена верой в светлые идеалы, но судьба к нему была неблагожелательна. С 26 февраля 1938 года сведений о нём не было даже в архивных материалах. Причина — прокатившаяся волна массовых репрессий с единственным неизбежным результатом — расстрелом. Речь идёт об Алексее Терентьевиче СТЕЛЬМАХОВИЧЕ.

Факты Гражданской войны

Он родился в 1891 году в деревне Тимошково Могилёвской губернии. Трудовую деятельность начинал слесарем на Бежецком машиностроительном заводе. В 1913 году вступил в ряды РСДРП(б).

О профессиональном пути будущего государственного деятеля известно, что он уже во время Первой мировой войны вёл революционную работу.

В годы Гражданской войны с 1917 по 1922 год воевал в рядах Красной армии. В 1918 году он сотрудник ЧК Северо-Кавказской Советской Республики. 31 октября 1918 года в составе комиссии под председательством Г.А. Атарбекова поставил подпись под постановлением о смертной казни 47 человек — контрреволюционеров из числа заложников.

С 29 августа 1920 года по 8 октября 1921 года исполнял обязанности председателя Брянской губернской ЧК. В этот период организовывал и активно участвовал в ликвидации банды бывшего царского полковника Сенина, орудовавшей на Брянщине. Очевидец тех событий З.А. Дымов изложил подробно в своих мемуарах «Мои дорогие друзья» историю, как они с Стельмаховичем и другими товарищами участвовали в ликвидации белогвардейских банд. Читая публикацию, знакомимся с портретом Стельмаховича, так психологически тонко написанным образованным и знакомым с писательским трудом офицером-повествователем. Он замечает и благородный лоб, и породистую красоту, и холодность председателя губчека Стельмаховича. Вот что он пишет: «Ксенофонтов характеризовал мне Алексея Терентьевича как человека смелого, выдержанного, хорошо знающего свои края... Он высок, голубоглаз. Густые тёмные волосы падают на широкий лоб. Лицо интеллигентное, с твёрдым, чуть выпирающим вперёд подбородком... Я, собственно, только что познакомился со Стельмаховичем, но у меня возникло такое чувство, словно мы давным-давно знаем друг друга».

Среди прочих вопросов Алексей Стельмахович в ту пору занимался также прекращением стачки рабочих Мехартзавода.

С 15 ноября 1921 года по апрель 1922 года он полномочный представитель ВЧК при СНК — ГПУ при НКВД РСФСР по Приволжскому военному округу, председатель Самарской губернской ЧК, с 6 февраля 1922 — начальник Самарского губернского отдела ГПУ.

Борьба с преступностью за 9 месяцев в должности

Вскоре Стельмахович возглавил московскую милицию. Но работать в этой должности Алексею Терентьевичу довелось недолго, всего 9 месяцев — с октября 1922 по июль 1923 года. Это было очень непростое время для сотрудников милиции — особо яркая вспышка мелкого бандитизма в Москве пришлась на 1922 год. После окончания Гражданской войны этим промыслом занялись мародёры. Появились банды и шайки, большие и маленькие. Банды Глобы, Панаётова и другие насчитывали несколько десятков человек. Шайка «Чёрный ворон» состояла из шести человек. Совершала ограбления, но кровавый исход последнего ограбления естественным образом привёл к тому, что в районе Арбата, где действовали бандиты, стали курсировать усиленные наряды милиции. И шайку выследили. Всех взяли разом. Сопротивления никто не оказывал. Во время следствия каждый рассказывал свою версию создания «Чёрного ворона». Самое большое внимание на допросах уделялось Лидии Костроминой, как выяснилось, идейному организатору налётчиков. Суд

продолжался недолго, все признали свою вину, но это обстоятельство не смягчило приговора. Все члены шайки в условиях того сурового времени были расстреляны.

Были в то время и такие бандиты, которые вежливо вели себя с дамами и любили эффектные сцены. Одна такая банда, ворвавшись в квартиру нэпмана, когда там шло застолье, заперла хозяев и гостей в ванной, а сама заняла место за столом. Распив шампанское и закусив, бандиты завладели ценностями и покинули «гостеприимный» дом. Всего, как было установлено, банда совершила весной 1923 года более двадцати вооружённых ограблений. Об этой банде писали даже парижские газеты. Было и такое: 5 июля 1923 года семь вооружённых бандитов вошли в ювелирный магазин Кроля, находившийся в доме 12 по Арбату. Бандиты назвали себя анархистами, угрожая револьверами, загнали хозяина и покупателей в отдельную комнату и там заперли, а сами забрали ценности на 500 миллиардов рублей и скрылись.

С какими преступлениями боролась в 1923 году Московская милиция под руководством Стельмаховича, мы узнаём из книги М.И. Вострышева «Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись» и из архивов газет. Вот, например, газета «Рабочая Москва» от 26 января 1923 года сообщала: «С появлением в Москве китайцев число притонов значительно увеличилось. Особенно богат ими район Трубной площади. Здесь имеются тайные притоны на все вкусы: для курения опиума, нюханья кокаина, впрыскивания морфия. На всякий случай в притонах имеют и самогон».

О подобных правонарушениях писали и «Известия» двумя неделями ранее: «Было замечено, что в тёмный грязный подвал дома 2, квартиры 3 по Пушкарёву переулку, занимаемый двумя китайцами Ли Фу и Лет Жо Жа, как только начинало темнеть, осторожно крадучись, пробирались какие-то посетители. В «N» часов ночи в этот подвал нагрянули сотрудники оперативной группы при комендатуре отдела управления Моссовета. В подвале оказалась весьма пёстрая компания из 26 человек. Здесь бывали врачи, артисты, дочь инженера и т. д. Одни из них курили опиум, другие нюхали кокаин, кое-кто пил самогонку. При обыске были обнаружены опиум и курительный прибор для него, кокаин, китайские игральные карты и пустые бутылки из-под самогона. Китайцы арестованы, а посетители после допроса и составления протокола были освобождены».

Алексей Терентьевич глубоко вникал в работу возглавляемого московского милицейского ведомства, грамотно её организовывал. Но июль 1923 года ознаменовался для столицы и уходом с должности начальника московской милиции Алексея Стельмаховича, и разыгравшейся в столице непогодой. 25 июля 1923 года Михаил Булгаков пишет: «Лето 1923 года в Москве исключительное. Дня не проходит без того, чтобы не лил дождь, и иногда по несколько раз. В июне было два знаменитых ливня, когда на Неглинной провалилась залитая мостовая».

На руководящих постах

В дальнейшем судьба Стельмаховича сложилась так, что в 1925—1928 годах он возглавлял Московский губернский суд. В 1926—1927 годах одновременно стал председателем Губернского дисциплинарного суда. С 1928 по 1930 год являлся членом коллегии Народного комиссариата юстиции.

С 1929 по 1932-й — эти годы ознаменовались учёбой в Московской горной академии, а затем в Московском институте стали имени Сталина.

С 1932 по 1933 годы он работал в металлургической отрасли, был директором Металлургического завода в Москве, а в 1933 году он уже руководил Белорецким металлургическим заводом.

В сентябре 1934 года решением Оргбюро ЦК ВКП(б) Стельмахович был назначен директором Кабаковского завода, где проработал до 1936 года. С сего момента Алексей Терентьевич являлся и. о. управляющего трестом «Союзлестранссстрой» Народного комиссариата лесной промышленности СССР.

Финал

Криминогенная обстановка в конце 1930-х годов в столице нормализовалась, и её даже нельзя было сравнивать с ситуацией начала 1920-х годов. Жизнь советских милиционеров омрачали политические репрессии и преследования. Множество руководителей старшего и среднего звена НКВД СССР, среди которых были прекрасные руководители и сотрудники московской милиции, бесследно сгинуло во второй половине 1930-х годов. Кто-то из них, конечно, перегибами и ошибками сам накликал на себя репрессии, но многих осудили и расстреляли безосновательно. Так, в 1938 году по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР был расстрелян Стельмахович. Его арестовали 26 февраля 1938 года (обвинение по статьям 58-8, 58-9, 58-11). 9 августа 1938 года к нему была применена высшая мера наказания с конфискацией имущества. Приговор привели в исполнение в городе Свердловске.

18 февраля 1956 года Алексей Терентьевич был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Его жена Галина Георгиевна Мухина (5 (18) февраля 1907, Ростов Великий — 21.05.1953, Москва), дочь советского педагога, бывшего царского офицера Г.Е. Мухина, правнучка знаменитого русского врача Е.О. Мухина, так и не узнала об том при жизни.

Подготовила Айрин ДАШКОВА,
фото из открытых источников

Чиновник и поэт

Чтобы несколько разбавить суховатый язык документальных очерков о начальниках московских правоохранителей, к разговору о Фрице Яновиче ЦИРУЛЕ привлечём воспоминания современников о Есенине. Спрашивается, при чем тут Есенин? Не спешите…

Фриц Янович Цирулис (впоследствии изменивший фамилию на Цируль) родился в семье латышско-еврейских батраков в 1886 году. Как пишут в источниках, получил домашнее образование (читай: весьма слабое) и «добирал» знания всю последующую жизнь, не стесняясь учиться у представителей творческой и технической интеллигенции. Работал в типографии. Долгое время жил в Ташкенте, там же в 1904 году вступил в Российскую социал-демократическую партию (большевиков). Активный участник революционного движения, неоднократно привлекался к уголовной ответственности, в общей сложности провёл в тюрьмах Российской империи 7 лет и 2 месяца, ещё 2 с половиной года — в ссылке.

После Октябрьской революции Цируль активно участвовал в установлении Советской власти на территории Средней Азии, с декабря 1917 года возглавлял Ташкентскую городскую охрану, преобразованную в Ташкентскую городскую милицию. Классическая схема революции: сын батрака и типографский рабочий становится начальником Управления внутренних дел. В ноябре 1922 года Цируль возглавил Главное политическое управление (ГПУ) Туркестана.

В июле 1923 года был переведён в Москву на должность начальника Управления московской рабоче-крестьянской милиции.

В описании современников Цируль фигурировал как «человек высокого роста, полный, в очках, с бородкой и усами. Какое-то особенно серьёзное выражение было свойственно его серым немигающим глазам. Аккуратно одетый, представительный и спокойный, он всем своим внешним видом как бы олицетворял непоколебимость власти».

Как вспоминал писатель Николай Равич, «Цируль был очень характерной фигурой для всей многочисленной категории латышей-коммунистов, которые в первые годы советской власти работали на самых опасных и ответственных постах. Он с большим уважением относился к науке и интеллигенции. Я помню, когда некоторые не в меру ретивые товарищи в те довольно беспокойные дни предложили произвести всеобщее переселение непролетарских элементов из центра города на его окраины, Цируль, страшно рассердившись, сказал с характерным для него акцентом:

— Это есть глупый вытумка и польше ничего. Как можно переселить профессор или какой-нибудь учёный? Он толшен шить спокойно и учить пролетариат. Мы толшны запотиться о культура фо фсех отношениях...»

Из этого можно сделать заключение, что сын батрака Фриц Цируль был умён и дальновиден, но «недостаточно революционен», коль скоро не чтил священный слоган тех лет — «смерть буржуазии». Как писал тот же Равич, «население любило Фрица Яновича за его доступность, справедливое отношение к людям и честность».

А теперь — к поводу связать вместе чиновника и поэта. Как известно, в 1919-м Есенин и Мариенгоф создали «Ассоциацию вольнодумцев», или «Орден имажинистов». Поэт Матвей Ройзман был у них кем-то вроде директора. Он вспоминал впоследствии: «В октябре 1923 года специальная комиссия проверяла общественные организации. Она составила протокол, в котором работа «Ассоциации» признавалась удовлетворительной. Мне объяснили, что протокол будет передан в административный отдел Моссовета и должен быть утверждён её начальником Цирулем. От этого зависело существование издательства «Имажинисты» и журнала «Гостиница». Я позвонил ему по телефону и попросил разрешения прийти. Цируль сказал, чтоб я привёл Есенина».

Оказывается, с Есениным они познакомились ещё в 1921 году, во время поездки поэта в Туркестан и Ташкент, где Цируль был тогда начальником милиции.

На встрече были многие. Помимо уже названных, там были Мариенгоф, Мейерхольд, Криницкий, Блюмкин... Кстати, Мейерхольд привёл и Зинаиду Райх.

Цируль усадил гостей полукругом возле письменного стола. Человек, долго проживший в Средней Азии, дорогих гостей «насухую» не встретит. Выпили за знакомство, закусили. И погнали стихи читать — поэты же!

Когда настал черёд Есенина, он начал читать отрывок из «Страны негодяев». Цируль был взволнован.

— Какой вы молодец, какой большой молодец! Страна негодяеф — это, конечно, Америка?!

— Ну, естественно! — отвечал Есенин, — Не СССР же.

Опять слово — Матвею Ройзману. «После этого Фриц Янович выдвинул ящик своего письменного стола, достал протокол обследования «Ассоциации» и сказал, что мы работаем хорошо. Он посоветовал нам выступать на заводах. Мейерхольд пригласил Цируля побывать в своём театре. Фриц Янович сослался на то, что очень занят, но обещал в ближайшее же время посетить театр. Он сделал надпись вверху протокола и объяснил, в каком отделе получить справку о перерегистрации «Ассоциации».

Посидев у Цируля в кабинете, все плавно переместились в кафе, в пяти минутах ходьбы по Тверской. А потом Есенин утащил Цируля допивать в знаменитую коммуналку Бениславской...

А в чём, собственно, молодец Есенин? Уже через три месяца после его возвращения из Европы и Америки в октябре 1923 года в милиции Москвы на него было заведено уголовное дело: «Дебош, драка, хулиганство в кафе «Стойло Пегаса» на Тверской ул.». Как показала официантка, «пришёл поэт Есенин и делал дебош». Есенина забрали в милицию, где он провёл в камере ночь, но почему-то не позвонил Цирулю, не попросил о заступничестве. Есенин, конечно, поэт буйный, ведь недаром говорил Маяковский в Тбилиси о речке Терек, которая «шумит, как Есенин в участке». Последствия всех последующих буйств Есенина Цируль гасил как мог...

Поэт и милиционер трагически погибли с разницей в несколько дней в декабре 1925-го. Цируль — в автокатастрофе на спуске Бакунинской улицы к Электрозаводскому мосту, Есенин — повесившись в «Англетере».

Именем Цируля назвали Школу милиции и Клуб работников милиции в Москве, очень популярный в те годы. А к концу тридцатых имя вдруг тихо убрали. Связывали это с делом репрессированного Яниса Рудзутака, того самого, которого Ленин прочил на пост генсека вместо Сталина. Ведь Рудзутак приятельствовал с Цирулем, и именно он вытащил товарища в Москву из Средней Азии.

Почти наверняка, не оборви трагическая смерть жизненный путь Фрица Яновича, он дорос бы до куда больших административных высот, но также наверняка сгинул бы в пучине сталинских репрессий.

Алим ДЖИГАНШИН,
фото из открытых источников

Пройдя путь испытаний и невзгод

В достаточно непростой исторический период для нашей страны, с сентября 1926 по ноябрь 1929 года, был начальником Административного отдела Мосгубисполкома и возглавлял милицию Москвы и Московской губернии Сергей Борисович ЛОБАНОВ. А вот о нём самом до недавнего времени, в силу разных причин, имелись лишь крайне скудные биографические сведения.

Активно занимаясь изучением знаковых вех в летописи правоохраны города, коллектив Музея истории органов внутренних дел Москвы отыскивает в частности интересные данные о малоизвестных страницах становления столичной милиции в послереволюционную пору. В ходе этой целенаправленной исследовательской работы, которая осуществляется в рамках подготовки к 300-летию московской полиции, удалось найти и некоторые новые документальные источники о жизни Сергея Лобанова — одного из первых руководителей столичного милицейского оплота для молодого советского государства.

«Жизнь у нас была беспросветная…»

Уроженец села Петрищево Тарусского уезда Калужской губернии Сергей Лобанов родился в 1890 году.

Рассказывая про житьё-бытьё семьи при царизме и свои детство, отрочество и юность, выходец из заурядного провинциального местечка сообщает в автобиографии (составлена 17 сентября 1955 года и скреплена собственноручной подписью Сергея Лобанова; документ хранится в ГАРФе — Государственном архиве Российской Федерации):

«...Отец и мать [—] крестьяне-бедняки, мать вела [домашнее] хозяйство, а отец уходил в город, где работал штукатуром у подрядчиков. Земли имели один надел, детей было четверо. Хлеба своего в хозяйстве хватало до декабря <...>, а [в] остальное время [— до нового урожая —] приходилось покупать. Жизнь у нас была беспросветная, жили впроголодь и были разуты и раздеты. Избушка была маленькая, отапливалась по-черному. С марта <...> снимали с крыш солому, кормили [ею] корову и лошадь.

Сергей Лобанов

Когда мне исполнилось [года] 4 — 5 лет, мать умерла. Отец женился вторично, привел нам мачеху. Сестру [в возрасте] 13 лет и брата маленького полутора годов [от роду] бабушка взяла к себе, а я с братом остался с отцом.

Когда мне исполнилось 7 лет[,] меня приняли в Земскую школу 3-классную, которую я не смог окончить в силу того, что моя трудовая жизнь началась [именно] с возраста 7 лет. Зимой я учился, а с ранней весны уходил на заработки пастухом. Так продолжалось 5 лет. Пастух — 5 лет[,] и один год водил слепых.

В 1904 году меня дядя привез в Москву и устроил на работу к подрядчику штукатурных работ Бобкову (4-я Рогожская улица), где я обязан был варить пищу для рабочих и одновременно учился <...> [этому строительному ремеслу]. Заработная плата <...> от пасхи до 22 октября — 25 рублей, зимой <...> за всю зиму [—] 15 рублей. Так работа продолжалась до 1907 г.

В 1908 году перешел на работу в строительную контору Акционерного общества [«]Юлий Гук и компания[»], где работал штукатуром до октября <...> 1911 года (Москва, Девкин переулок)».

На Первой мировой

Тогда, в октябре 1911-го, парень-рабочий был призван на военную службу и определён «в старую армию» солдатом 11-го пехотного Псковского полка (дислокация — город Тула). Соответственно, осенью 1914 года Сергей Лобанов должен был вернуться со службы домой, но этому помешало начавшееся грозное военное противостояние второго десятилетия XX века.

Летом 1914-го грянула Первая мировая война (в народе её называли «германской», а также именовали в официальном обиходе как первую империалистическую войну), и пехотинец Лобанов вместе с полком прибыл на передовую. Солдат-окопник получил ранение «в первый период войны», после чего был направлен в 3-й Сибирский стрелковый полк, где продолжил службу до июня 1917 года.

Находясь в составе указанного стрелкового полка, бывалый воин из числа строевых нижних чинов встретил на фронте Февральскую революцию 1917 года. У сослуживцев рядовой Сергей Лобанов был в чести, поэтому он вполне закономерно оказался защитником их интересов: его избрали членом солдатского комитета роты и полкового комитета, а ещё — товарищем (заместителем) председателя полкового комитета.

Вскоре, в апреле 1917 года, Лобанова делегировали от полка в Петроград — на фронтовое совещание по ознакомлению «с положением дел об окончании войны». В городе на берегах Невы посланник «армейских низов» посетил штаб большевиков и в своё полковое расположение возвратился с литературой, в которой содержались призывы с такими красноречивыми формулировками: долой войну, даёшь мир народам и землю крестьянам...

По выражению Сергея Борисовича, его практическая революционная работа совместно с другими товарищами активизировалась после встречи с приезжавшим на фронт представителем партии большевиков из Минска. В апреле семнадцатого года Сергей Лобанов вступил в их ряды, и одну из рекомендаций он получил от секретаря минской партийной организации.

Как указано в уже цитировавшемся документе (автобиографии), в июне 1917 года 3-й Сибирский стрелковый полк отказался идти в наступление, а половина этого вооружённого формирования ушла в тыл. Причём несколько человек из полка, «как неугодный и беспокойный элемент», перевели в тыловые структуры «10-го дивизиона воздуха частей», который в сентябре того же года передислоцировали в Минск. Как раз там, в этом губернском центре Российской империи, Сергей Борисович воодушевился известием об Октябрьской революции. Кстати, он к той эпохальной осени бурного семнадцатого года уже был членом Минского городского Совета от войсковой части и одновременно

Председатель волостного Совета Сергей Лобанов (сидит третий справа) на заседании. 1919 год

являлся «членом Военного революционного комитета воздуха частей 10-й армии».

Разумеется, Лобанов всем сердцем принял новую власть, что и подтверждается в автобиографическом свидетельстве:

«Мое сознание привело меня в партию большевиков и с этого времени я понял[,] за что бороться, с кем бороться и как организовать борьбу с врагами партии, с врагами нашей родины, защищая завоевания Октябрьской революции».

Занимавший выборную должность командира обоза нестроевых частей, Сергей Лобанов в декабре 1917-го заболел воспалением лёгких. Наделённого командирскими полномочиями военнослужащего по состоянию здоровья, то есть в связи с болезнью, демобилизовали в январе 1918 года.

Мобилизация на фронт Гражданской войны

Вернувшись в Московскую губернию, большевик Лобанов сразу же оказался в водовороте нерядовых событий, которые знаменовали, образно говоря, твёрдую поступь власти Советов в городах и весях Республики. Московский губком партии направил его, участника империалистической войны, на работу в Богородский уезд, где в деревне Сутоки проживала семья Сергея Борисовича. Успешно занимавшегося организаторской деятельностью в волости, его в феврале 1919 года на Московском губернском съезде Советов избрали в члены губисполкома. Кроме того, Лобанова утвердили заместителем заведующего отделом управления, членом Коллегии ГубЧК (губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) и заведующим информационным отделом.

Здание, в котором располагался Щёлковский волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов Московского уезда. 1924 год

Сергей Лобанов (сидит во втором ряду четвёртым слева) в составе щёлковской делегации на уездную партконференцию. 1925 год

Но всего через несколько месяцев, в апреле 1919-го, руководящего административного работника, согласно решению Центрального комитета партии, мобилизовали на фронт. В молодой Республике Советов шла ожесточённая Гражданская война, и Красной армии требовались люди с боевым опытом. Сергей Лобанов был председателем Военного трибунала 2-й стрелковой дивизии, а затем служил командиром и комиссаром 10-го стрелкового полка.

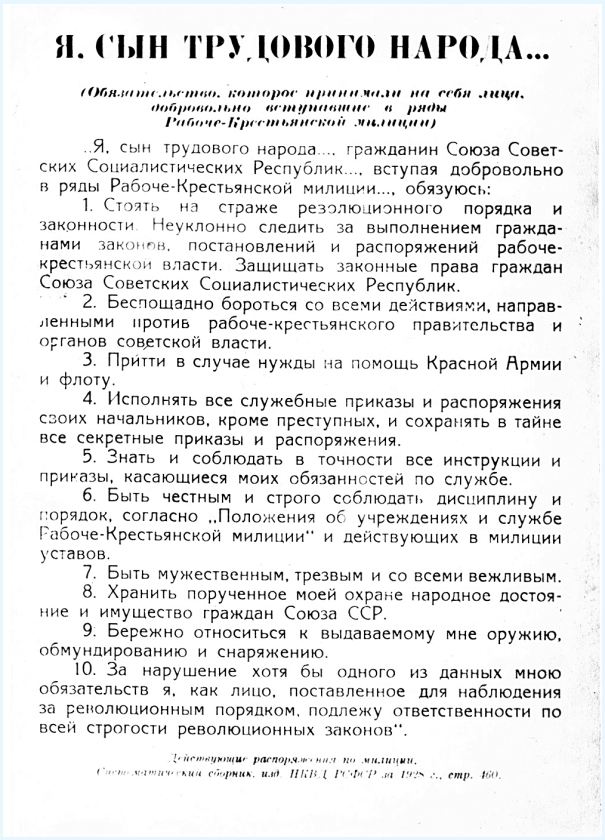
Спустя год — весной 1920-го — ЦК партии, в ответ на просьбу Московского губкома, демобилизовал «призванного революцией». Таким образом, после выполнения своей партийно-боевой задачи Лобанов вернулся в столичную губернию и приступил к созидательному труду поистине ради великих целей новой государственности.

На партийно-хозяйственной работе

В подмосковном Щёлкове (деревня, с 1923 года — посёлок городского типа, с 1925-го — город) Сергею Борисовичу поручали разные участки руководящей работы, в том числе он являлся с апреля 1920 года председателем ревкома (революционный комитет) и волостного исполкома. С февраля 1922 года — занимался хозяйственной работой на посту помощника директора Соболево-Щёлковской фабрики (впоследствии — прядильно-ткацкая фабрика, хлопчатобумажный комбинат). Следует заметить, что в мае 1919 года Щёлковская волость была образована (путём слияния Гребневской и Осеевской волостей) в составе Богородского уезда, а в 1921 году — передана Московскому уезду.

Через считанные месяцы, в июле 1922-го, Сергея Лобанова направили в Серпухов (Московская губерния), где коммуниста-бойца на уездной партконференции избрали членом уездного комитета партии и утвердили секретарём данного укома. Наряду с этими партийными назначениями, Сергей Борисович стал членом уездного исполнительного комитета, а также членом президиума уисполкома и членом горсовета. С ноября 1923 года Лобанов занимал посты секретаря Московского уездного комитета партии и члена исполкома.

Перейдя в марте 1926 года на работу в Московский комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), бывший волостной и уездный руководитель усердно потрудился заместителем заведующего организационным отделом (МК партии).



Я. СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА...

(Обязательство, которое принимали на себя лица, добровольно вступавшие в ряды Рабоче-Крестьянской милиции)

„Я, сын трудового народа..., гражданин Союза Советских Социалистических Республик..., вступая добровольно в ряды Рабоче-Крестьянской милиции..., обязуюсь:

1. Стоять на страже революционного порядка и законности. Неуклонно следить за выполнением гражданами законов, постановлений и распоряжений рабоче-крестьянской власти. Защищать законные права граждан Союза Советских Социалистических Республик.

2. Беспощадно бороться со всеми действиями, направленными против рабоче-крестьянского правительства и органов советской власти.

3. Притти в случае нужды на помощь Красной Армии и флоту.

4. Исполнять все служебные приказы и распоряжения своих начальников, кроме преступных, и сохранять в тайне все секретные приказы и распоряжения.

5. Знать и соблюдать в точности все инструкции и приказы, касающиеся моих обязанностей по службе.

6. Быть честным и строго соблюдать дисциплину и порядок, согласно „Положения об учреждениях и службе Рабоче-Крестьянской милиции" и действующих в милиции уставов.

7. Быть мужественным, трезвым и со всеми вежливым.

8. Хранить порученное моей охране народное достояние и имущество граждан Союза ССР.

9. Бережно относиться к выдаваемому мне оружию, обмундированию и снаряжению.

10. За нарушение хотя бы одного из данных мною обязательств я, как лицо, поставленное для наблюдения за революционным порядком, подлежу ответственности по всей строгости революционных законов".

Действующие распоряжения по милиции. Систематический сборник изд. НКВД РСФСР за 1928 г., стр. 460.

Текст обязательства (присяги) добровольно вступающего в ряды Рабоче-Крестьянской милиции. Бланк документа опубликован в изданном НКВД РСФСР «систематическом сборнике» распоряжений по милиции за 1928 год

Во главе столичных стражей правопорядка

С учётом опыта работы Сергея Лобанова на различных ответственных постах на губернском, уездном и волостном уровнях, его поставили во главе столичных стражей правопорядка. В имеющемся в фондах ГАРФа оригинале, регистрационном бланке члена КПСС Сергея Борисовича Лобанова (партбилет № 049895860), отмечено в одной из граф, что он с сентября 1926 по ноябрь 1929 года был начальником АОМГИК (Административный отдел Московского губисполкома) и начальником милиции Москвы и губернии.

В течение трёх лет новому назначенцу удалось существенно укрепить вверенную ему правоохранительную структуру, хотя для милиции столицы и Московской губернии по-прежнему оставались актуальными вопросы, связанные с подбором кадров, дисциплиной личного состава и совершенствованием оперативно-служебной деятельности.

К 10-й годовщине со дня образования советской милиции был подготовлен доклад, в котором начальник Административного отдела Московского губернского исполкома Сергей Лобанов констатировал (текст документа воспроизводится по публикации в газете «Известия» в № 259 за 12 ноября 1927 г.):

«По сравнению с 1917 —1918 годами, когда советская милиция только ещё организовывалась, [ее] достижения <...> к десятилетию своего существования неизмеримо [несоизмеримо] велики.

Сергей Лобанов (сидит во втором ряду пятым справа) среди участников одной из конференций. Москва, приблизительно 1928—1930 годы

В первое время работа милиции носила хаотический характер.

...На дисциплину в рядах милиции все время обращалось и обращается серьезнейшее внимание. Сейчас дисциплина хотя и поднялась по сравнению с прежним [уровнем], но нельзя еще похвалиться тем, что милицейские работники в массе своей хорошо знают службу и вполне аккуратно несут ее. Здесь большое значение играет недостаточная подготовка вновь поступающих в милицию работников. Для ликвидации этой ненормальности АОМГИК добился создания у себя особого резерва, в котором все новые работники, прежде чем попасть в отделение [милиции], проходят месячную подготовку.

Подготовка младшего комсостава [командирского состава], несущего на себе основную тяжесть милицейской работы, проводится через школу милиции имени [Ф.Я.] Цируля [начальник милиции Москвы и Московской губернии в 1923—1924 годах] в двух группах — городской и губернской. <...> Кроме того, имеются группы по подготовке работников угрозыска и переподготовке среднего комсостава.

Значительная текучесть личного состава милиции за последнее время благодаря целому ряду мероприятий все же идет на убыль. <...>

Энергичная борьба ведется с бюрократизмом и волокитой в милицейском аппарате. <...>

Улучшается и качество обмундирования, и жилищный кризис идет на убыль. Так, заканчивается постройка дома милиции на Красной Пресне, в 1928 году будет построен второй дом в Замоскворечье.

И, наконец, большое значение имеет недавно изданное президиумом Моссовета постановление о том, что работники милиции, пострадавшие при исполнении служебных обязанностей, а также их семьи имеют право получать дополнения [надбавку] к пенсии до размеров их заработка.

Главнейшая задача сейчас заключается в поднятии дисциплины среди строевого состава на более высшую степень, поднятии квалификации милицейских работников, повышении их политического и культурного уровня. Все это — необходимые условия для укрепления авторитета милиции в глазах населения, для повышения качества ее работы. С этой целью и разрешается вопрос о введении обязательного обучения в милиции. Вторая задача заключается в стабилизации личного состава, в максимальном сокращении его текучести».

Справляясь с большим объёмом работы в качестве руководителя АОМГИК и начальника милиции столицы и губернии, Сергей Лобанов одновременно являлся членом исполкома Моссовета, членом Мосгубисполкома и кандидатом в члены президиума данного исполнительного комитета.

Одна из публикаций о Сергее Лобанове в газете «Текстильщик» (г. Щёлково Московской области) в № 11 за 7 февраля 1967 года

ст. нормировщица.

К 50-летию СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЛСОВЕТА

КАК-ТО в конце прошлого года мне довелось встретиться с человеком, судьба которого в прошлом была тесно связана с организацией советской власти в Щелкове. Сейчас, вместе с женой, живет он в Москве. Большой и сложный жизненный путь наложил на него свою печать. Силы его и здоровье — подорваны. Но старейший коммунист не согнулся перед трудностями. Несмотря на преклонный возраст, он продолжает активно участвовать в общественно-партийной работе, ведет большую политико-воспитательную работу среди трудящихся.

Мы сидели за чашкой семейного чая. Сергей Борисович, вспоминая минувшее, казалось, переживал те далекие дни заново. Он перебирал в руках пожелтевшие от времени листки со стенограммами его речей на тринадцатом, четырнадцатом, пятнадцатом съездах партии и говорил, говорил, иногда останавливаясь в задумчивости, припоминая полузабытые, но важные подробности. Его жена, Елена Григорьевна, так же охотно включилась в общую беседу.

УРОЖЕНЕЦ местечка Щелково, Сергей Борисович Лобанов окунулся в самую гущу событий перед началом социалистической революции в России. Будучи на фронте, он рассказывал солдатам о том, кому нужна империалистическая война, поднимал их на борьбу против русской буржуазии. В апреле 1917 года стал членом Ленинской партии. А вскоре был избран солдатами в полковой комитет. Они и делегировали его в Петербургский Совет депутатов.

— Великую Октябрьскую социалистическую революцию, —вспоминал Сергей Борисович, — мне довелось встретить в Минске... Ну, а потом началась гражданская война. Победил в России Октябрь. Победила партия трудового народа, партия Ленина. Нужно было закрепить эту победу, отстоять молодое государство рабочих и крестьян от внутренней и внешней контрреволюции...

СЕРГЕЙ Борисович говорил о беззаветном героизме первой в мире армии трудящихся, отстоявшей в невыносимо тяжелых условиях завоевания Октября.

— После Октябрьской революции меня направили на родину, в Щелково. Приехал в дорогие сердцу места. Недели две отдохнул. За это время встретился с местным большевиком А. П. Пустовым. Время было такое, что дома отсиживаться некогда. Взялись мы с ним за организацию Совета рабочих депутатов...

ТАК, в том же семнадцатом году местечко Щелково стало центром волостного Совета. Первым председателем его был избран Андрей Петрович Пустов. А в конце года партия послала его на работу начальником Богородского уездного отделения ЧК по борьбе с контрреволюцией. В то время председателем исполкома Богородского уездного Совета был член нашей Щелковской партийной организации тов. Панкратов.

Председателем Щелковского волостного Совета рабоче-крестьянских депутатов был избран Сергей Борисович Лобанов. Почти два года (1918—1919) работал он на этой должности. Большие задачи стояли в те годы перед Советами. Нужно было поднять рабочих и крестьян на устройство новой жизни, преодолевать трудности военной разрухи. Сергей Борисович энергично проводил в жизнь политику партии, опираясь на широкие массы трудящихся.

В КОНЦЕ 1919 года партия направила тов. Лобанова в аппарат Московского губисполкома. Недолго пришлось ему быть заместителем председателя исполкома. Решением ЦК РКП(б), вместе с тт. Панкратовым и Бурейко, он был откомандирован в распоряжение прославленного полководца М. В. Фрунзе. С фронтов гражданской войны Сергей Борисович вернулся в 1921 году снова в родной город Щелково, где работал первым секретарем райкома партии.

С тех пор он прошел нелегкий путь партийного руководителя. Это были годы восстановления народного хозяйства страны, бурные годы первых пятилеток. На любом участке работы, который доверяла партия, Сергей Борисович отдавал всего себя, без остатка. О признании его неутомимой деятельности говорит тот факт что Сергей Борисович был делегатом с решающим голосом на VIII Всесоюзном съезде Советов, принявшем новую конституцию страны социализма.

А. НИКОЛАЕВ,
председатель Совета ветеранов боевой и трудовой славы.

Благодарность за работу

Группа работников ткацкой фабрики посещала в январе профилакторий. В ее составе были и мы. Курс лечебной профилактики, который мы прошли, укрепил наше здоровье. И за это мы искренне благодарны врачу профилактория И. Алферовой.

Хочется также выразить сердечную и самую искреннюю благодарность всему обслуживающему персоналу профилактория за создание обстановки уюта, радушия и поистине домашней теплоты.

Б. КЛИМОВ, Л. КАШИРОВА, Е. АМЕЛИН и другие.

Л 21033 г. Щелково, типография Управления по печати при исполкоме Мособлсовета

О заслуженном признании и превратностях судьбы

Столь напряжённая работа не могла не сказаться на здоровье, и Сергей Борисович всерьёз занедужил. После перенесённой тяжёлой болезни он относительно недолго, с ноября 1929 по февраль 1930 года, потрудился инструктором Моссовета.

Затем по решению бюро МК партии Сергей Лобанов поступил в распоряжение Центрального комитета ВКП(б) и мог бы отправиться на работу за рубежом. Однако Сергей Борисович попросил, чтобы его освободили от заграничной командировки. Удовлетворив эту просьбу, ЦК партии направил Лобанова на строительство Челябинского тракторного завода.

Работая на Южном Урале заместителем помощника главного инженера Челябтрактортреста, Сергей Лобанов повторно тяжело заболел и вновь был отправлен в распоряжение ЦК ВКП(б) — в связи с прохождением лечения.

Когда более-менее восстановил свои силы, Сергей Борисович продолжил доблестную трудовую деятельность: он с ноября 1930 года был заместителем управляющего трестом «Москомстрой». Правда, хозяйственника всего через несколько месяцев, в январе 1931-го, откомандировали на партийную работу в Подмосковье — заведующим орготделом Мытищинского районного комитета ВКП(б).

По направлению ЦК партии Сергей Борисович с марта 1931 по август 1933 года являлся парторгом и заместителем директора по кадрам на Беломоро-Балтийской железной дороге. С августа 1933 по май 1935 года работал в Калуге заместителем начальника политотдела Западной железной дороги. Затем последовали и новые назначения: Лобанов с конца 1935-го трудился ответственным инструктором Политуправления на железной дороге, начальником сектора учёта выдачи-хранения партдокументов, с июня 1936-го — начальником политотдела Московского отделения Западной железной дороги, а с октября 1937 по март 1938 года — начальником кадров Союзтрансторга. В 1936 году Сергей Лобанов заслужил ведомственную награду Народного комиссариата путей сообщения СССР — знак «Почётному железнодорожнику».

Увы, по ложному доносу Сергей Борисович в 1938 году был обвинён в право-троцкистском заговоре и содержался под стражей. Приговорённый судом к 10 годам лишения свободы, назначенное наказание отбывал на востоке Сибири — в суровом по климатическим условиям Норильске. Освободившись из мест заключения в 1948 году, уехал жить к сестре на родину: в деревню в Калужской области.

К сожалению, для репрессированного первое судилище оказалось не единственным подобным ударом судьбы. В 1951 году Сергей Лобанов повторно был осуждён: на сей раз якобы за антисоветскую агитацию. Неправедно покаранного сослали на принудительные работы, и он до изнеможения валил лес на Крайнем Севере. Выдюжив на лесозаготовках, Сергей Борисович дождался освобождения и в 1955 году вернулся в родной край Калужский.

В том же, 1955-м, году этот достойный человек своего времени, хлебнувший немало лиха, был полностью реабилитирован.

Ставший в июне 1955 года пенсионером союзного значения, Сергей Борисович проживал в Москве. Он был женат: его супругой являлась Елена Григорьевна Лобанова.

В насыщенной биографии Сергея Лобанова — деятельное участие в общественно-политической жизни советской державы, в том числе он был делегатом Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов и XII, XIII и XIV партийных съездов (с правом решающего голоса), а также XIV партконференции (с правом совещательного голоса).

В фондах Щёлковского историко-краеведческого музея хранятся напечатанные в местной газете «Текстильщик» (город Щёлково Московской области) статьи о Сергее Лобанове: «Председатель волсовета» (№ 11 за 7 февраля 1967 года) и «Это — наш земляк» (№ 53 /1355/ за 23 июля 1969 года).

Удостоенный в 1967 году ордена Ленина за большие заслуги перед советским государством, Сергей Борисович Лобанов был награждён и медалями.

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории органов внутренних дел Москвы и Щёлковского историко-краеведческого музея

ОТ РЕДАКЦИИ. Поиском архивных документальных источников о жизни героя этой публикации непосредственно занимались начальник Постоянно действующей экспозиции истории органов внутренних дел Москвы Культурного центра Главного управления полковник внутренней службы Светлана Козлова, её заместитель майор внутренней службы Елена Соколова и методист Дмитрий Лобанов. В этом кропотливом исследовательском труде им оказали существенную помощь подмосковный краевед Сергей Варгузов и сотрудники Щёлковского историко-краеведческого музея, предоставившие информацию о кавалере ордена Ленина Сергее Лобанове. А копии его автобиографии и регистрационного бланка члена КПСС Музеем истории органов внутренних дел Москвы были получены из ГАРФа.

Перекосы его судьбы

Московскую милицию с сентября 1929 по март 1933 года возглавлял Павел Петрович БАБКЕВИЧ.

Павел Бабкевич родился 1 марта 1900 года в Пятигорске, в семье чернорабочего. По национальности — поляк. В 1915 году окончил 4-классное училище в Пятигорске.

В апреле 1920 года стал членом Коммунистической партии. Впрочем, состоял он в ней и ранее — с ноября 1918 по январь 1919 года, но выбыл автоматически, как проживавший на территории, занятой белыми.

С 1920 года Павел Бабкевич находился на службе в Красной армии (был мобилизован): его первоначальная должность — политрук, затем он стал помощником военкома и секретарём ячейки РКП(б) 506-го полка 57-й стрелковой дивизии 4-й армии (Западный фронт).

Далее деятельность Павла Петровича была связана с работой в органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) и Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). Карьера Бабкевича быстро развивалась. В 1921—1924 годах он служил в ЧК-ГПУ при СНК Белорусской ССР. В это время Павел Бабкевич — помощник начальника части по борьбе с контрабандой Отдела пограничной охраны и Главной инспекции войск ОГПУ при СНК СССР. Затем — стал начальником Частей пограничной охраны Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии, а к 1926 году возглавил Управление пограничной охраны и войск ОГПУ ПП ОГПУ Республики. Затем Бабкевич был откомандирован из Средней Азии. Началась его работа в качестве главы милиции Москвы.

В 1929 году Московская губерния была преобразована в область, а в начале 1931 года Москва выделена в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, что повлекло соответствующие изменения, реорганизацию управленческого аппарата. В частности, было создано Управление милиции столицы, а также Московской области.

В начале 1930-х годов произошли важные изменения в системе правоохранительных органов. После ликвидации в декабре 1930 года Наркоматов внутренних дел союзных республик милиция была выделена в самостоятельное ведомство. ЦИК и СНК СССР возложили на ОГПУ обязанности по руководству милицией и уголовным розыском. В декабре 1932 года при ОГПУ СССР было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Завершением мероприятий по организации единой общесоюзной системы органов внутренних дел явилось учреждение 10 июля 1934 года Народного комиссариата внутренних дел, в состав которого вошло Главное управление милиции (ГУМ).

В первой половине тридцатых годов прошлого века функции правоохранительного ведомства существенно расширились. В феврале 1932 года на стражей правопорядка была возложена обязанность по выдаче разрешений на открытие предприятий полиграфической промышленности и торговли, а также — осуществление административного надзора за соблюдением правил открытия полиграфических предприятий, порядка отпуска и продажи печатных машин, множительных аппаратов. Помимо всего прочего, органы милиции выдавали разрешения и осуществляли надзор за соблюдением правил приобретения, хранения и использования огнестрельного оружия, боеприпасов, открытия пиротехнических мастерских и стрелковых тиров.

27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». Паспортная система вводилась «в целях лучшего учёта населения городов, рабочих посёлков и новостроек и разгрузки этих мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом». Одновременно вводилось Положение о паспортах, согласно которому все граждане Союза ССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих посёлках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках, обязаны иметь паспорта.

Проведение в жизнь паспортной системы было возложено на правоохранительные

органы. Работа по реализации соответствующих мероприятий началась в 1933 году. Так, в милиции Москвы были образованы совершенно новые подразделения — паспортный отдел в Управлении милиции и подчинённые ему паспортные столы в отделениях милиции города.

Быстрый рост автопарка столицы вызвал необходимость организации специальной службы обеспечения безопасности дорожного движения. Так, ещё в 1929 году было образовано отделение регулирования уличного движения (РУД) Адмотдела Моссовета, которое в 1930 году было реорганизовано в подотдел. При Павле Бабкевиче, в мае 1931 года, при Управлении милиции Москвы был образован специальный отряд РУД. Впоследствии решением Президиума Мосгорисполкома и Моссовета его штат был увеличен до 900 человек. Аналогичные отряды (команды, дивизионы) затем стали создаваться и в других крупных городах страны.

В целях обсуждения актуальных вопросов организации службы безопасности уличного движения, распространения передового опыта, ознакомления широких кругов общественности с состоянием безопасности движения транспорта и пешеходов в столице с июня 1932 года начал издаваться специальный «Бюллетень ОРУД г. Москвы».

При Павле Бабкевиче успешно осуществлялась профессиональная подготовка сотрудников правоохранительного гарнизона. В декабре 1929 года состоялся девятнадцатый выпуск Московской школы административно-милицейских работников (104 человека). В 1930 году в школе московской милиции имелись четыре отделения: начальников и помощников начальников районных административных отделов; агентов (сотрудников) уголовного розыска; старших участковых надзирателей; участковых надзирателей. За восемь месяцев курсанты изучали свыше двадцати предметов. Кроме того, при школе существовали трёхмесячные курсы переподготовки работников милиции районного звена.

В начале тех же 30-х годов руководством страны были приняты также серьёзные меры по укреплению кадров милиции. Содержание сотрудников было передано на общегосударственный бюджет. 17 августа 1931 года — дата введения в действие временного устава Внутренней службы рабоче-крестьянской милиции, чётко регулировавшего порядок поступления на службу, назначения и отстранения от должности, переводов, командировок, отпусков, а ещё определявшего меры по охране здоровья личного состава и условия труда.

Уделялось внимание вопросу улучшения материального положения правоохранителей. 3 февраля 1931 года ЦИК и СНК СССР утвердили Постановление «О правовом и материальном положении работников рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска». Милиция в отношении важнейших льгот и преимуществ приравнивалась к военнослужащим. За ведомством бронировались 5 процентов жилищного фонда нового строительства, устанавливались единые для всех правоохранителей страны форма одежды, знаки различия, был регламентирован вопрос с вооружением, предусматривалось улучшение снабжения личного состава продовольствием.

Большую роль в укреплении кадров ведомства играли местные органы власти. Московский городской комитет ВКП(б) 27 июля 1932 года принял постановление «Об улучшении работы милиции г. Москвы». Этим документом предусматривалось увеличение штатной численности личного состава на 1320 человек, а количество отделений органов внутренних дел надлежало довести до пятидесяти. На 20 процентов повышалась заработная плата сотрудников правоохранительного гарнизона.

С 1934 по 1935 годы Павел Бабкевич был начальником Командно-строевого отдела — Отдела подготовки Главного управления рабоче-крестьянской милиции ОГПУ при СНК — НКВД СССР. Проходил обучение в Центральной школе НКВД СССР. В 1936 году ему присвоили звание капитана государственной безопасности. В мае 1937 года Павел Петрович Бабкевич стал наркомом внутренних дел Бурят-Монгольской АССР, одновременно — председателем «тройки» НКВД республики. Этот период отмечен активным участием Бабкевича в репрессиях. Он в октябре 1937 года был назначен на должность заместителя начальника Управления Карагандинского Исправительно-трудового лагеря НКВД.

Но заключение под стражу не миновало и самого Павла Петровича. Его арестовали 8 июля 1938 года. Приговорённый к высшей мере наказания решением ВКВС СССР от 26 февраля 1939 года, Павел Петрович Бабкевич был расстрелян. В его посмертной реабилитации было отказано 12 декабря 2013 года определением Верховного Суда Российской Федерации.

Среди наград Павла Бабкевича — орден Трудового Красного Знамени Туркменской ССР, знак «Почётный работник ВЧК-ГПУ».

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА,
фото из открытых источников

«Медвежатник-тяжеловес» идёт ва-банк

«Потомственная воровская аристократия» и «чужаки»

В изданном в 1973 году известном сочинении Варлама Шаламова (1907 — 1982) — цикле автобиографических рассказов и очерков «Вишера», обозначенной самим писателем как антироман, — рассказывается в том числе об иерархии в уголовной среде. Говоря про «блатной мир двадцатых годов», не понаслышке знавший о нём автор-«сиделец» называет и имя снискавшего себе на криминальном поприще славу вора-«медвежатника» международного класса Ивана Першина (Майеровского). Тот один из своих тюремных сроков отбывал на Северном Урале — в Вишерском исправительно-трудовом лагере (Вишлаг, был организован в 1928—1929 годах на базе Вишерского отделения Соловецкого ИТЛ ОГПУ в Пермской области, а закрыт 26 июля 1934-го):

«...В воровском мире правят не наиболее сильные или наиболее удачливые «добытчики», а правит потомственная воровская аристократия. Конечно, нужен какой-то «душок», какая-то определенная смелость, близость слова и дела, но решение вопросов воровского мира зависит не от «чужаков», как бы они ни были удачливы и признаны. Эти «чужаки» всегда одиночки и стоят несколько в стороне (не по собственному желанию) от внутренней жизни блатарей. «Чужаки» помогают, работают с ними вместе, но глубина блатного мира закрыта для них.

Среди этих чужаков есть много удачливых, даже знаменитых налетчиков, прославленных «медвежатников», осужденных много раз за грабежи, убийства и ограбления.

Их уважают и побаиваются. Такой «тяжеловес» может блатарей пристукнуть запросто и их за людей не считает.

В двадцатых годах на Вишере таким прославленным тяжеловесом был медвежатник Майеровский, Першин-Майеровский.

Во время наружного наблюдения за подозреваемым Першиным велась скрытая фотосъёмка

Уже позднее, в тридцатых годах, Майеровский ограбил *(обчистил. — А.Т.)* Московский кожевенный институт, взломав там несгораемый шкаф, совершил несколько ограблений *(краж. — А.Т.)*...

Я знал Майеровского хорошо. Он был грамотен и получил кое-какое образование... Черноволосый, лет тридцати, Майеровский работал дневальным в одной из лагерных рот. Был любитель поговорить о прочитанных книжках и художник неплохой...».

Думается, в качестве ещё одного предисловия к рассказу о поимке в предвоенное время «медвежатника»-аса Першина уместной будет и цитата из публицистической книги Вениамина Полубинского «Знакомьтесь: МУР» (Москва: издательство ДОСААФ, 1988), выпущенной к 70-летию советского уголовного розыска:

«...До конца 30-х годов одним из основных приемов изобличения правонарушителей был метод, которому еще древние римляне дали определение «модус операнди», то есть раскрытие преступлений по способу их совершения, по преступному «почерку» виновных. До ликвидации профессиональной преступности в стране этот метод, как правило, безотказно служил сотрудникам МУРа. С его помощью удалось изобличить многих закоренелых преступников, «закрыть» целые преступные профессии.

Именно этим методом воспользовались сотрудники уголовного розыска при разоблачении последних «клюквенников» — церковных воров... Он стал отправным при розыске и изобличении последнего «медвежатника» — высококвалифицированного профессионального взломщика сейфов...».

Кто он, охотник за несгораемыми ящиками?

Итак, в конце 1934 — начале 1935 года в Москве случилась серия однотипных уголовных деяний: после взлома несгораемых ящиков были совершены несколько краж крупных денежных сумм. Правда, в столице самая первая «медвежья» попытка — по взлому сейфа в Московском авиационном институ-

те (МАИ) — оказалась неудачной. Однако спустя непродолжительное время подсудное «дело» пошло, и ещё как: сначала из несгораемого ящика, находившегося в бухгалтерии Московского механико-машиностроительного института имени Н.Э. Баумана (впоследствии, с 1943 года, — Московское высшее техническое училище /МВТУ/ имени Н.Э. Баумана), пропали 54 тысячи рублей, затем 9 тысяч исчезли из кассы бухгалтерии больницы имени А.А. Остроумова. А следом — и ещё одно аналогичное преступление: 47 тысяч (по другим сведениям — 40 тысяч) рублей «испарились» из сейфа бухгалтерии столичного Кожевенного института (в ту пору этот вуз официально именовался так: Политехнический институт кожевенной промышленности).

По одной из версий, которую отрабатывали сотрудники Московского уголовного розыска, в городе начала орудовать шайка опытных воров-взломщиков. Однако все усилия сыщиков по этому направлению поиска оказались тщетными, зато для них всё более очевидным становилось, что везде, имеется в виду — непосредственно на местах происшествий, действовал один и тот же преступник. В пользу этой розыскной гипотезы свидетельствовало то, что в череде данных краж просматривался один и тот же характерный «почерк» криминального специалиста. Хотя, конечно, возникли у муровцев и сомнения по поводу этого предположительного вывода: всё-таки с трудом верилось, что кто-то в одиночку был способен за каких-нибудь полчаса с лишним вскрыть большущий сейф. Помимо всего прочего, этот «медвежатник» должен был обладать и недюжинной силой, поскольку ему приходилось двигать массивные несгораемые ящики, чтобы добраться до задней стенки — самой тонкой в сейфе.

Для того чтобы выйти на след охотника за здоровенными металлическими ящиками с денежной наличностью, сотрудники столичного угрозыска стали по картотеке, старым уголовным делам и ещё по соответствующим каналам проверять «умельцев» такого рода. Между прочим, среди них были матёрые «медвежатники» ещё с дореволюционной преступной школой. И вот — очередная незадача для оперативных работников: как оказалось, почти все фигуранты розыскной проверки оказались непричастны к расследуемой серии краж. В частности, из крупных «медвежатников» прошлого одни уже ушли в мир иной, другие пока ещё не вернулись из мест не столь отдалённых либо сбежали за границу, а кто-то и вовсе давно бросил своё преступное ремесло...

Автор указанной книги о Московском уголовном розыске поведал:

«...Неизвестной оказалась судьба лишь двух приятелей — Вершинского и Земедянского. Три года назад они были осуждены за взлом сейфа в гастрономе № 1, бывшем Елисеевском *(на ту пору. — А.Т.)*. В канун Нового года приятели пришли в гастроном перед его закрытием, спрятались за пустой тарой в подсобном помещении, а после закрытия магазина спокойно взломали сейф с предновогодней выручкой. Утром, когда гастроном открылся, преступники вышли из укрытия, где прятались, смешались с толпой первых покупателей и скрылись. Однако вскоре они были изобличены и осуждены на длительный срок

Улики по делу преступника Вершинского

лишения свободы. Через год Вершинский бежал из-под стражи.

Муровцы включились в розыск бежавшего из мест заключения преступника. И хотя Вершинский жил в другом городе и под чужой фамилией, сотрудники МУРа нашли его и задержали. Однако, как показала тщательная проверка, к взломам сейфов в Москве он отношения не имел. Ознакомившись с некоторыми особенностями «почерка» потрошителя несгораемых ящиков в столичных учреждениях, Вершинский сказал:

— Очень похоже на любимые штучки Ванечки Першина. Но насколько мне известно, он давно промышляет за границей.

Подняли архивные дела Ивана Першина. Действительно, преступный «почерк» схож. Но по данным МУРа этот «медвежатник» последний взлом сейфа в Москве совершил еще в 1918 году — похитил в Тимирязевской сельскохозяйственной академии около трех килограммов платины и бежал за границу. С тех пор о нем ничего не было слышно.

Стали наводить справки. Установили, что несколько лет назад за нелегальный переход государственной границы Першин был осужден и отбывает наказание в колонии. На запрос МУРа оттуда пришел ответ, что, действительно, был у них такой осужденный, но в сентябре 1934 года освобожден и отбыл в неизвестном направлении...».

Наружное наблюдение за подозреваемым и экспертиза

Действительно, 49-летний Иван Петрович Першин на свободе находился с осени тридцать четвёртого. Удалось разузнать, что подозреваемый, который был неоднократно судим за аналогичные преступления, обосновался в Москве. Время же появления в ней недавнего заключённого совпало с произошедшим покушением на взлом кассы в авиационном институте...

В одном из архивных уголовных дел неугомонного «медвежатника», чьей, как написано в «муровской книге» Вениамина Полубинского, «скромной персоной интересовались сыскные отделения полиции России и Польши, Германии и Австрии, Швеции и Латвии», имелся ряд старых московских адресов Першина, его жены и матери. Обе женщины продолжали жить в городе, и у них с недавней поры, как оказалось, жизнь заметно улучшилась в материальном плане, они сделали довольно много ценных приобретений, проще говоря — недешёвых покупок.

Держа в поле своего зрения жену и мать подозреваемого, сыщики, наконец-то, вышли на его след. За Першиным было установлено наружное наблюдение и производилась скрытая фотосъёмка. Заодно выяснилось, что он хотя и нигде не трудится, но обладает крупными средствами и родственникам и семье, с которой не жил, оказывает довольно значительную материальную помощь.

В № 2 за 1936 год специализированного ведомственного издания, профильного служебного бюллетеня, было изложено, чем увенчалось оперативное мероприятие — плотный контроль со стороны сыскарей за Першиным:

«...Из числа его знакомых наблюдение выявило двух лиц, оказавшихся Яровым, 27 лет, инженером, ст. [старшим] механиком з-да [завода] № 1 Авиахима, и Иванковым, с которыми, по всем данным, Першин находился в «деловых» отношениях. Жизнь Ярова и Иванкова, за последнее время, изменилась к лучшему за счет неизвестных источников.

Это обстоятельство дало повод к сличению почерка Ярова, Иванкова и Першина с почерком на конвертах, в которых преступники возвращали потерпевшим облигации и документы, причем графическая экспертиза установила сходство почерка на конвертах с почерком Ярова.

В процессе наблюдения за Першиным обнаружилось его намерение совершить взлом в институте «Цветметзолото». Першин следил за кассиром института, по ночам долго наблюдал за окнами и проверял двери института, наконец, была установлена покупка Першиным некоторого инструмента и веревки для спуска.

Совокупность всех собранных против Першина, Ярова и Иванкова улик не оставляли никаких сомнений в том, что четыре кражи с разгромом несгораемых шкафов являются делом рук этой группы, вследствие чего все они были арестованы.

Дальнейшими действиями, главным образом, обысками и засадами было полностью установлено участие Першина, Ярова и Иванкова в описанных выше четырех кражах со взломом несгораемых шкафов, в чем они после некоторого запирательства и сознались, выдав часть денег и набор инструментов для взлома, очень редкий в наше время.

Показания Першина представляют большой интерес. Он рассказал о всех своих преступлениях, раскрытых и не раскрытых, о методах их совершения, о своей деятельности в Польше и Латвии, где он, между прочим, совершил [в Риге] крупную кражу со взломом несгораемого шкафа в Американском посольстве...».

Вот как завершились похождения «медвежатника-тяжеловеса» и двух его подручных, попавших позже на скамью подсудимых.

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории органов внутренних дел Москвы

Судьба шедевров

Эта история в жизни столицы началась без малого сто лет назад. Точнее, 25 апреля 1927 года, в понедельник. В этот день, придя на работу, сотрудники Государственного музея изящных искусств (ныне — Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина; имя поэта было присвоено музею в 1937 году) обнаружили пропажу пяти полотен. Из голландского зала была похищена картина Рембрандта «Христос». Другие исчезли из итальянского зала, это — «Святое семейство» Корреджо, «Бичевание Христа» Пизано, «Иоанн Богослов» Дольчи и «Се человек» Тициана.

Вор самым хищным способом обошёлся с этими выдающимися полотнами. «Христос» Рембрандта был вырезан ножом по раме, а картину Тициана преступник испортил круговым движением ножа, оставив на подрамнике часть рук и головного убора Понтия Пилата. Остальные картины всё же вынул из рам целиком.

Даже сейчас, вспоминая это преступление, чувствуешь возмущение. Уж больно велика художественная и общественная ценность украденных картин. А стоимость ещё по дореволюционной оценке составляла более 1 млн долларов! В нынешних ценах значительно больше.

Вскоре в музей прибыла группа оперативников МУРа, которую возглавлял начальник отдела Николай Миронов. Действуя оперативно и слаженно, милиционеры воссоздали последовательность действий преступника. Встав на скамейку во дворике, он разбил форточку наружной рамы второго окна, выходящего на Волхонку справа от входной двери. Затем выдавил стекло внутренней рамы. Через разбитое окно проник в гардероб музея, затем во внутренний дворик Средних веков, перелез через металлические ворота в итальянский зал, а после — в зал голландцев. Тем же путём злоумышленник покинул музей с похищенными шедеврами.

Тициан. Се человек

Почему никто не услышал его? Просто потому что в те годы сокровища музея охранялись очень плохо. Кроме того, преступник действовал «под прикрытием» огромного колокола Храма Христа Спасителя, который располагался напротив выставочных залов. Как только зазвучал благовест и покрыл своим звуком всё остальное, вор разбил булыжником стекло в одном из окон.

Сыщики также зафиксировали, что под пустой рамой картины Тициана лежал конверт с запиской. Печатными буквами было написано: «Христосъ мерт бысть, смертию жизнь ожзивися».

Так кто же позарился на шедевры?

Одна за другой возникали версии: о религиозном фанатике, психически больном, случайном клептомане, профессиональном уголовнике, ворующем по заказу коллекционеров живописи или перекупщиков. Была ещё одна как бы подверсия — воровство для продажи за границу. В те времена Советский Союз при страшной нехватке валюты расплачивался за свои покупки произведениями искусства.

Вот эта последняя версия «проявилась» первой. В МУР обратился гражданин Италии Феликс Лопайне, находившийся в Москве в командировке. Он принёс картину «Бичевание Христа» Пизано.

Рассказал, что купил её у незнакомца из Ленинграда, который, в свою очередь, приобрёл её по случаю. Но, узнав, что картина находится в розыске, Лопайне решил обратиться в милицию.

Хотя было выявлено много интересной информации об итальянце (он, оказывается, в Гражданскую воевал в армии Колчака), в отношении расследования похищения следствие не продвинулось.

Тогда решили объявить через прессу о вознаграждении за любую информацию о пропавших картинах.

И это сработало. Сигнал поступил осенью 1931 года из одного из самых злачных мест столицы — ипподрома. Стало известно: некто по фамилии Федорович проигрался на бегах и ищет в долг крупную

сумму денег. Он заверял, что через некоторое время получит деньги за какую-то важную информацию.

Конечно, сыщики поинтересовались Федоровичем. Личность мутная. Будучи советским служащим, занимался спекуляцией мукой, за что был исключён из партии. Потом поступил в Наркомат почт и телеграфа, где присвоил 865 рублей профсоюзных взносов — их и проиграл на бегах.

Вскоре Федорович оказался в МУРе. В ходе допроса он признался, где спрятаны украденные картины. Показал тайник в районе Покровского-Стрешнева. Там был зарыт жестяной бидон, в котором оказались «Иоанн Богослов» Дольчи и «Святое семейство» Корреджо.

А остальные картины? Федорович молчал, видимо, придерживал их на чёрный день. Но у него в доме оперативники нашли лист бумаги с каким-то планом, на котором значилась точка в районе станции Михнево.

Поскольку точной привязки к местности не было, решили копать несколько траншей. Два дня рыли сырую землю и, к счастью, нашли на метровой глубине ещё один бидон с картинами.

После этого Федорович окончательно сознался и объяснил, зачем написал записку: хотел пустить следствие по ложному следу.

Вот как блестяще расследовали это дело работники МУРа. А теперь о грустном. Все картины в бидонах пострадали, тем не менее были проданы за границу. Страна приступала к индустриализации, в ходе которой предполагалось построить несколько тысяч заводов, фабрик, электростанций. Для этого нужны были деньги — так картины и оказались на западе, в частных коллекциях состоятельных людей.

Кроме одной — картины Тициана «Се человек», которую в своё время купил император Павел I для Эрмитажа. И тут огромную роль сыграл реставратор музея Василий Яковлев. Будучи известным живописцем, дважды лауреатом Сталинской премии, Василий Николаевич констатировал: полотно в столь бедственном положении отреставрировать невозможно. Его «поправили» как смогли, но не продали.

А уже в более поздние технологически продвинутые годы полотно удалось восстановить в гораздо большей степени.

Анна ШАМОНИНА,
репродукция из открытых источников

Сын новой страны

Начальником Управления милиции города Москвы в 1933—1937 годах был Леонид Давыдович ВУЛЬ, имевший специальное звание директора милиции.

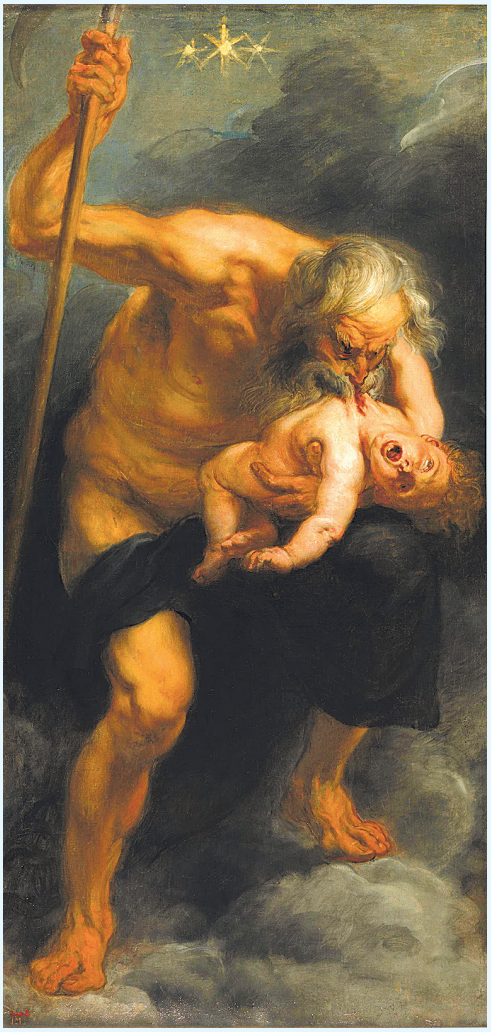
Леонид Вуль родился в последний год XIX века в городе Черкассы Киевской губернии в мещанской семье. Российскую империю, входившую в новое столетие, вскоре ожидали судьбоносные события, свидетелем и непосредственным участником которых стал будущий начальник московской милиции.

Его детство прошло стремительно. В 16-летнем возрасте Леонид уже работал на сахарном заводе. И, наверное, долгое время трудился бы здесь. Но страну охватывала революционная стихия. Леонид оказался в круговерти перемен. Вместе с товарищами он примкнул к большевистскому подполью, распространял листовки с призывами бороться с эксплуататорами рабочих масс.

Вуль стремился быть в авангарде новой власти. Осенью 1917 года он стал членом партии. В 18 лет молодой человек командовал отрядом бойцов, который противостоял бандитским шайкам. А с 1919 года он уже работал в органах ЧК: сначала следователем, затем секретарём, наконец, председателем уездной Белоцерковской ЧК. Тогда Леонид был переполнен энергией, стремлением строить новый мир, в котором нет места криминальному элементу. Вскоре он переехал в столицу, и здесь его назначили на должность уполномоченного Московской чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом. В 1922—1923 годах он руководил отделом по борьбе с бандитизмом МЧК.

В 1924 году Вуль стал начальником отделения по борьбе с бандитизмом Оперативного отдела Административно-организационного управления ОГПУ СССР. А в 1926 году возглавил отделение Экономического управления, его назначили начальником ударной группы по борьбе с бандитизмом Оперативного отдела ОГПУ СССР.

Заслуги Леонида Вуля не оставались незамеченными. В пятую годовщину ВЧК он был награждён знаком «Почётный чекист». За результативную деятельность в 1927 году чекист получил орден Красного Знамени.



П. Рубенс. Сатурн, пожирающий своего сына

В 1930 году ОГПУ откомандировало в московскую милицию ряд своих сотрудников для укрепления руководящего состава органов внутренних дел, в том числе Вуля — заместителем начальника МУРа. Он продолжал активно работать, что способствовало продвижению по служебной лестнице. С 1931 по 1933 год Леонид Давыдович возглавлял Московский уголовный розыск. Но не только его. В постановлении Президиума Мособлисполкома от 7 февраля 1932 года говорилось: «Утвердить заместителем начальника Управления РК милиции Москвы и Московской области т. Вуля Л.Д. с оставлением в должности начальника оперативно-розыскного отдела».

После того как милиция в декабре 1932 года вошла в состав ОГПУ, его в марте 1933 года утвердили в должности начальника городского Управления Рабоче-крестьянской милиции.

Являясь одновременно помощником полномочного представителя ОГПУ по Москве и Московской области, Леонид Давыдович стоял у руля московской милиции до 1937 года. Именно этот год, известный в истории страны масштабными репрессиями, стал для него роковым. Несмотря на новые заслуги, — а в 1936 году Вуль был награждён очередным орденом – Красной Звезды, получил специальное звание директора милиции, равнозначное генеральскому, — Леонид Давыдович оказался в ряду так называемых врагов народа. Он был арестован по сути своими же коллегами и вскоре расстрелян.

Волею судьбы свою короткую жизнь Вуль посвятил работе в правоохранительных органах нового государства, причём в то время, когда они только формировались, набирали силу. Кадровая чистка собственных рядов оказалась вскоре одним из элементов становления системы. Чистке подвергалось и население столицы. Ещё в 1932 году новый начальник уголовного розыска внёс предложение руководству ОГПУ: «во исполнение решений XVII партконференции о превращении Москвы в образцовый город», разрешить МУРу провести изоляцию социально-вредного элемента численностью до 10 тысяч человек. Одних из них предполагалось направить в лагеря, а других — в ссылку. Накануне 1933 года ЦИК и СНК СССР приняли кардинальное решение – установили единую паспортную систему по всему СССР, ввели обязательную прописку. Паспорта же выдавались только «добропорядочным» гражданам.

Но и сам Леонид Вуль стал жертвой жестокого времени, в котором будто бы возродился мифический Кронос. Опасавшийся быть свергнутым отпрыском, он пожирал всех своих детей. Одним из них, наверное, можно назвать Леонида Давыдовича. Весной 1937 года он получил новое назначение: стал начальником Управления РКМ — помощником начальника УНКВД Саратовской области. И там 17 июля его вместе с супругой арестовали...

Вуль был обвинён в причастности к контрреволюционной организации в органах НКВД. 28 июля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего директора милиции к высшей мере наказания — смертной казни. В тот же день приговор привели в исполнение.

Леонида Давыдовича Вуля посмертно реабилитировали 24 декабря 1955 года.

Стоит отметить трагическую судьбу и членов семьи Леонида Вуля. Его брат Михаил, бывший председателем правления Моснарбанка в Лондоне, был арестован в декабре 1937 года, расстрелян по приговору в ночь на 8 февраля 1938 года. Брат Ефим в 1942 году был арестован по месту работы, будучи начальником лагеря системы Главного управления лагерей НКВД, получил 8 лет заключения. Отбыв срок, он вышел на свободу, но через год был арестован повторно в Москве за «нарушение паспортного режима» и сослан в Казахстан, где вскоре умер. Супругу Раису Максимовну, арестованную вместе с мужем, в августе 1938 года отправили на 8 лет в исправительно-трудовой лагерь. Она умерла в Москве в 1984 году.

Подготовил Алексей БЕЛОЗЁРОВ, фото из открытых источников

Красная Звезда Ивана Челядко

В довоенное время в составе Научно-технического отделения Отдела уголовного розыска (так в то время официально именовался легендарный МУР) столичной милиции признанным криминалистом являлся эксперт НТО Иван ЧЕЛЯДКО. За успешную профессиональную деятельность Иван Александрович удостоился целого ряда поощрений, в том числе был награждён орденом Красной Звезды.

Два уголовных дела

В написанном 25 декабря 1935 года рапорте на имя начальника Мосгормилиции столичного Управления НКВД Леонида Вуля, бывшего руководителя МУРа, старший инспектор для особых поручений городского ОУРа Николай Осипов сообщил о раскрытии особо тяжкого преступления:

«Доношу, что руководствуясь Вашими конкретными оперативными указаниями, зверское убийство семьи ПОЛЯКОВЫХ в пос. [посёлке] Сходня [Московской области], удалось раскрыть. Задержанный по этому [уголовному] делу ЖУРКИН Михаил Иванович в преступлении изобличен и сознался, о подробностях совершения котораго [которого] 10-го числа Вам лично рассказал.

Сообщая об изложенном, я не могу не отметить активной роли в раскрытии этого преступления[,] проявленной экспертом НТО ОУР-а [ОУРа] тов. [товарищем] Челядко И.А.; Ст. [старшего] Инспектора для о/п [особых поручений] БЕЛОУСОВА Б.И. и Ст. Уполномоченного 6-го отд. [отделения] ОУР-а КОЧУБИНСКАГО [КОЧУБИНСКОГО] В.А.

Ввиду изложенного, я ходатайствую об объявлении указанным т.т. [товарищам] благодарности с выдачей возможнаго [возможного] вознаграждения».

Отличился московский криминалист Иван Челядко и при изобличении фигурантов «мелекесского дела», которое в декабре 1936 года было раскрыто на волжской земле выездной бригадой МУРа. Тогда во время служебной командировки в город Мелекесс (ныне — г. Димитровград Ульяновской области) эта спецбригада из лучших оперативных работников во главе с начальником Московского уголовного розыска Виктором Петровичем Овчинниковым всего за три дня вычислила бандитов Розова, Федотова и Ещеркина, зверски убивших с целью ограбления именитую учительницу Марию Владимировну Пронину — делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, являвшейся ещё и членом его Редакционной комиссии.

Кавалер ордена Красной Звезды Иван Челядко

В столичной ведомственной газете «На боевом посту», в № 1 (206) за 4 января 1937 года, опубликована статья начальника Отдела уголовного розыска УРКМ (Управление рабоче-крестьянской милиции) города Москвы майора милиции Виктора Овчинникова «Образец чёткости и оперативности», с подзаголовком «Раскрытие мелекесского дела»:

«18 декабря я, по распоряжению заместителя наркома внутренних дел — Комиссара государственной безопасности 2-го ранга тов. [Льва Николаевича] Бельского, выехал вместе с лучшими работниками Отдела Уголовного Розыска УРКМ г. Москвы <...> в гор. Мелекесс, Куйбышевского края для расследования и розыска преступников, совершивших подлое убийство делегата Чрезвычайного VIII съезда советов тов. М.В. Прониной. В гор. Мелекесс мы прибыли 20 декабря.

...Наша группа приступила к работе.

Прежде всего мы тщательно ознакомились с динамикой преступности в этом городе. Были изучены все уголовные дела 1935-36 гг. и проделана соответствующая оперативная работа. Нам удалось установить, что 2 декабря, еще до убийства Прониной, в г. Мелекессе, в один и тот же вечер было совершено 4 дерзких нападения на граждан с нанесением [пострадавшим]

ножевых ранений. Одним из этих нападений, между прочим, было нападение на гражданина Салазкина. Кроме того, просмотрев большое количество дел об уголовных преступлениях, взятых нами из архива за несколько лет, нам удалось обнаружить прекращенное, вследствие нерозыска преступников, дело об убийстве гражданина Малова, совершенное в апреле прошлого года. Ранение Салазкина и убийство гр-на Малова было совершено аналогичным способом, как и убийство Прониной... Дальше нам удалось обнаружить анонимную записку (которую получил отец убитого Малова); в этой записке говорилось, что преступление совершено Розовым и Федотовым.

...Сопоставляя случаи убийства Прониной и убийства Малова и 4 [четырех] дерзких нападений на граждан, совершенные 2 декабря, я и мои сотрудники пришли к выводу, что в Мелекессе оперирует определенная группа обнаглевших хулиганов-грабителей, во главе с Розовым и Федотовым. В связи с этим мы применили меры к розыску и аресту этих лиц. В ночь на 23 декабря нами с участием эксперта-химика Челядко, в 2 часа ночи был произведен арест Федотова на его квартире. Применяя методы научного расследования, нам удалось обнаружить на одежде, обуви и шапке преступника следы крови, хотя с момента совершения преступления прошло 12 дней. В эту же ночь был арестован главарь банды Александр Розов, который вернулся в Мелекесс из своей «гастрольной» поездки в соседний Малокандолинский район, где он в ночь на 21 декабря совершил вооруженное нападение и ограбление учительницы Субботиной. После долгого запирательства, под давлением собранных нами улик, Федотов, а затем Розов, сознались в убийстве тов. Прониной.

Тут же был арестован и третий участник убийства — Дмитрий Ещеркин...».

В качестве иллюстраций к данному материалу были опубликованы снимки руководителя Отдела уголовного розыска УРКМ города Москвы майора милиции Виктора Овчинникова и членов бригады, в том числе портрет эксперта-химика ОУРа Ивана Челядко. Вместе с другими членами выездной муровской бригады он тоже удостоился высокой награды — ордена Красной Звезды.

Выпуск газеты «На боевом посту», в котором напечатана статья Виктора Овчинникова «Образец чёткости и оперативности», включён в экспозицию истории Московского уголовного розыска.

...В 1937 году в Мелекессе прошёл открытый судебный процесс, на котором бандитам-грабителям Розову, Федотову и Ещеркину была вынесена «высшая мера социальной защиты» — смертная казнь.

Воин и криминалист

Как сообщила Наталия Семёнова — внучка Ивана Челядко, он родился 11 сентября 1895 года, окончил Николаевское инженерное училище.

Во время Первой мировой войны Иван Александрович, направленный на фронт, был командиром 3-й роты 12-го сапёрного батальона.

В боевом противостоянии с врагом войска Российской империи несли потери, что подтверждается документально. В частности, по сведениям особого отделения Главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях публиковались в печати данные об убитых и раненых в боях. Так, в журнале «Разведчик» в № 1334 за 31 мая 1916 года извести-

Прапорщик Иван Челядко — участник Первой мировой войны

ли, что были ранены: Куренков Иосиф Николаевич, Челядко Иван Александрович (контужен легко, остался в строю). В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в картотеке бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) имеется так называемая карточка на прибывших, оформленная по факту ранения Ивана Челядко. В этой карточке указано, что по данным из лазарета «причиной выбытия» прапорщика Ивана Александровича Челядко из 13-го сапёрного батальона стали полученные 22 апреля 1916 года ранение и контузия.

На сохранившейся до настоящего времени фотографии участника Первой мировой войны Ивана Челядко хорошо виден знак выпускника Николаевского инженерного училища.

26 октября 1918 года на имя Ивана Александровича Челядко оформили удостоверение, которым

Эксперт Иван Челядко проводит исследование в НТО

Кавалер ордена Красной Звезды Иван Челядко являлся военнообязанным, и когда началась Великая Отечественная война, он в первый же её день, 22 июня 1941 года, был призван для несения службы в МПВО — местную противовоздушную оборону города Москвы. Военный инженер 3-го ранга, Иван Александрович находился в рядах отдельного батальона МПВО Красногвардейского района столицы. Участник обороны Москвы, он был награждён медалями и за доблесть, проявленную в период Великой Отечественной войны.

подтверждалось, что он «допущен к слушанию лекций в Военно-Медицинской Академии». Обучение в этом авторитетном специализированном высшем учебном заведении, которое действовало в Петрограде (ныне — г. Санкт-Петербург), по сути предопределило для недавнего воина-окопника дальнейшую дорогу в жизни. Знания, полученные Иваном Челядко в петроградской Военно-медицинской академии, очень пригодились ему во время работы в столичном научно-техническом подразделении.

Будучи экспертом НТО, Иван Александрович трудился бок о бок с такими выдающимися оперативниками-муровцами, как Георгий Тыльнер, Филипп Безруков, Николай Осипов, Дмитрий Колбаев, Иван Свитнев, Алексей Ефимов... А в коллективе НТО Иван Челядко работал вместе с Леонидом Рассказовым, Алексеем Еремейкиным, Верой Прорехиной и другими замечательными коллегами.

В 2019 году вышла в свет книга «Экспертно-криминалистическим подразделениям органов внутренних дел города Москвы 100 лет: наука, практика, опыт», и в этом юбилейном издании упоминается:

«...В 1932 г. было принято решение о создании в Московском управлении уголовного розыска кабинета экспертизы, который возглавил Леонид Петрович Рассказов...

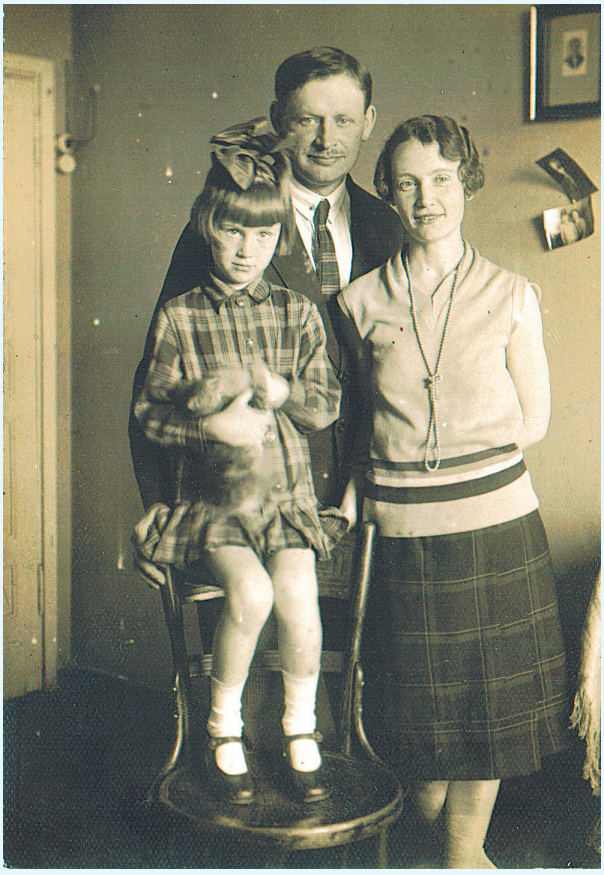
...Кроме <...> первых сотрудников кабинета в его составе также трудились: И.А. Челядко — химик, В.В. Прорехина — химик, и старейший фотограф — В.В. Андреев...

...В 1937 году эксперты Рассказов и Челядко проводят первые работы по одорологии».

Перекосы судьбы

О дальнейшей судьбе Ивана Александровича рассказывает его внучка Наталия Павловна:

— В 1950-х годах мой дедушка был осуждён по ложному доносу, и во время «отсидки» получил язву желудка, от которой впоследствии и скончался. Уголовники очень уважали его, репрессированного, и даже дали почтительную кличку — Учёный. Насколько я знаю, через год начальник МУРа,



Иван Челядко с женой Варварой Васильевной и старшей дочерью Ниной

который глубоко уважал Ивана Александровича Челядко и высоко ценил его как настоящего профессионала, буквально лично вызволил моего дедушку из мест лишения свободы. Но этот год, проведённый за колючей проволокой — в заключении, окончательно подкосил здоровье дедушки. Справку о его реабилитации я видела, однако она у нас, увы, была украдена, как и многие другие документы, а также и награды дедушки. Проживал же дедушка с семьёй в Москве с 1928 года в квартире дома 13/15 по Подколокольному переулку. Двухкомнатную квартиру в доме, построенном на месте бывшего Хитрова рынка, дедушка выбирал сам, так как эту жилую площадь ему предложили как хорошему и нужному сотруднику МУРа. Иван Александрович умер 9 июля 1960 года и похоронен в колумбарии столичного Донского кладбища. Я, к сожалению, лишь в младенческом возрасте видела дедушку, но по рассказам родных знаю о его замечательном характере, твёрдости духа и смелости.

Разместив в столичном разделе официального сайта движения «Бессмертный полк» биографические сведения о военном инженере 3-го ранга Иване Александровиче Челядко и несколько его снимков, Наталия Семёнова подчеркнула: «Сейчас у меня растёт сын, и я рада, что он может брать пример с нашего дедушки, гордиться им и его участием в Великой Отечественной войне во имя Мира и Победы».

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории МУРа
и личного архива Наталии СЕМЁНОВОЙ

Палач и жертва

Алексей Петрович ПАНОВ являлся начальником московской милиции в очень непростое время. Он заступил на этот пост в мае 1937 года и был уволен в марте 1939 года. Этот период нашей истории характеризуется двумя тенденциями общественного развития. Велась успешная и мощная индустриализация СССР и параллельно в общественной жизни шла острая политическая борьба, в ходе которой многие люди были арестованы, осуждены и казнены, часто абсолютно незаконно.

Алексей Панов родился в 1902 году в небольшом селе Марки Острогожского уезда Воронежской губернии в семье местного фельдшера. Благодаря заботам отца получил неплохое образование.

Его юность выпала на годы резких перемен — ему было 15 лет, когда из Петрограда пришла весть о Великой Октябрьской социалистической революции. Воронежская земля оказалась в эпицентре боёв Гражданской войны. Кто здесь только не бывал за эти годы — белогвардейцы, белоказаки, немцы, многочисленные банды разных атаманов. Трудно было даже взрослому и опытному человеку разобраться в этом политическом круговороте, но юный Алёша сумел выбрать правильный путь.

Как только ему исполнилось 17 лет, он добровольно записался в Красную армию. Грамотного и толкового парня направили служить в органы Всероссийской чрезвычайной комиссии — легендарной ВЧК. В том же 1919 году он становится членом Всероссийской коммунистической партии (большевиков).

Нагрудный знак командного состава РКМ

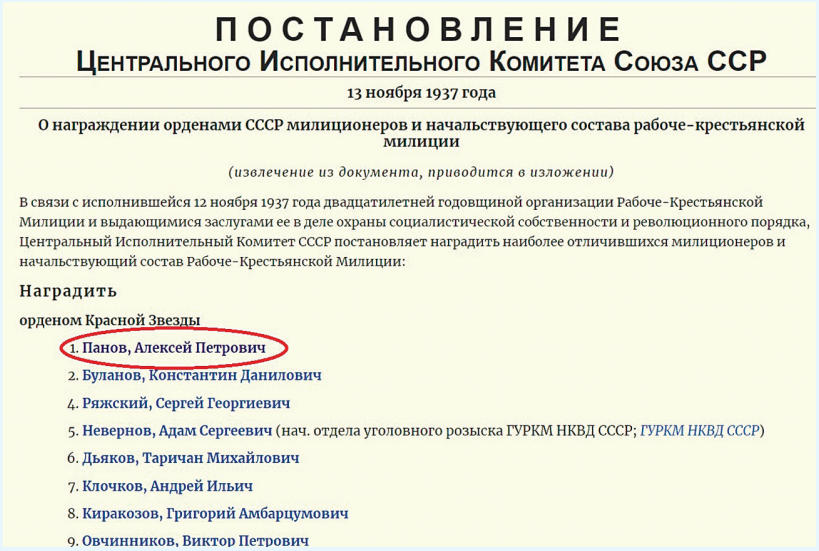
Дальнейшая жизнь и служба были связаны с работой в оперативных подразделениях ВЧК, как известно, скрытых от посторонних глаз. Впрочем, следуя некоторым данным, можно понять, что карьера Алексея Панова развивалась успешно. Так, в 1932 году он был удостоен знака «Почётный работник ВЧК — ОГПУ (XV)», который был учреждён к 15-й годовщине ВЧК. В мае 1934 года Панов был назначен на очень высокий пост — начальника Управления милиции по Московской области. Здесь он также показал себя с хорошей стороны и был удостоен знака «Почётный работник РКМ». Ему было присвоено специальное звание старшего майора милиции (два ромба на синих петлицах). В армейской иерархии эти звания соответствовали комдиву. Всего 12 милицейским начальникам было присвоено такое высокое звание.

И уже через год ему доверили возглавить Рабоче-крестьянскую милицию в главном городе СССР. Через несколько месяцев его наградили орденом Красной Звезды, по тем временам наградой высокой и редкой. Интересно, за какие подвиги?

Нам вновь придётся вернуться к теме общественной жизни страны и Москвы тех времён. В стране, как уже указыва-

лось, наряду с успешным строительством экономики шла борьба с «врагами народа», к которым причисляли не только настоящих врагов (а они, несомненно, были), но и людей просто ошибающихся, иногда высказывающих вслух своё недовольство какими-то решениями властей.

Во главе этой борьбы шли чекисты, а знаменем её стал руководитель Народного комиссариата внутренних дел СССР Николай Ежов, назначенный на эту должность в сентябре 1936 года. Вот что писал в газете, между прочим «Пионерской правде», народный поэт Казахстана Джамбул: «В сверкании молний ты стал нам знаком, / Ежов, зоркоглазый и умный нарком. / Великого Ленина мудрое слово / Растило для битвы героя Ежова». Возникли легенды о том, что «враги народа» оказались в «ежовых рукавицах». Состоялось несколько судебных процессов, больше похожих на судилища. Были расстреляны как враги народа известные партийные, военные работники, старые члены партии.



ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

13 ноября 1937 года

О награждении орденами СССР милиционеров и начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции

(извлечение из документа, приводится в изложении)

В связи с исполнившейся 12 ноября 1937 года двадцатилетней годовщиной организации Рабоче-Крестьянской Милиции и выдающимися заслугами ее в деле охраны социалистической собственности и революционного порядка, Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет наградить наиболее отличившихся милиционеров и начальствующий состав Рабоче-Крестьянской Милиции:

Наградить

орденом Красной Звезды

1. **Панов, Алексей Петрович**
2. **Буланов, Константин Данилович**
4. **Ряжский, Сергей Георгиевич**
5. **Невернов, Адам Сергеевич** (нач. отдела уголовного розыска ГУРКМ НКВД СССР; *ГУРКМ НКВД СССР*)
6. **Дьяков, Таричан Михайлович**
7. **Клочков, Андрей Ильич**
8. **Киракозов, Григорий Амбарцумович**
9. **Овчинников, Виктор Петрович**

Возникло такое явление, как «ежовщина» — явление незаконное и противоположное тем целям, которые провозглашала советская власть. Дошло до того, что преступников начинали разоблачать по разнарядке из столицы. Приходила в партийный орган, в воинскую часть, в трудовой коллектив депеша: к такому-то сроку разоблачить столько-то врагов — шпионов, троцкистов, затаившихся буржуев и белогвардейцев. Это явление стало модным — участвовать в разоблачении «врагов народа» захотелось всем. Искать стали многие — бдительные пенсионеры, активные пионеры, но в первую очередь партийные руководители регионов. Со всех сторон в Кремль посыпались просьбы добавить им разнарядку «по разоблачению врагов».

Мы так подробно пишем об этом позорном явлении, потому что оно сказалось на судьбе нашего героя. Оказавшись на вершине власти, возглавив милицию Москвы, Алексей Петрович также занялся поиском врагов. Он обнаружил их в школе комсостава милиции при московском управлении. Начальником этого учебного заведения был Яков Иванович Дектер, известный чекист, латыш по национальности. В школе работали многие его земляки, вызывавшие особое подозрение у Панова. И 8 июля 1937 года он направляет докладную записку начальнику Управления Народного комиссариата внутренних дел СССР по Московской области комиссару государственной безопасности 1-го ранга Станиславу Реденсу о выявлении в 1-й школе Управления рабоче-крестьянской милиции города Москвы «группы чрезвычайно подозрительных лиц, подобранных начальником школы Дектером». И приводит в записке их имена и фамилии, в основном уроженцев Прибалтики. Реденс сам поляк, но реагирует «так, как надо».

Начинаются аресты, задержанных допрашивают «с пристрастием» — бьют, не дают спать, держат в карцерах. И они подписывают себе смертные приговоры, дают показания на безвинных лиц. Вскоре усилиями «костоломов» в следовательском обличье была «сформирована» враждебная контрреволюционная организация. Кстати, в эти «жернова» попал и отец знаменитого советского барда Юрия Визбора, латыш по национальности, который был также арестован и расстрелян.

Столь решительная борьба с «врагами народа» Алексея Панова была высоко оценена — 13 ноября 1937 года Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР он был награждён орденом Красной Звезды. Панов вошёл в ряды редких в то время орденоносцев...

Но, как сказано в Библии, есть «время разбрасывать камни, и время собирать камни». Вскоре руководство партии и страны начинает понимать всю разрушающую силу ежовщины и процветающего беззакония. Ежов был арестован, осуждён и расстрелян. На его место был назначен Лаврентий Берия. Новый нарком безопасности привлёк в ряды чекистов много молодых людей из народного хозяйства, вузов, молодых коммунистов.

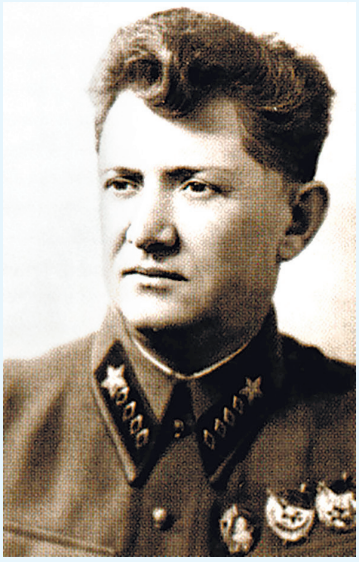
Начался пересмотр дел, состряпанных Ежовым и его подручными. Выяснилась ужасная картина злоупотреблений, незаконных арестов, неправедных приговоров. И тогда взялись за тех, кто фабриковал дела.

До полного прояснения дел Панова в апреле 1939 года отстранили от должности и направили в распоряжение отдела кадров НКВД СССР. Через пару месяцев он получил назначение на должность заместителя начальника Самарского исправительно-трудового лагеря НКВД. Но в апреле 1940 года был арестован и сам оказался «врагом народа». Уже новые чекисты установили, что Панов является

участником антисоветского заговора в органах НКВД. И что якобы в этот заговор его втянул не кто иной, как тот самый начальник Управления НКВД Московской области Станислав Реденс.

Следует сообщить читателям, что Реденс был женат на Анне Сергеевне Аллилуевой, сестре жены Сталина, то есть являлся свояком кремлёвского вождя. Вряд ли в органах безопасности был более близкий родственник Сталина. Так вот, организация, возглавляемая свояком Сталина, ставила себе задачу — организовать в стране государственный переворот. Панов же якобы получил от родственника Сталина задание — подыскивать работников ОРУДа (по-современному — гаишников) для совершения террористических актов. И он, Панов, намечал использовать в целях антисоветского заговора два сформированных им отряда милиции.

Надо сказать, что новое поколение чекистов от своих предшественников ничем в методах поведения не отличалось. Арестованных всё также «прессовали» и требовали признаться в преступлениях. Панова изобличили несколько арестованных коллег в ходе очных ставок.



Станислав Францевич Реденс

Пока шло разбирательство, началась Великая Отечественная война. Ситуация в стране изменилась так, что Панов мог бы вернуться в строй, как были выпущены в то время из тюрьмы и назначены на разные должности в армии и на флоте многие арестованные командиры. Но не случилось. Берия, видимо, решил по-другому. Панова осудили 8 июля 1941 года по знаменитой 58-й, контрреволюционной, статье к высшей мере наказания и вскоре расстреляли.

8 мая 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении группы бывших «врагов народа» их наград, среди них был и Панов, которого лишили ордена Красной Звезды.

Как известно, уже после смерти Сталина и преодоления «культа личности» в стране прошла массовая реабилитация жертв незаконных репрессий. Но нет данных о том, что старший майор милиции Алексей Панов реабилитирован. Он был и жертвой, и палачом.

Анна ШАМОНИНА,
фото из открытых источников

Знаток папиллярных узоров

В советское время в число легендарных экспертов-криминалистов органов внутренних дел столичного региона по праву вошёл Алексей ЕРЕМЕЙКИН, почётный работник РКМ (Рабоче-крестьянская милиция) и заслуженный работник МВД СССР. Зачисленный в Московский уголовный розыск через несколько лет после Октябрьской революции, Алексей Фролович в дальнейшем в столичной милиции прошёл большой путь и занимал руководящую должность в городском НТО — Научно-техническом отделе, а вскоре после окончания Великой Отечественной войны возглавил аналогичное подмосковное специализированное подразделение стражей правопорядка.

Первые награды специалиста

Алексей Еремейкин родился 9 марта 1903 года в Москве в семье рабочего-железнодорожника. Выпускник 4-классного городского училища тогда же, с октября 1915 года, начал трудиться этикетчиком на фабрике чаеразвески. Затем, в середине осени 1918-го, парнишку взяли конторщиком в действовавшее в столице РСФСР Управление стройки новых линий Казанской железной дороги.

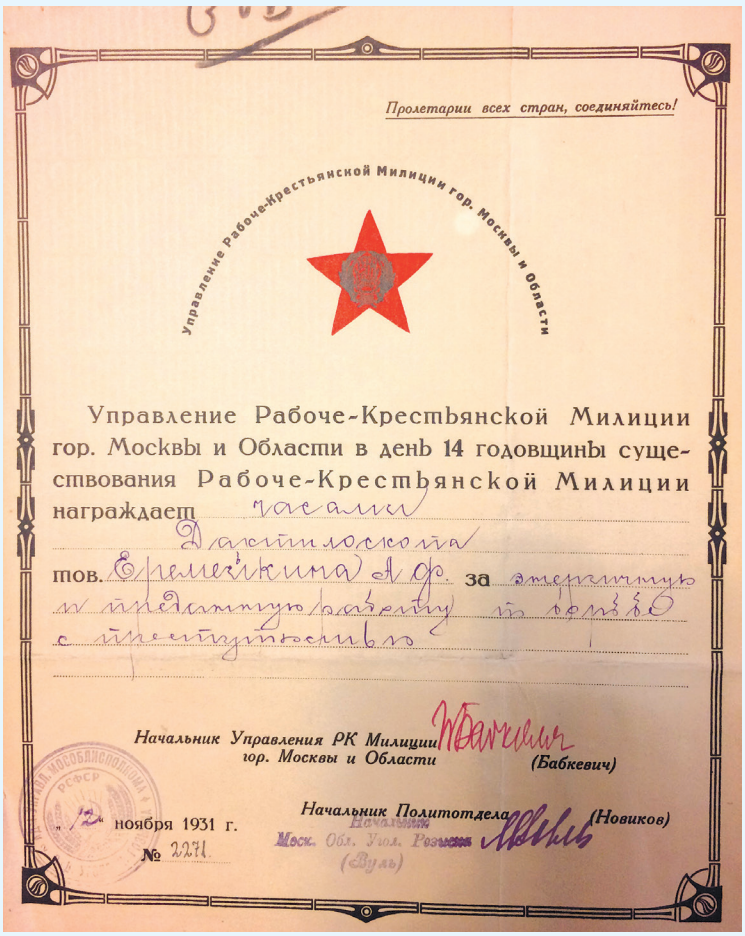
6 февраля 1920 года из канцелярии МУРа (Московское управление уголовного розыска в ту пору обозначалось и как МУУР) на биржу труда поступил официальный документ, по которому можно судить, когда юноша сделал свой судьбоносный выбор. В казённой бумаге содержалась просьба «о срочном зарегистрировании на Бирже Труда предъявителя сего [документа] Еремейкина Алексея Фроловича», которого пригласили на работу конторщиком в столичный уголовный розыск. Соответственно, молоденькому коренному москвичу выдали оформленную на данной бирже регистрационную карточку. Быстро поступили в управление угрозыска и запрошенные в Ново-Андроньевском комиссариате Москвы «подробные сведения о семейном, имущественном положении, нравствен-

ных качествах и прежней службе» Еремейкина. Короче, для него с той зимней поры, февраля 1920-го, начнётся действительно необыкновенная «оперативно-криминалистическая эпопея», которая, как окажется, продлится свыше четырёх десятилетий.

Будущий признанный знаток папиллярных узоров, агент (сотрудник) 4-го района Московского уголовного розыска А.Ф. Еремейкин был прилежным учеником у известного судебного медика и криминалиста П.С. Семеновского и специалиста по дактилоскопии Я.Ф. Терехова. Надо отдать им должное, они заметили старание подопечного — помощника дактилоскопа (так поначалу именовалась эта криминалистическая специализация) — и щедро делились с ним секретами экспертного дела.

Первые профессиональные успехи к начинающему дактилоскопу пришли ещё в первой половине 1920-х. Так, дактилоскопическая экспертиза, осуществлённая Алексеем Еремейкиным, позволила изобличить виновника кражи из мастерской завода по изготовлению электромоторов. Причём это была, как записали в личном деле Алексея Фроловича, третья по счёту экспертиза такого рода в Московском управлении угрозыска с момента его образования.

Бывший начальник НТО УМ (Управление милиции) города Москвы полковник милиции в отставке Леонид Рассказов в опубликованной в ведомственной прессе статье «На пути к мастерству», рассказывающей о коллеге по работе Алексее Еремейкине, подробно поведал и про упомянутую экспертизу:



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Управление Рабоче-Крестьянской Милиции гор. Москвы и Области

Управление Рабоче-Крестьянской Милиции гор. Москвы и Области в день 14 годовщины существования Рабоче-Крестьянской Милиции награждает часами

тов. Еремейкина А.Ф. за энергичную и талантливую работу по борьбе с преступностью

Начальник Управления РК Милиции гор. Москвы и Области (Бабкевич)

Начальник Политотдела (Новиков)

12 ноября 1931 г.

№ 2271

«...Еремейкину довелось тогда осматривать место дерзкой кражи, совершенной в электромеханической мастерской.

Вор разбил стекло и, отогнув обильно смазанный маслом вентилятор, проник в мастерскую. На осколках были жирные пятна, много пыли, но никаких следов. Еремейкин кропотливо и последовательно осматривал предмет за предметом. Труд увенчался успехом: на листке грязной бумаги, которой был покрыт стол, Еремейкин обнаружил несколько масляных пальцевых отпечатков. Характер следов, их расположение свидетельствовали о том, что они могли принадлежать только преступнику, который, испачкав руки в машинном масле вентилятора, опирался о стол, роясь в ящиках.

Убедившись в том, что преступник бывалый и опытный, молодой работник решил самостоятельно, с помощью дактилоскопической картотеки, ответить на вопрос: кто совершил кражу в мастерской?

Много времени потратил он на проверку, но все тщетно — нужной карты, на которой отпечатки пальцев были

бы сходны [с обнаруженными следами], не находилось.

С красными от бессонницы глазами сидел он и думал: «Неужели на этом нужно поставить точку? Где выход?».

Еремейкин вспомнил, что в МУРе были дактилоскопические карты дореволюционного сыскного отделения. Особых надежд на них не возлагал, но решил испытать все возможности. И что же? На одной карте отпечаток пальцев был тождественным с отпечатками на листе бумаги, [отысканном] в мастерской. Вором оказался К., зарегистрированный еще в 1912 году. Преступник был найден!..».

Звание почетного работника рабоче-крестьянской милиции обязывает:
быть бдительным,
зорко охранять права советского гражданина от нарушителей Великой Сталинской Конституции
беспощадно бороться с врагами социалистического государства,
непоколебимо стоять на страже социалистической собственности,
быть образцом гражданской дисциплины и примером в соблюдении правил социалистического общежития.

Подпись владельца

Без фотокарточки недействительна

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Мл. Лейтенанту Милиции

товарищу Еремейкину Алексею Фроловичу

за беспощадную борьбу с уголовной преступностью

выдан нагрудный знак

ПОЧЕТНОГО РАБОТНИКА РКМ

за № 654

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР

19 Ноября 1937 г.

В связи с 14-й годовщиной существования Рабоче-крестьянской милиции Управление РКМ города Москвы и Московской области «за энергичную и преданную работу по борьбе с преступностью» в ноябре 1931 года наградило старшего дактилоскописта А.Ф. Еремейкина часами.

А в ноябре 1937 года от Народного комиссариата внутренних дел СССР младшему лейтенанту милиции А.Ф. Еремейкину, с лаконичной формулировкой — «за беспощадную борьбу с уголовной преступностью», был вручён нагрудный знак почётного работника РКМ.

В подписанной начальником Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) г. Москвы старшим майором милиции Алексеем Петровичем Пановым характеристике на Алексея Фроловича Еремейкина, представленного к награждению знаком почётного работника РКМ, фигурировали в том числе два конкретных примера эффективной деятельности столичного эксперта.

В 1932 году Еремейкиным посредством тщательнейшего выполнения оттисков с остатков разбитого стекла была получена «дактилоскопическая подсказка» и установлена личность преступника Локанина, который совершил кражу через выбитое окно в железнодорожном вагоне председателя ОГПУ (в 1926 — 1934 годах) Вячеслава Менжинского.

В другом случае выявить преступника помог нестандартный ход «на опережение», который полностью оправдал надежды экспертного работника. Так вот, из шкафа в квартире секретаря французского посольства кто-то систематически похищал деньги, и с целью поимки вора решено было в указанное мебельное изделие поставить... простое стекло. Когда уголовник-«домушник» опять обокрал злополучную квартиру, то он на сей раз всё-таки «прокололся»: был опознан по оставленным на стекле отпечаткам пальцев и позже арестован.

Два следа и три сотни проверенных лиц

Перспективного специалиста Алексея Еремейкина, окончившего в 1934 году четыре курса рабфака, через несколько лет выдвинули на должность старшего эксперта Научно-технического отделения Управления милиции города Москвы. Специальное звание лейтенанта милиции Алексею Фроловичу было присвоено приказом НКВД СССР от 1 августа 1940 года (№ 1027).

В период Великой Отечественной войны сотрудники столичного НТО трудились с предельной нагрузкой, однако они находили в себе силы справляться буквально с валом всевозможных профессиональных задач и порой добивались, без всякого преувеличения, поразительных криминалистических успехов. Скажем, Алексей Еремейкин очень активно и при этом весьма результативно поработал по факту кражи с военного склада. Имея всего-навсего два следа пальца руки с места преступления, мастер дактилоскопии в присутствии командира части и прокурора, под предлогом медицинского осмотра, проверил руки свыше 300 человек и установил-таки преступника.

В 1949 году Алексея Фроловича утвердили начальником отделения Научно-технического отдела УМ города Москвы. Эксперт-руководитель доказал свою состоятельность и на этом ответственном должностном посту.

В столичной газете «На боевом посту» в № 12 (1185) за 24 марта 1950 года, на 1-й странице, опубликована статья «Первоклассный дактило-

Алексей Еремейкин (стоит первый слева) с коллегами

скопист», автором которой является капитан милиции Я. Порхомовский – сотрудник НТО:

«Исполнилось 30 лет работы в московской милиции начальника отделения Научно-Технического отдела майора милиции А.Ф. Еремейкина.

Шестнадцатилетним юношей поступил Алексей Фролович в Московский уголовный розыск. В сложном деле распознавания личности преступника по отпечаткам пальцев нашел он свое призвание. Непрерывно совершенствуясь, тов. Еремейкин стал первоклассным экспертом-дактилоскопистом. Производимые им осмотры мест происшествий являются отличным примером безукоризненного овладения сложной тактикой и [современной] техникой.

Богатейший практический опыт и глубокие знания позволили ему добиться успеха в разработке новых возможностей в дактилоскопии. Следует отметить его изыскания по негативным пальцевым отпечаткам, по применению пороскопии, а также по использованию монодактилокартотеки и оперативной дактилоскопической картотеки.

Многим работникам московской милиции хорошо известно имя тов. Еремейкина. В тех случаях, когда он принимает участие в расследовании или производстве экспертизы, [можно быть уверенным], что ни одна, даже самая незаметная, улика не скроется от его глаз. [...]

Тепло отметив юбилей Алексея Фроловича Еремейкина, коллектив нашего отдела пожелал ему здоровья и плодотворной работы на благо нашей любимой Родины».

Новое назначение

В августе 1950 года столичного специалиста-руководителя перевели в подмосковную милицию — на должность начальника научно-технического отделения. Миновало чуть больше полгода, и в марте 1951-го подполковник милиции Алексей Еремейкин возглавил Научно-технический отдел УМ Московской области. И здесь Алексей Фролович проявил себя отличным организатором, о чём свидетельствует награждение в июле 1957 года начальника НТО УВД исполкома Мособлсовета знаком «Заслуженный работник МВД».

В приказе министерства (№ 630 от 26 августа 1957 года) указано, что этой награды полковник милиции Еремейкин удостоен «за успешное выполнение задания МВД СССР» по обеспечению общественного порядка в период подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в городе Москве.

Во время работы в подмосковной милиции начальник областного НТО Алексей Еремейкин поддерживал тесную связь с коллективом столичных экспертов-криминалистов, что способствовало раскрытию целого ряда преступлений. Алексей Фролович проявил себя и как превосходный наставник, подготовивший к успешной самостоятельной экспертной деятельности немало молодых специалистов, в том числе и дактилоскопистов.

Выйдя в отставку весной 1960 года, Алексей Еремейкин стал членом Совета ветеранов милиции при УВД исполкома Мосгорсовета и на общественных началах активно помогал внедрению научно-технических средств в криминалистической службе.

Кавалер ордена Ленина и двух орденов Красного Знамени Алексей Фролович Еремейкин, награждённый также медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 800-летия Москвы», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другими, умер 13 сентября 1979 года и похоронен на столичном Николо-Архангельском кладбище.

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Центрального музея МВД России и личного архива Станислава АНОРОВА

Заслуживает особой благодарности

Комиссар милиции 2-го ранга Виктор Николаевич РОМАНЧЕНКО возглавлял московскую милицию в самый трудный период жизни страны — в военное лихолетье. На высокую должность он был назначен в 34 года и, как показали все дальнейшие события, это была незаурядная личность, талантливый руководитель, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Недаром же в период его руководства гарнизоном московская милиция в 1944 году была награждена орденом Красного Знамени.

Но стремительная служебная карьера, заслуженные награды и уважение — всё это будет позже. А пока... Год рождения — 1906-й. Начинал свою трудовую жизнь десятилетний Витя Романченко, как и его отец Николай, с... батрачества в кулацком хозяйстве. Мать Наталья Францевна Шведе из семьи рабочего-портного, этническая шведка (национальность матери ещё аукнется будущему начальнику столичной милиции). В 1922 году в Харькове он ещё ученик и помощник механика в мастерских телеграфа Южных железных дорог. А в 1924 году случилось событие, определившее всю его дальнейшую жизнь: восемнадцатилетний Виктор Романченко по разверстке ЦК ВЛКСМ был направлен в Московскую военно-инженерную школу имени Коминтерна. И через четыре года он уже командир взвода отдельного сапёрного полуэскадрона 5-й отдельной Кубанской кавалерийской дивизии Сибирского военного округа. Затем — довольно успешное продвижение по служебной лестнице: начальник военной школы, командир сапёрного эскадрона, врио начальника штаба дивизии. В 1937 году Виктор Романченко поступает на заочное отделение Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе и одновременно занимает должность начальника штаба сапёрного батальона механизированной бригады. Годы учёбы в академии также можно назвать судьбоносными: помимо полученного блестящего военного образования он ещё овладел японским языком и на всю жизнь подружился с будущим выдающимся полководцем, Маршалом Советского Союза Константином Рокоссовским, который также начинал службу в кавалерии.

В 1939 году профессиональная судьба Виктора Романченко сделает крутой поворот: ещё за год до окончания академии ему неожиданно предложат должность заместителя начальника Управления рабоче-крестьянской (УРКМ) милиции Москвы. В феврале он перейдёт на милицейскую службу, а уже в апреле станет начальником УРКМ столицы. В начале 1941 года его должность будет звучать так: заместитель начальника УНКВД по Москве и Московской области, начальник управления милиции Москвы.

Великая Отечественная война стала суровой проверкой московской милиции на прочность и профессионализм. И в том, что её сотрудники с честью выдержали это испытание, есть огромная заслуга и её руководителя — Виктора Николаевича Романченко. Он сумел правильно организовать её работу, максимально мобилизовать подчинённых на выполнение задач, которые со стороны могли показаться невыполнимыми. С началом войны работа московских милиционеров крайне осложнилась. Половина сотрудников ушла на фронт и в партизанские отряды. Кстати, многие милиционеры-москвичи пополнили ряды бойцов 16-й армии под командованием Константина Рокоссовского, защищавшей Москву от фашистов.

Виктор Романченко помогал защитникам столицы и людскими ресурсами, и всем чем мог, регулярно наведываясь на передний край. Он не раз просился у высшего начальства отпустить его в действующую армию, на фронт, но регулярно получал отказы. Ведь в самой Москве у милиции работы было по горло. Особо тяжёлыми были дни осени 1941-го и начала зимы. В городе будоражили народ паникёры, воры и грабители использовали панику в своих целях, мародёры и спекулянты торопились оторвать себе куски пожирнее, а регулярно появ-

ляющиеся диверсанты создавали особую опасность для жителей. Со всей этой преступной лавиной нужно было бороться не на жизнь, а на смерть. А если учесть, что вместо ушедших на фронт мужчин-милиционеров пришлось набирать женщин, то сегодня почти невозможно понять, как удалось обескровленной московской милиции выстоять против сонма чудовищ. Но столичные правоохранители не только выстояли, но и сумели сохранить общественный порядок в городе. Личный состав организовывал укрытие населения во время воздушных налётов противника, ликвидировал последствия авианалётов, контролировал соблюдение режима светомаскировки, боролся с беспризорностью, дезертирством и паникёрством. Ну и конечно, не забывал о главной своей задаче — борьбе с преступностью.

Ситуация была непростая. Чем сложнее складывалась обстановка на фронте, тем сильнее активизировалась криминальная среда: оживились спекулянты продуктовыми карточками, перекупщики, фальшивомонетчики, ударились в беспредел мародёры, использовали ситуацию в своих целях воры, бандиты и мошенники. Ко всему прочему в Москву как на конвейере засылались вражеские диверсанты. В условиях осаждённого города столичная милиция была переведена на режим военного времени: двусменный режим по 12 часов, казарменное положение, отмена отпусков. Руководитель московской милиции Виктор Романченко сумел так чётко отладить работу своих подчинённых, что абсолютное большинство попыток диверсантов было сведено к нулю. В городе хотя и не сразу, но довольно быстро был наведён образцовый порядок.

Работа руководителя московской милиции не осталась незамеченной: уже 21 июля 1941 года Сталин объявил Романченко благодарность за отличную работу милиции в сложнейший период. Только за период Великой Отечественной Виктор Николаевич Романченко был награждён двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, а также медалями «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Москвы». Будучи главой столичных милиционеров, Романченко успевал ещё и оказывать огромную помощь защитникам Москвы, лично участвовал в организации снабжения армии, содействовал нуждам фронта. Так, от московской милиции было передано армии Рокоссовского 300 автомобилей. Близкие Романченко люди вспоминают, что он в бытность сапёром-кавалеристом, используя свои навыки, лично готовил взрывчатку и на своей машине по Дмитровскому шоссе отвозил её к пунктам отправки за линию фронта, а случалось, что и сам участвовал в закладке мин.

Благодаря грамотно организованной работе московской милиции, несмотря на все трудности военного времени, в столице поддерживался порядок, а жители получили уверенность, что в городе есть крепкая рука, способная остановить любой криминальный беспредел. Виктор Романченко показал себя с лучшей стороны не только как грамотный профессионал, но и как мужественный человек, пример для подчинённых. Преступники устраивали на него покушения, недоброжелатели критиковали его за решительность, но он никогда не терял самообладания и здравомыслия. В самые тяжёлые для жизни столицы годы начальник московского милицейского гарнизона ещё раз сумел подтвердить знаменитую суворовскую истину: «Воевать нужно не числом, а уменьем». В годы войны город был наводнён оружием, попавшим туда с фронта, но ни вооружённым бандитским группировкам, ни отдельным представителям криминального мира не удалось ни запугать столичную милицию, ни заставить отступить. Борьба с бандитскими шайками велась решительно и успешно, большое количество группировок было разгромлено. Романченко умел не только чётко ставить задачи, но и лично руководить операциями.

Говорить о заслугах Виктора Романченко можно довольно долго, но самым весомым аргументом в пользу его высокого профессионализма мог бы стать вот какой факт: у руля московской милиции он оставался всю Великую Отечественную войну, поскольку менять его на кого-то другого не было смысла — все понимали, что человек на своём месте. Казалось бы, впереди у него блестящее восхождение на новую, самую высокую ступеньку карьерной лестницы — своей работой он доказал логичность такого шага. Но, увы, судьба часто преподносит самые неожиданные сюрпризы. В 1947 году Виктор Романченко вдруг получает новое назначение: вместо повышения его отправляют руководить милицией...

Новосибирской области. И если со стороны такой шаг мог бы показаться странным, то неофициальные источники сообщают, что Виктор Романченко стал жертвой подковёрных интриг Лаврентия Берии. Формально Романченко ставили в вину, что он якобы скрыл национальность матери, всё это происходило как раз во время развернувшейся в стране борьбы с космополитизмом. Больше года Виктор Романченко руководил новосибирскими милиционерами, а летом 1948 года в рамках всё той же кампании был и вовсе уволен из органов. Целый год он нигде не работал, получал пенсию. А затем написал наверх с просьбой вернуться на службу. К нему снизошли, вернули на службу, но... бывший руководитель столичной милиции в октябре 1949 года был назначен заместителем начальника Управления исправительно-трудовых лагерей и строительства № 447 МВД СССР. В апреле 1950 года его понизили в звании и откомандировали ещё дальше от Москвы: он получил должность заместителя начальника строительства по лагерю № 585 МВД СССР.

Виктор Николаевич, конечно же, сильно переживал от карьерных передряг. И 29 мая 1950 года он ушёл из жизни в возрасте 43 лет. Официальная версия: сердечный приступ. По неофициальной: был выстрел в затылок. Но как бы то ни было, а комиссар милиции 2-го ранга Романченко оставил достойный след в истории московской милиции и заслуживает особой благодарности москвичей, уважения и доброй памяти.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

«Семейное дело» Лопуховых

Для службы по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, как известно, к числу приоритетных линий оперативной работы всегда относилось противодействие фальшивомонетничеству, И надо подчеркнуть, что сотрудники столичного Отдела БХСС по праву считались в системе органов внутренних дел нашей страны одними из лучших специалистов по раскрытию такого рода уголовных деяний, связанных с подделкой денег.

Среди ярких профессиональных достижений московских сыщиков — изобличение в 1941 году фальшивомонетчика Николая Лопухова, сообщниками которого оказались его отец и брат. Между прочим, сугубо «семейное дело» — это действительно большая редкость для данного вида преступной деятельности.

Задержание братьев-сообщников

30 мая сорок первого в кассе пересчёта Московской конторы Госбанка в сумках торгующих организаций, при выборочной проверке, обнаружили фальшивые банковские билеты достоинством 10 червонцев, выпуска 1937 года. Об этом факте сразу же был проинформирован ОБХСС Москвы, и милицейские борцы с алчной уголовщиной незамедлительно приступили к проведению соответствующих оперативных мероприятий.

Благодаря энергичным усилиям сыщиков, вскоре был схвачен первый подозреваемый. 1 июня 1941 года в одном из магазинов в Киевском районе столицы задержали гражданина Алексея Кирилловича Лопухова, попытавшегося сбагрить в этом торговом заведении поддельную купюру. Прибыв в жилище задержанного и его жены, оперативники там, в московской квартире, застали Николая Кирилловича

Макет принадлежавшей фальшивомонетчикам Лопуховым избы с потайной комнатой

Лопухова, который приходился пойманному с поличным сбытчику родным братом.

У Николая Лопухова, при его задержании, был изъят чемодан с фальшивыми бумажными дензнаками. Кроме того, этот задержанный лишился в законном порядке и своих неправедных накоплений — полученных от сбыта липовой наличности настоящих денег, которые гостем Москвы были припрятаны в носки.

Обыск в деревенском доме

Сотрудники ОБХСС, к которым присоединились специалисты НТО — Научно-технического отделения Отдела уголовного розыска Управления милиции (УМ) города Москвы, отправились на обыск жилья Николая Лопухова. Как накануне установили оперработники, он и его отец Кирилл Фёдорович Лопухов обитали в частном доме в сельской местности: в деревне Веселёво Верейского района Московской области.

Обыскивая избу, сотрудники милиции нашли в этом жилом деревянном строении потайную комнату. Столичные правоохранители обнаружили этакую фотолабораторию Николая Лопухова, которая им использовалась в фальшивомонетнических целях. В качестве вещественных доказательств были изъяты фотоаппаратура и фотореактивы. Также в доме находился шкаф с двойными стенками — в предназначении такого тайника не приходилось сомневаться: явно не с благими целями он был устроен.

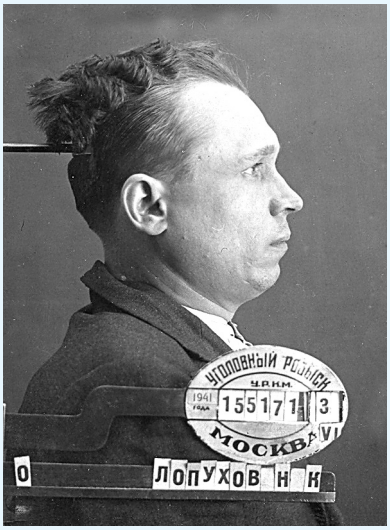
Однако, можно сказать, главные находки во время обыска были сделаны во дворе дома Лопуховых. Здесь, в укромном местечке, отыскали зарытые в землю две деревянные коробки и склеенный из досок ящик. Из данного «схрона» вытащили на свет, в частности, клише и фальшивые денежные знаки.

Конкретнее говоря, из потайного дощатого ящика извлекли клише защитной сетки текста поддельного паспорта, круглых печатей и штампов, а также и сделанное из жёлтой меди клише для изготовления фальшивых денег. К слову, легко напрашивался предварительный вывод, что клише из жёлтой меди уже использовалось для подделки купюр, так как поверхность этого специфического изделия была покрыта тёмной краской.

Допрос обвиняемого

В протоколе допроса обвиняемого Николая Лопухова подробно зафиксировано, с чего он начал разработку способов подделки паспортов и бумажных

дензнаков, а также какие «кустарные новшества» применил в дальнейшем при изготовлении фальшивок. В данном документе указано, что Лопухова допрашивал заместитель начальника 7-го отделения Отдела БХСС Управления милиции города Москвы Петров. Следует заметить, что допрос продолжался не один час и был окончен в половине девятого вечера.



Обвиняемый Николай Лопухов в период предварительного расследования

В начале этой в буквальном смысле протокольной беседы оперативник-руководитель спросил допрашиваемого:

— Из какого источника узнал, что механическим способом можно воспроизвести водяной знак?

— О том, что водяной знак можно воспроизвести механическим способом, я догадался сам путём осмотра настоящего паспорта... — ответил фигурант уголовного дела.

— Укажите, — счёл необходимым сразу же уточнить оперативный работник, — каким способом изготовлялся текст для паспортов, какие строки изготовлялись фотомеханическим путём и какие — другим способом?

— Текст для паспорта, гербы, номера я изготовил фотомеханическим способом, — не стал темнить Лопухов. — Все слова, буквы, номера, гербы я вычертил на бумаге, на одной пластинке сфотографировал и после скопировал на медные пластинки вышеуказанным способом, потом отретушировал ненужные места; вернее — все места, не подлежащие травлению, закрыл лаком, протравил и текст разрезал...

— Какими источниками и расчётами пользовался при постройке фотоаппарата?

— Никакими источниками при постройке фотоаппарата я не пользовался, — немногословно ответил обвиняемый.

Перейдя же к выяснению деталей использовавшейся Николаем Лопуховым «домашней технологии» дублирования купюр, замначальника отделения ОБХСС предложил:

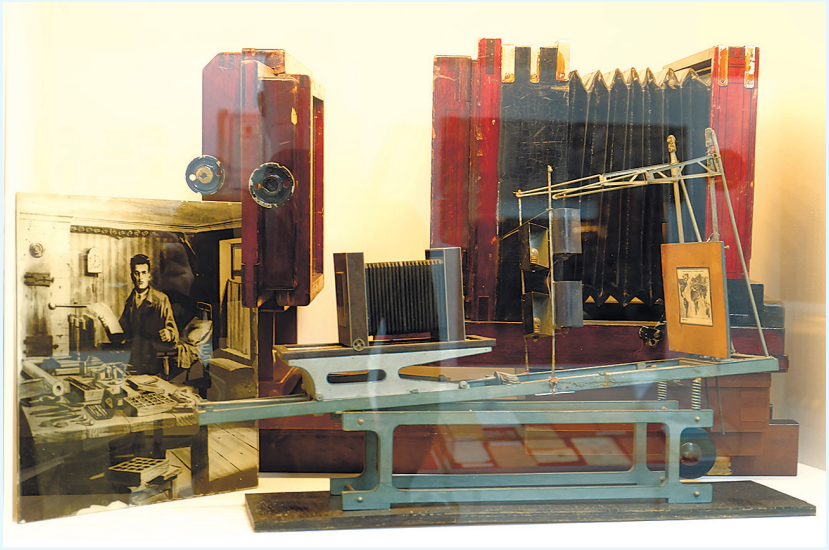
— Изложите подробно процесс изготовления форм для лицевой и обратной стороны [то есть форм для двусторонней] печати и сколько потратил времени на каждую операцию?

— При изготовлении гравюры для денег я применил горячий эмалевый способ копирования непосредственно с билета. Приготовил медные пластинки нужного размера. Приготовил кредитные билеты, вымыл их с мылом водой, просушил, разгладил валиком на стекле, очистил одну сторону каждого билета стеклом. Потом чисто отшлифованную пластинку, обезжиренную, обливал раствором прежде приготовленным, горячей эмалью, и эту пластинку подсушивал в центрифуге над лампой, приготовил кредитный билет, то есть кредитный билет положил на стекло копировальной рамки рисунком наверх [вверх], и на рисунок положил пластинку <...> [на некоторое время]. После этого медную пластинку окрасил чернилами для видимости копии, промыл пластинку водой и поставил сушить. После сушки стал пластинку эмалировать, подогревать на пламени огня, потом приступил к ретуши... Сделав это, приступил к травлению...

— Какие краски применял для лицевой и оборотной [обратной] стороны печатей и для нумерации?

— Для нумерации я применял краски: газовую сажу и лазурь, а связующим звеном мне служил масляный лак. Для гравюры я применял следующие краски: для обратной стороны — лазурь, часть газовой сажи и немного краплака, а для лицевой стороны [использовались] лазурь, газовая сажа и немного краплака, но только в другой пропорции, связующим веществом мне служил масляный лак.

— Зачем производил проклейку бумаги и из каких источников узнал, чем производится проклейка и как?



Фотоаппарат, использовавшийся при подделке денег

Включённые в музейную экспозицию снимки соучастников преступления — Кирилла и Алексея Лопуховых

— Проклейку бумаги я производил для того, чтобы бумага была плотнее и отпечаток бы выходил яснее и буквы бы не расплывались... Никаких консультаций о способе проклейки и чем проклеивать я ни от кого не получал. Мне нужен был клей, и я выбрал желатин, так как он в холодной воде не растворяется, не ломается и твёрдый на разрыв.

— Изготовлял ли где [и] когда в своей жизни какие-либо формы клише?

— Никогда, нигде я никаких клише не изготовлял и не видел, как [их] изготовляют. Самые первые изготовл[енн]ые мною клише — это те клише, посредством которых я изготовлял паспорта и фальшивые деньги. Нигде, никогда я в типографиях не работал, ни лекций, ни консультации не посещал, никто меня по вопросам изготовления денег и паспортов не консультировал и ни с кем не советовался. Нигде и никогда никакое печатное производство я не видел. В своей работе я «консультировался» с книгами, а именно: по гальванопластике и фотомеханическом процессе профессора Лауберта, а больше всего я «доходил» сам, путём производства мною всевозможных опытов...

Как и полагается, в конце протокола допроса обвиняемого Н.К. Лопухова имеется запись со стандартной формулировкой:

«Больше показать ничего не могу, записано с моих слов, мне прочитано, в чем и расписываюсь».

Часть изъятого при обыске по делу фальшивомонетчиков Лопуховых

«В результате кропотливой работы…»

Выполняя задание Научно-технического отделения ОУРа, Николай Лопухов на следственном эксперименте продемонстрировал отдельные стадии своего преступного «творчества». Как выяснило следствие, в течение ряда лет молодой злоумышленник неплохо изучил фотодело и графику, а ещё химию и некоторые прочие отрасли знаний.

По заключению выполненной в столичном НТО экспертизы, страницы поддельного паспорта (он был изъят из потайного ящика во время обыска в Подмосковье) заполнил Николай Кириллович Лопухов.

Его соучастниками, согласно собранным по уголовному делу доказательствам, были Алексей Кириллович и Кирилл Фёдорович Лопуховы.

В отчёте Управления Народного комиссариата внутренних дел Московской области по уголовному делу, возбуждённому в 1941 году по материалам ОБХСС УМ города Москвы названного УНКВД в отношении отца и братьев Лопуховых, указано в частности:

«Большое <...> значение руководством страны, особенно в военное время, придавалось ликвидациям

[проявлений] фальшивомонетничеств[а,] подрывающего финансовую систему нашего государства.

Изготовленные подделки денежных знаков высокого качества с использованием специально изготовленного клише являлось серьезной угрозой <...> экономик[е] страны, поэтому задержание и изобличение фальшивомонетчиков отца и братьев Лопуховых для работников ОБХСС УМ г. Москвы было делом чести.

В результате кропотливой работы, проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий <...> были задержаны: Лопухов А.К., Лопухов Н.К. и их отец Лопухов К.Ф.

При обыске изъяты типографические [типографские] и чертежные принадлежности для изготовления фальшивых купюр, фотореактивы, клише, бланки паспортов и фальшивые банковские билеты десятичервонного достоинства выпуска 1937 года.

Учитывая большое государственно-политическое значение этого дела[,] Лопухов Н.К. был приговорен к расстрелу, а [его] отец и брат осуждены на длительные сроки лишения свободы».

Правда, в некоторых других источниках отмечено, что к смертной казни за совершённое фальшивомонетничество осудили обоих братьев-соучастников — Николая и Алексея Лопуховых.

* * *

При осмотре посетителями постоянной экспозиции Музея истории Московского уголовного розыска их внимание не может не привлечь макет принадлежавшей Лопуховым деревенской бревенчатой избы с потайной комнатой, а в посвящённой изобличению семьи фальшивомонетчиков витрине демонстрируются вещественные доказательства по данному уголовному делу, включая фотоаппарат и клише.

В фондах Музея истории органов внутренних дел Москвы хранятся фотоальбом и другие архивные документальные материалы по этой неординарной криминальной истории, завершившейся для семьи фальшивомонетчиков разоблачением и законной расплатой за содеянное.

Александр ТАРАСОВ,
фото автора и из фондов
Центрального музея МВД России,
Музея истории органов внутренних дел Москвы

Солдаты Великой Отечественной — на новой передовой

Во время Великой Отечественной войны 15-м отделением милиции Москвы (ныне — отдел МВД России по Савёловскому району САО столицы) руководил Алексей Кириллович МАХНЮКОВ, который в специальном звании полковника милиции вышел на пенсию в 1970 году.

А после демобилизации из армейских рядов немало участников войны попали на другую передовую — по борьбе с преступностью и обеспечению общественного порядка. Уже в первые послевоенные месяцы на службу в органы внутренних дел столицы пришли сотни фронтовиков, которые были назначены на должности начальствующего и рядового состава.

Как и в целом по гарнизону города, так и на севере Москвы костяк милицейских коллективов составляли бывшие воины действующей армии. Сотрудников с боевым опытом выдвигали на ответственные должностные посты, в том числе доверяли возглавлять территориальные подразделения внутренних дел.

Портреты фронтовиков — в экспозиции

3 июня 1947 года было образовано 109-е отделение милиции Москвы (ныне — отдел МВД России по району Аэропорт). Из этого районного отдела полиции — для создававшейся экспозиции истории Управления внутренних дел по Северному административному округу Москвы — предоставили групповой снимок, подписанный совсем не по-казённому: «Солдаты Великой Отечественной войны встали на охрану общественного порядка. Участковые инспектора милиции: Терехов А.С., Ялыныч И.М., Полевой П.П., Курачев И.Ф. 1952 г.».

Иван Михайлович Ялыныч, который родился 24 апреля 1919 года, в Красную Армию был призван Октябрьским РВК (районный военный комиссариат) города Москвы во второй половине августа 1941-го и уже через считанные дни, в сентябре, оказался на одном из самых напряжённых участ-

Участковые А.С. Терехов, И.М. Ялыныч, П.П. Полевой и И.Ф. Курачев — сотрудники 109-го отделения милиции

ков сражения с немецко-фашистскими захватчиками. Тогда же, в сорок первом, — попал в плен. Вырвавшись из него, Иван Михайлович с 1943 по 1944 год бился с врагом в составе бригады «Слава» партизанского отряда имени Ворошилова. А с 1944-го воевал в боевых порядках 1206-го стрелкового Томашовского Краснознамённого полка 362-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова дивизии (33-й армии, 1-й Белорусский фронт), был дважды ранен. Красноармеец Иван Ялыныч являлся участником освобождения Белоруссии, Польши и наступления на столицу фашистской Германии. Приказом 1206-го стрелкового полка № 22/н от 6 мая 1945 года телефонист взвода связи 1-го стрелкового батальона И.М. Ялыныч был награждён медалью «За отвагу». Как написано в документе, этой наградой красноармеец Ялыныч отмечен «за то, что он в бою 20.04.45 г. [20 апреля 1945 года] северо-вост. [северо-восточнее] местечка Мюллрозе *(город в Германии, в земле Бранденбург. — А.Т.)* под сильным артиллерийским и минометным огнем противника устранил 7 порывов телефонной связи, этим самым обеспечил бесперебойную связь между командиром батальона и стрелковыми рот[ами]». Удостоенный ордена Отечественной войны I степени, двух медалей «За отвагу», медалей «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и других наград, Иван Михайлович Ялыныч службу в органах внутренних дел проходил с 1946-го в течение нескольких десятилетий.

В упомянутую экспозицию также включены портреты и других сотрудников, которые получили закалку на передовой и доблестно трудились в тылу.

Георгий Иосифович Гаврин, родившийся 15 августа 1926 года, в рядах Красной Армии находился с 1943-го. Сражавшийся в составе зенитно-артиллерийского полка с 1943 по 1945 год, отважный воин действующей армии получил ранение и контузию. Храбрый защитник Родины Георгий Гаврин, награждённый орденом Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими медалями, в органах внутренних дел служил с 1951 по 1981 год и был отмечен знаком отличника милиции. Георгий Иосифович имел специальное звание подполковника милиции.

Ветеран Великой Отечественной войны и труженик тыла Дмитрий Борисович Божко, а он родился 14 мая 1929 года, на службу в органы внутренних дел был зачислен в 1949-м. Майор милиции Дмитрий Божко, занимавший должность участкового инспектора 63-го отделения (милиции) города Москвы, на пенсию ушёл в 1978 году.

Леонид Михайлович Очкин родился 21 ноября 1925 года. Призванный в Красную Армию в сорок третьем, сержант Леонид Очкин был заряжающим зенитной пушки калибра 85 миллиметров и прошёл Волховский, Карельский и 3-й Белорусский фронты. Смелый и мужественный зенитчик, отмеченный орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга» и другими, в мирную пору занял место в строю московских стражей правопорядка.

Труженик тыла Дмитрий Дмитриевич Бойко работал старшим участковым уполномоченным милиции 12-го отделения (милиции), территориально относившегося к Фрунзенскому району города Москвы.

В ту же экспозицию истории УВД по САО включены ставшие так называемыми музейными предметами шинель и папаха полковника милиции в отставке Михаила Вениаминовича Турцева.

Милиционер Михаил Бакулин

Начальник 113-го отделения милиции Лев Макурин

Ветеран Великой Отечественной войны, он в органах внутренних дел служил с 1948 по 1982 год. Приказом МВД СССР № 218 (по личному составу) от 29 апреля 1976 года Михаил Вениаминович Турцев «за достигнутые успехи в выполнении заданий девятой пятилетки, активное участие в охране общественного порядка и высокие показатели в службе» был награждён Почётной грамотой Министерства внутренних дел страны. От имени Президиума Верховного Совета СССР Михаил Вениаминович Турцев приказом МВД СССР № 283 (по личному составу) от 7 июня 1978 года был удостоен медали «Ветеран труда».

В ОМВД России по району Восточное Дегунино САО Москвы на стенде, посвящённом истории этого территориального подразделения, есть две архивные фотографии фронтовиков. На этих снимках, сделанных в 1969 году, запечатлены участники Великой Отечественной войны: начальник 113-го отделения милиции Москвы подполковник милиции Лев Дмитриевич Макурин (впоследствии он стал полковником милиции) и милиционер старший сержант милиции Михаил Николаевич Бакулин.

В 63-м отделении милиции Москвы (его преемником является отдел МВД России по району Беговой САО столицы) в течение 38 лет проработал участник Великой Отечественной войны Рафик Исхакович Зарипов, принимавший участие во взятии Берлина. Рафик Зарипов родился 6 августа 1926 года в Москве. Имея специальное звание старшины милиции, доблестный ветеран, который был отмечен советскими государственными и ведомственными наградами, в 1982 году ушёл на заслуженный отдых. Старшина милиции в отставке Рафик Исхакович Зарипов умер 29 декабря 2009 года.

Железнодорожный район столицы, сформированный в 1936-м и упразднённый в 1957 году, вновь был создан в 1977-м. Первым начальником Железнодорожного РУВД, образованного в мае 1977 года, был участник Великой Отечественной войны Николай Васильевич Карпов. Он в рядах стражей правопорядка прошёл путь от рядового сотрудника (милиционера) до руководителя Управления внутренних дел Железнодорожного райисполкома города Москвы, получил специальное звание полковника милиции.

Отвага гвардии красноармейца

Иван Михайлович Калинин родился в 1922 году в калужской деревне Алексеевка. В октябре 1941 года Подольским районным военным комиссариатом Московской области был призван в Красную Армию.

В действующей вначале воевал на Волховском и 1-м Прибалтийском фронтах: в 215-м дивизионе 24-го отдельного гвардейского миномётного полка. На заключительном этапе войны, уже в составе другого фронта, дошёл до Берлина. Соответственно, войну Иван Калинин окончил в мае сорок пятого.

Фронтовые заслуги гвардии красноармейца Ивана Михайловича Калинина были оценены двумя медалями «За отвагу», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «За взятие Берлина».

Своей первой медалью «За отвагу» телефонист Калинин был награждён приказом (№ 8 от 28 декабря 1943 года) 24-го гвардейского миномётного полка 11-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В данном документе, в частности, о боевых заслугах телефониста взвода управления 215-го дивизиона гвардии красноармейца Ивана Михайловича Калинина написано следующее:

«...он во время операции 13-14 декабря 1943 года в районе д. [деревни] Горки[,] находясь на наблюдательном пункте дивизиона[,] обеспечивал беспрерывную связь с командиром полка. Под артиллерийским обстрелом противника трижды восстанавливал прерванную противником связь».

А вторую медаль «За отвагу» старший телефонист взвода управления 3-го дивизиона гвардии красноармеец Иван Михайлович Калинин получил согласно приказу (№ 7 от 30 июля 1944 года) 24-го

гвардейского миномётного полка Ленинградского фронта. Про подвиг члена ВКП(б) Ивана Калинина сообщается так:

«...он 17 июля 1944 года [находился] на наблюдательном пункте в районе ИХАНТАЛА *(деревня в Ленинградской области. — А.Т.)* в то время, когда противник пытался произвести разведку боем [и] вел сильный артиллерийско-минометный огонь по переднему краю. В это время КАЛИНИН обеспечил телефонную связь с пехотным полком, [хотя] связь от обстрела беспрерывно [многократно] рвалась. Под огнем противника он соединил до 30 порывов [проводной телефонной связи], этим самым способствовал своевременному открытию огня [по врагу]...».

Майор милиции Иван Калинин

Службу в органах внутренних дел фронтовик-гвардеец начал 1 февраля 1947 года на рядовой должности — милиционера резервного полка города Москвы. В том же году Ивану Михайловичу вручили медаль «В память 800-летия Москвы».

В 1948 году Иван Калинин был переведён в 129-е отделение милиции столицы — командиром отделения, а затем служил дежурным по данному подразделению (отделению милиции). На той же должности — дежурного — трудился с 1957 года в 63-м отделении милиции. В октябре 1960 года, когда было осуществлено административно-территориальное деление Москвы и в связи с этим проведено реформирование органов внутренних дел города, Иван Михайлович стал дежурным в 86-м отделении милиции столицы (ныне — ОМВД России по Головинскому району Северного административного округа Москвы).

Майор милиции Иван Михайлович Калинин, награждённый медалью «За безупречную службу» трёх степеней, являлся пенсионером МВД с июня 1983 года.

Александр ТАРАСОВ,
фото из архива ОМПО УВД по САО

Школа диверсантов — «в/ч № 88»

В этом году исполнилось 80 лет с начала Великой Отечественной войны — самой трагической страницы нашей истории. Известно, что столичные правоохранители приняли самое активное участие в борьбе с фашистскими агрессорами. Сотрудники рабоче-крестьянской милиции массового шли на фронт — громили врага в рядах действующей армии, боролись с вражескими разведчиками и диверсантами, заброшенными в наш тыл, ловили дезертиров и пресекали панику.

В последнее время достоянием общественности стала информация о зафронтовой деятельности сотрудников столичной милиции в начальный период войны, в частности о проведении разведки и диверсий в интересах Красной армии. С целью подготовки диверсантов-разведчиков уже в сентябре 1941 года при УНКВД по Москве и Московской области была организована Специальная школа.

Приказ о её создании 18 сентября 1941 года подписал начальник УНКВД Московской области старший майор госбезопасности Михаил Журавлёв. В дальнейшем школу называли 88-м истребительным батальоном или войсковой частью № 88. Вначале она подчинялась непосредственно начальнику штаба истребительных батальонов УНКВД Москвы и Московской области старшему майору госбезопасности Александру Леонтьеву, а с лета 1942 года — начальнику 4-го отдела УНКВД майору госбезопасности Александр Петрову.

Надо помнить, что предтечей этого учебного заведения являлись курсы по подготовке инструкторов снайперской подготовки Осоавиахима в посёлке Вешняки, ныне являющемся одним из районов Москвы. Здесь добровольцев кроме меткой стрельбы из снайперской винтовки учили также азам подрывного дела. Многие слушатели курсов позже перешли в Специальную школу.

Школа располагалась под Коломной, на базе бывшего дома отдыха УНКВД в селе Северское. Предполагалось, что здесь в условиях полной конспирации 200 человек в совершенстве овладеют средствами

подрыва и разрушения всех видов транспорта, средств связи, складов, баз, штабов и научатся эффективно использовать огнестрельное и холодное оружие. И после 100-часового срока обучения эти люди будут заброшены в немецкий тыл и вступят в схватку врагом.

Начальником школы был назначен майор госбезопасности Павел Зуев, который, между прочим, незадолго до того, с 29 июля 1939 года по 14 марта 1940 года, возглавлял Главное управление рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Его заместителем по политчасти стал сержант госбезопасности Василий Пушкин, руководивший в 1939 году отделом службы и подготовки столичной милиции. Начальником учебной части школы был назначен капитан Фёдор Ястребов. На руководящие должности в подразделениях подобрали командиров с хорошей военной подготовкой — капитанов Сергея Казначеева и Александра Карпенко, батальонного комиссара Якова Никулочкина, младшего лейтенанта Игната Нетесова.

В Специальную школу для проведения учебных и практических занятий были привлечены мастера подрывного дела — воентехники 1-го ранга Яков Давидович и Пантелей Колесников, военинженер 3-го ранга Афанасий Валуев, воентехник 2-го ранга Владимир Дубиллер, младший политрук Иван Пономаренко, воентехник 1-го ранга Иван Симонов и другие опытные специалисты.

Эти люди занимались в основном взрывными работами и по своей мирной специальности. Так, Давидович был научным сотрудником Московского геологоразведочного института, старшим инженером Комитета по делам геологии при СНК СССР, Валуев — учёным секретарём кафедры фотогеодезии Московского института инженеров геодезии.

Наличие преподавателей и неплохой учебно-материальной базы позволило в установленный срок — 1 октября 1941 года — приступить к занятиям. И уже 14 октября произошёл выпуск первых групп, которые были направлены в тыл врага.

Как известно, в те октябрьские дни враг вплотную приблизился к Москве, и Специальная школа была передислоцирована на восток от столицы. Ей отвели место на территории Покровской женской подростковой трудовой воспитательной колонии НКВД в Орехово-Зуевском районе Московской области. Сейчас эта территория относится к Петушинскому району Владимирской области.

На новом месте без раскачки начали подготовку агентов для заброски во вражеский тыл. В течение 8—10 дней интенсивных занятий учащиеся получали знания по подрывному делу и военным дисциплинам, необходимым для диверсионных групп (военной топографии, разведке, огневой подготовке). Учились по принципу «теория неразрывна с практикой».

Каждый боец сам готовил заряды, предварительно рассчитав их величину в зависимости от объекта. Подрывы производились огневым, электрическим, механическим и химическим способами. Установку мин курсанты проводили как днём, так и ночью. Кроме того, они осваивали метание гранат, причём сами изготовляли взрывчатую смесь и снаряжали ею боеприпасы.

К концу учёбы курсанты умели читать топографические карты, ориентироваться на местности, определять место своего стояния, двигаться по азимуту, составлять карточку донесения и кроки (то есть чертежи) маршрута.

Совсем немного времени, всего 8 часов, отводилось для изучения матчасти оружия — автомата ППД, ручного пулемёта и винтовки системы «Маузер», а также приёмам стрельбы. При этом всё отведённое время было потрачено именно на огневую подготовку. Была ещё и санитарная подготовка, и занятия по владению холодным оружием — пять часов.

Итогом подготовки являлись занятия по разведке в тылу и прифронтовой полосе, а также совершение диверсионных актов.

К 25 января 1942 года спецшкола сделала 6 выпусков, в ходе которых были подготовлены 1020 человек, судьба которых сложилась следующим образом: 410 человек включены в партизанско-диверсионные отряды, 386 — в диверсионные группы, 28 обучены для Тульской и Ивановской областей, 99 после учёбы откомандированы как резерв к прежнему месту работы, 27 зачислены в штат школы и 70 человек по различным причинам при формировании отрядов и диверсионных групп были отсеяны.

Выпускники школы внесли значительный вклад в борьбу с фашизмом. Показателен такой факт. 8 марта 1942 года в газете «Известия» был опубликован снимок военного фотокорреспондента Самария Гурария, на котором были запечатлены семь девушек — семь разведчиц, неустрашимых партизанок Подмосковья. Как раз в те дни эта семёрка вышла из вражеского тыла. Все девушки были выпускницами Специальной школы.

Ещё один питомец в/ч 88 Илья Кузин в числе первых партизан Подмосковья был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Удивительна судьба Сергея Медведева, который в предвоенные годы работал вахтёром комендатуры Института Маркса-Энгельса-Ленина, комендатур ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б). Пройдя подготовку в Спецшколе, он стал помощником командира взвода Московского истребительного мотострелкового полка УНКВД по г. Москве и Московской области. Потом был призван в Красную армию и отличился в Харьковской операции.

22 июня 1942 года в районе села Михайловка Шевченковского района взвод Медведева атаковал немецкую колонну, уничтожив 5 танков и около 200 солдат и офицеров противника. 1 танк и 17 солдат противника уничтожил лично Медведев, погибший в этом бою. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1943 года за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками старший сержант Сергей Медведев посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Хотелось бы особо отметить руководителей Специальной школы, во многом благодаря усилиям которых были достигнуты столь высокие результаты. Информацию о работе Павла Зуева можно почерпнуть из представления его к награждению. В декабре 1941 года начальник Управления НКВД Московской области старший майор госбезопасности Журавлёв писал: «Будучи назначен начальником спецшколы при УНКВД МО по подготовке диверсионно-подрывных кадров для вербовки их в тыл противника с диверсионными целями, тов. ЗУЕВ за короткий период времени, начиная с 15/IX с. г., обучил подрывному делу 76 групп (455 чел.). Часть из этого состава обученных кадров была влита в партизанские отряды Московской области, а из большей части систематически создаются специальные партизанские отряды и забрасываются в тыл врага. За этот период времени ряд групп, обученных тов. ЗУЕВЫМ, показал хорошие боевые результаты по уничтожению живой силы противника, его техники и подрыву коммуникаций. За этот же период времени школой своими силами изготовлено 2500 мин. О чём говорилось на страницах «Правды» за 15/X 41 г. Заслуга в создании спецшколы УНКВД МО, её работы и изготовления мин принадлежит тов. ЗУЕВУ, который, не считаясь со временем и силами, сам лично изыскивает новые методы борьбы с врагом путём усовершенствования подрывного дела».

Этим представлением, кстати, согласованным с заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Иваном Серовым, предлагалось наградить Зуева медалью «За боевые заслуги». Но член Военного совета Западного фронта Иван Хохлов, ознакомившись с документом, настоял на награждении Павла Зуева орденом Красной Звезды.

В феврале 1942 года Специальную школу возглавляет батальонный комиссар Яков Никулочкин, прежде служивший начштаба. Яков Николаевич являлся воспитанником пограничных войск, к тому времени обладал огромным боевым опытом. Майор (с ноября 1942 года) Никулочкин руководил школой до декабря 1943 года и внёс в учебный процесс много новшеств. Именно он явился одним из «отцов» идеи «рельсовой войны» в тылу врага, многое сделал для проведения её на практике. Он лично провёл свыше 100 экспериментальных взрывов малых зарядов взрывчатых веществ и сумел добиться экономии — сокращения ВВ в два раза, при этом мощность взрыва оставалась такой же разрушительной. Этот метод минирования широко применялся в дальнейшем советскими партизанами.

В общей сложности Никулочкин участвовал в подготовке 7000 (!) партизан и диверсантов и 75 комсомольцев, отобранных ЦК ВЛКСМ для работы на оккупированной территории. Он лично выводил своих воспитанников «на практические занятия» во вражеский тыл и в ходе одного из рейдов был ранен.

Яков Николаевич создал две мины для взрывов на железных дорогах: ПМДШ — поездная мина диверсионной школы и МДШ-2 — неизвлекаемая. ПМДШ изготавливалась в виде удлинённого деревянного пенала, соответствующего габаритам рельса, в который помещались две стандартные головые шашки по 400 граммов. МДШ-2 представляла собой деревянный ящик, в котором помещались три шашки тола по 400 граммов.

Обе эти мины были на показе Иосифу Виссарионовичу Сталину, который приказал создать комиссию для использования боеприпасов, созданных в Спецшколе. Решением Наркомата обороны СССР мины МС-2 и ПМДШ в июне 1942 года были приняты на вооружение в РККА.

Седьмой набор «в/ч № 88» (5—15 февраля 1942 года) был укомплектован бойцами и командирами

истребительного мотострелкового полка УНКВД МО, который возглавлял полковник Александр Махоньков. Курсанты прибыли под командованием своих командиров со своим оружием и боеприпасами. По окончании учёбы они вернулись в распоряжение полка.

Сам же Александр Яковлевич, москвич, участник Гражданской войны, службу начинал в авиационно-воздухоплавательных частях РККА, воевал с Врангелем, громил Махно и сражался с басмачами в Средней Азии. Далее служил в пограничных войсках, а с начала войны сражался с немцами на фронте во главе «ястребков» — истребительных частей УНКВД по г. Москве и Московской области. 25 января 1942 года был назначен заместителем начальника Управления рабоче-крестьянской милиции Москвы. Именно ему выпало во главе делегации столичной милиции получать в Кремле орден Красного Знамени, которым главк был награждён 2 ноября 1944 года.

С разгромом фашистов под Москвой были внесены изменения в учебный процесс. Если раньше курсантов учили минировать фашистские объекты, то теперь они учились обезвреживать вражеские боеприпасы. Пришла весна, наступало время посевной, а поля были завалены минами и снарядами, брошенными отступающими гитлеровцами. Каких только мин и снарядов здесь не было — чешских, французских, финских! Фашисты использовали возможности оккупированной Европы.

Вскоре в школу прибыли специалисты из Военно-инженерной академии РККА лейтенанты Георгий Подгаевский, Алексей Чурбаков, Федор Вербицкий, Наум Ракузин, которые организовали нужную работу. Во многом благодаря усилиям воспитанников Спецшколы подмосковные поля были вовремя очищены для начала сева.

В мае 1943 года связи с окончательным освобождением оккупированных фашистами районов Подмосковья и полным освобождением территории соседней Смоленщины Спецшкола была расформирована. Кадровый костяк передали Управлению войск НКВД по охране тыла Западного фронта, где бывшие диверсанты столичного гарнизона внутренних дел были сведены в отдельную войсковую часть зафронтовой разведки — спецроту при Управлении войск НКВД по охране тыла. Но это уже другая история.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Врач с фронтовым опытом в рядах МУРа

Про Московский уголовный розыск уже написано много ярких и содержательных документальных и художественных произведений, однако в истории легендарного оперативного подразделения столичных правоохранителей есть ещё фактически совсем не изученные исследователями страницы. Так, к числу малоизвестных фактов о деятельности МУРа относится информация о том, что в его структуре в предвоенную пору функционировало медицинское отделение.

Возглавлял эту специализированную службу в городском угрозыске опытный специалист — врач Сергей БУБНОВ, получивший в конце второго десятилетия XX века опыт оказания медпомощи в фронтовых условиях. Участник обороны Москвы, он в годы Великой Отечественной войны стал кавалером трёх высоких советских наград — орденов Ленина, Красного Знамени и «Знак Почёта».

Сергей Бубнов родился 24 декабря 1877 года в семье московского мещанина. Учился сначала в Арбатском городском училище, а затем — в одной из гимназий Москвы. Окончив это образовательное учреждение Первопрестольной на излёте девятнадцатого столетия, в 1897 году недавний гимназист поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1904 году, по завершении курса обучения, приобрёл соответствующую квалификацию: как это называлось в эпоху царизма, получил звание врача. Согласно выданному тогда же — осенью 1904-го — свидетельству, Бубнов «явился к исполнению воинской повинности при призыве 1899 года» и был зачислен «в ратники ополчения второго разряда».

Первая должность выпускника медфака — назначение в 1905 году ординатором терапевтической клиники Московского университета. Через несколько лет, в 1910 году, Бубнов перешёл в Московскую Мариинскую больницу, где работал вплоть до послереволюционного периода. В стране шла Гражданская война, и ординатора терапевтического отделения указанной больницы в декабре 1918 года призвали в Красную армию.

Попавший на Южный фронт, Сергей Васильевич в 13-й стрелковой дивизии сначала был назначен

Майор милиции Сергей Бубнов

старшим ординатором полевого подвижного госпиталя, а с марта 1919 года являлся временно исполняющим должность главного врача перевязочного отряда 3-й бригады. К концу года своей службы на фронте врид главврача заболел возвратным тифом, который перенёс в полевой обстановке. Однако через месяц после этой опасной хвори вдобавок заболел и сыпным тифом, и в декабре 1919-го страждущий был эвакуирован в Москву и помещён в военный госпиталь имени III Интернационала. Пациент болел долго, и к тому же, к сожалению, получил осложнение в дни лечения.

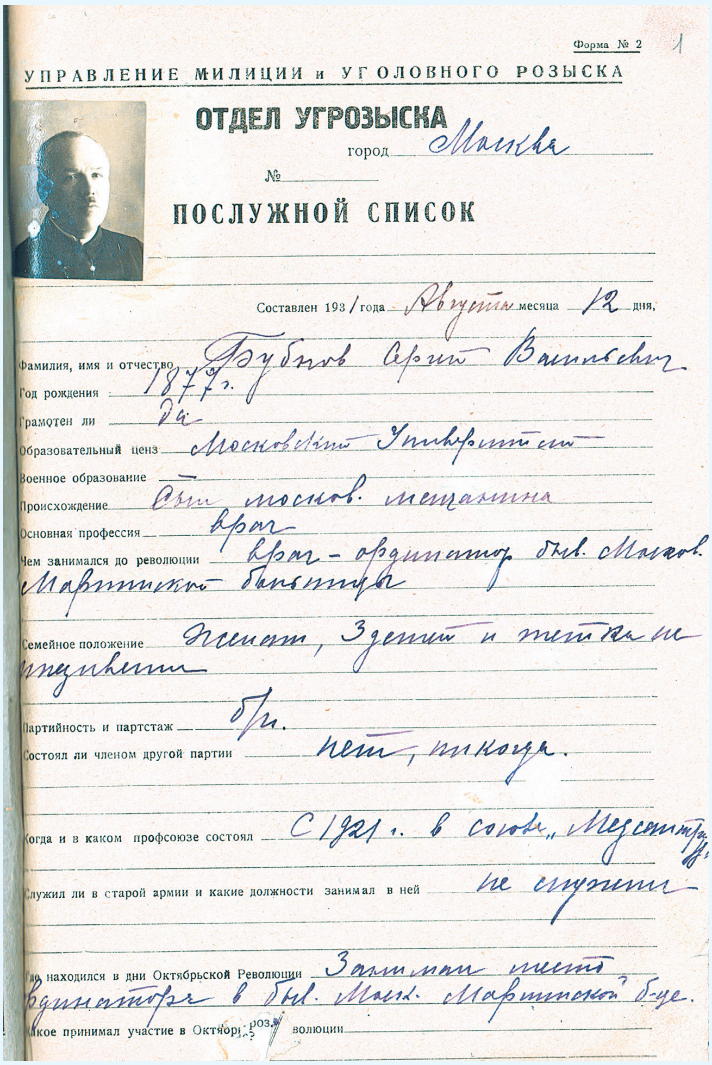
Ввиду хронического заболевания сердца, Сергей Бубнов в июне 1920 года врачебной комиссией при Реввоенсовете (РВСР — Революционный Военный Совет Республики) был признан годным к военной службе лишь в условиях мирного времени, с назначением ординатором Ходынского лагерного лазарета.

15 декабря того же года Сергей Васильевич стал старшим врачом 1-го Особого Московского оперативного милицейского батальона, откуда ведомственного лекаря в 1921-м перевели на должностной пост заведующего приёмным покоем при МУРе. Сохранилось выданное 14 апреля 1923 года удостоверение, которым подтверждалось, что в рядах московских стражей порядка Сергей Васильевич Бубнов «состоит в должности врача». Следует пояснить, что она относилась к разряду командных должностей милиции (на основании Положения о милиции РСФСР, которое 10 июня 1920 года утвердили ВЦИК и СНК — Совет Народных Комиссаров).

В составленном 12 августа 1931 года послужном списке по Отделу угрозыска (Управления милиции и уголовного розыска) указано, что врач Бубнов женат и имеет на иждивении троих детей и тётку.

В связи с переименованиями должностных постов, Сергей Васильевич в 1933 году был утверждён начальником Медсанчасти Оперода (Оперативный отдел), а в 1935-м — начальником медицинского отделения ОУРа (Отдел уголовного розыска, а прежде Оперативный отдел, — именно так официально назывался в то время МУР).

В датированной 3 января 1941 года автобиографии начальника медотделения Отдела уголовного розыска лейтенанта милиции



Форма № 2

УПРАВЛЕНИЕ МИЛИЦИИ и УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

ОТДЕЛ УГРОЗЫСКА

город Москва

№

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Составлен 193 1 года Августа месяца 12 дня.

Фамилия, имя и отчество Бубнов Сергей Васильевич

Год рождения 1877 г.

Грамотен ли да

Образовательный ценз Московский Университет

Военное образование —

Происхождение Сын москов. мещанина

Основная профессия врач

Чем занимался до революции врач-ординатор быв. Москов. Мартинского батальона

Семейное положение Женат, 3 детей и тетка на иждивении

Партийность и партстаж б/п.

Состоял ли членом другой партии нет, никогда.

Когда и в каком профсоюзе состоял с 1921 г. в союзе „Медсантруд"

Служил ли в старой армии и какие должности занимал в ней не служил

Где находился в дни Октябрьской Революции Занимал место ординатора в быв. Москов. Мартинском б-не.

Какое принимал участие в Октябрьской революции

Послужной список

Удостоверение, выданное 14 апреля 1923 года

Сергея Бубнова сообщается, что упомянутый приёмный покой подразделения затем переименовали в амбулаторию, потом — в санчасть ОУРа. Соответственно, её в 1935 году преобразовали в медицинское отделение, а у заведующего санчастью появился новый должностной статус — начальника подразделения.

В марте 1937 года начальник медицинского отделения Отдела уголовного розыска УРКМ (Управление рабоче-крестьянской милиции) города Москвы Бубнов письменно попросил руководство о ходатайстве, чтобы он был представлен к аттестации. Аргументировал же свою просьбу тем, что есть пример с уже аттестованными тремя врачами Санотдела УРКМ. Кстати, Сергей Васильевич, наряду с руководством медотделением, по совместительству работал врачом Детского отдела УРКМ.

Короче, обращение признали обоснованным, и начальника медотделения аттестовали. Безусловно, он знал о чаяниях товарищей по работе, поэтому деятельно участвовал в решении насущных для них вопросов.

Возглавляя медицинское отделение Комендатуры Управления рабоче-крестьянской милиции, Сергей Васильевич всё так же проявлял заботу о подчинённых. По-настоящему радевший за порученное ему дело, он делал всё от него зависящее, чтобы напряжённый труд рядового медицинского персонала больше замечали и ценили сотрудники других служб московской милиции.

Данное утверждение подкрепляется архивным документом — рапортом, который начальником медотделения Комендатуры УРКМ лейтенантом милиции Бубновым собственноручно был написан в июне 1939 года на имя руководителя Командного отдела управления. Справедливо считая, что пока ещё недостаточно стимулируется профессиональная деятельность лекпомов — лекарских помощников — этого медицинского отделения, которое обслуживало находившиеся в ведении УРКМ места заключения, автор «служебной челобитной» констатировал:

«...Между тем они [лекпомы] выполняют тяжелую и ответственную работу, <...> [половину] суток остаются за врача, умело проявляя необходимую инициативу, активно участвуют в отправках л/св [лишенных свободы] по тюрьмам, проверяя санобработку отправляемых, выходят на вызовы во все подразделения УРКМ, проводят по существу ту же оперативную работу, как и остальные сотрудники тюр. [тюремного] отдел. [отделения]. Среди них есть работники с большим стажем, отдавшие милицейской работе по 12 и больше лет. Никаких продвижений, никаких поощрений [лекпомы] никогда не получали, являясь как бы забытой и совершенно обойденной категорией.

<...> Прошу Вашего ходатайства перед Командованием о зачислении лекпомов медотделения в категорию кандидатов на спецзвание, это зачисление [кандидатами на аттестование] будет признанием их полноправными милицейскими работниками[,] и тем самым поднимет их авторитет среди тех со-

трудников милиции, с которыми им приходится работать».

И хотя по затронутой в данном рапорте проблеме организационно-штатного характера вышестоящее начальство не поддержало медика-руководителя, однако сам факт написания столь откровенной и достаточно смелой для того времени нетипичной казённой бумаги более чем показателен, как немаловажный штрих к личности героя этой публикации.

Как уже отмечалось, лейтенант милиции Сергей Бубнов в начале 1941 года подготовил для личного дела автобиографию, будучи начальником медицинского отделения ОУРа. А в грозное военное лихолетье беспартийный медик-практик принял под своё руководство аналогичное подразделение, которое входило в комендантскую службу столичной милиции.

Из подписанной 11 января 1945 года характеристики майора милиции Сергея Бубнова, начальника медицинского отделения Комендантского отдела УМ (Управление милиции) города Москвы:

«Тов. БУБНОВ С.В. <...> за время своей работы в должности начальника медотделения показал себя только с хорошей стороны, дисциплинирован, требователен <...> к себе, а также к подчиненному составу[;] за безупречную службу в органах милиции в течение 26 лет и хорошую работу в [Великую] Отечественную войну награжден [несколькими] правительственными наградами <...>. В 1945 году <...> исполняется 27 лет его полезной работы в должности врача и начальника мед. [медицинского] отделения...».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года Сергей Васильевич Бубнов награждён орденом «Знак Почёта».

В 1944 году милицейский сотрудник-врач удостоился двух наград: 1 мая получил медаль «За оборону Москвы», а 3 ноября за так называемую выслугу лет — орден Красного Знамени. С такой же формулировкой, за выслугу лет, начальника медотделения Бубнова в феврале 1945 года наградили орденом Ленина.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года, майору милиции Сергею Бубнову вручили медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории Московского уголовного розыска

«Вор должен сидеть в тюрьме!»

Когда речь заходит о послевоенной работе столичных правоохранительных органов, первое, что вспоминается, — это «Чёрная кошка». Во многом в связи с великолепным многосерийным художественным фильмом «Место встречи изменить нельзя», который регулярно показывает российское телевидение. Но если серьёзно и внимательно подойти к оценке того периода, то сразу становится понятно, что проблем имелось больше и все они были очень многоплановыми. Об этом убедительно свидетельствуют жизнь и дела комиссара милиции 2-го ранга Александра ПОЛУКАРОВА, который возглавлял столичный главк с декабря 1946 по май 1951 года.

Службу в рабоче-крестьянской милиции Александр Никитич начал ещё в 1920 году. Это был период, когда преступность переживала расцвет, если такое прекрасное слово можно применить в отношении столь отрицательного явления. В любой деревне — банды, грабёж, насилие. Молодые милиционеры день и ночь находились на службе, ночевали в обнимку с оружием.

После революции и гражданской войны армию уголовных элементов пополнили представители мелкой буржуазии, анархисты и проигравшие вооружённую борьбу белогвардейцы. И хватало преступников с давним, ещё дореволюционным прошлым, которые, объединяясь в группировки, терроризировали население. Побороть бандитизм помогали асы царского сыска, которые перешли на службу трудовому народу.

Борьба шла не на жизнь, а на смерть. В январе 1919 года состоялось экстренное совещание представителей ВЧК, МЧК, Моссовета, уголовного розыска и ряда общественных организаций, на котором был выработан план противоборства бандитизму. Вскоре вышел приказ Московского окружного комиссариата по военным делам, в котором говорилось: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии Московской

А.Н. Полукаров в центре

окружной железной дороги расстреливать уличённых и захваченных на месте преступления виновных в грабежах и насилиях».

Бандитизм победить удалось, после того как в 1925 году началось изъятие оружия у населения. Но главными причинами исчезновения банд были введение новой экономической политики и общее улучшение жизни. Народ увидел, что торговать стало выгоднее, чем воевать.

Молодой чекист учился у старших товарищей, проявлял инициативу, настойчивость, личное мужество. Всё это было замечено руководством, и его карьера складывалась удачно. Вначале Александр Никитич проходил службу в Кашире, затем в Клину, а в 1939 году был назначен руководителем милиции Московской области. В ноябре 1937 года в связи с двадцатилетием советской власти был награждён орденом Красной Звезды. В марте 1940 года ему присвоено звание старшего майора, а в начале июня 1941 года — звание старшего майора милиции. Наш герой вошёл в когорту милицейских генералов.

Вскоре началась Великая Отечественная война, немцы стремительно продвинулись в глубь СССР, подмосковные леса и поля превратились в арену жесточайшей схватки с захватчиками. Важнейшей задачей подмосковной милиции являлась организация партизанских отрядов в захваченных районах области, уничтожение вражеских диверсантов и шпионов. И конечно, реагирование на проявления беззакония и преступности.

Милиция Московской области находилась в гуще боёв и событий, её сотрудники возглавляли истребительные отряды, партизанскими тропами шли в тыл врага, не давали ему ни минуты покоя — взрывали железнодорожные и шоссейные дороги, резали линии связи, уничтожали солдат противника и предателей.

О вкладе подмосковных стражей порядка и о роли в этой работе Александра Никитича можно судить по такому факту. В годы Великой Отечественной войны он был награждён четырьмя орденами. Причём орден Красного Знамени был ему вручён за участие в обороне Москвы. Далее, в 1944 году, он был удостоен второго ордена Красного Знамени, а в 1945 году на его груди засияли ещё две высокие награды — орден Ленина и орден Отечественной войны I степени.

Как известно, 9 февраля 1943 года для начальствующего состава органов рабоче-крестьянской милиции было введено звание комиссара. Оно имело три ранга: 1-й, 2-й и 3-й. 4 марта эти звания впервые были присвоены начальнику Главного управления НКВД и начальникам управлений милиции Москвы и Ленинграда. Вскоре новые погоны комиссара милиции 3-го ранга появились и на плечах нашего героя.

В 1946 году Александр Никитич занимает новый ответственный пост — его назначают начальником управления милиции Москвы.

Для московской милиции первые послевоенные годы были одними из самых трудных, что объясняется не только разгулом столичной преступности, но и проблемами самих правоохранительных органов. Известно, что на фронт ушли свыше 14 тысяч сотрудников столичной милиции, а на их место были приняты около шести тысяч женщин и более трёх тысяч человек с нарушением возрастного ценза — как правило, люди пенсионного возраста. Естественно, подобные изменения не самым лучшим образом влияли на качество оперативной работы. Из-

лишне говорить, что за годы войны низко опустился уровень технического оснащения милиции.

Поэтому важнейшей задачей для нового руководителя стало укрепление кадров. В течение двух послевоенных лет в милицию мобилизовали фронтовиков, людей, имеющих боевой опыт, преимущественно из войсковой разведки, пограничных и внутренних войск.

В тот период у милиции появились надёжные помощники. В апреле 1946 года МВД СССР издало инструкцию «Об организации и практическом использовании бригад содействия милиции». Так появились бригадмилы и бригадмильцы, из которых впоследствии выросли добровольные народные дружины. Все эти силы были брошены на борьбу с преступностью.

Московские улицы после войны стали средоточием уголовного элемента, действующего вдобавок нагло. Основную тревогу вызывали бандитизм, грабежи, разбойные нападения, изнасилования, широкая распространённость квартирных и карманных краж, хулиганство. После войны на руках у населения оказалось огромное количество оружия.

Одной из причин роста преступности стал высокий уровень подростковой беспризорности. Только за два года, 1948—1949, и только постовыми милиционерами были задержаны свыше 47 тысяч беспризорных и безнадзорных детей. Не без участия руководства московской милиции Исполком Моссовета принял решение о мерах по ликвидации этого явления.

Сотрудники столичной полиции усиленно ликвидировали многочисленные шайки воров и грабителей. Массовый всплеск уголовной преступности в послевоенные годы заставил советское руководство пойти на карательные меры против уголовников и совершенствование оперативно-розыскной деятельности. В Москве и области, к примеру, были немедленно арестованы все лица, проходившие по оперативно-учётным делам и уличённые в конкретных преступлениях, а их дела передавались в Особое совещание НКВД. В 1947 году в СССР были введены указы об усилении уголовной ответственности за хищение государственного имущества и об усилении личной собственности граждан.

Преступный мир «стал уходить» в другие виды преступлений: с разбоев и краж — на мошенничество и вымогательство. Некоторые преступники ушли в подполье. Но МВД разработало систему мер по борьбе с «гастролёрами», притонами. Велась большая просветительская и воспитательная работа, прежде всего чтобы разрушить миф о «прекрасном преступном мире», который жил в сознании некоторых молодых граждан.

В эти годы в Москве были разоблачены многие известные преступники. Так, было покончено с аферистом Вениамином Борисовичем (Вениамином Боруховичем) Вайсманом — мошенником, обманувшим 27 сталинских наркомов! Он был 10 раз судим, 8 раз бежал из лагерей.

В послевоенные годы Вайсман, потерявший во время побега вследствие обморожения обе ноги и одну руку, стал выдавать себя за инвалида войны. С поддельными документами дважды Героя Советского Союза, называя себя однополчанином Василия

А.Н. Полукаров на переднем плане

Сталина, ходил в министерства. Там получал деньги, товары и даже обзавёлся квартирой.

В дело вмешался лично Иосиф Сталин, требуя скорейшей поимки преступника, в связи с чем в министерства были разосланы описания примет Вайсмана. Он был пойман и приговорён к девяти годам тюрьмы. После отбытия пришёл в МУР и заявил, что больше не будет воровать. Обещание сдержал. Милиция помогла Вайсману устроиться в дом инвалидов в Оренбургской области, где тот и закончил жизнь, успев посадить руководство дома за мошенничество.

...15 апреля 1949 года в Московский финансовый институт кассиры привезли 258 тысяч рублей зарплаты. Неожиданно к ним приблизился человек и выстрелами из пистолета убил их. Схватив мешок с деньгами, налётчик выскочил на улицу и сел в стоящую у входа «Победу». Убийцей оказался 25-летний Павел Андреев, известный в преступном мире под кличкой Америка, главарь банды из 14 человек.

В машине, брошенной на Башиловке, сотрудники МУРа обнаружили следы Америки. Участь его была предрешена. Но так как он проживал по подложным документам, найти его удалось не сразу. Лишь после того как в Казани агенты угрозыска арестовали изготовителей фальшивых документов, потянулась ниточка в Москву. Удалось установить, что Павел Андреев теперь носит фамилию Никитин и числится «художником-модельщиком». 20 мая 1949 года в Сокольниках сотрудники милиции арестовали почти всю банду Америки.

Ну и конечно, «Чёрная кошка». По Москве ползли слухи о загадочных убийствах и дерзких ограблениях. Чаще других называлась банда, которая на месте преступления оставляла метку в виде чёрного кота. Как сейчас стало ясно, придумали эту легенду московские беспризорники, из озорства. А воспользовались настоящие бандиты, которые обворовали квартиру на улице Усачёва и оставили записку про чёрного кота. МУР быстро их определил по камерам. Через некоторое время в Москве появилась «Чёрная кошка из Харькова», она совершила вооружённый грабёж. Были и другие кошки, но всех их ждала одна судьба, сформулированная героем известного фильма: «Вор должен сидеть в тюрьме!»

По этому принципу служил Александр Полукаров и его подчинённые. Благодаря им в период с 1945 по 1949 год число разбойных нападений и грабежей уменьшилось в 3,5 раза, краж государственного и общественного имущества — в 3 раза, количество убийств и покушений на убийства — более чем в 2 раза.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Эврика у баллистов-мастеров

Кропотливый труд специалистов по баллистической экспертизе зачастую остаётся в тени, хотя эта криминалистическая специализация по-своему увлекательна и поразительна. И когда целеустремлённые знатоки этого направления экспертной деятельности добиваются очередного успеха в своей нелёгкой работе, то каждое такое достижение становится для баллистов-мастеров буквально научно-прикладным открытием — их профессиональной эврикой.

«Один источник» трёх убийств

На имя начальника Научно-технического отдела Управления милиции (УМ) города Москвы подполковника милиции Л. Рассказова старший эксперт НТО Л. Павлов 26 ноября 1946 года написал рапорт, в котором рассказывается об итогах баллистической экспертизы, позволившей сначала установить «один источник» двух убийств:

«Доношу, что при сравнительном исследовании гильз и пули, обнаруженных на месте убийства милиционера 9-го отделения милиции гор. Москвы АБСОЛЯМОВА Шаммардина Хусаиновича, с пулями и гильзами, проходящими по другим делам вооруженных ограблений и убийств и находящимися в архиве баллистического сектора НТО МУРа, установлено, что гильзы калибра 7,65 мм [миллиметра], проходящие в качестве вещественных доказательств по делу убийства гр-ки [гражданки] РУБИНШТЕЙН Т.И. по адресу: 1-ый Зачатьевский пер. [переулок], д. 12/13, кв. 19 /Фрунзенский район/, имеют полное тождество с гильзами калибра 7,65 мм, обнаруженными на месте убийства милиционера АБСОЛЯМОВА Ш.Х., а следовательно были использованы при стрельбе из одного и того же огнестрельного оружия калибра 7,65 мм».

В вышедшей в свет «Книге памяти сотрудников органов внутренних дел Москвы, погибших при выполнении служебных обязанностей» (М.: Юстиц-информ, 2018 год) на 89-90 страницах приводятся дополнительные подробности по этому уголовному делу:

«Рабочий момент» при производстве экспертизы Львом Павловым

«Самые сложные и на первый взгляд запутанные преступления оперативным службам милиции удавалось раскрыть при помощи научно-технического отдела МУРа. Собранные по крупицам <...> вещественные доказательства — немые свидетели преступления — в лабораториях «говорили» в полный голос. Именно эксперты МУРа не раз помогали установить личность преступника и изобличить его. Эффективные результаты давала и баллистическая экспертиза. Ведь пуля своего рода «визитная карточка» огнестрельного оружия.

Вечером 18 ноября 1946 года на посту в Мазутном проезде неизвестными был убит милиционер 21-го отделения [милиции Москвы] Щербина Андрей Акимович [родился в 1919-м]. В рядах милиции он не отслужил и года. На месте преступления была обнаружена стреляная гильза калибра 7,65 мм. При судебно-медицинском вскрытии тела погибшего была извлечена пуля того же калибра. В этот же день недалеко от места убийства милиционера по сводкам прошла квартирная кража. Воры проникли в квартиру через окно, разбив стекло. Совпадение времени и места обоих преступлений говорило о том, что они могли быть совершены одними и теми же лицами.

Волей случая вечером следующего дня при попытке совершить кражу были задержаны [трое] 16-летних подростков — Смирнов, Комаров и Иванов. Детская беспризорность была тяжелым наследием войны. У Смирнова был изъят пистолет системы Браунинга калибра 7,65 мм. Баллистическая экспертиза установила, что постовой Щербина был убит выстрелом именно из этого пистолета. Дактилоскопическое исследование подтвердило, что отпечатки пальцев на осколках оконного стекла тоже принадлежат Смирнову, а те, что найдены в квартире, — его напарнику Комарову.

К сожалению, это было не единственное убийство, совершенное тройкой беспризорных. Согласно рапорту [старшего] эксперта НТО МУРа Льва Павлова, гильзы калибра 7,65 мм проходили в качестве вещественных доказательств по делу убийства гражданки Рубинштейн при ограблении квартиры в 1-м Зачатьевском переулке. Неподалеку от [этого] места преступления из того же огнестрельного оружия был убит милиционер 9-го отделения [милиции] Абсолямов Шаммардин Хусаинович. Под давлением улик несовершеннолетние преступники сознались в содеянном».

По ходатайству руководителя НТО Рассказова отличившийся старший эксперт-баллист Павлов был поощрён в соответствии с приказом городского Управления милиции.

В фотоальбоме столичного НТО, имеющемся в Музее истории органов внутренних дел Москвы, есть фотография Льва Павлова с орденом Красной Звезды на гимнастёрке. Кроме того, в том же старом фотоальбоме привлекает внимание и ещё один снимок, на котором запечатлён, как гласит подпись к нему, «рабочий момент ст. эксперта-баллиста Л.Н. Павлова».

По пулегильзотеке установлено

В архивной справке, подписанной начальником НТО УМ города Москвы полковником милиции Леонидом Рассказовым и датированной 29 марта 1950 года, сухим казённым языком рассказывается о другой неординарной криминалистической удаче:

«В результате проведенной в НТО баллистической экспертизы экспертом тов. [товарищем] Долженковым по пулегильзотеке установлено, что пистолет системы «ТТ» № 1619, отобранный у задержанного Лысикова Ник. [Николая] Иванов. [Ивановича], применялся при следующих грабежах и убийствах:

1. Ранении старшины милиции Головко, у Казанского вокзала — Железнодорожн. р-н 68 отд. [Железнодорожный район, 68-е отделение] милиции.

1 пуля и 1 гильза поступили в НТО в 1947 году, точная дата поступления не указана.

2. Вооруженного нападения на шофера автомашины «Победа» № МБ 94-39 — Москворецк р-н 90 о/милиции [Москворецкий район, 90-е отделение милиции].

1 гильза поступила в НТО 5/X — 1948 г. [5 октября 1948 года].

3. Вооруженного ограбления и ранении гр-на Томина А.Н. 11/IV — 49 г. Ленинск. р-н 2 о/мил. [Ленинский район, 2-е отделение милиции].

2 пули и 2 гильзы поступили в НТО 20/IV — 1949 года.

4. Убийства сторожа палатки № 1 столовой № 534 — Филипповой П.Н. 18/IV — 49 г. Первомайск. р-н 82 о/мил. [Первомайский район, 82-е отделение милиции].

1 пуля и 1 гильза поступили в НТО 20/IV — 49 года.

5. Ранении милиционера 38 отд. [38-го отделения] милиции — Аксенова на Остаповском шоссе, дом № 71.

1 гильза и 2 патрона поступили в НТО 13/V — 1949 г.

6. Вооруженного нападения на чайную Ямского сельпо в Подольском р-не [районе Московской области] 26/II — 49 г.

1 пуля и 1 гильза поступили в НТО 4/VI — 49 г.

7. Убийства Зав. [заведующего] пивным павильоном на Крестьянской пл. [площади] гр-на Пантелеева.

1 пуля и 1 гильза поступили в НТО 23/VII — 49 г.

Указанный пистолет системы «ТТ» № 1619 поступил в НТО 21 марта с.г. [сего года] из 3 отделения 1 отдела УМУРа [Управления Московского уголовного розыска] при постановлении от 20/III — 1950 г. по делу № 33622, на предмет установления исправности и годности к стрельбе».

Таким образом, выполненная столичным специалистом Д.Н. Долженковым баллистическая экспертиза позволила выявить серию произошедших тяжких и особо тяжких преступлений и определить, что пистолет «ТТ» № 1619 исправен и пригоден к стрельбе. Наряду с несколькими вооружёнными нападениями (разбоями) с целью грабежа, этот грозный «криминальный сериал» включает в себя два убийства и три покушения на убийство, в ходе которых в том числе были ранены двое сотрудников милиции.

Возмездие настигло бандитов

В Музее истории Московского уголовного розыска, помимо других криминалистических разделов, на примере по конкретному уголовному делу показано проведённое уже упоминавшимся сотрудником НТО Долженковым «сравнительное исследование обнаруженных на местах происшествий и экспериментально стреляных пуль и гильз».

Итак, в ночь на 3 марта 1958 года на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ, впоследствии — ВДНХ) при проверке личности двух неизвестных был тяжело ранен из огнестрельного оружия милиционер Долгов. Преступники скрылись, а на месте происшествия обнаружили три гильзы, стреляные из пистолета «ТТ».

Спустя полторы недели, 15 марта, в 16 часов 30 минут трое неизвестных, которые были вооружены пистолетом и ножами, совершили нападение на приходную кассу № 518 Ленинградского отделения Мосгорбанка. Добычей налётчиков, скрывавших свои лица под масками, стали 555 рублей. Совершив дерзкое преступление, сообщники ретировались с места «уголовной экспроприации».

В следующий весенний месяц, 14 апреля 1958-го, двое соучастников, располагавших пистолетом и ножом, по-злодейски нагрянули в сберегательную кассу в Сиротском переулке (ныне — улица Шухова). Напавшие похитили в финансовом учреждении 5 тысяч рублей и с места своей разбойничьей вылазки укатили на такси.

Позже, спустя считанные дни, тот же уголовный тандем с целью грабежа вторично напал на сберкассу в Сиротском переулке. Однако на сей раз осуществить свой преступный умысел бандиты не сумели, так как им оказали достойное сопротивление милиционер Иван Кадильников и кассир Воробьёв, заставившие вооружённых уголовников спасаться бегством. Мужественный и самоотверженный сотрудник милиции Кадильников в этом поединке с бандитами, к сожалению, был смертельно ранен.

Иван Николаевич Кадильников, который родился 15 января 1931 года в деревне Костомарово Тормосовского сельсовета Сафоновского района Тульской области, служил в 90-м отделении [милиции Москвы] и имел специальное звание старшего сержанта милиции.

— Проведя исследование найденных в сберкассе в Сиротском переулке и на ВСХВ гильз, — поясняет заместитель председателя Совета ветеранов МУРа полковник милиции Александр Лукашенко — кава-

лер ордена Почёта, почётный сотрудник МВД России, — старший эксперт столичного НТО Долженков установил, что они стреляны из одного и того же пистолета «ТТ». А когда следственно-оперативная группа у подозреваемого, некоего Дерзанова, изъяла пистолет «ТТ», то баллистическая экспертиза подтвердила, что как раз из этого «ствола» был ранен на ВСХВ Долгов и убит в сберкассе Кадильников. Задержанный Дерзанов рассказал, что пистолет он взял у знакомого Сергеева. Он тоже был задержан и на допросе показал, что передавал пистолет Шашкину и Воробьёву. Допрашиваемый сообщил, что они, Шашкин и Воробьёв, замышляли убить милиционера, чтобы завладеть его оружием и грабить сберкассы. В тот же день их, обоих фигурантов уголовного дела, заключили под стражу. Обвиняемые Шашкин и Воробьёв дали признательные показания в совершённых преступлениях и выдали соучастника Костюка.

10 октября 1958 года судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда квалифицировала действия подсудимых как бандитизм, и их настигло суровое, но справедливое законное возмездие. К исключительной мере наказания, расстрелу, был приговорён подсудимый В. Шашкин. Бандита В. Сергеева осудили к 15 годам лишения свободы, а ещё одного «экспроприатора», И. Костюка, покарали 10-летним сроком. Что касается Е. Дерзанова, то этого подсудимого, в силу относительной малозначительности его вины, вершители правосудия приговорили к исправительно-трудовым работам (по месту работы) сроком на один год, с удержанием в доход государства четверти зарплаты.

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории органов внутренних дел Москвы

«...И посетил Румынию»

Чем дальше в хронологической ленте отстоит от нашего времени человек, тем меньше о нём сведений, чем ближе — тем полнее его биография. Логично? Не всегда. В истории Российского государства бывали такие смутные периоды, когда кануть в забвение мог даже большой руководитель. Руководитель столичной милиции — не исключение.

Большинство справочных материалов датой вступления Георгия Соколовского в должность начальника Управления милиции по городу Москве называют 14 мая 1951 года. Что ж, подумает читатель, тогда, быть может, отсутствие иных сведений объясняется репрессиями комсостава в последние годы жизни Сталина? Однако когда серьёзные библиографы призывают не доверять Википедии, они делают это абсолютно правильно. Потому что не руководил Георгий Викторович московской милицией в 1951 году, а был назначен на эту должность лишь в июне 1953-го, в то самое «холодное лето», после которого пришла «оттепель»...

Сведения об этом мне удалось найти в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Оттуда же приведу и другие биографические данные Соколовского.

Родился Георгий в 1904 году. В 20-е годы стал милиционером в Смоленской губернии. Рост его по карьерной лестнице в документах отражён практически не был. После присоединения Латвии был назначен начальником уголовного розыска Латвийской ССР (1940—1941 гг.). Милиции тогда была отведена незавидная роль. В рамках «советизации» был ликвидирован весь частный бизнес в стране. Его законных владельцев, как наиболее возмущённую часть населения, как правило, арестовывали и депортировали в тюрьмы и лагеря в глубь СССР.

С началом войны Соколовского назначают начальником Управления милиции Новосибирской области. Затем в 1945 году комиссар 3-го ранга Соколовский возвращается в Прибалтику — теперь уже в Литву — заместителем наркома внутренних дел Литовской ССР.

Итак, послевоенные годы, Литва, «лесные братья». Советской пропагандой они долгое время представлялись кучкой бандитов и недобитых фашистов. В современной Литве к повстанцам относятся, как к героям, стараясь не замечать многих неприятных фактов, связанных, к примеру, с массовыми убийствами мирного населения, красочно отражёнными в кинофильме Жалакявичуса «Никто не хотел

«Лесные братья»

умирать». Истина же всегда прячется где-то посередине...

После победы СССР над Германией Литва практически открыто противостояла Красной армии. В открытой борьбе армия повстанцев была наголову разбита, а большинство уцелевших подразделений на долгие годы ушли в леса. Пособников новой власти партизаны тогда не щадили, убивая и их самих, и их семьи с детьми и стариками. Не менее кровожадны были и советские милицейские отряды, сжигавшие целые деревни и хутора за любые подозрения в пособничестве «лесным братьям». По сути, это была настоящая гражданская война. При любом поводе с обеих сторон страдали в первую очередь мирные жители. За два десятилетия этой негласной войны погибли более 20 тысяч литовских жителей деревень. Перелом в этой войне произошёл лишь после 1949 года, когда была организована массовая депортация так называемых литовских кулаков в Сибирь. За несколько дней было депортировано около ста тысяч населения. Именно после этих событий «лесные братья» из идейных партизан превратились в озлобленных нелюдей, убивающих и грабящих кого попало.

В июне 1953 года Георгий Соколовский, теперь уже комиссар милиции 2-го ранга, был назначен начальником Управления милиции по городу Москве. Июньский арест Лаврентия Берии повлёк за собой серьёзные изменения в системе органов внутренних дел. Образование КГБ и выведение его из системы МВД позволило милиции освободиться от «политических» функций.

Годы пребывания Соколовского в должности были периодом относительной стабильности и спокойствия, либерализации государственного режима, повышения качества и уровня жизни населения, вошедшим в историю под названием «хрущёвская оттепель». Но одновременно в связи с ослаблением контроля государства над общественной жизнью и поведением людей, в связи с существенными изменениями уголовного законодательства и судебной практики в советском обществе сложилась сложная криминогенная обстановка. Преступность не исчезла, опровергая тем самым громкие заявления представителей высших эшелонов власти об отмирании данного вида социальных девиаций по мере социалистического строительства, и по-прежнему являлась неотъемлемым элементом жизни социума.

На своём посту Георгий Соколовский пробыл до апреля 1956 года.

В его коротенькой биографической справке внимание привлекает забавный пункт: «В 1958 году посетил Румынию». Эта запись демонстрирует, насколько неизбалованными в те годы оставались даже столь крупные чиновники, коль скоро поездка в страну соцлагеря становилась биографической вехой.

Алим ДЖИГАНШИН,
фото из алфавитной карточки Г.В. Соколовского в РГАСПИ

И в «оттепель» с руководителя — принципиальный спрос

Согласно имеющемуся в настоящее время официальному списку руководителей органов внутренних дел столицы, с апреля 1956 по ноябрь 1960 года во главе Московской Краснознамённой милиции находился Василий Герасимович АБРАМОВ. Выдвинутый на столь ответственный и сложный должностной пост, этот руководитель к моменту своего высокого кадрового назначения в системе ведомства имел полковничье звание. Позднее начальник Управления внутренних дел исполкома Мосгорсовета Абрамов получил специальное звание генерала внутренней службы 3-го ранга.

Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1952 года для начальствующего состава Министерства внутренних дел СССР (за исключением генералов, офицеров, сержантского и рядового состава конвойной охраны, инженерно-противохимических частей и штабов МПВО, военно-строительных частей МВД СССР и Особого дорожно-строительного корпуса) отменялись воинские звания и вводились новые — специальные звания. Надо упомянуть, что данное нововведение коснулось и высшего начальствующего состава министерства.

На основании же Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1973 года «О специальных званиях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел», была введена новая система званий генералов внутренней службы (генерал-полковник внутренней службы, генерал-лейтенант внутренней службы, генерал-майор внутренней службы). А Постановлением Совета Министров СССР от 23 октября 1973 года № 778 «Об утверждении Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел» было определено в частности, что лица, имевшие специальные звания генерала внутренней службы 2-го и 3-го рангов стали считаться в специальных званиях генерал-лейтенантом внутренней службы и генерал-майором внутренней службы.

* * *

Впрочем, генеральская высота у вновь назначенного начальника УМВД города Москвы Василия Абрамова была ещё впереди. И он успел успешно послужить на благо столицы, будучи полковником.

Генерал внутренней службы 3-го ранга Василий Абрамов

Вероятно, требуется уточнить уже называвшийся официальный список руководителей органов внутренних дел, потому что в нём возможны определённые хронологические неточности. Во всяком случае, в книге «История московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка в Москве с древности до наших дней / Главное управление внутренних дел г. Москвы» (М.: ООО «Линия бренда», 2008) на странице 106 написано, что начальником УВД исполкома Мосгорсовета В.Г. Абрамов являлся с мая 1956 года. Под опубликованным в данном книжном издании портретом генерала внутренней службы 3-го ранга В.Г. Абрамова указан тот же месяц, с которого этот руководитель управления стоял во главе органов внутренних дел столицы, — последний весенний месяц пятьдесят шестого.

* * *

Парад милиции на Красной площади в Москве. 1957 год

В выпуске газеты «На боевом посту» (орган политотдела Управления ордена Красного Знамени милиции города Москвы) за пятницу 1 июня 1956 года напечатана на 1-й странице информация «В Колонном зале Дома Союзов», в которой сообщается:

«Около двух тысяч активных бригадмильцев пришли 29 мая в Колонный зал Дома Союзов на общегородское собрание. Среди этих непримиримых борцов за охрану общественного порядка были люди самых различных профессий и возрастов. <...>

Собрание открыл начальник УМВД города тов. В.Г. Абрамов. С докладом об итогах работы членов БСМ *(бригады содействия милиции. — А.Т.)* и задачах на летний период выступил начальник политотдела Управления милиции тов. Н.А. Гладких. <...>».

Вскоре в газете «На боевом посту» (а она к тому времени уже являлась органом Управления МВД города Москвы) в номере за пятницу 3 августа 1956 года было рассказано о торжественном вручении ордена Красной Звезды трём отличившимся сотрудникам с «земли»: из столичного территориального подразделения. На сделанном Н. Сысоевым снимке запечатлено, как по сути боевая награда нашла одного из своих героев: из рук руководителя управления В.Г. Абрамова указанный орден получил страж правопорядка из 50-го отделения милиции В.И. Карих.

В лаконичной подписи под данным фото сообщается:

«28 июля [1956 года] в клубе Радиокомитета начальник Управления МВД гор. Москвы полковник Абрамов от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР вручил ордена Красной Звезды сотрудникам 50-го отделения [милиции] Д.И. Гавриленкову, В.И. Карих и М.И Никитину, награжденным за мужество и находчивость, проявленные при спасении граждан и их имущества во время пожара.

Выступив от имени награжденных, тов. Карих поблагодарил <...> за высокую награду и заверил руководство Управления, что они приложат все свои силы для наведения в столице образцового общественного порядка».

К слову, текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1956 года «О награждении сотрудников милиции гор. Москвы тт. Гавриленкова Д.И., Карих В.И. и Никитина М.И. орденом Красной Звезды» напечатан в газете «На боевом посту» в № 53 за вторник 3 июля 1956 года, на 1-й странице. Таким образом, в рядах Московской Краснознамённой появились ещё трое орденоносцев: старший сержант милиции Дмитрий Иванович Гавриленков, старший лейтенант милиции Василий Иванович Карих и лейтенант милиции Михаил Иванович Никитин.

А ещё в называвшемся уже выпуске издания УМВД города Москвы (газета «На боевом посту»: 3 августа 1956 года; 1-я страница) опубликована информация «Награда за бдительность»:

«В № 55 нашей газеты была напечатана заметка под заголовком «Случай на трассе». В ней рассказывалось о том, что помощник инспектора 1-го отделения ОРУДа Ю. Купцов по малым уликам задержал вора-рецидивиста.

Начальник Управления МВД гор. Москвы полковник Абрамов издал приказ. За бдительное несение службы, инициативу и находчивость в задержании опасного преступника Ю.В. Купцову объявлена благодарность. Кроме того, он награжден именными часами».

* * *

По своей линии столичные правоохранители в августе 1956 года обеспечили безопасность и общественный порядок во время проведения крупных состязаний — Спартакиады народов СССР. Торжественное открытие главных соревнований нашей страны состоялось 5 августа пятьдесят шестого

на Центральном стадионе имени В.И. Ленина. За награды этого представительного летнего народного «атлетического смотра» советской державы в течение двух недель боролись 9600 спортсменов, соревновавшихся на московских стадионах, в плавательных бассейнах и гимнастических залах... Участниками Спартакиады народов СССР были и столичные стражи правопорядка: милиционер оперативной части Михаил Петров — бегун-марафонец, мастер спорта СССР; старшины милиции Борис Корзубов и Степан Коржов тоже из оперативной части — мастера спорта по пулевой стрельбе; сотрудник 1-го отделения охраны метрополитена Аким Белов — мастер спорта СССР, а также и другие представители УМВД города Москвы.

Свои лучшие профессиональные качества московские стражи правопорядка проявили и при выполнении сугубо служебных задач во время VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. В этом форуме юности планеты, прошедшем с 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве, участвовали 34 тысячи человек из 131 страны мира.

Мероприятия правоохранительного спектра были организованы на таком высоком уровне, что в фестивальные дни не только не произошло ни одного сколько-нибудь серьёзного происшествия, но и в целом оперативная обстановка в столице заметно улучшилась. Ежедневно итоги несения службы личным составом органов внутренних дел города лично подводил начальник управления Василий Абрамов, досконально разбирая действия сотрудников на фестивальной вахте.

По оценкам городских властей и МВД СССР, общественный порядок и безопасность в Москве во время фестиваля были обеспечены на должном уровне.

* * *

Летом 1958 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялся общегородской слёт общественников. В статье «Это касается каждого!» (газета «На боевом посту»: вторник, 15 июля 1958 года; 1-я страница) констатируется:

«...Закончились выступления участников слета. Начальник отдела управления охраны общественного порядка тов. Васильченко оглашает распоряжение начальника УВД исполкома Мосгорсовета о награждении лучших из лучших.

На сцену один за другим поднимаются бригадмильцы. Под аплодисменты присутствующих к столу президиума подходит Виктор Попов — командир комсомольской бригады Тимирязевского райкома ВЛКСМ. Начальник Управления генерал Абрамов <...> вручает ему комплект фотоаппарата, которым награждена бригада...

Эта награда вполне заслужена. Об активности комсомольских отрядов по охране общественного порядка говорят, например, такие цифры. В среднем в месяц комсомольцы района проводят 12-15 рейдов: они патрулируют с работниками милиции по территории, следят за порядком на танцверандах, в клубах, в парках. А с каким интересом комсомольские отряды участвовали в большой операции по изобличению жуликов, орудовавших в торговой сети, в пекарнях! Сотрудники ОБХСС Тимирязевского РОМ благодарны своим юным помощникам.

Инициативные, смелые парни состоят в этой комсомольской бригаде. Их не испугает нарушитель, хулиган и грабитель. Они не проходят мимо, не отворачиваются трусливо от преступников.

Как-то, дежуря в клубе «Машиностроитель», Виктор Попов и Василий Контышев узнали, что около гардероба у девушки сорвали часы. Запомнив приметы грабителя, они уже на другой день задержали преступника...».

* * *

В 1957 году розыскными аппаратами органов внутренних дел города были задержаны 819 бежавших из мест заключения, скрывшихся от следствия и суда. Угрозыск выявил и обезвредил 1619 грабительских и воровских групп, в которые входили 8983 участника.

Однако осенью 1957 года по Москве значительно возросло количество таких тяжких преступлений, как разбои и кражи. Разбойных нападений было зарегистрировано на 73 случая больше, чем в 1956 году, краж государственного имущества — на 470 (случаев).

Надо подчеркнуть, что с руководителя УВД исполкома Мосгорсовета Василия Абрамова, несмотря на «оттепель» и невзирая на его прежние заслуги, был принципиальный спрос.

В 1958 году в Москве был отмечен общий рост преступности на 6,8 процента, в то же время снизилась на 3,1 процента раскрываемость преступлений. Общая раскрываемость преступлений в 1958 году в Москве составила 85,8 процента, а особо опасных (преступлений) — 75,7 процента. Сложившееся положение дел привело к тому, что было принято весьма жёсткое постановление Секретариата МГК КПСС от 26 декабря 1958 года «О серьёзных недостатках в работе УВД Мосгорисполкома по борьбе с разбойными нападениями в г. Москве».

* * *

В период, когда генерал внутренней службы 3-го ранга В.Г. Абрамов выполнял свою ответственную и трудную миссию руководителя органов внутренних дел города, в газете «На боевом посту» постоянными были рубрики «Так поступают сотрудники Московской милиции», «Смелого любит народ!», «Ветераны остаются в строю», «Отличники — гордость коллектива», «В наших подразделениях», «Из редакционной почты» и другие.

Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников

В тот самый год…

Полковник внутренней службы Виктор Васильевич ЛЕВЫКИН являлся начальником Управления внутренних дел исполкома Мосгорсовета чуть больше года — с 22 ноября 1960 по 26 декабря 1961 года. Надо сказать, что столь непродолжительное время нахождения на этой должности — совсем не исключение. Если пробежаться по списку руководителей столичных правоохранителей, то сразу видно, что на этом посту мало кто засиживался. Особенно кадровая чехарда была заметна в тридцатые годы прошлого века.

Но что особенно удивляет в данном конкретном случае, так это невозможность отыскать подробности — биографические, служебные, отыскать информацию о Викторе Васильевиче. Впечатление, будто жил-был бесплотный человек, который не оставил о себе никаких следов. Но если отсутствие информации о начальниках милиции, попавших под «топор репрессий» (их как врагов народа навсегда «стирали» — уничтожали документы, затирали фотографии в книгах, вырезали кадры в кино), — факт известный, то почему такая же «информационная пустыня» царит в отношении руководителей милиции вполне «либеральных и демократических» времён?

Думается, ответ на этот вопрос удалось отыскать. Но об этом чуть позже. А пока давайте вспомним, чем был интересен в жизни нашей страны и её столицы тот самый год, когда Левыкин стоял во главе московской полиции?

Это был самый разгар «хрущёвской оттепели». Такое неофициальное название носит период истории Советского Союза, наступивший после смерти Иосифа Сталина и продолжавшийся около десяти лет (середина 1950-х — середина 1960-х годов). Название тому периоду дала одноимённая повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», опубликованная в 1954 году.

Как она замечательно начиналась! Состоялся VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, состоялось осуждение культа личности Сталина, прошло освобождение политических заключённых, ослабление контроля власти над всеми сферами жизни, была проведена либерализация законодательства, в результате чего творческие люди получили больше свободы.

В борьбе за власть, последовавшей после смерти Сталина, Никита Хрущёв сумел в сложной аппаратной схватке переиграть всех своих оппонентов — Лаврентия Берию, Георгия Маленкова, Вячеслава Молотова, Николая Булганина и других. Он взял «бразды» в свои руки.

Тогдашняя жизнь Москвы вместила в себя всю палитру подобного стиля руководства нашим государством. Так, 1 января 1961 года в СССР была проведена денежная реформа: изменение масштаба цен (деноминация) и замена денежных знаков (10 старых, «сталинских», рублей обменивались на 1 новый, «хрущёвский», рубль). Увы, рубль подешевел значительно — против доллара и обеспечения золотым эквивалентом. Последствия данного финансового акта оказались отрицательными: импорт резко подорожал, заграничные вещи перешли в разряд предметов роскоши. Реформу не поддержал частный сектор, который поменял свои цены в другом, меньшем масштабе, что привело к повышению цен на рынках.

В ходе деноминации было допущено много различных злоупотреблений, которыми приходилось заниматься правоохранительным органам.

В 1961 году продолжилось мощное жилищное строительство Москвы. Миллионы жителей советской столицы получили отдельное жильё. Возникло огромное количество новых районов, кварталов и улиц. Часто этот процесс развивался абсолютно бесконтрольно. К примеру, в те годы произошёл, если можно так выразиться, «топонимический взрыв»: в столице СССР появилось 800 одноимённых улиц. 20 — Советских, 19 — Московских, 18 — Центральных, 17 — Школьных, 15 — Пионерских. Появилось много улиц Маркса, Энгельса и Ленина, и даже улиц Пушкина получилось 11! Вряд ли есть смысл растолковывать, что в результате сбивались с пути машины «Скорой помощи», пожарные приезжали не туда, а почтальоны не находили адресатов. А уж как страдали

от перемещения огромные массы людей! В новых районах столицы, где соседи не знали друг друга, воровство в квартирах стало просто «бичом». Для устранения этого явления столичные милиционеры прилагали огромные усилия. Было много проблем с нарушением законности при распределении квартир.

Кстати, в наведении порядка с названиями улиц помогли краеведы, которые предложили свою идею географической привязки новых названий. В результате на юге мегаполиса появились Ялтинская улица, на северо-западе — Таллинская, на западе — Минская.

Особенно в те годы изменилась творческая жизнь москвичей. Стали привычным явлением всевозможные художественные выставки, чтение стихов у памятника Владимиру Маяковскому, поэтические вечера в Политехническом музее. Появились новые произведения, посвящённые необычным темам: в 1961 году Александр Солженицын передал в журнал «Новый мир» свой рассказ «Один день Ивана Денисовича» — о жизни заключённого сталинского лагеря. В то время «громко заиграл» советский джаз — оркестр под управлением Юрия Саульского и другие. В 1961 году в Москве открылись три новых кафе — «Молодёжное», «Аэлита» и «Синяя птица», чуть позже ещё два — «Печора» и «Рита», которые стали центрами неформальной жизни.

Но если говорить о самом главном событии Москвы начала шестидесятых, то, несомненно, самым главным событием «оттепели» и конкретно 1961 года явился полёт в космос Юрия Гагарина. Произошло это 12 апреля, а уже 14 апреля Москва встречала своего героя. И как встречала!

Подлетая к столице СССР, писал Юрий Алексеевич, «я посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамёна, стекались к стенам Кремля».

После торжественной встречи в аэропорту Внуково кортеж машин направился на Красную площадь. И везде вдоль улиц, на деревьях, крышах домов стояли и висели люди, которые приветствовали первого в мире космонавта. И тысячи столичных милиционеров вместе со всем народом приветствовали майора Гагарина!

А как во времена оттепели обстояли дела с утверждением закона и законности? Увы, не всё было правильно.

Известно, что Никита Сергеевич обещал за двадцать лет построить коммунизм. Он и сам верил в это. Находясь в такой эйфории, он и его соратники решили обойтись без союзного МВД. 13 января 1960 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упразднении Министерства внутренних дел СССР». О том, как было принято столь неоднозначное для всей страны решение, можно судить по такому факту — оно оказалось сюрпризом для самого министра внутренних дел Николая Дудорова! Впрочем, его реакция Хрущёва не интересовала (он знал Дудорова как многолетнего руководителя московских строек).

Это, так сказать, одна сторона реформирования МВД, а вторая заключалась в постоянном сокращении личного состава милицейских органов. К тому времени в стране уже появились добровольные народные дружины, и Хрущёв считал, что их хватит для поддержания законности. И пошло-поехало! В 1956 году штат МВД уменьшился почти на 7 тысяч человек. В 1958 году МВД РСФСР получило указание сократить свои ряды еще на 14 331 человека. Конечно, всё было принято к исполнению. В итоге в течение 1958—1959 годов из органов внутренних дел России были уволены 15 682 человека.

Между тем преступность в стране в период массового исхода из правоохранительных органов десятков тысяч специалистов и не думала падать. В первом полугодии 1960 года по сравнению со вторым полугодием 1959 года количество наиболее опасных преступлений увеличилось на 22,9 процента.

И тогда Хрущёв бросил «либеральные увлечения» и настоял на ужесточении Уголовного кодекса. В тот период восстановили, к примеру, смертную казнь за изнасилование и хозяйственные преступления. Более того, по инициативе главы государства смертная казнь была признана допустимой и в отношении несовершеннолетних. После этого к расстрелу был приговорен 15-летний Аркадий Нейланд, виновный в убийстве родителей. «Дело Нейланда» дало повод для заявлений о попрании в СССР норм международного права.

В историю отечественной юриспруденции вошёл закончившийся в июне 1961 года в Московском городском суде процесс по делу группы валютчиков во главе с Яном Рокотовым и Владиславом Файбишенко. У них изъяли 440 золотых монет, слитки золота общим весом 12 килограммов, валюту — всего на 2,5 млн рублей. Суд определил им по 15 лет лишения свободы — максимальный срок.

Хрущёв, узнав, что крупные валютчики получили «всего лишь» 15 лет, потребовал пересмотреть действующее законодательство. 6 июля 1961 года вышел новый Указ, согласно которому к подсудимым такого рода могла применяться высшая мера наказания. Рокотов и Файбишенко были расстреляны. Это беспрецедентное в советской уголовной практике дело послужило поводом для резкого усиления карательных мер по хозяйственным делам. В течение года в СССР было рассмотрено более 90 уголовных дел в отношении расхитителей и взяточников, по которым к высшей мере наказания приговорили 183 человека!

А что же полковник внутренней службы Виктор Левыкин, какую роль он играл во всех этих событиях? С этим вопросом я решил обратиться к полковнику милиции Генриху Гензелю, ветерану столичного главка, ещё в ноябре 1957 года ставшему дознавателем в 95-м отделении милиции Москвы. Уж кто-кто, а Генрих Иосифович должен что-то помнить о нём!

И он действительно вспомнил. По словам Гензеля, в хрущёвские годы к руководству милицией приходили случайные люди, какие-нибудь партийные функционеры, ничего не понимавшие в этой работе. Они кидались исполнять любые приказания партийного руководства, абсолютно не думая о пользе и справедливости своих поступков и решений. Что касается Левыкина, этот человек, по его словам, после руководства милицией был отправлен возглавлять кинематограф — стал начальником «Мосфильма».

Я зашёл в интернет и увидел, что ветерана подвела память. Именно такой карьерный путь проделал «сменщик» Левыкина — Николай Сизов. Николай Трофимович работал в комсомоле, руководил милицией, а потом кинопроцессом! Хотел даже по этому поводу позвонить Генриху Иосифовичу. А потом передумал. Ну, ошибся он, но только в фамилии. А всё остальное — ведь правильно сказал.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Милиционер и писатель

«Служебный роман», «Москва слезам не верит», «Иван Васильевич меняет профессию», «Афоня», «Мимино»... Все эти и многие другие знаменитые советские ленты были сняты на киностудии «Мосфильм» в пору, когда её возглавлял Николай СИЗОВ. За свою жизнь ему довелось стать не только кинодеятелем, но и писателем. А с января 1962 по март 1965 года он занимал пост начальника Управления внутренних дел — охраны общественного порядка исполкома Мосгорсовета. Николай Трофимович — комиссар милиции 3 ранга.

В начале 60-х годов руководством страны принимались меры по качественному улучшению состава органов внутренних дел. В этой связи был издан ряд нормативных правовых актов, в частности Постановление от 17 августа 1962 года «О мерах по укреплению деятельности милиции». В нём наряду с конкретными задачами был намечен ряд организационных мер по совершенствованию работы ведомства, определены направления развития служб. Много внимания уделялось соблюдению законности, повышению профессионального мастерства и культуры работников гарнизона.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 августа 1962 года республиканское Министерство внутренних дел было преобразовано в Министерство охраны общественного порядка (МООП РСФСР). Аналогичные меры принимались во всех союзных и автономных республиках. Утверждено новое Положение о советской милиции и установлен ежегодный праздник — День советской милиции.

Кроме того, в 60-е годы в системе МВД России появились следственные органы. Приказом от 19 июня 1963 года «Об образовании следственного аппарата в органах МООП РСФСР» утверждена его структура и численность территориальных следственных аппаратов РСФСР. 27 июня 1963 года Николай Сизов издал приказ «О структуре следственного аппарата УООП города Москвы». Документ предусматривал создание Следственного управления.

При Николае Трофимовиче в работе многих подразделений милиции отмечалось улучшение дисциплины. Подавляющее большинство сотрудников органов внутренних дел добросовестно выполняли служебные обязанности. Это подтверждалось хорошими показателями. Только в 1962 году более 10% сотрудников были награждены медалями «За безупречную службу», 15 человек — «За отличную службу по охране общественного порядка», 1206 — значком «Отличник милиции». Многие получили благодарности, денежные премии.

В 1963 году показатели борьбы с преступностью в столичном гарнизоне были выше средних по республике. Раскрываемость преступлений составила 96,3%, а по особо опасным преступлениям — 93,2%. В десяти отделениях милиции города были раскрыты все зарегистрированные преступления.

Как начальник милиции, Николай Сизов уделял большое внимание вопросам повышения образовательного уровня сотрудников ведомства. Если в 1959 году более половины начальствующего состава не имело среднего образования, то к 1964-му 80% офицеров гарнизона были с высшим, средним специальным и средним образованием.

Принимались меры по улучшению жилищных условий работников органов внутренних дел. Так, в 1964 году исполком Мосгорсовета выделил для сотрудников управления 809 квартир.

В 60-х годах органы московской милиции стали активнее вести борьбу с хищениями, взяточничеством и другими преступными посягательствами на государственное и общественное имущество. Работники столичных ОБХСС своевременно и умело обезвреживали преступников, действовавших замаскированно, выявляли каналы, по которым разворовывались материальные ценности, вскрывали причины, порождающие хищения, добивались наведения порядка в учёте и хранении продукции предприятий. Например, аппараты БХСС Москвы во взаимодействии с областными разоблачили несколько опасных групп расхитителей и взяточников. Сотрудником Антоновым было выявлено пять крупных, тщательно замаскированных преступных

Московская конная милиция на улице Фрунзенский Вал

сообществ, в итоге изъято и возвращено государству денег и ценностей на сумму свыше 22 000 руб. За высокие показатели в работе Антонов был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Бригада Овсянникова возвратила государству деньги и ценности на сумму свыше 45 000 руб., за что милиционерам был вручён переходящий вымпел УООП Москвы.

В 1963 году в результате проведённых операций сотрудники ОБХСС изъяли у расхитителей наличность и иные ценности на 60% больше, чем в 1961 году.

Была значительно активизирована деятельность добровольных народных дружин. В феврале 1962 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». Документ установил строгие меры административной и уголовной ответственности за противодействие законной деятельности народных добровольцев.

К сожалению, в работе стражей порядка не обходилось без потерь. Старший лейтенант милиции Василий Тимофеевич Петушков служил участковым инспектором в 129-м отделении милиции Тушинского района. 14 января 1962 года из дежурной части поступил сигнал о том, что нетрезвый хулиган заперся в квартире с семьёй и угрожает своим близким убийством. Петушков прибыл на место происшествия и через входную дверь пытался уговорить озверевшего от алкоголя человека успокоиться. Не действовало. Участковый услышал отчаянные крики детей и, ни секунды не колеблясь, выломал дверь ударом топора. Милиционер бросился спасать ребят. Вбежал в коридор... Дебошир выстрелил в участкового из охотничьего ружья. Ранение оказалось смертельным. Именем Василия Петушкова названа одна из улиц Тушинского района столицы. Жена Василия Тимофеевича Любовь Андреевна после гибели мужа поступила на службу в милицию. Дослужила до звания полковника, преподавала в Академии Управления МВД России. Сын Юрий окончил Омскую высшую школу милиции и стал инспектором уголовного розыска. Своего ребёнка Юрий назвал в честь героически погибшего отца.

Во время ночного патрулирования старший сержант 48-го отделения милиции Константин Царёв стал свидетелем пьяной драки. Милиционер дал предупредительный свисток, а затем попытался разнять дерущихся. При задержании одного из них Царёву было нанесено ножевое ранение в область живота. Лучшие врачи Боткинской больницы двое суток боролись за жизнь сотрудника. Однако 29 сентября 1963 года он скончался. За мужество и отвагу милиционер 48-го отделения старший сержант Константин Спиридонович Царёв был навечно оставлен в списках личного состава. В апреле исполком Моссовета принял решение о присвоении его имени проектируемому проезду № 543.

А Николай Сизов после ухода с должности начальника милиции столицы занял пост заместителя председателя Мосгорисполкома.

Тренировка служебной собаки

Как уже говорилось выше, большую часть своей жизни Николай Трофимович посвятил киноискусству. В 70—80-х годах возглавлял киностудию «Мосфильм». С 1984 года на протяжении нескольких лет занимал должность первого заместителя председателя Государственного комитета по кинематографии СССР.

Николай Трофимович — автор многих известных романов. Произведения его жизненны, поскольку писатель строил их на материале, близком сердцу русского человека.

Например, в основу «Невыдуманных рассказов» легли реальные события и факты. Это рассказы о случаях исключительных, редких и всё же имеющих место в нашей жизни. Истории, упомянутые в книге, говорят о необходимости неустанной борьбы с теми, кто попирает правопорядок, мешает людям спокойно жить...

Среди наград Николая Трофимовича — ордена Ленина, Октябрьской Революции, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и медали.

Николай Сизов ушел из жизни в 1996 году. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА,
фото из открытых источников

Кровавые «гастроли» артиста

Среди наиболее ярких примеров успешного взаимодействия сотрудников служб и подразделений столичной милиции и их коллег из других регионов нашей страны, включая оперативников уголовного розыска и криминалистов, — раскрытие «дела Ионесяна». Про эту небезызвестную криминальную историю шестидесятых годов прошлого века рассказывается в экспозициях Центрального музея МВД России, Музея истории органов внутренних дел Москвы и Музея истории МУРа.

Внимание посетителей постоянно действующей экспозиции органов внутренних дел Москвы не может не привлечь музейный комплекс, посвящённый расследованию жестоких уголовных импровизаций преступника-«солиста» Владимира Ионесяна, который был... артистом провинциального театра музыкальной комедии. В текстовой части на стенде в указанном учреждении Культурного центра Главного управления МВД России по г. Москве поясняется:

«В период между 20 декабря 1963 года и 12 января 1964 года органы охраны общественного порядка РСФСР провели одну из крупнейших по своему масштабу операций, связанную с установлением личности, розыском и арестом особо опасного преступника, совершившего в городах Москве и Иваново, с целью ограбления квартир, убийства трех мальчиков и покушение на убийство пятнадцатилетней девочки [а также и другие опасные уголовные деяния].

Руководил этой операцией начальник МУРа полковник милиции А.И. Волков.

В результате оперативно-розыскных мероприятий преступник был задержан. Им оказался артист Оренбургского театра музкомедии, ранее судимый за хищение государственного имущества и уклонение от призыва в Советскую армию Ионесян В.М., 1937 года рождения. Соучастницей преступлений являлась его сожительница, артистка кордебалета того же театра Дмитриева А.Н., 1942 года рождения.

Дело Ионесяна и его сообщницы рассматривал Верховный суд РСФСР, приговоривший убийцу и насильника к исключительной мере наказания — смертной казни, а Дмитриеву — к длительному сроку лишения свободы: 15 годам».

Первое убийство 26-летний Владимир Ионесян совершил в декабре 1963 года в Москве: в квартире дома по улице Балтийской (в районе Сокола) преступник топором зарубил 11-летнего мальчика и

похитил 60 рублей, флакон одеколона «Шипр», детскую кофту и затемнённые очки.

Через неделю, 25 декабря, на улице Калинина в городе Иваново приезжий молодой мужчина зарубил топором 12-летнего подростка и похитил поношенный пиджак, кофту, облигации и две авторучки. Затем на соседней улице Октябрьской убийца зарубил топором 74-летнюю женщину и был прямо-таки взбешён жалкой добычей — найденными в жилище жертвы-старушки 3-рублёвым фонариком и всего-то 70-ю копейками. Вернувшись на улицу Калинина, в одной из квартир преступник изнасиловал 15-летнюю школьницу и нанёс ей восемь ударов топором. Лишь чудом жертва этой криминальной агрессии, несовершеннолетняя пострадавшая, осталась в живых.

Взяв из квартиры в Иванове пуховой платок, свитер, кофту и наличные деньги на сумму 90 рублей, преступник с похищенным поспешил к сожительнице. С нею Ионесян в тот же вечер из-за боязни задержания на станции протопал километров десять по шоссе в сторону Москвы, и лишь затем они, сообщники, сели в автобус...

Своё последнее преступление маньяк совершил в районе знаменитой столичной Марьиной Рощи, на улице Шереметьевской: его жертвой на сей раз стала 46-летняя женщина, скончавшаяся от полученных почти двух десятков ударов топором по лицу и голове. Из квартиры на улице Шереметьевской душегуб похитил 30 рублей, кошелёк, настольные часы «Мир», пять мотков пряжи, три пары носков и телевизор «Старт-3».

Следствие от нескольких жителей Марьиной Рощи узнало, что молодой мужчина, с завёрнутым в простыню большим предметом, с улицы Шереметьевской уехал на грузовой бортовой автомашине. Сыщику МУРа Владимиру Чванову найденный водитель грузовика сообщил, что подвёз смуглого парня до 2-й Мещанской улицы. Оперативная группа выяснила, кто из местных жильцов приобрёл у преступника похищенный телевизор. Сам факт кражи этого изделия был установлен после сверки номера на корпусе телевизора с техническим паспортом, который обнаружили в квартире убитой 46-летней женщины.

Оперативные работники выяснили адрес, где в столице поселились продавец телевизора со своей подругой. В их съёмной квартире была устроена засада, в которую угодила гражданка Алевтина Николаевна Дмитриева. Подозреваемая призналась, что её сожитель уже уехал в столицу Татарской АССР, куда вскоре должна была отправиться и она. Именно там, в Казани — на перроне вокзала, Ионесяна задержали 12 января 1964 года.

Кстати будет упомянуть, что в ходе предварительного расследования криминалист Софья Файнштейн по показаниям свидетелей составила фотокомпозиционный портрет (фоторобот) преступника. В столице советской державы серийный убийца искал потенциальных жертв, представляясь, как правило, работником «Мосгаза».

Данный фоторобот сотрудниками уголовного розыска предъявлялся при опросе возможных очевидцев, которые могли видеть молодого мужчину

с объёмистой поклажей в день убийства женщины на улице Шереметьевской. Интересно, что для воссоздания внешности разыскиваемого преступника следствие обращалось за помощью к известному скульптору и антропологу Михаилу Герасимову и художнику Науму Карповскому.

Расследование совершённой серии особо тяжких преступлений взял под личный контроль министр охраны общественного порядка РСФСР Вадим Степанович Тикунов. Надо пояснить, что «дело Ионесяна» рассматривалось на закрытом процессе в Верховном суде РСФСР.

Из справки по уголовному делу:

«ИОНЕСЯН Владимир Михайлович, 27 августа 1935 года рождения, уроженец города Тбилиси, армянин, образование среднее, женат, имеет двухлетнего сына. Судим в 1954 году по Указу [Президиума Верховного Совета СССР] от 4 июня 1947 г. Приговорен к пяти годам лишения свободы условно. В 1959 году за уклонение от воинской обязанности приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Наказание отбыто».

30 января 1964 года подсудимый Владимир Михайлович Ионесян, признанный виновным по пунктам «а», «г», «е» и «и» статьи 102 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), пунктам «б» и «д» статьи 146 (разбой) и пункту 3 статьи 117 (изнасилование) УК РСФСР, по совокупности назначенных наказаний был приговорён к исключительной мере наказания — расстрелу.

Приговор, вступивший в законную силу, был приведён в исполнение.

* * *

В Музее истории МУРа один из тематических разделов раскрывает некоторые подробности расследовавшегося уголовного дела, которое для той относительно спокойной советской поры оказалось действительно исключительным по своей жестокости и подсудным тяжким последствиям: преступником были совершены убийства троих детей и двух женщин, а также изнасилование и покушение на убийство.

В музейной витрине экспонируется приёмник «Sokol» — этим ценным подарком были отмечены участники операции по розыску и задержанию серийного убийцы Ионесяна. А на включённой в экспозицию архивной фотографии запечатлено, как заместитель начальника Московского уголовного розыска П.Ф. Благовидов вручает награду старшему оперуполномоченному Е.И. Меркулову — одному из участников операции по поимке серийного убийцы.

Александр ТАРАСОВ,
фото автора

Старое, но грозное оружие

В комнате истории УВД по СЗАО много интересных экспонатов. Не погрешу против истины, если скажу, что особым интересом посетителей пользуются документы, рассказывающие о расследовании убийства 6-летней девочки Тани Ткачёвой. Произошло это трагическое событие около шести десятков лет назад, но до сих работа московских милиционеров может послужить образцом расследований подобных преступлений.

21 июня 1962 года из посёлка Свесса Ямпольского района Сумской области в Москву приехала семья Ткачёвых — Екатерина Михайловна с двумя детьми, десятилетним Серёжей и шестилетней Таней. Ткачёвы поселились у своего дяди И. Шальнева (кстати, старшины милиции) по адресу: 1-й Щукинский проезд, дом 11.

Ранним утром Таня Ткачёва выбежала погулять во двор, а старший брат вместе с мамой, которая посчитала, что Таня находится под присмотром родственников, поехали осматривать город. Возвратились они вечером и стали спрашивать, где же девочка? Родственники полагали, что она находится с мамой и братом. Начались поиски Тани, которые результатов не дали.

На следующий день поиски также прошли впустую. Поэтому 23 июня оперуполномоченный 99-го отделения милиции капитан милиции В. Копылов, на территории которого происходили описываемые события, завёл дело о розыске без вести пропавшей.

Новости поступили 24 июня, но они были печальными. В этот день некий гражданин М. Полев случайно (искал проволоку для ограды своего сада) оказался на площадке строительного управления СУ-40 Мосподземстроя, что на Клубной улице. Там в собачьей конуре, распложенной в будке-раздевалке, он обнаружил детскую голову, о чём сообщил в милицию. Лаз в конуру был закрыт большой металлической банкой из-под томатной пасты. Местность сразу обыскали, и в этой будке обнаружили ещё правую детскую ножку, обутую в ботинок.

Оперативники обратили внимание, что голова и нога были тщательно вымыты, а ботинок был мокрым, что позволило сделать вывод: преступление совершено в помещении, в котором есть вода, может быть, в ванной комнате.

При осмотре найденных частей тела выяснилось, что они, по всей видимости, были обёрнуты в газетные листы, так как рядом были найдены маленькие клочки газеты, окрашенные жидкостью розового цвета, похожей на кровь. Стали изучать эти обрывки. Сопоставление газетных кусочков позволило сделать вывод: они принадлежат газетам «Известия» и «Советская Россия», причём свежим номерам — за 20 и 21 июня 1962 года.

25 июня начались усиленные поиски остальных частей тела. И вскоре на территории бывшей Щукинской биологической станции треста Мосочиствод, расположенной на той же Клубной улице, в нечистотах отстойника на глубине пяти метров обнаружили другие части маленького тела. На теле были майка, открытое летнее цветное платье и ботинок на одной ноге. В кармане платья были обнаружены медная монета номиналом 1 копейка, конфетная обёртка и детские сломанные часики из белого металла, у которых вместо ремешка была бельевая резинка. Обнаруженные части тела были подвергнуты экспертизе, которая дала заключение о том, что они принадлежат Тане Ткачёвой. Судебно-медицинская экспертиза показала, что девочка была изнасилована и задушена, а потом расчленена.

Лаврентьев в сопровождении оперативных сотрудников МУРа т.т. Светлова и Чернышева после задержания у входа в корпус «А», УООП Мосгорисполкома (Петровка, 38)

По тем спокойным временам преступление было шокирующим в своей жестокости. Тогда люди ещё отходили от тяжелой кровопролитной войны и каждая жертва, каждая смерть, происходившая в мирное время, вызывала особое чувство горечи. Зверское убийство маленькой девочки вызвало огромный общественный резонанс.

Работу по розыску преступника возглавил заместитель начальника 99-го отделения капитан милиции Николай Карпов. Тут следует сделать небольшое отступление и подробнее рассказать об этом замечательном человеке и специалисте. Николай Васильевич был активным участником Великой Отечественной войны, защищал Ленинград, участвовал в прорыве его блокады. Впоследствии полковник милиции Карпов возглавлял РУВД Железнодорожного района Москвы, а выйдя на пенсию, был первым председателем Совета ветеранов УВД по СЗАО. За свою прекрасную работу Николай Васильевич был удостоен орденов Трудового Красного Знамени и Отечественной войны I степени, многих медалей.

Объективные данные и сведения, полученные на начальной стадии следствия, в своей совокупности позволили сделать вывод, что убийство было совершено в незначительном отдалении от места обнаружения частей трупа, что труп расчленён в помещении с водопроводом и канализацией и что преступник располагал достаточным временем и условиями для совершения злодейства.

Естественно, в первую очередь решили присмотреться к жильцам дома, в котором остановилась семья Ткачёвых. Внимание оперативников привлёк Николай Лаврентьев, проживавший в квартире № 56, в том же подъезде, в котором двумя этажами ниже жила Таня. Лаврентьев имел судимость — в 1942 году украл хлебные карточки и был осуждён на 3 года. Было установлено, что он является подписчиком газеты «Известия» и что в день пропажи ребёнка находился дома один, его супруга и семилетний сын Виктор отдыхали на даче.

Одновременно сотрудники милиции установили, что найденные в платье Тани часики видели в детском саду № 733. Воспитательница детсада Э. Черепнина сообщила, что во второй половине мая к ней обращался сын Лаврентьева Витя и показывал ей эти сломанные детские часики, в которые вместо ремешка была продета белая бельевая резинка. Их видела в этой же группе ещё одна воспитательница — Л. Теплова.

С целью проверки этих показаний воспитанникам детского сада № 733 были показаны найденные часики, а также их макет, изготовленный по найденному образцу, который отличался от него отсутствием ржавчины и грязи, и образец в том виде, в котором часы выпускает фабрика.

В результате макет был опознан Витей, который сказал, что такие часы с резинкой есть у него дома. Действительно, у него дома были обнаружены и изъяты следователем часики без ремешка, аналогичные обнаруженным в платье погибшей девочки. Кроме них там же были найдены два пластмассовых ремешка и стекло от таких часиков.

После этого в квартире Лаврентьева был произведён обыск, в ходе которого были обнаружены и изъяты 20 образцов ножей и образцы бельевой резинки. Было установлено, что среди имеющихся в доме газет «Советская Россия» и «Известия» отсутствуют экземпляры за период с 10 по 20 (включительно) июня, то есть тех номеров, которые были найдены на частях трупа убитой девочки.

Проведённой технической экспертизой было установлено: часть резинок, найденных в квартире, и резинка от часов Тяни Ткачёвой являются резинками одного и того же артикула. Криминалистическая экспертиза показала, что концы резинок, найденных в квартире, и концы резинок на часах Тани были сшиты одним и тем же способом.

И наконец, трасологическая экспертиза показала, что расчленение было произведено одним из ножей (ножом-пилой), найденным в квартире Лаврентьева. Его жена, А. Лаврентьева, показала, что этот нож-пила постоянно находился в квартире, так как другие ножи она брала с собой на дачу.

15 октября 1962 года подозреваемый Лаврентьев был арестован и под тяжестью улик признался в совершении кровавого преступления.

Он показал, что 22 июня оказавшаяся на шестом этаже Таня, увидев через открытую дверь игрушки сына Лаврентьева, заинтересовалась ими и вошла в квартиру. Лаврентьев, инженер отдела капитального строительства, в это время пришёл на обед. Воспользовавшись доверчивостью девочки, этот садист изнасиловал её и, чтобы скрыть преступление, задушил, после чего расчленил труп ребёнка в ванной комнате. Потом обернул части тела в имевшиеся в доме газеты и уложил в картонную коробку из-под макарон. Когда стемнело, он вынес свою страшную ношу спрятал по частям - в будке и в резервуаре отстойника. Коробку и газеты он бросил в костёр, который в это время горел в овраге. В подтверждение своих показаний преступник начертил схему.

Оперативники с целью проверки правильности показаний решили его допросить с участием судмедэкспертов. Те сделали вывод, что рассказ соответствует объективным судебно-медицинским исследованиям. Объясняя преступные действия, Лаврентьев сослался на свою психическую неполноценность. Но судебно-медицинская экспертиза показала, что он психически вменяем.

Для полного изучения личности преступника были проведены беседы с его сослуживцами и с его соседями по предыдущему месту жительства. Они отмечали его необщительность, замкнутость. Один из соседей по коммуналке вспоминал, что, прожив два десятка лет в одной квартире, он Лаврентьева толком и не видел.

Дело Лаврентьева было рассмотрено судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда. Суд (он проходил в закрытом режиме) приговорил Лаврентьева к исключительной мере наказания — расстрелу. После необходимых в таких случаях процедур приговор был приведён в исполнение.

Деятельность сотрудников милиции по раскрытию этого нашумевшего преступления была высоко оценена — многие из них получили благодарности и премии, а капитан милиции Николай Карпов был награждён руководством Министерства охраны общественного порядка РСФСР фотоаппаратом «Киев».

Когда-то великий поэт Владимир Маяковский, рассуждая об артефактах прошлого, воскликнул: «Вы с уважением ощупывайте их, как старое, но грозное оружие». Он был прав. Эти старые бумаги — кладезь опыта, который полезен и нынешним сотрудникам правоохранительных органов.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из архива УВД по СЗАО,

Прототип литературного героя — муровец

История одного экспоната

Внимание посетителей Музея истории Московского уголовного розыска неизменно привлекает поистине раритетное издание — книга Юлиана Семёнова «Петровка, 38». В знаменитом произведении, первая публикация которого состоялась в 1963 году, ярко и достоверно повествуется о работе сотрудников МУРа.

Славке Кривенко — одному из героев этой книги, кап. [капитану] Костенко — с любовью и нежностью.

Твой Юлиан Семенов <...>

Это дарственная надпись писателя, которую он на своей книге «Петровка, 38» оставил 20 сентября 1964 года в Москве.

Вячеслав Кривенко

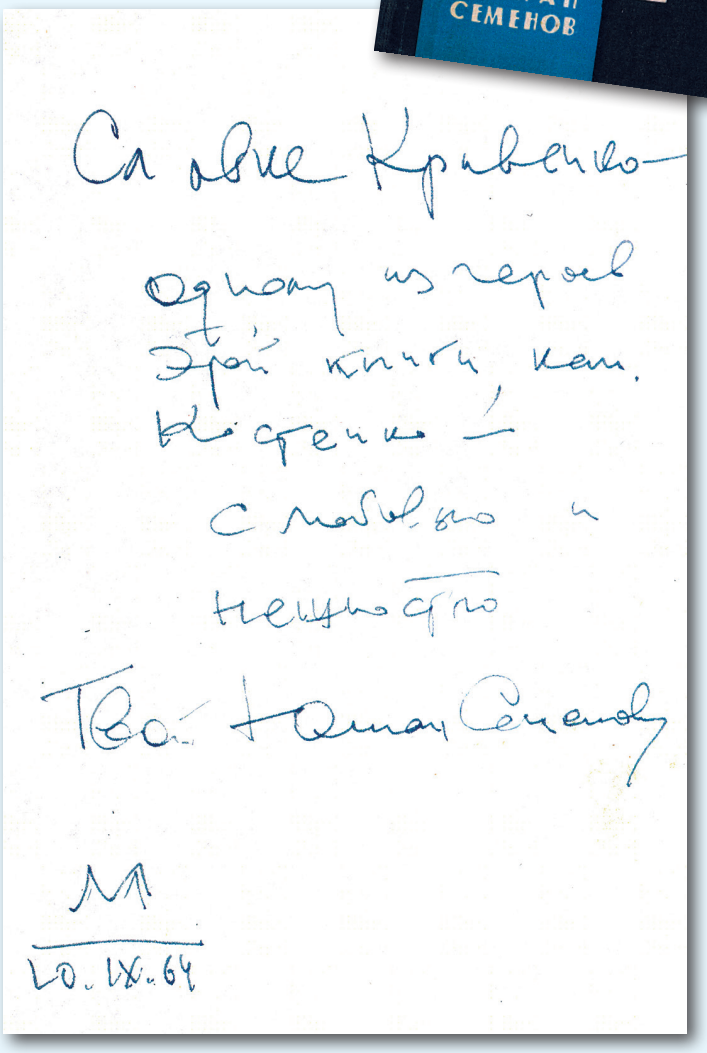
Автор остросюжетного сочинения известен широкому кругу читателей, в том числе и любителям детективного жанра. По сценариям лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых Юлиана Семёнова сняты фильмы, которые с удовольствием смотрят на протяжении многих лет почитатели его таланта.

Юлиан Семёнов (настоящая фамилия — Ляндрес) с детства общался с людьми отважной и мужественной профессии — сыщиками уголовного розыска. Много лет этой службе посвятил родной дядя Юлиана Семёнова — Илья Ляндрес, возглавлявший один из отделов МУРа. Есть снимок послевоенной поры, на котором запечатлены два муровца-орденоносца: полковники милиции Илья Александрович Ляндрес и Константин Петрович Гребнев, который был во главе Московского уголовного розыска в 1949—1951 годах.

Будучи журналистом, а затем — популярным писателем, Юлиан Семёнов немало времени общался с руководителями и сотрудниками МУРа и имел настоящих друзей из этого круга. И одним из них для Юлиана Семёновича, который с 1960 года входил в

Союз писателей СССР и впоследствии являлся секретарём правления этой авторитетной творческой организации, стал старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска Вячеслав Александрович Кривенко. Чтобы лучше понять, а затем достоверно освещать в своих литературных трудах жизнь и работу сыщиков, Юлиан Семёнов, с разрешения руководства МУРа, выезжал на места происшествий, участвовал в проводимых московскими оперативниками мероприятиях. Юлиану Семёновичу 7 мая 1962 года даже было выдано временное удостоверение «на право входа в УВД исполкома Мосгорсовета» за подписью начальника Управления Московского уголовного розыска Ивана Васильевича Парфентьева.

С асом оперативной работы Вячеславом Кривенко у заслуженного деятеля искусств РСФСР Юлиана Семёнова, кавалера советских орденов Октябрьской Революции и Дружбы народов, сложились очень тёплые отношения, которые сохранялись до самой смерти именитого прозаика и сценариста. Сам же Кривенко за период работы в МУРе раскрыл не один десяток особо тяжких преступлений. Подробностями раскрытия некоторых из этих неординарных криминальных историй Вячеслав Александрович делился с Юлианом Семёновичем. Создавая свои произведения, Юлиан Семёнов использовал многие характерные моменты из рассказанного другом. Именно Вячеслав Кривенко послужил прототипом Владислава Костенко — героя прозаических творений Юлиана Семёнова о деятельности советской милиции, включая и повесть «Огарёва, 6».


Славе Кривенко —
одному из героев
этой книги, кап.
Костенко —
с любовью и
нежностью
Твой Юлиан Семёнов
10.IX.64

Вячеслав Кривенко стал полковником милиции (как и литературный персонаж Костенко), удостоился присвоения почётного звания заслуженного работника МВД СССР. На пенсию ушёл в 1980 году с должности начальника отдела Управления оперативной службы МВД СССР. До глубокой старости он, ветеран органов внутренних дел, занимался конькобежным спортом.

После смерти Вячеслава Александровича Кривенко в муровскую музейную коллекцию были переданы его личные вещи и награды, среди которых — медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «50 лет советской милиции», «Ветеран труда» и другие, а также знаки «Заслуженный работник МВД» и «Отличник милиции МВД СССР».

Заместитель председателя Совета ветеранов МУРа полковник милиции Александр ЛУКАШЕНКО, фото из фондов Музея истории Московского уголовного розыска

По характеру решительный

Комиссар милиции 3-го ранга Анатолий Иванович ВОЛКОВ был назначен руководителем столичной милиции в апреле 1965-го. Настоящий профессионал, о которых коллеги говорят исключительно с уважением: милицейская косточка, да и жизнь он учил не по учебникам — службу начинал с рядового сотрудника уголовного розыска, и все его дальнейшие карьерные достижения — это результат его ума, таланта и трудолюбия.

Высокое назначение на пост начальника столичного милицейского гарнизона состоялось в апреле 1965 года. Кандидатура Анатолия Ивановича как нельзя лучше подходила по всем параметрам. Москвич, родился в 1924 году. В Великую Отечественную войну младший лейтенант Волков — командир батареи отдельной самоходной артиллерийской дивизии 1-го Белорусского фронта. Молодой офицер воевал с фашистами отважно: два ордена Красной Звезды и в придачу солидный набор медалей, наших и польских.

Казалось бы, навоевался, понюхал пороха по полной программе, после войны выберет себе только мирную профессию. Так он и сам поначалу думал. Когда пришёл с фронта, устроился на работу в одно из министерств, началась размеренная, тихая, мирная жизнь. Однако совсем скоро Анатолий Волков понял: «Сидеть в кабинетах и перебирать бумажки — это не моё». Недаром же впоследствии в его служебных характеристиках будет регулярно присутствовать словосочетание «по характеру решительный». Так был сделан решительный выбор: боевому офицеру ближе оказалась служба в милиции. И вот он уже оперуполномоченный уголовного розыска в 27-м отделении милиции Москвы. По сути, началась новая, другая жизнь. Далеко не все новички выдерживают эти первые испытания и, столкнувшись с трудностями и особенностями профессии, уходят со службы. Но только не Волков. Более того, с первых же месяцев работы в угрозыске он понял, что это его судьба. Его засады, погони за преступниками, его бессонные ночи и темперамент сыщика, охотника за преступниками — в том его призвание.

Говорят, в случае с Волковым сошлись сразу несколько составляющих, так необходимых не только для достижения профессиональной зрелости, но и для профессионального успеха. Фронтовая закалка, острый ум и привычка добиваться желаемого результата в безнадёжных, казалось бы, ситуациях — всё это обеспечило ему стремительный карьерный марафон. В помощь сыщику было дано острое оперативное чутьё, а ещё удача — куда без неё. Вот и вышло, что всего за четыре года милицейской службы Анатолий Иванович успел побывать и старшим оперуполномоченным, и начальником ОУР, а затем и начальником 70-го отделения милиции. После такой «артподготовки» поступившее ему предложение перейти на работу в МУР уже никого не удивило, ведь человек на деле не только доказал свою профессиональную пригодность, но и сумел ярко выделиться, отличиться в лучшую сторону.

В МУРе недаром по сей день уважительно вспоминают Анатолия Волкова. Его приход был неизбежен, потому что именно такие люди прославили на всю страну знаменитый МУР. Новичок в этом легендарном подразделении освоился довольно быстро. И вскоре был назначен заместителем начальника отдела. А всего через год никто уже и не вспоминал, что Волков в МУРе недавно. Присматриваясь к его работе, начальство решило: пора этого толкового опера продвигать дальше, заслуживает повышения.

Словом, Анатолий Волков удостоился особого доверия, за короткий срок показал себя с лучшей стороны и стал уже начальником целого муровского отдела. И совсем скоро стало ясно, что руководство не ошиблось с его назначением: отдел пошёл в гору, на совещаниях отмечали хватку и результативность работы его начальника, природное умение находить единственно правильное решение в самых ответственных ситуациях. Всем было ясно: это личность с большущим потенциалом, на этом его карьера не закончится. Вот только было одно обстоятельство, которое, мягко говоря, не способствовало дальнейшему продвижению к профессиональным высотам: без высшего специального образования сложно было продвинуться. И сам Анатолий Иванович в том виноват не был, не до вузовской учёбы было: после школы пошёл на войну, потом служба и днём и ночью, ловил преступников. Но наконец пришёл и его вузовский черёд: Анатолий Волков направлен на учёбу в Высшую школу МВД СССР.

О том, какое значение в его жизни имело обучение высшим азам милицейской профессии, он, как и все выпускники этого учебного заведения, будет всю жизнь вспоминать с благодарностью. Сплав бесценного практического опыта и основательных теоретических профессиональных знаний дорогого стоит. Три года в стенах Высшей школы пролетели незаметно, а в МУРе его уже ждали. В 1959 году, сразу же после возвращения Волкова в родные стены на Петровку, 38, он

был назначен заместителем начальника МУРа. И это был новый этап в карьере талантливого сыщика. Только по сравнению с прошлой его службой теперь всё стало по-другому: если раньше он лично отвечал за раскрытие конкретных преступлений, лично сидел в засадах и задерживал бандитов, то теперь нужно было заниматься организацией работы оперативников угрозыска всей Москвы. Огромная ответственность, без знаний и организаторских навыков совсем никуда. Но за плечами уже была Высшая школа милиции, и это много значило.

Старые муровцы вспоминают, что Анатолий Иванович, став заместителем начальника МУРа, и учил своих подчинённых, и сам охотно учился всему новому. Благо, что возглавлял МУР в то время Иван Васильевич Парфентьев, и его новый зам с благодарностью впитывал в себя драгоценный опыт работы старшего товарища, который охотно делился своими знаниями. Этот тандем оказался и эффективным, и перспективным для тогда ещё полковника милиции Волкова. Буквально через три следующих года работы Анатолия Ивановича в качестве зама произошло событие, которое можно назвать судьбоносным: в силу сложившихся обстоятельств бывший офицер-фронтовик Волков был назначен начальником МУРа, сменив на этом посту своего наставника и учителя Парфентьева. Должность и почётная, и солидная, и особо ответственная — отныне он руководитель высокого ранга.

МУР при Анатолии Волкове не только не утратил своих высоких позиций, но в очередной раз подтвердил: МУР есть МУР, это золото профессионализма высшей пробы. Волков не только не посрамил чести своего наставника, но ещё лучше отладил работу ответственного аппарата, сотрудники которого по старой традиции подбирались особенно тщательно. Московский уголовный розыск работал надёжно и точно, как лучший часовой механизм швейцарского качества. Во многом в том была заслуга самого Волкова. И это не осталось незамеченным: за внушительные достижения в работе в 1965 году начальник МУРа Анатолий Волков был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Казалось бы, всё, это предел мечтаний обычного московского парня, родившегося в 1924 году и выжившего в той страшной войне, откуда многие его сверстники не вернулись. Как иначе, руководитель Московского уголовного розыска, высокий орден как достойная оценка службы, уважение лучших сыщиков страны. Однако, как выяснилось, на этом служебная карьера Волкова вовсе не закончилась. В 1965 году Волков Анатолий Иванович становится главой столичной милиции.

Москва 1965-го — это уже был особенный город. 20 лет назад закончилась Великая Отечественная, почти затянулись нанесённые войной раны, начало расти благосостояние граждан. В марте того года космонавт Алексей Леонов вышел в открытый космос, а в Москву впервые пожаловала кинодива Софи Лорен. Да, ещё в этот год впервые выпустили шоколад «Алёнка», а на киноэкраны вышла знаменитая комедия «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Такую вот Москву принял под охрану Анатолий Иванович Волков. Принял и сделал всё возможное, чтобы москвичи и гости столицы чувствовали себя в полной безопасности. Все, кто застал то время, помнят, как с середины шестидесятых с каждым годом улицы Москвы становились всё более мирными и спокойными в любое время суток.

А в 1969 году неожиданно для всех Анатолий Иванович получил новое назначение: ушёл на повышение в министерство, стал первым заместителем начальника Главного управления уголовного розыска страны. Это было, конечно же, если формально, то повышение по службе, но сослуживцы Волкова по столичному главку жалели о его назначении: «Анатолий Иванович был нужен Москве, много хорошего сделал для города». А в кулуарах ходили слухи, что причина его перевода в министерство — возникшие проблемы, связанные с недостойным поведением сына одного высокопоставленного чиновника из Совета Министров и реакцией на это Волкова.

Как бы то ни было, а Анатолий Иванович стал заместителем тогдашнего начальника ГУУР МВД СССР Игоря Ивановича Карпеца, авторитет которого признавали все. Начальник и его зам прекрасно сработались — оба ценили и уважали друг друга. Но в 1980 году сменился начальник ГУУР. И как это нередко бывает, Анатолия Ивановича Волкова направили на другую работу — он стал начальником высших академических курсов в Академии МВД СССР. А через три года он по болезни уволился из органов внутренних дел. На гражданке прожил совсем мало, быстро угас и ушёл из жизни. Конечно же, из-за болезни, из-за того, что себя никогда не жалел, где бы ни работал. Но, наверное, всё-таки была и ещё одна причина: без любимого дела, без родной милицейской атмосферы он уже не представлял своей жизни — не тот был у него характер.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

Именные вымпелы — самым доблестным сотрудникам

В советскую пору Москворецкое РУВД столицы, которое обслуживало территорию в пределах нынешнего района Замоскворечье Центрального административного округа мегаполиса, стало хранителем и продолжателем традиций легендарного 1-го Пятницкого комиссариата города. В одной из комнат районного управления, где был создан уголок славы, установили бюсты Егора Петровича ШВЫРКОВА и Семёна Матвеевича ПЕКАЛОВА. Одни из первых героев-милиционеров, они погибли весной бурного 1918-го в борьбе с преступностью и удостоились чести быть похороненными на Красной площади, у Кремлёвской стены.

В 1967 году, в честь 50-летия советской милиции, райком КПСС и исполком райсовета утвердили положение об уникальной награде Москворецкого района Москвы — памятном Красном вымпеле имени Е.П. Швыркова и С.М. Пекалова.

Причём на этой наградной реликвии, на красной ткани, фамилию Семёна Матвеевича вышивали именно так — Пикалов, будто отдавая дань светописному документу истории: известной архивной чёрно-белой фотографии послереволюционного времени. На сделанном у Кремлёвской стены снимке, в центре кадра, хорошо видна надпись на траурном транспаранте: «СЛАВА ПОГИБШИМЪ ГЕРОЙСКОЙ СМЕРТЬЮ отъ руки предателей-убійцъ т.т. милиціонерамъ ШВЫРКОВУ и ПИКАЛОВУ». Находившиеся на посту близ Устьинского моста, сотрудники 1-го Пятницкого комиссариата Москвы в свою последнюю схватку с опаснейшими уголовниками вступили 4 апреля 1918 года, защищая жителей дома № 12 по Космодамианской набережной от вооружённого налёта бандитов-лжечекистов.

На мемориальном кладбище на Красной площади Москвы, на установленных на братских могилах этого некрополя у Кремлёвской стены гранитных плитах, начертаны фамилии с инициалами и даты жизни павших на служебном посту милиционеров: «ШВЫРКОВ Е.П. 1873 — 1918»; «ПЕКАЛОВ С.М. 1890 — 1918».

За бесстрашие и высокий профессионализм

Согласно положению, памятные Красные вымпелы имени Е.П. Швыркова и С.М. Пекалова ежегодно присуждались в День советской милиции самым доблестным сотрудникам РУВД, отличившимся при задержании вооружённых преступников, подвергавшим себя большому риску при исполнении служебного долга, проявившим бесстрашие и высокое профессиональное мастерство. К слову, каждый памятный вымпел являлся именным, так как на его оборотной стороне указывались инициалы и фамилия награждённого.

На сегодня известно о восемнадцати награждённых — это девятеро милиционеров (из них — пятеро постовых и четверо сотрудников из мотопатрулей), по трое работников уголовного розыска и руководи-

Вручение реликвии сержанту милиции И. Сукманову

телей подразделений, по одному участковому уполномоченному милиции, инспектору ГАИ и инспектору-дежурному. В частности, по достоинству была оценена успешная служба командира взвода 85-го отделения милиции Москвы сержанта милиции И.П. Сукманова, которому вручили заветный именной вымпел.

Подвиг Геннадия Макарова

Первым обладателем памятной персональной награды оказался шофёр-милиционер 2-го отделения милиции Геннадий Макаров. Он поздно вечером 2 июня 1962 года, при выполнении задания дежурного по отделению, вступил в схватку с вооружённым преступником.

В квартире дома по Софийской набережной пьяный мужчина, держа в руках охотничье ружьё, угрожал расправой жене и грудному ребёнку. Мгновенно среагировав и заслонив их собой, мужественный сотрудник принял смертоносный заряд на себя: получил тяжёлое огнестрельное ранение в левое предплечье. Благодаря же решительности и профессионализму стража правопорядка, женщина с малышкой были спасены.

После лечения в госпитале отважный правоохранитель, милиционер-герой послевоенного времени, вернулся в ряды бойцов служебного долга.

Сержант милиции Геннадий Иванович Макаров вскоре после своего самоотверженного поступка при исполнении служебных обязанностей вначале был поощрён правами начальника Управления охраны общественного порядка исполкома Мосгорсовета Николая Трофимовича Сизова.

Геннадий Макаров

В пятничном выпуске московской ведомственной газеты «На боевом посту» в № 86 за 2 ноября 1962 года, на 1-й странице, вышла в свет заметка «Радость Геннадия Макарова — наша радость». В публикации говорится:

«Ты, товарищ, помнишь, конечно, эту корреспонденцию подполковника милиции Гордеева и майора милиции Гельфрейха. Она была напечатана в нашей газете 12 июня под заголовком «Закрыл своим телом».

«...Дверь открыла женщина, на руках которой был грудной ребенок. Увидев работников милиции, она бросилась к ним. В комнате стоял неизвестный с ружьем в руках, направленным ей вслед. Времени

Милиционеры 2-го отделения навестили в госпитале раненного сослуживца Г. Макарова

для выбора средств защиты жизни людей не было, милиционер Макаров закрыл своим телом женщину и ее дочь в тот момент, когда прогремел выстрел. Жертвуя собой, Геннадий Иванович спас жизнь Ольги Шевалдиной и ее дочери Марии, а сам получил тяжёлое огнестрельное ранение левого предплечья и в настоящее время находится в больнице <...>».

Эти строки [—] из корреспонденции. Сейчас Геннадий Макаров снова в строю. Родина высоко отметила его подвиг. 30 октября [1962 года] был подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. Лаконичны его строки:

«За заслуги в охране общественного порядка и борьбе с преступностью наградить милиционера 2-го отделения милиции города Москвы МАКАРОВА Геннадия Ивановича медалью «За отличную службу по охране общественного порядка».

Позднее, 10 ноября 1967 года, — в день 50-летия советской милиции — Геннадию Макарову в торжественной обстановке вручили памятный вымпел имени Е.П. Швыркова и С.М. Пекалова.

Сотрудник-фронтовик в противоборстве с уголовщиной

В 1968 году этот знак отличия получил капитан милиции Илья Купряхин (впоследствии — подполковник милиции). Он родился в 1925 году, в органах внутренних дел служил с июня 1949-го. Трудившийся участковым уполномоченным 47-го отделения милиции, Илья Петрович образцово справлялся со своими обязанностями и неоднократно выходил победителем в непосредственном противоборстве с опасными криминальными противниками.

Илья Купряхин

В 1953 году у дома № 8 по московской улице Зацепский Вал участковый вместе с дворником задержал преступника, оказавшего яростное сопротивление. Увы, в этой уличной стычке с дерзким нарушителем закона офицер милиции не уберёгся от тяжёлой травмы...

В родном подразделении отличнику милиции Купряхину, который в течение длительного времени держал первенство в социалистическом соревновании среди коллег, было присвоено звание «Лучший участковый уполномоченный».

Сотрудник-фронтовик коммунист Илья Петрович Купряхин был награждён орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Вены», «За боевые заслуги», «За отличную службу по охране общественного порядка», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другими.

Награда Ильи Купряхина. Лицевая сторона вымпела

Кавалер ордена Красной Звезды

Позднее к памятному вымпелу имени Е.П. Швыркова и С.М. Пекалова представили сержанта милиции Василия Шапцева. Достойный представитель Московской Краснознамённой милиции, он 2 декабря 1979 года в районе своего поста сумел пресечь попытку ограбления сберкассы.

В поединке с преступником, у которого имелось огнестрельное оружие, сотрудник-комсомолец Шапцев был дважды ранен в руку и получил травму головы. Однако милиционер умелыми приёмами самбо сначала отбился от разбойника, а затем нейтрализовал его с помощью подоспевшего дружинника — труженика Московского радиозавода М.Г. Короткова. Задержанный опасный уголовник, который раньше совершил два тяжких преступления на территории Белорусской ССР, находился во всесоюзном розыске.

Сержант милиции Василий Иванович Шапцев, которого за совершённый подвиг наградили орденом Красной Звезды, в дальнейшем был выдвинут на офицерскую должность и являлся старшим оперуполномоченным уголовного розыска 1-го отделения (милиции) столицы.

В фондах Музея истории органов внутренних дел Москвы имеется фотография, на которой запечатлён торжественный момент: вручение первым секретарём Москворецкого райкома партии Л.Ф. Лукашевым милиционеру 47-го отделения милиции города В.И. Шапцеву Почётной грамоты РК КПСС и исполкома райсовета за проявленную доблесть при исполнении служебного долга.

Раненым настиг и обезоружил преступника

Памятную реликвию заслужил и сержант милиции Николай Ледовской, вставший весной 1980 года на пути агрессивного криминального типа, который был повинен в преступлении.

Тогда, в четыре часа утра, на ПЦО — пункте централизованной охраны — был получен сигнал о проникновении в квартиру. На место срабатывания охранной сигнализации были посланы два наряда, в один из которых входил милиционер-водитель Николай Ледовской, член ВЛКСМ. К моменту их прибытия алчный незваный гость уже ретировался из чужого жилища.

Оценив обстановку и распределив между собой прилегающие улицы для прочёсывания, сотрудники милиции приступили к поиску преступника, совершившего квартирную кражу. Вскоре «домушника» обнаружил на одной из улиц сержант милиции Ледовской, который догнал подозреваемого и потребовал, чтобы тот немедленно остановился. Однако беглец проигнорировал данное законное распоряжение представителя власти, и после этого прозвучали предупредительные выстрелы. Вынужденный подчиниться, вор замер на месте и будто бы смирился со своей участью пойманного по «горячим следам» уголовника. Но когда милиционер приблизился, преступник внезапно напал на него и нанёс удар ножом в грудь, а затем опять попытался скрыться.

Превозмогая боль, раненый нашёл в себе силы для продолжения преследования вооружённого преступника. Сумев настичь его и обезоружить, сотрудник органов внутренних дел при энергичном содействии оказавшегося поблизости и тотчас бросившегося на подмогу военнослужащего доставил задержанного в милицию.

Сержант милиции Николай Фёдорович Ледовской, ставший кавалером ордена Красной Звезды, ещё был награждён и знаком ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть».

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории органов внутренних дел Москвы

Филигранные реализации оперативника-фронтовика

В коллективе столичных борцов с экономическим криминалом в советское время признанным профессионалом оперативной работы являлся полковник милиции Пётр АРАПОВ — доблестный участник Великой Отечественной войны. Его, отличника милиции и поистине неординарную личность, по праву можно считать настоящей легендой Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией ГУВД Мосгорисполкома.

Доводя до ума непростые кропотливые разработки по своей профильной линии, сыщик-руководитель с фронтовой закалкой и его подчинённые-соратники тонко и уверенно осуществляли реализацию накопленных материалов по выявленным преступлениям. Вот лишь два характерных примера, как умело и результативно действовали милицейские оперативники во главе с Петром Фёдоровичем, пресекая деятельность любителей незаконных доходов и подавая пример коллегам в плане филигранного сыскного труда.

Пересортица изящных изделий

Скрупулёзно выполняя свою очередную профессиональную задачу, сотрудница Управления БХСС московского главка милиции Валентина Дроган в течение довольно продолжительного времени

присматривалась к «Хрусталю» — небезызвестному магазину на улице Горького. Затем к этой оперативной разработке, выполняя распоряжение заместителя начальника отдела УБХСС Арапова, подключились и некоторые сослуживцы Дроган.

Сначала был вычислен спекулянт-оптовик, выкупавший за переплату у заместителя директора указанной торговой точки коробки с хрустальным дефицитом: ладьями, бокалами, вазами... Офицеры-милиционеры зафиксировали, как идёт передача дорогостоящего товара.

Задержав скупщика Алика, оперативники получили от него показания на замдиректора. По удачному совпадению, когда проводились следственно-оперативные мероприятия, жители Азербайджана — около десятка проводников с бакинского поезда — за обусловленную «доплату» тоже отоваривались разнообразными хрустальными изделиями через «услужливых» продавцов магазина. После допроса покупателей сразу же было проведено опознание взяточников — работников «хрустального прилавка».

Осматривая торговый зал магазина и его подсобные помещения, сотрудники УБХСС обнаружили у продавцов различные маркировочные знаки. Как говорится, уже делом техники было доказать, что в «Хрустале» занимались ещё и махинациями. Сам же способ жульничества не отличался какой-либо особой изощрённостью.

По конфиденциальной договорённости с некоторыми хозяйственниками Гусь-Хрустального и Дятьковского заводов (данные предприятия расположены, соответственно, в двух регионах — Владимирской и Брянской областях) московские торговцы получали первоклассную продукцию, которая по бухгалтерским документам проходила по второму-третьему сортам. Соскоблив лезвиями с поверхностей хрустальных изделий синюю наклейку, продавцы заменяли её на другую — красную, обозначавшую первый сорт. Нехитрая символическая подделка, а денежная надбавка от пересортицы выходила по каждому предмету на 8-10 рублей.

Вообще, впервые в своей практике тогда ещё подполковнику милиции Петру Арапову, который непосредственно руководил «хрустальной реализацией», пришлось проводить соответствующие «процессуально-протокольные действия» прямо по месту работы подозреваемых.

В магазине, закрытом на несколько дней, провели ревизию. А следственно-оперативная группа, работавшая по изобличению махинаторов, подвела итоги. В частности, под суд пошли, помимо упоминавшегося Алика, трое человек из «Хрусталя»: директор и двое его заместителей. После этой жульнической троицы организационно-хозяйственные функции в данном специализированном торговом заведении взвалили на себя, по словам Петра Фёдоровича, честные и порядочные русские женщины.

«Хрустальный перезвон»

Своеобразным продолжением оперативной разработки по «хрустальной истории» стала другая реализация, которую Пётр Арапов — уже в звании полковника милиции — осуществил незадолго до выхода на пенсию.

Сотрудники УБХСС Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома заинтересовались, и ещё как (!), некоей жительницей улицы Башиловской. Обитавшая на севере города москвичка, войдя во вкус лёгкого обогащения, прямо в центре столицы спекулировала хрустальными изделиями иностранного производства.

Дома у задержанной произвели обыск, в ходе которого нашли большое количество хрусталя и изделий из богемского стекла. Затем и в квартире матери спекулянтки, на Красной Пресне, прошёл обыск. После его завершения здесь тоже высилась этакая впечатляющая хрустальная горка.

Директриса и её заместительницы из магазина с улицы Горького, к чьей торговой деятельности у столичного УБХСС не было никаких вопросов, помогли полковнику милиции Арапову подобрать для оценки изъятого квалифицированных экспертов-товароведов. Согласно их заключению, этот хрустальный запас, хранившийся в двух квартирах, в эквиваленте билетам Государственного банка СССР соответствовал приблизительно 450 тысячам рублей — громадной по тем временам денежной сумме.

В общем, это чудное великолепие из притягательно нежного хрусталя и безупречно прозрачного богемского стекла временно заполонило кабинет начальника Управления БХСС города Москвы; и сюда, как на выставку, приходили полюбоваться восхитительными изделиями сотрудники других служб главка.

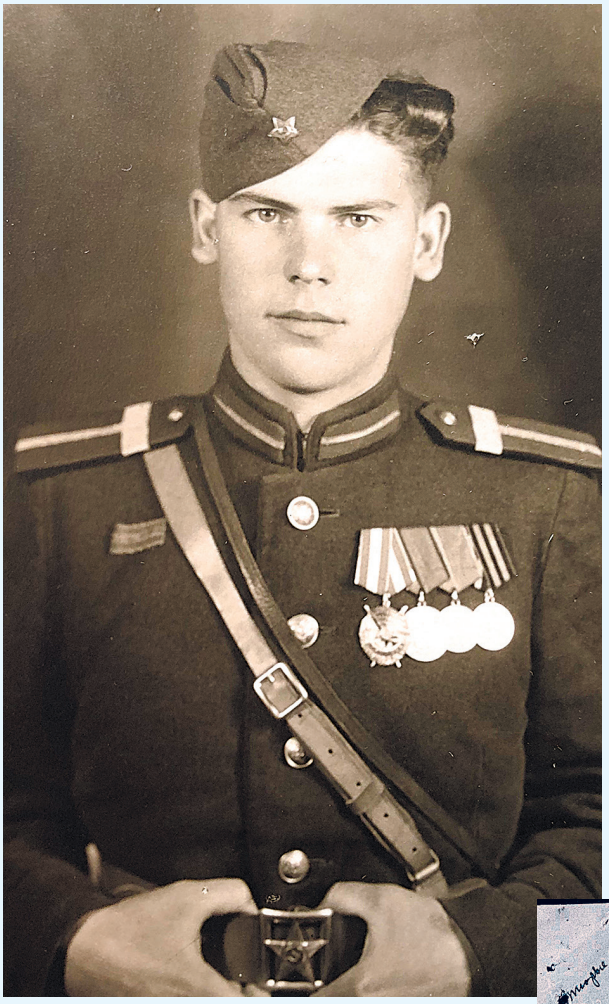
Расследуя дальше это уголовное дело, сотрудники ГУВД Мосгорисполкома выяснили, что, используя военный аэродром, спецрейсами на самолёте хрусталь и богемское стекло поставлял в столицу нашей державы служивший за границей генерал-полковник — кавалер медали «Золотая Звезда». В частном доме, который купил генерал, в подвале был обнаружен тайник, набитый валютой и советскими дензнаками.

Спекулянтку арестовали, а генерал за рвачество поплатился своей блестящей военной карьерой: был освобождён от занимаемого высокого должностного поста и разжалован до звания полковника.

Пройдя войну, боролся с преступностью

Пётр Арапов родился 10 июля 1922 года в селе Лебяжье на Алтае.

Являвшийся рабочим типографии, он в июле сорок первого стал бойцом 6-й дивизии народного



Фронтовик-орденоносец Пётр Арапов

25 марта 1943 года, согласно приказу 609-го стрелкового полка, старший сержант Пётр Фёдорович Арапов был отмечен медалью «За отвагу».

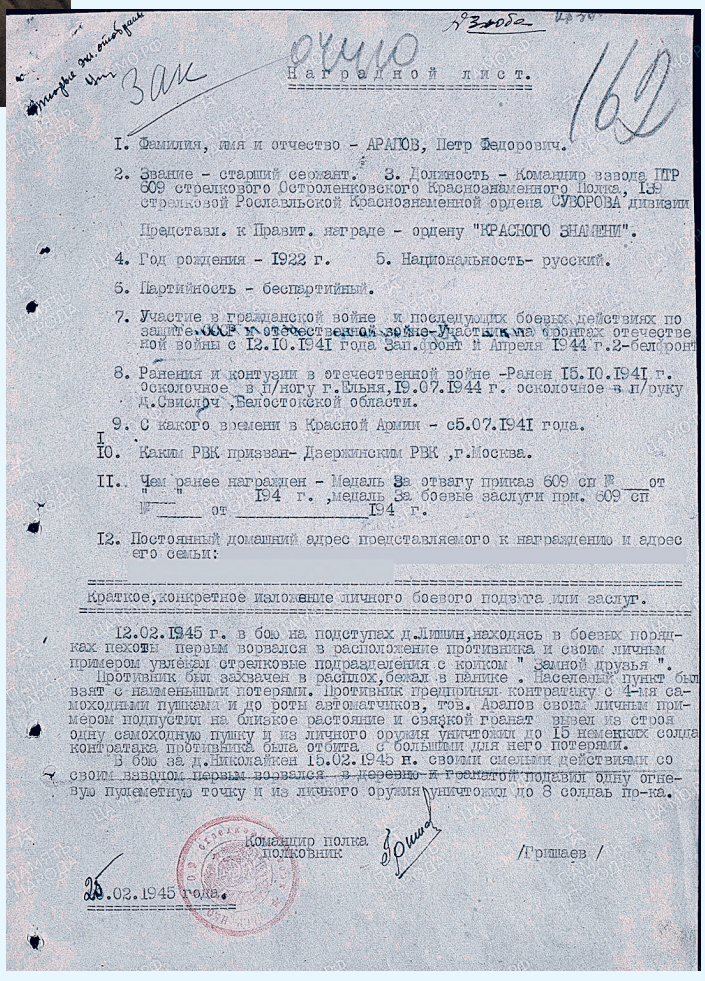
Сумев отличиться и в заключительный летний месяц сорок третьего, храбрый и мужественный воин вскоре от имени Президиума Верховного Совета СССР был удостоен медали «За боевые заслуги» на основании приказа 609-го стрелкового полка (№ 012/н от 13 сентября 1943 года).

От второго ранения, на этот раз — в правую руку, фронтовик Арапов не уберёгся 19 июля 1944 года, когда сражался с врагом на территории Белорусской ССР. Вернувшись же в боевой строй, продолжил свою ратную эпопею и в прямом смысле вёл за собой товарищей по оружию на смертельно опасной передовой.

Из наградного листа на командира взвода ПТР (противотанковых ружей) 609-го стрелкового Остроленковского Краснознамённого полка 139-й стрелковой Рославльской Краснознамённой ордена Суворова дивизии старшего сержанта Петра Фёдоровича Арапова, представленного к ордену Красного Знамени:

ополчения, сформированной из добровольцев, которые трудились на предприятиях Дзержинского района Москвы. Как значится в архивных документах, с 12 октября 1941 года Пётр Фёдорович был на Западном фронте, а с апреля 1944-го — на 2-м Белорусском фронте.

Находясь в районе Ельни, ополченец Пётр Арапов 15 октября 1941-го получил осколочное ранение в правую ногу и попал в плен, из которого сумел убежать. Позже в военном комиссариате юноша получил предписание — через несколько суток отдыха прибыть на пересыльный пункт в город Рязань. Подвергшийся там — на пересылке — дотошной спецпроверке, будущий орденоносец попал на формировочный пункт в подмосковные Озёры. Затем Арапов оказался в запасном полку в Калуге, откуда в составе команды из ста человек был направлен в 609-й стрелковый полк 139-й стрелковой дивизии.



Наградной лист.

I. Фамилия, имя и отчество - АРАПОВ, Петр Федорович.

2. Звание - старший сержант. 3. Должность - Командир взвода ПТР 609 стрелкового Остроленковского Краснознаменного Полка, 139 стрелковой Рославльской Краснознаменной ордена СУВОРОВА дивизии

Представл. к Правит. награде - ордену "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ".

4. Год рождения - 1922 г. 5. Национальность- русский.

6. Партийность - беспартийный.

7. Участие в гражданской войне и последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне-Участник на фронтах отечественной войны с 12.10.1941 года Зап.фронт и Апреля 1944 г.2-белфронт

8. Ранения и контузии в отечественной войне -Ранен 15.10.1941 г. осколочное в п/ногу г.Ельня,19.07.1944 г. осколочное в п/руку д.Свислоч ,Белостокской области.

9. С какого времени в Красной Армии - с5.07.1941 года.

10. Каким РВК призван- Дзержинским РВК ,г.Москва.

11. Чем ранее награжден - Медаль За отвагу приказ 609 сп № ___ от "___" 194 г. ,медаль За боевые заслуги при. 609 сп № ___ от _____194 г.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи:

Краткое,конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

12.02.1945 г. в бою на подступах д.Лишин,находясь в боевых порядках пехоты первым ворвался в расположение противника и своим личным примером увлекал стрелковые подразделения с криком " Замной друзья ".

Противник был захвачен в расплох,бежал в панике . Населеный пункт был взят с наименьшими потерями. Противник предпринял контратаку с 4-мя самоходными пушками и до роты автоматчиков, тов. Арапов своим личным примером подпустил на близкое растояние и связкой гранат вывел из строя одну самоходную пушку и из личного оружия уничтожил до 15 немецких солда контратака противника была отбита с большими для него потерями.

В бою за д.Николайкен 15.02.1945 г. своими смелыми действиями со своим взводом первым ворвался в деревню и гранатой подавил одну огневую пулеметную точку и из личного оружия уничтожил до 8 солдаь пр-ка.

Командир полка
полковник /Гришаев /

25.02.1945 года.

Наградной лист на старшего сержанта Петра Арапова, представленного к ордену Красного Знамени

«12.02.1945 г. в бою на подступах [к] д. Лишин, находясь в боевых порядках пехоты[,] первым ворвался в расположение противника и своим личным примером увлекал стрелковые подразделения с криком[:] «За мной[,] друзья[!]».

Противник был захвачен <...> [врасплох], бежал в панике. Населенный пункт был взят с наименьшими потерями. Противник предпринял контратаку с 4-мя самоходными пушками и до роты автоматчиков, тов. Арапов <...> подпустил на близкое расстояние и связкой гранат вывел из строя одну самоходную пушку и из личного оружия уничтожил до 15 немецких солдат[;] контратака противника была отбита с большими для него потерями.

В бою за д. Николайкен 15.02.1945 г. <...> со своим взводом первым ворвался в деревню и гранатой подавил одну огневую пулеметную точку и из личного оружия уничтожил до 8 солдат пр-ка [противника].

Командир полка полковник /Гришаев/
25.02.1945 года».

В соответствии с изданным Военным советом 49-й Армии 2-го Белорусского фронта приказом № 23 от 13 марта 1945 года, старший сержант Пётр Фёдорович Арапов был награждён орденом Красного Знамени.

Отмеченный ещё медалями «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина», взводный Пётр Арапов стал участником исторического торжества — Парада Победы, состоявшегося 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве.

В звании старшины демобилизовавшись из армии в декабре 1946-го, Пётр Фёдорович вскоре поступил на службу в Московскую Краснознамённую милицию и сначала был командиром отделения в одном из низовых подразделений на «земле». Через несколько лет, в 1951 году, перспективный сотрудник занял должность участкового уполномоченного 32-го отделения милиции Москвы.

Окончив школу рабочей молодёжи, страж правопорядка заочно учился на факультете правоведения ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт). Ставший дипломированным юристом после завершения учёбы в этом вузе в 1956 году, Арапов ещё раньше, с 1954-го, начал набираться опыта оперативной работы по борьбе с алчной уголовщиной. Потрудившись на этом правоохранительном поприще в районном подразделении внутренних дел, впоследствии был переведён на Петровку, 38, — в аппарат городской службы БХСС.

Отлично проявивший себя в качестве старшего оперуполномоченного 4-го отдела, в 1967 году Пётр Фёдорович был утверждён заместителем начальника 3-го отдела столичной службы БХСС.

Заключительным ответственным постом для опытнейшего оперативника стала хлопотная должность начальника 6-го отдела УБХСС, которую старший офицер милиции занимал с 1974 года. На заслуженном отдыхе Пётр Арапов находился с октября 1976 года, когда по болезни был уволен из органов внутренних дел.

* * *

Кавалер ордена Отечественной войны I степени и ордена Красного Знамени Пётр Фёдорович Арапов, награждённый медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими медалями, ушёл из жизни 24 мая 2011 года.

Александр ТАРАСОВ,
фото из открытых источников и архива автора

Родом с Петровки

С февраля 1969 по июнь 1973 года начальником УВД Мосгорсовета был генерал-лейтенант Андрей КОЗЛОВ.

Он родился в 1917 году в селе Петровка Улуйской волости Енисейского уезда.

Андрей Петрович окончил Саратовское военное училище пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. В 1940 году участвовал в советско-финляндской войне. По её окончании назначен начальником заставы 103-го погранотряда, дислоцированного в Карелии. Здесь же его застало известие о начале Великой Отечественной войны. Вместе со своими боевыми товарищами Андрей Петрович пошёл защищать Родину. Плечом к плечу с пограничниками и армейцами он сражался с фашистскими захватчиками под Ленинградом.

В 1944 году поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе.

Будучи в должностях заместителя начальника штаба 62-й дивизии и командира полка, осуществлял противодействие бандформированиям в западных областях Украины. Затем командовал 12-м полком войск НКВД, выполнявшим спецзадание в Германии.

В течение трёх лет Козлов был 1-м заместителем командира — начальником штаба Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского (ОМСДОН). После окончания Академии Генерального штаба в 1959 году

стал начальником 5-го отдела внутренней охраны МВД СССР, а затем три года был командиром ОМСДОНа.

В феврале 1969 года Андрей Петрович был назначен на должность начальника УВД Мосгорисполкома.

В тот период в столице большой страны строились новые дома и районы, прокладывались улицы и проспекты. В столице возводились очередные станции метрополитена — город стремительно развивался и двигался в будущее. Изменения коснулись и структуры правоохранительного главка Москвы.

Так, при Андрее Козлове в апреле 1969 года в московской милиции образовано отдельное подразделение по охране дипломатических представительств, первым командиром которого был назначен полковник милиции Степан Бондарчук. А в июле того же года было создано подразделение милиции, осуществляющее охрану объектов по договорам. За годы существования оно стало одним из лучших в столичном правоохранительном ведомстве.

Как начальник милиции столицы, Андрей Козлов старался делать всё, чтобы жители города чувствовали себя в безопасности. В 1969 году он направил деятельность УВД на выполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 года «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции». В результате по сравнению с 1968 годом снизилось количество преступлений, в том числе особо опасных. В начале 1970-х годов на 498 административных участках не было допущено ни одного преступления, а 1140 участков имели полную раскрываемость.

Под началом Андрея Петровича проводилась работа и по правовой пропаганде среди трудящихся. С участием УВД были подготовлены и проведены 103 телепередачи, 106 радиопередач и опубликовано более 200 материалов о деятельности московской милиции. В каждом РОВД функционировали университеты правовых знаний для народных дружинников и учащихся ПТУ Москвы.

В эти годы продолжалось развитие структуры управления в системе МВД СССР. В октябре 1971 года на базе организационно-инспекторских управлений и отделов были образованы штабы.

Во вновь созданном при УВД Мосгорисполкома штабе обязанности начальника исполнял полковник милиции К.И. Горбачёв, имевший большой опыт службы в московской милиции.

Козлов принял также ряд мер по ликвидации некомплекта личного состава. Последовательно проводилась работа по замещению должностей начальствующего состава специалистами высшей и средней квалификации. Свыше 90 процентов руководителей районного звена, сотрудников уголовного розыска, участковых инспекторов и инспекторов-дежурных имели высшее и среднее специальное образование. В четыре раза увеличилось число рядового и младшего начальствующего состава со средним образованием. Работали три школы подготовки и переподготовки личного состава. В частности, в 1973 году вечерние и заочные учебные заведения окончили 1705 сотрудников.

В июне 1973 года Андрей Козлов покинул пост начальника правоохранительного гарнизона города.

Последующие семь лет он был начальником Управления спецчастей Главного управления внутренних войск МВД СССР.

За время службы Козлов был награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной звезды, медалями.

В 1991 году Андрея Петровича не стало. Генерал-лейтенант похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Подготовила Маргарита МАКЕЕВА, фото из открытых источников

Делал, что должно

В начале лета 1973 года Главное управление внутренних дел Московского городского исполнительного комитета возглавил Вадим САМОХВАЛОВ. Под его руководством столичная милиция выполняла стоящие перед ней задачи до осени 1979 года.

Вадим Григорьевич Самохвалов родился 20 июля 1925 года в семье рабочих. Его малая родина — город Электросталь Московской области. В 1916 году близ посёлка Затишье началось строительство электрометаллургического завода качественных сталей. В 1928 году посёлок был переименован в Электросталь.

Нет сомнения в том, что характер будущего генерала формировался уже в детские годы. А был Вадим Григорьевич, по крайней мере, в то время, когда возглавлял главк московской милиции, человеком твёрдым и очень уравновешенным. Об этом, вспоминая годы службы под руководством Самохвалова, говорит генерал-майор милиции Василий Балагура, бывший заместитель начальника главка — руководитель кадровой службы столичной милиции.

— Когда Вадим Григорьевич возглавил ГУВД Москвы, я служил, что называется, сначала на «земле», — рассказывает Василий Иванович. — Был заместителем начальника 109-го отделения милиции, потом — замначальника по службе 63-го отделения. Затем, как раз при Самохвалове, меня пригласили на Петровку, 38 — начальником оргинспекторского отдела. Могу сказать одно: первое качество Вадима Григорьевича — личная дисциплинированность и ответственность. Он был настолько дисциплинирован, что такими же старались быть и сотрудники вокруг него. По характеру он был очень уравновешенным, а будучи руководителем главка, принимая решения, насколько я знаю, никогда не стеснялся советоваться с подчинёнными. Я считаю, что Вадим Григорьевич совершенно точно соответствовал должности начальника нашего главка, делал всё возможное для поддержания правопорядка в Москве.

Но вернёмся в предвоенные годы. Вадим Самохвалов с раннего детства видел, как напряжённо трудятся его родители. Но, можно сказать, не закончилось ещё его детство, как наступил 1941 год. Судьба не давала ему возможности выбирать из многого — впереди была страшная война. И с 1943 года Вадим Григорьевич становится в ряды людей, которые брали особые обязательства перед Родиной. После окончания Московского пехотного училища (пулемётного) он продолжил службу в Рабоче-крестьянской Красной армии.

Участник Великой Отечественной войны после её окончания не вышел в запас. Самохвалов служил в войсках МВД СССР. А в 1966 году окончил Военную академию Генерального штаба Вооружённых Сил

СССР. Через три года он стал начальником Управления административной службы милиции МВД СССР.

Стоит отметить, что именно в это время министром охраны общественного порядка СССР был назначен Николай Анисимович Щёлоков, который в последующие годы провёл в ведомстве ряд преобразований. Новый министр требовал укрепления органов милиции и повышения их авторитета, разрешил министерству издавать открытую еженедельную газету, улучшил техническую оснащённость органов правопорядка. Для укрепления дисциплины был утверждён новый дисциплинарный устав. Примечательно, что в 1969 году вышел его приказ «О вежливом и внимательном отношении работников милиции к гражданам».

В декабре 1972 года было утверждено первое Положение о Штабе МВД СССР, в котором штаб определялся органом управления, подчиняющимся непосредственно министру. Штаб был призван обеспечивать подготовку и претворение в жизнь управленческих решений руководства ведомства. Это подразделение Вадим Самохвалов возглавит в 1979 году. А пока, к лету 1973 года, его назначили начальником московской милиции.

Кстати, в том же 1973 году был создан Организационно-методический центр МВД СССР по передовому опыту. Очевидно, что в системе МВД проводилась активная созидательная работа. В этих условиях Вадим Григорьевич проявил себя профессионалом, соответствующим требованиям времени.

Вот что говорит о Самохвалове в своих мемуарах бывший сотрудник одной из дежурных частей московской милиции, а впоследствии — начальник Управления дежурной службы Главного штаба МВД России генерал-майор милиции Игорь Яковлевич Петров:

— Петровке, 38 в общей сложности (с 1971 года — Прим. ред.) я отдал 11 лет... Для меня лично, думаю, и для города тоже это было золотое время. Столько всего сделали для укрепления правопорядка и предупреждения правонарушений в Москве, что даже не верится... Службу несли не просто хорошо, а самоотверженно. Иностранцы просто восхищались состоянием общественного порядка на улицах и в парках. Сильное впечатление на меня производил начальник главка Вадим Григорьевич Самохвалов — тонкий, интеллигентный, умный военный генерал. Не лишён был строго очерченных идей и оригинальных суждений. Это он, а никто другой, придал мощный импульс дежурным частям. Это он позаботился об укреплении и оснащении дежурной части ГУВД, наделив её распорядительными функциями. Оперативный дежурный вправе был распоряжаться всеми дежурными нарядами города и, соответственно, реагировать на все изменения оперативной обстановки и любые происшествия. В помощь оперативному дежурному придавались помощники из других подразделений главка. Эта схема действовала безукоризненно. Она стала основой для функционирования дежурных частей других регионов.

Вспоминает бывший заместитель начальника ГУВД г. Москвы — начальник Следственного управления правоохранительного главка генерал-майор юстиции Виктор Довжук:

— Не секрет, что на время Олимпиады Москву очистили от криминального элемента... Тогда я написал рапорт на имя начальника СУ и предложил создать отдел, который бы занимался только квартирными кражами. Начальник согласился с моими доводами, доложил руководителю ГУВД генерал-лейтенанту милиции Вадиму Самохвалову, и тот принял решение создать такой отдел, но в пределах штатной численности, то есть перераспределить имеющиеся силы и средства. Отделу был присвоен седьмой номер, и он создавался на короткий период, но просуществовал почти девять лет... Кстати, по одному из уголовных дел был снят фильм цикла «Следствие ведут знатоки» — «Полуденный вор». Я горжусь достижениями 7-го отдела.

Можно сказать, что Вадим Григорьевич принимал решения, которые сказывались в том числе и на имидже московской милиции. Не случайно и то, что Самохвалов, будучи уже после 1979 года начальником штаба МВД СССР, наряду с генерал-лейтенантом внутренней службы Константином Никитиным, в то время заместителем министра внутренних дел СССР, был консультантом на съёмках кинофильма «Время встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли.

Два года, начиная с 1981-го, Самохвалов был заместителем начальника ГУ ВВ МВД СССР. Здесь стоит напомнить, что в декабре 1982 года был освобождён от должности министр внутренних дел СССР Николай Щёлоков. После этого, через год, в отставку вышел Вадим Григорьевич Самохвалов. А ещё через три года 28 июля сердце генерал-лейтенанта остановилось. Наверное, 61 год жизни — это немного, хотя и немало, если жизнь прожита с максимальной отдачей, во имя своего дела.

Заслуги Вадима Самохвалова отражают государственные награды: ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медаль «За боевые заслуги». Но, пожалуй, самым ценным является память о человеке, которая живёт у потомков. К примеру, правнук генерала Дмитрий Самохвалов сегодня только получает профессию в образовательном учреждении, станет специалистом в области информационных технологий. Но он гордится своими прадедами, одним из которых является Вадим Григорьевич Самохвалов, сражавшийся на фронтах Великой Отечественной войны, защищавший людей и в мирное время.

Алексей БЕЛОЗЁРОВ,
фото из открытых источников

Принял удар на себя

Имя на Доске Памяти Главного управления

На юго-западе Москвы, в Академическом районе, есть улица Львова. На ней на одном из домов установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит: «Улица Львова названа в 1988 году в память первого начальника Черемушкинского РУВД [—] погибшего при выполнении служебного долга ЛЬВОВА Льва Михайловича (1937—1974)».

Его подвиг получил высокую официальную оценку. Полковник милиции Лев Михайлович Львов, проявивший мужество и самоотверженность при обезвреживании вооружённого преступника, посмертно был награждён орденом Красного Знамени.

Лев Львов родился 10 мая 1937 года в Москве. Происходивший из семьи рабочего, юноша-горожанин после окончания десятилетки являлся курсантом специальной средней школы милиции МВД СССР. Став выпускником этого ведомственного образовательного учреждения, молодой сотрудник занимался очень непростым видом правоохранительной деятельности — был оперуполномоченным уголовного розыска.

Наряду с напряжённой оперативной работой, целеустремлённый сыщик продолжал пополнять свой багаж знаний и поступил в самый крупный юридический вуз страны — ВЮЗИ. Будучи студентом этой знаменитой кузницы специалистов — Всесоюзного юридического заочного института, Лев Михайлович получил основательную подготовку по правоведению. Правда, после вручения диплома о высшем юридическом образовании Львов был направлен на партийную работу — в районный комитет КПСС. Однако затем Лев Михайлович вернулся в строй правоохранителей: был назначен начальником отдела БХСС Октябрьского РОВД города Москвы.

Когда был образован новый Черёмушкинский район столицы, милицейского офицера Львова, как одного из перспективных сотрудников, выдвинули на повышение по службе. Он возглавил Черёмушкинский районный отдел внутренних дел.

В 1974 году в Москве были созданы районные управления внутренних дел, и Львова, соответственно, переназначили на должность начальника Черёмушкинского РУВД. Льву Михайловичу присвоили специальное звание полковника милиции.

К сожалению, в последний летний месяц 1974-го в Черёмушкинском районе, на территории обслуживания 90-го отделения милиции, случилось трагическое событие. Вступив в свой последний бой с преступностью, 37-летний руководитель РУВД Лев Львов в буквальном смысле принял смертельный удар на себя в ходе милицейской операции по задержанию опасного преступника, располагавшего огнестрельным оружием.

...Встревоженные граждане позвонили в милицию и сообщили, что вечером 2 августа в квартире дома по улице Херсонской разгорелся домашний скандал и даже прозвучал выстрел. Как оказалось, пьяный прораб одного из строительных управлений Егор Жуков, 1926 года рождения, в 19 часов 50 минут «учинил злостные хулиганские действия» в отношении своей жены и сына — учащегося 3-го курса автомеханического техникума. Домашний дебошир не только угрожал им расправой и выгонял из дома, но и избил супругу и из охотничьего двуствольного ружья «ИЖ-58» произвёл выстрел в сына и ранил его. Пострадавший, у которого диагностировали огнестрельное ранение правой кисти руки и правого надбровья, был доставлен в 4-ю городскую больницу и госпитализирован во 2-е хирургическое отделение.

На место происшествия, с целью задержания преступника, отправилась оперативная группа 90-го отделения милиция. Но так как Жуков закрылся в своей квартире и проигнорировал требование сотрудников открыть дверь, то была вызвана опергруппа РУВД. Продолжая сквернословить и угрожая открыть из окон стрельбу по прохожим, дерзкий возмутитель спокойствия даже и не помышлял о прекращении сопротивления стражам правопорядка.

О сложившейся ситуации было доложено начальнику УВД Черёмушкинского райисполкома города Москвы Львову и его заместителю, которые на улицу Херсонскую прибыли в 21 час 55 минут. С учётом непредсказуемости поведения «квартирного стрелка» и для ликвидации потенциальной угрозы для граждан, милицейские работники решили в итоге провести силовой захват преступника.

Чтобы отвлечь его внимание, участвовавшие в операции сотрудники начали разбивать стёкла в окнах квартиры прораба. В это же время в его жи-

лище ворвался полковник Львов, но преступник успел пальнуть из двустволки и тяжело ранить начальника районной милиции. В ответ участковый инспектор 90-го отделения милиции Логинов из табельного пистолета выстрелил в Жукова и ранил его. Преступник был обезоружен, после чего задержанного направили в больницу. Впоследствии виновник гибели милиционера-руководителя попал на скамью подсудимых и был приговорён к исключительной мере наказания — расстрелу.

Полковник милиции Лев Львов в тяжёлом состоянии был доставлен в 64-ю городскую больницу, где пострадавшему сделали экстренную операцию. Однако он утром 3 августа, в 4 часа 50 минут, скончался.

С воинскими почестями полковник милиции Лев Львов был похоронен на Даниловском кладбище в Москве.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1974 года Лев Михайлович Львов посмертно награждён орденом Красного Знамени под порядковым № 462569.

10 ноября 1988 года полковник милиции Лев Михайлович Львов посмертно был занесён в Книгу Почёта Черёмушкинского РУВД города Москвы.

В том же году по просьбе жителей Черёмушкинского района столицы имя погибшего милицейского руководителя Львова присвоили располагающемуся между улицами Кедрова и Кржижановского переулку. Дотоле безымянный, этот переулок поменял свой статус — превратился в улицу Львова.

Материалы о кавалере ордена Красного Знамени включили в экспозицию Музея истории органов внутренних дел Москвы.

По информации пресс-службы Управления внутренних дел по Юго-Западному административному округу, ежегодно председатель Совета ветеранов УВД полковник милиции Александр Фёдорович Нестеров с коллегами посещают место захоронения Льва Михайловича и его жены Эльвиры Николаевны Львовых.

— В тот день я был ответственным дежурным от руководства РУВД и в 21 час прибыл на место преступления, — вспоминает Александр Нестеров, являющийся также членом Общественного совета при УВД по ЮЗАО. — Особенность Льва проявлялась в том, что он без остатка отдавался работе.

Несколько лет назад силами Совета ветеранов Управления внутренних дел были проведены работы по благоустройству территории могилы, в том числе застелен новый искусственный газон.

На сайте управления в статье о славном предшественнике нынешних правоохранителей подчёркнуто, что жители и полицейские Юго-Западного административного округа столицы помнят и гордятся своим героем — полковником милиции Львом Михайловичем Львовым. К мемориальной доске на улице Львова приходят группы школьников, а сотрудники окружной полиции проводят для них уроки мужества, рассказывая о доблестном старшем офицере милиции, павшем на правоохранительной передовой.

Александр ТАРАСОВ,
фото Николая ГОРБИКОВА,
пресс-службы УВД по ЮЗАО и из архива автора

Дорога к незаурядности

Родился Василий Трушин в Москве 19 сентября 1934 года. Отец Пётр Борисович — участник Великой Отечественной войны, трудился водителем автобуса. Мать Мария Ефимовна была ткачихой. Оба — выходцы из одной деревни Рязанской области — перебрались жить в столицу в условия не ахти уж какие. Учился Василий в школе на Кропоткинской улице (ныне Пречистенка), неподалёку от места, где они жили. Сначала ютились в подвале, который затопило в 1938 году после сильного ливня, после чего Трушины получили изолированную комнату, как оказалось, без газа и горячей воды. Было некомфортно и тесно большой семье, где подрастали ещё два брата и сестра. Но, как говорится, в тесноте да не в обиде... Под стать родителям Василий по примеру отца и матери рос таким же трудолюбивым и старательным мальчиком, помогал родителям во всём.

«Отец с матерью привили нам правило: если взялся за дело, то делай его хорошо, не скрипи, не пищи. И второе, что в нас закладывали, — это уважительное отношение к людям, взаимная поддержка в семье», — вспоминал Трушин.

С ранних лет он начал проявлять свои таланты как в учёбе, так и в спорте. Особенно любил волейбол и в дальнейшем стал мастером спорта. Игра в волейбольной команде с ребятами старшего возраста — студентами Московского горного института привела его в тот же вуз, где Василий Трушин обучался по специальности «горное машиностроение».

— Чётко очерченных и спланированных заранее желаний у меня не было, — говорил Трушин. — Но я всегда был в первых рядах касаемо спорта и комсомола.

Его сокурсники вспоминают: с самого начала учёбы Василий Трушин получил прозвище «комиссар», поскольку незаурядные организаторские способности вместе с его внутренней привлекательностью и харизматичностью были всем очевидны.

Его, секретаря комсомольской организации курса, ценили за умение объединить коллектив и повысить эффективность работы команды.

По окончании института ему предстояло применить свои навыки в суровых условиях Заполярья: он стал инженером-конструктором института «Гипрошахтостроймаш» и был распределён в Воркуту, на угольные шахты. Отработав положенное, через год вернулся в Москву, устроился на Московский авиационный завод. Энергия и кипящий идеями ум, присущие Трушину, импонировали директору завода Ивану Румянцеву — известному в то время авиационному инженеру, Герою Социалистического Труда. Позже Трушин назовёт Румянцева своим крёстным отцом по комсомолу. Комсомольская активность Трушина взлетела до значительных высот. В декабре 1959 года он был назначен вторым секретарём Октябрьского райкома ВЛКСМ города Москвы. Спустя год — первым секретарём Тимирязевского райкома комсомола. Через два года он уже второй секретарь Московского горкома ВЛКСМ. С 1964 года Василий Трушин становится в Московском горкоме комсомола первым секретарём, членом бюро ЦК ВЛКСМ.

Особенно оценил успехи Трушина и рассчитывал на него, как на одного из своих соратников, Виктор Васильевич Гришин, возглавивший в 1967 году Московский горком КПСС.

В Москве тогда появлялись первые народные дружины, студенческие строительные и комсомольские оперативные отряды, школы юных космонавтов, клубы «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», пионерская игра «Зарница», и ко всему был причастен Василий Трушин. Тогда же он активно взаимодействовал с милицией.

В начале 70-х начинается политическая карьера Трушина. В 1974 году его ожидало повышение — пост заведующего отделом организационно-партийной работы в горкоме. По сути, это был штаб горкома. На этой службе он курировал силовые структуры столицы: от милиции и пожарных до прокуратуры и КГБ.

Параллельно продолжалась его работа по развитию социальной и транспортной инфраструктуры города. Под его началом велись стройки в Вешняках, Ивановском Перовского района столицы. Трушин добивался строительства в них кинотеатров, торговых центров. В тех районах, что находились под его ответственностью, ежегодно возводилось до миллиона квадратных метров нового жилья. Вышестоящие руководители поручали ему курировать новые объекты, в их числе оказалась вошедшая в состав Москвы территория бывшей деревни Строгино.

1976 год стал новой ступенью в карьере Трушина — его выдвигают секретарём Московского горкома

Опыт председателя Комиссии по безопасности и общественному порядку Олимпиады-80, заместителя министра внутренних дел СССР Б.Т. Шумилина и энергия молодости начальника ГУВД Москвы В.П. Трушина сыграли важную роль в обеспечении безопасности Олимпиады-80 на высочайшем уровне.

КПСС. Он уже курирует партийные и хозяйственные кадры, административные органы (прокуратуру, КГБ, МВД), управление делами горкома. Регулярно участвует в совещаниях с участием министра внутренних дел СССР Николая Щёлокова. Именно на одной из этих встреч секретарь МГК КПСС Василий Трушин стал начальником ГУВД Москвы.

Милицейское дело

«Он пришёл домой, торжественно объявил жене Маргарите Николаевне о своём назначении: «Ну вот, здоровайся, я теперь генерал».

Задолго до назначения он неплохо разбирался в милицейских проблемах, находясь на работе в организационно-партийном отделе. Через него проходили ключевые документы главка, отчёты о расследованиях, его всё время информировали о положении дел в ГУВД. Кроме того, предшествующий опыт работы в Перовском районе дал ему общее представление о деятельности милиции.

И всё же он не был профессионалом в милицейском деле и не имел юридического образования. По воспоминаниям супруги, домашняя библиотека Василия Петровича, едва он вступил в милицейскую должность, сразу же пополнилась книгами юридической направленности. В будущем он окончит Высшие курсы Академии МВД.

Олимпийская школа милиционера

Меньше года оставалось до проведения московской Олимпиады. Требовалось немедленное укрепление столичной милиции, ведь, несмотря на то что в МВД СССР было создано Олимпийское управление, 80 процентов нагрузки по проведению Олимпиады ложилось на Трушина и московскую милицию. За каждым руководителем управления были закреплены конкретные участки работы: от Лужников до периферийных спортивных объектов. Постоянно проводились учения и совещания, на которых скрупулёзно прорабатывались все детали предстоящего дела.

Эффективное сотрудничество было налажено в дни Олимпиады между главком и Управлением КГБ СССР по Москве и Московской области, которое возглавлял генерал Алидин. Результатом совместных действий стал ряд успешных операций по обезвреживанию особо опасных преступников. Арестовали сорок два бандита, провели расследование совершённых ими преступлений.

Активное содействие силам милиции оказывали оперативные отряды дружинников. Их создали по инициативе Трушина во всех столичных районах.

Для лучшей организации деятельности по охране правопорядка во время игр при главке было создано Управление по расстановке сил и средств на Олимпиаде-80, которое возглавил Николай Степанович Мыриков. Его сотрудники тщательно изучали олимпийские объекты, чтобы обеспечить наиболее надёжную их защиту.

Сам начальник столичной милиции несколько ночей подряд проводил на службе, объезжая посты на олимпийских объектах. Особенно его волновала организация продовольственного обеспечения сотрудников во время несения службы.

Московская милиция под руководством Трушина достойно показала себя во время Олимпиады-80. Ни одного значимого происшествия в эти недели не произошло.

Привет из светлого прошлого

Много усилий Виктор Петрович приложил для укрепления дисциплины и повышения профессионализма сотрудников милиции. Он хотел видеть в рядах милиции не функционеров, а людей, искренне озабоченных вопросами правопорядка.

Заместитель начальника ГУВД Москвы Виктор Антонов пришёл в главк в 1978 году, и значительная часть его службы проходила под руководством Трушина. Вспоминает о нём как о человеке организованном, чётком в работе, вдумчивом в постановке задач. Трушин считал важнейшим аспектом налаживание взаимоотношений между подразделениями, совместная работа которых приносила максимальную отдачу в масштабах всего милицейского гарнизона.

Почти каждый рабочий день Трушина начинался с объезда территориальных подразделений: отделений милиции, пожарной охраны, Госавтоинспекции — всех служб, подотчётных управлению. Не через доклады подчинённых, а лично он узнавал, чем живёт милиция на «земле».

Забота о достойных условиях труда милиционеров характеризует весь период руководства Трушина.

В.П. Трушин демонстрирует гостям столичного главка коллекцию орденов, изъятых московскими милиционерами у преступников.

Под руководством Василия Петровича были построены два милицейских городка: один в Орехово-Борисово, другой в районе Алтуфьевского шоссе. До миллиона квадратных метров жилплощади ежегодно возводилось для милиционеров в те годы.

Появилось десять детских садов для детей сотрудников органов внутренних дел. Эти учреждения работали по особому расписанию — до 23 часов, а иные и круглосуточно.

При Трушине для сотрудников ГАИ на улицах установили современные стационарные посты, где инспекторы могли укрыться от дождя, снега или зноя. С особой заботой руководство относилось к службе участковых уполномоченных. Каждому выделялась жилплощадь. Когда сотрудник уходил на пенсию, квартира за ним закреплялась.

В благоустроенные корпуса переехали многие отделения милиции. Выросло новое здание Госавтоинспекции. Прежде её подразделения были разбросаны по всему городу, что создавало огромные неудобства для работы. Теперь все службы ГАИ были собраны в одном месте. Было создано восемь автохозяйств. Когда Трушин пришёл в главк, отделения внутренних дел города обслуживало 5000 машин. К моменту его ухода автопарк московской милиции насчитывал 12000 единиц техники. При нём правоохранительные подразделения получили новые «Волги» и «Жигули» с форсированными двигателями, современные рации и приборы ночного видения. Серьёзное развитие получила экспертно-криминалистическая служба, чья эффективность более прочих зависит от качественного технического оснащения.

Трушин убедил Гришина выделить для главка место под дом отдыха. Был предоставлен огромный участок на берегу Клязьминского водохранилища. Здесь появилась настоящая здравница для сотрудников московской милиции: в лесу, близ воды, выросли пансионат и реабилитационный центр, работники которого обеспечили высокий уровень медицинского обслуживания. «Эти объекты мы строим не столько для себя, сколько для будущих поколений — тех, кому предстоит нести службу по охране столицы», — говорил Трушин.

«Каждая рабочая минута — дело!»

Делалось всё для того, чтобы московская милиция работала максимально результативно и престиж службы рос на глазах.

Действительно, в рядах милиции снизилась текучесть кадров: люди держались за службу, которая за честный труд обеспечивала надёжное будущее им и их семьям.

Престиж милицейской службы среди жителей столицы рос с каждым днём, горожане охотно содействовали обеспечению общественного порядка, могли вступить в народную дружину, которая была не формальным образованием, а боевым отрядом, на кого милиция могла положиться.

Василий Петрович всегда говорил о важности позитивного имиджа столичной милиции — она должна была стать народной и в обязательном порядке обладать моральным авторитетом. Милиционер вежлив и опрятен в общении с гражданами — это аксиома для каждого сотрудника. Показателен пример: инспекторам ГАИ было запрещено курить на посту, но в сторонке вытянуть сигаретку дозволялось.

Сотрудничество МВД с деятелями культуры, культуротворческая направленность — это были аспекты постоянного внимания Василия Петровича, да и сам руководитель отличался высокими интеллектуальными способностями. Подчинённые отмечали, что он обладал мобильностью, широким тактическим кругозором, всегда было понятно, в каком направлении двигаться, чтобы раскрыть преступление. Он давал сотрудникам правильное поручение и приучал их к ответственности за неверное выполнение. Главный его лозунг: «Каждая рабочая минута — дело!» Всегда рвался на «передовую». Часто участвовал в рейдах, в том числе ночных, умел общаться с неблагополучной молодёжью, знал проблемные места.

Жёсткость в характере начальника московской милиции соседствовала с гостеприимностью хозяи-

на дома. Друзья ещё со школьных и комсомольских времён часто собирались у него в гостях. Несмотря на высокий служебный пост, он оставался радушным человеком.

Любовь к физической культуре и разным видам спорта Трушин пронёс через всю жизнь. Основной страстью был волейбол, но зимой он с большим удовольствием выходил на лыжную трассу, какой бы ни стоял мороз. Не случайно занятия физкультурой и спортом стали востребованными и у сотрудников милиции. Главк курировал волейбольную команду «Динамо». Большое развитие получило самбо.

Особое место в жизни Василия Петровича занимала книга. Ему удалось собрать обширную библиотеку. Любовь к чтению он прививал своим сыновьям.

Особо важное дело

Одним из наиболее громких дел времён Трушина стало убийство вице-адмирала Георгия Никитича Холостякова. В собственной квартире прославленный флотоводец был забит монтировкой. От рук злоумышленников погибла и его жена. Из квартиры был похищен китель с наградами, в том числе весьма редкими.

Расследование дела было взято на личный контроль Гришиным. Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов присвоил ему статус «особо важного». Для раскрытия преступления была сформирована мощная оперативная группа. В её состав вошли наиболее опытные сыщики МУРа. Поддержку им оказывали сотрудники других подразделений столичной милиции. Действия этого мозгового центра находились под руководством Трушина.

В сжатые сроки было отработано огромное количество версий. Сотрудники по крупицам разобрали всю биографию адмирала. Обратили внимание даже на возможность отсроченной мести каких-нибудь непримиримых врагов времён Гражданской войны, участником которой был Холостяков. Трушин всегда был очень внимателен к деталям.

С риском для жизни

После ухода с поста министра внутренних дел СССР Николая Щёлокова, уже при новом министре Виталии Федорчуке Трушин год проработал на своём посту. Затем, в 1984 году, на несколько месяцев вернулся на работу в Московский горком КПСС, был секретарём.

В декабре того же года вновь оказался в рядах МВД СССР, но уже в должности первого заместителя министра внутренних дел. После ухода из МВД СССР заместителя министра внутренних дел Шумилина кураторство над МВД — УВД республик, краёв и областей России было поручено Трушину. Имея бесценный опыт служебной деятельности в столичном ГУВД, он с присущей ему ответственностью и старательностью всю свою энергию вкладывал в практическое решение поставленных перед министерством задач.

Побывал Трушин и в Афганистане. Проверял, как работает Представительство МВД, как проходит подготовка царандоя советскими специалистами, знакомился с бытом расквартированных в стране сотрудников.

Во время событий в Чернобыле Трушин стал руководителем штаба по ликвидации последствий аварии, находился на самых опасных участках. Он заходил внутрь разрушенного четвёртого блока, считая: если мы посылаем сюда людей, значит, должны сами увидеть, куда они идут.

В Чернобыле ему каждый день приходилось сжигать одежду и надевать новую форму. В кармане всегда носил дозиметр. Тот, который показывает не текущий уровень радиации, а набранный в совокупности в течение какого-то периода. На циферблате стрелка останавливалась за самым последним делением.

Вновь Штаб МВД в зоне чрезвычайной ситуации Трушин возглавил в 1988 году, когда Армению постигло мощное землетрясение. В эпицентре оказался город Спитак, полностью разрушенный. Сводные отряды милиции со всей страны прибыли сюда, чтобы предотвратить мародёрство, вывести посторонних лиц с пострадавшей территории, установить городки для спасателей. Работали без отдыха: первые дни личный состав спал по два-три часа в сутки. Не смыкал глаз и Трушин, на которого возлагалось решение всех вопросов, связанных с действиями милиции в зоне землетрясения.

Однако вовсе не о Чернобыле и Спитаке он вспоминал как о самом тяжёлом моменте службы. Самое сложное, говорил он, — это Баку, когда в 1988 году в Сумгаите произошёл погром армянского населения, в ходе которого, по официальным данным, погибли 32 человека.

Министерское кресло

В октябре 1989 года на пост министра внутренних дел РСФСР был назначен Трушин. Его кандидатура была единодушно признана наиболее достойной.

В силу своей высокой трудоспособности и общепринятого авторитета Василий Петрович в сжатые сроки укомплектовал аппарат достойными кадрами, последовательно развернул организационную, кадровую, материально-обеспечительную деятельность российского республиканского министерства.

После политической борьбы и избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина началась перестановка кадров. Министром внутренних дел России был назначен Баранников. В связи с этим Трушин вернулся в сентябре 1990 года на службу в МВД СССР на пост заместителя министра.

С 1993 по 2006 годы Василий Петрович занимался благотворительной деятельностью в Фонде содействия укреплению законности и правопорядка в должности первого вице-президента. Вёл программы по поддержке сотрудников органов внутренних дел как на Петровке, так и в рамках министерства, а также семей погибших милиционеров.

Василий Трушин на протяжении жизни вкладывал все свои силы и умение во благо страны. При его руководстве выросли многие талантливые сотрудники и руководители, в трудные годы сохранившие опыт и традиции Московской Краснознамённой милиции. Возведённые при нём ведомственные здания и сегодня занимают многие подразделения главка.

Василия Петровича не стало 16 января 2006 года.

Не зарастёт народная тропа к месту на Троекуровском кладбище, где похоронен Василий Петрович. У подножия монумента всегда лежат живые цветы как дань памяти о его бессмертных делах во благо людей, МВД и государства.

Айрин ДАШКОВА, Денис КРЮЧКОВ,
фото из архива Дениса КРЮЧКОВА

«Мой дом — моя крепость!»

На трибунах становится тише,
Тает быстрое время чудес,
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.
Не грусти, улыбнись на прощание,
Вспоминай эти дни, вспоминай,
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи нам всем пожелай.

3 августа 1980 года под эту проникновенную песню, сочинённую Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым и душевно пропетую Львом Лещенко и Татьяной Анциферовой, вся страна прощалась с московской Олимпиадой, вытирала слёзы и долго махала вслед улетающему талисману спортивного праздника — Мишке.

Впрочем, в тот миг не все грустили — некоторые люди находились в очень даже приподнятом настроении. Это были спортивные чиновники, которые поняли, что их усилия не пропали даром, — соревнования удались, они «крутили дырочки» для наград на лацканах пиджаков. Это — сами спортсмены, чьи рекорды и достижения были вознаграждены медалями разного достоинства. Это, наконец, руководители большого числа обеспечивающих организаций, без которых праздник вряд ли получился таким блестяще организованным. Но больше всех окончанию московской Олимпиады радовались... представители уголовного мира и в первую очередь квартирные воры.

Не открою никакой тайны, если сообщу, что в преддверии спортивного праздника столица Советского Союза была «почищена». Пожалуй, со времён 1941 года, когда её улицы контролировались вооружёнными патрулями, такой всеобъемлющей зачистки в Москве не было. Были обнаружены и закрыты все места «сомнительных развлечений», бандитские «явки» и «малины», привокзальные «шалманы». Разного рода выпивающие личности, а также неработающие, имеющие судимости, — всех выпроводили из Белокаменной на «сотый километр».

И конечно, здорово прихватили преступный мир с его «ворами в законе». С кем-то побеседовали, кого-то «приютили в ДОПРе», кого-то припугнули, а некоторых вызвали в отделение и «попросили» — уехать из города. В конечном счёте Москва стала такой, как её описывали в партийных документах, — коммунистическим городом. Красивым, мирным, спокойным.

В один из дней проведения Олимпиады дежурная часть городской милиции не зафиксировала ни одного правонарушения. В таком-то мегаполисе! Впрочем, одна жалоба поступила — от тёщи на зятя, какая-то семейная размолвка, но от них не застрахованы даже образцовые «коммунистические города».

Естественно, «спрессованный» уголовный мир ждал и никак не мог дождаться завершения Олимпиады. Впрочем, и московская милиция не сразу, не в один момент отменила запреты — «с тормозов» снимали медленно. Но, почувствовав, что «гроза закончилась», преступный мир стал возвращаться в «свои берега». Пик этого возвращения пришёлся на 1983 год и вылился в «ураган» квартирных краж. Воровство приняло какие-то гомерические размеры.

Стоит вспомнить, что люди того времени как в столице страны, так и в провинции жили очень открыто. В ту пору не было стальных дверей на входах в подъезд, посетителей не встречали бдительные консьержки, похожие на тюремных надзирателей, не было решёток на первых и последних этажах. Два замка в дверях квартиры — очень редкое явление. Да и, собственно, бывало, что, уходя из дому, хозяева квартир эти самые ключи спокойно прятали под коврик у входных дверей. Жили честно!

И вот на эту «простоту и невинность» обрушился вихрь квартирных воров, «соскучившихся по богатой Москве». Причём съехалось «на охоту в Москву» ворьё со всего огромного Советского Союза — из Одессы, Ростова, Тбилиси, Баку, Средней Азии.

О том, что происходило в те дни, можно судить по такому факту: квартира крупного милицейского руководителя, начальника Красногвардейского районного управления внутренних дел (самого крупного в столице по территории) подполковника милиции Виктора Тальновского (фамилия изменена — Прим. автора), обворовывалась дважды.

Его жилище находилось недалеко от вокзала, и «гости Москвы», сойдя с поезда, не мудрствуя лукаво, шли грабить ближайшие дома. Первый раз в квартире находилась дочь подполковника милиции, ученица старших классов, которая, услышав, что кто-то вскрыл входную дверь, выбежала на балкон и стала звать на помощь. Её зов услышали, соседи вызвали милицию, и воры, как говорится, далеко не ушли.

Дабы повысить надёжность охраны, подполковник милиции поставил в квартире сигнализацию. Она и сработала, когда через пару недель нежданные гости вскрыли входную дверь. Воры зашли в квартиру, начали её «досмотр» и вдруг в окно увидели, что приехал наряд милиции — проверить сработку сигнализации. Они поняли, что выход из подъезда для них закрыт. Тогда «лихие ребята» сумели перелезть на соседний балкон и проникли в соседскую квартиру. В ней сидел подвыпивший хозяин и в лёгкой полудрёме смотрел по телевизору какой-то зарубежный детектив. Неожиданно прямо из телеящика появились два кавказца в кепках с огромными козырьками. Они держали в руках ножи и потребовали «сыдэть смырно». «Гости столицы» быстро открыли входную дверь и нырнули в подъезд. Надо отдать должное соседу подполковника милиции: видимо, сказалась любовь к детективам — тот быстро пришёл в себя и позвал милиционеров вневедомственной охраны, которые задержали «людей в кепках».

Напомним, эти страсти-мордасти происходили в квартире милицейского руководителя. А что уж там говорить о жилье обычного гражданина!

Стоит разуверить некоторых читателей — тех, кто считает квартирные кражи не очень серьёзным преступлением. Конечно, при ограблении жилищ «кровь рекою» обычно не льётся, нет погонь, автомобильных гонок, визга тормозов, перестрелок...

Но квартирные кражи очень болезненны, и они задевают, выбивают из привычного режима многих людей. Ещё в далёком XVII веке английский юрист Эдуард Кок написал фразу «My house is my castle». В переводе это звучит «Мой дом — моя крепость». Советские граждане, несмотря на красные коммунистические книжицы у сердца, хотели жить по сформулированному ещё в годы правления юной буржуазии юридическому правилу. Они хотели чувствовать себя в своём доме в полной безопасности. А когда это правило не выполнялось, то стоит ли удивляться количеству жалоб прямиком в ЦК КПСС на московских милиционеров, «не умеющих ловить домушников»? А в ЦК разговор был короткий — потому руководители столичной милиции и спрашивали очень жёстко за нераскрытые квартирные кражи.

Бывший в те годы начальником Люблинского РУВД полковник милиции Василий Балагура (впоследствии генерал, заместитель начальника ГУВД Москвы) вспоминал:

— Тогдашний начальник ГУВД держал на особом счету грабежи квартир москвичей и жёстко требовал не допускать таких преступлений. А у меня в районе, как назло, каждый день две-три квартиры грабили. Мы проанализировали повадки вора и пришли к выводу, что скоро может подвергнуться грабежу район Капотня. Действуя на опережение, расставили офицеров в засады буквально в каждом подъезде. Время тянулось, ничего не происходило. И тогда заскучавший офицер милиции предложил помощь спускающейся с этажа девушке, несущей две сумки с вещами — давай помогу. Её реакция (аж подпрыгнула) вначале удивила, а когда он увидел такси, стоящее у подъезда, то вдруг понял: да это же и есть тот самый неуловимый домушник! Он не ошибся — это была воровка по фамилии Рудь.

На счету этой симпатичной, миловидной и хрупкой девицы оказались сотни квартир. Она осматривала в подъездах электрические счётчики и те квартиры, в которых они не крутились, взламывала — у неё была «фомка». Быстро набивала сумки вещами, выходила, грузилась в такси — водители ничего не подозревали — и ехала к себе. Квартировала она в Подмосковье. Когда заместитель начальника ГУВД по оперативной работе генерал-майор Алексей Бугаев, направленный в 1983 году из КГБ на укрепление столичной милиции, узнал о поимке, то приехал лично её допросить.

Перелом в борьбе с квартирными кражами произошёл после того как руководство ГУВД приказало сотрудникам следственного управления проанализировать этот процесс. Один из следователей

подполковник милиции Виктор Довжук (впоследствии генерал юстиции) пришёл к выводу, что сложилась неправильная практика расследования этих дел.

Скажем, вначале преступника допрашивал следователь одного района, в котором произошла кража, потом это дело переходило в другой район, где была следующая кража, потом в третий... Затягивалось время расследования. Оказалось, что среди следователей существует немало желающих «повесить» на этих преступников и «не их квартирные кражи». И «вешали». На суде вор говорил, что пятнадцать квартир действительно он обворовал, а пятнадцать — не его, дескать, попросили взять на себя, он и взял, но они — не его. Доказательств вины вправду не было. Суд отправлял дело на доследование. Скандал.

Подполковник милиции предложил создать отдел, который бы занимался только квартирными кражами, чтобы один следователь брал это дело и, никому его не передавая, вёл до конца. Эту идею поддержало руководство ГУВД. Отделу был присвоен седьмой номер, начальником его назначили Довжука.

Первое, с чего началась работа, — это выработка методики закрепления доказательной базы. Дело в том, что, как правило, доказательств ограблений было мало — ворованные вещи давно проданы, деньги потрачены, обвинение в основном базировалось на признании пойманных воров. А они могли менять показания. Поэтому все их признания — номер обворованной квартиры, её план, её внутреннее убранство и ещё тысячи мелочей — сразу проверялись и закреплялись проверкой на месте, для чего выезжали на место преступления. Это были косвенные улики, но очень важные. К примеру, если вор сказал, что в это время рядом с подъездом сидела женщина в такой-то одежде и качала детскую коляску, то следователи находили эту женщину, и она подтверждала этот факт. И потом, если вор вдруг хотел отказаться, то не мог этого сделать. Женщина как бы уже «закрепила» его появление на месте преступления.

Сотрудники седьмого отдела расследовали тысячи квартирных краж. Очень разные были случаи, но рекордсменом по необычности можно считать дело, которое вёл майор милиции Александр Гузин.

Сотрудникам милиции удалось задержать квартирного вора по фамилии Пётр Михайленко, при котором была найдена 48-страничная тетрадь, почти вся исписанная мелким почерком. Сразу стало понятно, что это какие-то зашифрованные данные. Наверняка следователям никогда не удалось бы их прочесть, если бы не болезнь Михайленко. Он подхватил где-то серьёзную инфекцию, долго не знал о ней и не приступал к лечению. А когда приступил, то понял, что нужна помощь государственных структур. Поэтому начал рассказывать. Но, как говорится, без боя не сдавался.

Михайленко требовал, чтобы вечером его брали из переполненной камеры и везли в следственное управление, где условия комфортнее. Он также требовал, чтобы допрос начинался с ужина — просил «супчик и второе блюдо» покупать в ресторане. Так и делали, угождали, а Михайленко, в свою очередь, рассказывал о своих «подвигах».

Промышлял он только квартирными кражами. Одновременно «вёл» десять-двенадцать жилищ. Гулял по вечерам в престижных районах и высматривал квартиры, в которых окна не светились. Потом заходил в подъезд и проверял эти же квартиры с помощью электрических счётчиков и почтовых ящиков (забирают газеты или нет). Каждый раз для точности выводов, ставил на дверях этих квартир метки — нитки развешивал, кнопки и спички вставлял. Если «метки» оставались на месте, то не спеша подбирал ключ и входил внутрь.

Как правило, ночь проводил в присмотренной квартире, принимал душ, ужинал и располагался в хозяйской постели. Искал и забирал только драгоценности и деньги. Утром, побрившись и позавтракав, аккуратно всё заправив, уходил. Вечером он «посещал» очередное жилище.

Конечно, Михайленко был человеком небесталанным, жалко, что свои способности тратил на воровство. Умная организация «процесса» позволяла ему избегать пунктов скупки краденых вещей, которые постоянно были в поле зрения милиции и где ловили львиную долю воров. Драгоценности он копил, а деньги проедал и пропивал. Любил жить с комфортом.

Удивительное дело, но многие граждане, возвратившиеся из отпуска и не нашедшие своих драгоценностей и «заначек», в милицию не обращались. Они полагали, что забыли, где спрятали их и что скоро вещи найдутся. Лишь изредка в дежурную часть приходили люди и очень неуверенно утверждали, что их обворовали.

В «кондуите» Михайленко насчитывались записи о нескольких сотнях жилищ. Обладая исключительной зрительной памятью, он каждый вечер «расшифровывал» одну запись. Съедал свой ужин из ресторана и ложился спать в камере. Майор милиции Гузин терпеливо выслушивал сетования Михайленко, который считал, что его никогда бы не поймали, если бы не та самая коварная болезнь, и «закреплял доказательную базу». Но где-то после 120-й обворованной им квартиры Александр Григорьевич сказал преступнику, что он требует сдать спрятанные драгоценности. Немного сопротивляясь, Михайленко сказал, что сделает это ближайшей ночью. И настоял: только ночью.

Каково же было удивление следователя, когда он узнал, что ехать придётся на кладбище. Дабы не допустить побега, заказали мощный караул и повезли Михайленко на погост. Ночь выдалась очень тёмной, дождливой. Как только зашли на кладбище, разразилась настоящая гроза. Тем не менее вор безошибочно привёл милиционеров к нужной могиле.

Вскоре промокшие до ниток сотрудники нашли свёрток, в котором хранилось свыше килограмма золотых перстней, серёг, колец, часов...

...Седьмой отдел создавался на короткий период, но просуществовал почти девять лет. Вот результаты его работы только за один год. В суд было отправлено 114 уголовных дел на 290 обвиняемых, которые совершили 1108 преступлений. Следственным путём самостоятельно и во взаимодействии с другими подразделениями было раскрыто 596 преступлений, дополнительно привлечён к уголовной ответственности 41 обвиняемый из числа лиц, систематически занимающихся приобретением и сбытом имущества, заведомо добытого преступным путём.

В начале 80-х годов на борьбу с квартирными кражами была поднята вся московская милиция, которой при активной помощи общественности удалось максимально уменьшить этот вид преступлений и утвердить принцип: «Мой дом — моя крепость».

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из открытых источников

Генерал-лейтенант начинал с младшего лейтенанта

Генерал-лейтенант внутренней службы Владимир Григорьевич Борисенков возглавлял столичную милицию в 1984—1986 годах.

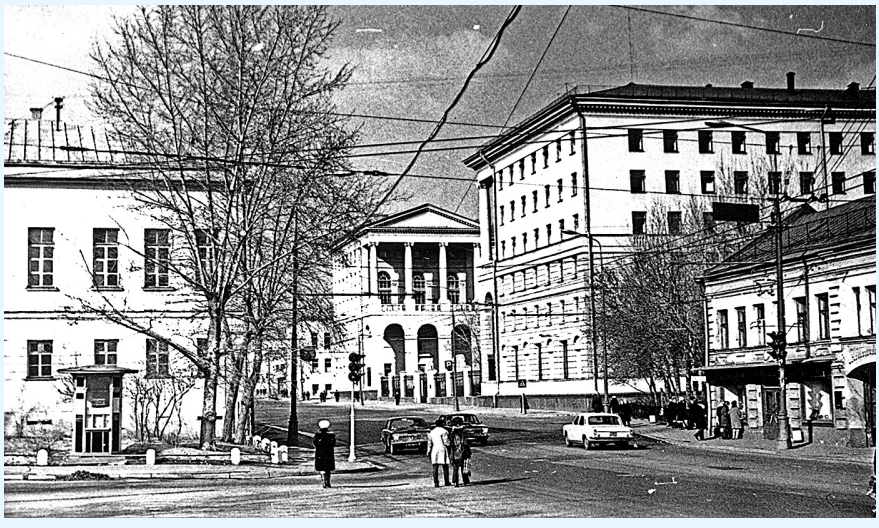
Время для руководства крупнейшим гарнизоном выдалось непростое: в стране разгар перестройки, милиция мобилизована на выполнение указов о борьбе с пьянством, только что закончилась масштабная кадровая чистка в милиции после прогремевшего на всю страну убийства на «Ждановской», а тут ещё и авария на Чернобыльской АЭС, межнациональная напряжённость в регионах, затяжная война в Афганистане и поднимающая голову организованная преступность. Все эти события прямо или косвенно, вместе с тем серьёзно влияли на работу правоохранительных органов.

Появление генерал-лейтенанта внутренней службы Борисенкова в главном кабинете на Петровке, 38 было совсем не случайным, поскольку к тому времени Владимир Григорьевич уже имел огромный служебный и жизненный опыт.

Уроженец небольшого городка Ярцево на Смоленщине вряд ли предполагал, что когда-нибудь ему придётся руководить знаменитым столичным милицейским гарнизоном. Володя Борисенков родился в 1925 году и, конечно же, мечтал о мирном небе и счастливой жизни в Советском Союзе. К июню 1941 года ему было всего 16 лет, он учился в школе. Но принять участие в Великой Отечественной парень всё-таки успел. Когда молодому человеку исполнилось 18, он отправился на фронт. Правда, сначала ему пришлось выучиться на артиллериста. Зато в 1944 году он стал младшим лейтенантом.

Как известно, уроженцев 1918—1924 года война выкосила едва ли не полностью. В начале гитлеровского нашествия страна, растерзанная внезапным нападением, истекала кровью, и в огненное горнило первыми пошли призывники, родившиеся именно в ту пору. Но и уроженцы 1925 года сполна хлебнули фронтового лиха.

Боевой путь младшего лейтенанта Владимира Борисенкова начался в 175-й лёгкой артиллерийской бригаде, с этой частью он дошёл до Берлина.



И не просто дошёл, а сражался геройски. О его воинской доблести свидетельствуют награды.

Вот выдержка из наградного документа, в котором приведены подробности, ставшие основанием вручения Борисенкову ордена Красной Звезды: «В боях при ликвидации окружённой группировки немцев 30.04.1945 г. под населённым пунктом Шперинбург младший лейтенант Борисенков, будучи командиром батареи, своей батареей прямой наводкой в упор расстреливал немцев, наседавших на батарею, уничтожив при этом до ста немецких солдат и офицеров. Уничтожил из личного оружия восемь немецких солдат и одного офицера. Когда атака немцев была отбита и противник был отброшен, младший лейтенант Борисенков своевременно сменил огневую позицию батареи, огнём орудий в упор расстрелял до шестидесяти немецких солдат и офицеров. Противник трижды бросался в атаку и безуспешно. Своим организованным огнём батарея младшего лейтенанта Борисенкова все контратаки отбила, чем способствовала выполнению боевого приказа старших начальников».

После окончания войны на груди у младшего лейтенанта Владимира Борисенкова кроме ордена Красной Звезды засверкали ещё две медали — «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Молодой офицер возвращался к мирным будням человеком опытным, понюхавшим пороху, познавшим все тяготы ратного дела.

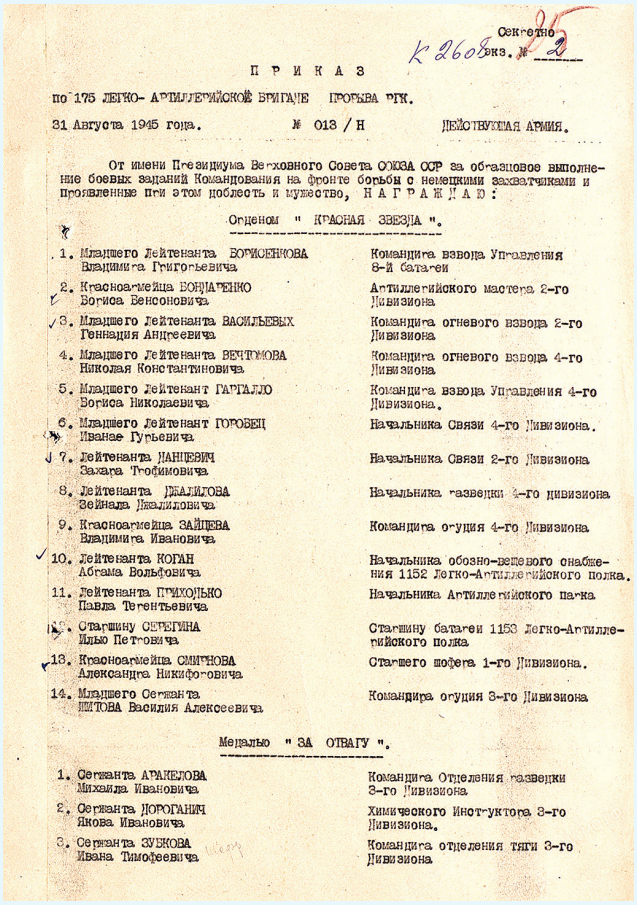
Но до службы в столичной милиции Борисенкову было ещё далеко. Сначала он успеет поработать военным прокурором в Германии, затем вернётся в СССР, где и начнётся его путь к генеральским звёздам.

Перед тем как получить назначение руководителя московской милиции, Владимир Григорьевич служил в центральном аппарате МВД СССР — был заместителем начальника Главного управления охраны общественного порядка. Сослуживцы вспоминали, что когда Борисенков пришёл на Петровку, 38, то одним из приоритетных направлений в его деятельности стала работа над совершенствованием патрульно-постовой службы. Не напрасно бывший фронтовик уделял этому направлению особое внимание: за годы его руководства столичным милицейским гарнизоном уличная преступность в городе пошла на спад. И это было реальное достижение руководителя в борьбе с уличным беспределом.

Бывшие подчинённые вспоминают своего начальника как человека дела: если что сказал, что пообещал — обязательно исполнит и, главное, без волокиты, зная, что всякое промедление не пойдёт на пользу делу. Генерал любил во всём порядок, а армейская дисциплина наложила отпечаток на всю его жизнь. Борисенков работал чуть ли не круглые сутки, на личную жизнь времени не оставалось. К несчастью, именно в это время умерла его жена, что явилось серьёзным ударом. Спасаясь от неутешного горя, генерал уходил с головой в работу.

И всё вроде бы шло нормально, обстановка в городе имела тенденцию к оздоровлению. Но как раз именно в то время у генерала начали возникать неожиданные проблемы с новым городским руководителем — первым секретарём МГК КПСС Борисом Ельциным. Как говорится, не совпали некоторые взгляды. Так что в августе 1986 года генерал-лейтенант внутренней службы Владимир Борисенков написал рапорт на увольнение с высокого поста московского шерифа. Дальнейшая служба в органах внутренних дел у Владимира Григорьевича была недолгой. На какое-то время он вернулся на работу в Министерство, однако вскоре отправился на заслуженный отдых.

Будучи на пенсии, генерал не изменил своим привычкам, не позволяя себе никаких роскошеств. Он по-прежнему жил в своей обычной двухкомнатной квартире на улице Алабяна, полученной ещё в бытность руководителем московской милиции. Отдушиной для пенсионера Борисенкова была



Секретно
Экз. № 2

П Р И К А З

по 175 ЛЕГКО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЕ ПРОКОВА РГК.

31 Августа 1945 года. № 013 / Н ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

От имени Президиума Верховного Совета СОЮЗА ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, НАГРАЖДАЮ:

Орденом " КРАСНАЯ ЗВЕЗДА ".

1. Младшего Лейтенанта БОРИСЕНКОВА Владимира Григорьевича — Командира взвода Управления 8-й батареи
2. Красноармейца БОНДАРЕНКО Богиса Венсоновича — Артиллерийского мастера 2-го Дивизиона
3. Младшего Лейтенанта ВАСИЛЬЕВЫХ Геннадия Андреевича — Командира огневого взвода 2-го Дивизиона
4. Младшего Лейтенанта ВЕЧТОМОВА Николая Константиновича — Командира огневого взвода 4-го Дивизиона
5. Младшего Лейтенант ГАГГАЛЛО Богиса Николаевича — Командира взвода Управления 4-го Дивизиона.
6. Младшего Лейтенант ГОРОВЕЦ Ивана Гурьевича — Начальника Связи 4-го Дивизиона.
7. Лейтенанта ДАНЦЕВИЧ Захара Трофимовича — Начальника Связи 2-го Дивизиона
8. Лейтенанта ДЖАЛИЛОВА Зейнада Джалиловича — Начальника разведки 4-го дивизиона
9. Красноармейца ЗАЙЦЕВА Владимира Ивановича — Командира орудия 4-го Дивизиона
10. Лейтенанта КОГАН Абгама Вольфовича — Начальника обозно-вещевого снабжения 1152 Легко-Артиллерийского полка.
11. Лейтенанта ПЧИХОДЬКО Павла Тегентьевича — Начальника Артиллерийского парка
12. Старшину СЕТЕГУНА Илью Петровича — Старшину батареи 1153 Легко-Артиллерийского полка
13. Красноармейца СМИРНОВА Александра Никифоровича — Старшего шофера 1-го Дивизиона.
14. Младшего Сержанта ЩИТОВА Василия Алексеевича — Командира орудия 3-го Дивизиона

Медалью " ЗА ОТВАГУ ".

1. Сержанта АРАКЕЛОВА Михаила Ивановича — Командира Отделения разведки 3-го Дивизиона
2. Сержанта ДОРОГАНИЧ Якова Ивановича — Химического Инструктора 3-го Дивизиона.
3. Сержанта ЗУЕКОВА Ивана Тимофеевича — Командира отделения тяги 3-го Дивизиона

дача — скромное строение, сейчас многие посмеялись бы над такой хаткой. Даже колодца своего не было, и он, будучи уже в солидном возрасте, вёдрами носил воду издалека и считал, что так и надо.

Однако при всей житейской скромности и, казалось бы, непритязательности Владимир Григорьевич был не так-то прост, кроме того, отлично образован. По отзывам знавших его людей, генерал ценил классическую музыку и в совершенстве владел французским языком. И всё-таки после смерти жены он глубоко страдал от одиночества. Близких родственников и тех у него не было.

Ушёл из жизни ветеран-фронтовик Владимир Григорьевич Борисенков в 77 лет. В выходной день вышел из дома на улице Алабяна (кажется, собирался на дачу), сел на скамеечку у автобусной остановки на Ленинградском проспекте и... ушёл навсегда. В кармане у ожидавшего автобус генерала потом нашли удостоверение личности да сберкнижку с поистине смешной суммой вклада. Вместо палат каменных он оставил о себе добрую память.

Александр ДАНИЛКИН,
фото из открытых источников

Как путеводная звезда

Председатель Комитета Государственной Безопасности СССР Юрий Андропов пожал руку полковнику БОГДАНОВУ, внимательно оглядел его подтянутую фигуру и вдруг обиженным тоном сказал:
— Пётр Степанович, а чего это ты болеешь за московский «Спартак»? Ты же — динамовец!

Настроившийся на серьёзный разговор с высоким начальством и, естественно, не ожидавший такого «спортивного поворота», полковник тем не менее быстро собрался с мыслями. Он улыбнулся и сказал, что болеет с подачи друга детства — олимпийского чемпиона Николая Тищенко, с которым вместе жили в подмосковном Люблине и с которым когда-то играли в футбол. А Тищенко — это, как всем известно, «столбовой спартаковец» ...

— Тищенко? — переспросил Юрий Владимирович, — тот самый, который со сломанной ключицей играл с болгарами?

В 1956 году на Олимпийских играх в австралийском Мельбурне в полуфинале Николай Тищенко получил тяжёлую травму — перелом ключицы. Замен тогда в регламенте не было, но и с поля он не ушёл. Более того, в дополнительное время при счёте 1:1 перебинтованный Тищенко, в обагрённой кровью футболке, начал голевую комбинацию советской сборной. Команда СССР победила — 2:1 и вышла в финал, а в итоге стала чемпионом. Это был спортивный подвиг, который в Советском Союзе был высоко оценён.

Андропов пригласил Петра Богданова присесть, по чекистской традиции угостил чаем с баранками, и сообщил о своём решении — назначить его председателем президиума Центрального совета Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо».

Эта история, происшедшая в далёком 1973 году, только одно из событий, круто и неожиданно изменивших судьбу нашего героя. Впрочем, всё по порядку.

...Пётр Степанович родился в воспетом Николаем Лесковым Мценском уезде — в деревне Зайцево Орловской губернии, в большой, трудолюбивой семье. Его отец, Степан Матвеевич, был председателем

местного сельсовета. Но вскоре семья перебралась в Подмосковье — в город Люблино. Степан Матвеевич устроился на литейно-механический завод, дети пошли в школу.

Всего в семье родилось два брата и две сестры. Пётр был самым юным в семье, а вот самым старшим из детей был Григорий. Гриша рос очень толковым парнем. Он вскоре занял высокую должность: стал помощником одного из «сталинских наркомов» — народного комиссара путей сообщения, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Лазаря Кагановича. Впрочем, несмотря на свой высокий статус, Григорий Степанович с первых дней Великой Отечественной войны добровольцем ушёл на фронт и погиб в одном из боёв с фашистами. Пётр Богданов очень любил своего старшего брата, Григорий для него был примером и образцом!

Судьба его самого сложилась следующим образом. Пётр пошёл на литейно-механический завод кочегаром и, несмотря на приличную норму, 16 тонн угля, успешно справлялся со своими обязанностями. Наш герой получил хорошую физическую закалку. Но, увы, здесь он впервые попробовал спиртное и табак, но нашёл в себе силы отказаться от них и занялся спортом. Увлёкся боксом и играл с Николаем Тищенко в футбол.

А кроме того, Пётр активно включился в комсомольскую работу, и вскоре его порекомендовали на руководящий пост в этой молодёжной организации. Кочегар оказался настоящим лидером. Стоит ли удивляться, что Петра пригласили в партийный комитет и сообщили, что будут рекомендовать его на пост секретаря комитета комсомола всего литейно-механического завода.

Люблинский литейно-механический завод (бывший Московский железнодорожный ремонтный завод — «МОЖЕРЕЗ») воздвигнут в 1931 году. И он сразу стал крупнейшим заводом железнодорожного транспорта. С началом Великой Отечественной войны завод приступил к выпуску мин, корпусов и головок для снарядов реактивной артиллерии «Катюша» и другой военной продукции. Люди работали на Победу день и ночь. 11 февраля 1943 года в «Заводской правде» было напечатано приветствие Иосифа Виссарионовича Сталина и благодарность Красной Армии коллективу завода. Завод 14 раз завоевал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, которое было оставлено коллективу завода на вечное хранение.

В годы, когда в нём работал наш герой, Люблинский литейно-механический считался предприятием полного цикла и выпускал такую продукцию, как колёсные пары, втулки цилиндра и поршни для тепловозных дизелей. За успешное выполнение планов завод был награждён орденом Ленина.

Какими бы ни были общественные успехи, наш герой хорошо понимал, что необходимо учиться. Поэтому, несмотря на всю нагрузку, он сумел окончить Индустриальный педагогический техникум. Но вскоре наступило время расставания с родным литейно-механическим заводом. Богданова рекомендовали на пост секретаря Люблинского городского комитета комсомола. И он с энтузиазмом принялся за новое дело.

По духу, как вспоминают люди, близко знавшие Петра Степановича, он был созидатель. Не было для него большего удовольствия, как приступить к строительству нового завода или фабрики, реализации транспортного проекта, возведению дворца культуры. И новая должность очень подходила к его характеру. Успехи были налицо: вскоре его изберут секретарём, а потом и первым секретарём (с 1960 г.) уже горкома партии. В августе 1960 года открывается новая широчайшая перспектива преобразований — Люблино вошло в состав Москвы, стало частью Ждановского района столицы. В 1969 году был образован отдельный Люблинский район.

Впрочем, эти изменения в истории города произошли уже без Петра Степановича. Его же в 1961 году пригласили на Старую площадь, и без предисловий сказали:

— Предлагаем работу в разведке!

Все его рассказы, возражения и просьбы не возымели успеха. ЦК КПСС являлся такой организацией, в которой лучше всего знали: где и в какое время наиболее нужен конкретный коммунист. Для непонятливых и забывчивых хозяева этих кабинетов цитировали положения партийного устава.

Петру Степановичу предстояло работать в качестве разведчика в Чили. Он был зачислен в легендарную 101-ю школу разведки, принадлежавшей к Первому главному управлению КГБ СССР. Школа находилась в Подмосковье, и её в своём кругу называли «деревня Гриднёвка» — по фамилии первого начальника: известного чекиста генерала Вячеслава Гриднева. Было и ещё одно название — Лесная школа.

Несмотря на эти «лесные и деревенские прозвища», 101-я разведывательная школа представляла со-

бою очень крутое учебное заведение. Здесь будущие рыцари разведки изучали основы дипломатической службы, политические науки, информационную работу и, конечно, само разведывательное ремесло. Кроме теоретических, было много практических заданий. Важным моментом было абсолютное знание языка той страны, в которой предстояло работать «студенту». Петру Степановичу пришлось налегать на испанский — в Чили разговаривали именно на нём.

Но, опять это «но»! Обстоятельства сложились таким образом, что к моменту окончания учёбы отправка Петра Степановича в Чили уже оказалась неактуальной. Ему присвоили звание майора и назначили заместителем начальника отдела.

И неожиданно для себя он оказался с семьёй в Германской Демократической Республике, в Карлсхорсте — берлинском районе, известном тем, что здесь был подписан Акт о капитуляции фашистской Германии во Второй мировой войне. Здесь находился аппарат Уполномоченного КГБ по координации и связи с Министерством Государственной Безопасности ГДР. Здесь Петру Богданову было поручено трудиться секретарём парткома.

Представительство являлось очень мощной разведывательно-аналитической структурой, под тщательным «контролем» которой находились страны НАТО и, в частности, их ядерный потенциал. Богданову, оставаясь на партийной работе, приходилось вникать в проблемы оперативной работы — по статусу он являлся вторым лицом после официального представителя КГБ. Высшее руководство СССР было довольно результатами работы этого разведывательного коллектива, и вполне понятно, что после трёх лет пребывания в ГДР Петра Степановича опять позвали на Старую площадь. Но в этот раз ему не предлагали должности, а сразу показали рабочее место.

Как человека, уже имеющего опыт партийной работы «на гражданке», и как офицера госбезопасности его назначили в Административный отдел ЦК КПСС. Это была отнюдь не «бумажная» работа. Он курировал Пограничные войска, которыми тогда руководил генерал-полковник Павел Иванович Зырянов — человек с новыми взглядами на охрану государственной границы.

Сидеть в кабинетах не было времени. Пётр Степанович активно участвовал, а если быть точным, то направлял и вдохновлял работу по реформированию и повышению надёжности охраны священной советской границы. В частности, именно тогда была выдвинута идея о создании мобильных манёвренных огневых групп на наиболее опасных участках границы для оперативного наращивания сил при угрозе прорыва наших рубежей. Идея эта была очень востребована в ходе событий на советско-афганской границе.

Тут последует небольшое отступление, так как надо рассказать и о других важных изменениях, происшедших в жизни нашего героя.

Люблинский горком партии в те годы, когда в нём трудился Пётр Степанович, располагался в жилом доме. И вот, приходя на работу, он стал обращать внимание на симпатичную девушку, проживавшую на одном из верхних этажей. Конечно, партийная работа — дело серьёзное, но любовь — всё-таки выше всего.

Девушка особенно на контакт не шла — присматривалась, но однажды, когда она стояла с мамой на балконе, та ей показала на стройного партработника, заходящего в комитет: «Симпатичный и, говорят, умный, приветливый».

Вскоре Пётр и Маргарита познакомились поближе, поженились и 60 лет шли рядом по жизни! Это была настоящая любовь, в которой родились два сына — Сергей и Игорь. Маргарита Владимировна,

всю жизнь проработавшая учителем русского языка, ныне здравствует. И слава Богу!

Но кроме этой бесценной «личной находки», в жизни нашего героя произошло следующее — он выработал, сформировал в себе принципы работы, которые всегда помогали ему добиваться успехов и побед. Знающие его близко люди говорят о своеобразных «китах или слонах», на которых строилась его жизненная философия. Это — желание и умение постоянно учиться, постоянно приобретать новые знания и эффективно использовать их в своей работе. Ещё – и бережное отношение к людям, сотрудникам, сослуживцам. А также — умение учесть все обстоятельства даже непростого дела и принять «соломоново решение». Плюс ко всему – принципиальность и умение отстоять свои взгляды. Отметим и то, что один из важнейших его постулатов — честность, порядочность,

Кстати, в эти годы произошёл и такой показательный случай. Однажды на каком-то важном партийном собрании Первого главного управления присутствовал начальник разведки КГБ генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский. Пётр Степанович, по своему обычаю, посвятил своё выступление острым социальным вопросам, в том числе нехватке жилья для сотрудников. Зал, конечно, поддержал его

голосами одобрения. Но Сахаровский в это время отвлёкся, упустил, что называется, тему. Потом спросил у докладчика — о чём тот говорил?

Богданов ответил: «Вообще-то, я выступаю для всех, но могу и повторить». И повторил. В зале лёгкий шок: так разговаривать с начальником разведки было не принято. Все притихли. В перерыве вокруг докладчика — никого.

На следующий день в рабочий кабинет Богданова никто не входит, телефон молчит. Полная тишина. В полдень — звонок, просят зайти к Сахаровскому.

Несмотря на внутреннюю тревогу, зашёл в кабинет, доложил. Начальник разведки предложил чай с баранками и попросил подробно рассказать о тех проблемах, которые прозвучали на партийном совещании. А вскоре удалось «сдвинуть с места» этот тяжеленный жилищный вопрос.

Богданов считал: в интересах дела надо не бояться отстаивать свою точку зрения даже в самых «высоких» кабинетах.

Вот такой, проверенный делами, закалённый психологически и верящий в идеалы прекрасного офицер и оказался на чаепитии с баранками у председателя КГБ Юрия Андропова, и тогда же между ними состоялась та самая беседа — ты за кого болеешь?

Надо сказать, что как и нынче, так и тогда верховные наши руководители имели не только любимые виды спорта, но и любимые же команды. Так, первое лицо в партии и государстве предпочитало хоккей с шайбой и болело за московский «Спартак». Ясны были пристрастия и министра обороны СССР Маршала Советского Союза Андрея Антоновича Гречко, который сделал хоккейный ЦСКА суперклубом мирового уровня. Ну а сам Юрий Владимирович отдавал свои симпатии московскому «Динамо», его знаменитым игрокам: таким как Александр Мальцев, Валерий Васильев, Виталий Давыдов и другим.

Конечно, мудрый и опытный руководитель, каким, несомненно, являлся Андропов, прежде чем предложить столь высокую должность, хорошенько изучил Богданова. Его опыт строительства и управления, деловая хватка и пробивные способности необходимы были именно сейчас, когда в этой огромной организации многое предстояло переделать, перестроить и создать заново. В большей степени его интересовала возможность сделать «Динамо» самодостаточным в экономическом плане. И надо сказать, что он в своём выборе не ошибся.

Более 13 лет Пётр Степанович стоял во главе этого огромного коллектива и полностью реализовал на этой ниве все свои лучшие черты. Богданов был созидателем по характеру — построил огромное количество прекрасных спортивных зданий: бассейнов, залов, стадионов! Переживал за авторитет любимой страны: в честь многих динамовцев — чемпионов Олимпийских игр и мировых первенств — Гимн Советского Союза звучал во всех точках мира! Заботился о воспитании подрастающего поколения — сотни и тысячи спортивных секций бесплатно приняли детей в свои ряды.

«Динамо» оказалось внушительным хозяйством — в нём тогда работало свыше 30 тысяч специалистов. В «Динамо» входили в ту пору промышленные предприятия, изготавливавшие спортивный инвентарь, одежду, бильярдную мебель и спортивное оружие. При этом спортивное общество практически не брало из кармана государства денег, зато платило в казну все налоги.

По заслугам и честь — в 1977 году Петру Степановичу присвоили звание генерал-майора! Это был первый генерал на данном посту!

И тем не менее Богданов оставался чекистом. Пётр Степанович отвечал за безопасность в наших сборных командах на Олимпийских играх, начиная с Инсбрука в 1976 году и вплоть до Турина в 2006 году.

Развитие советского динамовского спортивного движения оказалось образцовым — многие страны попросили Советский Союз оказать помощь в организации подобных спортивных коллективов. С целью передачи опыта генералу Богданову довелось посетить Кубу, Вьетнам и другие страны.

...Летом 1986 года к председателю КГБ СССР генералу армии Виктору Михайловичу Чебрикову обратился первый секретарь МГК КПСС Борис Николаевич Ельцин, который попросил усилить московскую милицию энергичным и толковым руководителем. Тогда Ельцин молился ещё коммунистическим богам. И все преобразования совершал, как он говорил, «во благо народа». А вскоре Ельцин возглавил российский парламент, и Москва стала ареной яростной борьбы за власть между ним и руководителем СССР Михаилом Горбачёвым.

— На должность начальника ГУВД Пётр Степанович был назначен в очень непростое время, — вспоминает генерал-майор юстиции Виктор Николаевич Довжук. — Усложнилась оперативная обстановка, возросла преступность. Нужно было повышать участие исполнительных органов власти в решении проблемных вопросов, накопившихся в московской милиции. За короткий срок генерал Богданов сумел

изучить и понять новую для него структуру изнутри. Он проделал огромную работу по созданию и совершенствованию материально-технической базы, структуры органов внутренних дел и улучшению результатов оперативно-служебной деятельности. Он не полагался на доклады подчинённых, а сам вникал в суть проблем. Я в то время работал начальником Красногвардейского РУВД, самого крупного по числу населения района в Москве, проживало в нём свыше полумиллиона человек. К четырём имевшимся тогда было открыто шесть новых отделений милиции. Пётр Степанович, несмотря на занятость, приехал в РУВД и на месте ознакомился с положением дел и нашими проблемами. Работал полдня, вникнул во все вопросы и уехал только тогда, когда убедился, что ситуация у нас под контролем.

К сказанному нужно добавить, что генерал Богданов не случайно приезжал в Красногвардейский РУВД — он подбирал себе заместителя и решил посмотреть на кандидата на его рабочем месте. Кстати, в 1990 году Довжук был назначен на должность заместителя начальника ГУВД. И, как он вспоминает, работа под руководством Богданова стала для него большой школой.

Это было время перемен. Москву сотрясали политические страсти — митинги, шествия, голодовки. Каждый день огромные массы людей заполняли улицы и площади нашей старинной столицы. Естественно, в таких условиях возросла преступность...

В этой сложной и критической ситуации большую роль играли личные качества, воля начальника ГУВД, его опыт, его выдержка, его настойчивость. Действия московской милиции всегда были в рамках закона.

Уже хрестоматийным стал пример, когда он неожиданно получил приказ от тогдашнего министра внутренних дел СССР Вадима Бакатина разогнать митинг. Конечно, для человека в погонах приказ — дело святое. Но генерал Богданов помнил, что он присягал на верность своему народу. А сейчас кто-то против народа намеревается бросить московскую милицию.

Пётр Степанович снял трубку «кремлёвки» и жёстко произнёс: «Я такой приказ не отдам!».

А наутро позвонил тот самый Бакатин и признал, что генерал поступил мудро: дескать, сам Президент СССР Горбачёв благодарит за этот поступок.

В эти непростые времена Богданов всячески старался поддержать своих подчинённых, их инициативу и настойчивость. Он регулярно выезжал на места совершения тяжких преступлений, давал обоснованные указания, беря на себя ответственность по ведению розыска и следствия.

Так было и при чрезвычайном происшествии в универмаге «Молодёжный», когда при отражении нападения преступников пала от выстрелов грабителей младший сержант милиции Вера Алфимова. Убийцами оказались бывшие сотрудники оперативных служб, изгнанные из своих структур. Их задержанием руководил лично Богданов. Тогда генерал первый и единственный раз достал служебный пистолет.

После развала Советского Союза в Москве к власти пришли так называемые демократы. Естественно, такой человек, как Богданов, на посту начальника милиции их не устраивал. Они решили устроить над ним моральную расправу и вообще сместить с поста. Потребовали прибыть с отчётом.

Генерал занял твёрдую позицию: «Я не приду. Не вы меня назначали, не вам меня и снимать!». Через некоторое время положил рапорт об увольнении на стол.

Но связей с московской милицией Пётр Степанович никогда не терял. Он ещё в бытность начальником ГУВД поддерживал традицию помогать ветеранам войны, инвалидам, порой остро нуждавшимся в социальной защите, и стал инициатором создания Благотворительного фонда «Петровка, 38». Долгие годы был членом его правления.

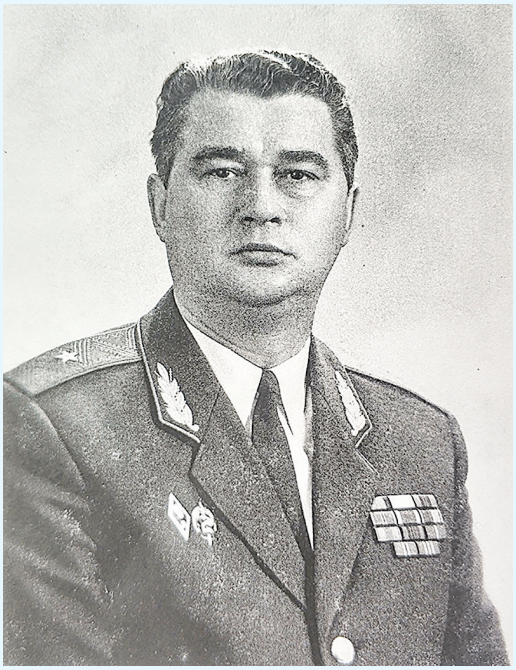
Пётр Степанович ушёл от нас 13 февраля 2016 года. Вот уже скоро исполнится пять лет с этого горького дня. Но образ генерала — его профессионализм, трудолюбие, честность, совестливость, верность данной присяге — светит многим сотрудникам столичной полиции. Светит, как путеводная звезда!

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из архива семьи Петра БОГДАНОВА

Дядя Стёпа, ставший генералом

Последний советский начальник московской милиции

Судьба щедро одарила Николая МЫРИКОВА: мужественная внешность, лёгкий характер, умение ладить с самыми разными людьми. Все эти качества, умноженные на трудолюбие и преданность правоохранительной профессии, позволили ему не только совершить головокружительное восхождение по карьерной лестнице, но и стать символом столичной милиции.



Николай Мыриков родился 19 декабря 1926 года в селе Мишнево, расположенном на севере Владимирской области. Село крупное, довольно зажиточное. Оно известно ещё и тем, что здесь двадцатью годами ранее появился на свет Николай Дудоров — известный московский строитель, неожиданно по воле Никиты Хрущёва ставший руководителем Министерства внутренних дел СССР.

Отец нашего героя Степан Васильевич вначале крестьянствовал, а потом выучился на столяра. Мама Мария Ивановна занималась детьми, их в семье Мыриковых было пятеро. В девятилетнем возрасте Николай вместе с родителями переехал в знаменитое своими барскими домами, усадьбами и храмами село Патакино, в котором его отцу предложили работу. Здесь мальчик пошёл в школу. Но успел окончить только шесть классов, как настал новый переезд, теперь уже в Москву, где и продолжил учёбу.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай, как и многие молодые москвичи, рвался на фронт, но районный военный комиссар был неумолим. «Рано ещё», — отвечал он на просьбы парня. В апреле 1942 года шестнадцатилетний Мыриков пошёл работать на 2-й Государственный шарикоподшипниковый завод, размещавшийся в Москве на Шаболовке. Это было серьёзное производство — без шарикоподшипников, как известно, ни один танк, самолёт, автомобиль не сдвинется с места.

Вначале трудился учеником слесаря по ремонту оборудования, а потом стал получать самостоятельные производственные задания. Мыриков провёл в стенах завода четыре года и за это время сумел стать слесарем 6-го разряда, чем, кстати, гордился всю жизнь. В 1942 году в жизни нашего героя случилось ещё одно событие, о котором он всегда указывал в автобиографии. Комсомольцы завода приняли его в свои ряды, что сыграло важную роль в судьбе Николая. В 1946 году двадцатилетний крепкий и сильный передовой комсомолец получил предложение (путёвка райкома комсомола!), от которого, как говорится, невозможно отказаться — поступить на службу в Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

Следует сделать небольшое отступление и сообщить читателю, что в сороковые годы прошлого века Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности то сливались, то разделялись, меняясь при этом главками и подразделениями. В описываемый период как раз НКГБ (15 марта 1946 года он, как и все наркоматы СССР, стал Министерством) был самостоятельным ведомством.

Среди его подразделений были два управления, которые занимались охраной первых лиц страны. Так, Управление охраны № 1 МГБ СССР (руководил им генерал-майор Александр Кузнецов) осуществляло личную охрану Иосифа Сталина, а Управление охраны № 2 МГБ СССР (генерал-лейтенант Николай Власик) ведало безопасностью других руководителей страны.

Во 2-м управлении начал свою правоохранительную карьеру Николай Мыриков. В июле 1946 года он был зачислен курсантом в школу, в которой успешно прошёл курс молодого бойца, и в конце августа был назначен на должность разведчика 2-й категории 2-го отделения 3-го отдела. 25 декабря 1946 года оба упомянутых управления охраны, а также Управление коменданта Московского Кремля были объединены в Главное управление охраны (ГУО) МГБ СССР во главе с генерал-лейтенантом Николаем Власиком, долгие годы наиболее близким к вождю человеком. Кстати, Николай Сидорович Власик являлся воспитанником московской милиции.

Журнал «Огонёк». Сентябрь 1970 г.

Кое-что изменилось и в службе Николая Мырикова, должность которого стала именоваться разведчик охраны.

В следующем 1947 году начинается его кадровое движение или даже выдвижение — в мае присваивают звание «старшина», а буквально через пять месяцев Мыриков становится младшим лейтенантом, отныне его должность — офицер охраны.

Настало время рассказать, чем же занимался наш герой в такой серьёзной организации, как МГБ. Известно, что руководители советского государства много ездили по Союзу, используя для этого автомобильный транспорт. В документах ведомства это именовалось «автотранспортным обслуживанием руководства страны». Им и пришлось заниматься молодому сотруднику Мырикову. И видимо, он неплохо справлялся со своими обязанностями — в его учётной карточке того времени записано несколько поощрений, в основном благодарностей: «За образцовое выполнение своих чекистских обязанностей по обеспечению государственной безопасности 1 мая 1948 года», «За чёткое выполнение служебных обязанностей, умелые действия по обеспечению проезда специальных машин и примерную дисциплину», «За чёткое и умелое обеспечение оперативных заданий по выполнению специальных мероприятий 7 августа 1947 года» — за это отличие он был награждён пятьюстами рублями...

В те годы происходит становление Николая Степановича как специалиста, как офицера, как мужчины и главы семьи. Он знакомится с Еленой Челенковой, уроженкой Рязанской области, и в 1947 году они, как писали в старину, скрепили свой союз узами Гименея. Вскоре у пары родился сын Валерий. А ещё через несколько лет — второй сын Владимир.

Николай Степанович становится членом Коммунистической партии — в 1951 году ему вручают партийный билет. Надо отметить, что он серьёзно относился к этому факту. Многочисленные характеристики различных партийных организаций свидетельствуют, что он был идейным человеком.

В 1954 году Мырикову присваивают звание старшего лейтенанта, а в следующем году он проходит переаттестацию и становится старшим лейтенантом милиции. Такое изменение было вызвано огромными переменами, произошедшими в жизни страны: смертью Иосифа Сталина, победой Никиты Хрущёва в борьбе за власть и уходом не только с политической арены, но и вообще с этого света его противника — Лаврентия Берии, возглавлявшего органы безопасности. В результате политических перипетий МГБ было расформировано, на его месте был создан Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Некоторые функции бывшего МГБ были переданы милиции, и вместе с ними сюда пришли сотрудники, в том числе и Мыриков.

Николай Степанович некоторое время служил в 8-м отделении Отдела по регулированию уличного движения (ОРУД) Главного управления милиции, а потом его назначают сотрудником 18-го отделения Управления московской милиции. Так наш герой оказывается в рядах столичных правоохранителей. После упомянутой аттестации жизнь и служба Мырикова проходит в 20-м отделении ОРУД ГУВД Москвы — инспектором, старшим инспектором, инспектором службы, старшим инспектором службы. В 1958 году его выдвигают помощником начальника отделения, и через год он становится начальником 10-го отделения ОРУД.

Но нужно понимать, что это не просто какое-то вертикальное движение по карьерной лестнице. За всем этим стояла систематическая работа над собой. В первую очередь над повышением образования. Офицер активно навёрстывает упущенное в годы войны, так сказать, пряча гордость, поступает в вечернюю школу рабочей молодёжи № 160 и учится, как и служит, — на совесть. Наш герой заканчивает школу с золотой медалью, за что его поощряет лично руководитель столичных правоохранителей. Надо сказать, что курс на повышение образования Николай Степанович сохранил и в будущем — он окончил Всесоюзный заочный юридический институт, постоянно расширял кругозор, много читал, особенно специальную литературу. И заслуженно получил от коллег звание — выдающегося организатора правоохранительной деятельности.

Кстати, о том, как служил наш герой, можно судить по дошедшему до нас «Заключению на выдвижение по службе старшего инспектора службы 20-го

отделения Отдела РУД УВД Исполкома Моссовета капитана милиции Н.С. Мырикова»:

«Тов. Мыриков за период работы в учреждениях внутренних дел зарекомендовал себя исключительно трудолюбивым сотрудником. Хорошо усвоил обязанности инспектора ОРУД, свои знания правильно применяет на практической работе.

В 1956 году т. Мыриков, как лучший сотрудник, был выдвинут на должность ст. инспектора службы. За время работы в этой должности т. Мыриков также характеризуется с положительной стороны. Как командир, правильно организует службу подчинённых, при исполнении служебных обязанностей проявляет оперативность и настойчивость в выполнении поставленных задач. Имеющийся практический опыт умело передаёт сотрудникам, постоянно осуществляет контроль за их работой. Требователен к себе и подчинённым. Достаточно уделяет внимания вопросам воспитания их в духе укрепления дисциплины и улучшения качества наружно-постовой службы. Обладает организаторскими способностями, дисциплинированный, исполнительный...

Среди коллектива пользуется авторитетом и уважением».

Начальник УМВД города Москвы генерал внутренней службы 3-го ранга Василий Абрамов, подписавший этот документ, сделал вывод: «Учитывая, что по своим деловым и политическим качествам т. Мыриков может справляться с работой большего объёма, полагал бы — старшего инспектора службы 20-го отделения Отдела РУД УВД Исполкома Моссовета капитана милиции Мырикова Николая Степановича назначить помощником начальника Отдела РУД». Как мы знаем, это предложение было поддержано старшими начальниками.

Далее его назначили начальником 12-го отделения ОРУД. В 1962 году переводят в Отдел милиции Исполкома Дзержинского районного совета и назначают начальником этого отдела. Вскоре последовало новое назначение — Николая Степановича ставят во главе Отдела регулирования уличного движения и государственной автоинспекции Управления охраны общественного порядка (УООП) Мосгорисполкома — тогда так называлось ГАИ московской милиции.

Тут следует заметить, что Николай Степанович был творческим человеком и в каждое дело, которым ему приходилось заниматься, вкладывал душу. Но не только разбирался во всех тонкостях порученного дела, но и становился настоящим артистом. Причём каким!

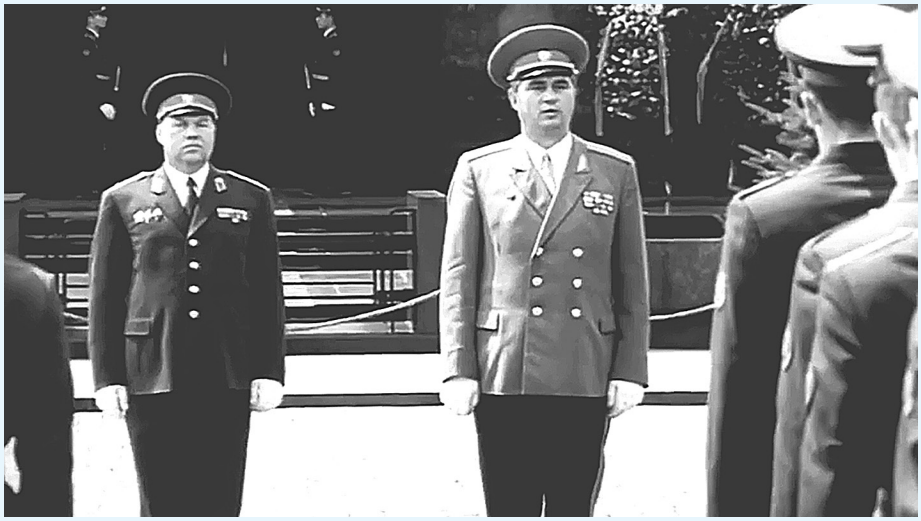
Сейчас в социальных сетях часто показывают необычную работу регулировщиков — и наших, и зарубежных . Отточенные движения рук, ловкие повороты тела, стремительное «жонглирование» жезлом и прямо-таки «автомобильные марши», исполненные обычным свистком. Так вот, глядя на этих «умельцев», нужно знать, что ещё более полувека назад орудовец Николай Мыриков всё это исполнял на таком высоком уровне, что другим и не снилось.

Если он, например, регулировал автомобильное движение у Красных Ворот или на Театральной площади, то десятки москвичей приходили посмотреть на его виртуозную работу. Высокий, симпатичный, одетый в яркий дорожный костюм, он быстро, с шутками-прибаутками разруливал любую «пробку» («пробок», естественно, было тогда меньше, но были). Просто удовольствие было наблюдать за столь профессиональным отношением к своим обязанностям. В настоящее время его легендарный свисток находится в Музее истории московской полиции.

— Он был большой, привлекательный и настолько обаятельный, что многие дети вполне серьёзно считали: это тот самый дядя Стёпа, воспетый Сергеем Михалковым, который дослужился до полковника, а потом и до генерала, — улыбается его коллега генерал-майор милиции Александр Вельдяев.

У нас есть хорошая возможность убедиться в справедливости высказанных оценок. Дело в том, что в 1970 году на обложке журнала «Огонёк» был опубликован прекрасный цветной снимок, на котором изображён полковник милиции Мыриков и несколько сотрудников ГАИ. На фоне красивого здания Московского государственного университета — молодые, симпатичные, улыбчивые стражи закона.

В декабре 1972 года Мырикова назначают на должность заместителя начальника столичной милиции. На этом очень ответственном и важном посту он установил своеобразный рекорд — находился почти



Кадр из многосерийного художественного фильма «Рождённая революцией» (1974—1977)

Служба досмотра на Олимпиаде-80

двадцать лет, до 17 апреля 1991 года. Вряд ли ещё в отечественной истории мы найдём похожий пример такого долголетия и верности одной должности.

Двадцать лет — это целая эпоха в жизни московской правоохранительной системы. Даже не обладая никакими особыми аналитическими способностями, можно представить те огромные изменения, которые произошли в организационно-штатном расписании, в подготовке личного состава, в обеспеченности его вооружением, специальной техникой и оборудованием.

Николай Степанович традиционно отвечал за охрану общественного порядка, и ему подчинялись по службе две третьих всего личного состава столичной милиции. Само собой понятно, что дел у него хватало. Чёрную «Волгу» Мырикова с номером «22—22» знали все милиционеры Москвы и, что характерно, не разбегались при виде начальства, что иногда случается в силовых ведомствах, а наоборот — шли к нему, спешили доложить, пожать руку. Все знали весёлый характер Николая Степановича, его настрой на то, чтобы не трепать лишний раз подчинённым нервы. И ценили это.

Один из его коллег вспоминал, что Николай Степанович приступал к разбору почты уже поздно вечером и этих «бумаг всегда была огромная кипа».

В Москве происходило всё самое важное и интересное в СССР. Если быть конкретным, то это такие мероприятия, как партийные съезды, сессии Верховного Совета, военные парады и демонстрации трудящихся на Красной площади — два раза в год. А были ещё различного рода международные политические, молодёжные и спортивные симпозиумы, совещания и соревнования. И каждое такое мероприятие должно было пройти без сучка и задоринки.

За это время Николай Степанович выработал целую систему мер безопасности при проведении многолюдных мероприятий в самом сердце страны — в Кремле, на Красной площади!

Многие из этих приёмов и правил действуют до сих пор, поэтому мы расскажем о тех, которые уже не являются тайной за семью печатями. Демонстрации трудящихся на Красной площади обычно проводились 7 ноября (в честь Великой Октябрьской социалистической революции) и 1 Мая (День международной солидарности трудящихся), и процедура эта была отработана до малейших мелочей. Для контроля над огромной массой людей по его предложению главная площадь страны была разделена девятью цепочками милиционеров на восемь линейных коридоров, по которым шли демонстранты: первый коридор был ближе к Мавзолею, а восьмой проходил у ГУМа. В этих цепочках в метре друг от друга стояли работники милиции в штатском — через одного лицом в разные стороны: один к Мавзолею, следующий — к ГУМу. В эти цепочки привлекались, как правило, опытные сотрудники милиции, так сказать, цвет столичной милиции — лучшие оперативники, участковые, следователи, дознаватели.

Милиционеры в этих цепочках не просто стояли и слушали лозунги, а направляли движение колонн. Они поддерживали темп движения — потому что демонстранты, доходя до Мавзолея, притормаживали и начинали рассматривать трибуну, узнавать вождей. А это ломало весь ход демонстрации.

В случае непредвиденных ситуаций, а они случались даже на Красной площади, сотрудники

милиции действовали оперативно и грамотно. Так, 7 ноября 1990 года они предотвратили покушение на стоявшего на Мавзолее Президента СССР Михаила Горбачёва. Известен случай, когда был найден пакет предположительно с взрывным устройством, который быстро обезвредили.

Многие сотрудники, участвовавшие в тех мероприятиях, и сейчас вспоминают тренировки, которые проводил по ночам на Красной площади генерал Мыриков.

— Он в одиночестве стоял на ярко освещённой трибуне Мавзолея (на месте руководителя СССР) и требовал «ещё раз и ещё раз» повторить упражнение, — рассказывает бывший начальник Главного следственного управления главка генерал-майор юстиции Виктор Довжук. — И это было очень впечатляющее зрелище, когда по его сигналу колонны одетых в специальную форму солдат и офицеров «рассекали» площадь на небольшие квадраты — в считанные секунды она переходила под контроль правоохранителей. Он умел работать с огромными массами людей, управлять ими...

— Впервые с генералом Мыриковым я вблизи столкнулся в 1975 году, — вспоминает ветеран московского ОМОНа полковник милиции Геннадий Смирнов, — во время празднования 30-летия победы в Великой Отечественной войне. Тогда ещё были живы многие фронтовики, которые в огромном количестве прибыли в Москву отметить эту дату. Практически все они посетили Могилу Неизвестного солдата. Человеческое половодье заполнило центр столицы СССР.

Был разработан следующий ритуал: ветераны в составе делегаций от армий, в которых они воевали, возложат венки к Вечному огню, а потом пройдут вглубь Александровского сада к тумбам с названиями городов-героев. Задумано было неплохо, но на практике начались трудности. Каждая группа ветеранов хотела чуть дольше задержаться у Вечного огня. И задерживалась. А сзади уже спешили другие. Нужно было как-то воспитанно и достойно, но настойчиво ускорять движение — эта нелёгкая задача пала на меня, тогда лейтенанта милиции.

Помню, приблизился к одной из групп и осёкся — во главе делегации шёл генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. Как такого человека заставить быстрее идти мимо Могилы Неизвестного солдата?

На помощь мне поспешил генерал Мыриков, который подошёл к генерал-полковнику и представился. Он от имени «всех живущих» поблагодарил героя за то, что он и его подчинённые сделали в годы войны. Потом показал на заполнивших всё вокруг фронтовиков и попросил ради них ускориться. Генерал-полковник оглянулся на это людское море и попросил своих боевых товарищей двигаться быстрее. Так было и с другими группами ветеранов...

Николай Степанович настолько отработал методику массовых мероприятий, что когда в 1980 году встал вопрос, кого поставить во главе штаба по обеспечению безопасности и правопорядка Московской олимпиады, то мнение у всех было одно — генерала Мырикова. Николая Степановича назначили начальником созданного при ГУВД Управления по расстановке сил и средств на Олимпиаде-80. Он провёл огромную работу. Так, по его предложению личный состав столичной милиции был пополнен новыми молодыми сотрудниками, причём это были современные образованные парни и девушки. Тогда на работу в главк были приняты 10 тысяч человек, направленных по рекомендации партийных и комсомольских организаций, трудовых коллективов. Олимпиада, её результаты подтвердили правильность такого шага. Милиция обеспечила её безопасность на «отлично».

И вполне закономерно, что 237 лучших сотрудников получили государственные награды — ордена и медали. Надо подчеркнуть, что деятельность правоохранительных органов Москвы в те дни до сих пор признаётся образцовой.

Следует отметить, что весь этот напряжённый труд, все усилия были высоко оценены руководством страны. Николай Степанович был награждён пятью орденами: двумя Трудового Красного Знамени, двумя Красной Звезды и орденом «Знак Почёта». А также огромным количеством различных медалей (отечественных и зарубежных), грамот, премий и просто благодарностей. Любопытно, что в те годы сотрудников часто поощряли ценными подарками, благодаря чему Николай Степанович стал владельцем огромного количества многих качественных вещей — охотничьего оружия, фотоаппарата, наручных часов, транзисторного радиоприёмника «ВЭФ-202», причём приёмником награждали даже дважды.

Но, наверное, одним из самых высоких признаний его заслуг является участие Николая Степановича в заключительном этапе съёмок выдающегося многосерийного фильма «Рождённая революцией. Комиссар милиции рассказывает». Эта картина, удостоенная в 1978 году Государственной премии СССР, заслуженно относится к лучшим образцам советского кинематографа, её герои помогли многим нашим современникам найти правильную дорогу в жизни и стать на путь служения порядку и законности. Генералу Мырикову выпала честь в десятой, заключительной, серии «Последняя встреча» провести на Красной площади приём присяги молодыми милиционерами Москвы. И как символично завершал этот эпизод прекрасный рассказ об отечественных защитниках закона!

Но надо понимать, что жизнь заместителя начальника милиции — это не синекура, где «на голову манна небесная сыплется». Трудностей хватало.

...20 октября 1982 года в «Лужниках» на Большой спортивной арене состоялся матч 1/16 Кубка УЕФА между командами «Спартак» (Москва) и «Харлем» из одноимённого города в Нидерландах. Ничем эта

игра не должна была выделяться среди других. Но увы!

Матч начался в 19.00. На 16-й минуте москвичи забили гол. Игра была скучноватой. Ближе к концу, не ожидая больше голов, значительная часть довольно замёрзших к тому времени болельщиков стала покидать свои места и направилась к выходам. Большинство болельщиков трибуны «С» двинулось к лестнице № 1, которая находилась ближе к метро. Но всего за 20 секунд до финального свистка форвард «Спартака» Сергей Швецов забил в ворота «Харлема» второй гол. Часть уже ушедших болельщиков стала возвращаться назад. На лестнице № 1 трибуны «С» в подтрибунном пространстве началась давка, которая привела к гибели 66 болельщиков.

Согласно публикациям, старший следователь Московской городской прокуратуры Александр Шпеер, расследовавший это дело, признавал, что каких-либо недоработок со стороны милиции не обнаружено. Тем не менее правоохранители понесли наказание — чтобы «успокоить общественное мнение». Генералу Мырикову был объявлен выговор.

...Непросто Николаю Степановичу пришлось осенью 1985 года, когда 30 сентября все информационные агентства сообщили неприятную новость. В Ливанской Республике прямо у стен посольства неизвестными были похищены наши дипломаты. В отношении советских представителей это был очень редкий случай, в этом регионе мира наши люди пользовались особым уважением и поддержкой. Ещё больше возникло вопросов, когда стало известно, что захват осуществили представители Организации Освобождения Палестины, нашего союзника.

В конце концов захватчики сообщили свои условия. Они потребовали, чтобы Советский Союз заставил руководство Сирии, во главе которой тогда стоял Хафез Асад (отец нынешнего президента Башара Асада), чтобы тот прекратил боевые действия против палестинцев. Восток, как известно, дело тонкое, там во всех политических нюансах очень сложно разобраться. Но чтобы советские «сообразили и шевелились быстрее», похитители пригрозили убивать наших дипломатов, и вскоре труп одного из них, Аркадия Каткова, был подброшен.

Так почему же эта история так взволновала заместителя начальника московской милиции? Ответ на этот вопрос станет понятным, когда будут названы имена захваченных террористами людей. Это были врач посольства Николай Свирский и офицеры резидентуры КГБ Олег Спирин и Валерий Мырикова. Да, это был старший сын Николая Степановича Валерий — советский разведчик в Ливане.

История эта, наверное, тянулась бы долго, если бы советский представитель во время переговоров с похитителями не пригрозил, что вполне возможен «ошибочный удар» нашей ракеты по духовному центру террористов. И вопрос был решён. Всех заложников привезли к посольству. Валерий Мырикова потом ещё не раз выполнял задачи за границей.

...А ещё был любопытный случай, о котором вспоминал бывший секретарь парткома ГУВД Москвы полковник милиции Геннадий Томин. Какая-то «добрая душа» и, естественно, «принципиальная личность» накатала на генерала Мырикова жалобу в самый партийный верх. О том, что Николай Степанович нарушает «коммунистическую мораль», живёт не по средствам — у него дача очень большого размера.

Комиссия из трёх важных партийных «контрольных лиц» прибыла на участок в Чеховском районе. Конечно, под впечатлением прочитанного, они полагали лицезреть «дворец», а увидели то, что стояло на всех обычных участках в шесть соток. Летний домик четыре на шесть метров, пара грядок, колодец, кусты смородины и клубники, над которыми «колдовала» супруга генерала. Всё было «спрятано» за символическим забором. «А чего же воспалился ум у автора сигнала?» — спросит читатель. Оказывается, домик действительно был выше своих «деревянных собратьев» сантиметров на тридцать. Но никакого второго этажа, никакой необычной высоты строения. Да, домик был чуть выше обычных двух с половиной метров, но, окажись он меньше, генералу с его двумя метрами роста пришлось бы забираться в него в полусогнутом состоянии.

...В нынешнем году исполняется 30 лет со дня событий, которые привели к величайшей катастрофе XX века — распаду Советского Союза. В зависимости от политических предпочтений часть наших соотечественников называет их «Августовским путчем», а другая часть — связывает с созданием Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению (ГКЧП). Несомненно, историки, а может быть даже и следователи, ещё разберутся в тех событиях, мы же коснёмся их лишь в той степени, в какой они повлияли на судьбу генерала Мырикова.

17 апреля 1991 года Николай Степанович был назначен руководителем ГУВД Москвы. Он являлся, по общему мнению, единственным в то время человеком в столичной милиции, который мог удержать в законных рамках ситуацию в мегаполисе. Вряд ли есть необходимость лишний раз напоминать читателю, что в результате так называемой перестройки государственный механизм был сломан и Москва в те дни превратилась в арену «политических битв».

Апогей нарастающего противоборства наступил в августе 1991 года. Часть советской элиты, стараясь предотвратить распад государства, объявила о создании ГКЧП, который назначил начальника столичной милиции генерал-лейтенанта милиции Николая Мырикова комендантом Москвы.

Казалось бы, отлично, это был тот самый шаг, которого ждал народ. Но никто из членов ГКЧП, из руководителей Министерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности и иных силовых ведомств никаких конкретных шагов больше не предпринял. Как вспоминают заместители Мырикова, которые находились с ним тогда постоянно, Николая Степановича никто не предупреждал об организации ГКЧП, никто не ставил никаких задач как коменданту, а самое главное, никто не брал на себя ответственность об издании законного приказа для конкретных действий. Приказа, как говорится, и на бланке, и с печатью! Все пытались решать проблемы «на словах».

Оказавшись в самом центре этого «августовского хаоса», он, понимая, что в большом городе любая искра приведёт к невероятному взрыву, принял следующее решение. Хотя к тому времени ГУВД уже был подчинён союзному МВД (26 марта 1991 года указом Президента СССР), Николай Степанович попросил о встрече бывшего председателя Исполкома Моссовета Юрия Лужкова. Как говорится, «обсудить актуальный момент». Встреча состоялась, и Лужков так сформулировал задачу милиции: не вмешиваться в «политические разборки», не допустить кровопролития, не дать поднять голову криминалу и обеспечить надёжное функционирование городского хозяйства. Тем и был занят начальник московской милиции и комендант города.

Уже в наши дни было подсчитано, что ГКЧП в Москве задействовал немалые силы: КГБ — спецподразделение «Альфа», 27-я отдельная мотострелковая бригада КГБ СССР; МВД — ОМОН и Дивизия имени Дзержинского; Минобороны — 106-я воздушно-десантная дивизия из Тулы, Таманская мотострелковая дивизия, Кантемировская танковая дивизия. В город было введено около 4-х тысяч военнослужащих, 362 танка, 427 бронетранспортёров и БМП. Но, несмотря на такую концентрацию людей с оружием, Слава Богу, удалось избежать большой крови — и в этом огромная заслуга столичной милиции и её руководителя генерал-лейтенанта милиции Мырикова. Тем не менее пришедшие к власти либералы сочли действия генерала на посту коменданта неприемлемыми и уже в начале сентября сообщили о его увольнении.

В отставку он ушёл 16 января 1992 года — по возрасту, с правом ношения установленной формы одежды. Выслуга лет на 1 января 1992 года в календарном исчислении составляла 45 лет, 5 месяцев, 23 дня, а в льготном — 51 год и 4 месяца! Видимо, это ещё один рекорд московской полиции.

Николай Степанович, уйдя на заслуженный отдых, не превратился в классического пенсионера, делящего своё время между рыбалкой и домино. Его опыт и мастерство были востребованы — он возглавлял службу безопасности Русского национального банка, являлся одним из учредителей охранной фирмы «Московский амулет».

Вместе с тем он старался не терять связи с коллективом, которому отдал почти полвека. Охотно вникал в жизнь подразделений столичной милиции, общался с молодёжью, делился с ней своим опытом. За огромную воспитательную работу 11 ноября 2001 года Президент Российской Федерации во время встречи с ветеранами главка вручил генерал-лейтенанту Мырикову наручные часы, которые сейчас хранятся в Музее истории органов внутренних дел Москвы.

Николай Степанович ушёл от нас 6 марта 2011 года. Он был последним советским начальником московской милиции.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА,
из архива редакции и открытых источников

Не в шахматы играть!

Помощник министра внутренних дел Российской Федерации, член Коллегии МВД России, председатель Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск генерал-полковник внутренней службы Иван ШИЛОВ поделился воспоминаниями.

— У меня многое было связано со службой, с личным составом легендарной Петровки, 38, — рассказывает Иван Фёдорович. — В главке проходили выездные заседания президиума Российского совета ветеранов, в которых лично принимали участие руководители, в том числе начальник ГУ МВД России по городу Москве генерал-лейтенант полиции Олег Анатольевич Баранов.

Генерал Шилов рассказал и о том, как, будучи первым заместителем министра внутренних дел СССР, получил поручение «шефствовать над Москвой». Не случайно его портрет находится в галерее руководителей на Петровке, 38.

— Как-то министр обратился ко мне со словами: «Иван Фёдорович, у вас получается хороший контакт с ГУВД Москвы, — вспоминает генерал-полковник внутренней службы. — Пожалуйста, возьмите шефство, принимайте в жизни московской милиции больше участия».

И я это делал с удовольствием! Тогда уже появились «горячие точки» в разных регионах Советского Союза, а потом волнения возникли и в Москве. Я в тот период постоянно бывал на Петровке, 38, всегда находился с личным составом. С ним всё делал для того, чтобы меньше было жертв, вдов, сирот. Ведь эти события порождали горе.

Однажды во втором часу ночи я приехал домой, только снял китель — телефонный звонок: с вами будет говорить президент. Так и случилось, трубку взял Михаил Сергеевич Горбачёв: «Спасибо вам, Иван Фёдорович, большое за всё (а я уже практически во всех горячих точках на территории СССР побывал, куда меня направляли), но ситуация осложняется уже и в московском регионе. Поэтому к вашей должности первого заместителя министра внутренних дел Советского Союза через тире ещё и должность начальника Главного управления МВД СССР по городу Москве и Московской области прибавляется...»

Действительно, вскоре пришлось совместно проводить совещания, встречи, работать с лицами, которые были зачинщиками волнений. Задача стояла одна — привести в порядок столицу.

По признанию Ивана Фёдоровича Шилова, в тот период времени личный состав решал особенно сложные задачи. А в августе того же года возник кризис, связанный с появлением ГКЧП. Был, например, момент, когда один из генералов прибыл на Петровку, 38 в числе вооружённых людей и заявил, что назначен Моссоветом новым руководителем ГУВД. Сел за стол начальника главка...

Когда об этом стало известно министру внутренних дел СССР, он обратился к своему первому заместителю — генералу Шилову. Мол, у вас должность такая, вы там командуете, поезжайте, разберитесь.

— Приехав на Петровку, с этим человеком я беседовал с утра, только во второй половине дня разговор закончился, — вспоминает Иван Фёдорович. — Убеждал его не доводить до силового решения вопроса. Он же ни в коем случае не собирался уходить. И тогда я использовал последнюю попытку. Генерал этот ранее был у меня в подчинении, когда мы служили в ГУУР. Я к нему обратился по имени-отчеству, как к своему заместителю в прошлом, мол, уйдите по-хорошему, без стрельбы.

Он сидел минут десять в раздумье, а потом сказал: «Если бы вы, Иван Фёдорович, вот этот ваш козырь не выбросили, я бы не ушёл. Только потому, что мы вместе с вами работали, подчинюсь...»

Авторитет генерала Шилова всегда имел огромное значение. Ранее, когда, например, возник непростой вопрос о назначении нового начальника главка столичной милиции, министр возложил эту заботу на Ивана Фёдоровича.

— Давайте, мол, кандидатуру, — продолжает помощник министра внутренних дел Российской Федерации. — Я знал всех руководителей, офицеров, а остановился на кандидатуре генерала Мырикова. Предложил его, но сразу посыпались вопросы: как назначать, он вроде бы уже в отставку по возрасту должен выходить. Я заявил, что именно Николай Степанович нам сейчас нужен, за ним пойдёт личный состав, поддержит.

Вскоре мне сообщили: «Всё-таки ваше предложение рассмотрено положительно. Поэтому поезжайте в главк, представляйте Мырикова». Я обращаюсь: «Товарищ министр, в данной ситуации надо, чтобы и вы поехали. Это очень важно».

В зале на Петровке, 38, собрался руководящий состав, в том числе из райотделов. Немного поговорили об оперативной обстановке, а потом министр внутренних дел объявил о назначении на пост начальника ГУВД Москвы генерала Мырикова. После этого известия зал встал, раздался гром аплодисментов. Было очевидно, что именно такого человека здесь ждали. И впоследствии на самом деле Николай Степанович сыграл большую роль в стабилизации обстановки. А она была, повторюсь, крайне напряжённой...

в 2003 году Иван Фёдорович Шилов возглавил Российский совет ветеранов ОВД и ВВ. Он говорит, что никогда не думал, что окажется в этом качестве.

— Мой предшественник на этом посту — генерал-полковник внутренней службы Борис Тихонович Шумилин. Когда я возвращался из горячих точек, он всегда приглашал меня на встречи с ветеранами, — вспоминает Иван Фёдорович. — В последнее время состояние его здоровья стало резко ухудшаться. Встречаясь со мной, он всё говорил: «Продолжи, возьми этот участок службы, дай согласие». Я же всё время отказывался под разными предлогами. Но однажды Борис Тихонович позвонил мне и попросил приехать к нему на квартиру...

...Когда я был ещё начальником УВД Приморского края, Шумилин несколько раз приезжал к нам в командировку. Мы тогда активно поднимали в Приморье роль общественности в обеспечении правопорядка. И это у нас получалось, особенно в Находке.

Борис Тихонович всё это увидел. Он хорошо знал меня, поддерживал. И вот, когда я приехал к нему домой, то застал его в инвалидной коляске. И смотрю: едва пообщавшись, засыпает. Его супруге говорю: «Я пойду». Сделал три шага до двери, чтобы выйти, а он очнулся и на коляске ко мне подъехал, перекрыл путь. Руки выкинул и говорит: «Иван Фёдорович, прошу при жизни, дай согласие быть председателем совета ветеранов!»

При такой ситуации, не знаю, нашёлся бы человек — чёрствый или безразличный?.. Я, конечно, сказал: «Да». А на следующий день Борис Тихонович ушёл из жизни...

Ивану Фёдоровичу досталось огромное наследство забот и хлопот. Сегодня в Российском совете ветеранов ОВД и ВВ активно действует целый ряд комиссий по различным направлениям деятельности.

— Хорошо, когда ветераны собираются в шахматы поиграть, чай попить, но я всегда подчёркиваю: уважаемые ветераны, главное, с учётом вашего жизненного пути, профессиональной подготовки, я ставлю цель — участие ветеранов в выполнении задач, возложенных на систему МВД России, — продолжает генерал Шилов. — К примеру, в минувшем году ветераны активно вносили свой вклад в работу народных дружин, опорных пунктов. Занимались профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних. Участвовали в подборе и обучении кадров, укреплении служебной дисциплины и законности среди личного состава. С помощью ветеранов раскрываются многие тысячи преступлений!

* * *

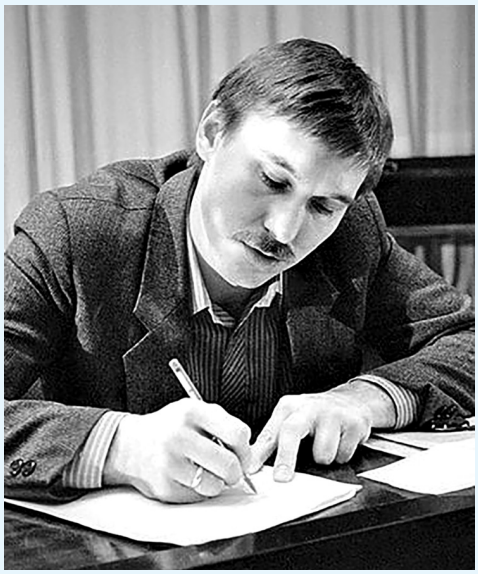
Напомним, что 3 сентября 2020 года Ивану Фёдоровичу исполнилось 90 лет. Генерал говорит, что не видит в своём юбилее какого-то особенного рубежа. И служение обществу, и жизнь в целом продолжаются. Каждое утро генерал Шилов совершает в парке близ своего загородного дома около пяти километров прогулки — так называемой скандинавской походкой, с палками. Кормит двух домашних животных: всё же полудикого кота и «овчаркунемочку». Не обходит стороной и множество спортивных тренажёров, для которых обустроил отдельное помещение.

Иван Фёдорович считает, что всегда был и сегодня обязан находиться в хорошей форме. Советует с любовью относиться к тем, кто рядом. И не сетовать на время, которое кому-то может показаться не таким славным, каким оно было в детстве. Ведь жить нужно настоящим!

Алексей БЕЛОЗЁРОВ,
фото Николая ГОРБИКОВА

Гражданин начальник

Все высокие назначения не обходятся без политической подоплёки. Но назначение политического деятеля руководителем московской милиции не могло не вызвать резонанс в обществе, как, впрочем, и в правоохранительной системе.



Что и говорить, времена были непростые. Ещё существовал Советский Союз, но уже набирала силу Российская Федерация. Начало 90-х годов прошлого века было отмечено невиданным взлётом преступности. К тому же период назначения нового начальника ГУВД Москвы пришёлся на сентябрь 1991-го, аккурат после так называемого августовского путча. Ситуация вокруг столичной милиции на тот момент была совершенно непредсказуемой.

Вы откуда и куда?

Многие пытались понять: кто же он — Аркадий МУРАШЁВ, народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, человек, занявший пост начальника московской милиции?

— Встретили меня неоднозначно: кто в штыки и с возмущением, что им навязывают «молодого демократа». А мне ведь действительно в ту пору было всего 33 года, — вспоминает Аркадий Николаевич. — Кто-то, можно сказать, и философски: мол, революционный период, молодёжь. Были те, кто действительно поддерживал.

Сомнения были небеспочвенными. Мурашёв был близким человеком Гавриила Попова, тогдашнего мэра Москвы, да и идея с назначением, понятно, исходила именно от Гавриила Харитоновича.

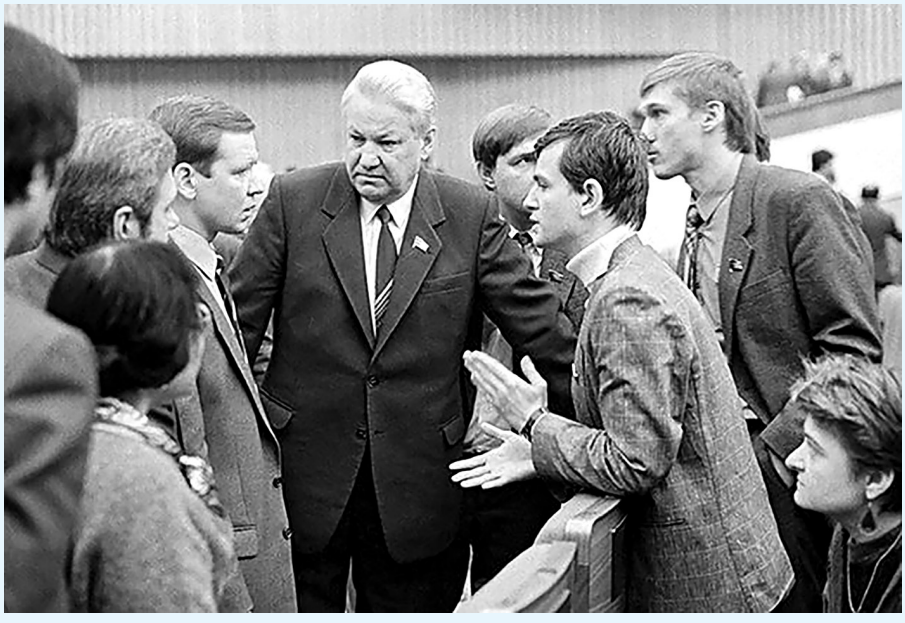
По признанию Аркадия Николаевича, предложение Попова было абсолютной неожиданностью. Сам Мурашёв никогда не имел отношения к милиции. «У меня даже приводов не было», — шутил он.

Но градоначальник взял политика на «слабо». Добились демократии и всё? А поработать не хотите?

Мурашёв рассказывает, что к лету 1991 года он и Евгений Савостьянов (начальник Управления ФСБ по Москве в 1991—1994 гг. — Прим. автора) были наиболее близкими к мэру людьми. Оба технари. За плечами первого после окончания МВТУ имени Баумана работа в Институте высоких температур Академии наук СССР, второй в прошлом инженер-геофизик.

Идея направить в столичные силовые ведомства демократических комиссаров, конечно же, принадлежала именно Гавриилу Попову. Назначив их начальниками управлений милиции и безопасности, он показывал, насколько важным было для него именно это направление.

В итоге Мурашёв согласился поработать на благо демократии, где это было необходимо. Попов считал, что ГУВД Москвы нужен человек не из системы, а тот, кто сумеет реформировать милицию, видя проблемы со стороны.



Аркадий Мурашёв (крайний справа) на I Съезде народных депутатов СССР

Генерал-майор милиции Василий Балагура

— Честно говоря, мэр был обозлён на московскую милицию, которая, по его мнению, никак не проявила себя во время путча, — делится воспоминаниями Мурашёв. — Других вариантов смены руководства в столичном ГУВД он даже не рассматривал. Только свой человек, ни в коем случае не милиционер.

И тут надо вспомнить, что ещё до путча в ведомствах был серьёзный кризис. С 1990 года существовали две параллельные структуры МВД — союзное во главе с министром Борисом Пуго и российское, возглавляемое Виктором Баранниковым. Последнему удалось подчинить всю милицию на территории Российской Федерации, кроме внутренних войск, спецназа и московского ГУВД. Главк в ту пору формально подчинялся Моссовету, реально же — союзному министерству. При этом начальник ГУВД генерал-майор милиции Николай Мыриков старался не ссориться ни с министром Пуго, ни с мэром Поповым.

Николая Степановича от должности освободил уже новый министр внутренних дел СССР Виктор Баранников, сменивший Бориса Пуго. Виктор Павлович, будучи соратником Бориса Ельцина, всё равно остался советским консерватором, а потому к идее назначить Мурашёва (а приказ о назначении начальника ГУВД всегда подписывал именно министр) относился со скепсисом. К тому же выбор у Баранникова был. Гавриил Попов, уйдя из Моссовета, стал мэром, а у депутатов был собственный кандидат на должность главного милиционера — начальник факультета Академии МВД России генерал-майор милиции Вячеслав Комиссаров.

Мырикова на пенсию проводили, но и Комиссарова так и не назначили. Обязанности начальника ГУВД Москвы исполнял замминистра внутренних дел СССР Иван Фёдорович Шилов. Моссовет за Комиссарова проголосовал, но его не утвердили.

В знак протеста депутаты Моссовета, отдавшие голоса за Вячеслава Сергеевича, даже голодовку объявили.

Руководству министерства пришлось идти на хитрость. Министром внутренних дел РСФСР был назначен заместитель Баранникова Андрей Дунаев. Он подписал сначала приказ о назначении начальником ГУВД Комиссарова. Тот, по сути, въехал в кабинет на Петровку, 38. Депутаты прекратили голодовку. А через 2—3 дня Андрей Фёдорович издал приказ о назначении на эту должность Аркадия Мурашёва, взяв Комиссарова к себе в замы.

— Сразу после моего назначения в МВД пошёл поток писем от московских милиционеров, недовольных тем, что ими будет руководить молодой физик без погон и опыта, — рассказывает Аркадий Мурашёв. — Впрочем, конфликт довольно быстро удалось погасить. Гавриил Попов собрал всех начальников районных управлений в мэрии, объяснив, что наступило время, когда на руководящих постах должны быть новые люди. Затем представил меня. Против никто не высказался, а жалобы тут же прекратились.

С заботой о ближнем

Основные сложности проявились, по утверждению Аркадия Николаевича, ближе к 1992 году.

— Вступал в силу новый закон «О милиции». По моему, может, и субъективному мнению, очень хороший закон, который впоследствии раз за разом только ухудшали. Согласно ему, милиция делилась на криминальную и муниципальную, но структурно это деление до конца ещё не было закончено. Ряды столичных правоохранителей Москвы на тот момент насчитывали более 100 тысяч человек!

Объезжая подразделения и общаясь с начальниками, руководитель столичного милицейского гарнизона с удивлением для себя выяснил, что основные проблемы для подчинённых лежали вовсе не в профессиональной плоскости, а были связаны с бытовыми вопросами — снабжением и, главное, жильём для личного состава.

— Необходимо было выстраивать мост между гражданским обществом и милицией, и я искал поддержки у городских властей. В январе 1992-го цены были «отпущены». В стране росло недовольство, а преступность никто не отменял. Профессиональные обязанности надо было выполнять в усиленном режиме. Без преувеличения, 25 часов в сутки и без выходных...

Аркадий Николаевич понимал, что у любого начальника и заместители должны быть настоящими профи:

— На тот момент мне были необходимы две ключевые фигуры на должности начальника криминальной милиции и начальника милиции общественной безопасности. И если с первой было всё понятно — это был начальник МУРа Анатолий Егоров, личность почти легендарная, пользующаяся авторитетом не только в милиции, но и у жителей, — за год до этого Егорова выбрали народным депутатом РСФСР по одному из московских округов, а конкуренция тогда была очень острая: победить кандидата от «Демократической России», находившейся на пике своей популярности, было ой как непросто.

— Со второй кандидатурой всё обстояло гораздо сложнее, — говорит Мурашёв. — Во время путча 1991 года эту должность занимал Александр Вельдяев, но против него было критически настроено руководство Москвы, которое считало, что он саботировал все их распоряжения. Попов просто откровенно требовал отдать его под суд.

Я разобрался в ситуации и понял, что Александр Алексеевич не был виноват. Держать нейтралитет было оптимальной стратегией для милиционеров того времени, когда начальства слишком много, а правовое поле противоречиво. Именно такой позиции придерживался Вельдяев, принимая весь удар на себя. Мне удалось не только избавить его от суда, но и сохранить в руководстве ГУВД, назначив начальником УВД на Московском метрополитене. Попов негодовал, но мне удалось мэра переубедить.

В том, чтобы адаптироваться в ГУВД, разбираться в сложных ситуациях и подбирать людей для назначения на руководящие должности, неоценимую помощь новому начальнику оказывал начальник управления кадров, ставший заместителем начальника ГУВД, замечательный человек и высокий профессионал Василий Иванович Балагура, к огромному сожалению, ушедший из жизни в январе нынешнего года.

При назначении начальника милиции общественной безопасности Мурашёв не прислушался к мнению мудрого Балагуры и настоял на назначении понравившегося ему при объезде милицейских подразделений начальника Таганского РУВД Леонида Никитина. Как впоследствии оказалось, это было ошибочное решение.

«Повстанцы»

В те годы народ привыкал к обрушившейся на него политической свободе. Конкурентные выборы, свободная пресса, политическая борьба, сопровождавшаяся многотысячными митингами, шествиями и демонстрациями, были совершенно новым явлением и заставляли московскую милицию искать адекватные способы сохранения общественного порядка в такой сложной обстановке.

23 февраля 1992 года на площади Маяковского прокоммунистический «Союз офицеров» устроил митинг в честь Дня Советской армии. Лидер «Союза» Станислав Терехов предложил своим сторонникам пройти по Тверской в Александровский сад и возложить венки к могиле Неизвестного солдата. На следующий день оппозиционные газеты «День» и «Советская Россия» вышли с заголовком «Кровавое воскресенье». В текстах статей красной нитью проходила информация о том, что демократическая власть впервые в своей истории применила силу против мирной демонстрации. Есть погибший — ветеран войны генерал Песков.

Разумеется, начальника ГУВД Москвы иначе как кровавым палачом газеты не называли.

— О том, что демонстранты подрались с милицией, я узнал не по службе. Мне позвонил кто-то из знакомых и сказал: омоновцы какого-то старика убили.

Я изначально был против того, чтобы мешать демонстрантам, потому что было ясно: народ, привыкший к демократии, считал, что всё разрешено и митинговать можно. Поэтому любое применение силы будет принято в штыки. Но Гавриил Попов был человеком упрямым. Ему хотелось как можно скорее изменить страну, чтобы всё было как в Европе — полиция, водомёты, резиновые пули, считая, что именно так и должна выглядеть настоящая демократия.

Мэр настаивал на запрете митинга, начальник ГУВД возражал. Обоюдно сошлись на том, чтобы разрешить коммунистам собраться на митинг на площади Маяковского, но шествие к Александровскому саду запретить, при этом перегородить Тверскую грузовиками и выставить ОМОН.

— А потом они всё равно решили идти к Александровскому саду, — продолжает повествование Аркадий Николаевич, — прорвали оцепление, перевернули один из грузовиков, подрались с омоновцами. А тут ещё этот слух об убитом старике — то ли

Митинг в Останкино. 1992 год

генерале, то ли просто ветеране. Попов был в ярости. Он требовал, чтобы я репрессировал митингующих, я этого не хотел. В тот же день я положил на стол Гавриилу Харитоновичу заявление об отставке, но к вечеру выяснилось, что старик умер вовсе не на демонстрации, а в метро, и вообще все успокоились. Мэр мою отставку не принял.

Вторым и последним конфликтом «мурашёвской милиции» с оппозиционными демонстрантами стало десятидневное противостояние с «Трудовой Россией» у телецентра «Останкино».

12 июня 1992 года на улице Академика Королёва начался бессрочный пикет под лозунгом «Долой империю лжи!». Сторонники Виктора Анпилова требовали предоставить прямой эфир своему лидеру. Эфира, естественно, никто не дал, но рядом с телецентром образовался палаточный лагерь.

— Опыт «зачистки» подобных «поселений» у меня был. В самом начале работы в этой должности. Осенью 91-го у гостиницы «Россия», прямо рядом с Кремлём, образовался палаточный городок. Там стали собираться люди со всей страны, у них были требования к Съезду народных депутатов. Кто-то хотел царя реабилитировать, кто-то Ленина похоронить, кто-то просто требовал квартиру или пенсию. Они никому не мешали, но в какой-то момент этот городок стал представлять угрозу для здоровья москвичей — началась эпидемия кожных заболеваний. Я дал приказ эти палатки ликвидировать. Всё прошло спокойно, никто даже не обратил на эту операцию внимания.

В Останкино всё было по-другому. Народу много. По ночам костры, песни поют, водку пьют. Милиция бы их не трогала, но Егор Яковлев, который возглавлял Гостелерадио, попросил Мурашёва навести порядок, потому что сотрудники телевидения жаловались на дискомфорт, на то, что невозможно работать в атмосфере морального террора. Идёт какой-нибудь оператор на работу и должен пройти сквозь строй пикетчиков, которые что-то кричат, бросаются бутылками, избить могут.

— Я тогда был президентом Федерации шахмат России, и мы с Гарри Каспаровым должны были лететь на Филиппины на шахматную Олимпиаду, — продолжает Аркадий Николаевич. — Впервые Россию представляла собственная команда. Это было очень интересное мероприятие, а у телецентра беспорядки. Я понял, что не смогу спокойно уехать, оставив всё как есть.

К тому времени Мурашёв уже договорился с новым мэром Москвы Юрием Лужковым (Гавриил Попов в мае отошёл от дел по состоянию здоровья), что тоже уйдёт в отставку. Был намечен и его преемник на должность начальника московского главка. Кандидатура начальника милиции общественной безопасности, заместителя начальника ГУВД Москвы полковника милиции Леонида Никитина уже была одобрена Юрием Лужковым. Именно ему Мурашёв и поручил ликвидировать палаточный лагерь на улице Академика Королёва.

— Хотел, чтобы Леонид Васильевич показал и мне, и Лужкову, на что он способен, — объясняет Мурашёв. — Вместо этого он начал саботировать

моё распоряжение. Боялся ответственности. Приходит ко мне Никитин с планом разгона палаточного пикета. Согласно этому плану ему нужно 5 тысяч бойцов Софринской бригады внутренних войск (в то время численность бригады, по утверждению ветерана соединения полковника в отставке Анатолия Епифанова, составляла порядка 3200 человек, поэтому физически такое количество набрать было просто невозможно — Прим. автора) и ещё 5 тысяч московских омоновцев. Я говорю: что за бред, давайте новый план. Приносит новый: 4 тысячи бойцов. Какой-то саботаж! Убедившись в том, что Никитин совершенно неспособен выполнить поставленную задачу адекватными средствами, я его, разгорячившись, и уволил прямо на этом заседании оперативного штаба. Так он моим преемником и не стал.

Руководить операцией Аркадию Николаевичу пришлось лично. Помогали ему в этом заместитель командира московского Отряда милиции особого назначения Вячеслав Козлов и заместитель начальника Управления охраны общественного порядка Геннадий Фекличев с пятьюдесятью бойцами ОМОНа.

В пять часов утра 22 июня городок был «демонтирован» милицией. Произошло это, когда вся водка была уже выпита, все речи произнесены и уставшие пикетчики уже или спали, или готовились ко сну.

— Бойцы тихо, мирно погрузили их в автобусы, отвезли на другой конец улицы Королёва. На углу с Новоостанкинской была автостоянка. На этой стоянке их выгрузили и блокировали. Никто не сопротивлялся, никаких задержаний, никаких протоколов, просто перетащили их на пару километров от телецентра. Потом привезли их палатки и сказали: стойте тут, а к телецентру больше не суйтесь. И я спокойно улетел в Манилу.

Уходя — уходи

— Когда в мае 1992 года новым главой Москвы стал Юрий Лужков, он мне честно сказал, что на моём месте видит другого человека. У Лужкова было своё видение того, каким должен быть начальник главка. Это — убелённый сединами генерал, а я в свои тридцать с небольшим в глазах Юрия Михайловича выглядел несолидно. У меня вообще никакого звания не было, я не считал возможным стать генералом, не служа с самого низа. Новый мэр в откровенном разговоре указал мне на то, что я политик и занимаюсь не своим делом, с чем я и не спорил, а потому мы стали советоваться насчёт новой кандидатуры на моё место. И я начал подбирать преемника, чтобы передать работу.

Никитин отпал. Мурашёв перебирал всех действующих начальников в главке, понимая, кто нужен Лужкову, но не мог ни на ком остановиться. И вот как-то он услышал об интересной судьбе бывшего начальника ГАИ ГУВД Мосгорисполкома полковника милиции в отставке Владимира Панкратова, дважды «попадавшего под раздачу» и дважды добиравшегося до начальнических высот. (Ещё в 1970-х он возглавил экспериментальную спортивную

Муниципальная милиция Москвы

А. Обойдихин, А. Мурашёв, В Пронин

спецгруппу при московском главке МВД, в которую входили самбисты, биатлонисты и стрелки. Группа была нацелена на купирование возможных нападений на иностранные посольства и борьбу с террористами. 2 ноября 1973 года Панкратов руководил успешной операцией по освобождению заложников, захваченных террористами в пассажирском самолёте Як-40 в Москве. Будучи ещё рядовым оперуполномоченным, он лично провёл более 100 задержаний преступников, причём многие из бандитов были вооружены — Прим. ред.).

— Я заинтересовался, и в начале сентября пригласил Владимира Иосифовича на встречу. Он произвёл на меня прекрасное впечатление: спокойный, уверенный в своих силах. Лужкову он тоже понравился, я вернул его из отставки и назначил своим первым заместителем. Все были довольны этим назначением, и накануне Дня милиции, 9 ноября 1992 года, Лужков освободил меня от занимаемой должности и назначил Панкратова начальником ГУВД.

За время работы на посту начальника ГУВД Москвы Аркадий Мурашёв провёл деполитизацию органов, осуществил чрезвычайно громоздкую работу по реорганизации структуры главка в связи с реформой административного управления городом. Преобразовать 33 районных управления в 10 окружных и 108 районных — та ещё задачка. Попытался создать новую муниципальную милицию за счёт городского бюджета, добился регистрации всех преступлений, из-за чего показатели преступности, естественно, выросли. Собранная Мурашёвым команда руководителей проработала практически без изменений при нескольких последующих руководителях главка, а начальник РУБОП Владимир Рушайло через какое-то время даже стал министром внутренних дел РФ.

В 1993 году Аркадий Мурашёв снова вернулся в политику, став депутатом Государственной Думы от фракции «Выбор России». В 1995-м стал председателем Центра либерально-консервативной политики. В то же время начал работать в компании «ЭППА-Европейские консультанты» (European Public Policy Advisers Russia), специализирующейся на консалтинге в сфере управления рисками, которой и руководит по сей день.

Спустившимся с небес

Хотелось бы упомянуть и ещё один исторический факт периода нахождения Мурашёва на посту начальника главка, так как он имеет самое непосредственное отношение к нашему изданию.

Сначала немного предыстории. В середине 1991 года на отечественный рынок вышла американская вертолётная компания Bell Helicopter. Руководству ГУВД Москвы зарубежные партнёры предложили провести обучение наших милиционеров в полицейском отделении вертолётной Академии компании Bell Helicopter Textron для последующего создания в Москве вертолётного подразделения.

Для изучения данного предложения в штаты отправился заместитель начальника главка генерал-майор милиции Василий Балагура.

По условиям будущего договора, Bell Helicopter предоставлял столичным правоохранителям вертолёт Bell 206 Long Ranger для испытаний на год, с нанесением на борт геликоптера символики милиции Москвы.

Что и говорить, предложение выглядело заманчивым. Поэтому вопрос финансирования обучения был поставлен перед Правительством Москвы. Милицейскому руководству пошли навстречу, с американцами был подписан договор.

В короткие сроки в группу, направлявшихся на учёбу в США, были отобраны сотрудники милиции, имевшие отношение к авиации. Перед отправкой за рубеж все кандидаты прошли ускоренные курсы обучения английскому языку, которые проводились непосредственно в главке.

В Америке сотрудникам предстояло обучение по трём специальностям: электрик, механик и пилот-обозреватель.

— О том, покупать или не покупать вертолёты, речь пока не шла. Сначала испытаем, а там примем решение, — рассказывает Аркадий Николаевич. — По прибытии наших милиционеров в Москву был сформирован небольшой авиаотряд — временная вертолётная группа с местом базирования в Солнцево, на территории научно-производственного объединения «Взлёт».

Историческая презентация винтокрылой машины и символическая передача представителями Bell Helicopter ключей милиционерам состоялась 18 мая 1992 года на Манежной площади столицы. Так началась служба милиционеров-вертолётчиков.

— Вертолётом мы пользовались больше года, — продолжает рассказ Аркадий Николаевич. — Я сам летал, другие руководители тоже. Проверяли в деле. По истечении срока контракта с американцами мы поняли, что сам вертолёт и его обслуживание обходились городской казне дорого. А ведь для патрулирования мегаполиса одной машины явно не хватало. Денег в бюджете было в обрез, а потому Правительство Москвы, которое финансировало проект, решило отказаться от покупки. Уже велись отечественные разработки в вертолётостроении, направленные как раз на формирование милицейского подразделения, и внимание переключилось на наши заводы.

На тот момент было вакантное место главного редактора газеты «Петровка, 38». Кандидатур на эту позицию было несколько, но поскольку в вертолётной группе заместителем командира и одновременно пилотом был Александр Обойдихин с подходящим образованием, неоднократно публиковавшийся в газетах «На боевом посту» (предшественнице газеты «Петровка, 38»), «Московская правда» и имевший опыт работы в Центре общественных связей ГУВД, выбор решено было остановить на нём. Я пригласил Александра Юрьевича к себе на беседу, буквально сняв с вертолёта. В результате разговора мы не сразу (для Обойдихина это было абсолютно неожиданное предложение), но пришли, как модно говорить, к консенсусу и пожали друг другу руки.

Так волею судьбы и Аркадия Мурашёва у еженедельной газеты московского правоохранительного гарнизона и появился главный редактор Александр Обойдихин.

Связанные одной целью

Говоря об Аркадии Николаевиче, нельзя не сказать о его супруге Ольге Мурашёвой.

В восьмидесятые годы прошлого столетия оба они учились в МВТУ имени Баумана. Оля Кузнецова, сменившая на третьем курсе фамилию на Мурашёва, родилась в семье офицера. Её отец Владимир Кузнецов прошёл войну и потом долгие годы служил в одном из главных управлений Минобороны. Владимир Александрович принимал участие в испытаниях первых образцов ядерного оружия.

Аркадий был для Ольги не только товарищем по учёбе, а как говорят, «человеком одной группы крови» — он ведь тоже вырос в семье военного. Ольгу Владимировну Мурашёву правоохранители столицы прекрасно знают по многолетней работе созданного ею Благотворительного общества «Мария».

Деятельность «Марии», крупнейшей благотворительной организации, работающей с московской милицией/полицией в течение вот уже почти тридцати лет, не позволяет семье Мурашёвых терять связь со столичными правоохранителями и по сей день. «Мария» оплачивает лечение тяжелобольных детей сотрудников главка (особенно с ДЦП), вместе с Советом ветеранов организовывает помощь престарелым сотрудникам, организует детские праздники. В 2000-х годах осуществляла большие спортивные и культурные проекты.

Аркадий и Ольга Мурашёвы. 1998 год

А сам Аркадий Николаевич по мере сил и возможностей всегда поддерживает супругу в её благородном деле — благотворительной помощи правоохранителям Москвы.

Из семейного архива А.Н. Мурашёва

Мама Аркадия Николаевича Александра родилась в глухой сибирской деревне на реке Лене. У бабушки было 16 детей, из которых выжили только девять, а остальные умерли в младенчестве. Мама родилась предпоследней (младше её был только один брат).

Переехав в Иркутск, познакомилась с будущим отцом Аркадия Николаем. Он был тоже родом из Сибири, из большой, дружной, работящей семьи. Семью его раскулачили в 30-е годы прошлого века и сослали на Дальний Восток, на территорию нынешней Еврейской автономной области.

Дед Мурашёва, полковой связист, геройски погиб на фронте в мясорубке подо Ржевом 2 июля 1942 года.

Второй дед был расстрелян в 1939 году.

С ним связана одна интересная история, которая, увы, и привела к трагической развязке.

— Дед во время Первой мировой войны воевал в действующей армии, — делился в одном из интервью Аркадий Николаевич. — И был он, что называется, комвзвода по-нашему. А во взводе у него в подчинении — молодой солдатик по фамилии Блюхер. Потом дед был ранен и с изуродованной рукой демобилизован. Вернулся на родину в деревню, а Блюхер стал героем Гражданской войны и одним из первых наших маршалов. Деда забавляло то, что он когда-то давал наряды вне очереди будущему военачальнику. И будучи по характеру человеком весёлым, любил об этом рассказывать.

В 1930 году, когда в стране создавали колхозы, на общем собрании встал вопрос о том, как колхоз назвать. Дед поднял руку и сказал: «А давайте назовём в честь первого маршала, героя Гражданской войны Василия Константиновича Блюхера». Все согласились. Так и порешили: «Колхоз имени Блюхера».

А в 1938-м, когда начали переименовывать всё, что было названо именами репрессированных (а Блюхер, как известно, попал в эти жернова), встал вопрос: а кто это, собственно, предложил-то? И тут, конечно, нашлись «доброжелатели», которые вспомнили кто. Деда моего арестовали, а потом, в 1939 году, расстреляли.

Отец Аркадия Николаевича окончил военное училище и стал лётчиком-истребителем. Часть дислоцировалась в Китае, потом её перевели в Польшу. Проездом из Китая в Польшу, дома, в Иркутске, он и женился на своей избраннице — будущей маме Аркадия, забрав её с собой в ПНР.

Поселилась молодая семья вблизи западной границы Польши, на территории бывшей Германии. Сейчас это Зеленогурское воеводство.

Много позже Аркадий Николаевич подружился с писателем Владимиром Войновичем, автором знаменитого романа о солдате Чонкине. Как-то в дружеской беседе Владимир Николаевич упомянул, что в 50-х годах он служил в Польше в авиачастях. И когда сказал, что служил в городке с названием Шпротава, который никто не знает, Аркадий Николаевич встрепенулся: «Как это не знаю, когда мы там жили?» Шпротава совсем маленький городок, в нём даже роддома не было, поэтому родился Мурашёв 2 декабря 1957 года в близлежащем городе Жагань.

Отец его был лётчиком, а Войнович служил механиком на том же аэродроме. И писатель был поражён этим обстоятельством. Оказалось, что именно в Шпротаве в том же полку, собственно, и служил солдат, послуживший прототипом Ивана Чонкина.

Отец Аркадия Николаевича, завершив обучение в Военно-воздушной академии в подмосковном Монино (ныне носящей имя Ю.А. Гагарина), продолжил полёты.

В конце концов семья Мурашёвых осела в Москве. Аркадий пошёл в школу, по окончании которой поступил в МВТУ имени Баумана. После был распределён в Институт высоких температур Академии наук, где проработал почти 10 лет до того момента, когда началась перестройка. Как человек социально активный, он не мог пройти мимо перемен, охвативших страну, и принял участие в политической жизни государства. В 1989 году он избирается народным депутатом СССР (Комитет по науке, культуре и образованию).

Сергей ОСТАШЕВ,
фото Николая ГОРБИКОВА,
из архивов редакции и Аркадия МУРАШЁВА

Сыщики и карманники эпохи «дикого» рынка

Профессионал розыска полковник полиции в отставке Владимир МАРТИРОСОВ.

Тема разговора с ним — «рынок и… воровские отношения» 90-х годов. Многое из того, что рассказал сыщик, не потеряло актуальности и в наши дни.

С Владимиром Александровичем, тогда ещё майором милиции, мне впервые довелось познакомиться в те далёкие 90-е годы... на Рижском рынке. Руководство МВД России проводило на этом и других рынках столицы секретную операцию — «зачистку» карманников. Собрали на неё лучших сыскарей страны. Приказом свыше в группу Мартиросова снарядили для «освещения» и нашу группу — Телестудии МВД России. Скрытой камеры нам не дали, поэтому снимали громоздким «Betacam», укрытым курткой. Владимир вскоре указал на объект: стройную женщину в лёгкой несмотря на мороз курточке и легинсах, которая вертлявой змейкой скользила меж торговых рядов. Но ни одного задержания мы в тот день так и не сняли...

Владимир Мартиросов (второй справа)

— Владимир Александрович, предваряя этой историей нашу беседу, хотелось, чтобы вы привели пример «классического» задержания.

— Работали мы вчетвером. Приезжаем на машине, скажем, на станцию Щёлковскую. Вместе с оперативником Александром садимся вслед за вычисленным нами карманником в троллейбус, проезжаем две-три остановки, задерживаем его с кошельком. На следующей остановке передаём его ребятам в машину сопровождения. Там Анатолий надевает ему наручники. Жулика отвозят в ближайшее отделение милиции. Мы остаёмся вдвоём с Александром на остановке. И тут прямо на нас вываливается из троллейбуса ещё один карманник с кошельком. Скрутив его, спрашиваем: «У кого взял?» Потом звоним нашим: «Приезжайте за вторым!» В день по два задержания было... Объектом повышенного интереса у воров были оптовики. После «трудового дня» на рынке они возвращались полные денег. Утром ехали на троллейбусе в одну сторону от Щёлковской, после обеда — в обратную. На этих маршрутах очень плотно «работали» карманники, налетали как вороньё. Даже не хватало на них рук. И кого только не брали! Из Ессентуков, из Львова, Днепропетровска, контингент самый разношёрстный. Узбеки и таджики, которых выгнали со строек и которые ничего больше не умеют делать, тоже пытаются что-то украсть. Но пока за ними следишь, кто-нибудь серьёзный входит — и на него сразу переключаешься. Машина сопровождает сзади. Интересно было работать. Говорят мне: книгу пиши!

Отдел у нас поначалу насчитывал сначала 50 человек. 15 человек офицеров, остальные — младшие инспекторы. С 1980 года, когда в каждый РУВД отдали по штатной единице по «карманке», половина сотрудников не занималась карманными кражами, а только разносила повестки. А потом «под Олимпиаду» создали отдел по карманным кражам — 150 человек. Большая сила. В каждом универмаге — в ГУМе, ЦУМе, «Детском мире» — работала самостоятельная группа — 4—5 человек, которая могла эффективно

ходить, следить и задерживать. Сейчас таких гипермаркетов десятки по Москве. Но мне, честно говоря, не по душе была работа в универмагах.

— А почему?

— Неинтересно. Моя группа работала только на транспорте. Тут, можно сказать, имела место борьба умов и квалификаций. Тот, кто работал в магазине, не сможет служить на транспорте. Представьте огромный движущийся пассажиропоток, среди которого надо вычислить наших клиентов. Здесь надо иметь навыки аса наружного наблюдения. И наши профессионалы ими обладали. Нашим коллегам из «наружки» нельзя приближаться к объекту ближе определённого расстояния. Мы пасли жуликов буквально у них «на спине». А карманный вор — это ходячий фотоаппарат, зафиксирует моментально. Я иду за ним и интуитивно знаю, когда он обернётся, буквально за мгновение ухожу в сторону. И уже угловым зрением вижу, как он повернулся и что делает. А он уже копается в вещах или сумке. В этот момент «наивысшего напряжения» вор отключается и уже ничего вокруг не видит. Он руку свою тянет вниз, и, как начинает вытаскивать кошелёк, тут же её перехватываешь и обратно на «исходную». Попался. И уже выясняешь, чей кошелёк, имя потерпевшего... При подсаде на транспорте в этот момент женщина тоже вообще ничего не чувствует. Вор перевернёт всю сумку, она ничего не заметит.

В практике были и другого рода фигуранты. Следишь за его рукой, готовясь перехватить, а он... юбку у девушки симпатичной подымает. Сам красный, потный, пыхтит, как паровоз. Эти извращенцы по повадкам от карманников ничем не отличались. Проедешь за ним три остановки, пока разберёшься, думаешь, вот сволочь, морду бы тебе набить. «Грелы» мы их называем. За одним четыре дня следили, не могли понять. А когда поймали с поличным, отвели в 110-е отделение милиции, где он поведал свою «печальную историю» внешне добропорядочного семьянина, отца двух детей.

В Доме обуви наша группа тоже плотно работала. Пришлось даже попросить комнатку небольшую, чтобы посидеть, передохнуть, поскольку ноги, образно говоря, «отваливались». С утра на остановке выходили спекулянты-перекупщики, а к вечеру уже основная масса покупателей вываливалась из магазина. Воры в транспорте охотились на денежных людей, а мы — на воров, перехватывая их. Смотришь на человека, примелькался, уже не первый раз ездит по маршруту, сначала в одну, потом в обратную сторону. Только приметили, куда глаз упал, — сразу за ним. Наш!

— Ваша жена не ревновала вас к вашей работе?

— Бывало, даже помогала. Однажды мы с супругой и зятем, музыкантом-клавишником по профессии, поехали на рынок. А я в трамвае выбираю такое место, чтобы тебе было всё видно, а тебя самого — нет. Устроился по привычке на задней площадке. Смотрю, входит парнишка, шныряет глазами, «наколол» даму с сумочкой и сразу сел позади неё. Говорю зятю: «Коля, видишь эту женщину? Когда я выйду из трамвая, скажи, что у неё украли кошелёк». Когда парнишка вытащил кошелёк, я мигом за ним – и сразу скрутил, тот даже на остановке не успел сойти. А Коля очки протирает, как стоял, так и стоит. Жена встрепенулась: «Женщина, у вас кошелёк пропал!» Тут голос какого-то парня: «Мужчина, вот кошелёк на полу, наверное, она уронила». Всё же успел сбросить! Поднимаю его, говорю: «Ладно, сегодня прошло у тебя!» И не удержался, дал пинка на прощание. Сошли мы на остановке у рынка, а женщина всё шла за нами вдоль торговых рядов и благодарила, никак успокоиться не могла, буквально молилась на меня. Оказывается, в той сумочке-косметичке находились не деньги, а пачка накладных на товар в нескольких вагонах. В 1981 году электронного документооборота в помине не было. И простой железнодорожного состава обернулся бы громадными штрафами. А воры (был и напарник, который успел улизнуть) выбросили бы сумочку без единой копейки за ближайшим углом за ненадобностью.

— А какую наибольшую воровскую группу задерживали?

— Однажды на троллейбусе № 25, практически пустом, на Бауманской мы втроём брали пятерых воров. Они «развели» мужчину с женщиной. У мужчины был портфель с откидным клапаном. На него-то и нацелились. Обступили со всех сторон, все мужики благопристойного вида: в ондатровых шапках, дублёнках, мохеровых шарфах. Один из них незаметно открыл портфель и передал кошелёк, который тут же «растворился» среди подельников. Когда всю группу доставили в отделение милиции, выяснилось, что среди них был и бывший хоккеист «Спартака» Лёвка Михеев. А женщина рассказывала: «Я была в шоке, не могла понять, почему пятеро столпились вокруг нас, хотя впереди салон пустовал». А один из жуликов, по её словам, смахивал по виду на директора завода. Попали они по полной программе и серьёзной статье: действовали группой. Кстати, тогда отягчающим обстоятельством было и применение технических средств: будь то бритва или автомобиль. Всё конфисковалось в пользу государства. Сейчас ничего нельзя конфисковать. Нет такой статьи. Только возврат похищенного. Кстати, интересный опыт в Армении. Хочешь выйти на свободу — верни украденное. И большинство посчитали со счетов и принесли. Разве плохо для казны?

— Говорят, Рижский рынок для сыщика был серьёзной школой оперативного мастерства.

— Рижский рынок в начале 90-х годов был, пожалуй, самый крупнейший, куда «нэпманы» с многих республик бывшего СССР привозили свой товар, который сами шили. Сначала были лоточки, талончики выдавали с номером места торговли, стояли, как вдоль трассы. Сам рынок переходил из рук в руки: «солнцевские», «мазуткинские», чеченская,

дагестанская ОПГ. Кого только не было... И со всего постсоветского пространства слетались сюда жулики и карманники. По 15—20 уголовных дел заводилось ежедневно. В 19-м отделении милиции, обслуживавшем Рижский рынок, очередь потерпевших с заявлениями часто выходила на улицу. И когда мы с группой пришли туда работать, в день делали по своей «кафедре» не менее чем по три дела. А вскоре наступил период, когда начались неприкрытые грабежи. Продавцы из Польши привозили сумки с часами, джинсами, вещами для оптовой продажи. И «оптом» эти сумки у них отбирали. Смотришь, у кого-то в углу карманы потрошат. Просто полный беспредел! У одного поляка золотые часы сняли. С напарником бросились вслед за грабителем. И когда я перебегал дорогу, попал под машину. Упал, отделался лёгкой травмой.

В общем, на рынке я, конечно, многое повидал, многому научился. Я без него не мог. Ехал с шести утра, скажем, в Лужники, до обеда делал «палку», задерживал кого-нибудь из жулья, а потом с чистой совестью с группой уезжал на машине на трассу. И там тоже успешно с энтузиазмом работал.

Потом пришла вторая группа Ивана Агрбы, легче стало. Квартирных воров задерживали, лиц с оружием, всякого рода мошенников и множество цыган. А суммы какие были после продаж: деньги дипломатами увозили! А если впустую целый день, ноги отваливаются, то и приходишь злой. «Чего злой?» — жена спрашивает. Объясняешь... Поэтому я не мог просто высиживать в кабинете. Шеф приезжает, и я после обеда уезжаю на дело. И даже подполковником тоже ходил на «охоту». Не мог иначе. Только вот когда стал полковником и начальником отделения, перешёл на другой режим. Это была моя любимая работа.

P.S. В тот день, когда наша телегруппа уже покинула «поле слежки», группа Мартиросова задержала трёх воров. В том числе уже в метро даму в легинсах. С украденным кошельком. Она потом сказала, что сразу «просекла» тех ребят с камерой...

Беседовал Сергей ДЫШЕВ,
фото из архива Владимира МАРТИРОСОВА

Борьба, на помосте и вне его

О том, кем был Владимир Иосифович ПАНКРАТОВ, многие москвичи узнают ещё в подростковом возрасте. И не потому что смотрят и читают старую милицейскую хронику. А потому что занимаются спортивными единоборствами. Если ты юный самбист или дзюдоист, то либо посещаешь клуб, названный его именем, либо соревнуешься с соперниками на турнире в его честь, либо имеешь в своем арсенале приёмов знаменитую «панкратовскую подсечку».

Родился Владимир Панкратов 13 мая 1939 года в Москве в многодетной семье. Его отец Иосиф Игнатьевич — сапёр, участник Великой Отечественной войны, вернулся с фронта инвалидом первой группы.

Учась в школе, Володя Панкратов стал заниматься гимнастикой, а затем и самбо. Со временем став большим спортсменом, мастером спорта международного класса по самбо и дзюдо, призёром первенств СССР, чемпионом Европы, участником советской олимпийской команды, на ковре Панкратов боролся великолепно, работал в наступательном резком стиле. Зрители и специалисты специально ходили смотреть «на Панкратова».

Но для нас куда важнее, что Владимир Иосифович был милиционером до мозга костей. После окончания Московской специальной средней школы милиции МВД СССР в 1958 году он пришёл служить помощником оперуполномоченного отдела спецслужбы УВД Мосгорисполкома. Будучи ещё рядовым опером, он лично провёл более 100 задержаний, причём многие из обезвреженных им преступников были вооружены.

В 70-х Владимир Панкратов возглавил экспериментальную спортивную группу при столичном главке, в которую

входили самбисты, биатлонисты и стрелки. Группа была нацелена на купирование возможных нападений на иностранные посольства и борьбу с террористами. В деле группа показала себя, в частности, 2 ноября 1973 года, когда Панкратов руководил успешной операцией по освобождению заложников, захваченных террористами в пассажирском самолёте Як-40.

За годы службы Панкратов побывал на различных руководящих постах в столичном ГУВД. Был и начальником Управления по охране общественного порядка, и начальником московской ГАИ.

Работая в этой должности, Панкратов стал неудобен многим. Чего стоила его инициатива по установке прежде «блатных» номеров на автомобили инвалидов и коммунальных служб и по сокращению количества машин с мигалками с 5 тысяч до 500! Социальный заказ обиженных чиновников поначалу закончился выговором «за нарушение этических норм». А потом горком КПСС и другие партийные инстанции стали давить на ГУВД как своими «решениями», так и через партийную печать. Пришлось Владимиру Панкратову перейти в «тихую заводь» — на пост начальника отдела организационно-массовой и физической подготовки Московского общества «Динамо».

Оглядываясь назад, можно констатировать, что отношения КГБ и милиции в советские времена были совсем не простые. Зато у спортсменов-динамовцев никаких споров из-за ведомственных противоречий не было. Как-то на одном из заседаний Центрального совета общества «Динамо», на котором присутствовал Ю.В. Андропов, один из выступавших спортсменов-динамовцев сказал: «Над милицией и КГБ есть ещё одна структура, более важная». Юрий Владимирович удивлённо поднял брови: что может быть важнее КГБ? А выступавший добавил: «Это общество «Динамо». Андропов сразу разулыбался.

Но вернёмся к Панкратову. Через два года после увольнения — новый поворот в жизни и карьере. Он вновь надел генеральскую форму и прибыл на Петровку, 38, чтобы возглавить родное ему ГУВД Москвы. Случилось это в сложнейший период, когда страну сотрясал не только экономический кризис, но и политические катаклизмы.

В октябре 1993 года во время противостояния между президентом и парламентом склонить Панкратова на свою сторону пытались многие. Московская милиция стала главной силой, которая сумела выстоять и предотвратить массовое кровопролитие. Если бы не она и не принципиальная позиция Панкратова, могли бы погибнуть тысячи, если не десятки тысяч людей.

В то время происходившее в Москве определяло и отношение всей страны к конфликту. Сам Панкратов был, что называется, на переднем крае. После его пребывания в течение нескольких дней во временном штабе ГУВД в гостинице «Мир», из бронежилета генерала вытащили три пули.

В 90-е с их шараханьями из одной крайности в другую усидеть сколько-нибудь долго в начальственном кресле, не меняя своих позиций, было практически невозможно. После убийства Владислава Листьева крайними оказались Панкратов и прокурор Москвы Геннадий Пономарёв. Оба ушли в отставку.

С 1995 года Владимир Панкратов был начальником Управления гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций Москвы. Но по свидетельству очевидцев, эта деятельность не приносила ему ни того душевного удовлетворения, ни того ощущения постоянной востребованности, что сопровождали его предыдущую службу.

Владимир Иосифович Панкратова умер в феврале 2007 года. Но память о нём сохраняется в спортивных мероприятиях и объектах, названных его именем. Именем спортсмена, бойца, настоящего милиционера и человека, преданного своей Родине.

Артём КИРПИЧЁВ,
фото из архива Николая ГОРБИКОВА

Генерал-полковник начинал с рядового

В общедоступной Википедии короткая статья о генерал-полковнике милиции Николае Васильевиче КУЛИКОВЕ начинается сухой, лаконичной формулировкой: «Советский и российский деятель органов внутренних дел». Между тем речь идёт о руководителе, который достойно возглавлял столичную милицию с 1995 по 1999 год, в непростое для страны время, вошедшее в историю как «лихие девяностые». Августовский путч, невыплаты зарплат и пенсий, конституционный кризис, война в Чечне, либерализация цен, денежная реформа 1993 года, всплеск организованной преступности… Удержать руль самого большого в стране гарнизона милиции в эпоху политических штормов, передела собственности и проверки на прочность борцов с преступностью помогли огромный профессиональный опыт и отменная работоспособность.

В правоохранительных органах всегда ценятся люди, прошедшие все ступени профессиональной карьеры, это позволяет избежать дилетантских решений. Генерал Куликов начинал свою службу с рядового милиционера.

Точка отсчёта — 1972 год: в Москве выдалось особо знойное лето, открылось семь новых станций метро, а москвичи по вечерам смотрят новый телевизионный цикл «Следствие ведут ЗнаТоКи». Именно тогда, в 1972-м, недавно вернувшийся из армии уроженец села Субботово Коломенского района Московской области Николай Куликов поступает на службу в московскую милицию. Вряд ли тогда кто-то догадывался, что рядовой Куликов из 133-го отделения милиции когда-нибудь станет главой всего московского гарнизона. А вот интерес к службе у него проявился с первого дня.

— В свободное от службы время я помогал старшему инспектору уголовного розыска по делам несовершеннолетних Александру Васильевичу Словеснову, — вспоминает Николай Васильевич. — Мы с ним ходили по подвалам, притонам, доставляли несовершеннолетних в отделение милиции. Я тогда жил в общежитии, свободного времени у меня было много, а работа в уголовном розыске меня очень даже увлекала.

Увлечённого нового сотрудника вскоре заметило руководство 133-го отделения, и уже в 1973 году он получил предложение занять должность младшего инспектора уголовного розыска по борьбе с карманными кражами. Этот период Николай Васильевич до сих пор считает знаковым в его биографии.

— Работа личным сыском в этой группе дала мне важный жизненный и профессиональный опыт, который очень пригодился в дальнейшем.

Неизвестно, как бы могла сложиться его карьера, если бы он соблазнился на поступившее тогда новое предложение: перейти в отдел политико-воспитательной работы, да к тому же на офицерскую должность. Но муровское удостоверение оказалось ему дороже, тем более что интерес к работе сыщика у него только возрастал.

Через год, в 1974-м, его перевели в 78-е отделение милиции с повышением в должности: из младшего инспектора УР вырос в инспектора. Николай Васильевич вспоминает, что когда принимал дела у уходящего на пенсию бывшего фронтовика и ветерана угрозыска Ивана Никаноровича Митина, то был поражён, в каком идеальном порядке у него содержались все служебные бумаги: «Благодаря ему я понял, что такое «высший пилотаж» работы с документами и с агентурой».

Любопытный штрих: генерал Куликов, наверное, ещё и потому стал генералом, что всю жизнь

не стеснялся у кого-то учиться. И всех своих наставников и учителей он потом всю жизнь будет вспоминать только с благодарностью.

В 78-м отделении милиции он раскрылся не только как толковый профессионал — параллельно ему хватило энергии получить высшее образование в ВЮЗИ. 1978 год был для него удачным.

— Николай Сергеевич Мазин, заместитель по оперативной работе, а в дальнейшем начальник Первомайского РУВД, предложил мне должность заместителя начальника 51-го отделения милиции по уголовному розыску, и я согласился, — уточняет Николай Куликов. — Именно его я считаю одним из главных моих учителей милицейскому ремеслу, с него мы брали пример, у него учились оперативному мастерству и административной грамотности.

На новой должности дела складывались неплохо. К тому времени за плечами был свой наработанный интенсивной практикой опыт оперативной работы, свои рецепты борьбы с преступностью и общения с коллегами. А затем наступил момент, когда стало ясно, что с таким потенциалом Николаю Куликову пора подниматься на новую ступень. Так оно и вышло: сначала была должность заместителя начальника отдела уголовного розыска Первомайского РУВД. А затем была Академия управления МВД — в то время самое престижное учебное заведение МВД, где готовили руководителей высшего звена. Куликов поступил на знаменитый 1-й факультет. Об учёбе в академии остались самые лучшие воспоминания: бесценны были не только полученные знания — не менее важную роль сыграло и общение с коллегами из всех регионов страны. После академии занял должность заместителя начальника Первомайского РУВД по оперативной работе, а затем и начальника того же РУВД.

Через некоторое время в структуре московской милиции произошли изменения: районные управления внутренних дел были упразднены, вместо них создали более крупные структурные единицы — окружные управления внутренних дел. Николай Васильевич был назначен начальником УВД Восточного округа, в который вошли территории четырёх РУВД. И если сегодня УВД Восточного округа — это солидная административная единица, то начиналось всё с семи сотрудников, вследствие чего окружную управленческую структуру пришлось создавать практически с нуля.

Следующий этап логично вписался в биографию Николая Васильевича Куликова: в 1993 году он был назначен первым заместителем начальника ГУВД Москвы — начальником службы криминальной милиции. Кадровики явно не промахнулись с его назначением: в главке он не только пришёлся ко двору, но и доказал делом, что он грамотный профессионал, с большим опытом. И когда в 1995 году появился приказ о его назначении начальником ГУВД столицы, этому мало кто удивился: логичное решение. На высоком боевом посту он сменил Владимира Панкратова. Новички нередко любят сваливать свои неудачи на предшественников, но здесь явно не тот случай. Вот как отзывается Николай Куликов о своём предшественнике:

— Этот человек — легенда московской милиции. На его долю выпало столько суровых испытаний, что и врагу не пожелаешь. Владимир Иосифович Панкратов навсегда останется в нашей памяти как яркий пример достойного исполнения служебного долга и как образец для будущих поколений сотрудников органов внутренних дел.

Николай Васильевич Куликов руководил московской милицией буквально в горячую пору, когда криминал пытался претендовать на отдельную силу и безнаказанность, когда поднимала голову организованная преступность. Для борьбы с нею и был создан РУБОП. С 1992 года в Москве появилась муниципальная милиция. При этом Николай Васильевич говорит, что трудности были всегда: были и военные годы, и послевоенные, свои сложности имелись у каждого времени. Тем не менее сегодня прекрасно известно, через какие испытания пришлось пройти органам внутренних дел в те самые пресловутые девяностые. Как удалось не сломаться?

— Для меня лично всегда был примером бывший министр внутренних дел Николай Анисимович Щёлоков, — объясняет генерал Куликов. — Он перестроил работу милиции, при нём появилось много нового, милиция стала пользоваться большим уважением, была сильно развита система профилактики. А что касается начала девяностых, то огромная ответственность в ту пору легла на плечи бывшего начальника ГУВД Владимира Иосифовича Панкратова. Именно он принимал ответственные решения и в 1993 году, и в 1995-м — это были самые трудные годы: демонстрации, митинги, нестабильность в обществе... В этих условиях и руководство милиции, и обычные сотруд-

ники милиции вели себя достойно, при этом только во время расстрела Белого дома погибли семь сотрудников. И очень жаль, что Панкратова незаслуженно отстранили от должности в день убийства Владислава Листьева.

Николай Васильевич говорит, что ему повезло работать с таким министром, как Виктор Фёдорович Ерин: «Профессионал до мозга костей, сильный министр, много сделал для оперативных служб, я у него тоже многому научился».

Страна в девяностые переживала много различных сложностей. Особо актуальными были проблемы с выплатой зарплаты, в том числе сотрудникам милиции. В Москве же милиционеры зарплату получали всегда вовремя. По словам генерала, задержек с зарплатой столичной милиции не было ни разу. И некомплект личного состава также был минимальный — и всё благодаря правительству Москвы и особым усилиям руководства гарнизона.

Сложности сложностями, а в чём-то, как говорит Николай Васильевич, тогдашним сотрудникам работать было даже легче:

— У милицейской профессии тогда был основательный престиж в обществе, в кино и в книгах поддерживали нашу милицию, а сегодня слишком уж часто в адрес полиции выдаётся негатив, это несправедливо.

В 1998 году должность генерал-полковника милиции Куликова стала именоваться так: заместитель министра внутренних дел РФ — начальник ГУВД Москвы. У руководителя столичной милиции появились дополнительные возможности, позволившие увеличить эффективность работы московских правоохранительных органов и их взаимодействие с регионами.

2 декабря 1999 года вышел указ президента Бориса Ельцина об отставке генерала Куликова. После ухода с должности руководителя московской милиции выяснилось, что у Николая Васильевича набралось 9 месяцев неиспользованного отпуска. Он их отгулял и возглавил Управление региональной безопасности Правительства Москвы, которое осуществляло взаимодействие Правительства Москвы с правоохранительными органами. Затем он перешёл на работу в Управление безопасности Департамента градостроительного комплекса, где и работает по настоящее время. По роду новой службы он по-прежнему плотно взаимодействует с полицией столицы.

Николай Васильевич часто бывает на своей родине — в Коломенском районе Подмосковья. Участие в восстановлении местных храмов стало его личной духовной потребностью. А в конце нашего разговора Николай Васильевич признался:

— У меня до сих пор есть ностальгия по милицейской работе, я до сих пор переживаю за проблемы и трудности сотрудников. В душе я до сих пор остаюсь милиционером.

Александр ДАНИЛКИН,
фото Николая ГОРБИКОВА

Восхождение на Петровку

Не так давно личный состав московской милиции отмечал юбилей с начала создания управлений внутренних дел по административным округам — одним из первых такой коллектив был сформирован на северо-западе столицы России. Наш корреспондент встретился с первым начальником первого УВД Москвы генерал-лейтенантом милиции Виктором ШВИДКИНЫМ, человеком, который почти два года исполнял должность начальника ГУВД Москвы.

— Виктор Андреевич, как вы пришли в милицию?

— Я родился в городе Электростали — крупном промышленном центре Подмосковья, в рабочей семье. После школы полгода работал на заводе. Потом призыв, школа сержантского состава и направление в Группу советских войск в Германии (ГСВГ). Наша часть, в которой я служил в противотанковой батарее, размещалась в Тюрингии. До вероятного противника из НАТО (16-го бронекавалерийского полка) было всего шесть километров. Мне предлагали остаться в армии, но вмешался мой старший брат, служивший в московской милиции. Он настоял — иди к нам.

Вскоре пришло приглашение на собеседование из 1-го полка ведомственной полиции. Это была часть, которая охраняла объекты, в частности ГУМ, ЦУМ и другие. Я с однополчанином (его также вызвали) приехал из Электростали в ГУМ, и мы долго искали штаб полка. Не нашли и позвонили брату — как его найти? Он засмеялся: значит не судьба, приезжайте на Петровку, 38. Встретил нас и сказал: езжайте в Калининское РУВД, в 26-е отделение милиции. Почему туда? Да потому, что на его территории располагался Курский вокзал, на который приходили электрички из Электростали.

В мае 1970 года я был зачислен в 26-е отделение. И пока шили форму, меня прикомандировали в группу по борьбе с карманными ворами.

— Скажите, пожалуйста, а вот эпизод задержания карманника по кличке Кирпич в фильме «Место встречи изменить нельзя» соответствует действительности?

— Там всё один к одному, фильм хорошо сделан. Но есть ошибка — подбросили вору кошелёк. Как ловили карманника тогда? Как только он брал кошелёк, то оперативники, а их было человек пять, сразу со всех сторон налетали и фиксировали кошелёк в его руке, подключали свидетелей. Если он успевал его спрятать в карман, то это неудача милиционеров. Вор потом скажет, что ему подкинули, и прокурор и судья будут на его стороне. Надо было брать с поличным.

— А могли бы опознать карманника в мясном магазине, например?

— Это несложно. Вот вы в мясном магазине на что смотрите?

— На колбасу...

— А он — на сумки.

— Но вернёмся к основному вопросу.

— Потом я, как все милиционеры, прошёл учебный центр. Был интересный случай. В день окончания учёбы приехал зам-начальника Управления кадров главка Пётр Иванович Комаров и отобрал человек десять, тех, кто повыше и лучше одет, и привёз на Петровку, 38 для участия в праздничном мероприятии. Нас представили начальнику ГУВД генерал-лейтенанту Андрею Козлову. Андрей Петрович был выходец из пограничных войск, прошёл две войны. Он сам был идеально одет и нас всех похвалил за опрятный вид. Кто бы мог подумать, что почти через тридцать лет я займу его кабинет...

— Служба легко складывалась?

— Удачно. Везло на руководителей. Я закончил только первый семестр Всесоюзного заочного юридического института, как начальник 26-го отделения милиции подполковник Михаил Алексеевич Ерошкин перевёл меня в группу дознания. Я стал офицером, получил жилплощадь, комнатушку в пятиэтажке, в которую привёл молодую жену. Через три года я стал инспектором уголовного розыска. Если раньше я ловил преступников, то здесь учился раскрывать преступления.

Мне достался участок, на котором размещались такие непростые объекты, как ЦК КПСС и синагога на улице Архипова. Кстати, с главным раввином России я был лично знаком — его толкнул хулиган, а он был в очень преклонном возрасте, упал сломал ногу. Я ездил в больницу Склифосовского, опрашивал его. Раввин очень просил, чтобы никого не наказывали. За наше внимательное отношение к проблемам охраны общественного порядка и безопасности на

территории синагоги во время религиозных праздников он купил нашему отделению телевизор, по тем временам царский подарок.

Потом я работал инспектором по делам несовершеннолетних. Прошёл службу и в паспортном столе, там как раз шла реформа — вручение новых паспортов, «серпастых-молоткастых». Здесь важным моментом был правильный учёт документов, законность прописки. Был я молодым начальником паспортного стола, и некоторые проходимцы попытались этим обстоятельством воспользоваться, подделали документы о прописке. Но я проявил настырность, и одному рецидивисту путь в столицу был закрыт.

Важным этапом для меня стала служба начальником отдела кадров Калининского РУВД. Как раз шло обновление милиции, было направлено огромное количество представителей партийных и трудовых коллективов. Видно, я неплохо справлялся с этой работой, так как меня пригласили в Управление кадров ГУВД, а был я всего капитаном.

Но тут МВД СССР возглавил новый министр генерал Виталий Васильевич Федорчук, который приказал предоставить информацию, где и кем служат родственники сотрудников центрального аппарата. А за эти годы мой старший брат стал полковником и служил в инспекции по кадрам МВД. Говорят, что моё личное дело побывало в руках Федорчука, но ничего коррупционного он не нашёл и приказал перевести меня на другую должность. Я оказался в среде политработников. Всё хорошо в смысле должности и заработка, но не по мне.

Пришёл к руководству и попросился на «землю», мне пошли навстречу — стал заместителем начальника своего родного Калининского РУВД. Через год я вернулся заместителем начальника Управления охраны общественного порядка. Это было второе восхождение на Петровку, 38. Моя линия: уличная преступность, патрульно-постовая служба, борьба с неформалами. Уже началась перестройка, улицы бурлили — общество «Память», кришнаиты, невыездные евреи, так называемая группа «Бедные родственника» и другие. Должность «весёлая»...

Потом мне предложили возглавить РУВД — на выбор: Красногвардейское или Тушинское. Я выбрал Тушинское. Ну а потом была эпопея с созданием УВД.

— Виктор Андреевич, недавно мне попался на глаза список руководителей органов правопорядка Москвы, и в этом перечне увидел две не совсем обычные записи. Так, в предвоенные годы Управление милиции возглавлял Леонид Давыдович Вуль, имевший необычное звание — директор милиции. Несмотря на некий школьный оттенок, это звание равнялось командарму 2-го ранга в РККА, то есть генерал-полковнику. А вторая неожиданность касается вас — почти два года вы возглавляли главк в качестве исполняющего должность (и.о.), некоторые «невременные» руководители меньше находились на этой должности. Как получилось, что вы так и не «ликвидировали» эту приставку?

— В то время для назначения на должность начальника главка необходимо было согласие руководителя субъекта Российской Федерации. Когда МВД освободило генерал-полковника милиции Николая Васильевича Куликова, то Лужков был против этого, и мэрия попыталась опротестовать приказ в суде, но оба процесса проиграла. Пока шёл суд, я был врио. Потом, через каждые два месяца министерство продлевало срок — я стал и.о. и в этом качестве пробыл почти два года. Требовалось согласие Лужкова. Но он был против моего назначения, со мною не общался, в диалог не вступал. А потом, видимо, чтобы инспирировать возмущение личного состава главка против меня, приказал упразднить так называемую «мэровскую надбавку». Наши сотрудники, и так далеко не «жирующие», стали получать зарплату почти вдвое меньше. Вот в таком противостоянии я и прожил это время.

— А как разрешилась эта кадровая коллизия?

— Пришёл новый министр, и у меня закончился срок — надо было переподписать контракт. Мне предложили другой регион, предложили центральный аппарат. Но я выбрал уход на пенсию.

— Осталось ли у вас чувство обиды? И что бы вы сказали сейчас при встрече Юрию Михайловичу?

— Нет, обиды особой нет. Я получил и звание, и пенсию как полновесный и «невременный» начальник главка. А что сказал бы Лужкову? Наверное, ничего, молча прошёл бы мимо.

Владимир ГАЛАЙКО,
фото из архива Виктора ШВИДКИНА

Судьбы своей хозяин

Генерал-полковник милиции Владимир ПРОНИН — кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени и двух орденов Мужества, лауреат премии Правительства Российской Федерации, заслуженный работник МВД СССР и почётный сотрудник МВД России.

Владимир Васильевич родом из Курской области, где в 1971 году поступил на службу в милицию.

В органах внутренних дел родного края Черноземья Пронин проработал больше 25 лет. Особо отметим: все пять лет, которые начальником областного УВД был Пронин, управление удерживало первые позиции среди регионов России по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Особо надо отметить, что Владимир Васильевич вошёл в историю Курска благодаря не только успешной борьбе с преступностью, но и заботе о своих подчинённых. Никто — ни до, ни после него — столько не сделал для курских милиционеров в плане создания ведомственной инфраструктуры, их социальной защиты.

Да к тому же он — единственный из курян, доросший до самого высокого милицейского звания — генерал-полковника! И что интересно: он достиг звания генерал-майора милиции на своей родине. А ведь добился таких побед Владимир Васильевич исключительно своими трудами, без всяких покровителей. Он окончил Высшую школу милиции МВД СССР и Академию МВД СССР с отличием, стал кандидатом юридических наук. Его общий стаж в органах внутренних дел — почти 40 лет.

Да, жизнь Пронина никогда не была паркетно гладкой, во многих вопросах он бывал первопроходцем.

В 1997 году его назначили руководителем УВД Юго-Восточного административного округа Москвы. А спустя четыре года, в июле 2001-го, он возглавил ГУВД Москвы.

Министр внутренних дел Борис Вячеславович Грызлов рассказывал, что когда президент Российской Федерации в очередной раз перебирал личные дела кандидатур, то сказал: «А давайте назначим Пронина — он не питерский и не московский. Боевой генерал, дважды прошёл Кавказ, орденоносец...».

На посту начальника ГУВД Москвы Владимир Васильевич проработал восемь лет — с 2001 по 2009 год. Он отмечает, что это были годы становления в Москве настоящего правопорядка и безопасности.

Однако эти восемь лет, выпавшие на его долю, были и самыми неспокойными, самыми тревожными годами в нашей жизни: достаточно напомнить про совершавшиеся в столице резонансные заказные убийства, массовые беспорядки на Манежной площади, теракты, включая взрывы в метро, трагедию в Театральном центре на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост». Бурное выдалось время. Криминальная волна лихих девяностых захлестнула и нулевые, добавив к разгулу преступности чётко выраженную и изощрённую этническую специфичность.

Пронину порой приходилось «разруливать» острые, трагические ситуации, взяв поневоле всю полноту ответственности на себя. Это неоднократно подчёркивал и глава МВД, критикуя своих подчинённых-руководителей за их неучастие или слишком малое участие в решении проблем, с которыми пришлось сталкиваться московской милиции.

Сейчас, когда уже известны все этапы жизни генерал-полковника милиции Владимира Пронина, может показаться, что его карьера сложилась легко. Но на самом-то деле ничего ему не досталось просто. Тернист и сложен был его путь, крестьянского сына. И только благодаря своим достойным личным качествам и вследствие самоотверженного труда получал Пронин и звания, и награды.

Можно сказать, что для Владимира Васильевича сегодняшний день — это штиль.

И кажется, что многие забывают сегодня, каким должен быть генерал. В том смысле, которое исконно вкладывалось в это высокое звание, с царских времён символизирующее не только заслуги

по службе, но прежде всего ещё и драгоценный сплав определённых моральных качеств: ответственность, мужество, порядочность, способность к принятию решения в критической ситуации, государственный стиль мышления.

Два ордена Мужества на его груди. А это кое-что значит. Многое сделал — в этом плане он реформатор. Если попытаться оценить путь, пройденный им в милиции, то это настоящая школа, из которой можно извлечь хотя бы уроки мужества.

За годы гражданской жизни генерал не растерял своего духа, руководил с обычной энергией работами по восстановлению кремлёвских садов, реконструкции стелы династии Романовых, занимался установкой памятников Патриарху Гермогену, Императору Александру I, сооружением вертолётных площадок для высших должностных лиц. За эту энергичную, эффективную созидательную деятельность получал благодарности от высшего руководства страны.

Пронин, по его признанию, воспитан своими родителями-тружениками и сельской школой, комсомолом и службой в армии. Отдав лучшие годы жизни служению Отечеству, он и сегодня продолжает приносить пользу своей малой родине. Детская мечта быть председателем колхоза, можно сказать, воплотилась, когда, вернувшись в родной соловьиный край, он стал заниматься коневодством.

Но при этом он продолжает и активную общественную жизнь!

Судьба открыла новую страницу в его биографии в 2011 году. Генерал Пронин, уроженец фатежской земли, патриот малой родины, решил восстановить историческую справедливость, вернув заслуженную воинскую славу Северному фасу Курской дуги. Инициативу его, связанную с разработкой проекта по строительству памятного мемориала на высоте 269, где в июле 1943 года находился командный пункт 70-й армии НКВД, поддержали полномочный представитель президента Российской Федерации по ЦФО Александр Дмитриевич Беглов и руководство области.

7 мая 2015 года здесь состоялось торжественное открытие памятника «Ангел Мира».

В 2016 году общественность области признала Владимира Васильевича «Человеком года». Активная деятельность Владимира Пронина была отмечена и официальной региональной наградой — ему присвоили звание «Почётный гражданин Курской области».

Сергей ЧИСЛЯЕВ,
фото Николая ГОРБИКОВА
и из архива автора

Владимир КОЛОКОЛЬЦЕВ: *«Любую угрозу столице воспринимаю как личный вызов»*

Так уж распорядилась судьба, что Владимиру КОЛОКОЛЬЦЕВУ суждено было стать единственным в истории руководителем и московской милиции, и московской полиции. Именно он находился во главе столичного ГУВД в 2011 году, когда была начата, пожалуй, самая масштабная за последние десятилетия реформа МВД России. И он с честью выдержал это испытание.

Никаких компромиссов!

«Ну, какие критерии оценки у меня лично к сотрудникам милиции? Честность, порядочность, профессионализм, эффективность и результативность» — этого правила Владимир Колокольцев придерживался в годы работы начальником ГУВД Москвы. Верен он ему и сегодня, когда на плечах — ответственность за Министерство внутренних дел Российской Федерации.

В сентябре 2009-го известие о назначении Владимира Александровича «на Москву» личный состав по-хорошему взволновало. Ещё бы! Впервые главное кресло столичной милиции занял человек, прошедший все ступеньки карьерной лестницы, начинавший службу постовым здесь же, в Первопрестольной. За его плечами — долгие годы работы в угрозыске, в том числе и в здании на Петровке, 38, в легендарном МУРе. Десять лет успешной борьбы с бандитизмом и оргпреступностью. Кто лучше него знает все проблемы правоохранительной системы? Кто, как не он, сможет навести порядок в столице?

Первое, что поразило многих журналистов, да и просто обывателей: новый начальник ГУВД стал называть вещи своими именами, честно и откровенно говорить о том, о чём раньше стыдливо умалчивали. О необходимости системной борьбы с коррупцией в собственных рядах, о порочности пресловутой «палочной системы» и недопустимости увольнения проштрафившихся задним числом. Как гром с ясного неба для многих прозвучало: «Виноват? Будем гнать и привлекать к уголовной ответственности. Там, где сотрудник перешёл запретную черту, не должно быть компромиссов!».

Одним из важнейших принципов работы, к которому должна стремиться московская милиция, Владимир Колокольцев назвал принцип прозрач-

ности и открытости. Правоохранительная система обязана вести диалог с обществом и быть подотчётной гражданам. Вскоре на официальном сайте столичного главка появилась персональная страничка его начальника, отныне каждый житель города мог обратиться со своей проблемой лично к генералу Колокольцеву.

От слов — к делу

Первые же заявления, а главное — действия нового руководителя ГУВД подтвердили: он знает, что нужно делать и как.

Внезапные инспекции райотделов, проверки работы милиции на улицах города застали врасплох многих стражей порядка и их руководителей. Прежде им не приходилось сталкиваться с таким контролем. Так, в одном из районов Москвы начальник ГУВД лично спустился в подземный переход, чтобы посмотреть, не ведётся ли здесь несанкционированная торговля. Торговля велась. Вопреки жёстким указаниям руководства главка и бодрым отчётам подчинённых о том, что с этой проблемой покончено. Потом был визит без предупреждения в местный отдел милиции, закончившийся разносом районного начальства и принятием кадровых решений.

Именно тогда на местах поняли: обещание навести порядок в столице не ограничится словами. Каждый начальник будет в ответе за всё, что происходит на его территории.

Принцип персональной ответственности руководителей, как за свои действия, так и за действия подчинённых, — стал ключевым в работе столичного милицейского главка. Впоследствии, уже будучи министром внутренних дел страны, Владимир Колокольцев распространит его на всю систему МВД России.

Один на один с толпой

Глава ГУВД и сам никогда не боялся брать на себя ответственность. И за свои действия, и за подчинённых.

Так было в декабре 2010 года, когда Владимир Александрович вышел к многотысячной разъярённой толпе футбольных фанатов, устроившей беспорядки на Манежной площади. Поводом для акций протеста и массовых драк стало убийство молодого человека — болельщика «Спартака» и тот факт, что подозреваемые в этом преступлении были отпущены сотрудниками милиции. Митинг на Манежной перерос в столкновения со стражами порядка, пострадали более 10 человек.

Несколько часов бойцам ОМОНа не удавалось усмирить болельщиков. В них летели фальшфейеры, урны, бутылки, куски арматуры и другие предметы. Ситуация накалилась до предела. Ещё немного, и в центре Москвы случилась бы массовая бойня с огромным количеством жертв.

В этот момент глава ГУВД Москвы вышел к митингующим и дал обещание сделать всё, чтобы виновные были наказаны. Генералу удалось убедить радикалов прекратить беспорядки. Смелый поступок милиционера, руководителя, мужчины. И что особенно важно — своё обещание Колокольцев выполнил: убийцы болельщика были найдены и наказаны, сотрудники, отпустившие их, — тоже.

Принцип персональной ответственности применительно к самому себе Владимир Александрович исповедует и сегодня, находясь у руля всего министерства. Именно поэтому он лично выезжает на любое серьёзное происшествие. «Конечно, существует общий алгоритм действий при возникновении событий, — объясняет министр. — Тем не менее бывают и обстоятельства, когда просто чувствуешь, что требуется непосредственное участие. И речь не идёт о недоверии к руководителям какого-то уровня, это дело личной ответственности». Особенно, если резонансное событие произошло в столице. «Москва — особое для меня место, я много лет здесь проработал и хорошо знаю город. Любые серьёзные ЧП, всё, что несёт угрозу безопасности жителям, воспринимаю как личный вызов».

Время перемен

Как человек, начавший свой профессиональный путь с самых азов, Владимир Александрович прекрасно знал все проблемные места службы, понимал, что мешает милиции эффективно выполнять свою работу. К примеру, такая извечная беда, как множество несвойственных функций.

«Одно из моих первых движений в плане реформирования — это упразднение службы борьбы с правонарушениями на потребительском рынке, — заявил в 2010 году журналистам начальник главка. — Извините, что делать милиционеру на рынке? Ходить и заниматься поборами? Если есть масса специально для этого ориентированных организаций, которые непосредственно должны заниматься такими вопросами».

Под началом Колокольцева столичная милиция одержала много принципиальных побед над криминалом. Существенных сдвигов удалось добиться в противодействии экономической преступности, в том числе привлечь к ответственности виновных за организацию преступных сообществ. А помните, к какому буму подпольных казино привело закрытие легальных игорных заведений? Бороться с этим бизнесом, приносящим своим воротилам баснословные доходы, было непросто.

Но милиция и здесь была на высоте.

Именно в тот период, когда столичное ГУВД возглавлял Владимир Александрович, в правоохранительной системе произошли масштабные перемены. Это и существенное изменение уголовного, административного, процессуального законодательства, и декриминализация целого ряда преступлений, что потребовало коренной перестройки в деятельности всех подразделений органов внутренних дел. Но, конечно, главной реформой стало преобразование милиции в полицию, которое прошло на фоне внеочередной аттестации личного состава и сокращения пятой части сотрудников.

Из милиции — в полицию

Переаттестовать 100-тысячный гарнизон. Сделать это в сжатые сроки. Не допустить формального подхода. Такой амбициозной задачи не приходилось решать ни одному руководителю московского главка. Но Колокольцев понимал причину, по которой государство пошло на такой радикальный шаг.

«В чём изначально была сердцевина решения о возможных сокращениях? — объяснял он журналистам. — Если у государства нет возможности содержать армию в таком состоянии, в котором она должна находиться, тогда нет смысла содержать её голодной, разутой и раздетой. Здесь гораздо больше вреда. И если мы будем делать вид, что сотрудник милиции качественно выполняет обязанности, а мы знаем реально, что у нас кадровый потенциал не соответствует тем требованиям общества, который от него ожидается, конечно, нужно сокращать».

Реформа предполагала кардинальное изменение структуры возглавляемого генералом Колокольцевым главка и, как следствие, системы организации работы. Стояла задача — повысить эффективность управления, исключить дублирующие функции, выровнять нагрузку на руководителей и сотрудников, устранить барьеры для их ротации.

Причём преобразования проходили, что называется, без отрыва от производства. Критически важно было не допустить сбоев в работе правоохранительной системы. Ведь попавшим в беду людям, по большому счёту, не так уж и важно, кто придёт им на помощь: милиционер или полицейский.

Начальник ГУВД Москвы достойно справился с этой задачей. И лучшее тому подтверждение — тот факт, что уже в мае 2012 года Указом Президента Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев был назначен министром внутренних дел страны.

Ирина ВОЛК,
фото предоставлены автором

Результат профессиональной команды

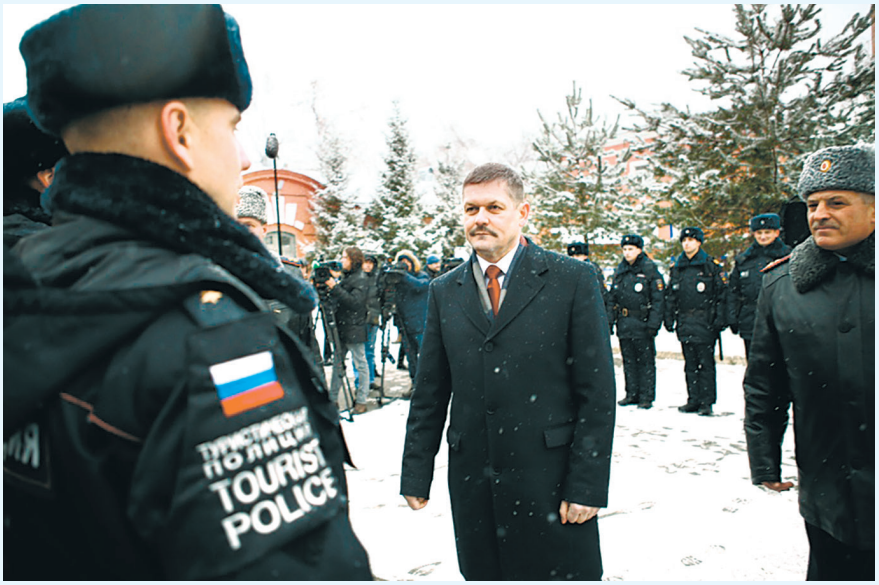
Анатолий ЯКУНИН возглавлял Главное управление МВД России по г. Москве с 2012 по 2016 год и запомнился жителям столицы как борец с нелегальной миграцией и этнической преступностью. В этом направлении велась комплексная работа, возбуждались многочисленные уголовные дела в отношении организаторов незаконной миграции, собственников жилья, подпольно сдававших квартиры нелегалам, проводились рейды по промышленным зонам и жилому сектору.

Курс на искоренение этнической преступности в столице был начат ещё предшественником Анатолия Ивановича на этом посту — Владимиром Колокольцевым. Тогда в структуре московского главка был создан специализированный отдел по работе с такими группировками. Якунин активно продолжил работу в этом направлении. Был определён курс: задействовать в искоренении криминала не только уголовный розыск, но и подразделения экономического блока. И это дало результат — последовало несколько громких задержаний.

Принципиально изменилась позиция московской полиции по отношению к дорожным хулиганам и любителям быстрой езды. Тогда же полиция обратила внимание и на проблему стрельбы участников свадебных кортежей, возбудив несколько уголовных дел. За порядком на столичных дорогах начали следить скрытые автопатрули, в результате сократилось число зарегистрированных ДТП и погибших в них людей.

— Главная задача скрытых патрулей — укоренить в сознании участников дорожного движения постоянное присутствие контроля, а также то, что за любое нарушение придётся отвечать, — отмечал Анатолий Якунин.

В январе 2015 года начал работу Центр профподготовки инструкторов. Его цель — в любой экстремальной ситуа-



ции научить каждого полицейского действовать уверено. В центре готовят квалифицированные кадры, которые затем тренируют сотрудников на местах. Стрельба, физподготовка, боевые приёмы. С момента открытия подготовку прошли тысячи стражей правопорядка, в том числе из других регионов. Обучение в центре позволило повысить эффективность применения оружия полицейскими при пресечении противоправных действий.

Карьеру в органах внутренних дел Анатолий Якунин начинал с «земли» и проблемы службы знал не понаслышке. Руководитель проявлял бескомпромиссное отношение к нарушителям служебной дисциплины. Вместе с тем щепетильно относился к тому, чтобы поощряли тех, кто профессионально выполняет служебные обязанности.

— За четыре года сделано немало, — обратился к коллегам Анатолий Якунин, покидая пост начальника ГУ МВД России по г. Москве. — Таких результатов можно было добиться только с профессиональной командой. У меня она была. Благодарю вас за это!

Сергей ОСТАШЕВ,
фото из открытых источников

Из плеяды легендарных муровцев

Доблестное служение и трагедия Виктора Овчинникова

В сентябре 2021 года в редакцию газеты «Петровка, 38» по электронной почте пришло письмо от коренной москвички Татьяны Наумовой, кандидата технических наук, ведущего научного сотрудника Всероссийского НИИ гидротехники и мелиорации имени А.Н. Костякова. Татьяне Васильевне поводом для обращения в наше периодическое издание послужила прочитанная в интернете несколько лет назад, незадолго до векового юбилея МУРа, публикация о её дедушке-оперативнике — безвинно репрессированном и впоследствии посмертно реабилитированном Викторе Петровиче Овчинникове (1898 — 1939), который был начальником Московского уголовного розыска в 1933—1938 годах:

«Статья, прямо сказать, не слишком порадовала меня. Особенно огорчило название «Польский шпион». Ну какой же он польский шпион? Он что, по заданию из-за границы ловил бандитов и убийц, рискуя собственной жизнью?! Меня же ещё в аспирантуре учили, что название статьи должно кратко отражать её содержание. Поэтому на деле получилось так: Овчинников В.П. — польский шпион, а взятое в кавычки название — это уж как кто поймёт, если вообще на это обратит внимание.

…Я надеюсь, что мои воспоминания, документы и фотографии из семейного архива, а также статья полковника милиции в отставке А.И. Ефимова, который ещё совсем молодым человеком служил под начальством Виктора Петровича, послужат дополнительным и объективным материалом для новой статьи…».

Заслуги защитника новой власти

Старший майор милиции Виктор Овчинников

Будучи семнадцати лет от роду, уроженец Ярославля Виктор Овчинников (по происхождению он — из семьи рабочего бакинских нефтяных промыслов, учился в начальном 3-классном училище и в торговой школе, которую полностью не окончил) добровольцем отправился в армию. Обучение в запасном полку продлилось всего несколько месяцев, и юноша был направлен рядовым на фронт Первой мировой войны и в составе 66-го пехотного Бутырского полка участвовал в боевых действиях в районе города Двинска. Когда же в июле 1917-го Овчинников отказался выполнять приказ главы военного ведомства (военного и морского министра Всероссийского Временного Правительства А.Ф. Керенского), то был приговорён к 8 годам каторжных работ. Но вместе с товарищами по несчастью его освободили из тюрьмы революционно настроенные солдаты, и он возвратился в строй и до ноября того же года оставался в армейских рядах.

После революции, как значится в личном деле, старший унтер-офицер Виктор Овчинников был откомандирован в Народный банк Петрограда, так как обучался на бухгалтерских курсах. Новичок, зачисленный в отдел распределения, стал и членом комиссии по борьбе с саботажем банковских служащих. Однако уже в декабре бурного семнадцатого года произошло слияние названной комиссии с ВЧК, в которой Овчинникову с 1918-го довелось быть комиссаром президиума, следователем, уполномоченным, помощником начальника отдела в ударной группе по борьбе с бандитизмом.

В удостоверении № 92, которое было выдано Виктору Овчинникову 4 июня 1919 года действовавшим в РСФСР Особым отделом при Реввоенсовете Восточного фронта, подтверждались полномочия предъявителя данного документа:

«Виктор Овчинников состоит сотрудником комендатуры Особого Отдела при Революционном Военном Совете Восточного фронта. Всем военным и гражданским лицам и учреждениям вменяется в обязанность оказывать тов. Овчинникову при исполнении им служебных обязанностей законное содействие».

Комиссар Спекулятивного отдела — эту должность Виктор Петрович занимал во время службы в Московской чрезвычайной комиссии (МЧК), а ещё он с 1921 года по линии Наркомпрода (Народный комиссариат продовольствия) потрудился в Ташкенте на хозяйственной работе — инспектором хлебопродуктов.

Нельзя не отметить, что заслуги защитника новой власти и борца с общеуголовной преступностью оценили весьма высоко: Виктор Овчинников дважды (в том числе в 1932 году) получил знак «Почётный чекист».

В соответствии с приказом Административно-организационного управления (АОУ) ОГПУ и постановлением коллегии Государственного Политического Управления, помощник начальника ударной группы по борьбе с бандитизмом Виктор Овчинников 9 ноября 1925 года *«за прекрасную подготовку, энергичное и умелое проведение операций по очистке Москвы от социально-вредного и уголовного элемента»* был награждён золотыми часами за № 90867.

Позднее, в декабре 1927 года, Виктор Петрович получил Грамоту ОГПУ вот с этой красноречивой формулировкой:

«Чекисту-бойцу тов. Овчинникову В.П.

Коллегия Объединенного Государственного Политического Управления в день десятилетия органов пролетарской диктатуры ВЧК—ОГПУ, отмечая Вашу самоотверженную работу на трудном чекистском посту, направленную на борьбу с врагами первого в мире Пролетарского Государства, постановила наградить Вас почетным боевым оружием «Маузер» с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

С годами у него, почётного чекиста, накапливался большой опыт борьбы непосредственно с уголовщиной. До 1930 года Виктор Овчинников занимал должность помощника начальника ударной группы Оперативного отдела (Оперод) по борьбе с бандитизмом. Потом оперативный работник с боевой закалкой был помощником начальника московского угрозыска, а с 1933-го возглавил данное оперативное подразделение столичной милиции — в тот период ОУР (Отдел уголовного розыска).

В январе 1935 года начальник Управления Рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) города Москвы Л.Д. Вуль в рапорте-представлении на имя заместителя народного комиссара внутренних

Р. С. Ф. С. Р.
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
при
РЕВВОЕНСОВЕТЕ
Восточного фронта.
„4" Июня 1919 г.
№ 92

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 8

Предъявитель сего тов. Виктор Овчинников состоит сотрудником Комендатуры Особого Отдела при Революционном Военном Совете Восточного фронта.

Всем военным и гражданским лицам и учреждениям вменяется в обязанность оказывать тов. Овчинникову при исполнении им служебных обязанностей законное содействие.

Начальник Особого Отдела при Реввоенсовете Востфронта

Заведывающий Секретариатом

Подпись владельца удостоверения

Удостоверение сотрудника Комендатуры Особого отдела при Реввоенсовете Восточного фронта

дел СССР *«за долголетнюю и безупречную службу в органах ВЧК—ОГПУ и РКМ, за самоотверженную борьбу с контрреволюцией и преступностью, за активное участие в операциях по очистке г. Москвы, за образцовую постановку работы в отделе, проявленную энергию и инициативу в борьбе с преступностью»* ходатайствовал о награждении В.П. Овчинникова знаком «Почётный милиционер».

Руководя ОУР УРКМ города Москвы, Виктор Петрович был майором милиции, а 8 февраля 1937 года стал старшим майором милиции (специальное звание начальствующего состава органов РКМ НКВД СССР в 1936—1943 годах).

Личный пример любимого начальника

В столичной ведомственной газете «На боевом посту» в № 3 за 7 января 1967 года, на 3-й и 4-й страницах, напечатана под рубрикой «К 50-летию Советской милиции» статья доблестного сыщика-фронтовика Алексея Ефимова «Настоящий чекист» о руководителе МУРа предвоенной поры Викторе Овчинникове. В публикации отмечено в частности:

«Более двадцати пяти лет прошло со дня трагической гибели бывшего начальника московского уголовного розыска Виктора Петровича Овчинникова — верного члена нашей партии [с 1918 года], патриота Родины. <...>

Мне посчастливилось работать с ним весь период его службы в МУРе. <...>

У Виктора Петровича в характере была очень важная черта — хвалить, но не захвалить. Его вовремя сказанная похвала дисциплинировала сильнее, чем самое резкое порицание. Но лучшим нашим воспитателем был личный пример любимого начальника. Все считали за честь выезжать вместе с Виктором Петровичем на места происшествий, участвовать в засадах и обысках, в задержании преступников. Интересно было присутствовать на допросах, которые он проводил мастерски. Мы часто удивлялись: и когда он только отдыхает? Рано утром приедешь в Управление — Виктор Петрович уже на работе[,] и уезжал всегда позднее всех. <...>Не было случая, чтобы Виктор Петрович не помог, когда к нему обращались сотрудники за советом или помощью.

Виктор Овчинников

...Самое активное участие принял Виктор Петрович в подавлении мятежей и ликвидации банд в Москве и в других городах страны...».

В борьбе с бандитизмом 1920-х годов

Являвшийся одним из активных борцов с бандитизмом и служивший в ударной группе Оперода, Виктор Овчинников в противостоянии с преступной средой проявлял бесстрашие, мужество и самоотверженность. Он лично принимал участие в ликвидации бандитской шайки Мишки Курносого, в которую входили

70 уголовников. Орудуя в Москве и на Тверской земле, они совершили более двадцати вооружённых ограблений.

Также Виктор Петрович внёс свой вклад в обезвреживание банды Гаврилова по кличке Землянчик: на счету этой шайки разбойников было более полутора десятков дерзких вооружённых ограблений кооперативов в Москве и Твери, с убийствами работников милиции.

Перестала существовать и бандшайка, в которой заправлял Насибулин: данная разбойничья ватага численностью в 80 человек лихо осуществила на территории Подмосковья и Нижегородчины 100 ограблений кооперативов, почт и поездов. К сожалению, жертвами этой банды тоже оказались милиционеры.

Начиная с 1920 года, дурную славу заслужила банда Панаретова, в которую объединились 100 человек. Главарь этой преступной «артели» Панаретов начал свою криминальную деятельность в Киеве, а позже переметнулся в Москву. Поимку панаретовцев осложнило то, что они значительную часть своих уголовных вылазок совершали, выдавая себя за работников милиции. Предъявляя поддельные мандаты, одетые в форму стражей правопорядка лжемилиционеры под видом обысков устраивали грабежи в квартирах богатых нэпманов. Наряду с такими криминальными представлениями, алчные уголовники провернули 17 крупных афёр и организовали 3 фабрики по производству фальшивых денег, а ещё совершили множество вооружённых налётов: по сведениям из разных источников, десятки либо даже сотни таких преступлений. Этакая кипучая деятельность банды была пресечена органами милиции в 1924 году, и по данному неординарному уголовному делу расследование вёл Виктор Овчинников. Представшие перед судом, Панаретов и его ближайшие сподручные-налётчики были приговорены к высшей мере социальной защиты — смертной казни.

Во главе Отдела уголовного розыска

Продолжая и в дальнейшем добиваться заметных успехов в оперативной работе, в 1933 году Виктор Петрович возглавил столичный ОУР. Входивший в структуру городского УРКМ, коллектив сыщиков на практике доказывал, что ему под силу раскрывать самые сложные, запутанные преступления.

На счету руководителя ОУРа Овчинникова и его подчинённых — ликвидация, по известным данным, 210 шаек вооружённых грабителей.

Так, была разоблачена бандшайка в составе 8 человек, в которой верховодил Лейсеров. Они

Виктор Овчинников (второй слева в среднем ряду) с соратниками по работе в ВЧК-ОГПУ

«отметились» в криминальной хронике 3 убийствами, в том числе расправой над сотрудником милиции, а ещё совершили 8 вооружённых ограблений и 79 квартирных краж.

Была ликвидирована и банда из 38 участников, в которой главенствовали Шейкман и Карлов-Давыдов. Членов этой многочисленной преступной компании изобличили в совершении 8 убийств, 10 вооружённых ограблений и 50 краж со взломами из церквей.

Дерзко действовала в Московской области банда-шайка со «штатом» в 32 человека, в которой криминальными вожаками были Леонтьев и Давыдов. Преступники, чей бандитский разгул сумели пресечь сыщики, совершили 5 террористических актов, 2 убийства, 14 вооружённых налётов на лесничество, квартиры и «проезжих крестьян», а ещё, по казённой формулировке, — ряд вооружённых сопротивлений.

Банда из 8 человек, в которой на первый план выдвинулись братья Коряшкины и Терехов, успела до своего разгрома совершить 3 вооружённых ограбления с убийством и ранением фельдъегерей, 3 вооружённых угона автомашин, 2 покушения на ограбление музея и убийство сотрудника НКВД при вооружённом сопротивлении.

Некий Халоша был главарём в банде из 4 человек, которая до её нейтрализации совершила убийство и 12 вооружённых ограблений.

Благодаря проведённому сыщиками настойчивому розыску, перестала существовать и банда в количестве 14 человек, предводителями в которой являлись Наркизов и Солтанов. Наряду с налётами (с использованием оружия), эти бандиты были повинны в 2 разоружениях милиционеров на посту и ряде вооружённых сопротивлений с 2 убийствами.

В списке успехов столичного ОУРа, во главе которого стоял Виктор Овчинников, — выявление и раскрытие ряда убийств шофёров такси. Жертвы этих преступлений погибли от рук бандитов-грабителей.

Орден за «мелекесское дело»

Особо следует выделить, что Виктор Овчинников превосходно проявил себя при изобличении фигурантов «мелекесского дела», которое в декабре 1936 года было раскрыто на волжской земле выездной бригадой ОУР УРКМ г. Москвы. Тогда во время служебной командировки в город Мелекесс (ныне — г. Димитровград Ульяновской области) эта спецбригада из лучших оперработников во главе с начальником столичного угрозыска всего за три дня вычислила бандитов Розова, Федотова и Ещеркина, зверски убивших с целью ограбления именитую учительницу Марию Владимировну Пронину — делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, являвшейся ещё и членом его Редакционной комиссии.

Называвший себя «царём Мелекесса» Розов, зарезавший Пронину, был уличён ещё в одном убийстве.

В газете «На боевом посту» в № 1 за 4 января 1937 года опубликована статья начальника Отдела уголовного розыска УРКМ города Москвы майора милиции Виктора Овчинникова «Образец чёткости и оперативности». В этой публикации, имеющей подзаголовок «Раскрытие мелекесского дела», автор — руководитель ОУРа — сообщил подробности о проделанной московскими сотрудниками оперативной работе во время командировки в Поволжье.

За умелую организацию и непосредственное участие в раскрытии «мелекесского дела» Виктор Петрович Овчинников, как и другие отличившиеся в командировке представители московской милиции, в 1937 году был награждён — удостоен ордена Красной Звезды.

Посмертная реабилитация — «за отсутствием состава преступления»

Остаётся лишь горько сожалеть, что дальнейшая судьба заместителя начальника УРКМ города Москвы — начальника Отдела уголовного розыска Виктора Овчинникова оказалась крайне драматичной. Его в конце лета тридцать восьмого (согласно приказу НКВД СССР от 27 августа 1938 года /№ 1499/) скоропалительно уволили из органов милиции, а затем по надуманным обвинениям расстреляли.

В выполненной на бланке официальной справке, которая под № 4н-0241/57 подписана 19 марта 1957 года заместителем председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР полковником юстиции П. Лихачёвым, указано в соответствии с требованиями формы № 30:

«Дело по обвинению ОВЧИННИКОВА Виктора Петровича пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 марта 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 2 марта 1939 года в отношении ОВЧИННИКОВА В.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ОВЧИННИКОВ В.П. реабилитирован посмертно».

Таким образом, лишь спустя около двух десятилетий после горестного события, случившегося в начале весны тридцать девятого года, семье В.П. Овчинникова после его реабилитации оформили пенсию.

Справка о посмертной реабилитации В.П. Овчинникова

Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

«19» марта 7 195 г.
№ 4н-0241/57
Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ОВЧИННИКОВА Виктора Петровича пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 марта 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 2 марта 1939 года в отношении ОВЧИННИКОВА В.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ОВЧИННИКОВ В.П. реабилитирован посмертно.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/П. ЛИХАЧЕВ/

ВН

Из воспоминаний Татьяны Наумовой:

«Миновало много лет со дня трагической гибели Виктора Петровича Овчинникова. Уже нет в живых тех, кто лично знал Виктора Петровича, и я осталась последней, кто знал его родных и друзей. <...> Моя тётя Валя до конца жизни сохранила ясность ума, и я успела уточнить некоторые подробности биографии её отца [и моего деда], а также она передала мне некоторые семейные архивы.

...Если бы были какие-то неясности [в отношении него], то вряд ли бы В.П. Овчинников был отмечен <...> высокими наградами того времени...

А вот насчёт 1921—1923 годов я могу рассказать подробно со слов моей бабушки Глафиры Георгиевны Овчинниковой. Всё дело в том, что моя бабушка и Виктор Петрович познакомились как раз в том поезде, который их вёз из Москвы в Ташкент. Моя бабушка с пятилетней дочерью (моей мамой) ехала к родным после того, как похоронила своего первого мужа, который был мобилизован в Красную армию (он был врачом) и умер от тифа под Новочеркасском. Виктор Петрович ехал в Ташкент, куда был мобилизован ЦК РКП(б) для работы с 1921 по 1923 год.

...Моя бабушка (её девичья фамилия Заварзина, а по первому мужу Скудина) окончила в Ташкенте гимназию и вернулась в Москву, где училась на медицинских курсах, а потом работала в частном роддоме. <...>

Поженились моя бабушка и Виктор Петрович 15 августа 1922 г. (свидетельство о браке сохранилось), а 22 сентября 1923 г. родилась у них дочь Валентина, потом в 1933 г. родился сын Юрий. Мою маму Нину Викторовну Овчинникову (по мужу — Наумову) Виктор Петрович удочерил. <..>

Моя мама, которая родилась 25 октября 1917 г., очень хорошо запомнила то время. Ей был 21 год, когда арестовали отца. Её выгнали с 3-го курса института иностранных языков, а не арестовали только потому, что она была приёмной дочерью, хотя её привозили на Лубянку и допрашивали. Натерпелась она страху на всю жизнь. Бабушку не арестовали, т.к. её парализовало. Об этом мне рассказывала мама, а бабушка про это ничего не рассказывала, хотя я её об этом расспрашивала.

...У бабушки на руках остались 15-летняя дочь и 6-летний сын. После ареста В.П. Овчинникова её с детьми переселили в коммунальную квартиру на Страстном бульваре, д. 7 <...>. Дочери [Виктора Петровича] вышли замуж, сын женился, появились мы, внуки; и все вместе жили в этой квартире, пока со временем не разъехались. <...>

Так вот, вернёмся к 20-м годам прошлого века, а именно <...> [к фигурирующему в обвинении эпизоду: в частности, якобы передаче 30 долларов на польской границе в 1922 г. Виктором Овчинниковым будто бы для соучастника в шпионаже]. Всё это напоминает о 30 сребрениках Иуды... Прямо анекдот, не смогли придумать какую-нибудь другую сумму, стыдно даже писать об этом. А самое интересное, что когда бабушка с дедом поженились, у них даже не было денег купить для их новорождённой дочери кроватку, она [малышка] у них спала в корыте. Так что 30 долларов — это что-то запредельное. <...>

Страшные были времена, а рассуждать и, тем более, судить с позиций наших дней сложно и неправильно. <...>

Но жизнь продолжается... У Виктора Петровича родных 5 правнуков и 7 праправнуков. <...>

Умерла моя бабушка Глафира Георгиевна 30 октября 1984 г., на 94-м году жизни. Хоронить помогали сотрудники МУРа. Они выхлопотали место на Пятницком кладбище. Большая им благодарность за оказанную помощь!

Отпевали бабушку в церкви, которая находится в Брюсовом переулке (это недалеко от Страстного бульвара), куда она ходила молиться и брала с собой меня и моего двоюродного брата Витю. Там же мы заочно отпели Виктора Петровича, нам дали землю,

Глафира Георгиевна Заварзина (в замужестве — Овчинникова)

которую мы положили в бабушкину могилу. Теперь они вместе, и есть место, где можно их навестить и поклониться. В этой же могиле похоронили их дочь Валентину Викторовну Иванову (Овчинникову), которая умерла 17 апреля 2018 г., на 95-м году жизни...».

И жизнь, и работа, и память

В беседе с корреспондентом газеты «Петровка, 38» Татьяна Васильевна вспомнила, что ей рассказывала бабушка о своём супруге:

— Глафира Георгиевна говорила, что когда Виктор Петрович боролся с бандитизмом, то она всегда переживала: вернётся ли муж домой живым и невредимым со своей опасной работы или же, не приведи Господи, пострадает либо и вовсе погибнет от рук преступников... Однажды они вдвоём зашли в московский ресторан, куда затем вдруг заявилась вооружённая шайка. Согнав всех посетителей к стенке и заставив их поднять вверх руки, преступники приступили к грабежу: отобрали у своих жертв деньги, а у дам ещё и все драгоценности поснимали. Правда, у Глафиры Георгиевны не было никаких ювелирных изделий. После того как налётчики скрылись, Виктор Петрович шепнул ей кличку одного из уголовников и сказал, что, мол, завтра мы, оперативники, будем «брать» этого бандита. К слову, глава семьи заставил Глафиру Георгиевну, чтобы она сдала своё кое-какое золотишко в Торгсин *(советская организация, которая обслуживала гостей из-за рубежа и наших граждан, имевших валютные ценности. — А.Т.):* дескать, у жены большевика не должно быть никаких таких украшений. А как-то Глафира Георгиевна сшила у нэпманов единственное своё красивое платье с баской и изящной вышивкой, и тут Виктор Петрович устроил супруге форменный разнос: мол, какое ты имела право ходить к нэпманам, ведь мне, может, завтра придётся их арестовывать... В общем, моя бабушка из-за таких «привилегий» одевалась совсем просто, как все вокруг. Знаю от неё самой, что они с мужем любили животных, и в их московской квартире обитали овчарка и кот Пушок. А ещё Виктор Петрович с видимой охотой мастерил, и до нынешней поры сохранились сделанные его руками деревянный шкафчик и настенная полочка. Как одному из руководителей столичной милиции, Виктору Овчинникову предоставили в подмосковной Малаховке казённую дачу, где он прописал двух сестёр свой жены. Потомкам одной из них эта дача принадлежит и сейчас. Жизнь Виктора Петровича — это доблестное служение родному государству! Однако он был необоснованно репрессирован и после расстрела погребён в общей могиле на Даниловском кладбище в Москве. Но о месте последнего упокоения Виктора Петровича Овчинникова мы узнали уже после того, как его, с соблюдением православного обычая, заочно похоронили в семейной могиле на столичном Пятницком кладбище.

* * *

Портрет Виктора Петровича Овчинникова занимает своё достойное место в Галерее начальников МУРа, которая относительно недавно открыта на знаменитой Петровке, 38. Некоторые документальные материалы об этом замечательном человеке своей эпохи, оперативнике-орденоносце из плеяды легендарных муровцев, включены в постоянную экспозицию Музея истории Московского уголовного розыска.

Александр ТАРАСОВ,
фото Николая ГОРБИКОВА,
из фондов Музея истории МУРа
и из личного архива Татьяны НАУМОВОЙ

Кавалеры советской Золотой Звезды

На основании Постановления Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР от 16 апреля 1934 года в нашей стране была установлена высшая степень отличия — учреждено звание Героя Советского Союза.

Первоначально Героям Советского Союза вручали только Грамоту ЦИК СССР. А спустя несколько лет, когда уже насчитывалось 122 Героя, приняли решение о создании отличительного знака для них.

1 августа 1939 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали «Герой Советского Союза». В соответствии с изменениями от 16 октября 1939 года в статьи 2—4 названного августовского Указа, данный знак особого отличия стал официально именоваться медалью «Золотая Звезда».

Будучи по своему статуту главной наградой советской державы, изготавливавшаяся из золота 950-й пробы медаль представляет собой пятиконечную звезду с гладкими двугранными лучами на лицевой стороне. А на оборотной стороне Золотой Звезды имеются: нанесённая в центре выпуклыми буквами надпись «Герой СССР» и находящийся в верхнем луче порядковый номер награды.

Впервые звание Героя Советского Союза было присвоено 20 апреля 1934 года семерым лётчикам — Михаилу Васильевичу Водопьянову, Ивану Васильевичу Доронину, Николаю Петровичу Каманину, Сигизмунду Александровичу Леваневскому, Анатолию Васильевичу Ляпидевскому, Василию Сергеевичу Молокову и Маврикию Трофимовичу Слепнёву, отмеченных за спасение участников полярной экспедиции и членов экипажа ледокола «Челюскин».

31 декабря 1936 года состоялось первое присвоение звания Героя Советского Союза за совершение воинских подвигов. На этот раз столь высоко оценили боевую доблесть одиннадцати советских командиров — отважных лётчиков, являвшихся участниками начавшейся в Испании гражданской войны. Всего же за время этой войны (1936 — 1939 годы) звание Героя Советского Союза получили пятьдесят девять наших военнослужащих, сражавшихся в Испании на стороне республиканцев.

25 октября 1938 года звания Героя Советского Союза удостоились двадцать шесть военнослужащих, участвовавших в разгроме японских войск в районе озера Хасан. Причём впервые были отмечены не только командиры, но и четверо красноармейцев.

Всем, кто до 16 октября 1939 года удостоился звания Героя, вручили вновь учреждённый знак особого отличия. 4 ноября состоялось торжественное вручение медали «Золотая Звезда» под порядковым

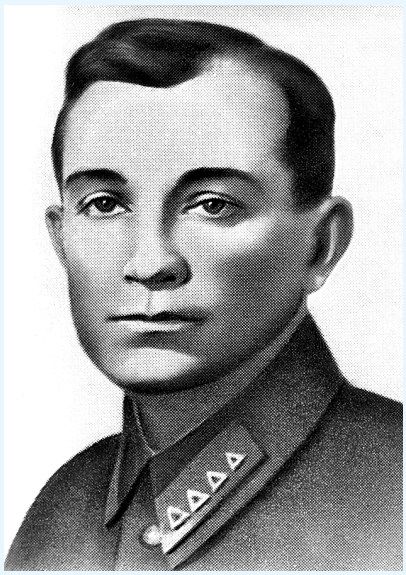
Иван Ильиных

Иван Крайнов

Дмитрий Шурпенко

Андрей Тряскин

Пётр Грошенков



Иван Кирик

№ 1 Герою Советского Союза лётчику Анатолию Ляпидевскому.

В целом, в 1939 — 1940 годах Золотая Звезда была вручена свыше 600 раз. Наряду с проявившими героизм в «испанской миссии» и при разгроме японских агрессоров в районе озера Хасан и у реки Халхин-Гол, медалью были награждены и особо отличившиеся во время советско-финляндской (советско-финской) войны 1939—1940 годов.

Непосредственно за годы Великой Отечественной войны было произведено 11 144 награждения медалью «Золотая Звезда». А за всю историю награждений данную медаль получили 12 766 человек, в том числе: 26 Героев Советского Союза — это награждённые за подвиги во время Корейской войны 1950—1953 годов; 86 кавалеров Золотой Звезды — участники интернациональной миссии в Афганистане в 1979—1989 годах.

Последним, кто удостоился советской медали «Золотая Звезда», стал 24 декабря 1991 года младший научный сотрудник — водолазный специалист капитан 3-го ранга Леонид Михайлович Солодков. Он звание Героя заслужил за участие в водолазном эксперименте, имитировавшем длительную работу под водой — на глубине 500 метров.

Следует уточнить, что известны несколько вариантов изготовления советской медали «Золотая Звезда», и в их числе с имевшимися на реверсе: римской цифрой II и номером (для награждения дважды Героев Советского Союза); с римской цифрой III и номером (для награждения трижды Героев Советского Союза); с римской цифрой IV и номером (для награждения четырежды Героев Советского Союза). Четыре медали «Золотая Звезда» были вручены Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. По три медали «Золотая Звезда» получили: маршалы авиации

Сергей Постевой

Пётр Алдуненков

Иван Жеребцов

Степан Зайцев

Сергей Бочаров

Иван Чиликин

Пётр Катухин

Александр Попрядухин

лётчики Александр Иванович Покрышкин и Иван Никитович Кожедуб, Маршал Советского Союза Семён Михайлович Будённый. Дважды были удостоены медали «Золотая Звезда» 154 человека, из них 115 отважных защитников Родины — за проявленные героизм и мужество в годы Великой Отечественной войны.

* * *

В списке сотрудников органов внутренних дел Москвы — четырнадцать Героев Советского Союза.

Двое из них, Иван Михайлович Ильиных (1914 — 1987; награждён 7 апреля 1940 г., медаль под № 400) и Иван Дмитриевич Крайнов (1911 — 1974; награждён 11 апреля 1940 г., медаль под № 388), проявили героизм в ходе советско-финляндской войны.

За подвиги, совершённые в период Великой Отечественной войны, удостоились звания Героя Советского Союза одиннадцать человек: Дмитрий Васильевич Шурпенко (1915 — 1943 /пропал без вести/; награждён 16 октября 1943 г.); Андрей Александрович Тряскин (1916 — 1992; награждён 17 октября 1943 г., медаль под № 1184); Пётр Павлович Грошенков (1920 — 2006; награждён 1 ноября 1943 г., медаль под № 3312); Иван Васильевич Кирик (1911 — 1943; посмертно награждён 15 января 1944 г.); Сергей Игнатьевич Постевой (1921 — 2000; награждён 13 сентября 1944 г., медаль под № 3497); Пётр Ефимович Алдуненков (1921 — 1995; награждён 21 февраля 1945 г., медаль под № 8029); Иван Кузьмич Жеребцов (1917 — 1995; награждён 24 марта 1945 г., медаль под № 5986); Степан Харитонович Зайцев (1918 — 1992; награждён 24 марта 1945 г., медаль под № 5376); Сергей Иванович Бочаров (1922 — 1983; награждён 10 апреля 1945 г., медаль под № 6027); Иван Петрович Чиликин (1914 — 1985; награждён 19 апреля 1945 г., медаль под № 6252) и Пётр Семёнович Катухин (1918 — 1990; награждён 15 мая 1946 г., медаль под № 9107).

Единственным сотрудником московской милиции, который в мирное время стал Героем Советского Союза, является Александр Иванович Попрядухин (1938 — 2013; награждён 19 декабря 1973 г., медаль под № 10741). Старший лейтенант милиции Александр Попрядухин (впоследствии — полковник милиции) героически действовал 2 ноября 1973 года в московском аэропорту «Внуково» при освобождении заложников — пассажиров и членов экипажа самолёта «Як-40» Гражданского воздушного флота СССР, захваченных преступниками-угонщиками.

Александр ТАРАСОВ,
фото из фондов Музея истории органов внутренних дел Москвы, архива автора и открытых источников

ОНИ ВСЕ НАГРАЖДЕНЫ ПОСМЕРТНО...
ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ
ЗВЕЗДА ГЕРОЯ СССР
ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА
ОРДЕН МУЖЕСТВА

ПРИСЯГА
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ МУЖЕСТВО И ДОБЛЕСТЬ МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ МИЛИЦИЯ НАГРАЖДЕНА
ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ДОСКА ПАМЯТИ
Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве

МУР
ИМЕННОЙ УКАЗ

Дорогие друзья!

В ваших руках — книга «Три века московской полиции», над которой коллектив редакции газеты «Петровка, 38» ГУ МВД России по городу Москве работал около двух лет. Впервые в одном издании мы попытались рассказать читателям о работе московской полиции с момента её создания до настоящего времени. Большая работа, проведённая в архивах, исторических музеях, на просторах интернета позволила нам получить уникальные сведения об истории становления правоохранительной системы Москвы, о руководителях, которые возглавляли московскую полицию в разные годы, о методах и результатах деятельности по охране общественного порядка. Наконец, мы узнали точную дату рождения нынешней газеты «Петровка, 38», нашли первый выпуск издания «Ведомости московской городской полиции», датированного 2 января 1848 года. Что интересно, газета выходила ежедневно, в том же формате, порой на 16 полосах. Таким образом, в 2023 году, когда будет отмечаться 100-летие «Петровки, 38», мы сможем со всей ответственностью говорить и о 175-летии со дня учреждения нашего полицейского издания.

Данная книга рассчитана на широкий круг читателя, поскольку прокладывает очередной «мостик» между взаимоотношениями полиции и гражданского общества. Материалы получены из первых уст, расположены в хронологическом порядке, в соответствии с историческим развитием органов внутренних дел столицы. Нам важно, чтобы граждане узнавали информацию о полиции не из «жёлтой прессы», где налицо множественные искажения действительной ситуации, а из-под пера полицейских журналистов-профессионалов.

В настоящее время газета «Петровка, 38» выходит не только в печатном формате. Её можно читать и на сайте издания, и во всех основных социальных сетях. Часть статей и очерков можно увидеть в видеоформате. Всё это позволило многократно увеличить читательскую аудиторию не только внутри страны, но и по всему миру.

Редакция газеты, являясь одним из подразделений московской полиции, была, есть и будет активным помощником правоохранительных органов в борьбе с преступностью, всегда будет поддерживать на информационном поле деятельность полицейских.

Уважаемые читатели! От всей души поздравляю вас с 300-летием московской полиции! Пусть знаменательная дата в жизни столицы ещё больше сплотит правоохранителей в деле охраны общественного порядка, чтобы наш прекрасный и любимый город был самым безопасным местом в мире.

Главный редактор газеты «Петровка, 38» ГУ МВД России по городу Москве
полковник милиции Александр ОБОЙДИХИН

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Баранов. Предисловие 3
Владимир Галайко. И каждый год как веха! 5
Эдуард Попов. На гребне реформ Петра Великого возник обер-полицмейстер. 6
Александр Тарасов. «Следил за соблюдением законов...» 8
Владимир Галайко. Статский советник Поздняков 10
Александр Тарасов. И генерал-полицмейстер, и губернатор. 13
Айрин Дашкова. Драматические перипетии эпохи в судьбе обер-полицмейстера Оболдуева. 14
Артём Кирпичёв. Бесславные проводы. 16
Сергей Вологодский. Достойный продолжатель славных дел. 17
Александр Данилкин. «И знающий по крайней мере российские законы человек». 19
Анна Шамонина. Два слова о Тарасе Ивановиче. 21
Маргарита Макеева. Театр начинается с... Толстого. 24
Владимир Галайко. Царица грозная, чума свалила полицмейстера. 25
Эдуард Попов. Легендарный Николай Петрович Архаров. 29
Александр Тарасов. «Преображение» лейб-гвардейца Бориса Островского. 31
Айрин Дашкова. «Недремлющее око» обер-полицмейстера Фёдора Толя. 33
Артём Кирпичёв. Герой двух войн и честный служака. 35
Алексей Белозёров. В поисках добронравия и порядка. 37
Александр Данилкин. «Он был ума бойкого и сметливого». 38
Сергей Осташев. ...И страсть хватать разбойников. 41
Анна Шамонина. Полиции Москвы новой быть. 44
Маргарита Макеева. За что бы ни брался — всё получалось. 46
Алексей Белозёров. Дважды обер-полицмейстер. 48
Сергей Осташев. Москва, спалённая пожаром... 50
Николай Рогачков. Слуга порядка. 53
Эдуард Попов. Александр Шульгин: пожарный-полицмейстер. 55
Владимир Галайко. Руководитель двух столиц. 57
Александр Тарасов. Из старинного дворянского рода. 60
Александр Данилкин. Быть жёстким, но делать добро. 62
Александр Тарасов. Его имя могло испугать грабителей. 64
Сергей Вологодский. Противник инакомыслия. 67
Айрин Дашкова. Летопись жизни обер-полицмейстера Кропоткина. 69
Анна Шамонина. «Потапёнок». 72
Маргарита Макеева. Боролся с бунтами и грабежами. 75
Владимир Галайко. Тесть Маннергейма «вожжи» не натягивал. 78
Александр Тарасов. Трижды обер-полицмейстер и генерал-губернатор. 80
Айрин Дашкова. Деловая репутация Евгения Осиповича. 83
Артём Кирпичёв. «Пример распорядительности и ловкости на поле боя». 84
Алексей Белозёров. «Полицейский эстет», печально завершивший карьеру. 86
Владимир Галайко. Таланты и полковники. 88
Сергей Вологодский. Личность государственного масштаба. 91
Александр Тарасов. Три месяца градоначальства, и — вся жизнь. 93
Александр Тарасов. Пал жертвой злодейского покушения. 97
Денис Крючков. Горячий декабрь 1905-го. 100

Сергей Осташев. Как? Хорошо быть генералом? 105
Александр Данилкин. Личным правилом было: не навреди. 112
Маргарита Макеева. «Всё отдавший России». 115
Артём Кирпичёв. Последний в строю градоначальников. 118
Александр Тарасов. Красный градоначальник 121
Владимир Галайко. «Держали так, что кровь выступала из-под ногтей» 124
Владимир Галайко. Безупречная честность! 125
Маргарита Макеева. На страже революционного порядка 127
Александр Данилкин. У руля в начале НЭПа 129
Анна Шамонина. «Неслыханно трудная полоса» 131
Владимир Галайко. Из расстрельного «сталинского списка» 133
Айрин Дашкова. Превратности судьбы Алексея Стельмаховича 135
Алим Джиганшин. Чиновник и поэт 137
Александр Тарасов. Пройдя путь испытаний и невзгод 138
Маргарита Макеева. Перекосы его судьбы 145
Александр Тарасов. «Медвежатник-тяжеловес» идёт ва-банк 147
Анна Шамонина. Судьба шедевров 150
Алексей Белозёров. Сын новой страны 151
Александр Тарасов. Красная Звезда Ивана Челядко 153
Анна Шамонина. Палач и жертва 156
Александр Тарасов. Знаток папиллярных узоров 158
Александр Данилкин. Заслуживает особой благодарности 162
Александр Тарасов. «Семейное дело» Лопуховых 164
Александр Тарасов. Солдаты Великой Отечественной — на новой передовой 168
Владимир Галайко. Школа диверсантов — «в/ч № 88» 171
Александр Тарасов. Врач с фронтовым опытом в рядах МУРа 174
Владимир Галайко. «Вор должен сидеть в тюрьме!» 177
Александр Тарасов. Эврика у баллистов-мастеров 180
Алим Джиганшин. «...И посетил Румынию» 183
Александр Тарасов. И в «оттепель» с руководителя — принципиальный спрос 185
Владимир Галайко. В тот самый год... 188
Маргарита Макеева. Милиционер и писатель 191
Александр Тарасов. Кровавые «гастроли» артиста 193
Владимир Галайко. Старое, но грозное оружие 196
Александр Лукашенко. Прототип литературного героя — муровец 198
Александр Данилкин. По характеру решительный 200
Александр Тарасов. Именные вымпелы — самым доблестным сотрудникам 202
Александр Тарасов. Филигранные реализации оперативника-фронтовика 205
Маргарита Макеева. Родом с Петровки 208
Алексей Белозёров. Делал, что должно 210
Александр Тарасов. Принял удар на себя 212
Айрин Дашкова, Денис Крючков. Дорога к незаурядности 214
Владимир Галайко. «Мой дом — моя крепость!» 218
Александр Данилкин. Генерал-лейтенант начинал с младшего лейтенанта 221
Владимир Галайко. Как путеводная звезда 223
Владимир Галайко. Дядя Стёпа, ставший генералом 228
Алексей Белозёров. Не в шахматы играть! 235
Сергей Осташев. Гражданин начальник 237
Сергей Дышев. Сыщики и карманники эпохи «дикого» рынка 245
Артём Кирпичёв. Борьба, на помосте и вне его 247
Александр Данилкин. Генерал-полковник начинал с рядового 249
Владимир Галайко. Восхождение на Петровку 252
Сергей Числяев. Судьбы своей хозяин 254
Ирина Волк. Владимир Колокольцев: «Любую угрозу столице воспринимаю как личный вызов» 256
Сергей Осташев. Результат профессиональной команды 259
Александр Тарасов. Из плеяды легендарных муровцев 260
Александр Тарасов. Кавалеры советской Золотой Звезды 267
Александр Обойдихин. Послесловие 273

Три века Московской полиции

Сборник материалов, посвящённых 300-летию Московской полиции

Редакционная коллегия:
Председатель А.Ю. Обойдихин — редактор
Заместители председателя: С.А. Осташев, С.С. Страдалов

Члены редколлегии:
А.Д. Тарасов, В.М. Галайко, А.Ф. Данилкин, А.Ф. Гололобов,
А.Г. Джиганшин, Э.Г. Попов, А.Ю. Дашкова, М.Е. Богачёва,
Д.П. Крючков

Составители:
С.А. Осташев, Т.Н. Конькова, Е.А. Рацева

Вёрстка:
В.И. Акимова

Корректоры:
К.К. Кальнин, Е.П. Горева

Компьютерный набор:
Т.Н. Конькова

Фотокорреспонденты:
А.В. Нестеров, Н.А. Горбиков, А.М. Кудрявцев

Выражаем искреннюю благодарность руководству ГУ МВД России по городу Москве и
Благотворительному фонду поддержки социальных программ «Петровка, 38»
за помощь в подготовке книги к изданию.

Тираж 1000 экз.